

Ginger Diary

Индия

Книга Странствий

Приключения девушки с рюкзаком,
фотокамерой и зеленым котом,
описанные в трех дневниках.

Благодарности

Издание книжки намного более простой процесс, чем мне казалось. Но все равно в нем приняло участие гигантское число людей, каждого из которых я бы хотела отметить отдельно.

Сначала я бы хотела поблагодарить свою маму, которая не только оставила мне в наследство гены журналиста, но и поддерживала во время всей поездки, комментируя фотографии в блоге. Благодаря ей я понимала, что иду правильной дорогой — это чувство осталось неизменным с самого детства «я всегда знала, что ты сумеешь», ее любимая фраза.

Невероятное спасибоще Элю, который героически, за неделю, вычитал и исправил текст. Благодаря ему вы никогда не узнаете, как чудовищно я говорю по-английски и насколько часто путаю «также» и «так же», йей!

Гигантская, невыразимая благодарность Нойзу, дизайнеру и умнице, который сверстал все эти сотни страниц, недовольно бурча на каждый не влезающий на место символ. Его вдохновение и вкус художника вылилось в стиль этой книги, а занудство помогло сделать все детали бесконечно аккуратно.

Огромная признательность Анастасии Горюновой, предельно своевременно вынырнувшей с предложением помочь с иллюстрациями в тот момент, когда я ломала голову над обложкой. Да, все картинки снаружи книжки принадлежат ее волшебному перу и планшету.

Спасибо книжному магазину «Гиперион» и лично Игорю Белому за то, что терпел все мои истерики и метания «давайте тираж 200, 500 страниц; ай, нет, лучше 500 тираж, 350 страниц, а кстати какой формат у книги?»

Спасибо Неллке из Калининграда за первый дивный пост — целый рассказ обо мне и моей книге, и за настойчивость, с которой она трясла для меня денег с друзей. Спасибо Дашке-с-Косичками (которая давно без косичек), за такую же работу — она тоже была во все колокола, но уже в Москве. Спасибо всем, кто делал перепосты и просто писал про меня — ребята, без вас едва ли собралась нужная сумма.

Спасибо рукодельнице Катерине из Питера, за то, что совершенно внезапно написала: «Если вы собиретесь куда-то еще ехать, я бы хотела сделать рукотворный блокнот для вас. Бесплатно. Чтобы они поездили по миру и зарядились этим волшебством».

Спасибо сообществу Gransjoy.com, доставка с путешественниками — за то, что предложили мне помочь с передачей книги или сувениров по России.

Спасибо новосибирскому издательству, которое хочет распространять мои книги на территории этого дивного города.

Спасибо незнакомому мне спонсору Максиму Малому из Евпатории, который вложил аж 12 000 рублей, благодаря этому моя вера в человечество резко возросла.

Ну и конечно, спасибо вам, за то, что добрались до этой книги и не только купили ее, но и нашли время прочитать!

*С нежностью
и любовью,
Росси.*

Содержимое

Вступительное, или как читать эту книгу.	9	12 ноября Mysore	112	20 декабря Udaipur.	212	24 января Puri	314
5 октября. Москва.	13	13 ноября Mysore	115	21 декабря Udaipur – Jeipur	218	26 января Puri – Bhubaneshwar – Gopalpur-on-see	319
9 октября. Москва.	13	14 ноября Mysore – Wayanad	118	22 декабря Jaipur	222	27 января Gopalpur.	323
10 октября Москва.	13	15 ноября Sultan Bathery.	121	23 декабря Jaipur	225	28 января Gopalpur.	327
13 октября Москва.	14	16 ноября Wayanad – Kozhikodè	124	24 декабря Agra.	227	29 января Gopalpur.	335
15 октября Москва.	14	17 ноября Kozhikodè – Calicut	127	26 декабря Agra	228	31 января Chennai	340
16 октября На старте	15	18 ноября Fort Becal	129	26 декабря Delhi	232	1 февраля Chennai	344
17 октября Thiruvananthapuram	18	19 ноября Mangalore	132	27 декабря Airport Delhi	233	2 февраля Chennai	351
18 октября Thiruvananthapuram	19	20 ноября Mangalore	134	28 декабря Nepal. Kathmandu	234	3 февраля Chennai	360
19 октября Eanchakkal	23	21 ноября Mangalore	135	29 декабря Kathmandu	236	3 февраля Colombo, Sri Lanka.	362
20 октября Eanchakkal – Amritaphuri	28	22 ноября Mangalore – Udupi	137	30 декабря Kathmandu	238	4 февраля Colombo	365
21 октября Второй день в ашраме	31	23 ноября Udupi	140	31 декабря Kathmandu	242	5 февраля Colombo – Kalpitija	369
22 октября Третий день в ашраме	38	24 ноября Udupi	144	1 января Kathmandu	243	6 февраля Kalpitiya – Puttalam	374
23 октября Четвертый день в ашраме	42	25 ноября Udupi – Gokarna	145	2 января Kathmandu – Chitwan.	243	7 февраля Anuradhapur.	378
24 октября Пятый день в ашраме.	46	26 ноября Gokarna	148	3 января Chitwan – Sanowli	249	8 февраля Anuradhapura.	383
25 октября Шестой день в ашраме	49	28 ноября Margao	152	4 сентября Lucknow	252	9 февраля Vavuniya – Mannar.	388
26 октября Последний день в ашраме	50	29 ноября Margao – Panjim	154	6 января Lucknow	254	10 февраля Mannar.	391
27 октября Allepi – Cochin	53	30 ноября Panjim	157	7 января Lucknow – Allahabad	255	11 февраля Mannar – Jaffna.	394
28 октября Cochin – Ernakulam	55	1 декабря Panjim	162	8 января Allahabad	257	12 февраля Jaffna	398
29 октября Cochin – Kudanada – Munnar	58	2 декабря Panjim – Hubli – Hospet – Hampi.	166	9 января Allahabad	262	13 февраля Jaffna – Vavunia – Trincomalee	401
30 октября Munnar.	60	3 декабря Hospet – Hampi.	169	10 января Allahabad – Varanasi.	263	14 февраля Trinkomalee	405
31 октября Munnar.	66	4 декабря Hampi	173	11 января Varanasi	265	15 февраля Trincomalee – Batticola	406
1 ноября Munnar – Ooty	69	6 декабря Hampi	177	12 января Varanasi	266	16 февраля Batticaloa.	411
2 ноября Ooty.	75	8 декабря Hyderabad	185	13 января Varanasi	268	17 февраля Batticaloa – Polonnaruwa	414
3 ноября Ooty.	81	9 декабря Hyderabad	186	14 января Kolkata	271	18 февраля Polonnaruwa – Kandy	418
4 ноября Ooty – Coimbatore – Erod – Salem – Pondicherry	83	10 декабря Hyderabad	186	15 января Kolkata	273	19 февраля Kandy.	422
5 ноября Pondicherry	88	11 декабря Hyderabad	188	16 января Kolkata	275	20 февраля Kandy – Haputale.	426
6 ноября Pondicherry	91	12 декабря Aurangabad	190	17 января Kolkata	279	21 февраля Haputale	431
7 ноября Pondicherry – Mamallapuram	97	13 декабря Aurangabad – Daulatabad – Ellora.	191	18 января Bhubaneshwar.	283	22 февраля Haputale – Matala – Mirissa	438
9 ноября Mamallapuram	101	14 декабря Aurangabad – Shirdi	197	19 января Bhubaneshwar.	285	23 февраля Mirissa – Galle	439
9 ноября Mamallapuram – Kancheepuram	104	15 декабря Aurangabad – Nashik – Mumbai.	199	20 января Bhubaneshwar – Pipli – Konark – Bhubaneshwar	290	24 февраля Galle	443
10 ноября Bangalore.	107	16 декабря Ahmedabad	204	21 января Bhubaneshwar – Puri.	294	25 февраля Galle – Colombo	445
11 ноября Bangalore – Mysore.	110	17 декабря Ahmedabad. Gandhi Nagar.	206	22 января Puri	296	Послесловие, или немного серьезности	451
		18 декабря Ahmedabad – Udaipur	208	23 января Puri	302		
				23 января Puri	309		

Непал

Индия

Шри-Ланка

Вступительное, или как читать эту книгу

Друзья. Как я уже говорила, я решилась издать книгу такой, какая она была. Это не роман с цельным сюжетом и не путеводитель с удобной структурой. Это всего лишь дневник. Пусть отредактированный и набранный, но каждая буква его — это запись, сделанная прямо там, на месте. Поэтому не надо пытаться глотать дневник залпом. Лучше листать его по порядку, отслеживая путешествие в «реальном времени» (хоть и с отставанием в год). Сейчас будет осень, лучшее время для неторопливого чтения в уютном кресле...

Я разобрала фотографии по периодам пути. Если вам посчастливилось получить волшебную флешку со снимками, не пренебрегайте возможностью увидеть воочую описанные в книге сюжеты — для этого достаточно просмотреть папку, маркированную тем же названием, что и глава книги.

Внутри книги ориентироваться легко — никакой системы, кроме линейного следования датам. Правда, некоторые части текста успели выползти на поля, и это вжжж неспроста. Например, вам встретятся абзацы, помеченные значком (мы с Нойзом договорились считать, что это крутой перец). Они содержат информацию о всяком съедобном, местами даже с рецептом — хотя чаще с недоумением. Выноски с общекультурной информацией помечены по-дзенбуддийски — никак. А подписи к иллюстрациям обычно снабжены стрелочкой.

Уютного вам чтения!

Индия. Книга Странствий

Часть первая,

в которой внезапно становится тепло.

5 октября. Москва

Это будет чертовски длинная поездка...

9 октября. Москва

С сыном Славкой заходил Вася, немного сумасшедший географ-экскурсовод, случайно и незаметно для себя выучивший несколько языков в рабочих поездках (в какой-то момент друзья спросили его, откуда он знает шведский, на котором говорит со шведом уже минут десять без пауз, он страшно изумился — был уверен, что беседа идет на знакомом ему финском). Вася глянул на мой план поездки, дал тысячу советов по стране, в которой никогда не был. Славка мается в коридоре (Па-а-ап, ну пошли на монорельсе кататься!), а Вася в неспешной своей манере рассказывает: Банглор, силиконовая долина, центр шелкового производства, север, чайные провинции...

В итоге перерисовали мою карту — теперь я буду брести снизу вверх, обследую север и из надкалькутья поеду в Непал.

Идеальные туристические сандалии, оказывается, продаются в Декатлоне за тысячу рублей. Переобулась в новинку дома, чтобы разносить, и, спустя полчаса, забывшись, полезла в них на диван. Кажется, разносить их необязательно... Одно огорчение — цвет фиолетовый, другие кончились. Надеюсь на многодневную пыль, которая их равномерно выкрасит.

← Когда-то давно в Сербии я аккуратно отодрала наклейку от водосточной трубы — на первый взгляд банальная Hello Kitty оказалась при ближайшем рассмотрении Hello Shitty со шляпкой соответствующего цвета. Она положила начало моей коллекции стрит-арта. Оказалось, что в Москве картинок не меньше. Обратите внимание как-нибудь в центре, ведь все углы уклеены. Бывают весьма любопытные экземпляры...

10 октября. Москва

Дали визу! Двухкратную, полугодичную. Ура! Я смогу слетать куда-нибудь типа Шри-Ланки и вернуться! Надо почитать про способы добраться до

острова — вроде бы есть какие-то водные пути. И начинать строить планы на после Непала...

До последнего сомневалась, получится ли. Вроде бы все документы в порядке, да и я не имею проблем с законом — но каждый раз, входя на территорию посольства, чувствую себя партизаном-нелегалом. Кажется, что чиновники разглядят мою нищесловесно-неформальскую сущность и склонность творить странное, взглянут проницательным бюрократическим оком прямо в душу и откажут, поглумившись. Когда я уже привыкну, что люди не экстрасенсы, да еще и категорически нелюбопытны, так что в большинстве случаев знают о тебе лишь то, что ты сам о себе заявил?

13 октября. Москва

Теперь уже глупо не замечать, что осталось всего пару дней. Я заложила так много времени на отдых от московского бизнес-ритма перед поездкой, что сборы протекают совершенно нетравматично. Целых две недели после увольнения! Брожу по дому, занимаюсь обычными делами — уборкой, фотографиями, гостями — и иногда что-нибудь докладываю в коробку «с собой». Мелочами набила все карманы, обвесила рюкзак кружками, ножами и пенками, а внутри он пустой. Только свитер и фотоаппарат. Неужели с этим набором я смогу прожить?

Все как всегда — даже день рождения получился похожим не на редкое раз-в-годовичное событие, а на самые обычные посиделки, какие у нас случаются раз в три дня, без никакого повода. Только сейчас осознаю, какую подставу делаю друзьям — привычка ходить в этот дом сильна, а теперь на полгода придется забивать время иначе. Самые холодные и темные полгода...

Очень любопытное состояние души — все привычное общение происходит, будто сквозь стекло. Даже разговоры о чем-то еще недавно важном.словно я немного вру всем, притворяясь, что это моя жизнь. На самом деле — уже не моя.

15 октября. Москва

Теплый, уютный вечер, каких были десятки за эти уютные полгода. Арбуз на всех, курица, неспешные беседы — общие и попарно по интересам, не мешая друг другу. Это чудесное свойство Норы. Сколько бы ни пришло гостей, всем отыщется место — в гамаке или на балконе, на кухне, в «спальне» или рабочей зоне, перед компьютером или даже в ванной — главное, всем все равно уютно. Не верится, что уже завтра все это прервется и надолго...

16 октября. На старте

Мне всегда было интересно, что я стану делать, если не будет возможности отвлекаться на попутчиков — веселых, сумасшедших, взбудораженных предстоящим, замечательных моих друзей...

Я взяла немного еды и села наблюдать за жизнью страны, к которой не буду принадлежать целых полгода. Мне хорошо. Я волновалась, успею ли закончить работу, успею ли сделать визу, успею ли купить все нужное, успею ли в аэропорт... Я успела везде — мне некуда спешить. И нетерпеливое ожидание-предчувствие, которое охватывает на полете к незнакомой стране, еще не захватило. Так что «ворчи, кури, потягивай оранжад». Теперь моя жизнь принадлежит мне, как никогда раньше.

«Lonely Planet», мой бессменный компаньон, называет Тируванантampur провинциальным городком с извилистыми улочками; туристы катят через него в основном транзитом, не задерживаясь — в полутьсяче километров Керала, пляжи, йога, отели, сервис... Это же замечательно! То, что нужно — в первые дни прилета найти тихое местечко, окопаться, отлежаться, обвыкнуться и двинуть дальше.

Много мелких детей. И одиноких девушек, кстати. Удивительно симпатичных, самодостаточных и сосредоточенных. А вот парни предпочитают сбиваться в малопривлекательные гогочущие группки. Вылетающих в Индию действительно видно сразу.

Дождь, дождь, дождь. Ненавязчивая религиозная музыка. Самолет крошечный, уютный. Первый перелет всего четыре часа — меньше, чем до Питера поездом. Запах сухого кондиционированного воздуха накрепко связан с полетом. Мой пилот Жан Мартин... Ну же, давайте! Это последние кондиционеры и дожди на моем пути. Впереди пять месяцев жаркого лета... Я лечу сразу после окончания сезона дождей. Обещают полноводные реки, много водопадов и озер.

Лечу «Air Arabia», у них экраны выпадают рядом с кнопками управления светом, а записанную презентацию про спасательное

← Аэропорт мне всегда нравился своими огромными окнами. Будто ты уже в небе. Кресла в зале ожидания стоят вплотную к сизым тучам и рыжим деревьям.

Интересно, есть ли в Индии автостоп? Будет.

оборудование (на английском и арабском) проводят дети лет пяти. Офигенное решение! Наблюдать за непосредственными и эмоциональными детенышами (разных национальностей, судя по одеждам и цвету кожи) намного веселее.

Соседка — типичный посетитель Индии. Виски выбриты причудливым узором, руки в хне, на ногах «чертовы сапоги», с отделенным большим пальцем. Бегло и весело треплется со стюардами на английском. Дала ей поспать на мистере GreenCat, потом разговорились — попросила у нее мелких рупий, чтобы не менять деньги в аэропорту. Впервые зарабатываю сдачей подушки в аренду... Зато — уху! У меня есть индийские деньги!

В арабских эмиратах душная летняя ночь. Так не хочется снова нырять в кондиционированную сушь! За окнами что-то настоящее, чужое, странное живет и дышит, а тут — сплошной пластик, даже воздух мертвый...

Много девушек в пенджабах, сгрудившихся вместе с детьми на сидениях. Напоминают цыганок. Кто-то поет, все болтают вразнобой. Белый шум. У меня еще два часа. Мужчины, кстати, тоже напевают. Если остановить на ком-то взгляд, он начинает улыбаться и здоровается. Заглядывают в дневник: «Oh, very good!». Интересно, будет ли помогать вежливый игнор дальше, или меня сожрут, разорвав на части от любопытства?

Пока неприязненные опасения у меня вызывает только лысый русский парень с пропитым голосом, который пытался со мной скучно знакомиться, не обращая внимания ни на мое открытое недовольство, ни на свою спутницу. Говорят, в Шарже очень красивый аэропорт, жаль, что я не могу покинуть зону вылета...

Смогла выбраться из лабиринта «Duty Free» в зал ожидания с окнами. На далекую линию огней смотрела со вполне понятным чувством «Ебануться. Я одна в Эмиратах». Кругом мужчины и русские, женщины стали строже — в общем зале все лица полностью закрытые. Рисовать кого-либо не рискую. Интересно, как мусульмане относятся к туристам? Как к дикарям, не знающим правил? Все же незнание языка сильно стопорит. Надеюсь поднатореть в этой поездке, но пока включаюсь очень медленно — привычно мешает детский немецкий, а теперь еще и прошлогодний испанский лезет... Аня-соседка уже нашла себе новых англоязычных друзей и затерялась в толпе. По манере поведения и интонациям она очень похожа на Таню, которую мы встретили на Байкале. Тогда Таня возвращалась из полугодового одинокого путешествия по Азии и казалась мне человеком из принципиально иного мира. Я не верила, что это возможно в одиночку. И вот, где же я теперь? Хе-хе.

Круглолицый дядя, тихонько трогая струны ненастроенной электрогитары, напевает «Не морозь меня»; Аня за моей спиной допрашивает симпатич-

ного итальянца про Камбоджу (мне он тоже понравился, но у нее есть неоспоримое преимущество — она может с ним поговорить). Мужчины спят, завернувшись в сарунг; рядом изнывают темнокожие дети; понравившийся мне юноша бегает в отгороженную курилку (интересно было бы увидеть лица мусульман, если я вломлюсь следом и попрошу у него сигаретку); мухи, обычные, комнатные, настойчиво изучают мои ноги; рядом с гитаристом строился парень с губной гармошкой и «черного ворона» сменила какая-то печальная мелодия... Наверное, пора начинать испытывать одиночество и удаленность от родины?

Ух, как везде холодно! Чертовы признаки комфорта. Присмотрела себе в LP отличный домик неподалеку от центра города, недорогой, с садом. Обещают жесткие кровати и отсутствие комфорта за минимальную цену. А рядом — столь необходимый мне на чужбине почтовый офис. Уии! Мое!

Как же здорово, когда нечего заряжать и не над чем трястись. Но бумажный кирпич LP по городу все же таскать не стану, уж больно плечо оттягивает. Придется переводить бумагу, копируя самое необходимое. Выдирать листы из божественного справочника у меня не поднимется рука.

Прилетаю на рассвете. У меня есть 50₹ (это 25 рублей); должно хватить на добраться от аэропорта до города и позавтракать. Потом я отправлюсь искать свой дом, отдохну там, вымоюсь (холодной, очевидно, водой), и пойду назад в город, любоваться на форты и храмы. А наутро меня ждет зоопарк! Заодно проверю, насколько устаревает LP за два года. Музеи-то с фортами, поди, на месте, а вот едальни, гестхаусы и цены в них...

До вылета еще два часа. Кемарю. Приятно, что в какой-то момент все устают паяться друг на друга, и ты из экзотической птицы становишься обычной ожидающей среди других, равно скучающих и мерзнущих пассажиров...

Самолет. Абсолютно внезапно после объявления условий полета на английском и хинди я услышала: «Мальчишки и девчонки, а также их родители! Мне сказали, что на борту есть русские? Я из Сирии, и этот язык для меня не родной, но я постараюсь». А после прозвучало и вовсе невероятное: для русских гостей предлагалось сфотографироваться в кабине пилота! Я влетела в кабину третьей, посидела на кресле с приборами и получила размазанное пятно на сереньком фоне вместо снимка: слова «manual focus» сирийцу не помогли справиться с моей камерой. Зато-о-о-о! Я сидела! В кресле пилота! Выскочила оттуда, перепутав «sorry» с «thank you».

Опять взлет! Это веселее, а главное — проще, чем мне когда-то казалось. Жду с трепетом таможни и получения багажа. Обещали давку, свалку и бюрократию.

Знакомьтесь, рупия. Одна индийская рупия на данный момент примерно равна половине рубля.

Часа в четыре утра нас опять разбудила громкая связь — на трех языках просили пристегнуться, чтобы пережить зону турбулентности. Не знаю уж, что там было на хинди, но по-русски сириец извинился за побудку, попросил не волноваться, а вспомнить стих «я тучка-тучка-тучка, я вовсе не медведь». Потрясающе!

17 октября. *Thiruvananthapuram*

Вопреки ожиданиям, проблем с багажом не было (хотя я за него не платила и опасалась, что жадные арабы вообще могут его не взять на борт). Все обошлось. Я вышла в город, и...

...Я думала, придется привыкать. К шуму, запахам, людям — зачастую неприятным. Но я влюбилась сразу. Без первого ледка недоверия. Никто ко мне особо не цеплялся, на реплики «No. Thank you. Bus» понимающе покивали и отвалились рикши. Мне же нравится... абсолютно все. Школьницы в ярких сари, мужчины в сарунгах, мешки волосатых корнеплодов в кузове (вблизи оказавшиеся кокосами). Белозубые улыбки на смуглых лицах. Старики — толстые, с огромными глазами, очень подвижные. Запах благовоний и гнилых фруктов, которым пропитано абсолютно все. Музыка из храмов и босоногие пилигримы.

В автобусе, реально набитом как метро, где вместе с людьми едут тазы и тюки с одеждой, впервые поторговалась. Отдала свои 50₹, а на вопрос о сдаче кондуктор отмахнулся. Я присмотрелась, сколько дают остальные, думаю: ну неет, это мой завтрак, не может тут столько проезд стоить! — дернула его еще пару раз. Местные девушки захихикали: «О, смотри, белая заметила, что ее обкрадывают!». Кондуктор побагровел, чертыхнулся отсыпал аж 40₹ обратно, буркнув: «Откуда это ты такая?» — «Из России!» — ответила, сияя, под бешеное веселье остальных попутчиков. Потом меня усадили на место таза, дав его в руки, и мы поехали дальше.

Я не пропаду тут. Я дома.

Ух! Вечер. Я так и не нашла заявленный отель, зато встретила на соседней улице другой. Похожий. Выспалась и отлично отдохнула на, как и обещано, жесткой лежанке. Горячая вода в таком климате не нужна, в холодную ныряешь с благодарностью. Правда, вместо шампуня я, к сожалению, купила себе на рынке микробаночку с прогорклым маслом для головы по ошибке. Самый солнечный пыл я проспала, по прохладному вечеру дошла до банкомата и разыскала скотч, чтобы вклеивать всякое в дневник. В общем, выполнила почти все квесты, сейчас доедаю последний — пункт «раздобыть местной еды» был

самым сложным, пожалуй. Было довольно трудно решиться зайти в кафе, но зато теперь у меня есть вполне съедобный веганский рис, почти без специй по местным меркам. И свежавыжатый сладкий апельсиновый сок на заправку.

Осталось два главных дела на сегодня: написать родным из интернет-кафе, отыскав предварительно оно, и найти обратную дорогу до хостела, где mr. GreenCat сиротливо лежит на жесткой кровати. Постельное белье, кстати, и впрямь было ужасным, хотя наволочка вполне сошла за полотенце, если не придирааться. Хорошо, что у меня есть спальник. Но какие же у них огромные порции! Я маленький огнедышащий дракончик. Пойду на улицу, уравниваю внутреннюю температуру со внешней.

Мой хостел после торга стоил 250 руб. за две ночи; отдельная, между прочим, келья! Пока я не испытываю особого одиночества, только усталость от того, что все приходится делать самой и не на кого переложить. И я рискую половину достопримечательностей слить из-за топографического кретинизма! Впрочем, на улочках без названий сам черт бы заплутал.

И отчего я все время бьюсь головой? То в столб бетонный (!) войду, то в угол собственного шкафа...

Проезжая часть считается пустой и годной для пересечения, если на ней нет автобусов и грузовиков. Байки и моторикиши не в счет — объедут. Просто выходишь на дорогу и равномерно ее переходишь.

Пью соки, не могу никак остановиться. Купила себе местную тунику, обываюсь. День определенно удался. Первый день в Индии!

18 октября. *Thiruvananthapuram*

Здесь длинные не только дни, но и ночи. Легла в семь, уж очень вымоталась во время перелета. Но просыпалась постоянно — от кучи разных звуков и непривычной температуры. У хозяина отеля оказались часы с боем, но к ним привыкаешь, а вот к воющему телеящику приспособиться оказалось труднее. Впрочем, с полуночи до шести утра человеческих голосов и гудков почти не слышать. По-настоящему спать захотела, только проснувшись в восемь по будильнику, так что поднялась уже ближе к полудню. Плеться по самой жаре, кляла себя на чем свет стоит: идея встать пораньше и прогуляться по холодку однозначно была слита.

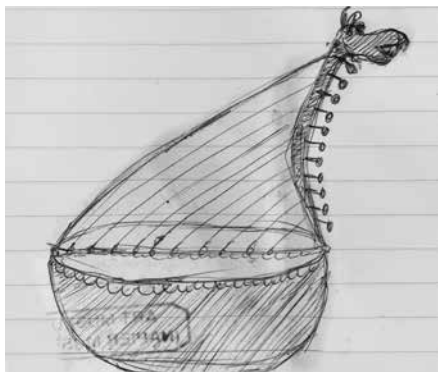
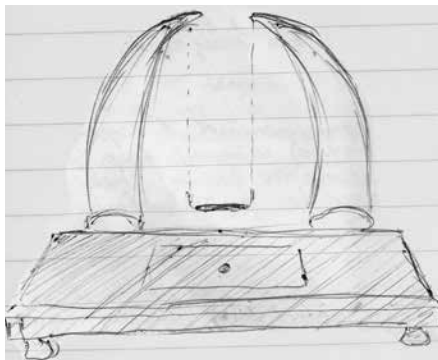
На жаре есть не хочется совсем, но взятые наобум *vada* оказались неплохими. Дошла до индийского кофехауса, в котором LP обещал незабываемое зрелище. Здание и правда впечатляет — бетонная башня, круглая в сечении, с винтовым скатом-проходом, уводящим на самый верх. Столы амфитеатром

Vada — пресные пирожки в форме пончика, довольно жирные, с вкраплениями лука или овощей. Подаются на завтрак или как добавка к основному блюду в обед. Одинокий *Vada* едят с белым кокосовым соусом, в составе обеда он выполняет функцию хлеба.

Настоящие бивни, торчащие из черной резной шкапулки. И фигурки, что сидят в обнимку на качелях между ними, держась за цепи свободными руками. Даже пытаться их рисовать не стану, просто поверьте, что это десять сантиметров совершенства, абсолютного торжества красоты и изящества. Кришна и Рада. →

Интересная смесь тамтама с арфой, выглядит, как причудливый корабль. Зовется *yazh* (язы?!), струн внезапно нечетное число — одиннадцать, и на бортах никакого узора. А на конце грифа — морда улыбчивого дракона. →

Неожиданно много китайских масок и фарфора, но аутентичные индийские тоже есть. →

стоят возле окон-бойниц, слегка нависая друг над другом. Я пришла туда сытая и не попробовала ничего, но цены и впрямь сохранились с древних времен. Кофе — 5 рублей, чай — 2 рубля, свежавыжатый сок ананаса — 8 рублей. Даже для Индии такие цены уже нонсенс.

К еде неизменно подается графин с водой (как правило, его ставят на стол еще до начала трапезы). Вода неприятная на вкус, судя по всему, фильтрованная водопроводная (надеюсь, что фильтрованная), я предпочитаю покупную. Хотя вот завтрак мне обошелся в 25 рублей, а купленная бутилированная вода — в десять. Когда с меня впервые взяли аж 20₹ за поллитра, я подумала, что меня обсчитали. Но нет, это обычная цена. Теперь я знаю, на чем разорюсь — в день уходит около двух литров, а небутилированную мне запретили пить даже самые фрикобразные из друзей...

А у статных усатых официантов в Кофехаусе за тюрбан (белый, конечно) заткнут веер. Цветной. Из бумаги. Красиво, и небось что-нибудь значит... У всех же разные. У моего вот фиолетовый. Ну все, внутри плещется кофе, пора нырять в жару.

Сеть этих кофеен и впрямь распространена, встречаю уже

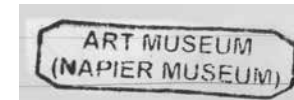
третий. И — тадам! — удалось отыскать направление на зоопарк! По дороге туда обнаружилась галерея искусств, большое зарешеченное здание перед фонтаном. Громадный зал и пара галерей над ним, деревянная крыша, стропила с резьбой... Я решила не пропускать. Фотографировать нельзя, зато прохладно, и никто не запрещал рисовать, так что сейчас будет серия безруких статуй. Пока сидела на полу, набрасывая в блокнот бодрого деревянного воина, возле меня собралась стайка разглядывающих детей. Я их понимаю — живая белая на полу с блокнотом интереснее камней и деревяшек.

Брожу из зала в зал, не спеша, разглядывая стенды и витрины. Очень тонкая резьба по темному дереву и белоснежной слоновой кости. Тончайшие линии придают фигурам абсолютно живое выражение. Поразил резной cardholder — какой это век? У них уже тогда были визитки?!

В колеснице выше моего роста внезапно светится более светлый кусок — их реставрирую! Остались умельцы? Помню, что меня так же порадовали вазы с мозаикой в парке Горького — очевидно новые, но сделанные с душой. Ура, наш пластиковый мир способен не только хранить следы прошлого великолепия, но и делать что-то новое!

Посетителей в музее не так уж и мало. Вход на недоступные для посетителей галереи перекрывают громоздкие экспонаты — тонкий намек тем, кто не умеет читать запрещающие надписи.

Интересно, в каких районах мне надо побывать, чтобы испытать традиционной индийской навязчивости? Пока таксисты ведут себя вежливее, чем вьетнамские — пару раз в день натываются на меня, стоящую с потерянным видом, спрашивают, не нужна ли мне помощь, и моментально теряют интерес, получив отказ. В музее одна девушка вежливо похвалила мой рисунок, глянув через плечо, а маленькая девочка солидно спросила, откуда я.

← Все фигурки нереально живые, даже те, что застыли в традиционных религиозных позах. И выражение лиц лукавое: мол, ты закончил, скульптор? Ну, я пошел тогда...

На улице так тепло, так ласково под солнцем, что хочется улыбаться и скакать. Хотя, конечно, жара круглые сутки выматывает, но намного меньше, чем такой же круглосуточный холод.

А вот и зоопарк! Животным здесь лучше, чем посетителям — у них масса места, так что они вполне могут забиться в глубину вольера и не показываться. Зрителям остается только цокать и стучать по клетке. Судя по ветру и грому, в небе собирается гроза — вот это было бы кстати! В меня ударились огромная, с ладонь, черная бабочка, не сумев справиться с управлением. Вне экспозиций живность интереснее. Вон на баньяне шмыгают бурундуки, мало обращая внимание на шагающих рядом детей... Куда хочешь смотри! Я хочу везде, поэтому за час почти не продвинулась. Зонтики здесь, оказывается, используют не только от солнца, но и по прямому назначению.

Как же замечательно, когда в зоопарке не нужно имитировать тропики — достаточно просто запустить сад вокруг, и он обрастает свисающими лианами и фикусами с глянцевыми ладошками. Листья надо мной такие плотные, что нависший дождь не долетает до земли.

Какие же у них огромные семьи! Мне кажется, средний индус на входе может проходить по школьному тарифу: сто рупей за одного «учителя» и три десятка его «студентов». Такой тариф есть во всех музеях. Видимо, неспроста...

Чертовски внезапно смотрятся индианки в национальной одежде — и обычной кепке сверху! Все равно, конечно, изящные. Смуглые, с точеными чертами лица — статуэтки, а не девушки. Цветная ткань, в которую они заворачиваются, только подчеркивает благородство очертаний. Неудивительно, что их мужчины умеют так здорово резать по кости, если умеют делать такое из плоти...

Чуть-чуть опоздала, чтобы лицезреть носорожий перед. Он почесал асфальтовые шорты о дерево и величественно утопал к себе. Я гладила одну такую пупырчатую зверюгу в зоопарке Калининграда — пробить броню на теле невозможно даже с ноги, но подмышки с нежной кожей он подставлял весьма охотно, привалившись к решетке. Это не было опасно — чтобы в небольшом зимнем вольере развернуть такую тушу понадобилось бы значительно больше времени, чем чтобы выдернуть руку из теплых колючих складок.

В загоне у лежащего, как тряпочка, леопарда — большой волосатый кокос. Невольно посочувствовала бедняге — небось, гоняет его лапой по ночам, когда нет этих галдящих несносных детей, орущих «киса-киса-киса!» и изображаю-

щих «львиный рык», больше всего напоминающий храп. У леопарда маленькая клетка и далеко от зрителей не уйдешь.

На всех рикшах написано, что Иисус меня любит. Решила проверить, поймала одного, легко махнув рукой (подивилась в процессе, что подбехал и вправду лишь один экипаж). Машины здесь трехколесные, напоминающие по форме крытую тачку: сидение для двух пассажиров, багажное отделение с одной полкой за ними и одноместное кресло водителя с рулем, как у мотоцикла. Сверху обычно натянута кожистая крыша, лобовое стекло выглядит вполне обычно... Пока еду, ветер сушит страницы и волосы. Секретариат, находящийся неподалеку от моего дома, отлично подошел в качестве ориентира. Иду в интернет-кафе, щупать пуповину связи с родными. Внезапно стало так важно рассказывать им о себе, хотя бы пару снимков послать, убедиться, что мне не чудится вся эта экзотика вокруг...

До чего же у них вкусные духи — что у мужчин, что у женщин! Благовоения, какие-то притирания для кожи — а в итоге человек целиком пахнет так, что можно с ума сойти. А еще пол они моют, судя по запаху, чем-то аюрведическим. Запах смолы, какого-то хвойного дерева... Интересно, как служащий отнесется, если я попрошусь вымыть голову в этом ведре? Тоже хочу так пахнуть!

Иногда мне становится стыдно, что в такой милой стране я ношу нож за поясом. Кажется, индуса можно напугать и авторучкой. С другой стороны — мы мирный народец, но наш броненосец... О! Моя лапша. Пойду одраконюсь.

19 октября. Eanchakkal

На станции мне сказали, что прямых автобусов до Коллама отсюда нет, и посадили на трогательный N666 до ничего не говорящего мне Еанчакалла, где нужно будет сменить транспорт. Поскольку мне все равно, куда ехать, я не стала сопротивляться. Даже в Колламе, судя по LP, меня не ждет ничего особо любопытного; ну, я уже смирилась с тем, что я певец окраин и затерянных уголков. Надо хоть помойки живописнее выбрать, что ли...

Выдали билет, цена мне не понравилась — LP устарел вдвое. Зато шикарная музыка! Абсолютно серьезно. Индийское кантри, оу! Я определенно люблю ездить по утрам. Малолюдно и нежарко. Мы давно выехали за пределы моей карты городского центра, и я с изумлением узнала, что город там не кончается. И даже не становится менее густым. Просто тянется, как кисель — равномерно. И мы все время поворачиваем — иногда кажется, что после стольких поворотов мы должны были давно уже вернуться обратно на станцию East Fort.

Дальнобоя на трассе мало, вся дорога загружена моторикшами и автобусами. Зато какие они, местные грузовики! Раскрашенные, увешанные оберегами, гирляндами и фигурками, с принципиально не существующей боковой дверью...

У них тоже вдоль дорог торгуют дурацкими игрушками. Только продавец далеко не уходит, живет тут же — в неказистой палатке на обочине... О-о-о, рядом со мной села потрясающая девушка в розовых одеждах! Во Вьетнаме походная женская традиционная одежда называется Ао-зай и представляет собой длинную тунику, напоминающую больше платье, и строгие штаны под ними. Как правило, все это из однотонного шелка с вышивкой. Здесь же девочки носят своеобразный «костюм-тройку»: легкие широкие шаровары, туника едва ли до середины бедра и обязательный газовый шарф, лежащий складками на плечах. Все это вместе зовется Сальвар-Шамиз.

Деловитая девушка-кондуктор после остановки так строго указала мне на автобус до Коллама, что я не посмела ослушаться. Ехала на козырном месте, в хвосте, разложив на подстилку рюкзак, подсунув под голову кота. Выходящие периодически спрашивали, не хочу ли я занять их место, я одаривала их слегка замутненным от удовольствия взглядом: «чем ты еще можешь порадовать меня, смертный?» — и они отставали, осознав нелепость замены райского уголка на банальное сидение. Такие автобусы мне нравятся намного больше, чем пафосные кондиционированные. Хотя бы потому, что сюда затащить можно что угодно, хоть рюкзак, хоть набор тазов, хоть козу — никто не удивится. Кондуктор только наорет, что долго впикиваешься, и дернет за две веревочки — одну, чтобы захлопнуть дверь, другую, чтобы у водителя звякнул колокольчик «поехали!»

Но по расстоянию все не так весело. Я потратила три часа, чтобы преодолеть 50 км. Автостоп вряд ли окажется быстрее, к тому же при такой насыщенности дорог таксистами я замучаюсь махать «не тебя, не тебя!». Придется в скором времени осваивать железку.

В крупных кафе всегда есть family-загон, для девушек и женщин с детьми — уже привычно проталкиваюсь туда, чтобы поесть в одиночестве, без пересекающихся взглядов в моей тарелке. Кофе с молоком принесли в рюмке с микро-тазиком, все металлическое. Надо выливать из высокого стакана в тазик, чтобы напиток быстрее остывал.

Пока завтракала, увидела европейского вида парня с подносом. Оказался австралийцем. Провели светскую получасовую беседу, после чего распрощались без сожаления — ему в Дели, мне дальше по побережью.

На пляж оказалось не так легко выбраться. Черт побери, ну и понастроили! Как в Сочи. Хотя, возможно, меня просто не раз посылали не в ту сторону. Море. Черт. Правда ведь! Даже океан. Пляж конечно грязноват, мусор валяется

везде. И я вдруг поняла, почему местные не умеют плавать и боятся воды — было бы безумием купать тут ребенка. Прибой вылизывает длинные полосы на берегу, и в этих волнах, пожалуй, в одиночку не рискну окунуться даже я.

Забрела за постройкой, нашла уединенный уголок, положила сохнуть вымокшие штаны, оставшись в длинной тунике с разрезами по бокам. Конечно, первый же встречный индус принял мою белую задницу за манну небесную. Приставать всерьез он, конечно, не рискнул (особенно после того, как я недвусмысленно достала и положила рядом с собой нож), но уйти и бросить такую соблазнительную добычу тоже выше его сил. У нас обоих много времени, так что мы сидим и ждем, чье терпение лопнет раньше. А я еще поджидаю, пока высохнут штаны. Он стоит за правым плечом и гундосит что-то (видимо о том, какие кораллы сложит к моим ногам или что-то похабное про эти ноги). Хорошо, что он не говорит по-английски и я избавлена от необходимости отвечать. Его интерес чисто телесный и не замутнен всякими мелочами, вроде любопытства к моей стране и прочим глупостям. На нашу идиллию купились и начали выползать крабы. Какой все-таки мелодичный язык! Долго он, интересно, может в режиме монолога? Да, ночевать придется поближе к жилым домам, а то уединения не дождешься. Гм, судя по интонациям, он берет на жалость. Неужели в Индии все так плохо с сексом, что его нужно выпрашивать, как милостыню? Пора, пора в плантации, в духовные районы! Ну все же — как это несправедливо! Почему мужчинам можно пилигримствовать в одиночку, а нам нет? Еще один минус — все в песке. В черном. Жара, самые невыносимые часы; в ельнике неподалеку сральник, на пляже этот. Скис, но раз в пару минут все равно подбубнивает. Вокруг летают орлы, крабы зарываются в песок прямо у тебя под ногами... Вдали увидела подкрепление в виде еще трех рыбаков и сдалась, решила пройтись.

Возле поселка меня окружили дети, а после подтянулись и женщины. Скорчила им остатки самолетного шоколада, одарила специально взятыми для этой цели однокопеечными монетами — а меня за это утащили в местную школу. Название громкое, но на самом деле это просто сарайчик, где дети коротают часы, пока родители на работах. Пожилая учительница приготовила мне поесть, разбудила самых мелких (у них как раз закончился тихий

← Учительница Раджи написала свое и мое имена на хинди.

час) и продолжила урок. У нее был настолько строгий голос, что я поневоле нервничала, вдруг вызовут меня. А я и хинди-то не знаю... Впрочем, учительница вполне бескорыстно предоставила мне угол под послеобеденный сон и еду. Но в дверь часто заглядывали ее товарки, мамы сидящих детей; и они все время пытались извлечь из меня хоть какую-то пользу. Очевидно расстроившись после подсчетов, что одна подаренная им копейка это всего лишь 1/50 рупии, выпросили у меня еще 50 рублей как сувенир. А после одна обрадованно воскликнула — можно же еще попросить меня выслать сделанные с детей снимки!

Ну, кстати, почему нет. Они с такой гордостью показали два старых групповых снимка... Найти по дороге печать фото, отсюда быстрее будет в десятки раз...

Валялась в уголке, с планами, сытая, осоловевая от жары, когда одна из девочек вдруг, разглядев что-то на монетках, схватила меня за руку и потащила вон со словами «San George! San George!» — оказывается, св. Георгий у них весьма почитаем, и даже имеет свою часовню (оформленную в весьма современном стиле). Мои монетки со святым, протыкающим змея, оказались весьма кстати.

Как хорошо, что у них мало еды! А то вся была бы уже во мне. Их поражает, как я мало ем, а я просто дурею от жары. Интересно, турист, спящий до, после и во время допроса про семью, их сильно расстраивает?

А на ночь в этом сарае они оставить меня не могут. Жаль, учительница не смогла мне объяснить, почему спать на пляже «нельзя-нельзя-нельзя», придется проверить экспериментально. Попрощалась, пошла присматривать лодку на ночь. Их довольно много вокруг, но парочек, польстившихся на романтическую обстановку, тоже немало. С ума сойти, весь день на пляже — и ни разу не искупаться! Кто бы мне сказал в детстве... Но раздеваться тут это сумасшествие, я весь город собираю, а ходить в мокрой одежде не тянет ни днем, ни тем более ночью. Вокруг сплошные вороны, так и хочется дернуть рукой или ногой: отставить! Я живая!

На горизонте маячит маяк и бухта с кораблями. Ну не-е-ет, пара часов в одну сторону, чтобы прийти к рыбацкой деревне... Одна пара, лет тридцати, немного подмокла — волны коварны. Идут, хихикают — у него просвечивает мокрый вдрызг сарунг, а у нее из сумки льет. Все бы так реагировали на невзгоды. И уже снова идут к воде, вытащить ком водорослей. Ничему жизнь не учит.

Уже почти темно, а столько кораблей в море... и людей на берегу. Трудно белой самке бомжевать в одной из самых густонаселенных стран планеты... Но как же мне не хватает этого соленого ветра там, на континенте... придется

всю жизнь скитаться по морям теперь, что ли? Ну, не самое страшное пристрастие. Ходят же люди в туалет каждый день и ничего, живут как-то.

Черт, лодка отпадает — начался дождь. К тому же лодки стоят в центре вселенной по местным меркам, и заселение в нее прошло бы под бурные аплодисменты. Беседка, расположенная неподалеку от тропинки, оказалась занята — не одной мне хочется спать. Зато оттуда открылся прекрасный вид на заброшенную полицейскую будку. Похожий на башню с винтовой лестницей, пункт контроля въезжающих на пляж. Крадучись, почти по-пластунски я забралась внутрь, втянула за собой рюкзак (один бог ведает, сколько людей навсегда потеряли дар речи при виде этой операции) и окопалась. Запаниковал и, с трудом найдя окно, вылетел в ночь огромный птеродактиль с почти метровым размахом крыльев — матерая летучая лисица. Надеюсь, он еще вернется ночью и даст себя разглядеть, тем более, что далеко он не улетел, запутался в кроне ближайшего дерева и принялся там укоризненно шуметь.

А вот милый полицейский, принесший ключ, чтобы спрятать его в стропах, порадовал меньше. Отмахнулась от него с репликой вроде «ничего-ничего, не беспокойтесь, у меня все хорошо» и устроилась на ночь с разложенным спальником. Площадь, видная из окна, стремительно пустеет — солнце и азиаты выключаются одновременно. Страж порядка вернулся, повозился с ключами (я, вежливо сидя к нему спиной, раздумывала — сказать правду или что-нибудь соврать? Если выгонит, влезу через разбитое окно), не придумал, как начать диалог и опять вышел. Когда он зашел в третий раз, состоялся обмен репликами на трех языках с привлечением жестикуляции:

— Мадам, вы что, правда планируете тут остаться?

— Да, а есть проблемы?

— Э-э-э-э... Но вы же не будете в безопасности!

— А иначе мне придется ночевать на пляже. Тут же полицейский участок, кому придет в голову сюда ломиться?

— Ну, меня же ночью тут не будет! И мне нужно закрыть дверь!

— Отлично, закрывайте. Выйду через окно.

— Э-э-э-э...

В общем, я проспала несколько часов под опекой полиции, пока он, сидя на стуле неподалеку, отслеживал последние выезжающие с пляжа байки, а потом парень разбудил меня, пожелал доброй ночи и повесил замок. Спустя полчаса врубился адский ливень с грозой, и я в очередной раз порадовалась, что нашла альтернативу лодке.

Одно плохо — у меня было мало гекконов. Всего два, и те на потолке. А комаров тысячи. Запратала все в спальник, строю из ткани лабиринты, чтобы

Интересно, сказать индусу, что он потрясюще пахнет — не оскорбительно? С другой стороны, всем не наговориться.

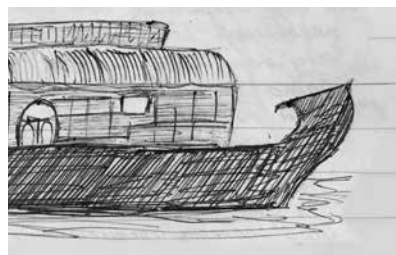
воздух проходил, а насекомые нет. Очень неприятно, что среднестатистический комар, как тот шарик, входит и выходит в нос. И обидно, что я ими не питаюсь — давно была бы сытая.

До утра часов пять, я опять выпалась. Лежу, считаю гекконов. Если вернуться с макушкой, начинает казаться, что над головой кто-то затаился и дышит. Придала пугающей фантазии вид умертвия с большими бельмами пустых глаз и лезвием в костлявой руке. Оно ожило, начало потихоньку навигаться с тихим «ы-ы-ы!» — тут я похихикала, заменила лезвие на смычок и указала призраку на виолончель, пристроив ее в углу. Посмеялась над его озадаченным видом, отвлеклась на комаров и мысль «куда бы деть руку, чтобы не затекала?» Умертвие оживилось, потянулось радостно, с характерным присвистом: «А ты отдай ее мне-е-е!» Цыкнула на зарвавшийся морок, указала ему на угол с инструментом. Призрак сник, побрел нудеть. А ничего местечко! Ливень, волны, виолончель. За окном огромная живность уныло хлопает кожистыми крыльями. Мокро ему там, бедному.

20 октября. Eanchakkal – Amritaphuri

Ночка была, признаем, не лишена шарма, но из-за комаров я чуть не рехнулась. Самое обидное, что если лечь рано, то как раз к полуночи высыпаться, и собачью вахту после этого стоишь, как пионер. То есть лежишь, в моем случае, отбиваясь от полчищ врагов. А потом, как раз около рассвета, накрывает такой сладкой истомой, наслаждением от того, что ночь прошла и можно еще поваляться... и просыпаться, конечно, все нафиг.

Моя радость и удивление дальнбойщиков были соразмеримы, когда я обнаружила у них на заправке «душ» (кран на уровне пола). Вся колонна сбежалась посмотреть, как белая госпожа урчит от удовольствия, покрывая пеной загривок и руки по локоть. Семь утра, а я уже мытая, сытая, с водой и даже знаю, куда прибывает мой паром!

Что-то у меня не так с кармой на эксклюзивные события. В самом сухом месте планеты (по данным википедии), чилийской пустыне Атакама, меня накрыло, помнится, непроходящим ливнем, переросшим в наводнение. А в Индии, где понос — традиционная болезнь туристов, меня, простите, обуяла пересталтическая жадность.

Иногда методом прозрения вдруг осознаешь, в какой роскоши живешь дома. После этого учишься пользоваться моментом. Попроситься в туалет в торговом центре, обнаружить закрывающуюся кабинку и сразу использовать ее по максимуму: переодеться, вымыться полностью и немного постираться. В Индии вообще хорошо с закрытыми охраняемыми территориями: белой госпоже нетрудно пройти, одним жестом остановив охрану, а плетеев туда нипочем не пустят.

На катере столкнулась со стайкой юных немок. Они самодостаточны, а мой зачаточный английский вызывает у них отвращение. Так что я снова одна в толпе, на вдрызг мокрой лоханке, вокруг беснуется под ливнем зеленая вода канала, а я «прогуливаюсь» к следующей точке — ашраму.

Меж тем не жарко. Поплыли, сейчас от меня отстанут хотя бы мухи. Хотя запах... гм, запах будет с нами. Этот бульон за бортом ароматизирует всю округу. Аллепи — Венеция на бульоне! Буду думать, что это живой океан Солярис, а вонючий, потому что злой.

По берегам перепархивают птицы, похожие на отъевшихся колибри. Меня клонит в сон от однообразия.

Перерыв на ланч, мы причалили к деревянной постройке — ресторан. Шведский стол с FixPrice (не самой маленькой за деревенские лакомства). Местные наворачивали чудовищные порции. Интересно, как столько риса размещается в таком некрупном теле? Я почему-то потеряла навык определения опасного на вид, так что свою порцию доесть не смогла, слишком острое.

← Все находились и оделись, многие спрятались на нижней палубе. Ветер, косой дождь, не особо летная погода. Мы вместе с самой стойкой и терпеливой немочкой фотографируем красоты.

← Лодкам приходится расталкивать целые острова из кувшинок.

Поела немного риса с кукурузными легкими лепешками-чипсами.

После еды выглянуло солнышко, стало уютно, все оживились. Мой набор одежды (легкие туника и штаны, теплое вязанное платье сверху) идеален.

Ого! Этот комплекс Обнимающей Матери — несколько небоскребов, а я-то рыскала взглядом по убогим хибарам на берегу, гадая, к какой из них меня причалят. У них есть свой хостел для пилигримов, аюрведическая клиника, огромный храм в центре и толпы молящихся со всего света. Если бы меня кто-нибудь ввел в курс дела...

Но ашрамы множатся, как грибы после дождя, и кому из них можно доверять, а кто был выстроен специально для тупых туристов, неясно.

В ЛР упоминается бесплатный паром, перевозящий жителей ашрама и соседней деревни друг к другу; теперь паром стал платным, а реку пересек огромный мост, ужасно высокий, пролетов на пять вверх. Чтобы корабли не застревали. Амма, основатель ашрама, выстроила его после цунами, чтобы не повторилась трагедия с нехваткой лодок спасающимся.

Обычный блоковый дом, к одному из торцов которого пристроили ситхский храм — сильное зрелище. Жаль, тут запрещено фотографировать. В холле ашрама распечатаны правила на одиннадцати языках — не заводить домашних животных и не устраивать оргии, не общаться с местными в деревне (чтобы не разрушать их быт), не задерживаться после десяти вечера, не отлынивать от добровольной работы, соблюдать распорядок дня... оу.

Расписание жизни в ашраме

4:50 — 6:00	арчаны, воспевание тысячи имен Святой Матери
6:30 — 7:30	медитация на пляже
9:00 — 10:00	завтрак
10:00 — 13:00	сева, добровольная работа на благо храма
13:00 — 14:00	обед
14:00 — 17:00	сева
17:30 — 18:30	медитация на пляже
18:30 — 20:00	Бхаджаны, вечерние песнопения
20:00 — 21:00	ужин
23:00	строгий отбой (с закрытием дверей общежитий)

Ешь, молись, люби, в общем. Но люби молча, потому что Брахмачария — традиция, запрещающая выражение чувств на людях даже семейным парам. А что. Было бы любопытно в это макнуться. Не с головой, конечно, а так, слегка...

До крайности легко мимикирую. К роли послушницы с опущенным долу взором, к блядской фурии с огненными волосами — к чему угодно. Где Я, хотелось бы мне знать? Мне одинаково комфортно во всех ипостасях.

Ура! Впервые за все путешествие хочу ЕСТЬ! Ужин через три часа, бесплатный. Уже в первые же дни пометила себе для памяти: не надо кусочничать. Откладывать местную еду «на потом» бесполезно — она быстро скукоживается и перестает быть съедобной, а потом начинаются муки выбора между уже нахапанным (и невкусным) или свежим и новым. Нетрудно догадаться, что побеждает.

Как же здорово пахнут и выглядят местные старики! Точеное, полированное черное дерево, пропитанное специями, аюрведой, с кучами мелких, уютных деталей — морщины и украшения дополняют друг друга, и ничто не кажется лишним. Как же неопытно выглядят белые в пожилом возрасте... Тут в лифте я порой сталкиваюсь и с теми, и с другими. «Наши» дедушки пахнут страхом смерти, и белесое пухлое тело смердит даже сквозь ядреный запах мыла.

21 октября. Второй день в ашраме

В общем, я записалась на неделю. Разрешила себе ходить босиком по всей территории — тут чисто, можно не так опасно осматривать каждый прокол и ушиб. Очень уж хочется почувствовать землю вживую, да и ссадинам от сандалий надо зарастить — мокрые ноги в песке и прогулка под рюкзаком с ними не пошла на пользу коже.

Меня поселили в одной комнате с неуловимой россиянкой (еще ни разу ее не видела) и довольно убежденной религиозной европейкой. На кровати обнаружил брошюру (на русском языке!) — наверняка Майя, в попытке предвосхитить мои вопросы и уменьшить количество взаимодействий. Я ее понимаю, сама сбежала от всех. Итак, я осознала про Амму следующее.

«Амма» — не имя, а скорее титул, в дословном переводе — «мать». Это живая женщина, благотворитель и духовный лидер. Она из довольно бедной семьи, стала известна благодаря истовому желанию помогать людям — в возрасте тинейджера была уже достаточно известна, чтобы вокруг нее собрался небольшой круг учеников, а после на пожертвования был выстроен первый ашрам (на

Рисовать по фотографии у меня никогда толком не получалось, несмотря на то, сколько десятков снимков Матери смотрят на меня в любой произвольно взятой точке этого благословенного острова. →

спустя секунду навешивая на него гирлянду и выпроваживая, чтобы освободил место новому... Не наш это способ взаимодействия с лидером. Домой иди, так и хочется крикнуть, близких обними! По режиму ашрама понятно, насколько людям приятно быть овцами. Ну что ж, побуду одной из них недельку.

На обед (а также завтрак и ужин) дают рис с водой и очень острой поджаркой, состоящей из специй, свеклы и моркови. Заодно к босохождению разрешила себе есть руками, как местные. В забегах страшно, общая антисанитария не располагает — а это очень приятно, словно у тебя второй язык вырос. Ощущаешь жидкое, горячее, колющее, тягучее... Все, кроме вкуса, в общем. Кстати, тут система мытья посуды восхитительно примитивная: из чана с сотней мисок выбираешь одну, встаешь в очередь, получаешь порцию, а после еды сам моешь и кидаешь в тот же чан.

Урок йоги окончательно убедил меня остаться. Я завязываюсь в такие узлы, о которых не подозревала; обнаружила, что у меня слабый пресс и что во многих неудобных позах я начинаю засыпать, стоит только расслабиться. Неудивительно, йога в семь, я иду туда прямо из постели, пропуская арчаны...

Лодочная переправа тоже сохранилась — для тех, кто идет с грузом и не хочет преодолевать высокий мост, например, или хочет сделать это быстрее. Сегодня снова солнце; я наслаждаюсь им всем телом — вообще всем наслаждаюсь, плавностью хода лодки по жирной воде, теплыми, чуть шершавыми досками под босыми ногами, звуками с берегов, видом самой воды — в двух сантиметрах от меня, глубокая, маслянистая... Лето. Лето — это жизнь!

Моя одежда меня разочаровала. Я пыталась сушить ее в комнате — и она вместо того, чтобы быть благодарной мне за стирку, сперва сохла больше су-

месте нынешнего шикарного комплекса). В нулевых годах она уже тратила тысячи долларов, помогая неимущим по всему миру; сегодня в год суммы, которые вкладываются от ее имени в разнообразные образовательные программы, достигают нескольких миллионов долларов. Это как «донорские» деньги, доставшиеся ее ашраму от паломников, так и гранты. Амма строит дома, дамбы, школы, университеты, питьевые скважины... Не грех поклониться такой женщине, пожалуй. Хотя ее «даршаны», где она обнимает нескончаемый поток нуждающихся... а приближенные ловко укладывают голову очередного претендента ей на плечо,

ток, а потом приобрела чарующий болотный запах. С другой стороны, в такой влажности я тоже весьма потасканно пахну. Но я раскусила главный ингредиент эссенции индианки, перебрав в местном магазине весь стандартный набор использующихся средств. Оказывается, они пользуются тальком! Мелко-текстурный, с очень сильным запахом, он делает кожу мягкой, защищает от потницы и играет роль духов. Купила себе один, ух, вот это запах!

В деревне продается мороженое! Правда, либо крошечными шариками, либо гигантскими картонными брикетами. Как они успевают съесть такое без холодильника? Или это на всю семью, включая бабушек? Купила себе небольшую, с ладонь, многослойную пластинку с цукатами и орехами. Не все же на рисе сидеть.

Мужчины здесь носят весьма тривиальные рубашки — клетчатые длинно-полые или однотонные тонкие сорочки, нередко розовых тонов. А вот снизу они надевают сарунг, трубу из легкой ткани, которая подвязывается жирным запахом на пояс. Интересно, носят ли они трусы? Несмотря на кажущуюся шаткость конструкции, ни разу не видела индуса, потерявшего сарунг.

Оказывается, СальварПшамиз носят только девушки; шарф и штаны должны быть одного цвета, а туника отделяется ярким орнаментом. Выглядит все это в сумме потрясающе. Женщины постарше носят старую национальную одежду — сари. Шесть или девять метров шелка, оборачивающиеся вокруг бедер, а потом вокруг груди, образуя топ. Остатки ткани разнообразно развешиваются по плечам. Тоже красиво, но обычно слишком уж цветасто. Хотя сравнивать эти две концепции сложно — сари носят женщины за тридцать, у них тело более рыхлое и пышное.

← На реке тишь. Или это все же вытянутое озеро? Рыбачье снаряжение, так называемые «паучьи сети», нависают над кораблями, будто обнимая. И лодок нет. Красиво, тихо, только галки спуют и горланят.

Знакомая в комментарии к посту написала, что я творю сумасбродства, и мое безумие хранит меня. «Не вздумай одуматься» — отличный девиз!

Что же мои фотографии так долго не несут? Может, мы друг друга недопоняли? Но как «три» можно с чем-то спутать?

Выяснилось, что это просто «индийское время», как выразился однажды регистратор в хостеле. Если вас просят подождать момент — это минут пять-десять, просят зайти через семь минут — это примерно полчаса. Ну, и так далее. После получения снимков я заскочила на почту, чтобы отправить их улыбчивой teacher из рыбацкой деревушки, а после не удержалась и застряла возле «ларька наслаждений» на территории ашрама, заказав себе свежесжатого сока. О-о-о, как он медленно втекает в тебя, вся эта пенка с сахаром и нежным-нежным вкусом... особенно если думать о том, что в этот момент тебе надлежит находиться на собеседовании, призванном выяснить, чем ты можешь послужить храму.

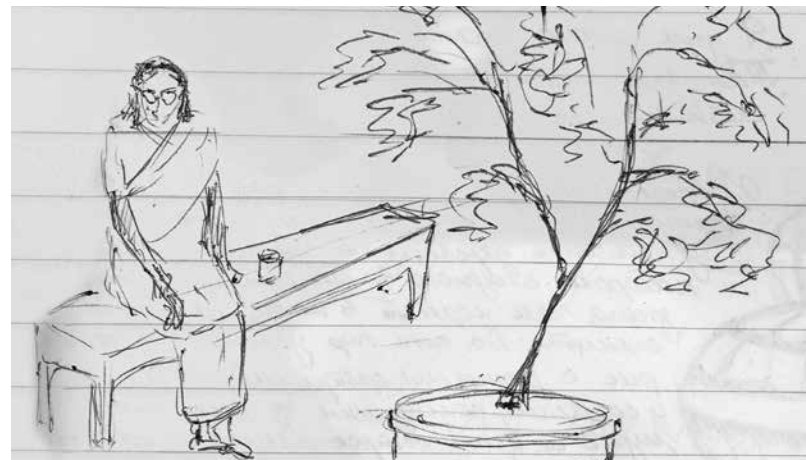
Но я успела! Бородатый, очень приятный дядечка. Табличка на двери сообщала, что с ним можно общаться на английском, французском, испанском и еще трех иероглифических языках. Я на ломаном английском объяснила, что хочу чего угодно, но только странного — и обрела очаровательную севу! Ночная уборка храма! И я свободна днем!

В моей комнате все пространство между кроватями и стенами засыпано личными мелочами и сувенирами от Аммы. Открытки, наклейки, курительницы благовоний — и отовсюду улыбается Мать. Моя кровать выглядит аскетично: только спальник и рюкзак, из которого я стремлюсь не расползаться вещи, чтобы не терялись. В нем сильно разросся карман с кремами и притирками, чувствую себя настоящей девочкой.

Мое личное расписание

6:30 — 7:30	попытки медитаций (сон сидя, под звук волн на рассвете)
7:30 — 8:30	обучение йоге в зале под самой крышей
9:00 — 10:00	завтрак
10:00 — 13:00	сон
13:00 — 14:00	обед
14:00 — 17:00	прогулки по деревне, мороженое, соки, бумажная почта
17:30 — 18:30	попытки медитаций
18:30 — 20:00	прогулки по деревне, мороженое, соки, интернет
20:00 — 21:00	ужин
22:00 — ?..*	сева в храме

*до как повезет

Учитывая, какая я прочная сова, это наидеальнейший из всех возможных для меня графиков. Итак, завтра первый полноценный день.

Ух. Заснула до ужина и увидела просто ошеломительный сон. Я была бабушкой... Не очень древней, но пожилой женщиной. Обычной, довольно ограниченной, и у меня был взрослый сын... оборотень. Очень по-разному мог обернуться — в матерого зверя или в слепого новорожденного щенка. Там, во сне, я знала, от чего это зависит, но точно не от его желания. Было много всяких перипетий, но после пробуждения остро помнилась пара моментов. Например, когда он неудачно, невовремя обернулся, я искала его, и нашла полумертвого, крошечного, с оторванной лапой. Я прижала его к себе, плакала — кто знает, каким он теперь станет человеком, не калекой ли? По-моему, именно тогда он впервые стал щенком случайно, по ошибке, допустив слабость в своем обычно стальном характере. Я обнимала его, плакала и гладила перемазанную кровью шерсть, и он стал расти на моих руках, вылечился и перекинулся в здорового парня. А после у нас случился длинный и тяжелый разговор. У него была девушка, из другого сословия. Она мне жутко не нравилась, но он к ней часто ходил, а на всех, кого я ему пыталась подсовывать, смотрел свысока. И вот однажды я его спрашиваю, с такой типично-бабьей интонацией, с наивной хитростью — смесь укора, лукавства и надежды, что одумается:

— Что же ты, увидел сегодня свою-то красу ненаглядную?

— Мы больше не должны видаться.

— (я ничего не понимаю, просто рада — отватила наконец-то; чай ему на-

ливаю, суету развожу) О. вот и хорошо, вот и наконец-то. Завтра-то Марьюшка в гости придет, чаю выпьете... А чего это ты вдруг решил?

— В том мире, в котором мы друг друга знали, ее больше нет.

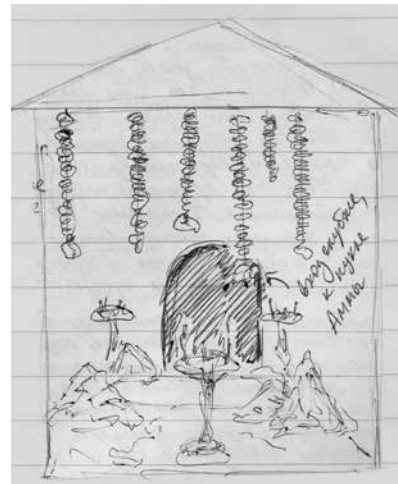
И тут какой-то поворот — то ли я во сне перешла в мысли парня, то ли мать была не так проста и умела заглядывать в чужое сознание, — я вдруг поняла все. Что эта девушка была тоже оборотнем — а такую информацию хранили, не рассказывая никому; оборотни и друг друга-то не всегда могли узнать. Что она умерла, ее убили — и она стала озером, и это новая жизнь, в которой прежние привязанности ей больше не нужны. А она была больше, чем просто любимая — лучшая подруга, сестра, такая же сущность, почти часть себя; они много работали над резонансом и вдвоем могли многие вещи, которые никто не в силах сделать в одиночку. И он не собирался на ней жениться, это невозможно, у двух оборотней не могло бы быть детей, и он бы побоялся — у двоих всегда выше шанс, что раскроют. Поэтому и встречались они тайком, а мне, матери, чудились в этом интриги и подвохи... В общем, я проснулась с ощущением, будто побывала в сознании существа, вынесшего такую потерю, с которой не живут. Эх, такие образы яркие! Мне бы психоаналитика.

Когда выходишь на балкон, становятся слышны речитативные молитвы из dinner hall. Огромный ангар без стен, с плиточным пористым потолком в лучших традициях советских столовых. Работает не только как общественная едальня, но и как зал для утренних и вечерних бубнений. В пении участвуют в основном просветленные в белых одеждах; остальные то ли не имеют доступа, то ли находят занятие поинтереснее. Когда поющие замолкают и освобождают зал, в него вкатывают бадьи с рисом и начинают раздавать счастье. Сегодня по периметру храма и на входе в зал зажгли плошки с маслом, а на балконе моего этажа сидит парень и наигрывает повторяющуюся мелодию в ритм священному пению. Концентрация приятных лиц тут огромная, вот только я воцерковленных в любую церковь немного опасюсь...

Мне кладут очень мало еды на раздаче, по сравнению с местными. Интересно, это всем иностранцам так, или они как-то среди сотен людей запомнили, что я все равно не доедаю чуть ли не половину? Можно подходить за добавкой или сразу просить хоть тройную порцию — еда тут такая, что больше, чем необходимо для насыщения, все равно в тебя не влезет. Рис не сливают, только немного сцеживают воду половником, прежде чем ляпнуть тебе в миску. Многие допивают этот навар.

Основные метки-вехи на территории ашрама дублируются на местном и английском; некоторые еще на трех-пяти языках. Такой Вавилон! Многие ходят со своей посудой, такой закрывающейся жестяночкой на ручке — она по-

купается в местном магазине. Это тоже акция Аммы — чем меньше одноразовой посуды, тем меньше загрязнения. Есть вечернее кафе, где можно купить фрукты, соки, смузи и молочные коктейли. И кофе из кофе-машины, вкусный! Так странно изнутри зданий видеть черепицу, положенную прямо на арматуру, а в отверстиях за ней — небо.

жертвования, поцеловать что-нибудь из артефактов. На выходе получаешь тарелку, тисненую из банановых листьев, размером с полладони. Внутри оранжевое сладкое месиво, действительно очень вкусное. Я сделала круг, ни к чему внутри часовни не прикасаясь, а со сладким подарком ушла в беседку, дожидаться работы.

Сева оказалась занятой. Я подождала у входа в храм и поискала там глазами того, кто может быть квестовым NPC Fedija. Нашелся мужичок среднего роста со слегка потерянным видом, у которого я и спросила, не он ли аудитор по уборке. Он блеснул глазами, ответил, что не он, что Федия — женское имя, и она сейчас подойдет. Федия оказалась очень милой некрупной индианкой европейского вида. Моя обычная фраза «Hello, my name is Sveta, I'm from Russia and my English is really terrible» повергла ее в ужас, а в моем беспросветном тупизме она убедилась, когда я трижды переспросила очень простую фразу (вечер, сытно, мозг выключился, а она говорит быстро, глотает слова и никакими жестами речь не сопровождает). В итоге для объяснения фронта работ она вызвала польку (почему все считают, что у нас похожие языки?!) и пока та

внимала быстрой-быстрой речи со скупыми указаниями на инструментарий, я в целом осознала. Подождала, пока у польки окончательно округлятся глаза, и она начнет мучительно ворошить словарный запас когда-то ученого на свою голову русского, посмотрела на нее понимающе и призналась, что если мне еще раз уточнить все детали («slowly!»), то я смогу все сделать, как надо.

Волну облегчения от обеих я поймала такую, что все четырежды одиннадцать ступеней мыла с песнями и танцами. Мрамор приятно мыть, чувствуешь, что приобщаешься к великому. Сегодня был какой-то праздник, раздавали липкий прасад и везде капали лампадным маслом, так что первая же сева оказалась довольно долгой и сложной — нужно было сначала стирать капли масла старыми газетами, а потом тщательно отмывать от песка и грязи. Сделала себе милую водяную мозоль на большой пальце — от метелки. Закончила я тем не менее очень быстро, удивив Федю. Оглянувшись, увидела, как сомнамбулически двигаются все остальные, будто складывают какой-то рисунок на полу, взмах ко взмаху, жест к жесту. Как хорошо, что я работала снаружи в собственном ритме! Правда, в час все равно не уложилась, пришла домой почти в полночь. Конечно, все закрыто — тут уже час как отбой. Пришлось просить охранника открыть мне. Отлично. Теперь я знаю еще и код от входной двери в свое здание и вообще ничем не ограничена, кроме моей зануды-соседки. Она-то не спит днем, и конечно в 11pm хочет спать, чтобы не пропустить подъем в четыре. Еще она воняет на всю комнату жуткими благовониями (запрещая открывать окно, т.к. в него могут влететь агрессивные галки), не дает мне вешать свои три жалкие шмотки на веревку (мол, ты здесь недавно, а эта территория давно поделена). И у нее плоское, бледное, невыразительное лицо несчастной отличницы. Сколько ей? Едва ли тридцать... Но после одного резкого разговора она устыдилась и теперь ищет моего внимания, чтобы исправиться. Эх, лучше бы мы друг друга не замечали!

22 октября. Третий день в ашраме

Проспали с занудой-соседкой одновременно; пока она умывалась, умудряясь источать укоризну даже через стенку, я быстро собралась и ушла. Не люблю разговоров по утрам, особенно на английском.

Воспользовалась общим душем и туалетом возле зала для завтраков, а потом пошла искать пляж. Спрашивать о нем в двадцати метрах как-то дико, поэтому я просто тыкалась во все проходы в постройках, взяв азимут еще с балкона. Внезапно отыскала точку раздачи утреннего бесплатного какао (про него мне говорили на первой экскурсии, но я, конечно, тут же потерялась сре-

ди лабиринта разных зданий). Через странные подворотни я выбралась на дорогу, а с нее — на уже знакомое место медитации. Обошла камни, утнездилась на песке... и упал ливень.

На этом месте должен быть занавес и титры, но нет. Я еще посидела полчаса — не зря же я искала это место столько времени! — а потом побрела сохнуть. Оказывается, на два этажа ниже моей комнаты расположена крыша с сушильными веревками (здание многоступенчатое, так что истинная крыша маленькая и далеко не единственная). Нашла себе сухой уголок под козырьком, села. Холодно же! Но не идти ведь на йогу в европейском?! Штаны там узкие и неудобные, а майка граничит с неприличием. В этот раз у меня, кажется, нет выбора — не просить же у Тихой Воблы одежду. Она и не даст. Она так вежливо и тихо объясняет, показывая на угол, забитый одеждой, что ей нечем поделиться...

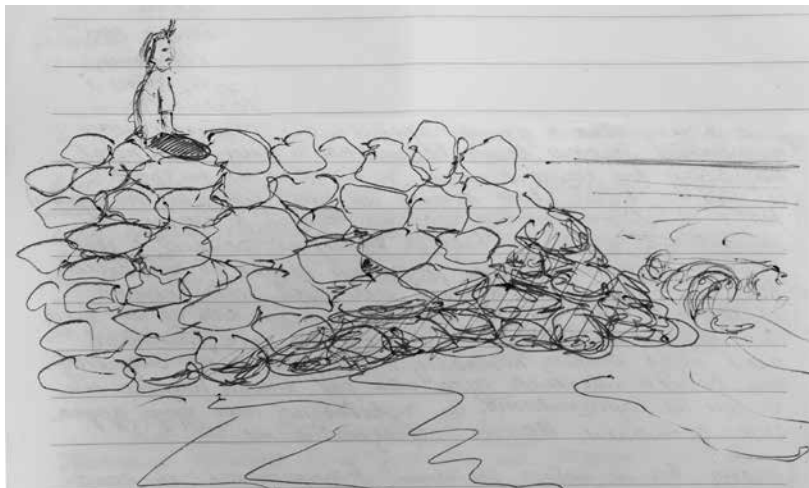
Сегодня обстановка опять накалилась — увидев, что я вывесила одежду, как и договаривались, на «сушильном этаже», Вобла попросила не трогать ее бак с водой. Но я перед стиркой была довольно уставшая, поэтому ее бак (как и вообще стоящие в ванной ведра) не трогала, а вещи просто бросила на пол под струю воды из душа и потоптала ногами. Но донести эту мысль мне, кажется, не удалось.

Может, мне именно это и не нравится в религиях? Большинство их основателей были, действительно, весьма достойными людьми. А вот последователи... Как можно всерьез поклоняться Амме, которая в детстве носила еду из своего, довольно бедного дома, по нищим соседям — и при этом так относиться к ближним? Как это уживается в человеке вообще, не конфликтуя? Такие люди способны испытывать жалость и соболезнование ко всяким умирающим котикам и бедным птичкам, но при этом порвут того, кто их половую тряпку на пару минут одолжит. Не понимаю.

На улице то солнце, то словно вентиль повернули — шквальный ветер и дождь. Надеюсь, я успею убраться отсюда до очередного цунами. Вечер, закат. На пляже для медитаций, там, где огромные камни спускаются к черному мокрому песку, обрастая по дороге длинным зеленым мхом, под одной ей слышимую мелодию танцует девушка в белом сарафане.

Так себе был день. После двух разговоров с соседкой я была в довольно взвинченном состоянии, так что когда местный парень, работник деревенского интернет-кафе, начал ко мне клеиться (и — чудовищное nepoтpeбcтвo! — показал мне на смартфоне гифку ужасного качества, где с трудом и не без помощи фантазии можно было узнать два, кажется, сокоупляющихся тела) —

Меж тем за-
кат. Ужин, сева,
сладкий кофе...
и завтра будет
лучше. →

я свирепо глянула на него и ушла из кафе, не заплатив. Кафе было с именем Амриты, той самой Аммы, и в свете всякого накопившего разговор с индусом начался бы, наверное, с занесения в челюсть.

Не о том я думаю в местах для медитации! Ирка после рассказа про приставания Тихой Воблы предположила, что людям с миссионерским мышлением трудно проходить мимо меня, не пытаясь вразумить — слишком уж бросается в глаза неустаканенность мироощущения, вот и хочется подтолкнуть. Но как можно ограничивать свое физическое пространство, и при этом без зазрения совести лезть кому-то в голову? То есть «это мое, не трожьте» на полотенца распространяется, а на суть жизни — нет? Люди странные.

А седьмой, «сушильный», этаж оказался милым местом! Чтобы писать в дневник, мне нужен свет, поэтому океанский берег после наступления темноты теряет свою привлекательность. А тут — теплая после солнца крыша, удобная стена с фонарем, звук океана справа, речные ночные птицы над каналом слева, и никого. Лишь редкие бесшумные приведения — женщины-индианки в белых домашних одеждах приходят проводить свое белье. И комаров нет, их ветерок сдувает. Я нашла новое уединенное убежище, у-и-и-и! В многотысячном ашраме это дорогого стоит.

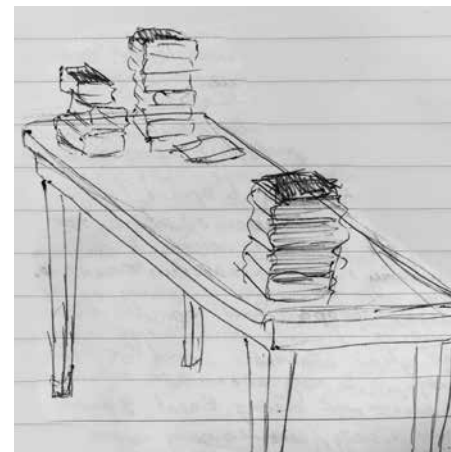
Сегодня на ужине дают три приправы: острую, пряно-острую и острую-острую. Последняя почти невыносима, зато сделана на основе овоща, по нежности сравнимого с личи. Тактильный экстаз, бомба на языке. Чую, назревает

еще конфликт — слишком многие видели, что половина моего ужина отправляется в шито-ведро. А что делать, если от их еды у меня дым из ушей валит, слезы из глаз, а из носа — сопли? Эй, московский бронхит, ты еще там или весь вытек?

Удивительно, насколько крошечными порциями способен наесться человек в солнечной стране. Три гости риса (горсть на обед, на ужин две, завтрак я пропускаю), пара яблок, мороженое и кофе вечером. Голод я испытываю только между обедом и ужином, там слишком большой перерыв, целых семь часов. Сегодня буду убираться неспеша, приду попозже и избежну бесед. Может, это и не день плохой, а просто накрыло кризисом наконец-то? Почти неделя уже здесь, пора бы начать испытывать тоску по родине и несправедливость изгнания.

Ответственный за севу, огромный добродушный европеец с буйной шевелюрой, встретился мне на ужине. Спросил, как дела с работой; бодрый отчет с демонстрацией мозолей встретил экспрессивно, замахал руками: «Ну, ты же придешь сегодня?» — «Конечно — отвечаю, — это же так круто!». Мне кажется, он меня понял.

Сиюю на галерее над храмом — там целый этаж, выстроенный вокруг основного холла. Здесь расположены разные сервисы: интернет-кафе, магазин сувениров с открытками и фенечками, инфоцентр. И форпост упаковки журналов Амриты, которую ашрам рассылает в разные регионы. Столы уставлены стопками крохотных, формата А5 журнальчиков, их нужно брать пачками,

каждый заворачивать в тонкую бумагу с адресом, а потом скреплять пачечки обратно, по одной пачке на район. Это парадоксально, но я люблю бесконечную работу, вроде этой. Люблю запах печати, свежих листов — в детстве я помогала фальцевать (то есть собирать из разрозненных страниц) мамину газету, а потом работала книгоношей при издательстве — для меня эти запахи невыразимо вкусны и уютны. И конечно доступность огромного количества упаковочной

Когда я уеду из монастыря, мне будет не хватать этого ощущения себя, как испорченной шестеренки в нутре гигантского отлаженного механизма.

бумаги, аутентичной, нежно-полосатой, которую можно извести на письма. Правда писать на ней придется за пределами ашрама, тут все слишком хорошо знают о происхождении этих листов... В общем, я нашла себе еще одну севу — собирать посылочки с доброй аммовой вестью. В конце концов, занятие ничуть не глупее, чем покрывать бесконечными рядами закорючек нескончаемые листы бумаги.

Когда я сегодня подметала последнюю лестницу, мимо меня прошел ослепительный европеец, покоровивший меня не только потрясающе белоснежной одеждой и благородными чертами лица, но и бархатистостью голоса (я захватила часть его диалога с кем-то в темноте). Не замечая меня, он остановился, вдохнул теплый воздух и восторженным изумлением констатировал: «Ночь!». Я успела испытать что-то вроде классовой ненависти (и одновременно восхищения) крестьянки к барину, после чего он свернул за угол, а я поднялась вверх — где мы столкнулись снова, так как все пути ведут к храму. Эндрю, оказывается, тоже шел к Федии, чтобы работать. Чуть позже я с наслаждением понаблюдала высокого статного Эндрю, стоящего на коленях рядом с ведром. Он тоже, кстати, мыл пол весьма благоговейно.

Иду домой, насвистываю, считаю гекконов. Вот сегодня, например, охраны на посту не было. Как бы я попала домой, если бы не вчерашняя удача, давшая мне ключ от всех дверей? Тяжело, наверное, быть праведником.

Дома меня ждала накуренная благовониями комната и священные песнопения, доносящиеся из ноутбука. Полночь, между прочим! И это Воблу огорчало, что я получила такую неудобную для нее работу, с которой буду возвращаться слишком поздно и помешаю ее сну!

А музыка красивая. Но не выводить же человека из медитации, чтобы задать идиотский вопрос про авторство. Еще решит, что я хочу поговорить. Нет уж, спать-спать-спать. Все слишком хорошо, чтобы это так испортить.

23 октября. Четвертый день в ашраме

По традиции проснулись одновременно, после чего Тихая Вобла ушла в ванную, а я собралась и пошла в общественный туалет. Ненавижу с утра толкаться локтями, а ванные тут везде одинаково сияющие. Уже заворачиваю за угол, чтобы идти к храму, и тут боженька поворачивает кран и включает тропический ливень. Теоретически, у меня была пара минут, чтобы добежать оставшиеся 50 метров; но я протормозила под козырьком, а тем временем сильный дождь превратился в сплошную стену. Выдав язвительный комментарий к небу, посылающему такие нелепые испытания, осталась подождать, пока спа-

дет поток. Я была абсолютно сухой, но дождь, зараза, и не думал кончаться. А у меня арчаны, утренние песнопения...

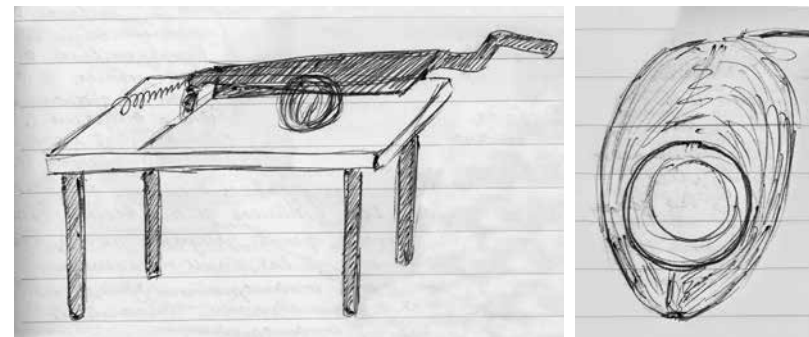
Сижу, в общем, в храме, мокрая вдрызг, думаю о боженьке плохо. Сейчас начнется сеанс связи, все ему выскажу. Мое желание побывать на службе, конечно, сильно, но зачем единственную-то одежду мочить?!

А Тихая Вобла внезапно оказалась Поющей — из ванны утром донесся отлично поставленный вокал. Но то, как она днем допрашивала меня, где ее зонтик (который я даже не видела), лишило этот поистине прекрасный голос львиной доли очарования. Увы, я не отделяю личностных качеств от профессиональных склонностей.

Рядом с кафе, где я вечером запиваю специи (система с номерками, как в банке — в одно окошко заказываешь и платишь, получаешь фишку, с которой потом подходишь получить заказанное из другого окна), открылся магазин подарков Аммы. Видимо, до второго этажа храма доходят не все, и его решили перенести на более популярное место, в центр всех едален. Из страсти к бумажным памяткам купила пару фоток. Одно фото, между прочим, как целое яблоко по цене! Я тут начала покупать себе фрукты для разнообразия меню, и теперь многое меряю в яблоках. Одно SMS на родину, например, стоит целых два яблока.

Они каждый раз готовят разное. Так что я лишена шанса угадать за те секунды, пока очередь проталкивает меня к чану, хочу ли я пачкать этим рис или а ну его нафиг. Играю в угадайку, беру по одной подливе. Сегодня мой день! Я смогу это в себя запихать!

Дедушка, торгующий на территории монастыря кокосами, восхитителен. Какая мимика, постоянная улыбка в глазах... И движения — точные, резкие, такие нетипичные для плавных индийцев! Они обычно скоростные примерно как кисель, который стекает неспеша, даже если его лить вертикально. Дедуш-

← [слева] Стол для резки кокосового ореха больше всего похож на пыточное оборудование.

← [справа] Зеленый кокос в разрезе. Для меня было новостью узнать, что собственно «орех» — это примерно 1/5 всего объема. Снаружи твердая скорлупа и мякоть защищена толстым слоем вязкой волокнистой древесины.

ка умудрено разговаривает на смеси английского и жестов: «eating (жест) or drinking (жест)?» Говоришь, что для еды, он выбирает кокос поспелее, отрубает ему верхушку парой ударов, протягивает вместе с трубочкой. Когда жидкость внутри кончается, возвращаешь кокос на доработку. Второй удар рубит его пополам, а специально отсеченная щепочка-ковырялочка помогает добыть из половинок толстый слой полужидкого ореха. Стоит это два яблока, вкуса у кокоса почти нет, на ощупь он похож на мыло — но зато очень сытный. Кокосы для этой лавочки, я думаю, срывают с пальмы прямо над ней.

На территории везде стоят указатели на воду для питья (она фильтруется и течет тоненькой струйкой). Почти все набирают ее и носят с собой.

Океан разбушевался. Плещет до самых камней, пахнет свежестью и тухлой рыбой одновременно. По камням ходят сердитые щетинистые мокрицы. На скамьях поодаль всегда аншлаг — там спят, медитируют, читают; одна женщина тихонько наигрывает на флейте, подобрав под себя ноги. Как же здорово жить рядом с морем! Чувствую себя дома. Странно, крабов почти нет... а, да вот же они, возле источника чарующего запаха! На берег бросило дохлую мурену. Жаль, но останки в такой фазе разложения меня не интересуют. Если бы немного попозже...

Посидела на камнях пару часов, теперь вся покрыта солью. Зато дописала пару писем и немного загорела.

Каждый раз, заходя в интернет в городе, нужно показывать ID-card или паспорт, с которого переписываются все данные, а порой даже делается ксерокопия. Неужели у них есть ФСБ? Ну-ну, почитайте мой русский ВК...

Манговый сок почти безвкусный — не сезон — но очень сытный. Яблочный никакой, яблоки слишком сладкие и рыхлые, как картошка. Сами по себе хороши, но давить из них нечего. Апельсиновый восхитителен и нежен, но после него просыпается адский голод. Продолжу эксперименты. В ашраме почти не разбавляют соки, и всегда спрашивают, досыпать ли в них лед и сахар, так что это отличное местечко, чтобы перепробовать настоящие напитки.

Во дворе стройка. Нет, не так — везде, во всех углах стройки. За корпусом, например, копают бассейн (уже второй). Рядом с эко-центром насыпают теплицы. Около кухни, кажется, бурят еще одну скважину для воды. И все, конечно, руками. Из автоматизации только «камазы» для доставки стройма-

териалов. Наблюдала, как дюжина тощих индийцев (а толстый индеец — это что-то вроде розовой зебры или пирамидального арбуза) перемещают армиатуру весом черт знает сколько. Один из строителей вперся в меня взглядом и замер в гордой позе «мы все уважаем Амму, но запретить мне разглядывать белых самок она не может, как не может запретить мне дышать». Мне все равно, я уже выяснила, что мой запас терпения выше, чем у среднего индийца — упрямства и жажды общения.

В любой момент, когда ни придешь в зал с журналами, там сидит несколько человек и собирает. Работа трудоемкая, поэтому ее разбили на несколько примитивных этапов. Просто выбираешь стол с интересным тебе участком конвейера и садишься на столько, насколько хочешь, делать одно и то же действие сотни раз подряд. Я кладу журнал на полоску бумаги, загибаю полоску в страницы и откладываю. До меня эти полоски режут, штемпелюют и наклеивают адреса, после — заклеивают свободные концы и формируют пачечки для отправки. Когда ни приди, работы непочатый край. Это постоянство, вкупе с тем, что на твоём столе по чуть-чуть, но все же убывают журналы, приносит удовлетворение, как созерцание моря.

Это безумно красиво, на самом деле. Смуглые женщины в белых одеждах, волосы — черная смоль со снегом, тонкие пальцы мелькают, перебирая страницы; дубовая столешница древнего стола, мягкий свет, и пачки, пачки во-круг... Ужасно жаль, что тут запрещено фотографировать. И так приятно,

← В принципе, работа по фальцовке не хуже и не тяжелее других. Интересно, у них есть дедлайн? С такой-то медитативной скоростью работы...

что тут не нужно ничего объяснять. Все взрослые. Ты сидишь за работой, потом вдруг встаешь и уходишь — даже взглядом не проводят: значит, тебе просто нужно уйти. И вновь прибывшие просто молча занимают свободное место, экономя всем силы, время и концентрацию.

Кстати о туалетах — они тут действительно идеально чистые. Кажущаяся сначала неприятной «параша», азиатский аналог унитаза, на самом деле весьма гигиенична и удобна в использовании. В любой уборной есть кран, тк вода используется вместо туалетной бумаги. Поскольку бумаги нет, нет и гадких ведер со сральным папирусом, водой прекрасно оmyвается вся кабинка, и никаких луж. А на всей территории ашрама нет урн. Ни одной. Только типовые ведра узкой специализации — например, «свинокан» для остатков еды возле трапезной или бак под санитарные предметы в женских туалетах. Потому что Амма за раздельный сбор мусора. Накопилось? Неси на задворки, сортируй и раскладывай по большим контейнерам.

За окнами моей комнаты живут цикады, которые цикадят ровно со звуком заводящегося, ноглохнувшего автомобиля. Половину ночи, если не спится, ждешь машинально, когда заведется и уедет. А потом вспоминаешь, что не уедет, а улетит, и заводиться необязательно...

Стратегия «одна подлива за раз» себя оправдала — я съела аж 2/3 ужина, рекорд! Хотя выбрала что-то нереально острое и впервые полноценно рыдала над тарелкой. Забавно, что желудку такая еда нравится, никаких проблем. Но я только тут осознаю, что до сих пор вообще не ела ничего острого. На самом деле тут можно сходить в кафе и купить другой еды. Но там не такая глобальная разница, во-первых. А, во-вторых, что я, хуйня какая-то? Не протяну неделю на муниципальных бесплатных харчах?!

24 октября. Пятый день в ашраме

Жизнь вошла в колею. Я больше не теряюсь в постройках и графиках, наощупь одной рукой открываю ночью кодовый замок, за сорок минут прохожу трижды (с разными моющими средствами) всю храмовую лестницу. С Поющей Воблой мы друг друга принципиально друг друга не замечаем, хотя я иногда нахожу подарки — вчера, например, кто-то повесил влажную кухонную тряпку на решетку поверх моих сохнувших трусов.

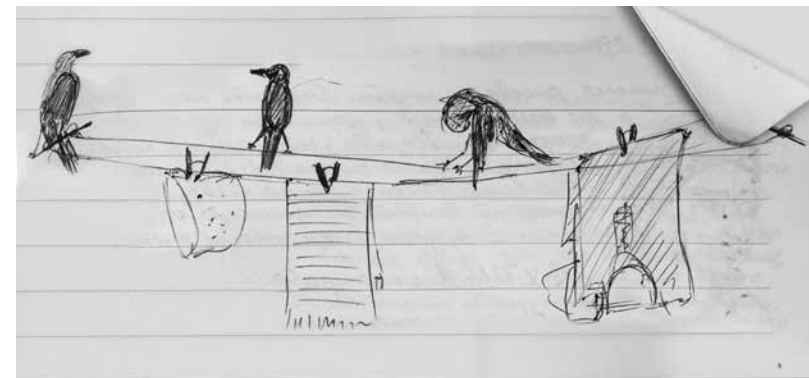
По утрам сильный дождь. Я смирилась и стала вставать поздно, часов в шесть. Беру чашку какао на раздаче и иду на море, а оттуда сразу на йогу. На завтрак покупаю себе какой-нибудь нажористый сок, арчаны пропускаю, обедаю и ужинаю рисом с небольшим дополнением приправы. Между обедом и

ужином бегаю в деревню через мост, покупаю яблоки или мороженое. После ужина пью кофе, немного помогаю с журналами и иду на лестницу, где меня уже ждут ведра. Как я ни аккуратничала, мозоль вскрылась и углубилась еще на пару слоев кожи. Не мешает, тревожит скорее голову — ходить с дыркой в пальце в тропической стране не хочется.

Еще нет и семи, а паромщик уже кого-то возит. Вопрос: сколько он зарабатывает в день, если переправляет лодку с пяти до девяти, каждые десять минут, по 2-5 человек, и с каждого получает по 10-20₹? Больше тысячи местных шекелей в день, а я вот, между прочим, живу тут на 450₹. Он должен быть небедным по местным меркам человеком.

Теперь дни проходят примерно одинаково и довольно быстро. Они приятны, их осталось мало — чего еще желать? Тихая Вобла съезжает. Нашла себе такую же религиозную и тихую европейку. А я наконец-то познакомилась с Майей — бедная Вобла! Нас таких две, оказывается. Майя тоже в голову не пускает, к религии относится со скептицизмом, много времени проводит на пляже с друзьями. Теперь представление Воблы о русских, как о эгоцентричных, самодовольных и нахальных будет неискоренимо. Чувствую национальную гордость за правильного соотечественника.

Галки вездесущие и чудовищно наглые. Немного жутковато, когда они разглядывают тебя в упор — их ведь не пара штук, а несколько десятков. Неглупые птицы. Делят с орлами близлежащие пальмы. Только орлы гордые, охотятся на крабов, а людей принципиально не замечают: мол, сотни лет не было тут никого, и сейчас не вижу ничего интересного. А галки видят. И оброненную пуговицу (а то и не оброненную, а вывешенную вместе с бельем), и лохматую веревку на гнездо, и еду, конечно.

Утренний какао — это смесь молока и крепкой заварки с какими-то специями. Вкусно, хотя и звучит не очень. Это и есть тот самый традиционный индийский масала-чай.

Забавно: на камнях я са- жусь всегда в одном и том же месте, слева, на волнорезе. Только сегодня осознала, что смотрю при этом в сторону России.

На самом деле монастырь не очень-то и большой. Я уже узнаю в лицо 1/5 всех индийцев и примерно половину европейцев. Меня, конечно, тоже знают. В основном, конечно, как «та русская»: «та русская, что мало ест», «та русская, что моет храм», «та русская, что все время пишет».

Нашла с утра еще одно кафе, которое раньше было закрыто. Ашрам похож на живой лес со своей, не очень-то предсказуемой жизнью — все время что-то открывается, закрывается, переделывается... Так вот, там с утра продавали ноздреватые куски несладкого кекса! Вообще без специй. Какая-то неместная еда. Десять рублей за завтрак, и еще кусок на ланч остался.

Днем в храме преподает имам. Есть у них такой жанр, а-ля радиоуроки: эти занятия транслируются по громкоговорителям на всей территории. Интонации неприятно-обличительные. Он так зажигательно рассказывает, подавшись вперед дальше микрофона, что поневоле думаешь о каких-то проститутках в его примерах, которые не следовали заповедям и вляпались в неприятности. Легко могу его представить радостно сжигающим очередную ведьму со словами «а я говорил!»

Снуслая Вобла съехала, не попрощавшись, и выяснилось, что почти все вещи в комнате принадлежали ей. Такое чувство, будто из комнаты выехало три человека, а не один — у нас с Майей по сумке, матрацу и паре сушащихся шмоток над ним. Напоследок она убралась в туалете, из-за чего сложилось впечатление, что грязь в ванной тоже была ее. Я несправедлива, знаю. Не будь языкового барьера, я бы в два счета ей доказала, что мы не такие уж разные.

Но, ей-богу, получилось все очень неплохо — ей тихо, нам с Майей привольно. Когда прошла душливая атмосфера дележа пространства, я сделала уборку и перетасила свои вещи в удобный угол. Хозяин квартиры, жалующийся, что к нему в гости ходят одни неблагодарные свиньи, которые все раскидывают и ни-

По вечерам в огромных тазах привозят что-то треугольное. Молоко? Соус? Выглядит внушительно. [оказалось, все-таки молоко]→

чего не убирают, — скорее всего, просто слишком собственник. При нем страшно начинать уборку даже своих вещей. По комнате ходишь, как по минному полю — поди угадай, какая половица святая.

У меня появилось много знакомых — как среди индусов, так и среди европейцев. Интересуются, как дела, какие планы. Федия сегодня расспрашивала о поездке, рассказывала о себе — ей не нравится путешествовать, везде одни и те же люди, мол, зачем тратить на это время.

Пора валить. А то узнают меня получше, расстроятся. К чему расстраивать хороших людей? Забавно, несмотря на всю тягу к дороге, не хочется уезжать. Тут уютно, безопасно; график выстроен без моего участия, никаких тебе напряжений головы... Точно пора ехать, а то засасывает.

← Забавно: у местных парней считается крутым по вечерам тусоваться в монастыре. Вроде как «пойду с белыми тусить». Хотя общаются они своими замкнутыми группками, ни к кому не пристают и даже не смотрят по сторонам. Мало им надо для счастья.

25 октября. Шестой день в ашраме

Спится на месте Воблы так себе. Может, поэтому она была такой нервной? Или плохо спит, потому что там много нервничали? Положила котика на день, чтобы почистил карму места.

Встала с утра в очередь за какао, а мне разливающий кивнул: мол, тут еще не скоро, сходи лучше на кухню. То ли он хотел, чтобы белая не стояла в очереди, то ли я просто вообще его не поняла, я не разобрала. Послушно зашла в ворота... и забыла, зачем пришла.

Во-первых, это похоже на сенешальскую вотчину из «Шаги по стеклу» Бэнкса. Огромное, нереально высокое помещение с чанами, вокруг которых в клубах пара возятся мелкие обслуживающие людишки. И гигантские стеллажи с овощами. Целые комнаты с крупой в мешках. А работают только мужчины, кстати.

Сходила на акупунктуру (в общем-то хотелось на массаж, но по графику мне он уже не попадался). Полежала с парой иголок, воткнувших в спину, повздригивала от прикосновений пушистого горячего комочка пепла на конце специальной подожженной палочки. Ничего особенного, но опыт интересный. Заплатить за это тысячу рупий при плате 250₹ за ночлег мне показалось грабежом, но спорить я не стала — зато не заплатила за йогу ни гроша, хотя в целом надо было, наверное.

Когда я пишу, мне часто заглядывают в блокнот. Сажу на ступеньках, жду севы, рисую. Рядом уселась на пол местная бабуля за семьдесят, остро пахнущая мылом. Потребовала ручку и попыталась срисовать последнюю картинку. Результат ниже. Ее он привел в восторг. →

Я быстро додавливаюсь очередной острой подливой, улыбаюсь, делаю всем ручкой и убегаю, бросив «увидимся ночью, как обычно!» — убивая этим несколько пушистых и колоритных зайцев одновременно: не даю все-му ашраму начать со мной разговаривать, маскирую свой рудиментарный английский и развожу интригу этой фразой.

Завтра последний день.

26 октября. Последний день в ашраме

Порядком надоела вся эта милая секта. Улыбающееся лицо Аммы, расклеено повсюду: Амма молится с тобой за завтраком, напутствует умирающего в лифте, целует новорожденного в туалете, рыдает вместе с жертвами цунами возле инфоцентра... И, конечно, всюду ее гениальные высказывания, сводящиеся в основном к требованиям «люби, улыбайся, экономь». Она хороша, но люди, подобные ей, слава богу, довольно часто приходят в этот мир, поэтому твердящие про ее уникальность фанатики утомляют.

Очень напоминаю себе Гинко из «Мастера Муши» — стафф на плечи и из деревни в деревню. Не терпится уже, если честно. На море такая дымка, что на заходящее солнце можно смотреть неотрывно. Камни теплые, дождь был только ночью, и солнце все давно высушило. Идеальный шар с градиентом от золота к расплавленному металлу постепенно садится.

Уже очень странно видеть людей, скребущих по тарелкам ложками. Я-то ем по-прежнему руками. Так действительно удобнее. Кстати, жест «еда, есть» здесь — это поднесенные к губам пальцы, собранные в щепотку. Как едят, так и показывают, ничего странного.

Мы с Эндрю теперь видимся каждую ночь на уборке. На обеде он иногда подсаживается ко мне поболтать — когда мне задают вопросы и выслушивают, я таю и не могу отказаться. К тому же он знакомит меня со своими друзьями и популяризует, как отважного путешественника.

Основную транспортную артерию между отелями и храмом перекопали. Ни разу не видела там рабочих, но в течение дня траншея все росла, а к вечеру самозакопалась. Какие тут, однако, хозяйственные кроты.

Последний день тянется медленно, так что я применила любимый слоган «в любой непонятной ситуации — спите». Потом сходила в деревню и купила арбуз килограмма на три, который мы и раздели напололам с Майей в честь освобождения от немецкой оккупации (в ходе беседы выяснилась национальность Тихой Воблы, и многое прояснилось).

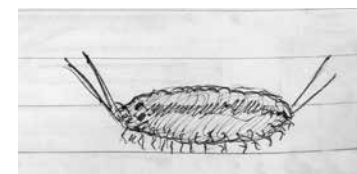
Каждый раз, приходя провожать закат, думаю: как же мудро устроено, что дырки у кошки в шкурке точно напротив глазок. В смысле, как же хорошо и удобно, что тут можно ходить круглые сутки в одной и той же одежде.

Корабли на рейде после заката загораются холодными жгучими точками на горизонте, будто первые звезды. В небе лохмотья облаков. Еще недавно они видели солнце, отражая, как зеркало, его последние лучи, а теперь висят в зеленом небе и тихонько дотлевают. Пахнет солью и водорослями, очень сильно. Может, потому что воздух теплый? В темноте уже почти не видны волны, только если в заводи схлестнутся и сгорбятся два потока. На рельеф падает отсвет от фонарей. Кораблей становится все больше, их десятки; легко представить, что это вражеский флот, подбирающийся под покровом темноты. Но можно не бояться — камни их сюда не пустят.

К вечеру на меня напали комары и меланхолия. Возможно, эти две вещи даже взаимосвязаны. Забилась на крышу, тут насекомых поменьше; оставшимся пригрозила, что уйду в комнату и включу фумигатор, если не отстанут. Все раздражает, музыка из храма навязла в зубах, я уже молчу про это улыбающееся отовсюду лицо. Выпустите уже! Ужин, работа, ночь — и все!

Это нелепое состояние, когда вещи собраны, письма написаны, дела кончились... сидеть на чемоданах мое нелюбимое занятие. Именно в такое время я обычно бесцельно пачкаю дневник записями и картинками.

Вообще надо бы решить проблему вечернего досуга. В шесть темнеет, и улица перестает привлекать, а выспаться каждую ночь к полуночи — я эдак

← Многоножки на сырых морских камнях делают вид, что у них две головы.

свихнусь скоро. Моя прекрасная лестница, отнимающая у вечера по часу, останется тут. Она всегда одинаковая, но каждый раз разная: после праздника — в масле, после дождя — в песке, а вчера живущие неподалеку гигантские муравьи посреди беседки отыскивали оброненный кусок сахара и мигрировали туда на заработки чуть ли не всем муравейником... Что-то будет сегодня?

Надо запомнить муниципальное выражение лица «мне сказали, я и мету». С его помощью легко согнать кого угодно, а будучи правильно примененным, оно оказывается еще и универсальной отмычкой. Дворнички права рулят!

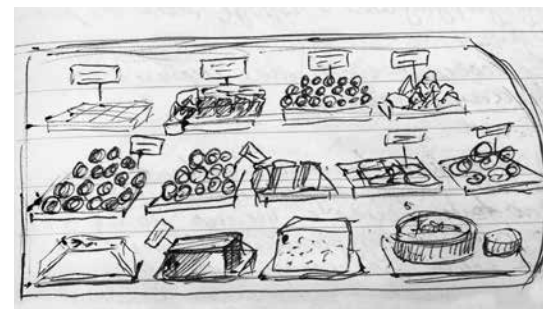
27 октября. Allepi – Cochin

Сегодня суббота, все кафе на территории закрыты, хотя почти полдень. Пошла в деревню, в мой любимый SweetHome, склеиваться. Коричный кекс, чашка сладкого кофе с молоком. В этой деревушке, несмотря на запреты, туристы бывают довольно часто, поэтому я не белая лошадь в одежде, требующая внезапно обслуживания, а обычный посетитель. Ох, это приятно. От постоянного внимания начинаешь уставать.

Перед отъездом зашла вымыться-освежиться, памятуя, что к вечеру меня может забросить куда угодно. Как это было мудро! На пароход я не попала. Сидящие на причале мужики сказали, что рейсового катера сегодня нет, только частный (за очень дорого). Наверняка соврали, но проверять этот тезис ожиданием я не рискнула. Решила впервые поддаться моторикше. Так что я совершила типичный круг туриста, которого везут не туда, куда ему нужно, а смотреть «специальные места». На вопрос, хочу ли я увидеть «самый потрясающий храм в Индии», я ответила, почему бы и нет, так что попала в выстро-

енную специально для белых обезьян деревню, где вокруг гигантского баньяна совершают богослужения; утварь медная, а монахи длинноволосы и юны. В общем-то любопытно, посмотрела с удовольствием; на корову в кокошнике в том числе, фотографироваться с ней отказалась и окончательно разочаровала рикшу, дважды пройдя принципиально мимо его «дорогого друга», с которым он меня пытался познакомить. Знакомиться с безногой девушкой в мои планы не входило, как и давать ей что-нибудь, так что после третьей прогулки *мимо* рикша вынужден был повезти меня дальше. Стратегия терять понимание в ситуации, когда от тебя хотят чего-нибудь, очень действенна. Обычно ей пользуются сами индусы по отношению к белым, с которыми у них были какие-то договоренности; так вот, обратно тоже прекрасно работает.

Насколько же приятнее общественный транспорт! Милый деловитый кондуктор выдал мне билет, кругом расслабленные пассажиры, ничего от тебя не хотящие и занятые своими делами... Кстати, в этом есть своя логика — делать

Копаясь в сумке не с той стороны, первая мысль: «У меня украли карман с деньгами!»

← Лавка Алладина для сладкоежек. Средняя цена сладостей — рублей семьдесят за кило, что в общем-то недорого для местных.

Бирьяни — блюдо на основе длинного риса (сорт басмати) с мелко порубленной добавкой. В качестве добавки могут выступать овощи или курица. Как правило, довольно острый; из соусов к нему приносят соевый и маринад с лучком. Иногда можно предварительно попробовать не добавлять в него слишком много перца. Очень сытно, довольно тяжелая еда в условиях жары.

Банан цветет огромным кулоном весом в килограмм. Эти «цветы» продают на развес в лавках аюрведы. Дорого. →

хорошие дороги между городами и не утруждаться в городе, где все равно не разгонишься.

Стали появляться мобильные ларьки с фруктами. Я явно еду в правильную сторону!

Аллепи не очень впечатляет. Все-го один канал — правда, с красивыми лодками. Ну, вполне любимый ежедневный квест «найди еды» и поеду в Кочи. В этот раз пробовала бирьяни.

Я прошлась до второго, параллельного канала, а обратно вернулась задворками. Таким образом, просмотрела практически весь город. Миниатюрные владения, внезапно вынырывающие замшелые храмы, много старого бетона. И чисто, каждый сантиметр вылизан.

На площадку (язык не поворачивается назвать это место площадью) с автобусами выбралась по узкой, залитой мочой тропе между руинами. Автовокзал, какой контраст с милым частным сектором! В этом городе, кстати, юноши обычно проскальзывали мимо, застенчиво поулыбавшись, а приставали «Where are you from?» только девушки и дети. Весело, ненавязчиво. Хорошее место, и хостелы по 200-300₹ за ночь. Но тут скучно! Так что я попросила полисмена на станции поймать мне нужный автобус — полиция тут никогда не отказывает в помощи и делает все величественно, желая напоследок удачи с видом благословляющего пастыря — и вот я уже сижу на козырнейшем месте, слева от водителя. Я говорила, что в Индии праворульные машины? Пара часов в обнимку с котом, на прекрасном отдельном сидении без попутчиков!

Запах благовоний, горячего песка... вдоль дорог — лавки с плетеными гамаками и качелями. Сегодня выходной, почти все закрыто. В городах (а тут начали появляться наконец-то промежулки между постройками!) продают изюм на вес и арахис, обжаренный в песке (его потом кидают на небольшую сеточку, чтобы стряхнуть шелуху и песок, а горсть горячих душистых орехов насыпают в кулек, свернутый из газетки или тетрадного листочка). Жизнь вдоль дорог, кажется, во всех странах примерно одинакова: люди торгуют с потоком, или сидят, уставившись на поток.

Обычно вестись на зазывал бесполезно, а порой даже и опасно. Однако бывают ситуации, когда они неплохо помогают. Например, вот сегодня я нашла инфоцентр, заявила там, что у меня есть только 300₹ на ночь и попросила мне найти место. В итоге мне выдали провожатого из числа слоняющихся вокруг парней, затаскивающих зазевавшихся туристов в рестораны — и вот я уже сижу в шикарнейшем номере на двуспальной кровати. Отельчик старенький, и расположен через две лестницы на не самой крупной и популярной улице; зато его стены выкрашены в разные цвета, а в общей зоне висит гитара, и Боб Марли смотрит из ниши. В общем, день получился весьма достойный, пора дать ему возможность плавно перейти в такой же следующий.

Когда заселялась, спросила у ребят: что, правда это великолепия за 300₹? На меня зашикали, испуганно оглядываясь. В общей зоне сидела европейка, видно, заплатившая совсем другую сумму. Ок, ок, буду нема как рыба.

28 октября. Cochin – Ernakulam

Если мне чего и не хватает в этой поездке, то это напарника-навигатора. Все остальные функции я научилась выполнять сама. Но с точки зрения топологии ничего не поменялось с шестилетнего возраста — тогда я вышла из нашего нового дома, зашла за другой, такой же, и между этими двумя зданиями наглухо заблудилась. Было бы чертовски удобно комбинировать мое умение находить прекрасные запущенные улочки, закоулки, старые храмы и странности — и чью-нибудь способность выводить потом нас обратно.

Впрочем, Кочи построен в загончике между набережной и дорогой, особо заблудиться тут не вышло даже у меня. Вскоре я вернулась к уже знакомой кирхе и от нее попыталась выбраться за туристическую резервацию, чтобы спокойно поесть. Кафе в колониальном стиле, это, конечно, мило, но еду я предпочитаю нетуристическую.

По дороге купила себе обычный с виду рожок мороженого, и оно оказалось ИДЕАЛЬНЫМ! Хрустящая вафля, нежное сливочное мороженое и потрясающие комочки карамели внутри. Таким поливают самый вкусный попкорн... И м-м-м! Яичница с курицей, кофе (где молока больше, чем кофе), и все это вообще без специй... Однако, как писал один мой знакомый, «это гедонизм, я его отвергаю!» — так что на обед пойду в местную закусочную, бороться с огнедышащим драконом.

Так странно видеть постоянное смешение стилей. Старинный пыльный канделябр, в который ввинчена энергосберегающая лампа. Светильник в церкви в виде искусственной свечи, усилитель звука и вентиляторы в храмах...

Я по-прежнему иногда путаю 50 и 15, произнесенные быстро. Иногда даю просто более крупную купюру, давая человеку самому определиться, сколько он мне должен. Сегодня других денег с собой и не было, так что парень, которого я попросила взвесить мне несколько апельсинов, тяжело вздохнул и махнул рукой: забирай так. Нет сдачи с сотни.

Сегодня в планах тур по островам. Общественный паром стоит 4₹, вода смердит — куда там Венеции! Пока бродила, наткнулась на открытые ворота фабрики, делающей пальмовые веревки. Внутрь не пустили, охранник вежливо оттолкнул меня к выходу, зато я подышала этим потрясающим запахом измочаленного дерева.

Везде стоят кассовые аппараты, печатающие унылые билеты со всякими ООО и ННН. Скучища, никаких тебе эксклюзивных цветных билетиков с картинками. Моя коллекция в дневнике простаивает.

Зря я пошла в Эрнаулам — там меня охватила теточная любовь к тряпкам. Из двух магазинов я вырвалась без потерь, а в третьем застряла. Убеждаю себя, что без чистой одежды ездить противно, и сама себе ехидно отвечаю, ага, а до этого полмесяца нормально было... Действительно много хороших шмоток. Правда, они выглядят не особо прочными, но это же хорошо. Сносил — выкинул.

Есть люди, похожие на нас. С ними вне зависимости от уровня языка можно обсудить цены, жару, политику, семью и т.д. А есть люди-роботы. Подхожу к уборщице, руку вымазала в чернилах — из-за солнца в кармане потекла ручка. Спрашиваю: где можно достать воды? Она даже вопрос не поняла (хотя что тут понимать, когда тебе синюю руку протягивают?), покачала головой и ушла. Другая тетенька рядом поохала и дала мне газету.

На карте в путеводителе наконец-то разгадана тайна, почему в городах главная улица называется M.G.Road. Почему-то только тут, в Эрнауламе, ее расшифровали: Mahathma Gandhi! У нас тоже улицу Ленина можно было бы сокращать до L-street.

В этой поездке я впервые не подсаживаюсь на газировки. Обычно сладостей не хватает, и я начинаю пить несвойственные мне обычно кока-колы и спрайты; а тут, кажется, флагманом станет кофе с молоком. И сладости. Все же наши химические сласти ни в какое сравнение не идут с этими жирными, зернистыми, насыщенными комочками.

Тростниковый сок здесь гонят так же, как и во Вьетнаме — прогоняя палку через ручной пресс. Но верные своим традициям, индусы влихивают туда не только освежающий лайм, но еще имбирь, пачку сахара и какую-то мать, из-за чего напиток, призванный утолять жажду, ее скорее вызывает.

Общественные паромы — это так же прекрасно, как и автобусы. Не очень много людей, свободно, спокойно, с билетами и по расписанию, у служащих ни малейшей алчности в глазах. Не понимаю, как можно предпочесть всему этому «водное такси» и потом дергаться, обманут ли, привезут ли туда, куда хочется...

Только что ворона подлетела к самому борту и выхватила из воды бледную гниющую куриную лапу. И улетела, помахивая находкой. Очень жарко.

Дорога до пляжа отчасти утолила мою накопившуюся жажду прикосновений. Люди набивались все гуще и гуще, а потом толпу отполировала юркая стайка школьников в форме. Зато здесь отдельные двери для женщин с детьми и мужчин. Девушки пахнут мылом, духами, солнцем, сладостями. У кожи особый запах, как будто свежую муку просеяли. Ехать — стоять и трястись — довольно тяжело, но все равно приятно.

Автобус резко затормозил, а потом медленно поплелся. Что удивительно — не гудя. Выглядываю в окно, а там слон. С погонщиком.

На остановке городской сумасшедший повесил свой пакет с овощами на руку терпеливому пассажиру и весьма выразительно показывал, что его обдало волнами, а потом он сказал им всем пойти нафиг, далеко-далеко, и дальше что-то экспрессивное про хвост и голову. Пассажир, тонкий спокойный дядя, почтительно внимал этой пантомиме, периодически ободряюще мне улыбаясь: мол, не бойтесь, не опасен. Напоследок парень, производящий по жестам впечатление пьяного глухонемого, начал перевязывать сарунг — так трогательно-медленно, как это карикатурно изображают в капустниках. И уронил. Сарунг. Наконец-то я узнала. Да, носят, банальные боксерки Томас Кляйн. Везде цивилизация, кошмар.

По дороге на пляж я выяснила, что автобус идет только до поворота, от которого еще два километра. Конечно, мой путь был усеян моторикшами (которым я от жадности «крутила фонарики» — «по, thanks»), а потом появился парень с велосипедом, про которого я подумала — почему бы, собственно, и нет. Пусть парится и тащит меня в гору на багажнике, отрабатывает право хвастать друзьями, что у него есть подруга-белая (он и правда успел раза три-четыре остановиться и рассказать, что я из России). Около часа длился наш милый школьный роман. Я разрешила обнять себя за плечи и целовать руки; потом мы, держась за ручки, бегали по прибою. Предложения поехать в более красивое (и уединенное) место я пропускала мимо ушей, а когда надоело, взяла моторикшу и сказала «на вокзал». Шази уселся рядом, долго рассказывал что-то водителю; впрочем, когда тот по его указанию попытался свернуть с дороги, просто хлопнула драйвера по плечу: «Не дури, я сказала — станция». Драйвер извинился, послушно вернулся на трассу, Шази же с сожалением сказал, что ему пора. Выпросить «один

поцелуй в губы» на прощание он не сумел, зато получил неплохой пинок, с помощью которого к обоюдному смеху вывалился из повозки.

При всей своей бедности азиаты невыразимо щедры. Все, что продается на базаре, готовится, кипит и жарится, можно попробовать, даже не спрашивая. Может, потому что в большинстве случаев они являются хозяевами бизнеса, и наказывать за расточительство некому? Парадоксально, что в России основная часть расходов любого ресторанного бизнеса — аренда, откаты и зарплаты, а стоимость продуктов зачастую вообще не учитывается. И при этом такое жлобство с промо-кусками и размерами порций!

На столе сохнут свежееобжаренные чипсы, на которые я польстилась из-за прекрасного юноши. Он резал и жарил картошку прямо на улице — в огромном чане, полном кипящего масла. Фотографии грузятся медленно, я смотрю на пакетики окаменелых чипсов с тоской — брать еду пальцами, которыми печатаешь на клавиатуре в общественном интернет-кафе столь же гигиенично, как вылизать MG road по всей длине.

Вечером ребята из моего отеля твердо решили помочь мне с туром на слоновью ферму. Что было не просто — я поставила верхнюю планку в 1000\$, так что машины сразу отпали. Этот путь пролегает через чудесный город Куданада (!), так что я не решилась отказаться. После удачно завершенных переговоров дали друг другу пять, я подарила пару монеток с родины, а потом мне предложили массаж головы. Как это ни удивительно, массаж был хорош и поначалу даже не сопровождался поползновениями; зато потом он, конечно, перетек на шею, плечи и поясницу, «а давай тут тоже маслом», «а так одежда помнется» — на этом месте я объявила, что завтра вставать рано, вытолкала его за дверь и села зарисовывать карту следующих дней. Парень искренне огорчился, так что для успокоения души я оставила ему на подушке открытку — мол, не грусти, зато у тебя руки золотые.

29 октября. Cochín – Kudanada – Munnar

И хотелось бы верить, что тут просто глубокая скважина и серная, полезная, хоть и вонючая вода; однако, вероятнее всего, ребята просто плохо очищают канализацию, перед тем как подавать ее в дома.

Вставать пришлось рано, так как задумка была — успеть к мытью слонов, которое происходит в половине восьмого каждое утро. Тук-тук, местная смешная колесница пришла почти без опозданий по местным меркам. Получасовое ожидание не в счет; я встала даже чуть раньше задуманного (так как боялась проспать) и села на камушек посреди пустой улицы, гадать, какое из транспортных средств

хочет меня забрать. Одежда, конечно, не высохла (вешала я ее в темноте и снимала в темноте), поэтому мне пришлось спасти ее от затухания, привесив к рюкзаку. Выгляжу, как малый цыганский табор, только вместо чумазого ребенка на руках — Мистер Green Cat.

Итак, тук-тук приехал, снабженный пухлым говорливым водителем; дальше мы заблудились, потерялись и начали опрашивать встречных, где же этот чертов заповедник; тук-тук действительно адски стучит и почти не разгоняется, так что ездить на нем в межгород — то еще наслаждение. На территории национального парка, где меня высадили безо всяких инструкций, меня внезапно взял под опеку местный глухонемой. Я так и не поняла, что это было — но в итоге мы не пошли к центральному входу «там же начальник!», а поиграли в разведчика, бегая по кустам от проходящей процессии слонов. Меня это забавляло (особенно когда проводник растягивался за кустом и жестом предлагал мне последовать его примеру), да и совсем без проводника я бы заблудилась в этом огромном лесу. Но слоны в итоге внезапно ушли мыться очень далеко, куда разведчик идти отказался; так что я просто побродила по воде, насладилась гигантскими следами на берегу и пособирала мелкий гербарий.

Начинаю думать, что просто ехать мне нравится больше всего. Безмятежно плыть, дребезжать в тук-туке, торчать в кузове или салоне автобуса — двигаться. Да, конечно — видеть новое, ставить галочки на достопримечательностях... но это второстепенное... Мой брат как-то, будучи ребенком, попросил нашего дядю спустить его с сарая. Тот, конечно, выполнил просьбу; но стоило брату коснуться земли, как он снова протянул руки: а теперь подними! Когда просьба прозвучала в третий раз, дядя попросил определиться, где ему нравится больше: вверху или внизу? Брат, нисколько не задумавшись, отвечал «между!».

Местные новые штаны тонкие, уже порвались на заднице. Теперь я знаю, зачем местная туника такая длинная.

Но поездка в парк все же имела свою прелесть, даже несмотря на испорченный квест со слонами. Например, я впервые в жизни увидела, как растут ананасы. Полями! И бананы. Лесами! И деревню Roberta, где собирают черный сок каучукового дерева — почти как березовый.

Итак, я еду в Маннар! В автобусе кроме меня еще два европейца — но они то ли не пара, то ли поссорились. Сидят с таким скучающим видом, будто мы стоим в московской пробке. Я, конечно, тоже сначала клевала носом — казался ранний подъем и быстро наступившая жара — но вскоре мы въехали на серпантин, и мне стало не до сна. Хотя внезапно оказалось, что преодолевать апатию родственников по духу существ (а европейцев я ощущаю все же более близкими, нежели азиатов) довольно трудно — когда автобус полон индусов, я могу вести себя так, как счи-

таю нужным; в этот раз приходилось делать неслабое усилие, чтобы продолжать с нескрываемым восхищением прилипать к окну, за которым в полушаге пролетает очередной обрыв.

Постиралась я в какой-то недобрый час — мы въехали в дождь, и выяснилось, что в этой местности он скорее типичен, чем редок; Маннар — туманный холодный поселок в седловине горы. Я успела пообедать, а потом наудачу спросила про ночлег у официанта. Он величественно завершил разнос посуды, после чего взялся меня сопровождать. Привел в действительно неплохой многоэтажный домик, очень уютный — правда, номер моей ценовой категории расцвел плесенью от избытка влаги, а с потолка у него капало, но это все были мелочи. Я кинула вещи, договорилась про завтрашний тур по горам (официант по совместительству еще и гид) и пошла гулять по городу.

В интернет занырываешь, как в иной мир — возвращаться потом в местные реалии порой сложно. И я уже не собираю толпы зевак, прогуливаясь. Черт побери, неужели в этом мире действительно все зависит только от того, как ты сам себя ведешь? Все, и близкие, и чужие, ведут себя с тобой ровно так, как ты сам это позволяешь делать? Столько вещей выпало из моих рук только потому, что я не смогла сказать потере «нет», так же уверенно, как Нео пулям...

После заката действительно холодно, пробирает ледяным ветром. Я взяла сластей к чаю; Биной, владелец хостела, встречает меня каждый раз со свежеприготовленным масалой. Можно забраться с ногами на диван и ощутить единение с моими бедными, замерзшими друзьями в Москве. Беспокоит лишь вопрос: раз так холодно даже в сухом виде, когда же я наконец отмою массажное масло с головы?! Два дня с паклей вместо волос уменьшают запас моего жизнелюбия довольно сильно.

Задала этот вопрос Биною; тот ответил, что, в общем-то, на крыше есть solar-system для водонагрева, которая, к сожалению, не работает за неимением в небе solar. После чего вздохнул и нагрел мне кастрюлю кипятка на собственной плитке. Принес, пожелал уютного душа и хорошей ночи. Прекрасно!

30 октября. Миппар

Комаров, на удивление, я не встретила. Спалось отлично — насколько же освежает сон в прохладе после душной липкости!

Проснулась с рассветом. Чертовы петухи. Те, что доносились издали, были как назло мелодичны, а вот наш крыл мир хриплым бесовским ором.

Решила использовать ранний подъем, погулять по городку, пока он еще спит. От холмов вокруг виден только мохнатый силуэт; сквозь него встает солнце, и весь гребень кажется сотканным из тумана, как на выцветшем от старости бхб снимке.

В воздухе плавают пересекajícíся пласты запахов — свежеполитых кустов (да, удивительно, но за садами вокруг домов тут ухаживают, не полагаясь на ночную влажность), мочи, канализации, утренних благовоний, неизвестной травы с резким запахом, сырой земли, солнца, порошка, бензина, шампуня, мха, застарелой сырости... Звуки тоже. Тарахтят первые тук-туки, женщины гремят ведрами и заставляют струи воды бить в жестяное дно; из храма доносится истовая напевная молитва, да и рынок уже ожил. Он, кстати, прямо подо мной.

Вокруг почти все узкое и четырехэтажное — довольно высоко для обычной Индии. Наверное, сложно найти ровный участок для дома широкой площади.

Просто прогуляться в городе негде. Центр составлен из базара и автовокзала, вокруг — грязные унылые ларьки и автосервисы. Пока все магазины закрыты, а ночной мусор все еще валяется на улицах. Люди поутру мятые, злые — и не настолько проснувшиеся, чтобы приставать к белой девушке. Женщин среди них нет. Впрочем, уже появляются первые стайки опрятных школьниц (И не убеждайте меня! Форма — это здорово! Особенно такая легкая и яркая).

К большинству местных блюд неплохо бы прилагать рисованную инструкцию, как это есть. То есть понятно, что скорее всего. Но хочется деталей. Например, сегодня мне принесли на завтрак банановый лист, где в центре возлежит лепешка, и несколько соусов вокруг. Выкладывают ли их на манер шаурмы или рвут и макают? Пришлось озираться по сторонам. Оказывается, рвут.

Пока добиралась из едальни домой, чтобы дожидаться своего экскурсовода, ко мне подошел местный забулдыга. Объявил себя супер-драйвером, показываясь, предложил организовать экскурсию «вери чип». Из интереса спросила у него цену, он назвал всего на 200₹ больше, чем у моего — подумываю, не поторговаться ли теперь со Стефаном? Обычно, когда местные называют цену с таким наглым и самодовольным лицом, это не меньше чем вдвое дороже приличного прайса.

Так как моя самая дешевая комната — угловая плесневелая каморка без окон, я попросила доступ к благам цивилизации в виде воздуха и солнца. На что получила ключи от пустующей комнаты верхнего, «богатого» этажа. С него вид на всю долину, можно принимать солнечные ванны.

Солнце по-настоящему вышло из своих хмарей только к полудню, и сразу начало трудолюбиво греть. Стефан приехал вовремя; мы вместе выпили

чая на кухне у Биной, и начали потихоньку выкатываться по серпантину на дорогу, ведущую от городка к горам. Рисовать тут, конечно, надо красками; я даже не знаю какими. Акварелью? Маслом? Вот эти зеленые листочки, складывающиеся в ломаные щиты, из которых состоят целые поля до горизонта; огромные водопады между ними и внезапно возникающие камни, и деревья с кронами, словно выстриженными из колючей губки...

А еще — эвкалипты! Целые леса! Они не так аккуратно выглядят, зато ПАХ-НУТ! Воздух вокруг них можно паковать в набор «подарки из Индии». Шел бы на ура, мне кажется.

О-о-о, как же здорово ехать в тряске тук-туке и менять объективы, рискуя выронить любой из них в пропасть на повороте, а то и самой выкатиться следом... Сажу враспор, с использованием ног, иначе точно вытряхнет. Вдоль дорог — священные задницы священных коров; чайные фабрики издали узнаются по терпкому запаху сушащихся листьев. Водитель приучен тормозить по крику «вау!», удобно. А еще можно остановить его где угодно и идти пешком, наслаждаясь видом. А он будет ползти за тобой с пешеходной скоростью, как послушный мул. С музыкой! Тихой, местной. Стефан спросил, не помешает ли она — и я восторженно попросила сделать погромче. Мужской и женский голоса поют о любви (о чем же еще!), зелень от горизонта до горизонта, и все это только для меня! Облака спускаются, становятся туманом, хололят плечи. Я не уверена, что в моей маленькой голове поместится столько неба. И зелени. И солнца. И поворотов узкой дороги... Все же попутчик нужен, как средство выражения восторга, а то так и лопнуть недолго.

В местном национальном парке выдали гида — лет 15 на вид, на самом деле — черт его знает. Солидный, идет с тростниковой палкой-тростью, находит максимум животных, ничем не брезгует. Показал улитку на тропе, следы козули, дерьмо белки; бабочку, пойманную в паутину, взял осторожно за крылья и распутал, выпустил. Реагирует на любой звук — если рикша останавливается, услышав щелчок затвора фотоаппарата (чтобы ты мог сделать кадры получше), то гид тормозит и исчезает из кадра, лишь услышав шорох снимаемого с шеи фотоаппаратного ремня.

Часто останавливаемся и прислушиваемся — так выше шанс ничего не пропустить. Уже знаю стук коготков по дереву от Большой Серой Белки (занесена в Красную книгу, похожа на лемуру), шелест ящериц в траве и свист странной местной птицы с большим клювом. Бабочки и те тут летают сквозь кусты с шумом, ломая ветки.

Один раз сидели в кустах, слушая, как невдалеке кормятся дикие слоны, а потом бежали оттуда на цыпочках, сняв обувь. Судя по тому, как поблдевел

мой проводник (не думала, что это может быть НАСТОЛЬКО заметно на черно-лиловой коже индуса), это и впрямь было very danger.

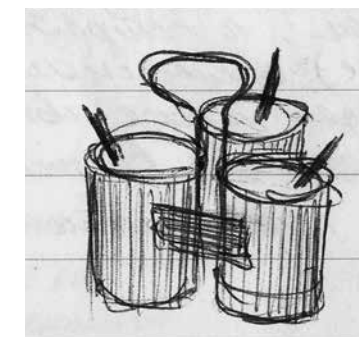
Кактус, который нельзя трогать, я конечно пощупала хоть немного — занозу из него потом вынула, но палец помнит о ней до сих пор. Некоторые умельцы вырезают на них свои имена. Интересно, кому в итоге было хуже — автору художества или бедному полотну? Сандаловое дерево можно понюхать, потрогать и даже подержать в руках (проводник специально отломил для меня кусочек от пенька). Однако унести с собой даже крошечную часть нельзя. Гид специально проследил, чтобы я выкинула ту щепочку, нанюхавшись.

Он потрясающе заботится о тропе. Выкидывает камни, отгибает ветви; предупреждает, где будут скользкие камни или осыпи — шепотом и жестами, конечно.

Ох, какой же был длинный день! А ведь еще восьми нет. Гулять по городу толком не получается, особенно сложно из него выйти — это чертов лабиринт. Видишь точку, куда хочешь попасть, но чтобы это сделать, нужно трижды пройти в противоположную сторону. Моей оперативной памяти не хватает, чтобы просчитать все витки серпантина. Я изрядно умаялась после сегодняшней прогулки — казалось бы, основные километры я проехала на личном тук-туке, а ходила ногами лишь по тропам, совсем немного. Однако лицо горит от ветра, а все мышцы ноют, будто эти двадцать километров проделали самостоятельно. Еле высидела в интернете загрузку фотографий, уж больно хотелось лечь; уже привычно добралась до края базара, чтобы купить там сладких шариков на после ужина и шла домой в приподнятом ощущении грядущей кровати. В этот момент меня и поймал Бинной со словами «русская девица, айда на

← Мешки с камнями мило ограждают участок свежеслитого бетона возле крыльца.

← Между столов бегает мальчик с огромными ведрами бесконечной подливки. Одно я делала правильно интуитивно: как и все, сначала сказала ему «не надо», а после, распробовав подливку, начала орать с другого конца зала «а ну иди сюда!».

Лотки с фруктами обычно мобильны — как и многие другие магазинчики, они уезжают с закатом ночевать в гараж продавца. →

ропливо дожевала, плюхнулась в околдойжную позу... и как провалилась. Так хорошо! Оказывается, во время моих утренних попыток-посиделок на море тело что-то запомнило. Например, то, что это минимум на полчаса — то есть целых полчаса никто не будет дергать, заставлять идти, нести, жевать, глотать и вообще как-то двигаться, кроме дыхания. Положение оказалось настолько удобным и естественным, что я задумалась, а не делать ли мне это каждый день самостоятельно. Если как следует устать... Правда, «ом», настраивающий дыхание, в этот раз не получился — испанка никак не попадала в тон, зато тянула старательно и громко, отчего я не слышала себя и досадовала.

Зато после медитации Биной предложил спеть вместе священные тексты. Эти «харекришны» довольно мелодичны и просты, и главное в них — освободить дыхание. Особенно здорово петь простые мантры. В них всего одна повторяющаяся строка; выучиваешь ее, а дальше тело само следит за мелодикой, а тебе остается лишь наслаждение от чистоты звука и силы голоса.

Голоса из коридора:

— Hello, is where anybody here?

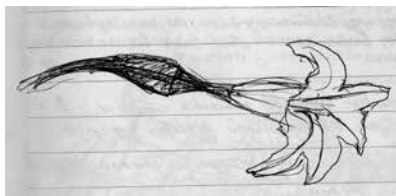
— (отвечаю) Sorry, but hostel-guy go away now.

— Кать, пошли в следующий.

Выскакиваю, как была, в спальнике. Две недели без русской речи, оказывается, довольно сильно влияют на интонации; влет в полном объеме способность разговора не возвращается. Господи, какой же у нас богатый язык!

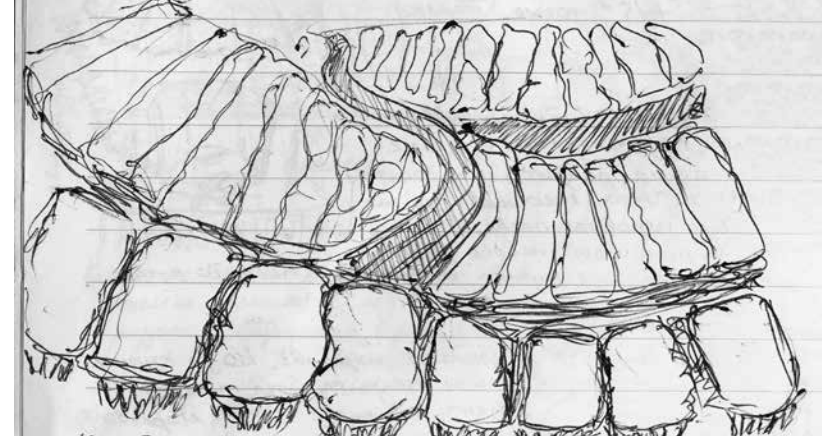
Потрепались на общие темы, погода/цены/поездка; ребята попросились воспользоваться туалетом, пока они ищут отель, а после ушли обратно в коридор, чтобы в своей мультинациональной компании на трех языках решать, останавливаться ли здесь.

Эта безобидная морковка — на самом деле гигантский ядовитый плющ, разросшийся на компостной куче. Длина — 1½ метра. →

медитацию». А последняя лестница в дороге, ведущей к дому, очень крутая (и не в смысле «красивая»), я такая взмыленная, замученная... и внезапно для себя отвечаю: «а пошли!»

Биной собрал всех постояльцев — двух французов, пухлую испаноговорящую аргентинку и молчаливого европейского мальчика. Я по дороге на крышу бахнула чая, проглотила свои сладкие шарики, то-

Если открывать отель, понадобится сеть местных, которые будут отлавливать для тебя туристов. Надо бы просветлиться к старости, и отделяться благословениями, как Амма, а не процентами.

Забавно. Существуют десятки, сотни способов делать простые бытовые процедуры — мыться, заваривать чай, готовить еду. Тем не менее, в одной местности, как правило, преобладает всего пара вариантов. Цвета одежды, ее насыщенность, форма посуды, используемые материалы... Что же будет, когда все смешается? Настоящие массовые миграции начались жалкие сто-двести лет назад; я привожу из поездок разное, и буду заваривать себе индийский чай в сербском чайнике, запивая им вьетнамский супчик Фо. Спать на татами, как в Японии, в пижаме из Аргентины, обложившись подушками с югославской вышивкой. Когда космополитов станет большинство, каким станет общество? Более терпимым? Более циничным, увы, это прилагается к способности принимать чужие причуды и странности. Менее любопытным, когда волна предыдущего жадного собирательства чужих артефактов даст откат в виде жажды аутентичности. Появятся фанатики, собирающие атрибуты одной страны...

Индия — прекрасный пример удачной децентрализации. Везде примерно одинаковое изобилие, лавки действительно ломаются от товаров, нищета и грязь тоже одинако-

← Чайные плантации соблазнительной зеленью укапываются за горизонт. Сюда бы акварель...

← На почте были очень рады поделиться на память козой.

вые — мусор убирают поутру и снова набрасывают к вечеру. Между крупными городами тоже есть улицы (точнее, маленькие поселки, но их сложно идентифицировать), и магазины с тем же набором предметов примерно. Разве что электроники нет, не востребована она в деревне. Фрукты в деревнях лучше...

31 октября. Муннар

Немного проспала, так что чай допивала вместе с приехавшим Стефаном. По дороге на чайную фабрику заехали покататься на слоне. Огромные кожистые уши хлестали по ногам, а сам слон был абсолютно индифферентен. Интересно, он чувствовал мои руки за ушами? Говорят, у них голова чувствительная. Мы поехали вместе с румынской девушкой Мариной, так как на слона в одиночку не сажают. За короткий путь по лесу успели сдружиться, так что на выходе я достала блокнот — записать адрес. Это вызвало внезапный ажиотаж, как среди румынских подруг, так и среди местных. Почувствовала себя слоном — все вдруг захотели фотографироваться со мной и моим дневником. Одна индийская девушка витиевато похвалила мою работу и попросила на память бумажную денежку моей страны. Выглядела она очень европейски, была мила, так что я решила не жадничать. Драйвер, впрочем, весьма огорчился, узнав, что я отдала целых 100₹ просто так.

Едешь мимо деревни, тебя все провожают взглядами. Пристальными, не всегда с улыбкой. И когда тебе становится уже совсем не по себе: и впрямь, вперлась в их жизнь, фотографирую, лезу, зачем? — самый сумрачный дядя вдруг начнет махать, радостно, как ребенок, с явной надеждой, что ты успеешь махнуть в ответ.

Сегодня меня выгуливают на совсем уж высокую точку. Солнца нет, ветер есть, куताюсь и ежусь. Посетили TopStation (можно было догадаться, что на самой верхней точке местных гор точно не будет теплее), деревеньку с сувенирами и еще одну дамбу по дороге. Безумно красивые места, но мне хотелось их проехать как можно быстрее и вернуться в уютный домик с чаем. На дамбе посмотрела, как разъезжается автобус с ко-

ровой. Их тут не привязывают и не пасут — на серпантине можно разбрестись максимум в две стороны, и даже медленного коровьего ума хватает, чтобы определить, в какой стороне стойло. Поэтому все дни напролет бродят везде, жуя обочины. И мигрируют весьма величественно, через центр дороги. Их обычно объезжают, но на дамбе развернуться было негде. Туристы вроде меня просто зашли за ограждающие цепи, освобождая место автобусу, а корова заметалась, пытаясь подлезть то с одного, то с другого бока. Пока наблюдала эту картину, задумалась: считается ли дурной приметой сбить священную корову? Если сравнить габариты тук-тука и этой туши, пожалуй, можно ответственно заявлять, что да, такое кощунство карается немедленной смертью. Тут из автобуса выскочил парень, прервав мои рассуждения, топнул на корову — и та, смирившись, что ей не надо на ту сторону дамбы прямо сейчас, потрусила перед автобусом обратно.

В маленьких палатках, стоящих прямо на извие дороги, готовят на специальном очаге — два камня и лист железа с дырками. А этот дуремарский колпак — ситечко для промышленного заваривания чая. Черное, дырявое и больше всего напоминает старый носок, но зато какой в нем чай!

Вдоль дорог продают нечто яркое, разлитое по бутылкам. Сначала думала — алкоголь, а оказалось — мед. На вкус забавный сироп, вроде сливового. Можно было бы поторговаться и взять пару литров рублей за сто (или даже меньше, судя по отчаянию продрогшего мальчишки-продавца), но я представила себе одежду, склеенную сиропом... даже с доплатой не надо. Хотя офигенно выглядит, когда тягучую тяжелую каплю отливают, будто расплавленный металл в форму, тебе на ладонь... и потом касаться ее языком, ощущая, как он утопает в сладости и нежности...

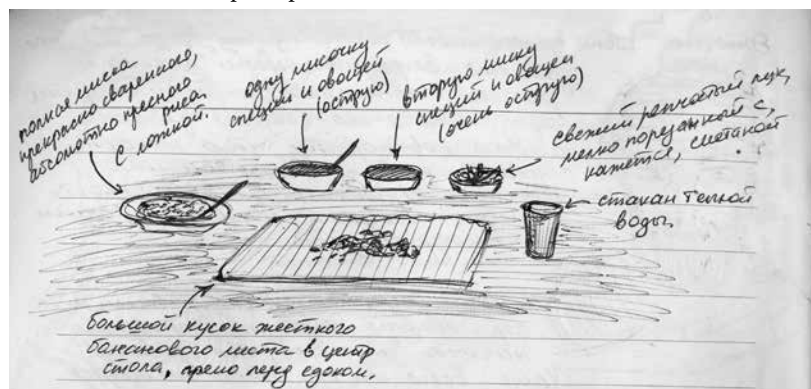
Волосы на руках уже привыкли стоять дыбом. Местные запомнят меня, как «та белая в шерстяном платье, которая все время бегала». Сначала от дождя на почту в надежде найти там открытки, потом в интернет-кафе (не терпелось рассказать и выложить снимки), потом из кафе на рынок («быстро-быстро, пока фото заливаются, куплю себе кокос!») и наконец домой, чтобы плюхнуться в нужную позу и дать телу выдохнуть и согреться.

Уже привыкла заглядывать в каморку к йогу Биноу, чтобы выпить чая и потрепаться. Он встречает всех, предлагая чашку свежесваренного напит-

ка — каждый раз с разными специями. Биной настоящий индус и обращается с приправами вольно. Сегодня, например, в моей чашке нашелся имбирь и, кажется, красный перец. «Тебе нужно согреться» — подтвердил он мою догадку. И дал в комплект к раскаленной чашке свежайший и совсем неострый пончик *vada*. С луком!

Сегодня у меня снова кризис. Было бы любопытно составить график. Мне кажется, что его частота связана с банальной усталостью — от пестрого, шумного города, непривычного режима сна, языка, который нужно постоянно расшифровывать, как ребус... Чем сильнее устаешь, тем больше хочется найти кого-то, кому не нужно ничего объяснять, на кого не нужно тратить силы — но кем можно пользоваться, чтобы подзарядиться. Рассудив таким образом, я решила, что мою тоску по родине вполне можно утолить банальным отдыхом, так что пошла в ресторан.

Thali — рис с огромным количеством добавок. Все подается раздельно. В центре огромного пустого блюда (в более традиционных районах — банановый лист). На блюде рис смешивается с подливами. Едят руками, перемешивая правой рукой содержимое тарелки. Левую руку ко рту не подносят.

Жаль, что в моей камерке нет окна — иначе можно было бы сидеть и тоскливо пялиться в заливаемую дождем ночную наружу. Кстати, во всем доме только два помещения без окон, и второе занимает Биной. Это тоже романтично в каком-то смысле. Черт бы побрал мой цинизм, весь настрой сбил. Или это ужин начинает действовать? Трудно тосковать на полный желудок, если честно.

Моя параноя относительно болезней поутихла. С ней произошли те же метаморфозы, что и со страхом мошенничества. В первых поездках и до них тебе кажется, что стоит отойти от дома на пару километров, и ты нарисуешь на себе мишень с надписью «набивать здесь». Но пройдя несколько дорог, понимаешь, что адрес на лбу не написан, да и жить мошенник может пря-

мо в соседней квартире, так что это не показатель. Большинство тех, кого ты встретишь, вообще впервые видят туриста и даже не представляют, с чем и зачем его едят. Пищевые цепочки у всеядного человечества все-таки довольно устойчивы, и если перед тобой незнамо что, сориентироваться и начать его хавать могут немногие. То есть становится все яснее простая истина — ты не пуп земли. Немного обидно, но люди попятятся на тебя и пойдут своей дорогой. Вот, и бактерии тоже не спешат набрасываться на тебя, стоит переступить порог. Минимальный уровень гигиены, и все нормально.

Биной попросил меня написать отзыв в его книгу для гостей, ну и я конечно расписалась на всех полуторах языках, которые знаю. Основная мысль — это не отель, это дом, куда хочется возвращаться. Потому что тут ждут. Со свежим чаем, неспешными разговорами, горячей водой, если надо. Спокойно и несуетливо, в любое время дня, в любом состоянии.

Мне жаль уезжать отсюда.

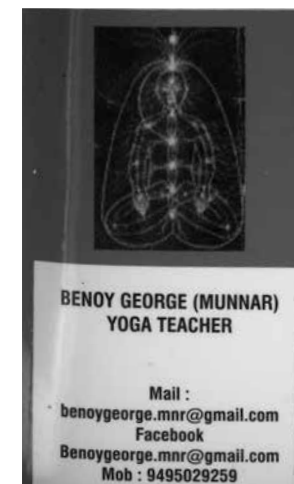
1 ноября. Munnar – Ooty

Зачем-то открыла страницу «здоровье» в LP. Жуть. Как я жива до сих пор? Брат пишет комментарий к посту про национальный парк «босиком удирать от диких слонов — ты нашла подходящий себе трип!» Ну, не про медитации же писать в блог. С них ни фотографий, ни фана навынос.

На прощание мы так долго стояли с Биноем, обнявшись, что будь мой автобус в семь, как он сказал, а не в семь пятнадцать, я бы точно опоздала.

В городе туманно и сыро. Я уже привычно подняла штору возле себя и помогла паре французов — в открытом окне обычно штору даже не видно, она складывается вверх и защелкивается так, что кажется продолжением рамы, поэтому во время дождя туристы — единственные, кто намокает. А если не повезло сесть рядом с закрытым изначально окном, можно пропустить все прекрасные виды, борясь с защелками.

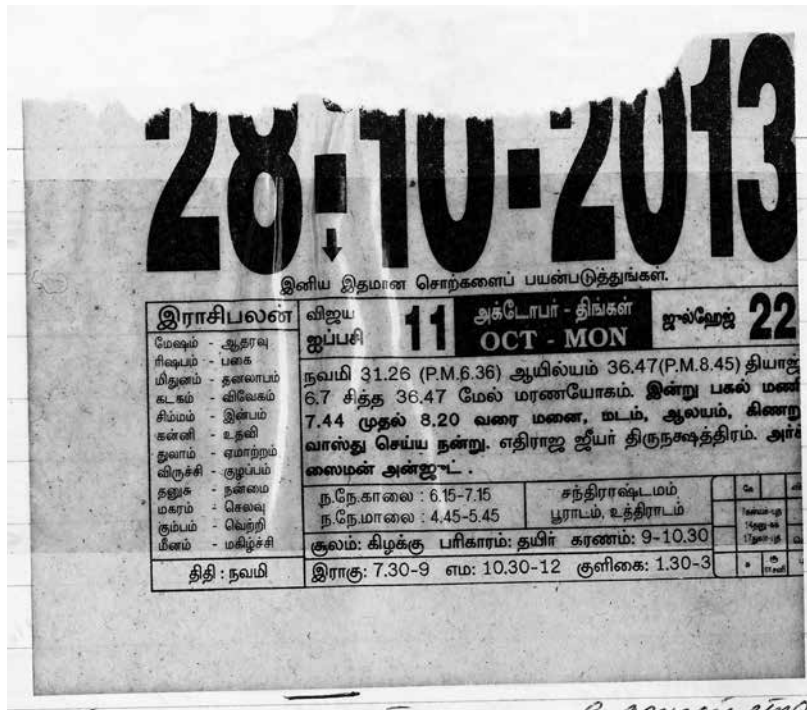
Поехали, рассекая туман! Нас ждут 33 сотни поворотов!

В том самом месте, где пару дней назад я просила Стефана остановиться и дать мне время посмотреть прекрасный мост над бурной речкой, я, даже не хлебнув колы (а только биноевского чая поутру), тормознула весь автобус, чтобы пописать. Ссать с моста с очумительным видом после целого часа ожидания этого момента — бесценно.

Еды с вечера я купить не удосужилась, утром было некогда, но это даже хорошо. Тем вкуснее будет мое прибытие в любой город. Вот, например, станция! Бросилась на выход, не дожидаясь даже полной остановки автобуса; вада, банан в кляре (похож на обычную сладкую булочку), чай! Француженки Аркичу и Катрин последовали моему примеру, но несколько более сдержанно. Будучи один, привыкаешь быть чуть веселее и шумнее, чтобы самого себя подбодрить и порадовать. Да и потом я работаю от солнечной батареи и динамо-машины, превращающей километры в энергию. Я двигаюсь — следовательно, суще-

Спросила в кафе, можно ли оторвать у них лист календаря. Тамильский язык — адски красив в печатном виде. →

ствую; да и молочный туман закончился, мы снова едем по солнечным пятнам.

В последний интернет-заплыв я выбросила из своей ленты филиал «лепры», «оптимиста», несколько гламурных фото-блогов и одного юзера с его цитатами про тлен, одиночество и безысходность. Из Индии пошлость, цинизм, уныние и безвкусице воспринимаются как-то особенно резко и противно.

Мы спустились в долину. Местность стала саванной, появились гигантские термиты города из глины и паутины сетки, раскинутые прямо на земле. Города в Керале очень грязные, все обочины в пластике. До границы штата было убрано вплоть до последнего пакетика, а тут помойка. Дома в основном крыты листьями, встречаются сараи, целиком свитые из травы, как корзины. Дорога стала офигенной, ровной — снова можно писать спокойно на коленке. В автобус набилась куча местных, но мне все равно, я торчу в окне и много места не занимаю. Наконец-то снова стало жарко, голову печет — понимаю, почему местные избегают садиться возле солнечного окна.

Деревня как обычно плавно перетекла в город. На рынках в основном бананы и козы. И цветная капуста внезапно.

На серпантине пару раз очаровательно встревали, упершись бампером в бордюр, за которым пара десятков метров вниз до следующего витка дороги. Кондуктор выходил и страховал, подавая знаки «вперед», «назад», «тормози» и «да ты что, совсем охренел?!».

Проезжаем город, довольно крупный — я уже отвыкла. Протискиваемся по улочкам, притормаживаем, чтобы еще пара человек прямо на ходу закинули свои вещи в салон. Научилась ориентироваться в таких местах по магазинам — над крупными висит вывеска с полным адресом, так можно узнать не только город, но и улицу, а дальше выудить из LP все детали моей поездки.

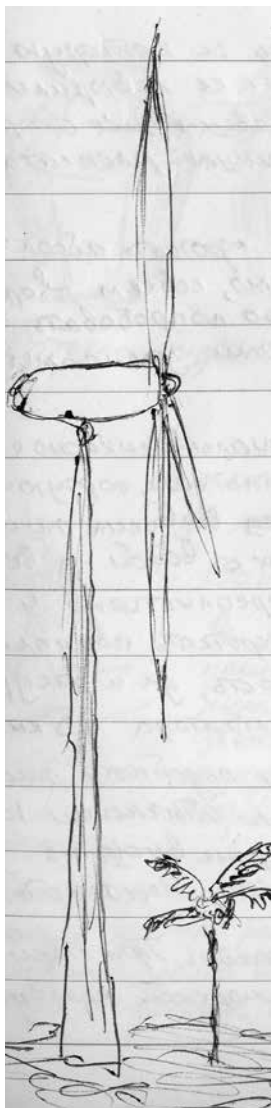

← Специи продаются удобным туристическим набором — длинной пачкой на ленте.

← Термитник из красной глины. Да, они так и выглядят!

А потом внезапно опять выехали на плато. В страну пальм и невообразимо огромных ветряков. Надвигаются, вращаясь, как нереальные башни, достающие до неба. Что-то из мультиков Мако-то Синкая. Невозможно поверить, что это дело самых обычных человеческих рук, а не могучих пришельцев. Настолько космически и чуждо выглядят эти штуки среди мелких деревьев, засыпанных грязным пластиковым мусором — технологии явно другой цивилизации. →

До полудня полчаса, до Коимбатора меньше часа. Жара. Я снова порвала штаны. Жизнь прекрасна, без преувеличений! У меня полбутылки воды и Vada на ланч.

Здесь ко мне обычно обращаются madam (представители власти) и friend (уличные зывалы). А сейчас вот кондуктор, окликнув «сестренкой», попросил убрать рюкзак. Внезапно так приятно.

Растения вокруг удивляют, даже когда прикидываются обычными. Смотришь на обочину — вроде бы обсажена обыкновенными липами. Листья, форма кроны, кора... Все сходится! Но внезапно посреди веток полно крупных, с розу, желтых цветов. Как это понимать?

Коимбатор поразил меня в первую очередь женщиной-полицейским и женщиной-кондуктором. Последняя — очень милая девушка в национальной тунике привычного для водителей оливкового цвета. Коимбатор — классический сумасшедший индийский город; наверняка в нем есть милые места, но автостанция к ним не относится. Ни одна — а станций тут несколько; выясняла я это в пять этапов у разных людей, потому что кондукторы тут внезапно совсем не говорят по-английски. В конечном итоге меня отловил добрый человек Бангорот, который объяснил мне, что до нужного автовокзала нужно ехать, и вызвался меня сопровождать. Я пыталась отказываться, он настаивал (рассчитывая на чаевые, конечно), и я сдалась — хочет ехать, пусть едет. В автобусе нас быстро растянули в разные стороны (спасибо, раздельным мужским и женским зонам!), я кондукторше сказала, что плачу только за себя и «этого парня» вообще не знаю, а на выходе выскользнула быстро и сразу заскочила в ворота. Это оказались овощебаза. Грузчики приняли меня настолько восторженно, что было

совестно признаваться, что мне ничего не нужно, кроме как спрятаться от назойливой заботы их соотечественника. Мне показывали мешки с луком и рисом, просили сфотографировать с друзьями и отдельно, радостно позировали, повиснув на разгружаемом грузовике... Все это без малейшей корысти. Мне было очень приятно, но я все же помнила о цели своего переезда — так что вскоре попрощалась и побежала через дорогу на станцию.

Попался ужасно колоритный толстяк — шоколадного цвета, в пронзительно-желтом сарунге, (подобранном так высоко, будто в трусы заправ-

ленным), с мохнатой грудью в бусах и тюрбане цвета сарунга.

На автостанции меня встретила ЧУДОВИЩНАЯ очередь. Автовокзалы в Индии всегда шумны, крикливы и пропитаны мочой, но как правило людей, садящихся на конкретный автобус, немного; чаще всего автобус приходит заранее, давая пассажирам возможность выбрать место и спокойно расположиться. Так как все автобусы обслуживаются кондукторами внутри, никаких касс и очередей нигде нет. Тут же, видимо, попытались упорядочить известный индийский хаос; в связи с чем хвост очереди виднелся еще с улицы, а внутри здания вокзала причудливо извивался. Я разобрала, что это, кажется, единая очередь на ВСЕ автобусы, и ее как-то разруливают оливковые кондукторы. Вникать в суть системы я не стала, рассудив, что я, во-первых, белая, во-вторых, белая и, в-третьих, белая; поэтому я просто обогнула раздраженные толпы и направилась напрямик к голове «состава». И, конечно, не прогадала — меня тут же взяли под опеку, уточнив, куда именно я планирую уехать; в подъехавший автобус я вошла первая, никто из индусов не посмел возразить даже взглядом. Общий штурм начался позже, и я в нем не участвовала; я к тому времени уже сидела, подобрав разутые ноги, и разглядывала конструкцию окна — внезапно со стеклом. Его бы поднять, но защелка не внушает доверия, а если от тряски вся рама сойдет обратно...

Девочки-соседки предлагали чипсы, пришлось отказаться — от них хочется пить, а воды мало. Впрочем, от моих бананов тоже хочется пить. И вообще хочется пить. Хочется влезть в ванну, как персонаж книги «Чужой среди чужих», и пить из нее. Жара.

Я снова способна мечтать о ледяном душе; а то в Муннаре мечталось о странном, вроде горячего чая и шерстяных носках.

Фотографировать нечего, есть нечего, рисовать неудобно — толкают. Придется спать.

Проснулась от того, что стало свободно — и вокруг меня, и вокруг автобуса. Мы снова едем на чумовой высоте. Опять наглые обезьяны кланчат чипсы, подбегая к машинам; снова серпантин и попытки обогнать всех. Но еще не холодно, и это уже хорошо.

Здесь, конечно, посрать с обочины для мужчины — абсолютная норма. Всегда поражала эта несправедливость. Очень нравится фраза девочки из «Влюбись в меня, если осмелишься» (в момент, когда они на спор снимали друг перед другом трусики), в ответ на мальчишеское: «И это все?! Там же ничего нет!» — «Это потому, что мы хитрее».

О! Тут продают на разнос к автобусу всякие чудеса. В основном — цветастые острые орешки. И среди них внезапно нашлись колеса моего детства! Кукурузные палочки в форме колеса, похожие на макароны, которые увеличиваются раз в шесть, если их кинуть в кипящее масло! Они почти без вкуса, точнее, со вкусом масла. Но зато хрустящие и легкие. Не смогла остановиться, хорошо, что пакет был маленький. Большинство еды, продаваемой с лотков в окно, стоит 10₹ (5руб). Чтобы удобнее было сдавать сдачу.

Интересно, почему по этим дорогам гоняют громадные неповоротливые автобусы? И еще — как же в эти края забирается поезд?!

Высунула голову в окно, чтобы насладиться ветром, и об меня разбилась бабочка. Весьма нелепая смерть, надо признать.

Автобусы тут не верещат, а давят густым басом, как корабли в тумане. И по реке, пересекающей дорогу, вверх тут не прогуляешься — слишком отвесно, сплошные водопады. Обезьян десятки; обычно на них не обращают внимания, а они приходят с детенышами под мышкой на заработки еды.

У женщин здесь в ходу некрупные, литров на пять, кувшины для воды из пластмассы. Цветные, яркие, хотя несколько потертые обычно. А рядом с каждой второй хибарой стоит колонка и наклонный камень по поясу. Где дома побогаче, там он

цельный, где победнее — составлен из нескольких. Его используют как стиральную доску. Удобно, должно быть!

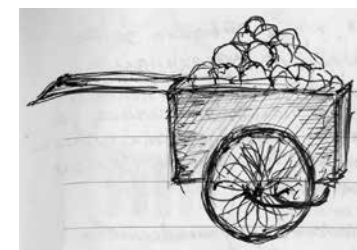
И вот я в чудесном Ooty. Даже не думала, что он окажется таким... разным. Гигантский сенбернар, спокойно лежащий на деревянном помосте рядом с дверью; узкие улочки, переходящие в лестницы; дети, бросающие петарды прямо под ноги; «фото, мадам, пожалуйста, фото!» — очень одесский город, особенно, если смотреть на рынок, где много рыбы. Откуда она тут, интересно? Водопады богаты?

Я поселилась на чердаке в крохотной каморке под самой крышей, меньше двух метров в длину — и мне нравится! Тут чисто, слышно птиц, а взбираться нужно по трем узеньким внешним лестницам. Чувствую себя художником, снявшим мансарду на последние деньги. Я нашла отличную улицу со всем, что нужно — крошечным, будто игрушечным, кафе на три стола. Тут едят веселые парни — небольшими компаниями, подзуживая друг друга познакомиться с белой. Чай подают более густой, с кардамоном и чем-то еще. Сласти по-прежнему почти даром, а вот бирьяни обошелся внезапно аж в 100₹. То ли мясо здесь дорогое, то ли хозяин лавочки сориентировался и сделал поправку на туриста...

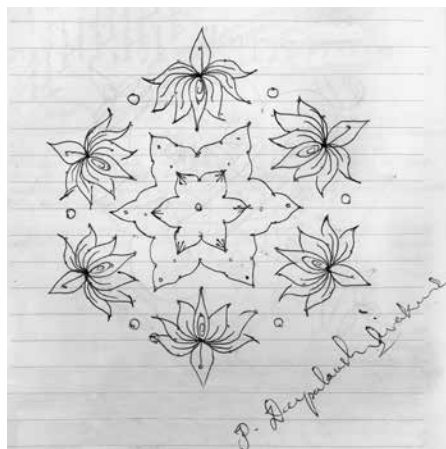
2 ноября. Ooty

Проснуться пришлось рано — муэдзины начинают перекличку затемно. Я провалялась после этого до восьми, потом вышла на балкон — оценить, стоит ли стираться и мыться. И ответила «да» на оба вопроса — солнце! В моей каморке все же довольно холодно, поэтому гигиенические процедуры потребовали некоторой стойкости; зато стирка прошла весело, потому как здесь удобно расположен кран и ведро отличное. Отжимая с балкона вещи перед развешиванием, мстительно облила детей — они полночи не давали мне уснуть, бабая петардами с интервалом в три-четыре минуты.

За завтраком разузнала подробности и осознала, что выпастыся мне не грозит. Я попала на Deepavali, один из самых крупных и шумных праздников в году. Праздник огней, хлопушек и мандал, нарисованных перед дверью. В общем-то, это атрибуты любого праздника в Индии. По их мнению, чем ярче и шумнее он проходит, тем приятнее богам.

Девушка тщательно вырисовывала в своём дневнике традиционные узоры, пока её семья пила в меня сладости. →

что лежит в моей тарелке — оказывается, большая часть сладостей делается из одной и той же рисовой муки. Конечно, доесть все, что мне дали, я не смогла, поэтому мне завернули с собой. Дневной запас микромонеток у меня кончился, так что на память я оставила ребятам 100 р. Надо срочно пополнять запасы, у меня осталась только одна бумажка в полтысячи!

Мусора вокруг горы — не отвлекаться же от праздника на уборку! Масса упаковок от петард и всяких бенгальских огней. Как наш Новый год, в общем-то.

Город располагает к пешим прогулкам. Холмы и бесконечные лабиринты узких улочек, скорее подходящих пешеходам, чем автолюбителям; из всех дворов на проезжую часть выбегают дети, чтобы положить зажжённую хлопушку под колеса, а то и под ноги зазевавшемуся гуляке.

Возле большинства домов цветным порошком нарисовано приветствие. Я начала зарисовывать одно, чем вызвала нескрываемое веселье у старшего поколения. Оскорбленная в лучших чувствах я протянула дневник, мол, нарисуй лучше — и была, без сомнений, посрамлена. Они рисуют несложные, но аккуратные узоры по вполне понятным правилам — от центра к краям. Часто изображают стилизованные цветы лотоса или горящие свечки, охранный знак солнцеворота и просто завитушки. Пока художница тщательно заполняла страницы моего дневника узорами, меня утащили в дом — накормить праздничными сладостями и расспросить меня про семью. Я в ответ спросила,

← Хлопушки начиняют рваной бумагой. Порой весьма внезапного содержания.

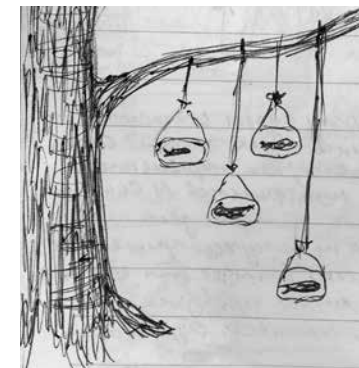
Отсиживаюсь на ступенях в новом городе, наслаждаюсь солнцем. Почему-то очень хочется спать — не то от сытости, не то от тепла. Когда я отвечаю, что приехала из Муннара, все понимающие ежатся — там дождь и очень-очень холодно. Спать в спальнике без одежды, кстати, оказалось весьма нежарко, но вставать и одеваться было лень. Сегодня попробую сыграть в умную и одеться прямо с вечера.

Надо обязательно запомнить это состояние принцесства. Когда твоя главная обязанность — всегда улыбаться и делить свое внимание между претендентами (которых всегда больше, чем фактической возможности поговорить с каждым). Когда твое время бесконечно дорого, а прикосновение способно сделать человека счастливым. Бесценное понимание для женщины!

Когда тебя надувают, сразу такое неприятное чувство. Старая карга на рынке взяла за пару яблок вдвое больше, чем должна была, и отказалась торговаться. Надо покупать у молодых, они пока стесняются обманывать настолько нагло. Старики тут больно ушлые.

В пафосных антикварных лавках чувствую себя неловко, несмотря на смешные цены. Серебро от 200 р, некоторые серьги симпатичные. Напомнила себе, что не знаю, чем буду питаться через месяц, и запретила обвешиваться ерундой. Неловкость усиливается диссонансом — продавцы явно воспринимают меня, как солидного покупателя, требующего полного внимания и почтения; я же обычно хочу слиться с портьерой и прикинуться ветошкой, потому что мое платье еще хранит следы ковыряния в помойке на предмет каких-то любопытных аутентичных находок.

Вернувшись домой, чтобы отдышаться и пожевать яблок от карги, вяло от-

← Проезжали шикарное дерево рядом с лотком, торгующим рыбой. Продавец вывешивал полуживой товар в пакетах с водой, украсив ветки импровизированными аквариумами! Сюрреалистичный вид! Вот бы почаще так делали.

метила, что кто-то спер мою одежду. А на лестнице меня догнал пухлый хостел-мастер — оказывается, он перевесил мои шмотки на крышу, где более солнечно. Отлично.

Я систематически рву штаны во время жары. Ткань приклеивается к взмокающим коленям и при малейшем движении ползет по швам.

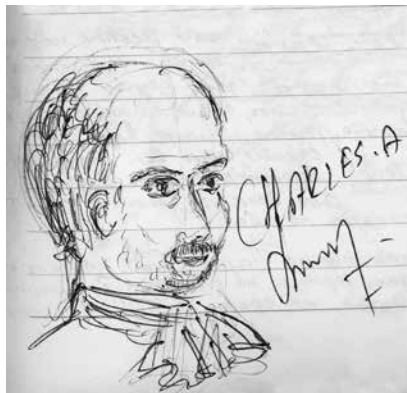
Решила все-таки попробовать местных поездов — если не больших, то хотя бы романтически-уютных полудетских. Прихожу на станцию, а там отправление через пару минут, поезд под парами стоит. В LP сказано бронировать заранее, но я, конечно, просочилась — взяла стоячий билет, а села, кажется, в первый класс. Точнее, меня туда впихнули, потеснив детей. Купе крошечное, чувствую, за время поездки мы все сильно сблизимся.

Так, я еду в Mettupalayam, говорят, до него чуть меньше пятидесяти километров. Поезд движется неспешно, давая возможность насладиться видами горных обвалов, ползучих растений и, конечно, тоннелей. В тоннелях дети восторженно кричат, мужчины их передразнивают. Скорость примерно 10 км/час. Кажется, я вернусь сегодня поздно.

Меня пустили к окошку, правда, не со стороны серпантина, но грех жаловаться. Мимо величественно плывут эвкалиптовые рощи и огромные пласты камней, выступающие из земли благодаря родникам — они смывают землю, оставляя лысую черную макушку сохнуть под солнцем.

Меня просят не высовываться из окна, чтобы не получить крапивой по лицу. И то верно, листья проплывают довольно близко. Поезд-игрушка, из

Напротив, на руках у мамы спит девочка лет пяти, в браслетах вокруг щиколоток. Серебро? Белый металл потрясает оттеняет черные ножки-спички. Не удержалась, нарисовала, и по-неслось — теперь в купе очередь к белой художнице. Осчастливила семью Чарльза — нога дочери, лицо жены. →

настоящего только голос. Вот воет он действительно впечатляюще.

Интересно, почему у эвкалиптов перекрученные стволы? Их кожа, тьфу, кора, всегда растет по диагонали.

Udaganandalam — второе название Ooty. Первая крупная остановка, Кунур. Парни вышли на перекур, девушки достали тарелки с обедом (тут многие носят с собой бирьяни в пакетиках). Как жаль, что они слишком маленькие, чтобы воспринимать меня как дочку и заботиться! Мне бы явно не помешала пара ложек риса. Но не отбирать же у детей.

Тронулись. Со стороны склона начались цветы и водопады, так что к окнам, получать по щекам крапивой, припали все, кто мог. Дети спят, парни ловят и срывают проезжающие цветы, я кайфую от бесконечных мостов — они тоненькие и полностью скрываются под поездом, так что едешь прямо над многометровой пустотой и реками. Кругом дикие джунгли и лианы, скалы на невообразимой высоте (некоторые вершины не удастся разглядеть, даже полностью высунувшись в окно); с них вниз срываются ручьи и речки. Не верится, что вся эта красота живет безотносительно человека. Не была создана зачем-то, а просто есть. Первые люди, задумавшиеся о Боге-создателе, явно жили в красивом месте с водопадами.

Ужасно шумно. Паровоз идет на малых оборотах, тормозя на спусках с кошмарным визгом, на грани ушной боли. Он перекидывает даже детей, орущих во всю глотку в тоннелях. Толстый Илья напротив меня закрыл для верности уши руками и орет во всю мочь.

Не успела остановить парня, как он выкинул пустую бутылку в окно. Ну, почему у людей не щелкает, что вся эта красота прекрасна именно своей непорочностью, отсутствием мусора?! Впрочем, судя по чистоте обочин, даже тут есть специальные люди, проходящие эти километры пешком и с пакетом.

Тоннели черные, длинные, похожи на естественные пещеры — так небрежно они высечены в скале. Паровоз периодически обдаёт нас остывшим паром; в этих клубах, на удивление, можно дышать, только лицо становится влажным и запах, словно от сгоревшего воска.

Каждый раз, проезжая водопад, задаюсь вопросом: а смогла бы я подняться без специального снаряжения по этому ложу? Обычно ответ «скорее да», хотя тут вокруг столько колючек, что если сорвешься — лучше уж лететь, ни за что не хватаясь.

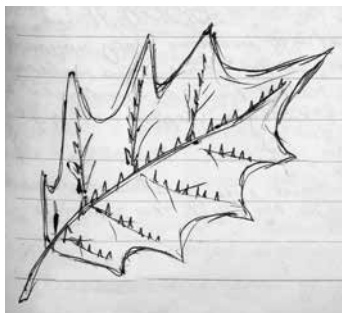
← Уютный порционный жевательный табак. Производители утверждают, что ни одного табака не пострадало.

Интересно исчисляется время — в зависимости от наличия или отсутствия потребностей. Если не хочется в туалет или поехать, в общем-то все равно, сколько ехать.

Вот так цветочек, схвати такой из окна. →

Poori — офигенно вкусные лепешки, которые раздуваются пузырем, когда их кидают в масло. Продают, как правило, свежими-горячими на завтрак, дополняют традиционными соусами, кокосовым и чечевичным. Лепешки размером с ладонь, в обычной порции четыре штуки. В обед и вечером, уже плоские и холодные, подаются в качестве аперитива перед основным блюдом. Тесто похоже на чебуречное, но начинка у него «внешняя» — во что макнул, тем и дополнил.

Oothappam — омет-блинчик с добавлением рисовой муки и овощей, в основном помидоров и лука. Пока свежий, безумно вкусен и нежен.

которые быстро сменяются неуютными хибарами в зарослях крапивы и кучах мусора. Словно чтобы восполнить недостаток шума (скорость выровнялась, и поезд перестал шипеть, да и высоких скал, отражающих звук, рядом нет), мы теперь непрерывно гудим. Уф. Доехали!

В кофейне на вокзале взяла poori. Вот и узнаю, что это.

Осталось ответить на главный вопрос вечера: можно ли СЕГОДНЯ уехать отсюда домой? Конечно, да! Ур-ра! Берем вкусняшек и наслаждаемся. Местный город крупный, нахальный; мне уже дважды сказали «детка». Хотя это наверняка результат моей усталости. Нельзя в клетку к зверям заходить, будучи слабым.

Автобус пустой, с ужасно уютным теплым светом. До чего же болят уши! Чудовищное средство перемещения, этот ваш «романтичный мини-поезд»! Пять часов на 46 километров?! Интересно, сколько времени займет эта дорога у автобуса? Конечно, по серпантину расстояние получится больше, но вряд ли обычный, нетуристический транспорт будет плестись со скоростью больной черепахи.

Водитель такой тощий, что глядя на его профиль невозможно избавиться от ощущения, будто его предок проглотил не яблоко, а кубик. Ой. Какая витиеватая подстава — погасили свет. Фонарик в рюкзаке, рюкзак в Ooty, до Ooty десяток километров. Пока пользуюсь фарами встречных машин. У большинство автобусов, кстати, не обычные габаритные огни, а настоящая светомузыка по всему периметру. Мигает, переливается; машина приобретает сходство с многоножкой или котовбусом, перебирающим ногами.

Но! Как же охрененно ночью в дождь на серпантине! А внизу удаляется город — точки огней, гроздь фейерверков... у нас тепло и уютно, у водителя горит небольшая лампочка для подсветки приборов — выглядит, как свеча в темной комнате. По крыше стучит, мимо проносятся выхватываемые фарами

У девчонок впереди запотело стекло от пара; они в две руки рисуют на нем дипаловальные узоры. Справа опять показывают вид на всю долину и огромные обрывы в туман. Несправедливо. Ну и ладно, зато у меня скалы и водопады.

В довершение всех прочих радостей пошел дождь. Доеду, поем, отдышусь от шума — и домой на автобусе! Едем по равнине, мимо чистых, выбеленных особняков с частными теннисными кортами, ко-

деревья, ночью еще более загадочные, чем днем. Как же здорово оказываться в обычно людных местах в неурочный час!

Включили еще и туман. У фуры над лобовым сбилась одна из фар, светит в небо — потрясающе красиво! Будто он идет под огромным белым флагом. Темная гора надвигающейся машины, небольшие огоньки обычных габаритов и расходящийся широким конусом, клубящийся столб света прямо со «лба».

Обратно добралась меньше чем за час. Спа-ать!

3 ноября. Ooty

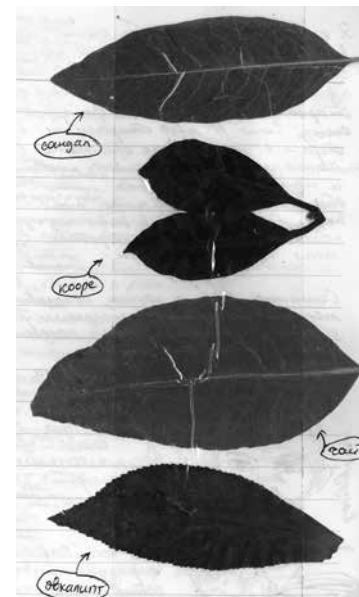
Интернет с 10am, а я выпалась и пришла на час раньше. Пришлось прогуляться и позавтракать с лошадьми. Они, как и коровы, бродят везде бесхозно и бесконтрольно, отгрызки моего яблока приняли с благодарностью. Как же здорово, когда конь нежно и осторожно трогает твою руку бархатными губами!

Уши вчера нервно реагировали на взрывы, так и не оправившись после поездки; поэтому на ночь я впервые использовала захваченные с собой беруши. Хотя стоило бы их носить с собой, тогда бы проблем с ушами не возникло в принципе.

Poori сегодня в кафе не оказалось, ткнула пальцем в следующее название. Благо, еду тут ждать совсем не приходится — чай выносят через минуту после заказа, а спустя еще две-три докладывают горячую лепешку на тарелке.

Поскольку в городе фестиваль, ради которого закрыли даже интернет, решила выбираться из цивилизации нафиг. Мне предложили скататься на местную смотровую площадку, Dottabetta. Семь километров на автобусе, потом три ногами. Ну, почему бы и нет...

Какая же гадость эти ваши общественные ViewPoint! Грязно, платно (пусть копейки, но сам факт!) и ГИГАНТСКАЯ река людей на всевозможном транспорте. Последний километр они складываются в шикарную пробку и даже пешеходам протиснуться наверх нелегко.

← Найдите, что называется, отличия. Кофе очень долго сох, у него кожистые листья и крупные листы вообще сгнили. У сандала, оказывается, пахнет только древесиной. Листья нюхать без пользы. А эвкалипт я сюда еще вклею, как досохнет — его листья божественно краснеют и осыпаются на дорогу алыми серпами.

На площадку я в итоге не пошла — по дороге виды были значительно вкуснее. Вот еще, платить за возможность постоять с индусскими туристами на крошечной, обитой деревом площадке и потыкать фотоаппаратом в туманные дали? Ушла с толпой по запрещенной (и даже отгороженной забором) тропе к парковке, спустилась мимо пробки до более-менее свободного участка дороги, там поймала веселую семью и докатила с ними до остановки автобусов. Вообще-то очень хотелось ухватиться за лестницу первого проезжающего мимо туристического джипа, но машина подвернулась раньше. И хорошо, а то меня бы мучила совесть — столько детей вокруг, а белая тетя подает плохой пример.

В общем, так себе местечко. Но! От толчеи тоже бывает прок, если уметь ей пользоваться. Привычка смотреть под ноги сыграла мне на руку — под ногами нашла тяжелую, чуть ли не в палец толщиной золотую цепь, явно с мужской руки. Мне она велика, так что повесила ее на щиколотку. Пока шла по серпантину, поигрывая цепочкой, как ножом-бабочкой, ловила испуганные взгляды прохожих. Кажется, мой злоеющий прищур говорил им, что цепь была взята боем, возможно, даже с тела.

Решила обратно автобус сразу не ловить, а прогуляться. В связи с чем состоялся прекрасный диалог с юным мотоциклистом, который мыл в очередном водопаде своего коня:

- Добрый день, мэм!
- Привет! Скажи, это дорога на Кунур?
- О, нет, мадам, этот путь ведет в М... (непроизносимо и незапоминаемо)
- (беспечно) А, окей.
- Эм. Не проблема, мэм?
- Нисколько. Мне все равно.
- Оу. Э. Доброй дороги. Будьте осторожнее с поворотами.

И я пошла. Как же тут красиво! В любой рандомной точке — как в Dottabetta, только тихо и безлюдно, а потому эффект x10. Я просто шла вперед, любовалась горами и коровами, рвала цветы, собирала гербарий и наслаждалась безлюдием. В одном месте влезла по руслу ручья метров на семь вверх, пока не подумала, что в прелой листве могут жить всякие разные... да и ногам холодно. Мир нескольких местных парней, полагаю, никогда больше не будет прежним — они видели, как одинокая белая госпожа, поливая всех грязью в прямом и переносном смысле, скатывается вниз по склону в ворохе листьев и мелких снесенных деревьев.

Дождь пошел как раз вовремя — я успела нагуляться, перемазаться и окончательно замерзнуть. С первыми каплями я нырнула в очень кстати подвернувшуюся крытую остановку, понаблюдала клубы тумана и кисею капель из

уютного укрытия. Первый автобус до Ooty прошел мимо, они редко обращают внимание на мокнущих одиночек; зато следом подкатила типичная маршрутка с речитативом «утиутиути!». Сухо, тепло, в нужном направлении! Ура!

Большинство автобусов в Индии, кстати, оснащено системой оповещения водителя. Чтобы он не отвлекался. За пассажирскими чаяниями следит кондуктор. Он дает один звонок «стой!», два дробных «поехали!» и длинную череду мелких ударов, слышных снаружи — если водитель сдает задом. Там, где звонка нет, используются свистки.

Рестораны тут маркируют Veg или NonVeg. Или иногда и то, и другое. Удобно. Впрочем, у меня нет особых предпочтений. Прежние успехи меня окрылили, так что я решилась поэкспериментировать с меню снова и взяла Dosa.

Не смогла объяснить толстячку из хостела, что мне нужно на ту крышу, где он вешал мои вещи. Он очень старался понять, но дело было не в языковом, а в понятийном барьере. Ему не удавалось осознать, зачем человеку может быть нужна крыша, если у меня все вещи сухие, он же сам мне их принес. Смирилась и нашла лестницу сама. Она оказалась совсем рядом, в ближайшем закоулке. За мной крались местные дети в надежде поиграть в храбрых разведчиков, выслеживающих в лесу опасного и редкого белого тигра, но игнор их в течение десяти минут дал волшебный результат.

Впрочем, мой пикник все равно не продлился слишком долго — солнце уже ушло, сандалии все еще мокрые после прогулок по ручью, вода с кексом нисколько не согревают... Надо как-то динамично валить из мест, где нужно одеваться перед сном!

4 ноября. Ooty – Coimbatore – Erode – Salem – Pondicherry

Опять придется ехать через не полюбившийся мне Коимбатор. А что делать, транспортный узел! В автобус я вошла последней; хоть и рано, а почти все места заняты. Впереди меня в проходе раскорячился старый хрыч с костылем — боялся, что я посягну на одно из последних свободных мест, которое он берег для своего друга. Я разразилась ярким монологом на русском (прямо жаль, что некому было его оценить), пробралась через выстроенную им баррикаду — охраняешь место, поставь на него что-нибудь, это же не повод перегораживать весь автобус!

Большинство крупных городов очень даже ничего выглядят с задворок. Когда автобус проезжает эти дивные, уютные частные дворики, прямо хочется воскликнуть «что это за дивное место?». А смотришь на вывеску — это же тот самый гадский Металлупоем, уже оставивший неизгладимый след в памяти.

Dosa — хрупкая крупная лепешка из теста с яйцом, которую сворачивают в неплотную трубу, положив внутрь пару ложек густой начинки. В принципе это собирательное название целой вереницы разнообразных по вкусу и остроте блюд — обычно перед названием пишется, какая это именно доса, с луком или масала-острая, или с картошкой... Выучить (или даже хотя бы попробовать!) все виды мне, конечно не удалось.

Fried noodles — действительно просто лапша; макароны, обжаренные с капустой и специями. Немного островато — не выкинешь перец, не добавишь пресного риса. Но зато порции хватило объесться и забрать с собой.

Оказывается, многие наши хипповые традиции растут ногами отсюда. Что неудивительно, ведь в 60-х «настоящие» хиппи ездили просветляться именно в Индию, оставив нам в наследство эти привычки. Правда, кольца я на ногу ношу не на том пальце. Зато тонкие фенечки вокруг запястья вполне аутентичны. Хотя тут их повязывают обычно духовные учителя, а свою я навязала себе сама... Но это, в общем, тоже весьма символично.

Снова внизу. Еще рано, поэтому не очень жарко, но прохлада гор уже отпустила. От трехчасовой тряски голова немного чумная. Пообещала себе в награду вкусный обед ДО того, как пойду узнавать про билеты на поезд — а то знаю я, прибегу за три минуты до отправления... Я не спешу.

Мнда, а билеты на поезд раскуплены до субботы. А сегодня понедельник. Кажется, железка и впрямь не мой способ перемещения — я же понятия не имею, куда меня понесет завтра, какие еще билеты впрок?! Выяснила у местных, с какой станции можно уехать в Пондичерри на автобусе; гм, кажется, придется с пересадками.

Торговец чипсами требовательно протянул мне мои любимые колеса (Как знал! Впрочем, это единственная неострая еда в его арсенале, а я белая...), и я не смогла устоять. Он степенно забрал полагающиеся десять рупий, величественно поинтересовался, откуда я, представился, протянул руку, пожал мою, пожелал удачи и растворился.

Место у окна, котик под боком, мы снова едем — жизнь налаживается!

Уши по-прежнему болезненно воспринимают громкие звуки. Вот же зловредный микро-поезд! Вообще отношения с поездами в Индии у меня как-то не заладились.

Здесь абсолютно нормально, что взрослая женщина или даже солидный мужчина в костюме вдруг может оказаться босым. В толпе нет-нет, да и мелькнут босые пятки. Старики носят, в основном, шлепки. Впрочем, нет. Все носит, в основном, шлепки.

Бары тут ВСЕГДА забраны решеткой. Мелкой, только палец пролезет. Когда бар открыт, на решетке висят, цепляясь, местные алкоголики.

Название транспортной компании пишется латиницей на лбу автобуса или грузовика, прямо посреди красивой росписи. Интересно, мне еще попадет перевозчик Nah? Не успела сфотографировать.

Пересадка. Город Эрод поразил меня дважды. Первый раз — несметным количеством попрошаек младше пяти (часть из них собирает на какой-то храм, часть — на лечение; большинство честно показывают, что хотят есть). Отдала одной попрошайке объедки чипсов — острые, вчерашние, как раз искала, куда бы выкинуть. Остальных просто пораспихивала.

Второе поражение, в самую печень — местный туалет. Впервые я встретила в этой стране реально (нереально!) мерзкий сортир. Длинная канавка в кафеле, возле которой присаживаются в ряд, а после споласкиваются, поливая себе из резервуара с водой при помощи почерневшего ведерка из-под краски. Тут я узнала, что женщины, в отличие от мужчин, трусов не носят. Для более серьезных потребностей в конце канавки была устроена кабинка с полноценной клоакой, но я предпочла туда не заглядывать.

В общем, застревать в городе с таким автовокзалом мой мозг отказался, так что мы уже опять в автобусе, едем в Salem. Интересно, где это? Ну, я полагаю, по дороге к Pondicherry.

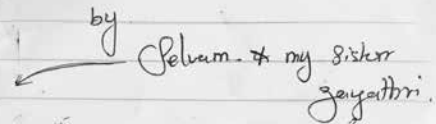
Местный чай — это реально наркотик. Я выпиваю по пять-шесть кружек в день, и все время тянет заказать еще чашечку. Периодически я не отказываю себе в удовольствии и беру сразу две-три. Зато есть плюсы — на газировку совсем не тянет.

Я в Салеме! Осталось понять, есть ли сегодня транспорт дальше, или стоп-машина, отсыпается. А, нет, едем дальше! Автобус жутко замусоренный, в основном, шкурками от арахиса и косточками мандаринок. Попросила у торговцев картонку, села рядом с водителем, расчистила место под ногами. Приходит кондуктор: это мое место! Тьфу, думаю, на тебя. Перешла назад, нашла удобное место, почистила его. Приходит водитель: мадам, у вас же багаж, садитесь спереди! Тут я взмолилась: да оставьте меня уже в покое, я же не могу вам весь автобус подметать! Пусть вещи будут там, а я тут.

О, кондуктор. Пойду узнаю, куда это я еду. И заплачу заодно. Место под названием Atu, кажется. В расстояниях удобно ориентироваться по цене — примерно полторы рупии километр. Судя по этому билету, приеду я в город за полночь.

С интеллигентной парой я разговорилась позже, а сначала коротала время за бесконечным обменом с соседями по креслу: они мне историю семьи (оказались брат с сестрой), я им — историю своего пути. Они мне — длинное письмо на тамильском (с переводом на английский) в дневник, я им — обещание выслать открытку. Потом девушка дала мне сладостей — тут я проиграла, у меня были только подкисшие за дорогу бананы — а следом, с победным видом, — пару дешевых браслетов со своей руки. А я ей в ответ показала язык и срезала с шеи боливийское украшение. Так я потихоньку теряю имеющиеся вещи и замещаю их местными.

Боженка категорически не хочет, чтобы я ночевала на улице (хотя я уже давно думаю на эту тему, мол, что надо бы попробовать). Включил дождь. «Найду с балконом» — упрямо подумала я.

86

Надо сделать надписи. На рюкзак «Спасибо, я знаю, где остановлюсь сегодня ночью». На спину «Мне не нужно такси, я люблю ходить пешком» и на грудь «Да, у меня есть бойфренд, и он тебя убьет». Впрочем, общение даже на такие

банальные темы бывает занятным. Например, парнишка катался на том самом жутком поезде, который помнят мои уши, и ему понравилось. Сравнили билеты и ощущения, и я почувствовала себя старой брюзгой. Подумаешь, уши!

5 ноября. Pondicherry

Никогда больше не поверю тому, кто скажет «не беспокойся» и «мне туда же». Я проснулась одна на конечной, ночью, около полуночи, среди попрошайек, спящих нищих, сонмищ собак и рикш. Фраза «ну куда же ты, девочка, одна ночью, только такси тебя спасет» и сопровождавшая ее глумливая улыбка меня разозлили окончательно. Я сходила в туалет, умылась, ощутила прилив сил и решила, что черта с два меня загрызут какие-то жалкие индийские шакалы любой видовой принадлежности. В ближайших хостелах меня не ждали, так что я быстро сунулась в частный сектор и вскоре нашла прекрасный домик с незакрытой лестницей.

Можно было даже перебраться на крышу соседнего здания, она была вполне досягаема, но я решила не перегибать. Тем более, лестницу от небесного произвола защищал микробалкончик, а крышу — только пара натянутых веревок для сушки белья.

Просыпалась я несколько раз — жарко, комары... Но пара из них запомнилась особо. В четыре утра разбудил страшный шум — полил ливень. Стеной. Возблагодарила богов за внезапный приступ мозга — если бы не уползла под козырек, проснулась бы в озере. Во второй раз дверь медленно приоткрылась, и из-за спины мужчины донесся испуганный женский голос, в том смысле, что «а я тебе говорила, там кто-то лежит!»

Я, не просыпаясь, бормочу что-то про full hostel и rain, мужчина, раскати-сто, уверенно, обращаясь за спину «Ну rain же. И no hostel». Мол, стоило меня будить в полпятаго из-за этого. И дверь закрылась обратно, оставив меня высыпать в уют.

Ужасно изжатая и изжаренная, наутро я решила, что на гадский вокзал не хочу даже ради туалета; поэтому просто скорчила ми-ми-ми мордочку первой попавшейся местной дамочке, делающей утреннюю уборку. Она вовсе не была расположена пускать меня к себе, но бросить девочку без помощи инстинкты не позволили. Так я узнала, что в особняках все-таки стоят западные унитазы, а не обычные парашаи.

Окончательно ободренная, я резво нашла нужное направление и вскоре вошла в пределы своей карты. Информационный центр ашрама Sri Aurobindo меня как-то не очень впечатлил. Как фотографу мне тяжело оказалось смо-

треть на экспозицию, где прекрасные старинные бхб кадры и линотипии великих основателей секты чередуются с безвкусно оформленными высказываниями этих самых великих, напечатанных на современных снимках моря/капелек/песка, набранных из стандартных пакетов обоев рабочего стола. Можно же было сделать ПРОСТО надписи!

Я, будучи опытным путешественником, не преминула полностью вымыться в туалете ашрама — черт его знает, как там с хостелом будет. Это было мудро. Заселение только в полдень, а сейчас еще только 9am. Процедура проста: регистрируешься в ашраме и получаешь направление в один из прикрепленных к нему отелей. Недорого, 300₹, но за эти деньги тебе выписывают пропуск в шикарную белокаменную резиденцию! После того, как примерно за такие же деньги жил в плесневелом углу, очень впечатляет...

Я кинула вещи в холле отеля, и на море пришла мытая, сытая и бодрая. День уже удался, а ведь это еще только утро! LP расстраивает — больше половины улиц на карте подписаны с ошибками. Впрочем, ориентироваться это не мешает. Зато я оценила точность фразы «город делится пополам канализацией... простите, каналом». Воды этого зеленого мутного потока в бетонных берегах и впрямь навевают тоску.

Ужасно удобно, что застенчивая russian smile настолько сильна. Особенно, когда вылезает через забор из огромного заброшенного комплекса, бывшего полицейского участка, прямо на изумленных глазах местного полисмента. Тут важно улыбаться открыто и с такой надеждой на понимание. Мол, пришлось лезть. Последовавшее после обмена улыбками предложение помощи я вежливо отклонила, и свернула в ближайшую подворотню, придерживая раздутую от хабара сумку.

А неподалеку от заброса мне подали лучший за всю поездку чай. Густой, со специями! А как парень его готовил, переливая из кувшина в стакан с полуметра — как заправский бармен! Он стоит у передвижной плиты с навесом со своей невестой и готовит всякие вкусности почти целый день.

Надо же, какие цацы! В почтовом отделении отказались поставить мне печать в дневник; даже аналогичная картинка из Муннара их не убедила — «не положено». Не люблю, когда у людей много правил, обязательных к исполнению. В моем отеле — тоже бюрократы. Даже если гость устал, нельзя просто взять у него паспорт и оформить позже. Вот я шесть часов после полубессонной ночи гуляю и несколько поистаскалась уже, а надо три подряд разных

формуляра заполнить, вместо душа и уютного номера. Или еще пример: если лампочка перегорела — надо поменять комнату. Не лампочку! Потому что завхоз бывает с утра, и сейчас лампочек не купить. А вывинтить в пустующей соседней и принести — запрещено. Конечно, мы все разные, и хорошо структурированная форма жизни тоже бывает очень полезна. Но в моей системе ценностей человек, умеющий применять нож вместо ножиц, скипидар как репеллент и отвертку вместо отмычки (которая вместо ключа), стоит намного выше функционера «не положено». Мне нравятся люди с нелинейным, нетривиальным ходом мысли. Они не ленятся думать КАЖДЫЙ РАЗ, подходя к решению новой задачи. А то в половозрелом возрасте основная часть дел передоверяется автопилоту, который основан обычно даже не на собственном опыте, а на каких-то внешних байках и советах. Ох уж мне эта экономия мыслительных усилий.

Не люблю привычку местных комаров молча подкрадываться к сидящим и обгладывать ноги. Сидишь, ничего не подозреваешь — и вдруг бац! Словно ноги в крапиву сунули. Мне сначала даже не по себе было, мало ли, вдруг это какой-нибудь экзотический симптом? Из всех фобий Индии у меня сохранилась, пожалуй, только боязнь непонятных происшествий с телом.

Вечер я как-то сибаритски слила. Возможность вытянуться под простыней и насладиться чистотой и прохладой однозначно возобладала над всеми прочими желаниями, особенно по части культурной программы. Еще нет даже 9 pm; но, как говаривал один мой знакомый, даже выражение холодного презрения требует усилий, я уж молчу про попытки выражения приветливости.

Море всего в паре кварталов от меня. Хотя LP был прав — к вечеру действительно «весь городок считает своим долгом совершить променады по берегу», и я их прекрасно понимаю. Я пришла полюбоваться черными валами с белоснежными гребнями; ко мне почти сразу подсел подвыпивший непалец, который клянется просто так, «из уважения к прекрасной француженке», выполнить любое мое желание. То, что я из России, равно как и мое имя, он поминутно забывает. Парень тихий, а пока он тут сидит, никто другой не подойдет знакомиться — так что я улыбаюсь, киваю и смотрю на море. Море черное, бесконечное, заканчивающееся над головой — никакой границы с небом. То ли тут нет мореходства, то ли дымка не дает разглядеть огни... Как можно разговаривать, когда прямо у ног об огромные камни разбиваются эти белые горы?

Выйти в теплый, уютный вечер, чтобы выпить пару чашек наваристого, молочного масала-чая за неспешной светской беседой с уличным торговцем на углу; потом неспешно пройтись к морю, посмотреть, как оно безостановочно грызет камни, под слегка заплетающуюся речь смешного непальца; вер-

нуться в отель, поболтать на ночь глядя с охраной — отличная культурная программа!

На моей улице живут цикады со странным звуком — словно женский голос тихо, но настойчиво шепчет в микрофон на парселтанге. Изредка удается разобрать что-то, явно содержащее «ц» и «с». Не то mistakes, не то mistress.

Пожалуй, часов 10 здорового, крепкого сна — это прекрасное продолжение вечера. Этот элемент мой любимый. Стоило ли ехать в такую даль, чтобы тут спать, спросите вы?

Да. Стоило.

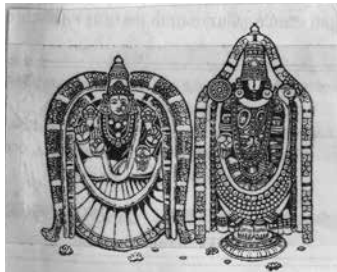
6 ноября. Pondicherry

Мой завтрак стоит 12р, обед — 30р. Любопытно, как цена влияет на восприятие. Если бы у меня было с собой больше этих цветных бумажек, устроило бы меня удорожание всего? Или это убило бы всю прелесть?

Очень остро ощущается, что ничего по-настоящему важного отсюда не увезешь. Ни этот влажный, жаркий воздух; ни удары волн о берег (никогда на моей Балтике не будет таких волн, внутренние моря — они как смиренные водовозы перед сноровистым мустангом), ни ветер порывами, с запахом эвкалипта и кардамона; ни завтраков с лотка веселого, красивого парня с его красавицей-женой — комочки теста, в раскаленном масле вскипают и как по волшебству становятся душистыми, пузатыми роогі, рассыпающимися во рту. Даже эти вопросительные «Hello, madam?» (которые на самом деле расшифровываются как «Do you need riksha, very cheap riksha?»). И уж точно не забрать бурундуков, неустанно прыгающих с пальмы на стропила недостроенного дома, где полуобнаженные парни кидают кирпичи с первого на второй этаж. Все это вместе настолько жизнь, что в нее можно только погрузиться, поставившись экстрагировать что-то для дальнейшего использования. Свободу? Успокоение? Эту легкость и веселость путника, задержавшегося ненадолго в приглянувшемся месте? Последнее ощущение — точно полезное. Все мы тут не очень-то надолго, просто умеем создавать сами себе иллюзию стабильности, а с ней — тяжести. Зачем?

Я, кстати, научилась ценить душ. Нет, гигиену я любила всегда, но купания в живой среде меня избаловали. Штормовые моря, ледяные озера, кристально-чистые горные реки, водопады... Как с этим, казалось бы, может сравниться унылая кафельная комнатка размером с поставленный вертикально гроб? Но это чувство чистоты и прохлады — без наблюдателей, острых камней и ракушек, грязи, насекомых, водорослей, соли на губах, неопрятных гадящих

На улицах часто можно найти обрывки приглашений на свадьбы — как всегда, очень богато оформленных. →

тинга и огромные альбомы... Все яркое, свежее, с настоящими цветами, приклеенными вместо узоров — невероятно красивые вещи по 5-10р за штуку, но вот куда мне их?!

Кажется, это лучший мой день. Я шла домой с такой широкой улыбкой, что от меня даже рикши шарахались. Наверное, такой бумажный экстаз поймут только такие же сумасшедшие, как и я; те, кто, как и я, исписывает груды листов, рассылая их близким. Может, я потому с таким благоговением отношусь к бумаге, что на нее падает часть наслаждения от общения? Как вконтакт вызывает судороги наслаждения, когда удастся догрузить страницу и видны неп прочитанные сообщения. Для меня таким «конвертиком» нового письма в детстве был стук в окно. Мы с подругой, жившей на этаж выше и пару окон дальше, провели систему веревок. По веревке каталась коробочка от фотопленки — один почтовый ящик на двоих. Написал, вложил, закрыл, отмотал, чтобы оказалась напротив чужого окна... Нет ничего ярче, чем проснуться, услышать стук баночки о стекло — почта! — и метнуться к шторам, ловить нехитрую записку «пашли на кочели в читьре». Может, с тех самых пор меня так торкают почтовые ящики, сургуч, конверты, жесткая джутовая веревка и даже простые шариковые ручки... Это все атрибуты волшебства, которое позволяет передавать друг другу на расстоянии именно тот самый лист, на который ты капнул кофе и уголок помял, неудачно поставив локоть. Почта — машина времени, дающая взглянуть на документы, ставшие прошлым.

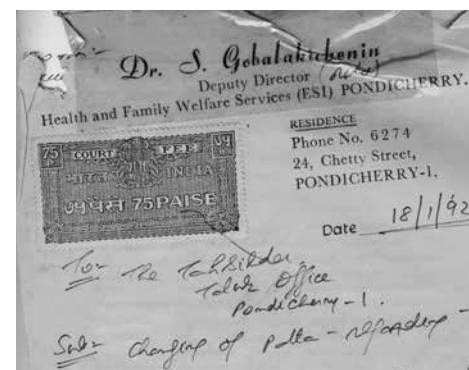
Цветная, тонированная бумага! Вываренная в огромных чанах, куда угрюмый дед сыпает мелко наструганные обрезки и заливает отбеливающим раствором. А потом крепкие, коренастые братья вываливают смесь на сито и придают ей форму. После — пресс, и в другой комнате веселый дядька уже раскладывает гигантские листы в пестрые ванны, чтобы залить сверху краской разных тонов и смешать ее в пятна причудливых узоров. Вынимаешь лист из

птиц, колючих и стрекочущихся животных... В общем, старею я.

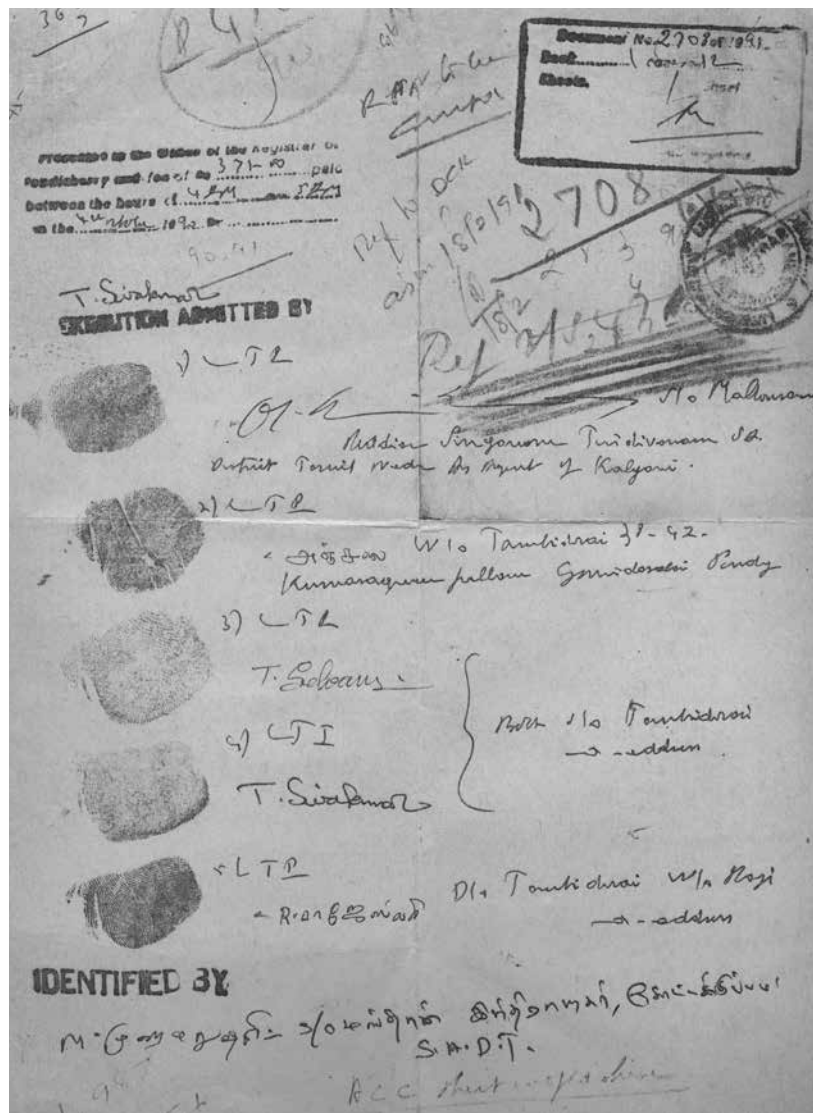
На фабрике по производству бумаги ручной работы нельзя фотографировать — кажется, это общее правило для всей территории ашрама. Тут делают все, что можно придумать из картона. Упаковочная бумага в рулонах и листах, открытки, блокноты, коробочки, серьги, браслеты, подстаканники, наборы для оригами, уже готовые фигурки, элементы для краф-

воды, а на нем тончайшей пленкой оседают снежные бури и огненные вихри, водовороты любых цветов. Я поговорила с красильщиком (даже упростила его разрешить мне сфотографировать пару раз его многоцветную вотчину), пощупала пресс, поворошила огромные кучи обрезков... Купила три десятка конвертов с разводами и небольшую пачку обрезков формата визитки. Домой бежала вприпрыжку, разбирать сокровища. За один день дважды побывать в пещере Алладина! Почему дважды? О-о-о, я же еще не рассказывала, каким чудесным было мое утро!

Утро началось не так приятно — не спросила стоимость мороженого, в итоге заплатила 120₹ за вазочку с четырьмя классическими шариками. Это целых два завтрака или полноценный обед! Моя жаба была в ярости, так что я решила прогуляться, чтобы переварить это известие и еду. Фабрика бумаги от меня находилась точно на другом конце карты; вдали замаячил бетонный каркас какого-то полуброшенного завода, и я, слизывая тающие сладкие капли, авторитетно заявила себе, что это скучно, грязно и мы туда не пойдем. Только посмотрим через забор, что это. Ну, раз в заборе дырка, заглянем на территорию. Ну, и раз открыта дверь, зайдём в одно из зданий.

← В промышленных масштабах масала-чай заваривают так: самовар с кипятком, кастрюля с густой черной заваркой и еще одна с кипящим молоком. Все это постоянно стоит на огне. Заваривающий проливает десяток стопочек — кипятком, молоком и заваркой цвета йода. В этом кафе кашеварит огромный лысый дядя с белоснежной шкиперской бородкой.

 ELECTION COMMISSION OF INDIA இந்திய தேர்தல் ஆணையம் IDENTITY CARD PY/01/02/1 072437 அடையாள அட்டை 25 	Address: 18 4th CROSS ST. KURUMI NAGAR விவாகம்: 18 4வது குறுக்கு தெரு குறிஞ்சி நகர் (Facsimile Signature) Electoral Registration Officer Constituency (உருவ நேர்ப்பு) வாக்காளர் பதிவு அதிகாரி தொகுதி Place : PONDICHERY இடம் : பாண்டிச்சேரி Date : 19 SEP 1995 தேதி : This card may be used as an Identity Card under different Government Schemes இந்த அட்டையை அரசின் மற்ற திட்டங்களுக்கு அடையாள அட்டையாக பயன்படுத்திக் கொள்ளலாம்
---	---

← Идентификационные карты, рассыпанные по полу вперемешку с дарственными...

фы и искатели приключений; а прошлой зимой в подвале вообще залили каток и устроили подпольный бар. Здесь же ничего подобного не оказалось; зато в небольшой одноэтажной «пристройке» я сорвала джек-пот.

Это снова был какой-то муниципальный офис, заброшенный и пыльный. Однако в нем пачками валялись документы тридцатилетней давности! Для меня эти фолианты с рукописными пометками вызывали такие же чувства, как шоколадная река у сладкоежки. Наверняка из меня получился бы славный археолог — не ученый, который годами склеивает найденную вазу лохматого века, а веселый черный расхититель гробниц. Я бросалась от одной кучи бумаг к другой, находя папки с делами и поздравительные грамоты, чьи-то удостоверения и заверенные нотариально письма, заявления, дарственные, приглашения... Бомжи тут живут на улицах, по лавочкам; дома им не нужны. Поэтому бумаги были пересыпаны только мышиным пометом и сухими листьями. Я без стеснения нагребла целую пачку восхитительной истории — такой, с чистой одной стороной, чтобы можно было поверх нее написать свою. И со всем этим счастьем пошла на фабрику бумаги.

Что за дивный день! А ведь еще только час дня! Вымыться, прогуляться к морю, пообедать... Завидуйте мне, смертные!

Цикады за окном сегодня с придыханием повторяют «секс, Цезарь!». Да на них гадать можно! Устала как черте-что, ползла домой с мыслями: приду,

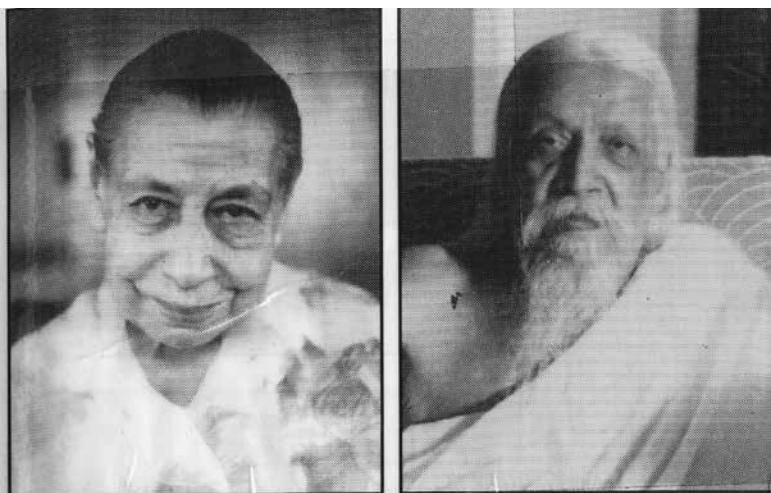
письма, душ, спать, скучно... Но с моими навыками мне никогда не заскучать! Я бодро ушагала в противоположном от дома направлении, заблудилась (в городе, вытянутом между морем и каналом!), нашла потрясающие прибрежные улочки, где дома касаются друг друга крышами и маленькие мостики горбатятся. Через канализацию... Получила массу удовольствия от прогулки, увидела массу красивого и необычного — но жутко стоптала ноги.

Вообще удивительно, как стали усовестывать дни. Эдак вся поездка проскочит мимо! Надо бы спать поменьше — но до десяти утра тут все закрыто, а улицы засыпаны вчерашним мусором...

Я люблю сувенирные. Люблю торговаться и копаться в тряпках, отыскивать небанальные вещи и сравнивать цены. Мне нравится, что у меня дома все больше вещей из других стран — не побрякушки на полках, а гамак, одеяло, сахарница, кружки и тарелки. Какие-то весьма банальные вещи, часто даже имеющие довольно банальный вид. Но я-то знаю, что это — ОТТУДА.

Пока бродила в поисках дома (или хотя бы отдаленно знакомых улиц), наткнулась на пару неплохих шмоточных. Или мне так в темноте показалось? Ровно в момент, когда я переступила порог одного из них, в половине

Если кому интересно, это Шри Ауробиндо и Мать (насколько я поняла, здесь так принято титуловать всех внезапно святых женщин). Ауробиндо, кстати, шикарно выглядел в юности... →

What Sri Aurobindo represents in the world's history is not a teaching, not even a revelation; it is a decisive action direct from the Supreme.
The Mother

квартала вырубили освещение. При свете аварийного фонаря висающие платюшки показались настолько ДА, что я даже взяла визитку. То, что мне приглянулось, стоило больше тысячи рублей. Покупать я его, конечно, не стала, решив, что в темноте это не лучшая идея.

Поскольку в моем отеле, прикрепленном к святому ашраму, пить и курить было запрещено правилами, мне неудержимо захотелось купить чего-нибудь такого. В итоге я забрела в один из несчастных тут баров и через решетку обрела поллитра какого-то красного вина; пронести его домой в моей необъятной дамской сумочке было легче легкого. Я, по своей традиции, разбавила его водой и присыпала сахаром. И вот я пьяна, в квартире срач, I'm happy very much.

7 ноября. Pondicherry – Mamallapuram

Чекаут к полудню мной очень одобряем. Когда местные нищие настойчиво кланчат у меня деньги, мне становится смешно, аж нос щекочет. Если бы вы знали, насколько много у нас общего! Я тоже ночую на улице, и нахожу порой в тех же помойных кучах что-то полезное для жизни. Жаль, этого им не объяснишь.

Можно, конечно, доехать до автобуса на рикше, но мне нравится чувствовать тяжесть рюкзака (и избавляться от него в автобусе дальнего следования). Нравится подсматривать сцены из жизни — старуха жарит рыбу на огромном трепещущем пламени горелки; женщина торгует наручными часами, разложив их на песке; с грузовика бравые парни сбрасывают огромные автобусные шины... А потом огромный вокзал, на котором нужно отлавливать выходящих покурить кондукторов. Те машут рукой в сторону нужного автобуса — чаще всего он стоит за несколькими стоянками и необходимо уточнять направление по дороге. Найдя, наконец, нужную машину, я забираюсь на любимое место рядом с водителем и наслаждаюсь. Ощущение покоя накрывает с головой; целых три часа не нужно ничего решать, ни о чем беспокоиться и даже следить за багажом нет необходимости. Кайф!

Понди, без сомнений, был туристической резервацией (думаю я, глядя вокруг). Но приехать в Москву и гулять по спальным районам, объясняя это странное поведение тем, что Китай-Город — туристическая резервация, тоже было бы неумно.

Как же славно обвеваешь ветер, особенно если намочить лоб! Проводить самые жаркие дневные часы в автобусе, на полном ходу мчащем тебя к новой точке — это прекрасная стратегия!

Возле кафе частенько висит перевернутый пластиковый кувшин, играющий роль лампочки. Только красный. Интересно, такое утонченное чувство прекрасного не дает использовать другие цвета, или это бордель?

Вдруг поняла, что среди прочих замороженных в этой стране потребностей есть жажда видеть обнаженное тело. Не в эротическом смысле, пожалуй, а эстетике ради. Женщины здесь закрывают все, кроме щиколоток и кистей рук; мужчины крайне редко ходят топлес. При этом у них очень красивая кожа огромного спектра оттенков, от почти моего до мавританской черноты (а между — градиент всех оттенков шоколада). И вся эта красота под тряпками! Обидно. С другой стороны, по развивающимся странам намного интереснее ездить, чем по Европе, потому что они намного нагляднее. Вся жизнь местных проходит у тебя на глазах — еда, религиозные акты, общение проходят в основном на улицах или при открытых дверях. Восточные страны яркие и вкусные для восприятия.

Маммалапурам всего в 80 км севернее Пондичерри; это совсем крошечная деревушка на берегу, выстроенная почти целиком для удовольствия туристов. Что-то я абсолютно обленилась. Но от этого есть прекрасное средство — голод! Так что поваляюсь еще минут десять в стремительно снятом при помощи моторикиши отеле и пойду потреть Маммалапурам.

Пока мылась-сушилась, помыла плафоны в комнате. Кажется, это было их первое знакомство с водой. Я старалась обращаться с ними почтительно, судя по всему, они были старше меня. Целых три лампы в комнате! Хотела сменить одну из них на туалетную — она мощнее; разглядывать в таких деталях мыло мне без надобности, а вот над «рабочим столом» свет бы не помешал. Так фиг, у них цоколи разные.

Какие тут стены! Яркий крашеный ровный бетон. Вот бы их расписать! Вернусь, найду чью-нибудь квартиру под роспись и самореализовываться.

Голод говорит — пора в папасы! Уже почти усакала, когда вдруг поняла, что не захватила визитку места. А учитывая извилистость местных задвор-

Мотоцикл (вид сзади) и другие средства перевозки фигни. →

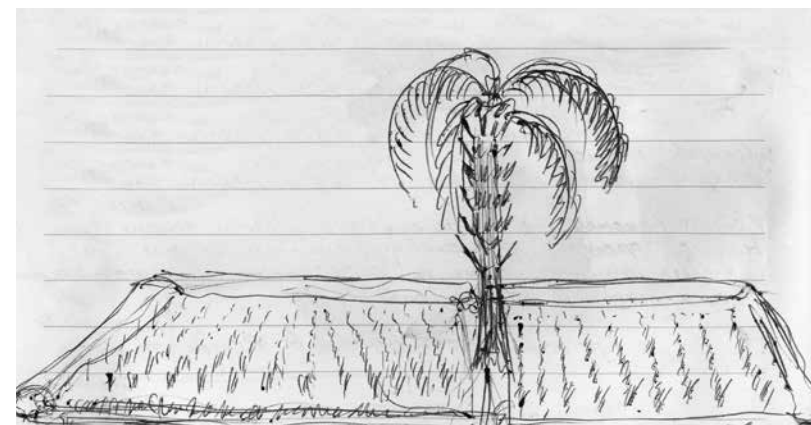
ков, нелишняя предосторожность! Море тут в двух шагах, даже ближе, чем в Понди. И берег песчаный. Так и тянет искупаться, но уж больно грязное; к тому же тут обещаны течения и рифы. Поселок выглядит именно так, как я представляю себе идеальный приморский город: выбеленные солнцем улицы, яркие дома-игрушки, сети и лодки на пляже, который начинается за соседним домом. Много сувениров с морским колоритом, зевак и, конечно, зазывал. Ну и индийский колорит — коровы. Прямо на пляже.

Наконец-то выбралась за пределы загона и нашла хорошую забегаловку для местных, с рисом. Соскучилась по нормальной еде. Прямо на входе девушка-помощница поит тощую корову. Обе посмотрели на меня одобрительно.

То ли тут туристов больше, то ли улочки реже, но встречаюсь с единоверцами постоянно. Один неприятного вида дядя прошипел по-русски довольно мерзко «Не меня ищешь?» — я улыбнулась и сделала вид, что я из Франции (как думают тут многие), а этот противный шипящий язык впервые в жизни слышу.

Чайные плантации кончились — начались мокрые рисовые поля. С пальмочками!

После обеда прогулялась в другом направлении, и совершенно случайно набрела на главную местную достопримечательность — парк с гигантскими скальными выростами. Можно взобраться наверх и полюбоваться окрестностями с высоты девятиэтажки, а то и больше — вот, например, теперь под мной рисовые поля до горизонта в одну сторону, а в другую — море. А если я еще чуть-чуть сдвинусь, остатки крепости на вершине очередного валуна перестанут заслонять мне маяк.

← Мокрое рисовое поле. Очень, очень мокрое.

Оказывается, козы довольно легко обучаемы. Дала одной листев, чтобы та повернулась в нужный для снимка профиль, так она потом встала под деревом, с которого я их сорвала, и недвусмысленно стала выпрашивать добавки. Нижние ветки они давно объели, а до верхних ей не дотянуться. В итоге получилась забавная фотосессия с козой. Если бы нашелся кто-то третий, кто мог бы снимать меня, прыгающую со скалы за листьями под внимательным и требовательным взглядом козы, было бы смешнее, конечно.

Поскольку я сижу в самом известном углу этого города, неудивительно, что вокруг меня начали конденсироваться местные с вопросами, откуда я, и правда ли я сама нарисовала этот камень. Вечер окончательно перестал быть томным, и я мечтательно задумалась о доме, крыше и вине.

Очень умиляет вопрос «не боюсь ли я путешествовать одна». Впрочем, откуда им знать, что от русской девушки пиздюлей можно отхватить столь же непринужденно, как и от русского парня.

По дороге домой обнаружила, что большинство местных пребывает в тех же позах, что и в момент, когда я часа четыре назад шла в противоположном направлении. На другом конце веранды все еще стоит парень и что-то курит. Судя по запаху, это не покупные сигареты. Слева открылась дверь в чью-то комнату, в ней ссорятся очкастый, взъерошенный гик лет сорока и довольно

обаятельная девушка. Слушаю этот радиоспектакль, потягивая свою разведенную бурду из чашки. Какой же французский язык красивый!

9 ноября. *Mamallapuram*

Самые приятные на вид индусы — такие, лохматые, белозубые мальчики с тонким, накачанным телом, королевской небрежностью в одежде и общем стиле, серьгой в ухе, нагледой и понимающей легкостью во взгляде (Джонни Депп и Боб Марли в одном лице) — как правило, попрошайки. Один такой, явно познавший все виды дзена, подходил ко мне на море. Смуглое смышленное чудо в бусах на голое тело, лет трех, копошилось в песке у его ног — мелочь охотно позирует на камеру и привычно протягивает ладонку после.

Вообще город как-то располагает к такому виду заработка. Я сидела на камне, в том же замечательном прохладном парке — была идея написать пару писем до открытия почты. Возле меня периодически возникали две немые головы, трех и пяти лет, чтобы безэмоционально скандировать «hello baby pay baby». Мое равнодушие трудно истощить, но слаженное механизированное повторение слов явно без понимания их смысла вызывало у меня мурашки по спине. Тем не менее, я пересидела два нашествия юных варваров и одну женскую орду постарше (их я просто быстренько напугала неприятным взглядом; малыши же были не настолько восприимчивы к непрямым угрозам), и, лишь отсидев задницу на жестком камне, перешла на уютное козье пастбище у подножия каменного нагромождения. Там мы с козой разъезди на двоих пару апельсинов (мне дольки, ей шкуру).

Когда едешь куда-то, кажется, будто будешь непрестанно ломиться сквозь бесчисленные преграды. Это кинематограф виноват. Мы для себя ведь всегда главные герои. Собираясь в поездку, ожидаешь невольно, что суперзлодей и

его банда пронюхают о твоих планах и придумают коварные ответные ходы. На деле же — никому нет до тебя никакого дела. Ты интересен миру не больше, чем тысячи тебе подобных, приезжавших раньше. Тебя вообще никто не воспринимает как личность, ты лишь представитель малоизученной группы. Поэтому так ценно любое общение, выходящее за пределы шаблонов.

Домой ушла еще одна пачка писем, и в голове мысли улеглись немного более упорядоченно. Например, дооформилась идея, что события влияют на нас по сути непредсказуемо. Характер представляет собой некий котел, плавильню; ему не так важен материал, который вбрасывается на входе. В результате варки некоторые крупные и яркие детали могут раствориться бесследно, аннигилировать с какими-нибудь другими элементами; а что-то мелкое наоборот, всплывет на поверхность и сильно повлияет на конечную форму. Это как с генами — точно есть какие-то законы, по которым они отбираются, но эти правила слишком сложны и малоизученны. Зато явно одно: чем разнообразнее исходники, тем крепче и интереснее результат. Майнкрафт с бесконечностью возможных комбинаций.

Что даст Индия? Мягкость? Способность принимать мир? Умение говорить «нет»? Посмотрим.

Забавно — море тут непопулярный маршрут для прогулок. То есть общественный пляж справа от храма, конечно, место для паломничества; туда ведет длинный коридор из сувенирных лавочек самого пошлого образца, с гирляндами ракушек и зеркалами, отделанными грубым перламутром. Там прямо по песку водят смиренных лошадок, чтобы туристы могли развлечься, и предлагают пострелять по надутым шарикам из духового ружья.

А вот слева, за рыбачьими сетями, людей нет. Вообще. Раз в полчаса кто-нибудь один пройдет деловой походкой — для Индии чудовищная редкость места, где вокруг тебя нет десяти человек одновременно.

Если честно, с утра я чуть не смалодушничала — была мысль поесть в ближнем кафе, для туристов. После купания меня разморило, тем более, я все же пошла «туристическим коридором», рассудив, что у непопулярности пляжа напротив моего дома могут быть и другие причины, помимо стадности (например, течение). По традиции я хожу купаться в купальнике и босиком, без вещей — то есть тут я ходила просто в тунике и штанах. Очень страшно порвать тонкую, облепившую тело ткань. Брожение в мокрой одежде меня так утомило, что я решила не искать каких-то дальних вариантов, а поесть «дома». Однако в ярко крашенном ресторанчике Little Gecko у официантов были такие сальные лица, а меню оказалось таким бездарным, что я не выдержала. Чем жевать безвкусные дорогие тосты под хихиканье официантов, лучше дойти

до края резервации, растолкать работяг у пластиковых столов, налить себе на свежие, сочные пури пару ложек острого соуса, и хватать их, обжигаясь, прямо руками. А запить, конечно, жирной масалой. Да, тут текучка, и не посидишь вальяжно, как в кафе — стол один на всех. Зато чувствуешь жизнь, а не жуешь бумагу, которую тебе подсовывают вместо нее.

Отключение света поквартально здесь — норма. А еще все кафе закрыты к семи вечера, даже туристические. Поужинать можно с ларька. Они романтично готовят яичницу при свечах.

Маяк-то оказывается и впрямь работает! Такой мощный сноп света вникуда. Заметила за собой занятную привычку обращаться к себе во множественном числе: «Пойдем на маяк сходим, хочешь? — Да ну, пошли лучше выпить купим». До чего доводит одиночество, а ведь еще месяца не прошло.

На пляже ко мне подошли две пожилые женщины — сначала просто поболтать, потом, конечно, достали сувениры на продажу. Успела им рассказать, что была замужем, детей не нажила и развелась (последние два факта их поразили). На предложение браслетов показала золотой на ноге; после ожесточенных споров они все же решили, что он настоящий, стали спрашивать, откуда — пришлось в срочном порядке придумывать «хорошего знакомого» из Ооту, срисованного с Биноя, который подарил мне его на память. Женщины слушали внимательно, цокали языком: такой подарок! Может, вернешься и выйдешь за него замуж? Я смотрю, купить женщину в Индии по-прежнему обходится недорого. Впрочем, разведенки у них никогда не ценились.

பேட்டை	அரசு கீழ்	பேட்டை	அரசு கீழ்
1	விரைவுப் 17	1	விரைவுப் 17
2	போக்குவரத்துக் 18	2	போக்குவரத்துக் 18
3	கழகம் 19	3	கழகம் 19
4	தமிழ்நாடு (வ-து) 20	4	தமிழ்நாடு (வ-து) 20
5	பயணச் சீட்டு 21	5	பயணச் சீட்டு 21
6	50 22	6	KS 23
7	50 23	7	200 24
8	50 24	8	200 25
9	50 25	9	200 26
10	50 26	10	200 27
11	50 27	11	200 28
12	50 28	12	200 29
13	எண் 40324 29	13	எண் 72287 30
14	செ.ரி சீட்டு 30	14	செ.ரி சீட்டு 31
15	செ.ரி சீட்டு 31	15	செ.ரி சீட்டு 32
16	செ.ரி சீட்டு 32	16	செ.ரி சீட்டு 32

Толи на меня повлиял вид вчерашнего прекрасного француза, распаленного спором, то ли зеркало, висящее в отеле, но я пошла и купила банку дорогого (по местным меркам) натурального бальзама для волос. Теперь пакля, которая еще вчера свисала нерасчленимыми сосульками, может рекламировать свежесть и блеск — прямо удивительно, как мало надо волосам для счастья. А карман для умывашек в моем рюкзаке реально резиновый, в него еще и не такое влезет.

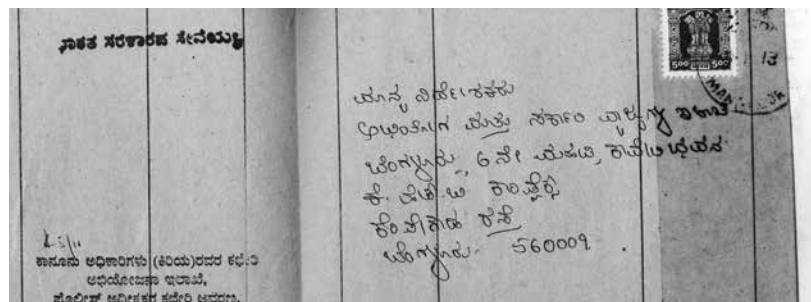
Все, котика пристегнуть — и на поиски утренних пури!

Насколько же Индия расслабленная. Конечно, когда я брожу где-нибудь по набережной ночью, я слежу за тем, что происходит у меня за спиной, а когда сажусь в кафе, придавливаю сумку ногой. Но на самом деле тут нет грабежей и воровства. Совсем. Конечно, вероятно, что я не столкнусь с открытым насилием и в более агрессивных районах, но этот тест кармы я бы оставила на потом. Сирия, Афган, Пакистан — никуда они не денутся, дождутся.

Пури внутри меня, счастье; полчаса до автобуса, крупные муравьи деловито обшаривают мои щиколотки, солнце даже в теньке целует довольно жгуче. Впрочем, в этой стране даже у природы мягкий характер — ни разу не сгорела, хотя брожу везде без крема.

Мимо прогнали стадо черненьких округлых поросят. Несколько откололись, застряли на другой стороне дороги, заметались. А потом с визгом принялись догонять сородичей. На пальме жесткие листья хлопают от ветра так, словно на ветку приземлился птеродактиль.

В Мамаллапураме чудовищно много сувенирки, причем прекрасной. Недаром индусы славятся работой по серебру. За браслет с 14 граммами этого металла с меня сначала запросили 2,5 тысячи — я рассмеялась, предложила 250 рупий. И только когда сторговалась до тысячи, призналась, что вела торг

из чистого любопытства — носить металл на коже я все равно не смогу. Но он был потрясающе изыщен и красив, а в похожем стиле еще выполнены серьги и кольцо... Я уехала из этого городка, не купив себе даже крошечного кулончика. Чем горжусь отдельно.

Проезжаем пагоды, высоченный храм и строящиеся молельни — все в узорах; и песок, по которому ходят обезьяны, под нереально красивую и лирическую музыку — и меня кроет, нещадно накрывает чувством, в какой потрясающе волшебной стране я обретаюсь. Иногда я втягиваюсь в обыденность, рутину — и забываю. Но ведь надо помнить. ЧТО ЭТО ПОТРЯСАЮЩЕ!

Водитель ни слова не говорит по-английски, но его речь абсолютно прозрачна. «Смотри наверх! Видишь, храм? Не отвлекай меня, хочешь узнать, что за музыка — спроси у девушки, которая только что вошла. Эй, иди сюда, скажи этой белой, что сейчас играет! Что? Я не слышу, музыка слишком громкая! А, Канчипурам... Нет, ты что, еще и полдороги не проехали. Ты что это пьешь?! Алкоголь? А, для зубов, тогда ладно. В окно плюнь, только аккуратно...»

Все-таки какая гадость эта ваша открытая канализация на жаре. Некоторые вещи из нашего мира здесь бы не помешали. Хотя высокий унитаз со стульчаком-ловушкой (трещина, хватающая за задницу при попытке сесть) намного хуже обычной уютной парашки.

Канчипурам оказался крупнее, чем я предполагала, но тем не менее автобуса напрямую в Банглор из него нет, нужно сначала ехать в Веллур. Интересно, это вперед или назад? Снова довольно жарко, а в местной кафешке подают еду, почти как в храме — только не настолько острую и ультимативную по набору приправ. Я заностальгировала, дважды требовала добавки соусов и рис почти весь доела.

Не даром я не люблю телевизоры! Эти угловатые зомбоящики висят в автобусе точно над моим любимым местом, и я, пытаюсь сманеврировать так, чтобы ничего не разрушить, но при этом аккуратно отжать остальных претендентов, каждый раз вписываясь в него лбом на всем ходу. Бо-о-оль-но-о-о...

Какая же у их школ потрясающая форма для мальчишек-школьников! Узкие-узкие ярко-розовые клеши и светлые свободные блузы.

← Впервые у меня получилось собрать сари более-менее прилично! Какое же оно красивое.

Канчипурам — средний город. Это худшее, что есть в Индии, так как мелкие деревушки попилены на участки и чистятся владельцами, а большие города стремятся держать лицо и прикрываться стеклом. А тут — все говно наружу, и никому дела нет...

Ох, я мельком увидела храм — мой мир едва ли встанет на прежнее место. Его украшали лежащие коровы, а на углах, не в силах решить, куда развернуть скульптуру, автор раздвоил ей тело. Лежит одна, лежит на угол другая, а центр срастается шеями и выходит на одну голову. На морде — безмятежность. Кошмар LSD-шника...

Осмотр Веллур был стремителен и ограничился изучением местного туалета (где я умылась) и кафешки (где я исполнила давнюю мечту, объединив в свою кружку их три наперстка с чаем).

Сдачу за туалет выдают только на выходе, когда уже стало ясно (по времени пребывания), зачем ты туда ходил — мыться, писать или чего пострашнее делать. Я плачу как за покакать, так как люблю уединение отдельных кабинок и не спешить. Писают частенько в общей «канаве» при входе.

К чаю я купила пару ореховых шариков, запрыгнула в автобус. Спустя полчаса лежу уже сама как шарик с ореховой начинкой, мечтаю, чтобы трясло поменьше.

Пара, которая едет слева, уговорила своего сынишку писать в окно. Да-а-а, хорошо быть мальчиком! Я тоже так хочу, после трех-то чашек в одно лицо...

Всегда немного жутковато выходить ночью пописать из остановленного ради тебя автобуса или фуры. Все вещи внутри, а догнать пешком двадцатитонник... Впрочем, люди редко делают немотивированную херню. В этот раз я своей просьбой, к тому же, осчастливила целый автобус — возвращалась мимо шеренги писающих мальчиков. Спасибо хоть, что этот салют был не в мою сторону.

До Банглора всего сорок километров — пора доставать LP и искать себе ночлег. Я перестала уставать от этих полуночных приездов в незнакомый город, уже почти не помню, как это бывало сначала. Я же ужасно непривередлива. Я научилась пулей вылетать из автобуса, так что дежурящих авторикш отбрасывает ударной волной и они не успевают открыть рта. До центра я не дошла километра три, судя по карте, и уже заселилась в чистенький уютный клоповник.

Приятная традиция мыть плафоны трагически прервалась — вымытый оказался очень красивым (и даже внезапно прозрачным), однако пустой патрон не был обесточен, так что при попытке навинтить его обратно я случайно капнула в него водой и замкнула. Пробки нашлись сразу, но шкаф один на всех, без никаких маркировок — я не рискнула обесточивать по очереди все

10 комнат моего этажа в поисках своей. Пришлось спускаться, делать непонимающие глаза и ждать, что они догадаются найти щиток — как нетравматично донести мысль, что это необходимо, я не придумала. Ребята ничтоже сумняшеся перешелкали по очереди все рубильники, нашли нужный, и заодно спросили, не сменить ли мне постельное белье. Оторопев от такого сервиса, я согласилась, и заодно попросила что-нибудь сделать со штырьком в шпингалете — а то задвижка есть, а удобная «ручка» для нее отвалилась. Задвижка из ванной не подходит, я уже пробовала ее вывинтить, а карандаша, годного под слом, у меня нет...

По ночам такое чувство, будто город населяют одни мужчины. Когда заходишь вечером в веселый ресторан, ощущения, будто идешь по пустырю с бездомными псами — ты знаешь, что технически они могут тебя порвать. А они этого не знают. Поэтому выигрывает тот, у кого крепче нервы. С другой стороны, подрасть было бы весело — если уж рвать шаблоны людям, то намертво.

Вместо грязного мешка мне принесли подушечку в форме сердца, розовую. Та-а-ак мило! Но клоповник оказался настоящим, с клопами. Ночью они вылезли из розочек и зацеловали мне шею. Это менее неприятно, чем комары. Их укусы скорее жгутся, чем чешутся; я спала как убитая после отличного ужина, так что только под утро нашла в себе силы осознаться и выкинуть клоповый рассадник.

10 ноября. Bangalore

Кстати, выйдя из «дома» осознала, что вчера ночью стремительно убежала с центрального вокзала (справедливо рассудив, что там ночевать не стоит) и пешком дошла до другой автостанции, под названием «рынок». Вот это интуиция, обалдеть.

Как результат — более грязных улиц я не видела никогда. Так на фотографиях выглядят обжитые африканскими племенами небоскребы в Йоханесбурге. Мусорные кучи по пояс, немного разрытые на тротуаре — как правило для того, чтобы там посрать. Наверное, забавно жить в стране с космическими программами и могучей гламурной киноиндустрией, где при этом половина населения еще не вышла из пещерно-общинного уровня.

Зато я точно знаю, куда возвращаться! Рынок — идеальный ориентир.

Для поисков информационного центра, в который было любопытно добраться, я нарисовала себе целую карту — пара улиц, собор для ориентира... Не таскать же кирпич-LP, он почти два кило весит! Сначала просто прогулялась в сторону MG-road, а поближе к искомому начала опрос.

И инфоцентр я нашла! Но — сегодня воскресенье. Так что, увы, он оказался закрыт. Тогда квест изменился, я начала искать какой-нибудь книжный, чтобы купить карту. А когда отыскала, глянула в нее и поняла, что мне она уже не нужна. Я и так знаю все, что тут и где, центр уже весь избеган и изучен. Купила местные аутентичные комиксы в подарок и пошла просто гулять.

А спустя десять минут на перекрестке ко мне подскочил навязчивый торговец, размахивая картами — и тут я уже оттянулась, послав его лесом, полем, пляжем, морем и дальними странами. Где он раньше был?!

Но расслабляться в Индии нельзя ни на минуту. Только чуть-чуть отвлеклась, ослабила контроль — как обнаружила себя, покупающей сари. Магазин очаровал меня абсолютной незаинтересованностью во мне. Когда я уже была готова обмотаться, заплатить и выйти, девушка с огорчением отметила, что сари мне маловато, и попыталась не продать его. Пришлось убеждать, что три раза обмотки вокруг тела мне вполне достаточно. Весь комплект (топик, подъюбка и черте-сколько метров ткани) обошелся в 400₹. Выглядит неплохо, особенно вместе с пачкой цветных браслетов (10 рублей за комплект из 12 штук). Браслеты очень легко бьются, вряд ли удастся их сохранить. А вот сари...

Собираю комплименты. Людям нравится видеть иностранку в национальной одежде. Кажется, таким путем я приобретаю иной статус.

Метро Банглора разочаровало. Огромное число полисменов, многоступенчатый досмотр на входе (с просвечиванием сумки); разная цена поездки на разные расстояния (надеюсь, наши власти никогда до этого не додумаются). Когда доехал до станции, конечной по твоему билету, нужно выйти и взять новый — то есть ошибиться нельзя. Просто пролезть и катиться обратно не дают. Меня вернули, когда я попыталась так сделать.

Не люблю жадность в мелочах. Их метро — шесть станций, пять перегонов. Популярно, примерно как наш монорельс — для семей с детьми в качестве развлечения. Перроны пустые, вагоны тоже, охрана скучает и строит посетителей

за любую оплошность. Ску-у-ука.

Меня уже третий раз тайком фотографируют. Неужели это такая редкость — турист в местном? Ведь здесь СТОЛЬКО этих магазинов! Ярких, сочных — невозможно пройти мимо! А еще это оказалось потрясающей охранной грамотой — ведь сари носят замужние девушки. Такой наряд автоматически переводит тебя из разряда свободных самок в сан «занятая женщина», а приставать к чужой жене —

Зато в их метро замечательные жетончики. Правда, вынести их нельзя — на выходе турникет сжирает. →

это уже совсем другой коленкор. Теперь мне максимум улыбаются, а семейные мужчины делают весьма почтительные комплименты. Ух ты! Я нашла другую Индию — без жадных взглядов!

Шираз оказался на вкус хуже, чем предыдущее — но в разбавленном виде отлично сходит за вечерний отдых. Сегодня я уже поглядывала с вождением на автобусы — мне сложно сидеть на одном месте, особенно таком неудобном.

Местные сладости все-таки весьма однообразны, но, как правило, сильно отдают мукой. Вкус будто бы разбавленный.

Самостоятельная намотка сари привела меня в ужас. Похоже на правду получилось с третьей попытки, и мне бы очень хотелось услышать мнение местных, получилось ли вообще. Выглядит ли мой наряд для них, как для нас футболка, надетая вместо трусов, с кепкой, приколотой к груди? Не знаю, но когда я пошла тестировать результат в ближайшее кафе, эффект превзошел мои ожидания: двое рванулись, чтобы уступить мне место, остальные старательно разглядывали пол. Вечер! Кабак! И никаких взглядов! Уииии! Выпила пару чашек чая, разглаживая на коленях мантию-невидимку.

Но сила волшебного наряда не дается даром, конечно. Довольно сильно влияет на личность и поведение — от этого устаешь. Ну и опаска Штирлица постоянно со мной, конечно. Все кажется, что на меня посмотрят повнимательнее и сразу раскроют. Какая же из меня серьезная замужняя тетка... Видимо, потому я и развелась, что так и не смогла почувствовать себя ей.

Забавно, раньше я бы бросила затею с сари еще на стадии второго полного разматывания. Видимо, концепция «да, я все могу» распространяется на все события в жизни, и оно предполагает еще одну попытку с ощущением «теперь точно получится» на том месте, где раньше располагалось «ну и нахрен тогда вообще». Растем.

Некоторые факты, собранные в поездке:

1. В хостелах Индии часто встречаются бетонные (!) тумбочки и столы, «растущие» прямо из пола и стены.
2. Ни в одном из отелей, где я останавливалась до сих пор, горячая вода не была предусмотрена самой конструкцией кранов ванной.
3. Тараканы в Индии ровно такие же, как у нас, и встречаются сравнительно редко.
4. Большинство магазинов закрываются в 6pm, с наступлением темноты. Рестораны тоже. Возле вокзалов жизнь кипит аж до 11pm, но купить что-то съестное помимо чая почти невозможно.
5. В ресторанах вместо мелкой сдачи часто приносят жвачку, в лавках могут дать конфет или шоколадку. В дешевых местных кабаках, где питаюсь я,

сдачу отсчитывают до рупии и никогда не зажиливают деньги.

6. Подавляющее большинство уличных чаевен — передвижные, телега с крышей. Так же, как лотки с фруктами, гладильни, продавцы угля, мелко-сувенирные и носочные ларьки. Подобные магазинчики обычно мигрируют по определенному графику, чтобы клиенты могли их поймать в случае необходимости.
7. Воду, подаваемую в кафе к еде, как правило, наливают из-под крана (иногда — даже фильтруют). Местные пьют, не касаясь губами сосуда.
8. Нередко еду подают на тарелке, а не на банановом листе. Тарелку в таком случае покрывают тонкой полиэтиленовой пленкой — чтобы не мыть. Пленка удобно заворачивается, если остатки хочешь забрать с собой.
9. Женщины в Индии волосы не красят совсем, а вот мужчины предпочитают закрашивать седину мерзко-рыжим пронзительным тоником. Юные модники тоже иногда красят красным волосы, но почему-то лишь полголовы.
10. У автобусов и авторикиш на зеркалах заднего вида частенько болтаются черные помпоны. Насколько я поняла, это не знак траура, а просто своеобразное представление о красоте.

11 ноября. *Bangalore – Mysore*

Приятно, что завтрак принесут прямо в окно автобуса. Правда, выбор блюд весьма ограничен — фрукты, кукуруза, чипсы или орешки. Я выбрала огромный чищенный и порезанный на дольки огурец. Перед тем, как передать его клиенту, продавец сыплет на срезы соль и перец. Ужасно вкусно. Немного волнуясь, как бы не остаться без еды на всю длинную поездку — я открыла глаза в 10:02am, а в 10:40am уже сидела в автобусе на другом конце города. Моя кофейня со вчерашними наслаждениями, конечно, закрыта поутру, а на вокзале я поймала уходящий автобус буквально за хвост и пошарить на предмет снеди просто не успела.

Здесь все же странно произносят английские слова. Попросила написать название нужной мне станции и с изумлением поняла, что буквы, слышащиеся мне как «всаталэйт» расшифровались во вполне банальный «Starlight».

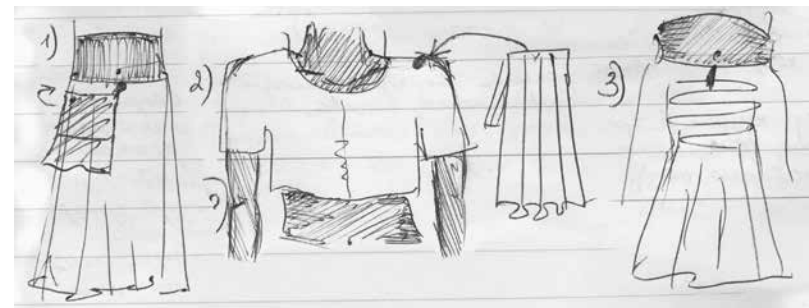
Ночью клопы меня опять пытались жрать, хотя подушку я больше не брала. Уползла спать на пенку, на пол; размышляю над мрачными перспективами: если они спрячутся в спальнике и будут путешествовать вместе со мной, жизнь моя резко ухудшится.

Огурчики чрезвычайно разжигают аппетит. Но как мудро все устроено! Как только я начала почти всерьез размышлять, влезет ли через решетку окна кокос, украденный по дороге с проезжающей фуры, мы встали на десять минут. Я смогла купить себе мороженое, сладкий пирожок и острый пирожок. Сладкий оказался суховат, острый прекрасен; моя любовь к миру устроилась.

Майсур — отличный город! Чистые, уютные улочки; много степенных торговцев шелком и драгоценностями; само название, историческая гордость запрещает местным суетиться. После непродолжительной прогулки сняла чудесную угловую лоджию, с видом на местный парк и мастеровые кварталы (прямо сейчас напротив моего дома красят гигантские кованые сундуки и носят их сушить на крышу). Светло, солнечно, письменный стол, вход через балкон! На мою крышу тоже вход свободный, так что я тут же занялась стиркой. Намылила и выложила греться котика, перестирала все вещи, замочила спальный. Нельзя же этим чудесным людям, скинувшим мне три сотни (сбила цену с 400₹ до 300₹ и вселилась на три ночи) привозить ползающих и кусающихся тварей!

Выспалась, облачилась, вышла в свет. Ого! Да тут район жестянщиков! Везде громоздится сверкающая латунная и медная посуда, огромные сияющие кувшины и россыпи мелких колокольчиков. Рассмотрела тайком местных женщин, увидела, как небрежно они носят свою одежду, и расслабилась. С сари не работает обычная традиция — не отвлекать человека от еды разговорами. Проходящие мимо непременно выражают бурный восторг. Буркаю невежливо «Russia, thanks», расплевывая рис.

На улице у меня откололась булавка с плеча; я попросила первую попавшуюся тетеньку мне помочь. Та сначала попробовала приклепать, как есть, потом отмотала немного, увидела нижний ярус, ахнула — и затолкала меня в подворотню. Там одним движением размотала меня всю, как куколку, и быстро собрала все обратно. Получилось так красиво, что я раздумала идти домой и решила еще немного погулять, собирая восхищенные взгляды «Добро пожаловать в Майсур,

мадам!» Мне это так понравилось, что вечером, прежде чем снять, я решила изучить конструкцию получше.

Итак, начиная с середины по часовой стрелке делается один оборот тканью вокруг талии, затыкая его за пояс юбки. Потом ищется «хвост», складывается гармошкой и прикалывается к плечу — остаться должен примерно метровый кусок, свешивающийся за спину. Все остальное складывается еще одной гармошкой и прикрепляется под пупок. Главное — не перепутать направление!

Весь вечер бродила по улицам с ларьками — платья, текстиль, посуда. И думала, что никакой Тадж-Махал не заменит этого великолепия, пахнущего кипящим маслом, сандалом, благовониями, сладостями, эвкалиптом, мочой, коровами; зывающего к себе клиентов. За этим я сюда и ехала.

Одежда моя за день почти высохла; на высоченных стойках под антенны, где я свесила мордой вниз спальный для просушки, гнездятся белоголовые орлы. Огромные!

Как же жалко снимать сари! В нем ощущаешь себя королевой.

12 ноября. Mysore

Внезапно посетила идея, что здесь многие подушки — с населением, но я об этом не догадывалась, так как спала все время с котиком. Кто-то настойчиво кусал меня этой ночью, но в открытые места, так что мог быть и комар. Как легко рождается паранойя...

Спать под тонким местным одеялом и вентилятором — плохая идея. Пропнула в соплях.

Заставила себя встать пораньше и, кажется, переборщила — в восемь абсолютно негде поесть. Неужели они столько времени спят?! В шесть уже закрыто, в девять — еще. Мы просто убийственные трудоголики на их фоне! Проклятый капитализм.

Зато у меня впервые получилось прилично и самостоятельно намотать сари! Какое же оно красивое... Может, я куплю себе все-таки еще хотя бы одно? Здесь столько тканей, что уехать с единственным куском — это как из-за стола встать после первой ложки еды. Я попала в край изобилия того, что приводит меня в восторг (по цветам и качеству). Придется, пожалуй, основательно отсублимировать жажду обладания в фотографии, если я не хочу финансового и грузового кризиса.

А в этом городе есть что посмотреть! Нарисовала себе план с квестами, чтобы ничего не забыть — получился довольно внушительным. Если встретятся любопытные заброши или заборы, добавлю к списку, переоденусь из сари в уютную тунику и наведуся.

Уж полдень близится, а лавочки все еще закрыты. Что, завтрака мне вообще не будет?! Чай, тройную порцию которого я притащила себе в комнату, чтобы проснуться, давно кончился во мне и организм настойчиво требует пури. Пу-у-у-ри-и-и-и!

Удивительна моя способность ходить кругами, как привязанная корова. Может, у меня одна нога короче другой? Зато это не дает мне заблудиться — даже если не следить за маршрутом, я стабильно выкруливаю на уже известные улочки. Пройдя раза три по одной и той же дороге, я учусь наконец-то встраивать ее в свой путь — и иду осваивать следующий кусок пространства. Сейчас вот зашла на рынок, побегала по нему, вышла — и не сразу осозналась, на какой я стороне от него, завернула на прежнюю улицу. А после еще раз набрела на тот же маршрут, повернув не туда от башни с часами. Где-то тут располагается резиденция Махараджи, надо бы туда добраться... Способность правильно завернуть себя в сари внушает уверенность такой силы, что при необходимости я смогу взять Дворец штурмом.

На рынке, кстати, я приобрела неплохой сувенир — набор порошковых красок кумкум. Цену на него удалось сбить вдвое; на местных торговцев забавно действует фраза «ну ради меня». Они трясут челкой, машут руками — была бы шапка, непременно хлопнули бы ее оземь «ну ради тебя, красавица, и разориться не жалко!»

Чаем возле моего дома торгует офигенно стильный парень. С серебряной точкой в ухе и двумя простыми кольцами. Вообще тут у многих внешность такая, что они оказались бы самыми стильными неформалами Москвы — соотвествуя содержанию форме, конечно. Но как они льют, остужая и перемешивая, густой драгоценный напиток в чашку, опутив ее на полметра от чайника! Бармены бы поумирали от зависти.

Сколько времени, интересно, понадобится, чтобы приучиться шарахаться от любой помехи влево, а не вправо? Вроде бы помню, а при необходимости немедленной реакции все равно всплывает правосторонность наших дорог.

Местный филиал туристического агентства офигенный. Дали бесплатную карту и наставления, как добраться до интересующего меня храма в пригороде.

Интернет-кафе становятся все хуже. Скорость везде примерно одинаковая, однако разнообразны глюки; в моем сегодняшнем, к тому же, были выломаны оба ctrl (так как я частенько использую их как составную часть горячих клавиш, пришлось отковырять первую попавшуюся клавишу, чтобы заменить ей недостающую), а клавиатура такая липкая, что на ощупь напоминает силикон, а не пластик.

Интересно, от чего зависит качество чая? Вот в этом кафе — невероятно вкусный, густой, с пенкой, как хороший кофе. Может, он вообще из кофемашины? Есть тут такие, с парой кнопок специально для чая...

Освоила восхищенное покачивание головой, которое в ходу у местных деревенских женщин. Означает что-то вроде «ну ничего себе, до чего дошел прогресс, и это еще при моей-то скромной жизни!» Им отлично отвечать на демонстрации чудес. Например, если перед тобой внезапно раскатали километры шелков, с явным требованием купить все и немедленно — покачал головой «до чего же это красиво!» — и дальше пошел. Отлично работает!

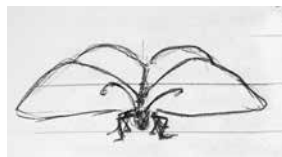
Немного странно, когда половина ресторана собирается, чтобы помочь тебе с выбором блюда. И вообще я что-то устала. Домой, домой! По любимым улочкам с шелками и медью...

В дорогих ресторанах чек приносят на блюдечке с анисовыми зернами (сначала я приняла их за тмин). Вместо жвачки. Часто перемежают зерна с обычным сахаром, предлагают брать его щепотью, зажевывать еду. Вкусно.

Удивительно, однако факт: у меня до сих пор не завелись вши. Как это чудесно. Храни меня, святой предохранитель — не представляю, как я буду пантомимой объяснять эту проблему в фармакологии. Но «чух-чух» с вопросительным жестом про направление по-прежнему работает лучше, чем сотню раз повторенный rail way или train. Дьявол его знает, почему, такое вот у меня хреновое произношение.

Сари облохматилось с краев — они же его никак не подрубают. Обрезала его ромбиками. Интересно, а как они с этим борются? Подшивают? Подворачивают бахрому? Надо бы отловить женщину в потрепанном сари и пощупать.

Сверху, от лампы, на стол падают бабочки. Полежат на письмах, придут в себя — и назад, к свету. Лампа энергосберегающая, не обжигает, так что им этого развлечения еще на полночи. Внезапно из-под шкафа выскочил полупрозрачный геккончик. Я мысленно натравливала его на трепыхающуюся рядом свежесбитую бабочку, но он заметил мою тень, замер и юркнул обратно

в подшкафную темноту. А спустя минуту высунул блестящий нос, схватил добычу, просмаковал с хрустом и утащил к себе. Красавчик! Теперь я знаю, куда смахивать бабочек. Хотя, ей-богу, лучше бы он на комарах специализировался.

Парень в чаевне привычно отмерил три стакана, добавил немного сверху, спросил крышку — местные частенько забирают горячую еду и питье в запирающихся баночках. Убедился, что я свою крышечку потеряла (на самом деле ее не было никогда, конечно), накрыл газеткой, подал. Какие они все-таки трогательные...

Сегодня встретила стайку мальчиков в сари. Не знаю уж, по приколу они это делали, на потребу туристам — или мне правда повезло встретить местное сек-

суальное меньшинство, но вели они себя довольно развязно. Одна «красавица» сделала мне комплимент — мол, неплохо смотришься в сари; ответив «You too», вызвала гомерический хохот остальных. В принципе, испытываю к ним почти родственные чувства — мы оба ряженные, что уж тут.

В кровати снова клопы. Не стала разбираться, свои (принесенные с прошлой ночевки) или местные, сползла привычно на пол. На полу никогда никого нет.

Там сторожит геккончик.

13 ноября. Mysore

Ну что ж, фабрика сандаловых масел, кажется, сейчас не работает (не совсем поняла, почему), зато я могу скататься на шелковую фабрику, где нитки проходят десятки итераций, прежде чем стать шелком. Фотографировать там нельзя совсем, и вообще все вещи нужно сдавать. Разрешили оставить блокнот, и то спасибо.

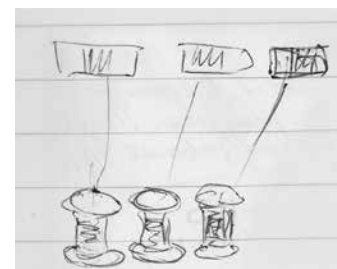
Огромные мотки пакли разделяют на тонкие нити и сматывают на катушки — если тронуть нить, чувствуешь дрожь. Нитки тончайшие, почти незаметные; но при этом очень прочные.

Гигантский, в рост человека, барабан разматывает тысячи тончайших паутинок — они отходят от него к катушкам, в огромный шкаф.

И отдельная секция в защищенной клетке, где также скручивают и перемаывают бесценную золотую нить.

Конечно, я утащила немного на память, вложила в блокнот. На проходной у меня спросили, что это свисает из дневника; я сделала вид, что не понимаю вопроса.

Рисовать ткацкий станок я не стала, но у него система как у старых музыкальных инструментов — программа рисунка задается металлической перфокартой.

← Огромный зал, тысячи катушек — и все перемаывают нитки. Стрекот, мелкий, щекочущий ухо.

Полотно прогоняют через станки много раз, и каждый прогон что-то дополняет. В отделе стоит адский шум, многие работают в берушах. У каждого станка — оператор. В залах, где нитки только еще собираются из волокон, работает много женщин, но на последнем этапе, где нитки собираются в сари, — только мужчины. Как пишет путеводитель, «лишь мужчина знает, как должно выглядеть настоящее,

украшающее женщину сари».

«Перфокарта» свисает длинным пологом; в каждой дощечке — стерженьки, определяющие рисунок. Некоторые узоры по-прежнему выкладываются вручную, но большинство автоматизировано.

Это непрерывное движение, тысячекрылое трение и стук — словно в гигантском улье, где работа не прекращается круглые сутки....

Показывали супер-новинку, автоматическую машину, японскую (по виду, годов 40-х выпуска). Она наматывает нитки на челноки (которыми потом и делают цветные полосы в ткани). Машина мотает по десятку катушек одновременно, а если нажать кнопку — обрезает все нитки, сбрасывает туго сматанные куколки в контейнер, а на их место из специального пула выкладывает новые, и начинает все по новой. Выглядит внушительно! Мне дали подержаться за трепещущую паутинку и разрешили нажать на кнопку, когда пришло время смены челноков.

Раствор для покраски не очень насыщенный, но тряпки болтаются в нем несколько часов, непрерывно наматываясь на барабан, поэтому цвета получаются ядреными.

На фабрику я заехала с нанятым для этой цели рикшей; после он отвез меня в «проверенный магазин», чтобы я смогла выбрать себе сари, объяснив, что на фабрике расценки завышены, а качество так себе. Твердо веря в свою непреклонность, не стала отказываться сразу, решила посмотреть — и в итоге вышла оттуда с золотистым куском материи. Стоило это всего 300р, а шелк действительно струился.

Заодно купила наконец местные биди, травяные горькие сигаретки. Оказалось, что и впрямь ничего, отгоняют приторный запах сладостей, подчеркивают живость настоящего. Вот теперь я настоящая индианка! Пахну благовониями, курю биди, шуру шелками и умею бодро перепрыгивать, подобрав подол, протекающую канализацию. Акклиматизация комплит!

И все-таки ручной их труд поражает воображение. После успеха с покупкой шелка, рикша решил развить успех и отвез меня на «фабрику благовоний».

На деле это, конечно, оказался один дом, где девочка лет 11 целыми днями крутит палочки. Как она это делает! На небольшом, полированном годами куске дерева ловкие руки в два движения накатывают на щепочку смолу — так получается заготовка для аромопалочки, которую после сушки обсыпают дроблеными цветами или специями. В день девочка делает 3-5 тысяч палочек. Тысяч!

В общем, когда мне дали покопаться в бутылечках с маслами, я решила не мелочиться. Набрала пачку — и себе, и в подарок. Стоили они тут недорого, в общей сумме я потратила почти полтысячи рублей (для местных расценок — дикая дороговизна), но меня грела мысль, что ребята получают денег. Они мне понравились. Себе раскошелилась на ароматическое масло, польстившись на название amber — то есть «янтарь». Так как выросла я в маленьком поселке на берегу Балтийского моря, названном как раз Янтарный, мне эти буквы показались прямо-таки родными.

Вечером в интернете попала несвежая новость о том, что ученым удалось вывести генномодифицированного шелкопряда, чья нить более прочная, чем кевлар (в пересчете на килограммы). В общем, единственное слабое место шелка — его цепляемость. У моего сари то ли с рождения, то ли после одного дня носки в паре мест уже выдернуты нити. Дико обидно. Ну что ж! Буду наслаждаться им, пока оно не кончится, а после без сожаления (а с огромной радостью) куплю другое. Уже предвкушаю.

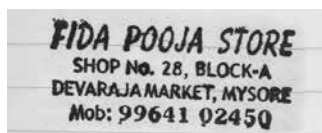
Между прочим, золотое с красным в Индии — цвета невесты.

А меж тем уже ночь. Так, куда я там еду-то? Ну-ка, покажите мне карту... Wayanad, окей. Вещи прекрасно уместились на дно бескрайнего моего рюкзака — видимо, в нем не только карманы резиновые. Но судя по тому, как молниеносно я заполняю собой любой хостел, аскетичным мое путешествие явно не назвать. Прямо как жена махараджи — сегодня бродила по железнодорожному музейчику, насмотрелась на целый поезд для правящей семьи.

← [слева] Спички в Индии делают из промасленной бумаги. Они легко ломаются и сгорают очень быстро, зато горят ярко.

← [справа] Биди, горькие травяные сигаретки, продают по 4₹ за кулек.

Гм, по некоторым признакам и ощущениям значительная часть специй от- казывается перевариваться и выходит в первозданном, нетронутом тлением и пищеварением виде. Довольно острых специй...

Ночью приспичило понюхать одно из купленных сегодня масел. Достая в темноте на ощупь, а оно — расколотое у самого горлышка! Только крышечка сдерживала поток ароматов, порывающийся измазать мне все и вся. Прямо божественное наитие, а то вылилось бы к утру полностью. Придется завтра сходить на рынок и поискать новую бутылочку. Заодно надо бы найти почту и отправить подарочек в Киров — убью этим целый выводок зайцев: реали- зую бешеное желание тариться тут одеждой, не отягощая рюкзак; выясню, как происходит досмотр и упаковка вещей; порадую Няшечку...

Ночью включенный вентилятор шевелил раскиданные по комнате вещи. Очнулась в полнятого, в ужасе от того, что мимо лица по полу что-то идет (да, я все еще не рискую проверять местные кровати, пусть прежние укусы заживут сперва). Оказалось — скомканная бумажка медленно выползала из- за рюкзака. С добрым утром.

14 ноября. Mysore – Wayanad

На рынке моего любимого торговца маслами не оказалось, пришлось искать хоть какого-то. Посреди поисков на меня наткнулся верткий юноша, увел вдаль рынка, к своему лотку. Действительно разбирается в маслах — по запа- ху нашел то масло, что мне понравилось, объяснил, что название мне напи- сали неверное, перелил его в новую бутылочку и наклеил на нее чистую бу- мажку — но сам надписать не смог, попросил соседа по торговле. «А я никогда не учился в школе. Не умею» — с детства занимался только благовониями. Сгонял мальчишку за чаем, угостил меня утренней порцией, пока мы листали его бесконечные бумажные залежи — он маниакально собирает отзывы о своей работе от клиентов. Фотографии и записки вклеены в альбомы, отсо- ртированы по странам и языкам. Целая библиотека! И при этом ни одну из этих реплик он не в состоянии прочесть... Купила у него еще одну бутылоч- ку, чтобы не совсем нахлебником к нему приходиться, за чаем да бутылочкой. Масла расходуются быстро.

У жены махараджи был отдельный вагон, со своей кухней и ванной комнатой... Да, я буду перемещаться несколько иным спосо- бом — меняем сари на привычные тряпки и начинаем изображать ослика.

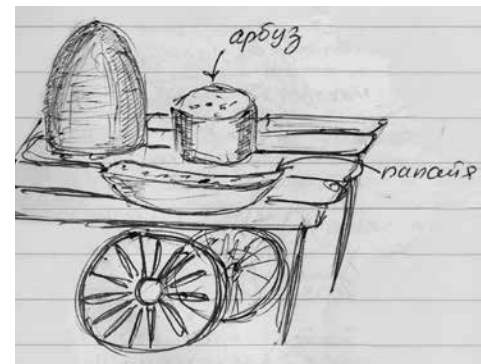
На улице парень зау- лыбался радостно, увидев меня: «О, Good morning, madam!» — а потом выглянул за угол и слегка спал с лица, проследив линию моего объ- ектива. Мадам увлеченно фо- тографировала песика, кото- рый азартно грыз огромную окровавленную кость.

Маленький мальчик пока- зывает на меня пальцем, дер- гая маму за подол сари: «Смо- три, белая тетя курит, как папа!» О, мой милый, будь уверен, белая тетя и не такое может.

Виды дороги на Wayanad прекрасны — лес, хорошая дорога, в трех метрах от которой щиплют травку непуганные пятнистые олени. Ограничение скорости 30 км/час, но никто и не надеется, что эти знаки будут соблюдать добровольно. Поэтому через каждые 50 м кладут могучих лежащих полицейских — три-четы- ре штуки подряд, целая спящая рота! Подпрыгиваем и материмся всем автобу- сом — водитель зверь, притормаживать перед ними не считает нужным. Я еду сзади, тут особенно весело.

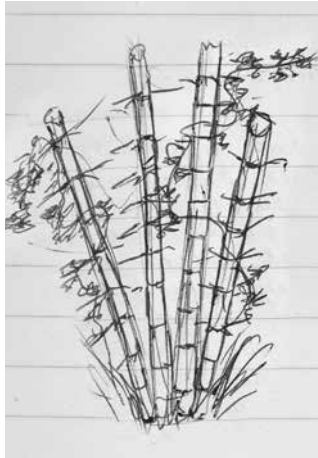
Быки у них, кажется, не считаются священными — во всяком случае, вяжут их варварски. Мимо прошло целое стадо — и у каждого морда накоротко при- тянута к передней ноге. Идут, ковыляют, разогнуться невозможно... Жутковато выглядит. Негуманно.

Я приехала в городок Kalpetta, это практически центр района. Одна улица, два десятка домиков. Говорят, что из него можно делать прекрасные набегі во все остальные места. Было бы недурно; вот только какой-то фестиваль, и все не- многочисленные отели внезапно переполнены. От отчаяния напросилась на чай в местный особняк; семья приняла меня отечески, с пониманием; ничего толко- вого не предложили, но позвонили в пару известных им отелей. Единственный свободный двуспальный номер обошелся бы мне в триста рублей за ночь, это был явный выход за рамки бюджета. Плюнула, решила уехать в городок, кото- рый проезжала до этого (со смешным названием Sultan Battery и милым видом на перекрещенные уютные улочки). Напоследок, уже подходя к вокзалу, вдруг нап- кнулась на дяденьку в фойе отеля, который был закрыт в мой первый забег. Реши- ла попытать удачу — и он вдруг говорит: «А вы одна? Есть свободный номер...»

← Очень часто на улицах можно встретить колес- ницу божествен- ного вкуса — ар- бузно-папайные лотки. За 10₹ тебе кромсают в тис- неное из листьев блюдечко соч- нейший ломоть оранжевого или красного счастья (а при желании можно и микс), втыкают зубо- чистку. Идешь и вкушаешь!

Вот же странные люди! Оставить девушку ночью на улице — запросто, раз «мест нет». А пустить поспать на пенке в коридоре или на крыше — «что вы, мадам, как можно, это же небезопасно!» Я уже почти смирилась с ночевкой под открытым небом, несмотря на духоту с комарами, но тут меня отыскал моторикиша. Помотавшись со мной по пафосным местам, он выяснил, что моя ценовая политика далека от их привычного мнения о белых госпожах, после чего позвонил «папе». «Папа» оказался не его родителем, и даже не местным криминальным авторитетом, а внезапно святым отцом. Так что на ночь меня вписали в церковно-приходской отель, очень задешево, со словами

В лесу кучкуются бамбуки. Сухие, 5-7 м в высоту, гигантскими кустами-зарослями. Их перевидают лианы. Глядя на такие стены легко верится в истории о ночных нападениях распоясавшихся растений — в принципе, тут и происходят все те ужасы. Побегие мертвого обвивают и душат. Просто о-очень не-едельно-о-о. →

«ну, мы же одной веры!». Я была выжата, как новогодний мандарин на первое мая, поэтому поговорить с ним как-то содержательно не сумела, но, кажется, донесла до него мысль о моей бескрайней благодарности.

Минус этого дивного места в том, что находится он за городом, а в погоне за жильем я не озаботилась питанием. Жрать же в приходе, разумеется, нечего от слова совсем. Ничего, зато завтра! Карта у меня крошечная, с визитки одного из переполненных отелей; на ней видно, что весь Wayanad в поперечнике меньше сотни километров, я же и вовсе кручусь на пяточке в двадцать. Нашла точку, где я сейчас чищу зубы и доедаю подаренный банан; присмотрелась к пещерам (вроде не больше десятка километров до них) и соседним поселениям. Опять буду летать по пачке Беломорканала!

15 ноября. *Sultan Bathery*

Если я буду организовывать туристическое агентство, оно будет действовать под девизом «это не проблема, это приключение!» Дело не в том, что мне жалко 500₽ в день на личного водителя; даже несмотря на то, что за ночевки (для сравнения) я плачу в основном 200₽, это немного. Главное, пешком я могу свернуть, куда глаза глядят. Не объясняя, куда это я и зачем. Сервис молчаливого, ненадоедливового водителя, который спокойно ждет, пока клиент оформит очередную помойку, стоит заоблачно; выкручиваться же бесплатно еще и увлекательно.

В прохладе моей огромной комнаты я отлично выспалась, с трудом расправив себя спустя 12 часов отключки. Теперь надо собираться, регистрироваться и выяснять, куда это меня ночью занесло. Моего английского не очень-то хватило, чтобы объяснить оторопевшей девушке на ресепшине, откуда ночью в подвладном ей здании материализовалась белая с ключом от комнаты. Тут очень кстати подвернулась бумажка с именем вчерашнего драйвера, Ашуна. Я предложила позвонить ему по оставленному телефону и спросить, что вчера произошло, а то я сама не очень-то поняла. Кстати, выяснилось, что это не столько hostel, сколько исследовательский центр. Столь тесное сотрудничество религии и науки меня несколько удивило.

И все-таки религиозные люди, как дети. В смысле несамостоятельности. Привычка к пастырю, который придет и разрулит; к Спасителю, которому виднее и т.д. Полчаса вместе заполняли формуляр — за каждой заполняемой мной буквой следили и постоянно советовались. Мне эти бумажки кажутся смешными — ну, имя, номер визы-паспорта, страна-изготовитель, это понятно, а остальные десятки граф-то зачем? Тем более, заполняются они без документов, то есть шанс, что кто-то напишет в них правду...

Забавно, что тут никого не удивляет мое одиночество. Видимо, я достаточно странное животное само по себе, так что отдельные нюансы поведения уже никого не трогают. Парни осознают, что я плохо владею языком, и пытаются помочь мне заказать еду, забывая, что только что выпытали у меня сроки пребывания. Как-то же месяц до этого мне удавалось выживать, эй!

В связи с этой опекой пришлось зайти в ресторан, где простой рис стоит аж 30 руб. за порцию. И вот уже семь минут мне не несут заказ — в любой придорожной забегаловке я бы уже сыто отрывивала после еды за это время! Но зато, когда принесли — у-у-у! Огромная тарелка со свежими, румяными пури и целая миска приправы. Вкусно. Но, если честно, вкуснее жрать их, вытирая стекающий жир о сари; стоя, растолкав мужиков у лотка, держа на весу лист банана, громко требовать еще чая и тянуть чашку через головы стоящих; а потом умыться, поливая себе стаканом из бадьи. Просто пури не созданы для ресторанов; от подачи с прогибом в спине «чего изволите» она теряет 2/3 очарования.

У моего сегодняшнего водителя, Шайнеша, вместо одного уха обрубок. Задавалась мысленно вопросом, а слышит ли он им, как тот расслабленно поднял мобильный как раз с большой стороны. Моментально нарисовалась картина, как он гладит местную полудикую кошку, звонит телефон, и он по ошибке подносит к уху разъяренного такой фамильярностью хищника...

Может, и не нужно мне свой хостел заводить? Большинство туристов хочется тихо удавить. Впрочем, это относится в основном к местным подросткам. Дядечки постарше ведут себя не так шумно, не плюют с бесценных вековых скал и не пишут на них свои good names.

Пещеры оказались, конечно, туристическим разводом. Загородки, «ходанетки», билеты (!). Все за возможность посмотреть вблизи на петроглифы, эти смутно выступающие бороздки на камнях. Толпы солидных мужиков, фотографирующихся на телефончик

на фоне святыни, с обязательным паспортным выражением лица, способны нагнуть тоску на кого угодно. После этого казуса я объяснила драйверу, что у меня на него 400₹, так что на дальнюю дамбу я не хочу, хочу куда поближе и без туристов. И он отвез меня на камень Фантом.

Это было... это было... Невероятно! Скала, возвышающаяся

над всем Ваянадом; туда ведет извилистая, ничем не огороженная тропа — через гуммиарабиковые леса, ручьи, цветочные поляны и гигантские заросли тростника. Шайнеш по дороге все время терял меня, то у цветка, то у камнеробилки, но был терпелив; а у самого камня внезапно показал мне мастер-класс босоногого восхождения. У огромной скалы шершавая, почти вертикальная поверхность; трещин и уступов нет, но можно приклеиться наподобие мухи. Суха-гравитация была помянута не единожды, но я покорила эту вершину.

А потом, уже спустившись, обошли Фантом с краю — оказывается, между ним и соседом-гигантом насыпались и прочно застряли мелкие камни. И по ним можно подняться даже выше, чем по основному «лбу». Тут-то я, на раскаленных камнях, с сумкой и фотоаппаратом наперевес, осознала, что пять пури и тарелка соуса в одно лицо — это офигеть как много. Дышу спокойно, пью воду, думаю о ледяных фьордах Исландии.

Через камни можно насквозь увидеть Wayandad с километровой высоты. Местами этот же вид просвечивает и снизу, под камнями, что добавляет остроты ощущениям.

После этого мы договорились на еще один водопад — и домой. Дорога до него оказалась едва ли не круче, чем сам ручей. Каменистая, солнечная, под огромными столетними деревьями... Байк пришлось оставить в паре километров, и дальше добираться пешком. Скользких камней с чистыми струями я насмотрелась еще в Тамилнаде, а вот пейзажей с бродящими по огромному пастбищу волами, местными жителями, несущими на голове многометровые вязанки хвороста и огромными, с ладонь, пауками, плетущими сети между деревьями, до 5 м в диаметре — этого всего у меня до сих пор не было.

Водитель за все время ни разу со мной не заговорил, лишь улавливал главное — показывал мне безопасную дорогу к тому месту, куда я уже явно намылилась ломиться сквозь кусты.

В городе зашла в настолько пафосный ресторан, что мне предложили выбор между масалой-чаем и черным. Впервые за все время пребывания в Индии. Поковыряла еду, на ужин купила себе фруктов и мороженого — как следует проголодаться не удастся с самого завтрака. Ничего себе, купила пури!

Богатым Ваянадом я в целом тоже сыта. Тут нередки целые города особняков, куча магазинов-салонов колониальной мебели, с огромными витринами. И, конечно, как всегда в таких местах, нищета еще объемнее. К тому же зажавшиеся лица продавцов раздра-

Phantom rock,
Призрачная
скала — самая
верхняя точка
скалистого холма.
Сначала мы
взошли на вершину
посидеть в
тенике камня с
одной стороны
(путь №1), а потом
взобрались по
небольшому
осколку в
расщелине
(путь №2). →

← Печеньки, повсеместно продающиеся в банках, сухие, старые и почти безвкусные. Обычное печенье, пролежавшее неделю на солнце. А выглядит так соблазнительно...

жают. Когда они нагло, в глаза, ломят тебе 70₹ за кило апельсинов (против обычных 40₹) хочется сказать ему «я твой дом труба шатал, а у себя покупаю апельсины по 700₹ в несезон и не обламываюсь!» Но это как-то мелко.

В местных кафе можно приходить со своим. И часто тебе даже говорят: ой, а у нас сейчас нет чая, сходите к соседям.

Домой я в итоге завалилась только в восемь — звучит для местных, как глухая полночь, уже пусто, тихо, ресепшен закрыт, только мой ключ на стойке, чтобы я не ломилась. Общий зал тоже closed, а жаль, я хотела там поужинать в сари, показаться падре в приличном. А придется как обычно, хомячить на кровати. На момент входа домой, памятуя о вчерашнем голодном вечере, я оказалась с небольшим арбузом, килограммом мороженого, килограммом апельсинов и парой гранатов. Понимая, что такой ужин неизбежно закончится полным склеиванием всея меня, я разбавила покупки божественными солеными крекерами. В магазинчике не оказалось банальных чипсов, но после описания «соленого, чтобы во рту таяло и хрустело» парень выскочил из-за стойки и с витрины снял для меня пачку этих печенек. Упаковал в газетку, обвязал веревочкой, пожелал доброй ночи и взял за все это 10₹.

Ужин в итоге вышел божественным. Подумалось мельком, что так и выглядит идеальный взрослый мир глазами ребенка — ты один посреди сказочной страны с водопадами и горами, ужинаешь чипсами и мороженой.

Вот для чего еще, кстати, нужен напарник — кило мороженого и арбуз в меня одну за вечер, ну, никак не помещается. Как все-таки славно, что их одежда безразмерна! Штаны больше меня вдвое, держатся на веревочке; юбка — на треть. Топ, правда, как раз, но тут можно быть, к сожалению, спокойной — мороженое в грудь не откладывается, увы.

Читаю LP. Оказывается, разведенная женщина в Индии считается «отбросом общества» — поэтому, несмотря на часто встречающееся насилие в семье, разводов по-прежнему немного. Буддистов в Индии меньше процента, кто бы мог подумать, а доминирует индуизм (80%) и ислам (13%). Христиан вдвое больше, чем буддистов.

16 ноября. Wayanad – Kozhikode

Эм, внезапно strike. Не совсем уверена, что понимаю, что это; но сегодня нет ни автобусов, ни вообще движения по дорогам. До шести вечера. Ну уж нет!

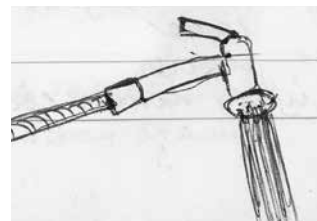
Если я чего удумал — то и пешком уйду! Местные думали, я смеюсь, когда на вопросы «куда» я отвечала «В Каннур». Подумаешь, что до него 200 км. А я не спешу.

Трасса была отличной. Движения почти никакого, это правда, зато останавливается КАЖДЫЙ. Даже те, кто идет полным и всего на пару километров. На пустынных улицах мальчишки играют в бейсбол. Я поймала мотоцикл спустя десять минут после того, как распрошлась с местной полицией — толпа прекрасных дядечек в униформе расспрашивали меня, что это я одна, и не нужна ли мне помощь. В принципе перемещение между городами на попутках для местных вовсе не нонсенс, но это довольно неэффективно в километраже. Выехала я в 10am; сейчас 3pm, я сижу в Mananthavadi на чьей-то черной лестнице — удачно расположенный вокруг всего дома балкон позволяет завернуть за угол и оказаться на втором этаже. Я дождалась, пока и без того пустынная улица окончательно обезлюдует, свернула сюда и расстелила пенку. Три часа до ближайших автобусов; сиеста, кока-кола, крекеры, вид на чей-то зеленый-цветущий сад внизу. Ну что ж. Отмечаем первый месяц в дороге, йей.

В дороге еще была эпопея с кокосом. У местных на срубание угла уходит минута — три-четыре метких удара. Но у меня был только мой складной ножик — прекрасный аргумент в разговоре, но ни разу не мачете. Так что добытый из чужого сада низковисящий кокос обеспечил мне любопытный час жизни. Я проколупала дыру в вязкой древесине, окружающей орех, потом продырявила саму скорлупу и выпила молоко, обливаясь соком вся и посыпаясь опилками. Потом попыталась достать, собственно, орех — сбила зелень кусками, покидав кокос о рядомстоящие бетонные блоки, пообдирала с него волокнистые щепы, и наконец смогла добраться до дырки в скорлупе. Действуя ножом, как рычагом и колуном, пустила по нему пару трещин... Что думали местные, идущие мимо, я не желаю знать. Скорее всего, моя эпическая битва выглядела примерно, как если бы в астраханской деревушке индус сидел посреди дороги со спертым с бахчи арбузом, и пытался ковырять его пальцем и грызть зубами с кожурой включительно. Но я сделала это! И чувствовала себя настоящим победителем, когда выскребала нежное нутро вперемешку с кусками волокон и кирпичной крошкой (била по ножу первой попавшейся каменюкой).

Энергии на выскребания ушло больше, чем было ценности в самом орехе. Так что спустя пару драйверов я подошла к очередной толпе машущих мне через забор детей, вычленила из них маму (это не всегда просто) и сделала повсеместно известный тут жест «еда» — щепоть, поднесенная ко рту. Изящная девушка моментально превратилась в наседку: «девочка, одна, голодная!» — так что спустя пару минут в меня уже запихивали холодную курицу с рисом.

Khir — сладкий рисовый пуддинг, который иногда подается к тхали в качестве завершающего сладкого блюда. Ужасно вкусный!

Классная система — пистолет в ванной! Он, в общем-то, жопомойный, но там такая струя. Пиу, пиу! Комаров со стен сбивать удобно. И голову мыть. Хотя голову немного больно. →

В курице кусками лежал острый перец и имбирь, но я была реально голодная и справилась. На сладкое мне дали, как и всем детям, домашний замороженный сок, и я ушла абсолютно счастливая.

Приятно, что большинство людей не видят ничего странного в спящем на земле человеке. Он устал, надо же ему где-то спать! Поэтому обнаружение у себя на лестнице личинки туриста проходит довольно нетравматично. Можно вообще ничего не объяснять, просто улыбнуться, завернуться поуютнее и продолжать.

Высыпаюсь; уже почти шесть. Надо мной, трепеща крыльями, крошечная птаха собирает насекомых с карниза. А еще я сегодня впервые видела, как люди промышленно лазают за кокосами. Пальмы ужасно, чудовищно высоченные, но у них шершавая кора и равномерная толщина, так что древолаз просто надевает веревки на руки и ноги, и берет дерево в борцовский захват. Орехи сбрасывают вниз. Неудивительно, что мне с таким трудом далось внимание кокоса! Он в этой естественной упаковке падает с такой немыслимой высоты и даже не мнется.

Сквозь тучи и мельчайшую водную пыль просвечивает лиловым, бордовым и черт знает еще каким закат. Я сижу на постепенно наполняющейся автостанции; вокруг меня со скрипучим звуком открывающихся жалюзи потихоньку просыпается город. Цвет такой, будто все вокруг накрыто красным полиэтиленом; особенно контрастирует с белоснежным пятном ламп на станции.

Комарики глодают мне ноги; надеюсь, начальник станции помнит обо мне и позовет на нужный автобус, а то я совсем расслабилась и не слежу за подъезжающими машинами. Одна за другой — мимо, мимо, мимо... даже не верится, что ни одна из них мне не нужна. Как не верится, что утром, обходя уютные особняки, где из-за забора видны гирлянды разноцветной сушащейся одежды и слышен детский смех, я думала, что хочу осесть, почти завидовала этим румяным умытым женщинам, занимающим свое законное место, знающим свой круг обязанностей и прав. Пока у меня — дорога. Пыльно, грязно... Моя дорога.

Уехала я в Кожикодэ, единственное место, куда были автобусы. После долгой прогулки вселилась в многоквартирную тюрьму — длинный безликий балкон в три этажа, из комнат по два выхода, на него и на внешний балкон. Двойной номер привычно сторговала по цене, как одинарный, но вещи кинула сразу на пол — к гадалке не ходи, съедят.

Номер запирается после 10pm со стороны внешнего балкона, нижняя общая-входная дверь тоже. Так что вечерний чай, увы, отпадает. А вот и первые гости с балкона — пьяно потыкались в дверь (запертую), через окно пригласи-

ли выпить с ними или покурить (довольно вежливо). Я в тон им витиевато отказалась. Окно закрыть я не могу — иначе у меня моментально кончится кислород; к тому же защелка распахнутого окна и решетка окна ванной — еще и то, на чем держится веревка с гирляндой моих сохнувших трусов. Я думаю, что именно они, а еще развевающееся шелковое сари, и привлекли самцов. Ну, в целом пусть упыри побродят снаружи, я спать.

Легла в «слепой зоне», рядом с кроватью. На ней ведь наверняка насекомые, да и «простреливается» она от окна полностью, не очень-то хочется спать на витрине. Исчезнув из поля зрения, я ужасно озадачила упырей — их испуганное «икс-кю-ми... икс-кю-ми?!» с нарастающей панической ноткой закончилось тем, что они позвали администраторов, рассказав им, что я обратилась в летучую мышь и вишу в углу.

Администрация вломилась ко мне полным составом (до сих пор интересно, как они открыли запертую изнутри дверь?), увидели меня, поднимающуюся со своего лежачка с отчетливой гневью в глазах, мелко-мелко закланялись, заизвинялись и растворились. Судя по тому, что больше этой ночью меня никто и никак не беспокоил, пугливых упырей они после этого эпизода удавили.

17 ноября. Kōžikodē – Calicut

Завтрак в полдесятого оказалось не так легко раздобыть; ресепшен, обещавший семейный ресторан, замахал на меня руками: рано, рано! Прохожий махнул вдоль по улице — там дальше street hotel. Как меня там встретили! Хозяин отобрал у зайчика-официанта сделанный мне обычный чай, принес «специальный». Отличие в суперсладости, а еще в том, что он слоями. Как кофе. Действительно красиво.

На улицах в изобилии калеки и нищие. «Дрянной городишко, брат. Собирайся, брат». И вот я снова в автобусе; сытая, в чистой одежде и готовая к приключениям. Вспоминаю последние кадры из моей «тюремной» ночевки, думаю, что нет ничего приятнее взору с утра, чем молодой красивый парень в сарунге на голое тело.

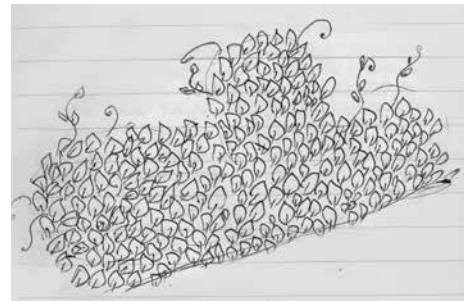
Водитель мило общается со встречными светом, а не звуком. А то у некоторых педаль газа кажется совмещенной с клаксоном.

Каппур. Приморский городок, чистые, узкие улочки. Я засела в кафе и сосу свежесжатый сок; заедаю стресс. В автобусе чрезвычайно «удачно» плеснула остатки чая в окно, не рассчитав скорости — половина стакана влетело обратно, но не в мое, а в соседнее окошко. Прямо в лицо побагровевшему от такого обращения кондуктору. Ну вот, первый скандал, а то все только улы-

баются. Извинилась, — чай же, не кислота. А его форма все равно коричневая... Ругался он знатно.

Поселки-близняшки Kanharagad и Kasaragod. Между ними расположен форт и впрямь красивый, только усуженный туристами, как мухами. Парень на мотобайке предложил подбросить до ближайшего (единственного

в местных краях) отеля, какой-то дворец за тысячу рупей. Я посмеялась. Тогда он сводил меня посмотреть коровник за триста. Голый земляной пол, сортир в соседней комнате в виде дыры в полу. Я объяснила, что другого биологического вида и в стойло не пойду, он пожал плечами, на том и разошлись.

Вдоль всего серпантина был сплошной ковер из плюща, под которым погребено абсолютно все. А некоторые знаки вообще едва угадываются под буйством зелени. →

Закат, красиво — а я снова на улице. Набрела на какой-то отдельно стоящий домик, попросила кинуть у них на балконе вещи. Прогулка по берегу. Вечереет, идти лень... напросилась поспать на веранде, обещала дать пару сотен денег.

За мной прокрался, пригибаясь, мальчишка-мусульманин. Сел на ступенях, метрах в семи. Английский знает чуть лучше меня, мы отлично ладим. После пары вопросов перебрался мне под локоть, стал придиричливо разглядывать каждую страницу дневника, задавая массу неудобных вопросов.

— Это биди (не поспоришь). Ты куришь? (как тебе сказать...)

— Я знаю пять языков. Английский, хинди, канаду... а ты? (эм...)

— Ты замужем? (м-м-м) А почему не замужем? (парень, слезь с моей больной мозоли!) Как это — не хочет на тебе жениться?! Почему? (ой, мальчик, самой бы узнать) Не любит? (эм, ну, не исключаю...) А как можно не быть замужем за тем, кто тебя любит?! (ой, весьма разнообразно, мой юный друг...)

Попросила его принести еды. Умчался.

Ближе к ночи вернулась мама с дочерью, владельцы моей веранды. Простая сельская женщина, опасливая, не говорящая по-английски, она долго смотрела из угла, как смышленная Фатима (5 класс) вспоминает английские слова, тыкая в картинки в моем дневнике. В итоге мы еще раз полностью просмотрели дневник; потом меня сопроводили в туалет (с другой стороны домика, отдельная пристройка с душем). Потом девочке пришло в голову, что я, возможно, голодная — и меня позвали внутрь. Реальная изба, свет включается, когда сын втыкает два голых проводка в розетку под нужным углом. Печь. Стол. Мне на-

сыпали риса, щедро политого водой и дали пару крошечных обжаренных рыбешек. На кухне тенью бродит тощий, ободранный кот — едва он подает голос, как в его сторону летит ругательство и какой-нибудь предмет.

В конечной стадии вечера хозяева сидели на полу вокруг моего спальника, разложенного на веранде, и внимали рассказу о приключениях. Дети переводили, мама недоверчиво качала головой.

Керосинка, стоящая прямо на досках пола, очерчивает потрясающе красивый круг. От комаров зажгли спираль; Фатима поблескивает белками глаз и белоснежной улыбкой; мама на фоне по-деревенски сыто рыгает и откашливается. Какой ты будешь в ее возрасте, красивая девочка? Тоже станешь жарить микрорыбешек — таких, что и кошке-то стыдно дать — к обеду на всю ораву в домике без стекол? Выбейся, пожалуйста. Сумей.

После наступления темноты опасно приблизился, тяготея к кустам, мой знакомец-мусульманин. Сунул мне в руку сверток и растворился в сумерках. В свертке обнаружились небольшие пакетики со специями и домашние пури. Я разделила их на всех, хотя мама отчетливо пыталась махать на меня руками.

Где-то в 10pm с престижной работы в отеле вернулся отец-кормилец; ему бегло поведали о происходящих без него ужасах, он ругнулся — у нас же комнаты есть, чего вы белую на веранде оставили! Вежливо разбудил меня и предложил переместиться в детскую. Пустая комната абсолютно без никаких украшений, тюфяк на полу и (о, боже!) вентилятор. Поскольку к тому времени я уже варилась в собственном соку в своем жарком спальнике, я не стала возражать.

18 ноября. Fort Becal

Идея, что я могу встать раньше крестьянки, была, конечно, абсурдной. Однако прогулка в 8am по берегу оказалась приятнее вечерней — туристы еще спали. Так что я в абсолютном одиночестве постояла в той же башне над чер-

ными скалами — всплески образуют стену брызг и срывают с камней разноцветных крабов, рассвет, белоснежный пляж вокруг...

Фатима была умыта матерью, а после на веранде ей натирали черные кудряшки специальным маслом, очень тут популярным. На мою фразу «спасибо, я пойду», Фатима встала в устойчивую позу с расставленными ногами и ужасно авторитетно заявила, артикулируя для глухой белой, что сейчас праздник HARTAL, и поэтому «NO BUS, NO SCHOOL, NO NOTHING!». Постаралась объяснить, что, несмотря на все стачки, жизнь все-таки есть, и мне необходимо до нее добраться. Всех ужасно расстроило, что девочка идет черте-куда. Накормили лепешками, заставили оставить багаж в комнате, чтобы не сбежала. Приятно наблюдать, как из неведомой опасной зверушки ты превращаешься в чьих-то глазах просто в забавного, невзрослого человека, с которым можно спорить и о котором нужно заботиться.

На крыше станции вороны со скандалами, криками и драками строят гнездо. Даже эти мерзкие птицы тут семейны, какое ужасное место.

Прошедший мимо мужчина принес такой запах спирта, что захотелось пригнуться, как от порыва ветра. Небо настолько чистое и синее, что кажется отмытым к празднику лазурным куполом. Следующий город, Mangalor, мне обещан, как город десяти тысяч запутанных улочек. То, что я люблю. Как же здорово останавливаться в городе из-за понравившегося описания, красивой башни на въезде или улыбки девушки!

Мужики косяком пересекают пути, игнорируя высокий и неудобный мост. До поезда семь минут, я собрана и готова к штурму. С транспортом в Индии не все так ужасно, как описывают, но все его виды практикуют наем «посадка окончена» путем плавного отъезжания от платформы.

Решетки на окнах — яйцо не просунешь. Полки в три ряда, но верхний для багажа. Все как у нас, только тамбуры непомерно огромные. И между вагонами в гулком стыке пахнет не мочой, а молоком. Там стоят бидоны для чая и ютятся торговцы. Проезжаем жгучие солнечные станции, крошечные, с бетонными плитами, между которых пробивается упрямая трава. Соседей немного; мужик с ребенком и вовсе оказался смиренным: спросил «Students? Traveling?» — и успокоился двумя «yes». А вот пенсионер, помогавший

Видела, как стаю гусей гонят вдоль трассы, запугивая палкой с пакетиком на конце. →

мне вместе с баулом протиснуться в узкую дверь, после традиционного рассказа про путь и планы на посещение Хампи внезапно впал в экзальтацию и принялся трясти и целовать мою руку, а потом потянулся к лицу. Ну нигде нельзя расслабиться! Осадила его, он заизвинялся; сидит теперь, сложив руки на коленях, как пристыженный школьник. Вы, говорит, не пьете? А я пью. Вся моя семья пьет. Фестиваль же. Интересно, а когда у них нет фестивалей, они чем оправдываются? Хотя пустующие полужакрытые города мне нравятся.

То, что я пока начерно вывела из поездки — нужно опасаться праздношатающихся долбоптров любого возраста. Самые безопасные ребята те, что при исполнении, чего угодно — должностных обязанностей, роли отца семейства... Даже ремесленники тут гордятся тем, что они делают, и не имеют времени на пустопорожние приставания.

Манглор через 15 минут. Пенсионер развлекает меня светской беседой, я разглядываю проносящиеся мимо заводы, оканчивающиеся неизменно пляжной полоской и синим морем вдаль. Мальчик с большим трудом содрал с бутылки тугую этикетку, чтобы выкинуть ее угадайте куда. Конечно, бутылка-то сквозь прутья не проходит, а пометить обочину как-то надо.

Манглор крупный, не находишься пешком. Решила не жадничать, взяла рикшу. Из первого отеля он вышел огорченный: там минимальная ставка полтысячи. Зато уже во втором портье сурово осадил мои попытки торга — fixprice, 350₹ за ночь. Я посмотрела на чистый, уютный номер на приветливой улочке — и согласилась. Рикша, который возил меня, уже на третьей вынудой десятке сказал «достаточно». Мне положительно нравится этот город! Душ и искать место, где мне подадут прохладных соков и побольше.

Один сеанс освежающей стирки на несколько тряпок обходится мне в 50 копеек, цену одного пакетика порошка. В любом доме стоит ведро и ковшик — мыться, сливать за собой в туалете... Сыплешь пакетик в ведро, замачиваешь минут на десять, топчешь, полощешь и вешаешь. Вся канитель на 15 минут.

Сию вымытая, свежая, завернутая в накрахмаленную белоснежную простыню (тут две кровати, одну я «раздела» на сушильно-покрывальные нужды). В ванной полочка рядом с раковиной огромная, выложенная кафелем, и чистое зеркало на всю стену. Даже не верится, что еще вчера мне пытались подsunуть хлев за те же деньги.

На ресепшене похвалили мой английский — мол, обычно русские говорят, а главное, понимают намного хуже. Я преисполнилась гордостью за державу — во-первых, знать язык хуже меня вообще непросто, а во-вторых, забраться в такую даль без языка — это круто!

И я остаюсь тут на целых четыре дня! Какая роскошь! Надо срочно найти интернет, дать знать своим, где я. А то за три прошедших дня некоторые близкие уже могли наметать порядочно икры, не видя моих позывных.

После ночевки под открытым небом вымыться, намазать лицо смягчающим кремом, волосы — бальзамом, тело — благовонным шелковистым тальком, а запястья — ароматическим маслом. Это именно то, чего мне не хватало. Кстати, после посещения фабрики масел я стала легко угадывать в толпе знакомые запахи — сандаловое и лотосовое масло, красное гранатовое масло для массажа головы...

Улица после интернет-кафе действительно оглушает. Пробки, зазывалы, гудки, сотни машин, крикливые голоса полузадавленных пешеходов... И жара. Впервые меня накрыло действительно жарким, безоблачным местом.

На 50 рублей купила целый комплексный обед — половину бирьяни и салат. Увидев тарелку, подумала «Слава богу, что половину!» По дороге домой удрученно думала, что ни милкшейк, ни мороженое в меня совершенно не поместятся. Кажется, вопрос гастрономических развлечений на сегодня исчерпан.

Давно хотела как-то облагородить местные стены. А тут как раз зеркало... Сняла, за ним нарисовала пару цветов и надпись на английском, что, мол, сегодня великий день и ты, читающий это — новый герой, иди и делай добро; повесила обратно. Интересно, когда найдут? Судя по следам, зеркало я снимаю впервые за его историю.

Лучшая подставка под рукодельные благовония — свежесрезанный арбуз. Пойду посплю, пока не лопнула. Эх, сибаритство!

19 ноября. *Mangalore*

Ого! Открываю утром кран — а там горячая вода! Ну то есть не тепленькая, а реально руку не сунешь. Минут двадцать зачаровано сидела и поливалась безо всякого смысла.

Зашла в супермаркет (!) за бальзамом для волос, вышла с пачкой мыл на сувениры. Из Майсура! Сандаловое! И пахнет бабушкой. Себе купила внезапно лавандовое. И пару гигантских, по локоть, огурцов. Жевала эти кабачки дома и сочиняла письмо индуса из России на родину.

«Огурцы у них крошечные. Зато арбузы огромные, невероятные, в десять раз больше наших. И полосатые. Улицы ужасно широкие, и там постоянно много машин, даже ночью; но все едут молча, поэтому жутковатое ощущение города-призрака — машины есть, а людей будто бы и нет. Все магазины за-

крытые, не видно, что внутри — если хочешь что-то купить, надо зайти. В целом люди одеваются очень серо, одинаково; хотя встречаются и девушки, как с обложки журнала — в мини и с ногтями длиннее пальцев. Очень-очень красиво, но говорить им об этом нельзя и смотреть на них нельзя. Я не знаю, кто они и кем работают; друзья сказали, что это не продажные женщины; я думаю, они правы, не могу себе представить, сколько может стоить одна ночь с такой. Впрочем, про местные цены я вообще писать не буду, хотя есть такое меткое русское слово «пиздец», но я не знаю, как его точно перевести на хинди».

Удивительно разнообразно в магазинах представлены крема-эпиляторы. Не только вся линейка Weet, включая полоски воска (!) и спреи (!), но и всякие аюрведические стеклянные баночки разных пищевых запахов.

Лавандовое мыло оказалось круглым и не влезает в мыльницу.

Огурцами я, валяясь под простыней, лечилась от завтрака. Черт меня дернул зайти в sweet-safe! Буэ, даже писать это словосочетание неприятно. Сначала все было хорошо, я съела любимые оранжевые шарики, такие, слегка неровные, чуть жирноватые, но, в общем, не слишком сладкие. А потом зачем-то решила попробовать какие-то напильные кубиками штуки — это оказалась приторная, засохшая помадка. И следующее за ним, белое, твердое тоже оказалось помадкой. Все. Завязываю с экспериментами на сладкую тему!

Долго не могла понять, откуда в ванной берется песок. Смою, через полчаса — снова горка на полу. Прямо в центре причем. Под дверью. Вроде бы до моря далеко, да и я просто не заходила туда совсем! Оказалось, вовсе это не песок, а пережеванная древооточцем дверь. Стоит мне выйти из ванной, он активизируется и сыплет недоеденные опилки вниз. Красота!

Никак не могу сориентироваться в этом городе. Практически впервые за всю поездку реально не могу привязаться к карте — оперативной памяти не хватает. А приставать к прохожим с идиотским вопросом «а де море?» как-то совсем не комильфо. Но ничего, я этот город поборю! Уже научилась навораживать уютные круги в центре, скоро окончательно опознаю свою улочку среди прочих... Зашла в очень пафосную европейскую кофейню — свежесжатый сок 50₹ (везде 20₹), настоящие чизкейки, ранние Queen из колонок, тарелки черные в цветочек. О! Sleeping in my car. Интересно, как это согласуется с пуританством, такие тексты песен? Английский-то второй официальный... О! и прекрасный пункт меню Lady in red — свежая клубника, шоколадное мороженое, шоколадный соус с орехами.

Но со сладким придется как-то ненавязчиво завязать. А то я уже не помню, когда испытывала чувство голода, а не «ну вот, теперь в меня, МОЖЕТ БЫТЬ, удастся что-нибудь запахнуть...». И при этом я умудряюсь тратить по

300р в день на еду в стране, где порция стоит 20-30 рублей. На широкую ногу живет партизан Вахнюк!

После триумфальной замены вонючего обмылка производства амритового ашрама на прекрасный огромный кусок лавандового счастья, я пошла вразнос и купила небольшой тюбик аюрведического крема, стоимостью аж в 145₹. С сандалом. Сандал тут не кладут только разве что в еду (и слава богу!). Кремик оказался волшебным; пахнет медом, вымытой бабушкой и уютом, а еще он запредельно очаровательного желто-перламутрового оттенка.

А благовония почему-то не продаются в лавке с кремами. Я в задумчивости. Их ведь потребляют огромными пачками, это товар повседневного спроса. Надо спросить в обычной лавочке со стиральным порошком, печеньем и сигаретами.

20 ноября. Mangalore

Если включить вентилятор на правильную мощность, то комаров сдувает. Но холодно, приходится укрываться. Поскольку я ночами верчусь, под утро просыпаюсь замерзшая и с тюрбаном на голове из спальника. Впервые заколола сари не только красиво, но и удобно. Оказывается, достаточно сделать его чуть-чуть короче, чтобы жизнь наладилась. А то этот стандартный фейл, когда белая госпожа в свете софитов и десятков взглядов плавно плывет-идет до лестницы, а потом начинает вскарабкиваться, спотыкаясь на каждой ступеньке и топча подол...

Поймала себя на том, что сто лет не пила местный чай — целых несколько дней. Вместо него то в кафешке с музыкой — кофе, то в sweet-café — холодное фисташковое молоко... Так что зашла вечером в столовку, взяла офигенную masala-dosa и целых три нажористых чая. И это было бесподобно!

Все же начинаю понимать веганов. В жару мясо очень тяжело падает в желудок. Молоко, фрукты, соки... Жир нужен, чтобы пережить зиму, а летом после таких блюд можно лишь лежать и постанывать.

Блуждая по уже знакомым, казалось бы, местам, внезапно обнаружила Ашан. Классический, с птичкой! Нашла много интересного. Известные мне марки предстают в новом свете. Nivea, оказывается, выпускает огромные бидоны талька для тела. А 7up бывает в маленьких высоких баночках, как у нас для энергетиков. Чай тут продается обычный, разве что крупнолистового очень мало, в основном мелкая пыль и гранулы. Смесей для масала-чая нет. Зато есть огромная линейка миксов острых специй для блюд — доса, масала, би-рьяни. Может... Но потом.

А еще в Ашане гигантские залежи одежды. Довольно обычной — сальвар шамизы, туники, халаты. Но достаточно дорого. Цены в целом вообще тут выше, чем на рынке, примерно в полтора раза. Но это же с ума сойти надо, покупать одежду в Ашане, когда весь город в шелках!

Ресепшен моего отеля неизменно умиляется, видя меня в сари. Дядя как-то спросил, куда я ходила утром, в ашрам? Отшутилась. Это они еще мою комнату не убрали. Тут всюду шкурки от апельсинов, в мусорке — пара бутылок от вина, в пепельнице окурки самых дешевых биди. И простыня, заменяющая полотенце, на стуле. Святая белая, ага.

Надеюсь, я не слишком их расстрою.

Меж тем наслаждаться сибаритством и оседлостью мне осталось всего лишь сутки. Как-то оно быстро рассосалось. Гм. Ну что же, бон вояж.

Ужасно нравится местная серия Milky wave — молочные коктейли в маленьких, 200мл бутылочках. Умиляет торговая марка, почти что abibas; несколько офигенных вкусов, шоколад, ваниль, шафран (!) и вершина эволюции — phisto, зеленое фисташковое. Открывала одну на завтрак, стало ясно, отчего большинство пьет, старательно не касаясь губами горлышка. Это наследие традиции многоцветного использования тары. В свежкупленном молоке под ободком крышки оказался песок и мох — как-то не домыли. Целоваться в засос с такой стариной абсолютно не хочется.

Местные что-то постоянно сосут через трубочку из мягких пакетиков. Белое на вид, но слово milk на упаковке не фигурирует. Надо разобраться.

21 ноября. Mangalore

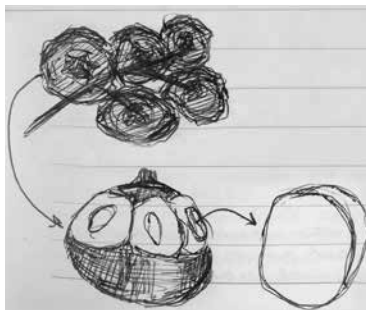
Девушка на контроле в Ашане меня узнала: «О, снова вы! И опять в сари! В другом!». А я уже знаю, что это «другое» — так себе. Во-первых, пять метров это действительно мало, наматывать неудобно и не так красиво. Во-вторых, хлопок жесткий и жаркий по сравнению с настоящим шелком, и нифига не струится. Придется еще покупать себе...

Пока я поражала охрану в магазине, у меня сделали уборку. Открываю дверь и думаю: ошиблась номером. Потом сообразила. Сари сложили, вместе со всеми вещами упаковали в угол (я традиционно всю одежду раскладываю по возможности в один слой на полу — пусть сохнет, пока не нужна, а то прееет), стол прибрали, местные вещи расставили на исходные. И ВЫДАЛИ ПОЛОТЕНЦЕ! Отличная реакция на мокрую простыню.

Попробовала новый.... Эээ... фрукт, скорее всего. Лежит на лотках вместе с кокосами, чуть мельче, чем они, большими плотными связками. Цвет черный, с

Белое в пакетике оказалось Sweet Lassi — сладким кисло-молочным напитком. Больше всего напоминает кефир с сахаром. Отлично утоляет жажду в жару. В ресторанах повсеместно используется в составе смузи — бывает клубничное ласси, банановое... а Lonely Planet «предостерегает», что встречается еще и «особое ласси», с бхангом (который добывают из конопли). Обещают незабываемую ночь, большую голову, потерю всех ценностей из карманов и прочие приключения.

Привет из будущего: таинственный фрукт оказался мангустином. →

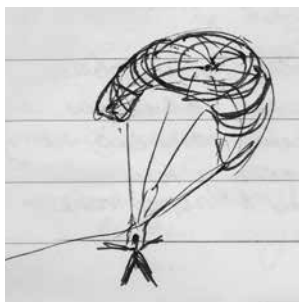
ных магазинах йогурты — редкость; сметаны и творога просто не существует. А этот похож на подслащенный кефир, или о-о-очень жидко разведенный творожок. Выглядит, как взбитое молоко. Холодный, сладкий, сытный! Бывает с фруктами, как молочный коктейль (важно только уточнять, что туда действительно взобьют банан или клубнику, а не нальют дурацкого сиропа).

Интересное в своей свежести ощущение — что можно выйти из Ашана, махнуть водителю, сказать «Отель Сурия» — и без общения, без комплиментов, абсолютно молча через пять минут выйти у порога своего дома. И не тащить самой арбуз и два литра молока по темным улицам.

Днем решила выполнить последний квест в городе и дойти-таки до моря. Полдня проблуждала, получая противоречивую информацию: показывают прямо, иду прямо; в конце улицы уточняют еще раз, опять отвечают «прямо» — но показывают при этом уже в обратную сторону. Такое ощущение, что я на острове. Плюнула, взяла водителя на дальнем-дальнем краю города, вернулась к любимому Ашану... закат, вечер, я злая и уставшая, думаю — дай хоть на город погляжу с высоты, за супермаркетом как раз подъем на парковку со смотровой площадкой. И конечно,

вдали увидела наконец-то море. Далеко-далеко, за еще какой-то водой с пароходами и косям мертвого песка с портовыми постройками. Черта с два бы я туда добралась, если учесть, что улица поворачивала каждые двадцать метров. Будем считать, что этот вид был подарком судьбы, а не издевательством.

В глобальных планах пока самыми привлекательными выглядят Хампи и Хайдерабад. Кажется, я начинаю привыкать к концепции «вода только в душе».

Кого-то катают с помощью моторки на большом цветном парашюте — невысоко, визг хорошо слышен. Клиент болтается верещащей от восторга сосиской, а рядом парень, извиваясь, перебирает руками-ногами по стропам — открывает. →

отливом в баклажан. Его срубают серпом, сбивают кожуру с боков и выковыривают по три-четыре «семечка», чуть меньше ладони. Плоские, полупрозрачные, напоминают личи, только вкуса своего почти не имеют (лишь остатки кожуры горчат).

Из пакетиков и стаканов возле ларька люди высасывают Sweet lassi. Это ужасно вкусный освежающий кисломолочный напиток. В целом тут не очень-то разбежишься с такими вещами, даже в круп-

22 ноября. Mangalore – Udupi

По пляжу парень за руку несет ребенка. Как куклу. Ребенок оглядывает красоты вокруг и выглядит вполне довольным. Этот мир несколько раз уже перевернул мои представления о семье.

Начали менять деньги на билеты. Я наскребла к сотне еще двадцать рупий копейками (мне их вернули со словами discount for you и царским жестом). Серьезный менеджер дал визитку со словами: «Если у вас будут проблемы — любые проблемы — звоните по этому номеру». Пляж отлогий, вход на корабль почти по пояс в воде. Пахнет соляжкой, жара, суэта проверки билетов, соль осталась на коже и щиплет ноги; даже не верится, что такую большую лодку держит на привязи всего один мужик... Поплыли!

← Все смотрят на рисунок и на остров, сравнивают — похоже или нет. Пустите уже меня туда!

О-о-о! Ожидание того стоило! Остров достаточно крупный, чтобы все могли разбрестись и не мешать друг другу. Черные глянцево-карандаши базальта выступают из белоснежного мягкого песка. Слово причудливо состарившиеся руины дворцов или летающих тарелок. Конечно, одного часа ужасно мало; нужно строить тут дом, маяк и жить его смотрителем. Вставать до рассвета, выключать ночную лампу, пугая орлов (которые конечно поселятся на вернем ярусе башни). Проверять выставленные с вечера сети, глядя, как с камней гроздьями осыпаются огромные красные крабы (я до сих пор считаю, что их высохшие клешни — лучший морской сувенир, огромные, прочные, сохраняют цвет и подвижность сочлений — мечта!).

Соленость воды тут такая, что на щеках, по которым хлестало брызгами по дороге, выступают колющие кристаллы. Проводишь ладонью — а она будто в песке. А не песок. Соль.

Тут есть уютная «цивилизованная» часть — с беседками и проторенной тропой. По ней-то и ходят все вместе, дружной толпой, фотографироваться на один из известных красивых камней.

← Когда римляне рисуют волчиц с отвислым выменем, это кажется художественным вымыслом. Однако тут собаки реально касаются земли сосками. Ходят, как символы плодородия и голода одновременно.

Черные базальтовые «карандаши» встречаются во всем мире и в России тоже. →

старую амфору, какие-то — на уже готовое, обработанное украшение. Так и тянет их повесить на нитку.

Какой отличный день! Теперь домой, душ, интернет — и слон, конечно.

На обратном пути возле своего места обнаружила оранжевый спасжилет, принесенный кормчим лично для меня. Это так мило... Особенно если учесть, что едва ли на этой лодке кто-то плавает лучше, чем я. Впрочем, преодолевать это расстояние вплавь я бы не стала без лишней необходимости — небольшой волной плеснет в лицо, носоглотка обрстет кристаллами соли изнутри...

Тело набралось солнца за день; теперь ему жарко, несмотря на вечернюю прохладу. О, это чарующее чувство: ты весь в поту, соли и мокрых тряпках мечешься по городу в поисках своего дома. Я остановилась возле храма, и это прекрасный ориентир — если бы не одно «но»: Удупи — индуистская Мекка, их тут десятки. Не спрашивать же «такой, со слонем!». Пришлось несколь-

Срезы ракушек прекрасны. →

Я сразу отделилась от колонны вместе с несколькими отщепенцами, и мы отлично провели время, бродя порознь по дальним окраинам. Здесь тучи птиц и базальт в белое пятнышко. Кажется, сегодня у меня будут проблемы с подбором фоточек для репортажа — слишком много одинаковых, и все потрясающие.

Конечно, я не удержалась, и набрала срезов ракушек. Невозможно остановиться в собирательстве таких штук — это целые моллюски выглядят попсово, а разломы бывают очень причудливыми. Некоторые из них похожи на скрипичный ключ или

ко раз возвратиться к автовокзалу и понакручивать от него круги, отыскивая знакомые ориентиры. В конце концов взлетела к себе на второй этаж, упала в душе на колени, вылила на себя ведро воды, шампунь и масло для волос — и побежала искать ужин. Благодаря временному безденежью мне удалось неплохо проголодаться.

Едальню на углу ашрама я проигнорировала, из нелюбви к мейнстриму. Наценок как таковых они не знают — содрать с туриста втридорога, это запросто, но обычная питьевая вода будет стоить 20₹ и у подножия какой-нибудь горы, и на ее вершине. Если через ресторан проходит огромный поток паломников, потому что рядом больше нигде поесть, то пури там по-прежнему будут стоить 10₹. Это чертовски приятно.

Вечер. Темно. Целая улица занята орешкоделами и чипсоводами. Каждый при своей собственной керосинке и толпе обступивших клиентов.

Я бы даже легла, наверное, поспать, но это невозможно. Соседняя площадка, обеденный зал ашрама, отмечает какой-то детский праздник. В его рамках орды детишек что-то немелодичное мячат в микрофон. Под такое бы и сам Гаутама вряд ли смог спать.

Кстати, кадр из сегодняшнего дня, врезавшийся в память — незабвенный отец нации, Махатма Ганди, как положено, с ушами и тонким изможденным телом, изваянный неизвестным мне ценителем в позе страждущей любви русалочки на камне. Для полноты сходства эта композиция стоит на самой границе пляжа. Сегодня под ней фотографировался целый выводок младшешкольников в одинаковых кирпичных жилетиках. Я встала за спиной фотографа, помахала рукой и тоже сделала пару кадров. Такого внимания я не встречала давно — сорок одинаковых фигурок, машущих мне из-под русалочки-Ганди на берегу с белоснежным песком... Так мне и запомнился этот день.

Дети спели «Шанти, шанти» — завершающую мантру, и сейчас я буду спавать! За что люблю Индию — после десяти тут наступает полная и бесповоротная тишина, что бы ни происходило до этого.

← По пляжу возят мороженое в коробках со льдом. Мужики встрепенулись: «Смотри, смотри, она айскримликает!» Шиплю: «Отойдите, я не помню, как велосипед выглядит!»

23 ноября. *Udipi*

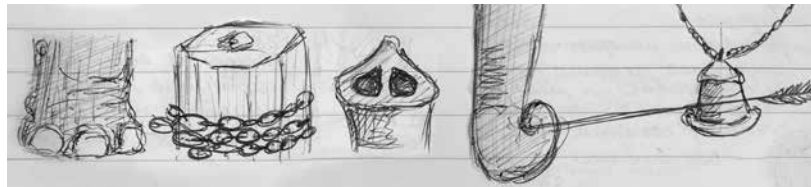
День как-то не задался. Отклеила себя от кровати только в половине десятого, с тяжелой головой, бардаком в мыслях и простуженным горлом. Вентилятор, даже будучи включен на самый тонкий режим, через простыню холодит дай боже и дует в ухо. Упустила кадр, как мой слон стоит в огромном храме, среди косо падающих лучей, и внимает службе. Не переспросила название новых лепешек — пышных и сладких, которые при этом едят все с теми же двумя соусами, что и все остальные. Взяла почему-то безвкусный (да еще и разбавленный) арбузный сок вместо любимого апельсинового. Жара, мозг плавится, карт-ридер не работает (даже кабель ему меняла, не видит карточку, зараза).

Из полезного — дошла до почты. Когда просишь «особенных» марок или конвертов, тебя сопровождают прямо во внутрь почтового отделения, в самую рабочую зону. Там усаживают рядом со специальным работником, у которого есть папка с разложенными в ней марками, и ты выбираешь. Я обычно опустошаю папку полностью. В этот раз оставила три сотни рублей на этой почте. На пару недель должно хватить. Жаль, конверты у них некрасивые и скучные. С какими-то унылыми политиками, неудачно сфотографированными в неприятных позах. Что мешало делать яркие, добрые, вкусные конверты? Когда я найду страну, где на муниципальных конвертах печатают красивое, я останусь там жить.

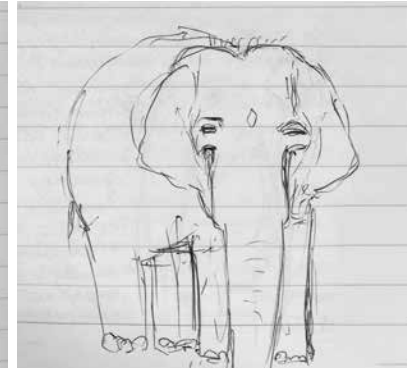
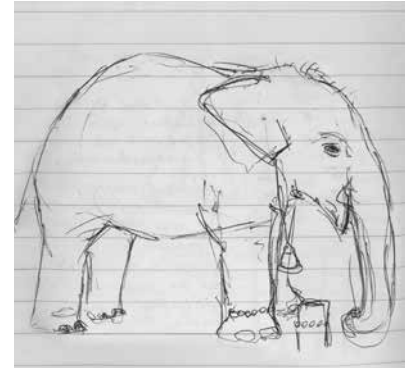
Кажется, я простыла, и ко всему поймала вчера тепловой удар. Это просто говенный день. Надо быстро (и осторожно) добраться домой, умыться, поспать и сделать вид, что наступил новый, хороший.

Когда убирают со стола, просто приносят тазик и сгружают туда все, заливают стол водой со средством и тряпкой (а то и специальным скребком) счищают эту воду в таз. Ласси в меня не влезает. Ну и фиг с ним...

Слон дома. Его нельзя фотографировать, рядом неотлучно сидит охранник. Но можно переступить порог его площадки, дать ему в хобот мелкую монетку — он вальяжно берет ее, ждет, пока ты склонишь голову, после чего невесомо касается мохнатым мягким хоботом затылка. Благословляет. После отдает денежку смотрителю. Не самый тяжелый труд за то, что тебя кормят и чистят. Правда, из него еще щетинки дергают на память. Благословленные...

Пятачок у него мохнатый и совсем свинячий. Надеюсь, волоски из него не дергают. →

Пока я стою рядом, кажется, оттягиваю у него часть посетителей. Подходят ко мне со спины и примерно также опасно.

И — о-о-о, какие тут брадобреи! Женщины преимущественно волос не стригут вовсе, отпуская длиннющие черные косы; поэтому парикмахерские почти сплошь мужские. Обслуживают, разумеется, тоже мужчины. Через окно как-то видела, какие пассы делают по жесткому подбородку и лицу волшебные руки — летают, будто бы не касаясь, снова и снова, взбивая пену, массируя кожу... Остро позавидовала всем, у кого есть борода, это же должно быть дико приятно!

Очень классная идея, как легко рисовать картинки мукой и всякие мандалы: кружок из металла, на нем, как на пальцах, растянута плотная синтетическая сетка, по которой напечатан рисунок. По рисунку мука не проходит, а где ячейки пустые — сыпается, оставляя отчетливые узоры. Просто и красиво.

А под основным храмом — хлев. В прямом смысле слова. Полуподвал, из которого фыркают, зыркают и мычат божественные животные.

Строго сказала себе: все, больше никаких тряпок в этом городе! После чего напрямик направилась в ближайший развал. Это ужасно. Они вывешивают не самое красивое, поэтому надо заходить внутрь; а внутри сонмища туник самых разных расцветок... Купила одну — у нее рукава короткие, без шарфа носить неприлично. И штанов красных под нее у меня нет. Пришлось в другом месте купить шарф-дупатту,

← На купленных последних марках, не особо красивых, при ближайшем рассмотрении оказалась полезная информация о цветах Индии. Правда, почему-то исключительно Кашмирских и Гималайских. Очень жаль, что среди них не оказалось огромной белой плетухи, которая попала мне в Ути.

штаны — и публично допустимую тунику того же цвета, что и первая. Зато, оправдывалась я, какая экономия — все предметы подходят друг к другу. И с ними отлично смотрятся мои золотистые браслеты.

Была сытая, зашла в SweetCafe чисто посидеть. Из интереса взяла свои любимые шарики, попробовать. Ох! Теперь я знаю, какими они должны быть! А я еще думала, зачем мне ложка? А их невозможно есть иначе, кусаешь, а они влажно распадаются на зерна, и каждое норовит растаять еще до рта. Теперь не могу встать, меня сладко приклеило к стулу. К рикше должна прилагаться услуга «донесите меня до машины» и «выгрузите меня на втором этаже». Специально для SweetCafe.

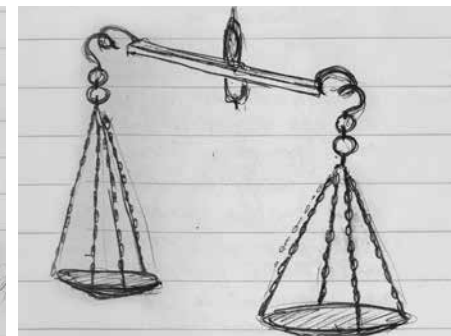
А над городом целые стаи огромных летучих собак. На темнеющем небе зловещие силуэты. Днем небо в городах держат или вороны, или, как в Манглоре, орлы. Летают, дерутся, садятся на небоскребы... А ночью вот оно как. Прохождение останавливаются, чтобы опасливо взглянуть наверх — что это я там такого увидела? Находят лишь обыкновенных бэтменов, пожимают плечами «всегда знал, что белые странные» и идут дальше.

В центре храмового комплекса огромный водоем с густой зеленой водой. Он выстроен, как Колизей — спускающиеся с нескольких сторон ступени к воде, в остальных местах стены по пять метров, по верху стены — галерея. Заглядываешь за невысокий бордюр, а там зеленая гладь в глубине, в центре стоит дом ка-

кого-то божества, а на ступенях сидят люди, и сохнет белье. Тут совершают омовения. Смысл этого действия в воде такого качества явно не физический.

А вокруг — базар. Звонящий, искрящийся, зазывающий — ряды медных и латунных изделий, золотые и серебряные украшения рядами, несметное число фруктов, игрушки для детей, лавки с благовониями... товары повседневного спроса. Вот такой у них спрос! Как же я обожаю менять серые будни своей страны на серые будни какой-нибудь чужой! Они настолько по-разному серые, что приходится напоминать себе: это для тебя экзотика, для них в этом нет ничегошеньки странного.

На ступенях перед иконным магазинчиком на территории храма весь день сидел дед, воплощающий всю Индию. В оранжевых храмовых одеждах, с белой бородой и в тюрбане. Все позы, которые он принимал (довольно вальяжные, надо признать) были потрясающе фотогеничны. Кусала себе локти, что оставила фотик в комнате.

Впрочем, за фотоаппаратом все равно пришлось бежать, и довольно быстро. Благо, тут близко. Вечером внезапно состоялся какой-то вынос мощей святой кришноматери (так гласила табличка над храмом, куда их потом занесли — Sri Krishna Matha). На огромную золотую колесницу погрузили что-то украшенное гирляндами, и аккуратно везли ее вокруг центра местного рынка по кругу. Толпа вокруг пела гимны, кланялась, собирая пыль с земли пальцами и касаясь ими лба в знак благословения. Служители на всем пути следования жгли огни и фейерверки, а мой дорогой слон, укрытый праздничной вышитой попонкой, шел впереди. Ему и доставались все взрывы — так что, завидев конец круга и выход в родную ограду, он припустил бегом. Смотритель его еле догнал; слон встал между двух камней, протянул ногу под цепь. На широком расписном лбу ясно читалось «слава богу, этот безумный день закончился!»

До чего же у них яркий и красивый... яркое и красивое все! Особенно праздники. Петарды и фейерверки, костюмы, восхищенные взгляды детей, украшения на домах, везде смех, люди улыбаются друг другу...

А я, посмотрев на их обряды и овощные жертвоприношения, поняла, что если хочу есть кокос, а не пить, то нужно мохнатенького брать на рынке. Там целый сантиметр «мяса».

Мой утренний припадок невезучести, оказывается, был физическим признаком прихода месячных. Аллилуйя, они не застали меня в автобусе! Учитывая, в какую плесень меня размазывает в первый день, замечательно, что у меня есть кровать, где можно лежать пластом.

← Мужчине было не по себе, он поглядывал на меня так же часто, как я на него, но куда более встревоженно. Когда закончила, показала ему рисунок — он расхохотался, ударив себя по коленям, заколыхал пузом. Они все ужасно радуются, если по картинке можно узнать, что нарисовано. Я, в принципе, тоже.

Наконец-то спросила название сладкого пирожка! Bancy — пончик из сладкого теста, который макают в те же два соленых соуса, что и обычные Vada: чечевичный и кокосовый. Навероятно вкусно, особенно, если свежее!

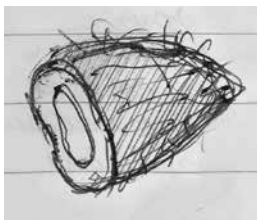
Подсела на гранаты вместо мандаринов в качестве вечернего поклевать. Боже мой, какие же они красивые... Стоят по 15 рублей за штуку — не дешево, но они этого достойны. А еще гранат очень интересно есть — вскрываешь и превращаешься в огромного муравьеда, выцарапывающего из лабиринта подземных кладок чьи-то налитые кровавой жизнью яйца. Кровожадность!

Вокруг религиозная музыка, пахнет дымом от петард и благовониями. Прекрасная ночь.

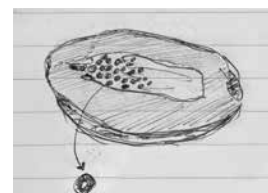
24 ноября. Udupi

Утром выпила колесо, отдышалась, ощутила в очередной раз, как прекрасен мир без боли, продлила постой в комнате еще на ночь и ушла на рынок за вкусненьким. Наконец-то купила настоящие кокосы, где внутри чуть-чуть воды и все остальное — орех! Разбить сама я могу их только очень эпатажно, бросая с яростью в стены; но я освоила открывание кокоса индусом, это удобно и быстро. Серп просто обстукивает кокос по центру, отчего в нем образуется аккуратная трещина, по которой его раскрывают, даже молочко не выплескивается. Чтобы выцарапать содержимое, тоже нужно приложить усилие, но вполне разумное, мой карманный ножик справляется. А то на внешней скорлупе он лишь небольшие зарубки оставляет, в память о неудачных попытках вскрытия.

Открытых привлекательных кафе по дороге не встретилось, так что купленные сладости я утащила домой. Если запивать их водой, а не нажористым чаем, можно даже не умереть после них. Дома разделась, обложилась подушками, спальником, котиком; зажгла лавандовые воньки, на расстоянии вытянутой руки расстелила «стол» со всем вышеперечисленным изобилием. Кажется, день little woman problem обещает быть довольно приятным. Здорово, когда любимейший человек позаботился о тебе! За это я сейчас и выпью...

Вчера дошла до разрекламированного в LP ресторана Woodlands; был обещан «лучший тхали в Индии». Еда мне традиционно не понравилась, может, я не то взяла — но Доса была слишком острая и зачем-то с имбирем, а традиционный кокосовый соус подкрашен под васаби (я теряюсь в догадках, зачем). Кроме того, там мне попа-

Для полноты картины сибиритства купила себе папайю. У нее смешные круглые семена, немного острые на вкус. Я выбрала ту, что была консистенции банана. Нежнейшая! →

лась уже виденная раньше группка соотечественников с гидом. Их легко было вычленил из толпы по шипящему яростному пошвисту дяденьки «ты когда-нибудь свои звонилки читаешь?!» — обращенному к блеклой тете с айфоном в руках.

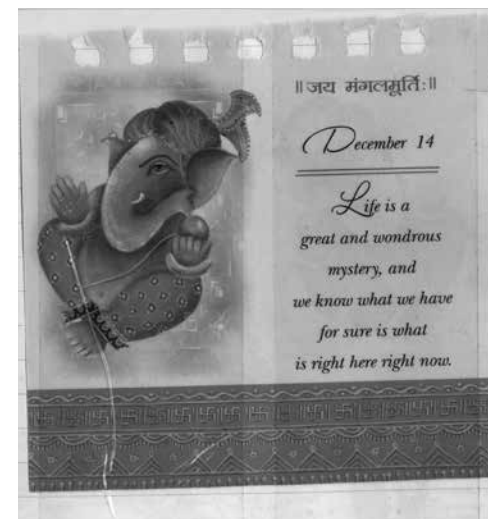
А еще у местных официантов неприятная привычка заглядывать в глаза: чего-нибудь еще? И надо немедленно собраться, вынырнуть из приятной послеобеденной неги и сообщать: еще ли, и чего, если еще, и как это называется. И посуду уносят, выхватывая практически из рук. Обычно в Индии пока ты ешь, никто к тебе не сунется, если посуды много, значит, человек хорошо покушал, чего суетиться под клиентом? В общем, у меня месячные, я зануда.

Во мне по каким-то неведомым признакам опознали русскую и дали соответствующее транскрибированное меню. Очень смешное. Склонения, конечно, никого не взволновали, как и написание некоторых слов...

В моем монастыре опять праздник. Сегодня какие-то соревнования «кто больше нарисует мандал на дороге к храму», женщины рассыпают муку причудливыми узорами. Жители сначала обходят их, фотографируя на память; но к вечеру, конечно, затоптали все обратно. Сейчас полдесятого и со стороны храма несется плотный поток музыки. Еще недавно это были объяснимые дудки и барабаны (наверное, опять несчастного слона выгуливали), а теперь просто клубная, весьма агрессивная колбасня. Так и подмывает выйти, глянуть — неужто это монахи оттягиваются? Но ле-е-ень.

25 ноября. Udupi – Gokarna

Ребята из отеля с трудом дождались моего пробуждения с выползом наружу, озабоченно спросили, «когда мадам возвращается». Я пообещала, что

← Недавно не удержалась в книжном и купила офигительный календарь с Ганешами. Сначала думала его кому-нибудь подарить, но не нашла никого достойного ЦЕЛЮГО календаря. Так что посылаю его частями, как гадание. Под каждой датой — новая картинка святого слона и душевспасительная надпись.

только завтрак, и сразу чекаут; они облегченно вздохнули, сказали: просто оставьте ключ в двери, мы тогда тоже пойдем. Какие же они все-таки милые.

Попыталась найти воды в дорогу — обычно в ашраме это не проблема, кулеры или фильтры везде. Однако в этом паломников было чересчур много, пришлось в поисках еще не опустевшего резервуара совершить тот даршан, ради которого сюда и приезжают все эти несметные тысячи. Сходила внутрь огромного каменного лабиринта с кучей молящихся и целующих светильников пилигримов. Освещенный одними лишь масляными лампами, с внезапно выступающими из темноты святынями — в виде то массивного постамента, то зацелованной клетки какого-нибудь божества... Обошла вокруг огромного зала, заполненного старыми каменными подставками для божеств — ух, сколько они всего видели! Вокруг — потому что центр перегороден решетками. Смотрители тут есть только у самых важных мощей, а в остальных коридорах самообслуживание, устроенное так, чтобы зданию наносился минимальный ущерб.

Есть большой зал, похожий на гладиаторскую арену, куда для целования выводят коров из подвального хлева. И веранда со священным деревом, уходящим через крышу в небо. Вокруг него нужно обойти по дорожке, касаясь пальцами сплетенного ствола, мазнуть себе лоб рассыпанной на постаменте краской, ударить в висящий колокол — и все, очищен! Хорошую религию придумали индусы...

Выехала я в итоге после полудня. Учítывая, что в планах на сегодня длинный переезд на Гоа, я довольно сильно осложнила себе жизнь этой тупкой, и теперь имею шансы не добраться к месту до ночи. Но на прощание я попросила платного благословения у трусливого храмового слона, теперь все будет хорошо.

Гокарна, если автостанция и впрямь находится в центре, не очень крупная деревня. Прямо с автобуса меня снял дядя, предлагающий комнаты. Я не стала сопротивляться — всегда же можно отказаться. Но отказываться не пришлось, и вот я живу в отличной двухсегментной комнате сарайного типа. В одной части ванная и стол, в другой — кровать. «Знаешь, на чем ты будешь спать? О, это мечта, а не матрац! По-королевски будешь спать, он полторы тысячи рупий стоит!». Туалет отдельно — в моей ванной есть только душ, за прочими надобностями надо идти за угол, в хозяйский клозет. Правда, я несколько расстроила мужчину фактом, что буду жить всего пару дней, а не несколько месяцев, но он справился с этим огорчением. Познакомил меня со своей женой и двумя детьми и посоветовал, куда пойти позавтракать.

Пляж оказался действительно недалеко, главное не перепутать тропинки; на нем с интервалом в 50 м сидят группки европейцев, в основном постарше. Чай в прибрежных кафешках с видом на догорающий закат стоит 25₹, зато прино-

сят сразу в три раза больше обычной порции, и — ого! — сахар в сахарнице. По пляжу бродят одинокие фигуры; может, с кем-то из них будет интересно познакомиться; может, у кого-то из них окажется работающий карт-ридер...

Зажгли свет. Мелкие лампы свисают на шнурке прямо над столиками, закованными ножками в песок. А дерево уходит ветвями к небу прямо сквозь крышу. Так здорово абсолютно одной сидеть среди неярких лампочек, слушать море и звуки нарезания моего салата.

На рейде всего пара кораблей. Или туман? Взяла от жадности второй чай, допиваю его теперь «за папу, за маму», глядя на загорающиеся звезды. Не порвать бы главное кенгурятник, напузную сумочку с деньгами-документами. Другого-то нет...

По пляжу без проблем вернулась домой, хотя определить в абсолютном мраке нужный отворот оказалось нетривиальной задачей. Моего фонарика все же не хватает, чтобы с полусотни метров вычлeнять из кустов тропки, но я помнила рекомендации хозяина про «ближайший очень вкусный ресторанчик» Sunset, после него стала вглядываться в кусты внимательнее и действительно обнаружила нужную дырку.

Задумалась, в какой момент произошло это критически важное изменение — когда ты долго боишься срезать в родном городе дорогу по незнакомой тебе улице, а потом вдруг вполне уверенно возвращаешься ночью по бездорожью в какую-то хижину без туалета в городе, чье название вчера тебе еще ни о чем не говорило... И ты счастлив. По-моему, все дело в приоритетах. Если твой мир правильно центрирован, то ты в любом крошечном уголке Вселенной будешь дома. Твоя столица — в тебе.

Выгрызла кокос почти весь, оставила чуть-чуть — получилась удобная пепельница, совмещенная с держалкой для ароматических палочек. Курю, пишу, вокруг пахнет лавандой, валяется расколотый и недоеденный гранат, лампочка прямо над столом. Кайф! →

Про богомола прекрасно работает шутка с пауком: когда ты видишь паука рядом с собой, это не страшно. Страшно, когда ты его перестаешь видеть. Хотя мой какой-то вялый. Полез по стене повыше, и его сбросило струей воздуха из вентилятора. Надеюсь, это не моя антикомарилка подкосила его красивые ноги, было бы неловко. →

И вот кстати зачем мне купленное недавно платье-халат. Не надевать же сари ради торжественной ночной прогулки в туалет...

Посчитала, что Ганеш в календаре $365/2 =$ дохрена, то я могу не только разослать всем адресатам по несколько штук, но и оставлять в тех местах, где ночью, палочку благоволия и пару слонов.

В душ приходят пить огромные лесные тараканы, почти мадагаскарские. Интересно, если одного поймать и вклеить — он сгниет? Тут вообще благодатное место для изучения фауны. Прилетел настоящий богомол, сантиметров десять в длину. Присел на стене в углу, кого-то тихонечко жует. Зеленый, красивый. Он же, вроде, хищник? Значит, им можно вместо геккона пользоваться для спасения от комаров.

Хозяин дома с гордостью показал «картину», которую ему подарил один из жильцов. Довольно символически, в духе раннего примитивизма изображенные два слоника в грязных тонах на фоне заката, переходящего в радугу и сонмища угрожающе разлетающихся галочек-птиц. Я увидела в этом вопиющий вызов своему творческому началу. Завтра куплю не только вина, но и краски с бумагой. Нарисую ему на память зеленых богомоллов, тараканов и висящих в проводах дохлых летучих мышей... Ну или закат в кафе. Посмотрим на вдохновение.

Было бы мило, чтобы в темноте никто крупный на меня не спикировал, а то сослепу и спросонок я едва ли буду настроена юннатски, могу прибить.

26 ноября. Gokarna

Жена моего домовладельца — хохотушка и лентяйка. Похихикивала над каждой сказанной или услышанной фразой — необидно, просто от полноты жизни и некоторой глупости. Договорились,

что она сошьет мне блузу для сари, я купила ткань — но она не успела даже начать раскраивать, только обмерила меня. Когда узнала, что я уезжаю утром, вернула ткань без сожаления: «В Хампи сошьешь». Зато бесплатно заштопала мне штаны.

— Может, вам лучше новые купить?

— Да этим всего неделя! (три дня, если быть точной)

— Ничего себе...

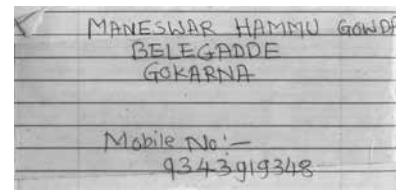
Ушла по высокой стене берега довольно далеко от дома, от песчаных пляжей — так что добралась до огромных черных камней, обрывающихся отвесно в прозрачную воду. Я исползала весь склон, и по тропе, и без дороги, напролом сквозь вереск и сухое колючее мелкотравье — так что теперь сложно сказать, какие из следов оставило на мне море, а какие — суша. Солнечный, жаркий склон; иссушенная красная глина, утопанные тропы вдоль скалистого берега, сотня метров до волн, орлы в белом, выжженном небе... А потом я решила искупаться. Тунику по привычке оставила, сняла только штаны — и нырнула с обрыва. И все было здорово, пока мне не пришлось в голову выбраться на волнорез. Без прикрытия берега, прямо в лоб морю. Мол, если что — метнусь назад. Ха, птица наивняка, живет на ивах! Оказывается, даже крошечные на вид волны имеют непреодолимую силу. Скалы, орлы, дельфины, на несколько километров во все стороны никого — а меня засосало в лагуну между камней — не встать и не уплыть, сил не хватает, а волны сбивают с ног... Неприятное ощущение, что ты песчинка, и все твои усилия ничего не значат. Пару раз меня размазало, проволокло по ракушкам, пока не догадалась, куда рискнуть нырнуть... Выплыла, выбралась на берег, растянулась греться и отплеиваться. Соленой воды наглоталась, запить нечем... А когда ломанулась на берег, не разбирая дороги, основательно порезала себе ступни, пробираясь почти бегом по острым раскаленным ракушкам. Руки в крови, колени в крови; в крови сплошной адреналин...

И еще во время борьбы море слизнуло с моей ноги колючку. Третье по счету; одно покоится в Балтике, второе — в Черном, неподалеку от Пшады. Уже традиция.

В город я вернулась, лишь поплавав в душе, хотя до него было семь

← Давно хотела срисовать, да все как-то не попадались. Таких вот грозных языкастых демонов вешают тут на недостроенных домах — видимо, символическая охрана.

километров. Правда, на этот раз арендовала велосипед — старинный рыдван с заржавелыми скоростями, который норовил вгрызться мне в ногу зубьями цепи. Но я его поборола и славно погоняла по окрестностям. И купила крошечные уютные гуашечки, яркие, сочные, в маленьких баночках. Насколько же ручкой проще рисовать по сравнению с цветовыми пятнами! Придется, видимо, заново переучиваться. Краски офигенные — ровно ложатся, мгновенно сохнут, смешиваются радостно...

В общем, я все-таки уела незнакомого мне художника, оставив на стене небольшую галерею своего имени. Выглядит ярко, аляповато, зато на местные мотивы (еще бы, эскизы-то из дневника, больше неоткуда).

Второй раз за вечер выключают свет. Хорошо, что фонарик всегда под рукой, вторая полезнейшая вещь после ножа. Только сейчас поняла, почему было так жарко — вентилятор-то не работает. А казалось бы — он в другой части комнаты, да и вообще, какой смысл гонять горячий воздух туда-сюда?

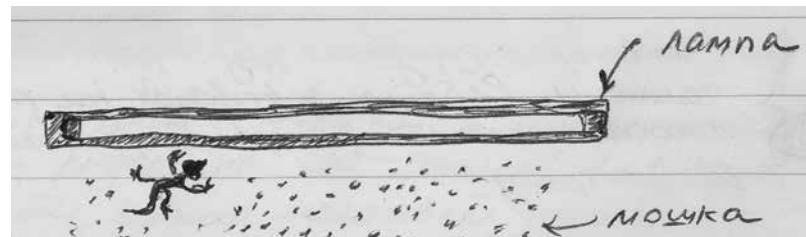
На остановке автобуса ко мне подошел удрученный жарой грузный англичанин и попросил помощи. Конечно, сразу оценил качество моего английского, но мы друг друга поняли. Ему нужна была карта побережья, чтобы выбрать город поближе и покрупнее. У него был список вещей, которые нужно раздобыть, и в поселке он их не нашел. Узнал, что я фотограф, достал мыльницу и показал пару неплохих макро-снимков стрекоз. Посоветовала ему напечатать из них открытки, удивился и порадовался идее, как ребенок. Такого прямо хочется брать и водить, показывая ему разные жизни...

Никак не привыкну. Издалека смотришь — сидит босоногий парнишка на заборе, что-то чинит, или на дереве, апельсины собирает. Подходишь поближе — а парнишке за 60 лет...

Впервые реально много жевательного табака. Все жуют и плюют. А многие женщины вплетают живые цветы в волосы. Для этого продают специальные мини-гирлянды из белых полураспустившихся цветов наподобие

Гокарна — преддверие Гоа, поэтому количество дауншифтеров из разных стран зашкаливает. Дредастых загорелых хиппи возрастом сильно за сорок, довольно мятых жизнью, можно встретить в любом кафе. →

← Картина, которую из-за особенности освещения и пугливости объекта никак не удается заснять. Ужин геккона.

акации, собранных в обоймы. Часто их выносят прямо к автобусу. Кстати, ночью был шикарный дождь, стучался в мою крышу. И где? Вообще никаких следов.

Гокарна была последним форпостом перед въездом в желтый для меня штат Гоа. Мне казалось, что это место будет для меня серьезным испытанием; может, потому я так тянула с последним переездом. Но пока вполне терпимо. Я в Маргао; после всяких деревень он кажется огромным. Я делю города на «орлиные» и «вороньи» — по тому, какие птицы доминируют в небе. Хотя это скорее субъективное, не совсем связанное с птицами ощущение. Орлиными были Манглор, Майсур и Удупи с Мальпе. Кажется, Маргао тоже будет отличным. Где там на карте еще города на «М»?

Дорогой город. Рикши заверили, что я не найду ничего дешевле 600₹; конечно, не поверила, сняла за 400₹, но это стоило мне усилий. Живу опять рядом с рынком, опасненько. Причем не фруктовым, а шмоточным.

Осмотрела себя наутро после морской битвы — почти в порядке. Только подушечки пальцев в мелкой сетке царапин, издалека выглядят, как измазанные в краске. И пара красивых росчерков на бедрах. Хорошо поплавала.

Дождалась, пока стало темно и пусто, решила смотаться за чаем на ресепшен. Эпичный выход белой госпожи в одном халатике взорвал холл — он был полон притихших мужиков, постояльцев и obsługi. Мило. Заказала себе доставку в номер и выбралась из паутины взглядов. Чай доставил на подносе улыбочивый застенчивый юноша, а постоялец напротив чуть не выпал из своей двери, стараясь поглубже проникнуть в мизансцену. Бедные индусы-эмигранты! Какой же для них удар по психике, наверное, весь творящийся в Москве разврат! Одни только круглогодичный горячий душ и воз-

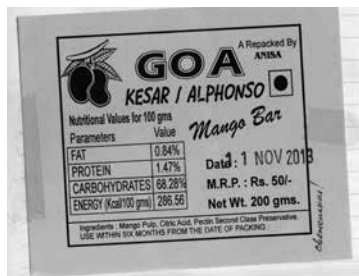
← Местные сельянки не носят блузы под сари — перетягивают его веревкой через плечо на манер передника, оставляя обнаженной спину. Голое тело очень красиво несмотря даже на то, что женщинам за пятьдесят.

можность принимать ванну индивидуально, дома, способны навсегда развить неокрепшую детскую психику.

28 ноября. Margao

Зашла на небольшую местную почту (спрашиваю: у вас где главное отделение? Э-э-э, отвечают, да вот оно, тут), спросила список запрещенных к пересылке товаров. Черт, в нем и благовония, и сигареты. Парням совсем нечего переслать, а вот девочкам цацек можно закупить.

Придирчиво выбирала десерт на вечер, к фруктам и сигаретам. Тендер выиграла пастилу из манго, так как на желе из гуавы не оказалось такого прекрасного лейбла с Гоа. →

Постепенно проникаю уважением к тому рикше, что в Майсуре отвез меня в магазин настоящего шелка. Чем дальше я уезжаю от мест, где делают хорошую ткань, тем больший фурор вызывает мое появление — женщины ценят качество ткани и отделки.

Давно хотела написать полезное. Из опыта — что брать, что не брать в такую поездку. Эти данные пригодятся в основном тем, кто планирует путешествовать так же, как я — почти без денег,

по дешевым хостелам и непалофосным, нетуристическим местам. На досуге написала небольшую шпаргалку для отъезжающих.

Брать:

- Лекарства, которые регулярно принимаете дома. Тут практически ничего из списка нет. Следует помнить, что большинство европейских целебных средств на солнце и в жару через пару дней превращается в тыкву и становится несъедобным. Запас “на всякий случай” может быть минимальным — абсорбент от отравления разве что, без остального можно обойтись.
- Спальник! Даже если планируете ночевать только в отелях — в большинстве дешевых хостелов такие простыни, такие подушки, что захочется завернуться во что-то родное.
- Карт-ридер, зарядные устройства для всех имеющихся электронных девайсов, необходимые провода, переходники — тут набор имеющихся в продаже вещей весьма специфичен. Сами девайсы, конечно, тоже.

- Тройник-разветвитель. В обычных комнатах ОДНА розетка, что особенно стремно для путешествующих компаний, где у каждого по фотоаппарату, телефону и ноутбуку. Иначе будете драться за электричество. Можно купить на месте.
- Бумажные карты и путеводитель по стране. В большинстве городов инфоцентр для туристов будет просто закрыт, в остальных — поможет вам только словесным описанием тура. Впрочем, интернет тут тоже есть почти везде.
- Легкую накидку от дождя — тут может случиться проливной в течение пяти минут и на два часа. Если собираетесь в горы, ОБЯЗАТЕЛЬНО запаситесь свитером — даже просто вечером температура падает до +10 с ветром, это реально зверски холодно и может помешать запланированным прогулкам.
- Мелкие монетки, открытки или какую-то сувенирку для раздачи тем, с кем познакомитесь. Ничего не стоит, но приносит массу радости обоим сторонам.
- Запасные карточки или диск для слива фотографий — в яркой и необычной стране снимать будете втрое больше обыкновенного.

Не брать:

- Шампунь, мыла, гигиенические принадлежности, репеллент. Тут этого навалом, хорошего, дешево и главное — в очень удобных маленьких упаковках. Микро-шампунчики, микро-зубные пасточки — это безумно удобно.
- Посуду, ложки, чашки — едят тут в основном руками, и вы быстро втянетесь, с собой заворачивают в одноразовую посуду (как правило, бумажную, а не пластиковую).
- Запасную одежду. Ваша все равно окажется слишком теплой и главной — странной. Купите местную сразу, как окажетесь в стране — она холодит в жару и вызывает уважение у встречающих. Только обязательно поищите информацию, что с чем носят и каких цветов — тут есть кастовые и возрастные ограничения. Ошибетесь — будете смешно выглядеть в глазах окружающих.
- Кеды или закрытую обувь, кроме трекинговых ботинок для восхождений. Пот моментально превратит ваши ножки в месиво из мозолей, кишащее разными грибами. Босоножки можно купить на месте, а можно взять в спортивном магазине.

Во время прогулки по рынку не сдержалась, попробовала эти сочные, жирные колбаски, толщиной чуть больше пальца, связанные в мелкие гирлянды шариков. Свинина. Ими начинает соблазнять пахнуть за несколько рядов. На вкус божественно пахнущие штуки оказались напигованными специями комочками жира. Хорошо, что не купила — не смогла доесть даже тестовый кусочек. Может, дело в том, что я очень сытая? Три стакана чая в одном месте, один вместе с ужином в другом... Когда выходила из кафе, машинально бросила в тарелку 30₹, по десятке за стакан. Мне вслед кто-то растеряно пискнул «сорок же...», а когда я обернулась, вся компания obsługi дружно махала мне руками «все в порядке, мадам, приходите еще!». Мне захотелось заглянуть им за спину, нет ли там запинываемого под стол стол активиста, знатока цен.

Поскольку я все время перемещаюсь, постоянно приходится брать еду наугад, т.к. она разнится в зависимости от штата. Например, на Гоа совсем нет тхали, зато появилась рыба и seafood. Рыбное карри — это песня, правда, какого-то недружественного мне направления. Ладно, что острое. Но ваниль-то зачем в рыбу?! А корицу?! А гвоздику за что? Но сама по себе идея есть рис, отламывая небольшие кусочки от рыбы, обжаренной на огне, вытряхивая в него содержимое ракушек и пары веганских соусов, мне нравится. Еще как.

Зеркало рядом с кроватью — это интересно. Провела сеанс курения вдвоем с отражением, сейчас будем вместе есть апельсины. До разговоров еще не дошла, пока просто улыбаемся друг другу. Но ведь еще только полтора месяца прошло, все впереди еще.

Вентилятор в комнате почти цепляет стены лопастями — келья крошечная. Зато даже на самых малых оборотах зверски дует, причем точно в кровать. Приходится выключать его, чтобы зажечь благовония, иначе спичка гаснет. От палочек и духоты меня стало клонить в сон, включила вентилятор на максимум — и меня моментально сожрали комары. Он ловко засасывает воздух через крошечное окошко над дверью, вместе с комарами, и весь яд от фумигатора нейтрализует. Нет в жизни счастья.

В комнате пахнет благовониями и апельсинами.

29 ноября. Margao – Panjim

Ну вот. На крошечной почте попросила красивых марок и моментально создала пробку. А кто виноват, что в этом городе самая крупная в Индии железнодорожная станция и самая малюсенькая почта?

У бродячего точильщика возле рынка заострила нож, боюсь пользоваться теперь. В лавке моей швеи, что сшила мне блузу, столкнулась с симпатич-

ной парой русских, они выбирали воздушного змея, которые почему-то тоже продаются у тейлоров. Ребята с таким смешным «русским английским» и типично московским неприязненным выражением лиц, будто они тяпку для огорода выбирают, а не яркую игрушку для пляжа.

Первая автобусная станция, где билеты продают в зарешетчатой кассе, а не в самом автобусе. Вдоль дороги торгуют пластинами черного и цветного мрамора — скорее яркие столешницы, чем надгробия. А еще стало много цветов, клумб и шикарных садов. В квадратных лужах под рис ходят чистенькие свинки; их выгуливают степенные длинные цапли с белоснежными крыльями.

На станции нет очевидного туалета, жара, и вокруг автобусов невыносимо воняет мочой. Такого зловония нигде не было. Жарко, хотя волосы еще не высохли после утреннего душа. Решила не напрягаться с картой, просто прыгнула в первый попавшийся автобус до рынка — он обычно неподалеку от центра.

Приглядела в LP жилье, дошла до него и замерла в восхищении. Republica, потрясающий старинный отель, вот так и должен выглядеть правильный дом для странника — огромная извилистая лестница, обветшалые веранды, колониальная мебель, обтянутая в кожу; много острых углов в архитектуре, странная, но не лишенная логики и обаяния планировка; многоярусная, неоднозначная, заманчивая... И он, разумеется, оказался полон.

Бродила, искала замену, рикши злорадно хихикали — а потом вдруг набрела на целый квартал. Спускаешься с горки и оказываешься в декорациях, выстроенных к фильму про маленький европейский городок. Тут крошечные тропинки между домами, касающихся ставнями друг друга; везде благородно состарившиеся особняки с осыпающейся краской на заросшем плющом фасаде; машины протискиваются с трудом, кажется, раздвигая сгрудившиеся стены. Все это великолепие выстроилось вдоль огромной реки с мостами и ржавеющими танкерами, а в самом городе — огромная белоснежная церковь (главная местная достопримечательность) и десятки магазинчиков, и громадный крытый рынок с овощами на любой вкус. Я остановилась в небольшой уютной комнатке с видом на черепичные крыши и узкую, уходящую вдаль дорожку между домами. Даже не знаю, что вначале осматривать — свой район или центр? Кафешки чистые, уютные; вывески от любых ларьков торчат перпендикулярно домам — заглянул за угол, сразу понял, что тут шьют и чинят часы, вон там — кормят и наливают вино, а здесь можно вселиться на пару дней и купить предметы старины...

На обед взяла два чая и пару невесомо тающих во рту пирожка. Когда показала на один, парень застыл в нерешительности: это же с говядиной! Я выгуливаю новую блузку под желтое сари и не выгляжу как создание, способ-

Peas pulav — блюдо из риса, похожее немного на обычную замороженную овощную смесь, только острее. Причем острота достигается не ингредиентами внутри, а соусом, где порезанный перчик с луком плавает в жидком майонезике. Обалденно вкусно! И так славно, что салат приносят новый, стоит постучать вилкой по опустевшей мисочке. Скатерть-самобранка!

ное бездушно жрать корову. Впрочем, грибы в пирожке все равно ощущаются сильнее, чем мясо.

Отлично прогулялась, наснимала рынка. Все кричат: и нас! И нас, мадам, снимайте! А еще лучше — ее, бьютифул лук! — с тычком в сторону пожилой шамкающей торговки. Я не обламываюсь, снимаю всех, кто не против. Для моих целей они все бьютифул.

Как же меня умиляют таблички «Toilet — 5₺, Urinal — 2₺, per user»! То есть поспать вдвоем стоит все равно 10₺, даже если одновременно. Но пописать, держась за ручки, дешевле, чем в одиночестве выдавить шоколадку... Прелестно!

И! Я набрела на потрясающий книжный, где целый ящик счастья ждал меня! На этот раз счастье приняло вид гениальных постеров с пояснениями для детей, напечатанных на дешевой желтоватой бумаге — о, как они прекрасны! С чистыми оборотами, идеальная бумага для писем! Откопала себе два десятка.

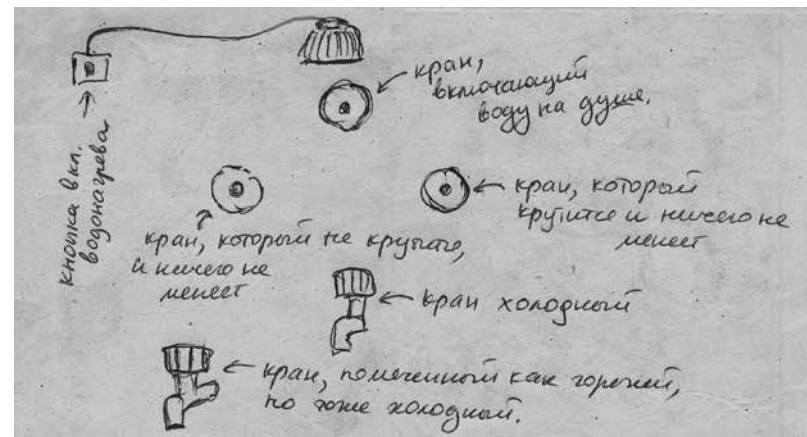
Ого, настолько крутой ресторан, что в нем есть встроенный дозатор для мыла! Обычно-то это старый-замыленный пузырек от средства для мытья посуды, уже не опознаваемой фирмы. А тут прямо специально купленный, и внутри — настоящее, неразбавленное жидкое мыло!

Интернет-кафе, в котором я проторчала весь закат, нависает над крошечной лавочкой с ксероксом и журналами. Чтобы попасть в него, нужно взобраться по очень крутой винтовой лестнице — кованой, сложного узора, крашеной полсотни лет назад в синий с небесно-голубым отливом... Ширина лестницы меньше метра, я со своей привычно набитой сумкой (вода, фотик, плакаты, дневник, папайя) туда еле поместилась.

Может, они кладут в чай мед? Самый вкусный чай! Объялась, даже ногу на ногу закинуть не могу... Кафе востребованное, поэтому за столик постоянно кто-то подсаживается, извинившись взглядом и пожелав приятного аппетита — мест действительно на всех не хватает. Вход окуривают могучим столбом дыма — не то от комаров, не то от духов, не то от неприятного запаха. Пахнет, как в храме, очень здорово. Вокруг сплошные состоятельные мужчины в золоте, и я такая вся в сари. Следующая остановка — дом, интересно, с какой попытки я найду его в темноте?

Какой же у меня прекрасный свет в комнате! От ближайшего фонаря, прямо в окно льющего желтизну. Вкупе с деревянными балками потолка, старинным трюмо в комнате и настоящими двойными ставнями на окне... В ванной, кстати, электрическая система подогрева, как во Вьетнаме. Но она а) работает, б) не бьет током!

За окном вдалеке негромко, очень пьяно, очень слажено поют что-то наподобие Гаудеамуса. Хочется встать по струнке, отдать честь и незамедлительно выпить. Черт, хорошо-то как! Я эту поездку буду вспоминать, как шесть месяцев постоянного восхищения, с перерывами на небольшие, но злые приступы экзистенциальной тоски.

← А на стене — вот такая система. Обычно краны, которые крутятся, но не меняют напор воды, что-то куда-то неочевидно перенаправляют, но эти два, кажется, просто остатки прежней роскоши. В сумме выглядит весьма сюрреалистично.

Крошечные скамейки отыскиваются то там, то тут; можно просто сесть и почитать, например. Такое чувство, будто промахнулся городом и попал в сказку. Шла, как замороженная, чуть свою кирху не пропустила.

О. А пойду-ка я помою папайю. Пение стихло, комаров утомил фумигатор; можно будет выключить верхний свет и усесться на подоконник, жевать, глядя на кружащихся вокруг фонаря ночных бабочек...

Ого, вот это сервис! В дверь постучал парень: мадам, вы дома? — и вошел с огромной тарелкой мороженого. Заверила его, что объялась за ужином, поэтому осилю только половину, сгрузила часть обратно. Сейчас доем и верну блюдо с куском папайи — она, конечно, жестковата, но не пустое же возвращать.

30 ноября. Panjim

Под утро, не просыпаясь, сползла на пол и благодаря этому отлично выпалась. Как клопы чувствуют, спишь ты или нет? До этого же несколько часов валялась на кровати, ни одного укуса... Зато как здорово просыпаться от того, что окна залиты солнцем! Я уже давно не ночевала в тех местах, где разница между свет-

На электричестве тут не экономят. Вся нескончаемая набережная засажена гигантскими деревьями, полностью увитыми гирляндами. Куда ни глянешь — дубы-колдуны и пятна света, точки гирлянд и большие фонари между ними. И тепло, ночью нет душливой жары, но все равно уютно. Словно ты не на улице, а дома, на кухне... →

трясающе вкусно и напевно выкликает пассажиров, заслушаешься. Я еду смотреть некий город с супер-известным рынком. Села рядом с Севой — хиппи из Англии. Она путешествует одна уже два года. Вязаная шапка, наушники на шее, феньки по локоть. Послезавтра ее путешествие заканчивается, она летит домой. Интересно, каково это — возвращаться после такого трипа? Вообще, можно ли из него вернуться?

Anjuna оказалась квинтэссенцией всего самого отвратного, что можно придумать в сервисе. Палаточный лагерь, выстроенный для туристов; уклад жизни сотни местных заточен только на эту отрасль. Лживые, алчные люди над уродливыми тряпками и китчевыми поделками. Впервые меня всерьез хватали за руку, чтобы подтащить к ларьку — забавная женщина в гипертрофированном национальном одеянии, разряженная, как иногда для туристов наряжают коров. Мое появление в сари, конечно, произвело эффект бомбы в болоте. Восхищение выразили абсолютно все. Впервые я шла под непрекращающиеся вздохи, ахи, свист и «NICE-SAREE!»

Побродила по берегу — пляж у Анджуны своеобразный, остатки черного плоского рифа с шумом заливают каждой волной, а потом вода просто исчезает, просачиваясь сквозь ноздреватый камень. Идешь по лунной поверхности, то по щиколотку в воде, то посуху; вглядываешься в неглубокие дыры, 30-40 см в диаметре. На дне — вода, и рыбки, и камни. Каждая как отдельный мир. В одном таком нашла обточенное волнами донышко бутылки, идеальная подставка для конусов-благовоний. Пока бродила, ко мне подошла местная девоч-

лым и темным временем суток так заметна. Всякие полуподвалы без окон...

Встала, постирала. Все окна завесила бельем; чисто, уютно, котик охраняет лежанку со спальником. Если идти задворками, то до автостанции от порога всего минут десять. Люблю города с понятной структурой! На завтрак мне достался чай с абсолютно пустой сдобной булочкой. Казалось бы, просто крошечный хлеб — но какая же она свежая и ароматная!

«Dari-Dari-Dari-Mopsadaaari! Dari-Dari-Dari!» — парнишка пот-

ка-торговка, больше любопытная, чем корыстная. Конечно, тоже начала с сари, а потом рассказала про рынок и окрестности, звала в свой магазин. Я при ней из песка выковыряла эту «пепельницу», показываю: вот мой лучший сувенир.

Настоящий рынок — ночью. Начинается в шесть, с наступлением темноты. Еду в Кандолим, обдумываю — а хочу ли я? А как потом выбираться, если да? С другой стороны, это может стать приключением века... В автобус, как селедки, набились школьники. Как же много вокруг туристов! Отвыкла уже. Ехать или не ехать? Будет равно обидно, как приехать и не найти там ничего интересного, так и не приехать вовсе, а потом терзаться. Эх.

Заключила, что второй провал усугубится еще и ощущением просратости чего-то важного, и решила поехать. Отыскала в Кандолиме среди огромного числа пафосных кафе нормальную забегаловку, где местные гоняют чай, заедая тандырными булочками. Похвалили сари, спросили, сильно ли перчить рыбу. Призналась, что несмотря на вид, я все же иностранка и много специй не осилю. У хозяйки кафе глаза светлые, почти желтые, как у кошки. Очень красиво. А одежда все-таки не очень. Здорово, что страна такая разная, ехать все время интересно.

На Гоа очень много рекламы на русском: гиды, спорт, русское меню... Даже Сева удивилась, что я одна: в ее понимании русские путешествуют исключительно большими компаниями. А еще стали появляться белоснежные горы отборного складчатого жира, запакованные в трикотажные майки. Сидят в кафешках. Интересно, чем они тут занимаются? С таким весом в жаре быть очень нелегко, а уж на пляже и вовсе невыносимо.

Парень стал разносить подносы с порциями. Много-много риса, рыбка, пара соусов... Уже половина зала зарыблена, чавкает; запах просто невероятный. Скоро и моя рыбка мечты поспеет! Сосу третий стакан чая, нервно оглядываюсь. Будет тупо в самый близкий к вожделенному момент захлебнуться слюной.

Вчера ходила поискать «Речную принцессу» — LP обещал наполовину вытянутый на берег танкер. Но то ли я не там искала, то ли его за эти два года попилили на металл. Зато я научилась пользоваться одиночеством прибрежных скал и маленькими тропками вдоль них. Тут еще встречаются остатки крепости, невероятно огромные руины. И просто многометровые пласты скал. Ужасно удобные для лазания, но наводят жуть — когда спускаешься, не всегда можешь правильно оценить расстояние, мозг просто не воспринимает такие масштабы, и всегда преуменьшает их. И взрывы брызг, на десятки метров вверх, обдающие тебя соленым дождем. Расселины, будто каньоны — заглядываешь туда, видишь обрывки веревки, куски досок на глубине пять,

семь, десять метров — вдруг все это подается тебе навстречу, заполняясь водой, и снова опадает, обнажая камни на самом дне. Крабы как шевелящийся ковер, разбегаются при виде тебя, прячутся под камни. Чудесные полдня!

Мое сари после этих диких прогулок похоже на комок сладкой ваты в жару. Надо бы найти место и перемотаться. От маяка до цивилизации меня подкинула на байке третьим пассажиром местная пара. Девочка очень современно и весело расспрашивала про мое путешествие, смеялась, когда я на поворотах верещала и стискивала ее ребра. А у меня то сумка перевешивала, то попа на скорости сползала.

Купила бутылку воды, попросила выжать в нее лайм, не без труда поборов шаблон «лайм кладется в бокал и заливается сверху», теперь у меня есть тепленькое кисленькое пойло. Жара плавит.

Автобус в Анджуна пришел за пятнадцать минут до последнего автобуса назад. Я приехала — и решила наплевать, включив режим «ввяжемся, а там посмотрим». От Анджуны еще пять километров на байке (пришлось отдать за них 70₹, и то это «ради прекрасной леди в сари», обычный тариф озвучивали вдвое выше). Рынок и впрямь гигантский. Конечно, это не барахолка, но он несомненно достоин посещения. Огромная площадь с сотнями сувенирных лавочек, освещенная десятками небольших фонарей... Кто научил местных фразе «купи слона» с тычком в Ганешу?

Многие неплохо говорят по-русски. Не то чтобы чисто, но в рамках рекламы своего товара — запросто. Огромное число русских. Каждый второй — турист. Вышитые покрывала, шали и пледы с севера Индии, украшения, целые тонны драгоценных камней, резные фигурки, всевозможные виды благовоний... В центре ларьков — фудкорт и сцена с живой музыкой. Детальный осмотр всего рынка занял около двух часов; купила один браслет и календарь с Вишну; после чего задумалась. Предположение вписать меня ни у одной из компаний русских энтузиазма не вызвало ни насколько. До дома около 30 км, что по серпантинам у автобуса занимает два часа и тысячу остановок.

Попросила у торговков картона, сделала табличку «Живу в Пананжи, денег нет, заберите, если по пути». Прицепила на плечо, погуляла с ней еще часик. Очень мало кто обращает внимание, все на сувениры смотрят. Да и русские в основном такие, с которыми я по доброй воле никуда бы не поехала — или гламур, или спившиеся лица из регионов.

Кстати, Севу действительно встретила. Обнялись, поговорили минут пять. Набиваться в гости я не стала, у нее явно желание тусить в последние дни. А мне бы поспать... Вышла за ворота, меня сразу начали осаждать таксисты:

— Мадам, такси!

— Да, спасибо! Пананджи, 200₹. Это все, что у меня есть.

Доброжелатели моментально рассосались. А я пошла по трассе. И... Ночной стоп в Индии еще круче, чем дневной! Поймала молчаливого индуса на байке; потом Стивена из Австралии — двое детей, развод, отдыхает не первый год, обожает индийскую кухню. А потом поймала волшебного парня. Он явно выпил, с трудом смог объяснить, чтобы я села «нормально», а не «как индиан wife», потому что он будет «очень быстро ехать». Я не стала спорить, села, вцепилась — и это была лучшая поездка в моей жизни! Он втопил 150 км/час сразу. Ночь, серпантин, лежачие полицейские, рытвины, выезжающие из-за поворотов машины, выходящие внезапно козы и коровы — на все это ему плевать. Визуальный эффект — как в фотошопе с примененным фильтром «зум» — бока размазываются. Примерно так в фильмах изображают путешествия во времени. Первые полдороги я думала, сцепив зубы, одну размазанную из-за скорости мысль:

BE, SUKA, CAREFUL!

А потом стало как-то все равно. Слишком уж здорово нестись в развевающемся шелке и теплом ветре мимо всего; даже не так важно, туда ли мы мчимся. Это были полчаса опаснейшего счастья, без защиты, без шанса выжить, если камень попадет под колеса. Когда мы синхронно ложились в поворот, я раскидывала руки от полноты ощущений — и вцеплялась назад, чтобы не вылететь.

Он добросил меня куда-то, выгрузил, буркнул «привет», ткнул в сторону и уехал. Я успела крикнуть «спасибо!» — а хотела еще сказать, какой он невероятно потрясающий псих... Там, куда он ткнул, был паром. Предпоследний сегодня, отходил через минуту. Прямо к дому! Навстречу огням!

Но я была голодна, и решила еще раз испытать судьбу сегодня — зашла на огонек в ночной ресторан. Он как дневная столовая выглядит, светлый, очень тесный; только ночью там НИ ОДНОЙ девушки. Эффект — как в паб к шотландцам завалиться. Я под села к чьему-то столу (пустых там, конечно, не было), заказала рыбу — и понеслась. Я отвечала сразу пятерым, а спустя 15 минут уже фотографировалась в обнимку, крича «дайте же мне прожевать, а то на фото буду хомяком!» Было весело, пришлось наврать про бойфренда в Дели; когда я уходила, половина кафе махало мне вслед.

Ох, ну и денек! Душ. У меня же есть настоящий горячий душ! Даже не верится, что это могло поместиться в один день. Одну Маруса я трижды проезжала, она тут местный центр мира... Стирка, автобус, Мапуса, жуткая Анджуна и прекрасная Сева, автобус, Кандолим, пляж, скалы, маяк, автобус,

Вежливая, почти-
тительная вер-
сия приветствия
тут звучит как
namaskar; можно
в знак уважения
вместе с обычным
namaste сложить
руки на груди —
часто этот жест
редуцируется до
моментального
касания кончика-
ми пальцев дру-
гой руки. В ответ
«сверху вниз»
можно качнуть го-
ловой: «*Ocha, ocha,*
namaste» («окей,
окей, привет»).

Мапуса, обед, интернет, автобус, драйвер, ночной рынок, автостоп, упоительная сверхскоростная ночная трасса, бесплатный паром ночью прямо к порогу, набережная с тысячей огней, бар, треп, ужин, тихий ночной ларек со степенным, очень учтивым хозяином... И sweet lassi на вечер. Валяюсь после душа, жарко, вентилятор выключила, чтобы не простыть, с потолка капает на ногу чем-то прохладным — надеюсь, это вода, а не что-нибудь удивительное.

Сижу с молоком на полу, на пенке, чтобы не радовать клопов; мытая, сытая и счастливая. И мир чертовски хорош сейчас, хотя все тело просто отваливается. Курю бинди, заедаю манговой пастиллой, в комнате горьковатый сигаретный дым мешается со сладкими благовониями. Осталось сделать себе массаж лица и ног с кремом, и в волосы втереть немного масла ...

Меж тем уже глубокая полночь. Завтра поеду осматривать остатки старого Гоа... А на ступенях моей белоснежной кирхи сегодня кино вечером снимали. Пара обаятельных мальчиков падали на лестнице, глядя в ночное небо, а их окружали три круга: статисты в кадре, съемочная группа и толпа зевак.

1 декабря. *Ranjit*

Вчера был последний день осени, сегодня последний день меня на Гоа. В связи с этим я отказалась от мелькнувшей было мысли метнуться на плантацию специй — их везде много. А вот побродить неспеша никогда не бывает лишним...

Никак не привыкну, что по выходным весь город вымирает. Первый этаж — лавочки, открыто из них в воскресенье от силы 1/10. Слепые витрины, забраные ржавыми жалюзи; никаких машин, редкие пешеходы, ветер газету гонит посреди улицы... Так и ждешь нашествия зомби из-за очередного угла.

Завтракала в переполненном ресторанчике, где замученные официанты носились, будто ошпаренные, и сначала минут десять не могли заказ принять, а потом пури принесли без соуса. А всем остальным, между прочим, с. За это не призналась им на кассе, что чая у меня было два, а не один. А чо они?

Браслетов наручных из 20 осталось 14. Два сломала во время бешеной гонки на байке, один на скалах, пару дома — они дьявольски ломкие. Обещала себе новый набор, когда их останется меньше десятка.

Дополнила завтрак милкшейком с личи. Мой кондуктор без изысков, не особо мелодично выпевает «олдгуаолдгуаолдгуа». Запижали последних пассажиров, которые не хотели ехать стоя и пытались вырваться на свободу, закрыли дверь, чтобы не разбежались. Тетя пообещала им, что отъедет от города на два километра и выйдет. Кажется, будет сочная драка за освободившееся место.

Навес автостанции, бетонный на метало-арматуре, незаметно переходит в рифлено-шиферный, подпертый связанными веревками бамбуковыми дрынами.

В автобусе разговорилась с мальчишкой. Он вполне бегло трепался на английском, и даже переводил наш не особо содержательный диалог своей маме, которой было любопытно, о чем можно так болтать с белой. А у нас разговор был примерно такой:

Я: «Смотри, каких коров везут!»

Он, заходясь смехом: «Это не коровы! Это же баффало!»

И впрямь, они совсем другие. Горбатенькие, черные, с галстуком кожи, свисающим под обаятельной физиономией. Выражение морды — безмятежное.

Набор, с которым тебя встречает толпа торговцев в Старом Гоа — десяток тонких свечей и оранжевая цветочная гирлянда — подношения, которые можно купить и оставить в храме.

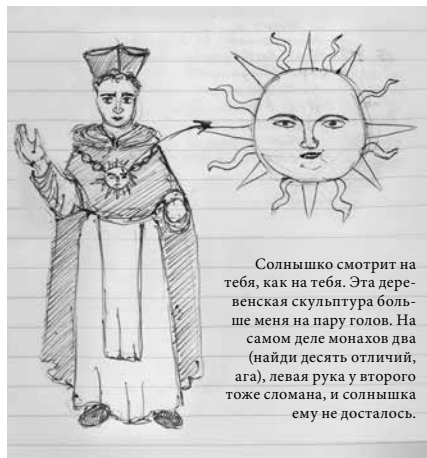
Торговцы прямо набрасываются на всех приезжих. Еще бы — выходные! Меня, кстати, как-то вообще не особо трогают, понимая, что их обряды могут меня и не заинтересовать. Везде поют церковные гимны; возле одного из храмов прямо многотысячный концерт. Людей столько, что не видно сцены.

Солнечно и жарко. В археологическом музее снова запрещено фотографировать. Фигуры сделаны очень по-детски, и это внезапно очень здорово. Просто фотографическое сходство — это все-таки скучно, а когда ладони вдвое больше и лицо карикатурно перекошено, как-то сразу интересно.

И на втором этаже — портретная галерея колонистов в полный рост! Огромные такие потемневшие от времени двери, на которых, подбоченясь, стоят купцы, воители, сенаторы — и знать не знают, что стали древней историей. Когда позировали, небось, икали от сытного обеда и кашляли, и кричали художнику «Ну, долго тебе еще?! У меня корабль со специями в порту гниет».

В музее, кстати, ни одного русского. И вообще интуристов не особо, свои в основном.

О, Боже! Экспозиция индийских конвертов и марок разных времен! За что они меня так?! Пришлось полчаса потратить на разглядывание, охи и ахи. Все же технологии испортили людей. Вон какие раньше были марки, деньги — их рисовали тщательно, чтобы сложнее было подделать. А сегодня любой дурак может это отсканировать и напечатать. Копировать что угодно можно один к одному, а вот творцов осталось маловато... Где-то была такая фантастическая книга, про мир копипастеров — у них законодательно запретили творить новое, а специальные машины делали копии с вещей. Владеть всего лишь сотой копией считалось очень престижно, потому что вот у большинства уже тысячная,

Солнышко смотрит на тебя, как на тебя. Эта деревенская скульптура больше меня на пару голов. На самом деле монахов два (найди десять отличий, ага), левая рука у второго тоже сломана, и солнышка ему не досталось.

и на ней предмет угадывается весьма приблизительно. Главный герой слепил из глины свою чашку — кривенький и косенький, уникальный оригинал, чем и заслужил пристальное внимание всей системы разом...

Картины еще забавней статуй. То лоб, как на моих портретах, вдвое больше лица, то глаз уехал. Почему, интересно, такие картины сильнее притягивают? Потому что явная старина? Или мне просто корявые наброски всегда милее законченных работ?

Через плечо мне заглядывают индусы, спрашивают, какого колледжа я студент. Радостно отвечаю, что я просто из России. Почему-то приятно разнообразить впечатление от соотечественников такой деталью, что еще иногда мы в музеях на полу сидим и рисуем. Забавно при этом, что я-то как раз больше знаю русских, похожих в этом на меня, чем на традиционных посетителей Гоа.

Лента на плече Франциска Тейксейра была смята, видимо, хранили в сложенном состоянии. Художник послушно нарисовал поперечные складки. Будет ли кто-нибудь снимки наших дней разглядывать? Будет ли вообще наши тонны снимков кто-нибудь ковырять? Миллионы пикселей проще уничтожить, чем такую дверь. Ее, поди, и огонь-то не сразу возьмет.

Так интересно — на рынках любого города можно купить резного слона с миллиметровым детальным узором по всей поверхности. Практически даром можно купить такого домой. А люди все равно идут, отдают деньги, чтобы посмотреть на простой лингам, сиречь член, весом в полтонны, с одним-единственным натуралистичным узором.

А вокруг здания — настоящий цыганский лагерь. Дети бегают, тряпки сохнут на ветру. Напоминает вьетнамский аквапарк по человеконасыщенности. Собственно, города-то и нет, только торчащие из солнечных полянок старые храмы и палаточные улочки сувениров между ними, с оазисами питательных точек. Прямо тут можно за копейки набить тату, собрать бусы, надуть шарик, купить любого чертика с рожами... Кстати, собрать бусы. Идея...

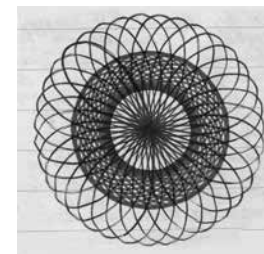
Пускать меня на индийский рынок было опаснее, чем на тот, ночной, пафосный. Три тысячи тонн ерунды почти бесплатно!

Толпы попрошаек, дети трясут грязными ладошками с уверенностью и наглостью; я с не меньшей прокладываю себе дорогу сквозь толпу. Купила сладкую вату, две фенечки и укутываю. Нечего тут ловить.

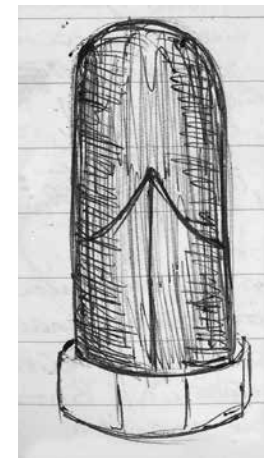
В храме под огромным каменным столом (для жертвоприношений?), была дырка, прикрытая затычкой. Ее все вынимали и благоговейно смотрели в пустоту. Одна бабушка объяснила мне, что это вход в темницы, мол, внизу держали узников. Я загорелась, оббежала все здание — нет никакого входа! Посветила внутрь — а это колодец с водой. Вертикальный. Небось, жертвенный стол мыли, когда использовали, вот и сливали воду в канализацию поглубже, чтобы не пахло.

Сколько же фигни я сегодня видела! Особенно впечатлили флюоресцентно-кислотно-зеленые/розовые/голубые бусы с пластмассовым же крестиком. И что местные бьют тату ТЕМПЕРОЙ. Той самой, 20₹ за коробку. И да, вид ларька с рождественскими украшениями, посреди безумствующей жары тоже неплохо рвет крышу.

Уехала обратно к себе, в Ранапји. У этого города еще есть пара неисследованных кусочков для меня. Например, бесконечная замшелая

← Wiki: *спирограф* изобретён британским инженером Дэнисом Фишером в 1962 году во время работы над взрывателями для авиабомб. А в Индии им рисуют священные мандалы. Все правильно сделали.

← Юноша разглядывает рисунок и по лицу видно, хочет спросить, знаю ли я, какую похабщину зарисовываю. Знаю, конечно — это же *лингам*, член самого Шивы, один из главнейших его атрибутов на любых изображениях. Хорошую религию придумали индусы!

← Какой монах! Как жаль, что их нельзя фотографировать! Тут такие выражения лиц, такие тона! И отдел с изображениями страданий за веру. И чего людям так нравится эта страница из Его жизни? Мучеников за самые разные убеждения были сотни, это не фокус. А ты попробуй, лучше возлюби всех, вот это божественность...

лестница, уходящая вбок от улицы. От нее есть пролом вправо — а там заброшенный склад! Старые, погрызенные мышами коробки с какими-то косметическими средствами. Внутри довольно пусто (если преодолеть первичные завалы), только документы на полу. Какой-то доктор стремительно съехал. Вход на второй этаж по лестнице закрыт, окна забиты. Думаю, м-м-м, а вдруг внутри совсем нетронутый хабар? Влезаю на пристройку, дохожу по ней до балкона... закрыто! Черт. А ноги подгибаются — подо мной балки меньше руки толщиной, сухие и источенные временем, черепица никак не крепится, просто лежит... Стою наверху с мыслью «Люди! Заберите меня отсюда!» — крыша крутая, скатиться в обрамлении досок и черепицы в каменный переулок на лестницу совсем не хочется. Но обрушить полздания в попытке выбраться обратно — еще меньше... Спустилась, еле дыша, по прежнему пути, пообещала себе больше так не делать (сегодня) и пошла искать интернет.

2 декабря. Panjim – Hubli – Hospet – Hampi

Понежиться в кровати не удалось — в девять заглянул парень и поинтересовался, могу ли я съехать как-нибудь так, чтобы его босс не узнал, что он сдавал комнату столь дешево. Парень хороший, да еще вечером мне кокос по просьбе открыл... В общем, я стремительно собралась и решила погулять.

За завтраком меня заворожила тонкая пожилая индианка. На ней было голубое сари с красно-золотой вышивкой и красная же блуза. Удивительно, однако сочетание очень красивое, да еще складки идеально собраны, а длинный тканевый «хвост» забран за пояс, отчего получилась еще одна складка, демонстрирующая орнамент... Потрясающе! Правда, мальчик-официант пялился на меня все время и тем немного мешал пялиться на нее.

Стою на почте, жду, когда вернется Senior Postmaster. Почта большая, 29 (!) вентиляторов (работает примерно половина), два зала, номерковая система; посетители отгорожены от работников высокой стойкой, а по всем стенам стоят гигантские архивные шкафы. Небось, нестараемые. Очень величественно выглядят. В Индии потрясающие цветные папки из жесткого картона. Заходишь в канцтовары, а там целая стена таких! Так и хочется немедленно все каталогизировать.

Прямого в Хампи, конечно, нет. Ехать надо через Хубли, по паре сотен километров на каждый пункт. Это будет длинный день, и будет славно не застрять в Хублях на ночь...

Вода, мандарины, молоко с фисташкой; я сижу слева от водителя, и пока мы стоим, солнце испепеляет меня — термометр бы, но вдыхаю я горячий воздух, то есть его температура выше 37 градусов... Кожа маслянисто поблескивает — организм отлично справляется с жарой. Меня манит Хампи — мертвый, странный город; но сейчас мне нужна просто тряска, ветер и движущаяся картинка в окне.

Водитель — сухой, поджарый дед с крепкими зубами, темными от жевательного табака. Залез на место, оглянулся на кондуктора: «Ну что, куда едем?» — ему подсказывают. «А-а-а, Хубли! А как тут у вас на развязке выехать?» Кондуктор забежал по салону, собирая деньги; параллельно подает знаки водителю. Тот реагирует четко, как выдрессированная скаковая лошадь: прямо... направо... Жарища. Взбираемся по серпантину; опять вдалеке горы до самого горизонта... Посреди поездки встали на обед в каком-то ауле на границе районов. Туалет, как руины древнего замка; воды нет; столовая-сарай. Не пойду никуда, у меня фруктики.

Часто говорят про «солнечный удар». Странно, что нет выражения «солнечный пресс» — выезжаем из тени, и словно что-то наваливается на плечи, размазывает по сидению.

На одной станции все даяденьки ходят с подушками. Нет, не продают, просто сумки такие. Сшитые из цветастой ткани, с бахромой вокруг. Как же у них мило иногда не различаются детские и взрослые наряды, мужские и женские... Внезапно, наш свободный демократический мир намного более жесток в плане дресс-кода, чем их якобы строго иерархичная кастовая система.

В Индии часто встречается типаж «неподкупный офицер». В Хубли один такой взял меня под крыло — нашел нужный автобус, усадил отдыхать, обещал позвать. Немного неловко, но удобно и приятно. Иногда тут дублируют названия рейсов на английском, но чаще нет, и тогда табличка для меня выглядит примерно так:

«@#%\$ – %\$#! Экспресс! С кондиционером и остановкой в #&%!»

Хубли — как Банглор. Славно, что я пропущу этот пункт меню.

Пока сидела на станции, познакомилась с местными девушками, весьма бегло болтающими на английском. Ужасно удивились, что у меня нет отеля, да и город, куда я еду, совсем не знаю (меня, как жителя Москвы, кстати, тоже постоянно изумляет простота, с которой находят отели, действительно предоставляющие ночлег, а не отжим денег).

Офицер не просто меня позвал, он мне еще и место козырное занял — у окошка! Автобус довезет меня до Хоспета, последнего живого городка. И там встанет вопрос — хочу ли я в мертвый город ночью? Сажу сразу за заднюю дверь, рас-

крытой настужь. Немного жутковато, что вырону что-нибудь ценное во тьму. Там божественно пахнет и свистит на все лады ночное поле. Огней почти нет, только вдаль... В России за все лето бывает лишь пара таких ночей — теплых, со сверчками, запахом костра и сена... или просто надо чаще бывать в ночном? Кондуктор бродит по полупустому автобусу, и в качестве развлечения раскати-сто речитативит «кто здесь еще не купил билеты?!» — с таким нажимом в конце, что хочется оплатить еще раз.

Рядом со мной стоит потрясая красивая девушка. Уже немного стареющая, хотя едва ли старше меня. Так рисуют принцесс у Диснея — огромные глаза, идеально правильные черты лица. Божественно сидящее, хотя и очень простое сари, тяжелый узелок с вещами, бельмо на глазу, деньги в кошельке за пазухой. Крестьянка. Как ей сказать, что она прекрасна, особенно, когда улыбается? А на ступенях моей двери спит сидя пьяница, повиснув на поручне. И не боится выпасть.

Посреди абзаца вдруг выключили свет, пришлось достать мой фонарик и по-жужжать. Из темного салона лучше видно, по каким дивным местам мы едем. Между крестьянкой и моей соседкой-тетей (она, когда садилась, красноречиво выгнала от меня мужика, мол, нечего тебе, старый, с девушкой садиться, неприлично это) завязался очень понятный разговор:

— Куда она?

— В Хоспет.

— И это ее вещи? (мой рюкзак в проходе всем мешает, как всегда, но к этому относятся с пониманием)

Я вмешиваюсь, киваю.

— О-о-о! И как же это нести?! (ее чуть ли не 20 килограммовый куль, с бетоном, что ли, наверное, кажется ей удобнее в сравнении).

Мы с тетей синхронно, будто стюардессы перед полетом, показываем, как рюкзак надевается на плечи,

— И ты одна?!

— Одна. (глажу кота) С ним.

Я теперь хорошо вижу разницу между аккуратным сари и небрежным. Боюсь, мое никогда особо правильным не было. У настоящих — идеальные складки, ниспадающие, ровные. Их можно сравнить с отглаженными стрелками на костюмных брюках. Ткань обнимает талию, и расходится клешем у ног, край лоскута покорно ложится вокруг бедра, оттеняя и подчеркивая орнаментом покрой — не одежды, а самой девушки.

За окном показывают шикарное ночное небо в таких антуражах, что дух захватывает. А я в партере с попкорном. То есть с бесподобными свежайшими крекерами, на которые бесповоротно подседа.

В Картанакке мужчины поголовно жуют и плюют табак. Они похожи на священных коров и пахнут от них здорово — травой и специями. Правда, все окна автобусов снизу в красных подтеках, но в целом это не очень отталкивающая привычка.

Людей все меньше. Чувствую себя Тихиро, едущей на станцию Дно Болота. Судя по описанию LP, ласково назвавшей Хоспет «медвежим углом», это сравнение вполне уместно.

Стоим. Ночь. Соседний автобус отъехал и открыл картину-отгадку — жуткие скрежещущие звуки оказались металлическим баком, который мусорщик таскает по станции от кучи к куче. Без колес. На днище. Силен.

Стоим в километрах 15 от Хоспета, перерыв на еду. Так долго, что хочется спросить с интонациями Адель «любезный, это автобус, или гостиница?» Что-то мне лень тратить силы на поиски хостела ночью. Попробую обойтись верандой.

О-о-о, Хоспет — чудесный город! Абсолютно пустые улицы; коровы, собаки. Медвежий угол — это мягко сказано. Такое типичное поселение в пустыне. Еще из автобуса присмотрела отличную лестницу на балкон торгового центра; едва открылись двери, целеустремленно убежала, и ни один рикша не догнал. Решетка поднята, я проскочила внутрь, кинула вещи в угол, осмотрелась — даже комаров нет! На пол пенку, на пенку — спальник, на него — котика. Под котика нож, на случай, если не мне одной глянется это чудное место сегодня ночью. На ужин — фисташковое молоко, крекеры. На сладенькое — шарик. И спать!

3 декабря. *Hospet – Hampi*

Отличная ночевка! Прохладно, уютно, а из пластиковой бутылки от молока получилась прекрасная ночная ваза. И до станции недалеко!

Хампи встретил меня гомоном туристического района. Из-за меня тут же возникла стычка между рикшами; я рассудила, что победил тот, кто подскокил первым, хотя он предлагал немного дороже. И вот — пятиминутная прогулка и я живу в прекрасном двухэтажном домике посреди степи, наполненной святынями.

Единственное, что омрачает прекрасность существования — я уже потеряла феньку с именем, которой привыкла гордиться. Скользкая веревка, затянута была плохо... Ну, что поделать.

Тут сложно остаться одной. Городок крошечный, новые лица определяются сразу — а я к тому же пообещала себе нигде не лазить (ахаха) и надела сари. От

Жуткую смесь из семи животных я едва ли смогу нарисовать. Это вытянутая крокодил-лошадь, стоящая на львиных задних лапах, с изящной обезьяньей улыбкой держит свой хобот. →

гида я избавилась с тысячью извинений — но когда мне показывают места, которые я могу найти сама, они теряют половину прелести. Влезла на теплый холм, рисую. Ушлый дядя-монах в причудливых одеяниях настойчиво предложил его сфотографировать, а после дал тетрадку, попросил вписать туда мое имя, страну и сумму donation. Я добросовестно написала: Ginger, Russia, 0₪.

После некоторых усилий удалось оказаться в относительном уединении. Все кучкуются возле двух-трех особо важных храмов, а остальные степи пустуют. Фотографировать можно до бесконечности, а вот рисовать тяжело — все такое геометричное, потрясающее именно светотенью и цветом, ручкой и корявыми руками не передашь. Какие все же молодцы были древние! Позаботились, чтобы их потомкам было на чем рабывать.

Да, эти ребята точно не были ленивыми. Высекать из цельного камня такие громадины! Ганеш в натуральную величину — то есть со слона ростом! — сидящий в скальной «пещере», выдолбленной от и до... Это как слоник, внутри которого слоник. Только ростом с камаз.

Вход в храм стоит 2₪, фотографирование — 50₪. Вот так и отсеивают туристов от верующих. Отличный способ.

Сюрреалистично смотрятся юркие боннеты, гроздьями висющие на руинах. Невозможно поверить, что это не рисунки, не декорации к фильму о Маугли, а действительно город.

В хостеле очень славная общая зона — обширная веранда под навесом, везде разбросаны цветные подушки и матрасы, стоят низкие столики (ящики из-под соков), яркие рисунки по столбам. Можно заказать себе коктейлей или еды почти в любое время — кухня тут же, за небольшой занавеской. Тут потрясающий, обалденный thali! Возможно, лучший за всю поездку! Смесь жареной цветной капусты и фасоли в стручках, чего-то свежего и острого и горячие тандырные лепешки... Сари опять стало мало.

← Рисунки потрясающе живые. По барельефам можно учиться рисовать.

← Полуобъемные барельефы особенно сложно рисовать, потому что очень трудно передать на бумаге задумку автора и то, что ему это не удалось.

Снаружи невероятная жара; на крыше можно валяться и сибаритствовать. На стене внезапно рядом с закатным Гоа — пейзаж русских березок в снегу. Для местных, должно быть, дико экзотично. Судя по тому, как хихикает веселая дредастая парочка в углу, мне не показалось, и косяк они сворачивают не из простого табачка. Местные постоянно воют с обезьянами — гоняют по крышам, тыкают палкой. Ну да, странно, что они еще не унесли подушки и пепельницы себе в гнездо.

Строго сказала себе, что нельзя эти прекрасные два дня просидеть в интернете, сама себе скорчила окей-фейс и пошла гулять. Уже третий раз пересекаюсь на узких тропках с темноволосым парнем. В первую встречу спросила его про браслет, во вторую он опять огорченно помотал головой, посмеялись — я скоро стану известным местным призраком, который бродит по руинам в поисках своего утерянного сокровища.

Пойду пока на вершину, зачекинюсь. Есть тут один, самый высокий, холм и храм на нем...

О-о-о! С нее вид не только на мою часть долины, но и на другую сторону! Бескрайние пальмовые леса с проплешинами степных участков, точки людей и постройки — такие монументальные вблизи, такие незначительные

отсюда... Вообще с расстоянием глазомер сильно подводит. Влезаешь — и высота перестает казаться огромной. Зато если чуть-чуть скользнет нога на гигантском камне — ладони мгновенно взмокают. Тело все-таки понимает, что одно неверное движение — и мы внизу чуть быстрее, чем планировалось.

Камни прочные, огромные и немного округлые — порой неясно, где начинается отвес, от которого уже нет возврата... В полуразрушенном храме туристическая активность — бродит монах с дудочкой, на крыше две девчонки, похихикивая, принимают йогические позы. Спускалась я одна, с другой стороны. В направлении, вообще-то противоположном дому. Вместе со мной спускалось солнце, а я вспо-

минала советы LP не бродить в одиночку по степям, где ночами приходят медведи и обезьяны. Задумалась над этим, отвлеклась — и вдруг соскользнула вниз на пару каменных ступеней, ободрав ногу. Лестницы, как таковой, нет, только набросанные каменные блоки и вырубленные в крупных камнях насечки. Подержалась за камень, отдышалась, потеряла ушибы. Петляющая лестница (и тропа) делала в этом месте впечатляющий разворот, а еще тут полно расселин, способных вывернуть ногу наизнанку... дальше я шла о-о-очень осторожно.

Потом я добиралась по уже темнеющим пальмовым рощам, вдоль виадука, спугнув в полях каких-то мелких животных... Сажу на своей уютной крыше, доедаю острую картошку — японка оставила целую тарелку, почти не притронулась, а мое желание бескорыстно спасти блюдо от гибели было встречено официантами с пониманием. В моей комнате комариные кущи; выкуриваю их одновременно спиралью и электрическим фумигатором. И маленькие зажженные лампочки над каждым столиком так здорово отгораживают каждого в его собственном уютном мирке...

4 декабря. Hampi

Вчера договаривалась про велосипедную прогулку, сегодня вернулась и поразила гида своей беспринципностью, когда сказала, что 350₹ все-таки дорого. Он так расстроился, что даже вернул мне мои 100₹ задатка, после чего я сказала «окей» и развернулась. Конечно, диалог после этого пошел бодрее, и мы сошлись на 250₹ и условии, что я никому об этом не скажу. «Другие не спрашивали скидку, вы спро-

На веранде все сидят со своими электронными девайсами, только мы с соседом, переглянувшись, олдово уткнулись — я в бумажный дневник, он в бумажную книгу →

← Эти девы встречали короля, раздетые в специальные одежды. Опечатке верить. А после традиция была увековечена в барельефе, ведьма, надо сказать, рельефом.

← Наконец-то увидела баффало вблизи! Полтоны волшебства и грации.

← Еще один барельеф.

силы, я дам. Но не портьте мне бизнес!». После он все выпрашивал, кто это мне сказал, что цена высокая; назвала первый попавшийся соседний отель, он покивал задумчиво: «а, эти негодяи могли, да»

Так странно думать, что у меня сегодня настоящий гид.

В принципе, эти грациозные храмы не так уж и невозможны. Дать ремесленникам денег, собрать их десятки... сейчас можно к тому же использовать разные электропилы, а глыбы ворочать специальной техникой. Главное не спешить. Если каждый день делать по кусочку работы, за несколько лет можно сотворить потрясающие штуки, которые будут изумлять людей, как эти храмы. На что люди на самом деле тратят свои «бесценные» годы жизни? Сегодня как-то впустую, мне кажется.

Когда показывают незаметную тропку, а за поворотом — ту самую, знаменитую местную статую, которая фигурирует на всех открытках, становится даже немного обидно. Вот ты где! За этим и нужен гид.

Мимо проходили пышнотелые белокожие девушки очень гламурного покроя, с капризным выражением лица: «Са-а-аш, ну встань, я сфоткаю». Гид, проходя рядом со мной, фыркнул «русские!» с непередаваемой интонацией. Я его понимаю.

Интересно, зачем они откопали подземный храм? Столько лет был замечательным темным лабиринтом, а теперь обычные наземные руины, одни из многих, и на солнце бросаются в глаза изъеденные временем и сыростью стены. В него заливается зеленая речная вода, ложится зеркалом на пол — из-за этого стены кажутся бесконечно продолжающимися вверх и вниз. Темперу бы сюда! Акварель! Тени на камнях, щетинки на мордах огромных вальж-ных баффало, глубокая синева неба и красный песок, испещренный следами, блики светотени на смуглой коже и сине-зеленое стекло бутылок, громоздящихся на телеге...

Наконец-то увидела баффало вблизи! Огромный, кожаный, черный; будто изваян из камня, с точеными суставами и потрясающей раскраской морды, загнутыми рогами, будто приклеенными к спине. Словно целиком вытесан из одного куска. Мохнатая морда, воловий «пушистый» взгляд... И ужасно пугливый, прямо заячий характер. Пока я подходила не спеша (полтонны, рассердится — затопчет), он смотрел на меня неотрывно, угрожающе. А потом вдруг подумал про меня что-то нехорошее, запаниковал и ломанулсЯ сквозь кусты, задрав голову; споткнулся, чуть не упал в канаве, шархнулсЯ через посадки, едва нешиб дерево...

Индийские раскопы понимать намного проще — их жизнь не так уж сильно изменилась. Такие же храмы и коровники и сейчас строят из того же самого

камня, похожие обряды сопровождают теми же ингредиентами и инструментами — нет ничего сложного в том, чтобы вообразить себе древнее хранилище аромасел на месте руин или слоновье стойло.

Например, королевская купальня — ныне просто пустующий резервуар, иссушенный солнцем. Но стоит прищуриться, убрать некоторые детали — и под речитатив гида начинаешь видеть, как она наполняется чистойсЯ водой (для каждого купания — свежей), как в сверкающую воду наливают ароматические масла из кувшинов, как бросают в нее цветы лотоса — это делали специально отобранные девушки, обладающие даром пения и танца; они должны были улаждать слух и взор царицы во время ее омовений...

Судя по глубине водоема — три метра — царица, в отличие от сегодняшних индусов, умела неплохо плавать. Современные школьники тайком вырезают свои инициалы на податливой штукатурке бывших царских апартаментов. Варвары одинаковы во всех странах.

О! А вот и второй тип распространенных тут обезьян — с королевски вздернутыми хвостами, черными мордочками в обрамлении светлых косм. Огромные! Жутковато и очень красиво. И сколько их! На крышах везде хвосты.

Весь день отчего-то встречаю драки и склоки. На рынке две торговки, подбоченьсЯ, орали друг на друга весьма выразительно. Потом видела мужчину, который в отчаянии посреди разговора схватил песок из-под ног оппонента и кинул его с размаха обратно. Целая группа подростков давала друг другу весомые тычки и зуботычины. А под конец меня уговорили дать пару уроков русского языка для владельца моего хостела и его друга. Так они никак не могли договориться, что у меня спрашивать, по очереди бросали в сердцах ручку на пол и уходили, чтобы вернуться от самой двери. Помимо этого, кстати, выяснили, что я совсем теряюсь при попытке преподавания родного языка. Зато заучили такие понятия, как «король», «слева,

← Я буквально на колени упала перед витриной, где выставлялись потрясающие рисунки, яркой температурой набросанные на старых открытках. Выпросила скидку на самую простенькую открытку, показала дневник, объяснила, что она станет жемчужиной моей коллекции. Неру пролистал мою тетрадку полностью, залипая на картинках, поднял на меня глаза и предложил подарить дневник в обмен на любую из его картин. У него, оказывается, тяга к рукописям. Пришлось вежливо выкручиваться.

справа» и фразу «тело человека, голова льва». После склонения слова «метры» у меня взорвалась голова от попытки слушать, понимать и переводить, так что я вырвалась и ушла гулять.

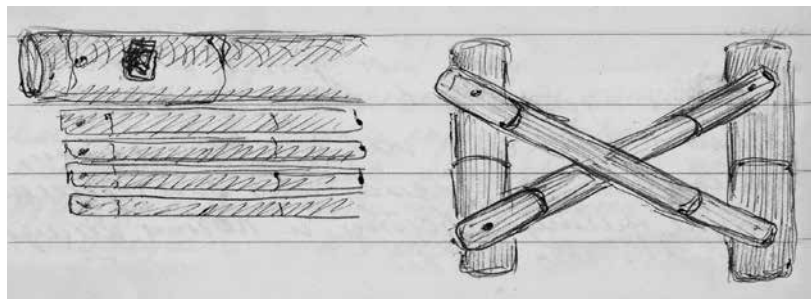

Ближе к ночи ребята из хостела, которых я учила русскому, как и обещали, повезли меня ужинать — не в своем ресторанчике, а прямо в настоящий город. Ведем прыгучую беседу об автобусах, городах, языках, странах. Они с пониманием относятся к моей привычке строчить — просто начинают общаться между собой, пока я записываю — и с терпением слушают мой ковыляющий английский, радостно кивая, когда удастся донести до них свою мысль. Внезапно парень очень грустно спросил, помню ли я его имя. Пришлось признать, что ни хрена. Но я на-

ходчиво ответила, что затем и веду дневник, что плохо запоминаю. Посмеялись, записали мне имена на память.

Раджи спросил, видела ли я их колесницу, самую известную достопримечательность — и вдруг набросал мне ее с большой точностью.

Я пила чай. Парни, спросив разрешения, делали себе коктейли из рома с колой. Под конец я совсем перестала понимать Рагу, который говорил слишком быстро; так что его друг, закулив, стал обстоятельно мне толковать: «Ты очень не похожа ни на индийских, ни на русских девушек. Поверь, я насмотрелся их за эти десять лет. Ты получаешь удовольствие от жизни без наркотиков, без алкоголя. Ты знаешь мало английских слов, но я могу понять тебя без проблем. Ты действительно интересуешься нашей страной — такого я еще не видел. Рагу — мой хороший друг. Он обещал никогда не жениться, у него свой бизнес, и он отличный драйвер. Он предлагает тебе свою жизнь».

Кровать внезапно оказалась из бамбука. Полезла под нее за закатившейся расческой, а она вся собрана из палок разной толщины. Красиво и эргономично, кстати, прямо жаль, что ее не видно из-под линиялого матраса. →

Все это было, конечно, разбавлено шутками и тычками со стороны покрасневшего Рагу; мы немного сместили тему разговора на их дружбу, и я почувствовала себя дома.

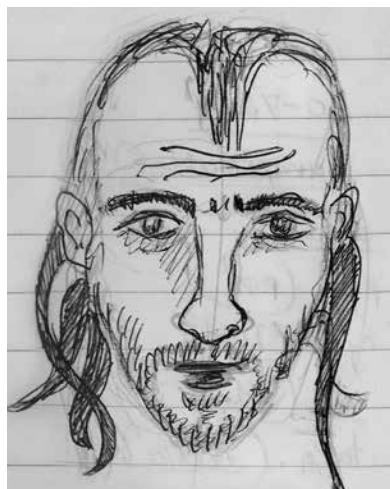
А еще они научили меня курить биди, горькие сигаретки местного пошиба. Во-первых, у них, как у сигар, отламывают и выплевывают кончик (сходство в том, что и те, и другие палочки смерти обматываются настоящими листьями поверх табака), во-вторых, ее нужно обязательно размять. А еще — вот что я делала правильно с самого начала! — их курят со сладким. То есть реально сыпят в рот ложку местного сахара, а потом в него курят!

6 декабря. Hampi

Это не пропуск даты. Просто у меня началась активная местная жизнь, не было времени на записи. Я в третий раз попыталась дойти до площадки с древними купальнями, хорошо видными с холма — до этого я, целеустремившись, все время натывалась на что-то более интересное и до них не доходила. Теперь я твердо решила закрыть гештальт, а по дороге подцепила того самого парня, с которым мы смеялись про мой потерянный браслет и будущую приведенческую славу. Дэвид из Барселоны, по-английски не говорит, примерно, как и я; мы протрелились все пять часов прогулки. Он сказал «Адьюс!» своему боссу из пиццерии; тут ходит к учителю, который помогает ему освоить искусство обработки камня, а еще дует, гуляет и отсыпается.

Вчера на вечернем уроке русского Рагу на правах предложившего замужество почтительно размял мне плечи, а с Раджи мы боролись на подушках и

имитировали армрестлинг. Мне пришлось использовать обе руки, чтобы победить; когда обиженный Раджи обозвал меня читером, я пожала плечами — у меня простое правило, я должна выиграть.

С Дэвидом мы смеялись, что мой «Indian husband» убьет его, если увидит, поэтому нам следует быть осторожными со встречами. Потом он хитро улыбнулся и сказал, что у турецкого мужчины может быть столько жен, сколько он сможет прокормить, а у русской девушки — столько парней, сколько она сможет развести по времени.

Сегодня Рагу повезет меня смотреть водопады, а вечером мы пойдем с Дэвидом смотреть закат с того самого высокого храма. А пока мне просто хорошо на утренней солнечной крыше; я рисую плакат-письмо «за что я люблю Индию», чтобы порадовать художника Неру — подарю, когда забегу к нему рассказать, что все-таки смогла встать в шесть утра и увидела, как моют храмового слона. Куплю связку

бананов и буду скармливать их шкурки меланхоличным местным баффало. Снова окунуть в чистую реку прямо в одежде, а потом обмениюсь штанами с Дэвидом и буду щеголять в его клетчатых алладинах, пока он прыгает в одних плавках по камням и крутит яркие ленточные пои. Поднимусь еще раз в храм на горе, отыщу там сурового, одетого в черное монаха — учителя флейты; он снова улыбнется мне, похвалит сари. Утром помогу служителю заваливать на бок и поливать водой послушного слона, днем буду пугать обезьян от мансарды. Поживу тут обычной местной жизнью. Два, может, три дня. Забуду про свой вечный побег. Спасибо, Хампи.

P.S. Дэвид в какой-то момент вдруг посерьезнел и сказал: знаешь, я езжу с моими друзьями, но у них в последнее время сплошные проблемы. Я бы с удовольствием от них отделился.

В общем, мы купили два билета в Хайдерабад.

Индия. Книга Странствий
Часть вторая,
приправленная холодом, севером и Непалом.

Краткое содержание предыдущей книги. Я прилетела на юг страны, в Три-вандрум, и была, конечно, шокирована. Грязью, детьми, шумом, дешёвизной, едой. Через пару дней я прибилась к ашраму Амриты, где начала потихоньку привыкать к местному укладу. Узнала, как разбивают кокосы и как руками едят thali, медитировала на пляже, а ночами в качестве добровольной работы мыла храм.

После того, как я вырвалась из удушливого благочестия ашрама, меня встретили туманные чайные поля высокогорных Ути и Муннара. Там я познакомилась с домашним, уютным йогом Биноем, который ждал меня в хостеле с неизменной чашкой чая. После головокружительных прогулок по серпантину я отправилась на побережье, в крошечный Пондичерри, наполненный истинно колониальной тишиной. После пересадки в бестолковом, крупном Банглоре попала в город махараджи Майсур, где даже на огромном рынке можно найти чистый и приветливый уголок, чтобы отдышаться. В Ваянад я прикатила в недобрый час череды местячковых праздников, парализовавших транспорт — но я поборолa проблемы и с жильём, и с перемещением, отдышалась после стремительного бегства в Манглоре с сетью запутанных улочек и долго не могла себя заставить бросить приморские деревушки Удупи с Гокарной. В Удупи я стояла прямо посреди храма и наблюдала благословения слоном. Гоа оправдало мои ожидания и оказалось переполненным цыганским табором с худшими представителями русского, немецкого и прочего туристического люда. Загадочный Хампи же подарил мне неделю релакса среди огромных камней и спящих храмов, а ещё друзей — индийские побратимы Рагу и Раджи остались ждать меня в гости, а с барселонским поваром-панком Дэвидом мы продолжили путь.

Ночь выдалась чертовски холодной. Посреди нее Дэвид толкнул меня: «гляди, водитель сидит в одеяле». Мы тоже завернулись в спальники, обнаружили попутно, что оба используем «Декатлон +20». Дэвид упорно называет его «Декартоном», мотивируя словообразование невысоким качеством. Многие слова в русском и испанском гораздо более схожи, чем такие же в английском.

Мы въехали в штат Андара Прадеш. Здесь носят теплые платки и арафатки, особенно вечерами, а чай пьют крошечными обжигающими наперстками по 5₹ порция. Очень много мух — они шевелящимся ковром покрывают стол, стоит отвернуться. Хайдерабад оказался грязноватым мегаполисом; впрочем, мы зашли через черный ход и до открытия. Возможно, чуть позже он принарядится и покажет себя.

Город дешевых и дурных вещевых рынков. Я обрастаю красненьким — браслеты, украшения на шею, некая странная стеклянная подвеска на плечо.

Впечатления от совместной поездки смешанные. С одной стороны, приходится аргументировать многие действия, которые раньше были автопилотными. С другой, Дэвид оттягивает на себя всех, кто хочет со мной пообщаться — причем делает это радостно, возбуждая еще большее любопытство своим щенячьим восторгом от каждого встречного. Изображать леди при этом любопытно. Когда ко мне кто-то обращается, я ищу взглядом husband'a, который сейчас придет и разберется. Обычно одного вида обросшего, длинного Дэвида, тащащего с собой разбитый барабан (выпросил в лавке), достаточно для завершения любого разговора.

Изобретаем массу безграмотных интернациональных шуток. Обезьяна по-английски monkey, по-испански mono. Смеемся, что two mono-monkey is stereo. В меню, наполненном странными названиями, нашли «chicken 65», решили, что это вегетарианское блюдо, так как курица в его составе умерла от старости.

← На рынке отыскали котловое счастье — длинные блестящие зеркала на нитке, дающие сотню зайчиков на полу.

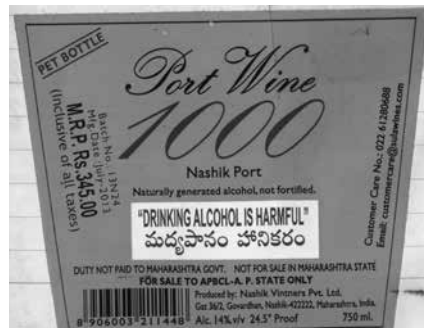

← На кассе выдают билетик, который можно обменять у официантов на чай.

9 декабря. Hyderabad

Великий день — отсканировала дневник, отослала вторую порцию подарков. Дэвид терпеливо ждет меня на почте; я бы давно плюнула, таким внезапно долгим и муторным оказалось это мероприятие. Отсеяли половину вещей: контроллер просто копался в пакете, выбрасывая мне запрещенные предметы, я еле успевала их ловить и откладывать. У меня в итоге остались объектив («Стекло нельзя»), штамп («Металл запрещено»), ракушки («Естественное происхождение»). А самая главная обида — запретили посылать мой дневник! На вопрос «что это», я его неудачно пролистала — листья, песок, ткань... Оглядев лежачие неясных порошков и явно растительных ингредиентов, почтари в один голос заявили «no possible!».

А вечером нас обоих ждали проблемы. Я, оказывается, где-то оставила флешку с сохраненными фотографиями из поездки, а Дэвид с изумлением узнал, что его аккаунт в банке заблокирован.

мадам, пожалуйста! Моя мать в больнице, если ей не сделают операцию, она умрет! Я так переживаю, пожалуйста, мне необходимо вино, чтобы забыть об этом!»

10 декабря. Hyderabad.

Флешечка моя нашлась в пакете с дэвидовским сарунгом. Про банк пока не говорим. Надеемся, что тоже рассосется.

Уличные торговцы демпингуют, выставляют фикс-прайс: сок по цене чая, чай по цене воздуха. Мы едем в Голконду, самую известную местную крепость. Она и впрямь потрясает своими размерами. Выстроена на скале над

городом, поэтому когда муэдзины начинают перекличку, слышно их всех одновременно, с разных концов и районов. Огромные камни будто сами собой прорастают башнями и стенами. Посреди длинного подъема мы с Дэвидом наконец-то смачно поругались, с русско-испанским темпераментом — он по-прежнему хотел от местных общения, а мне надоело, что меня постоянно дергают для совместных фотографий и мешают рисовать. В процессе ругани я отдохнула и стала улыбаться с большей охотой, а Дэвид расплился и стал рычать «ten rupies per photo!». Обсудили курьезность смены ролей, поржали и пошли искать viewpoint.

Пока из всего увиденного меня больше всего впечатлила комната с летучими мышами. Темно абсолютно, но если сфотографировать со вспышкой, видно, что потолок в точечку. Эти несметные точки — глаза. Весь потолок шевелится, жутковато. И запах... откуда их там столько, интересно? Орут.

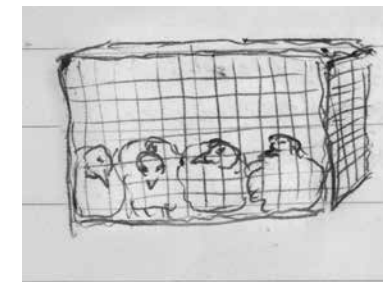
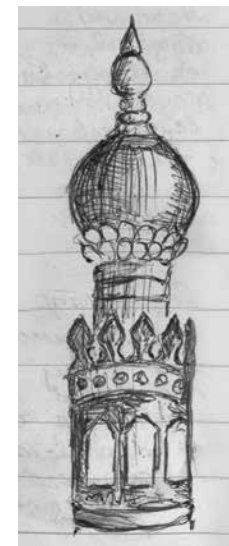
Гуляем, стоит остановиться, как нас облепляют туристы. Что неудивительно — они пришли сюда празднично плянуть, и им по сути все равно, на что. Тем более, что древние камни уже никуда не денутся, а фотографироваться с иностранцем даже интереснее, чем величественно посрать с башни.

Дэвид стал отвечать, что он из Непала, а я, грубая русская, на правах «чьей-то леди» вообще игнорирую тех, кто мне не нравится. Не люблю туристов.

На точке, торгующей липким тростниковым соком, предприимчивый продавец прикрепил полотенце к колесу постоянно вращающегося пресса. Оно со страшным хлопаньем летает вокруг, и как результат — ни одной мухи в поле видимости. Супер!

Когда спрашиваем дорогу, ребята отвечают «но это же ПЯТЬ КИЛОМЕТРОВ!» с такой интонацией, словно ходить пешком смертельно опасно. Но мы ничего, рискуем.

Купила бутылку страшно горького и вонючего сиропа от кашля; пообещали, что если пить его трижды в день, организм передумает болеть. Верю.

← С курицами тут обращаются, как с неживым предметом. Их грузят по десятку штук в узкие клетки, возят громадными штабелями и стругают возле магазинов. Кажется, их вообще не выпускают никуда, кроме как под нож.

Прочитала Дэвиду пометку «не содержит наркотиков», тот изобразил крайнюю досаду.

Здесь чертовски много имбиря кладут в чай, отчего он делается кислым, терпким и почти несъедобным (приписка на полях: спустя два дня привыкла).

Мои проблемы саморассосались, а Дэвидовский банк все еще чудит. Так что Дэвид качается, как маятник, от отличного путевого настроения до глубинного отчаяния, в котором он яростно выругивает все свои проблемы: отсутствие Wi-Fi (не наладить онлайн-банк с телефона), родителей, которые не могут выкроить часок на сына и послать ему его же деньги, города, орущего на все лады и не дающего сосредоточиться. Решили, что ему нужен международный телефон, а мне — еды и погулять, так что лучше разделиться. По дороге нашла какой-то местный ресторанчик, очень для своих, ткнула наугад. Оказалось, что рауа — это вполне съедобная похлебка из козьих ножек. Правда, в моей тарелке лежала лишь одна, без никакого намека на мясо — сустав и кожа. В супе плавала мята, гвоздика и что-то еще малосообразное; но я съела почти половину. Кажется, остатки выльют обратно в огромный кипящий кан; но при такой температуре бурления и обилии специй это неважно.

Дэвид посмотрел, какую печальную картину я с него нарисовала, и попросил вообще больше его не рисовать.

Я вернулась домой затемно и нашла дверь закрытой. Диван в фойе был удивительно мягким и уютным, я отрубилась почти мгновенно и выпалась бы отлично, если бы хостел-мастер не будил меня дурацкими расспросами, что случилось и где мой husband. Дэви появился в десять, поведал моему спящему телу в форме монолога что-то про учителя и компьютерные классы, где можно переночевать, оттащил меня наверх и плюхнулся рядом. В сон я вплывала, испытывая непрерывное наслаждение от того, что в меня наконец-то перестали говорить.

11 декабря. Hyderabad

Понутру мы с вещами поскакали в удобный центральный офис некоего местного бизнесмена, который предлагает ученикам набор современного чело-века: уроки английского и компьютерная грамотность. Нас приспособили поговорить по-английски со студентами (насколько я понимаю, это было в рамках «посмотрите, вот ребята не учились, а теперь мучаются»).

Вечером в каком-то наркотическом угаре покупок заскочила на рынок, не глядя вцепилась в покрывало, отдала за него две сотни даже не торгуясь.

Наконец-то я научилась твердо врать «Да!» на вопрос, ду ли я спик инглиш.

Интересно, что за всю поездку я ни разу не встретила испорченную еду. Как им это удастся? Ни скисшего молока, ни испорченного риса, ни прогорклой каши... Ведь бактерии тут отнюдь не дремлют, набрасываются на все подряд. Удивительно.

Мир слушает твои просьбы. Не нужно думать, что он глух. Просто формулируй конкретно. Я хотела, чтобы у Дэвида кончились проблемы, и он оставил меня путешествовать одну, как я привыкла — так и вышло. Мы купили два билета на ночной поезд, но в последний час ему пообещали, что завтра пришлют денег на Western Union в этом Хайдерабаде, поэтому уехать сегодня никак нельзя. Так что в город катакомб я еду одна.

В поезд вбегала с действительно штурмовым настроением, поэтому отвоевала себе целую полку. На нее, правда, было трудно покуситься — в середине дыра. Металлические арматурины и то умудрились выломать. А у меня пенка. Соседнюю полку занял парень, кривой на один глаз. У нас с ним отличный бессловесный диалог на движениях бровей:

— Упадешь ночью.

— Я крупная, не пролезу.

(перепрятала сумку с деньгами-документами из рюкзака на пояс)

— Что у тебя там?

— Документы (показываю) и нож, если они кому-то нужны.

— Молодец, вот это правильно!

Тетенька в сари пытается накормить детей. Один послушно глотает предложенный рис, а второй намертво залип на пишущую белую тетю на втором этаже. Мама, отчаявшись его отвлечь, плюнула и сунула ложку с едой в открытый рот.

В Индии встречаются такие странные людские вариации. Взрослые уродства, как они доживают-то до такого возраста? Человек-паук, ходящий почти на четвереньках, с тончайшими ногами — рахит? Парень без нижней челюсти (без кости, но с губами). Девушка без одного глаза — не выбит, так и было. Дед с зубами наружу, больше чем на сантиметр...

← По улицам ходят карикатурные, неправдоподобно-фактурные нищие. Детей так рисуют в мультиках типа «Расмус-бродяга», в постапокалипсисах вроде «Семиструнного самурая» и «Водный мир» — загорелые, пыльные, потрясающе красивые; с дредами вместо волос и шикарными обносками вместо одежды. Невозможно поверить, что это реальный человек, а не загримированный актер.

О-о-о! Торговцев нужно записывать, в аудио! Этот музыкальный речитатив нельзя передать, многоголосый шум вдруг пререзает «чай, чай-чай-чай-чай!» — как решетка, отрезающая небольшие кусочки пространства — ча-ча-ча, а и-и-и нужны для пауз. Или вдруг печальное, густое, как крик одинокой ночной птицы: «Айскрым... айскры-ы-ым». Ужасно красиво.

Дети тянутся к родителям, потом к продавцам — обменивать выключенные копейки на цветные острые орешки. Я сытая, довольная, сонная, жду отправления. Сегодня днем думала: вот как я вернусь домой? В свой стерильный серьезный мир? Если для меня привычны эти яркие тряпки, и я издалека по узору могу сказать, сари ли продается или мужская туника, покрывало или рубашка. Я могу протиснуться в темном кафе в гущу галдящих местных и не чувствовать себя при этом странно — но смогу ли я ощущать себя дома в мире, еще недавно бывшем моим?

Хайдерабад запомнился мне. Это был, пожалуй, самый индийский из всех встреченных городов. Тут настоящая современная Индия. Орды нищих на вокзалах и рынках, много безвкусных тряпок, огромное число ларьков с вещами для детей, масса блестящих украшений почти даром, бесконечно красивые девушки, пробки, переполненный транспорт, много вкусной и разнообразной еды. Грязно, залито мочой, покрыто пылью и мухами. Фруктов огромное море, у рикш не всегда работает счетчик, зато тебе всегда поулыбаются и предложат — неважно что, но очень настойчиво.

12 декабря. *Aurangabad*

Мы все едем и едем. Я выпалась на удивление хорошо на своем насесте, и никто меня не будил, даже тапочки не сперли. Мимо тянутся бесконечные поля, двое детей бесят от скуки и жары, томлюсь — билеты никто не проверял (зачем покупала?), кондукторов нет. Как бы проверить, куда я еду...

Аурангабад — огромный, неправдоподобно разросшийся поселок. Нет в нем никакого old town, это все выдумки авторов из LP; он весь равномерно покрыт мухами, солнцем и пылью; зато приветлив. Рикша взял за доставку к отелю символические 10₹, потом свозил бесплатно к банкомату. На улице строгого вида полисмен решительно остановил меня, чтобы вежливо, но непреклонно спросить, все ли у меня хорошо и не поймать ли мне водителя. Женщины улыбаются, обсуждая сари, мужчины солидно делают комплименты. От дома до жд-станции сотня метров, до автостанции — аж два километра. Блудиться в городе негде, смотреть тоже особо нечего.

Удивительно, что при всех этих поездках по грязи, в Индии ты не пахнешь ничем плохим. Одежда — пылью, стиральным порошком, благовониями. Лицо — аромасмалами, кремом, мылом, немного специями. Руки — коркой апельсина. Все вместе — солнцем.

А над всеми буераками и мусорными полями городка гордо реют десятки дешевых воздушных змеев. Дети, в общем-то, в любых условиях умудряются искать себе развлечения.

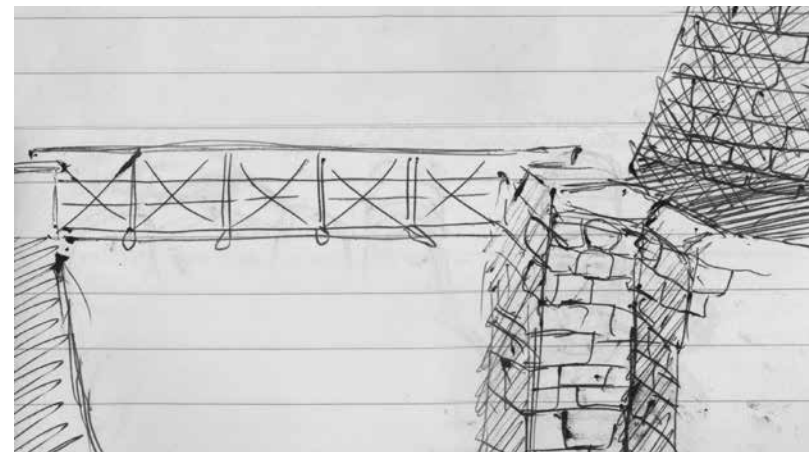
В Индии разрешено все, что не запрещено — за это я ее и люблю. Страна победивших неформалов. Сегодня сторговала феньку за три рупии вместо пяти. Ну, не было у меня больше мелочи.

13 декабря. *Aurangabad – Daulatabad – Ellora*

Давно я так потрясюще не спала. С утра, сладко потягиваясь, полчаса ласково уговаривала себя встать, а то неловко заставлять ждать пещеры с многолетней историей. В кафе неподалеку с домом подозрительно долго несли заказанные бутерброды; заглядываю к ним на кухню, вопрошаю, где еда. А мне говорят, ну нельзя же вам старые. Вот, новые делаем. Скоро уже.

Кашель стал постоянным спутником, мерзкий сироп не спасает. Тут все кашляют — пыль. Забывается в глотку, заставляет выкашливать легкие.

К скальному городу я приехала довольно рано, но толпы школьников приехали еще раньше. Это немного портит общую расслабленную атмос-

феру, но даже с ними Давлатобад прекрасен. Огромная крепость, невольно напоминающая «Две твердыни» из эпопеи «Властелин колец». Развалины с кучей потайных ходов, весьма неплохо сохранившихся; огромные чернотищые обезьяны, без страха (и интереса) бродящие прямо у тебя под ногами; солнце, пробивающееся сквозь хитрую систему прорезей, огромные деревянные двери с шипами, остатки эмалевых украшений в отдельных комнатах...

Комната с тысячько летучих мышей в прошлом замке была подготовкой — теперь меня ждут сотни метров подъема в темноте с мохнатым, шевелящимся и попискивающим потолком. Я решила проблему просто — не свечу и не смотрю наверх. В конце концов, у них неплохо с координацией движений, и на меня они не налетают...

Если застрять на одном месте, уже познакомившиеся школьники убегают наверх, а им на смену приходят новые. Повторяется праздник «ну-ка все вместе молча поразглядываем ее дневник», «давайте самый смелый спросит ее страну и имя» и, конечно, бесспорный хит «все хотят фото с белой леди».

Десятки крошечных, карикатурно-быстрых бурундучков обсиживают двор, собирают крошки чипсов, сыплящиеся из школьников, как манна небесная. Бурундуки легкие, тонкие, стремительные — для них не существует вертикали и горизонтали, во всех направлениях они бегают одинаково шустро.

Тетеньки в сари последние ступени преодолевают на четвереньках, со смехом. На самой вершине — пушка и обзорная площадка. Когда не существовало спутников, дозорный в таком месте мог предопределить ход осады — сверху видно каждый камушек, до дальних холмов местность плоская, как стол, а редкие деревья дают красивую узорчатую тень, но абсолютно не скрывают то, что происходит под ними.

Я залезла, конечно, во все колодцы и комнаты, которые нашла, в надежде отыскать нетуристические ходы. Однако, кажется, сквозная дорога наверх и впрямь была лишь одна. Какие же тут ступени! Огромные, мшистые, насколько хватает глаз — камень; лишь иногда над головой блеснет лоскут синего неба.

Становится жарко. В восемь, когда я ехала, было не больше +10, и моя легкая дупатта (полупрозрачный газовый платок) едва спасала от холода. А сейчас солнце давит, заставляет думать о правильности политики послеобеденной сестры.

По дороге с вершины встретила местную крестьянку. Незнание английского не мешало нам общаться.

— Namaste, белая девочка. Красивый форт, правда?

— Да, потрясающий! Только жарко.

— Жара, да. Будет еще жарче днем. У тебя вода есть?

— Есть, вот.

— Да? Мало что-то... А то я как раз за водой, пойдем, покажу. Красивое место.

И отвела меня в небольшой отворот за основную лестницу. Там оказался прекрасный грот в бетонной оправе — черная глубокая вода, по стенам спускаются воздушные корни деревьев. Заставила меня вылить мою воду, набрала мне свежей. Поскольку свою я все равно нашла по дороге и в чистоте ее сомневалась, сопротивляться не стала.

Крестьянка оказалась довольно хитрой — после обряда водонабора проводила до местного святилища, показала мне коробку для приношений: мол, смотри, здесь до тебя были из разных других стран, оставляли деньги. Например, вот: протягивает мне красивую купюру. И говорит, мол, дай тоже что-нибудь богам на пропитание, взамен этой денежки. Я дала 20₹, а потом она потянула красивую бумажку к себе — мол, дай, покажу что-то. И забрала ее насовсем. Эх. Ну не драться же.

На выходе пересеклась с огромным потоком школьников. Их гнали в горы, как коз, покрикивая на отстающих. Бедные летучие мышки, если к ним вломится вся эта орда...

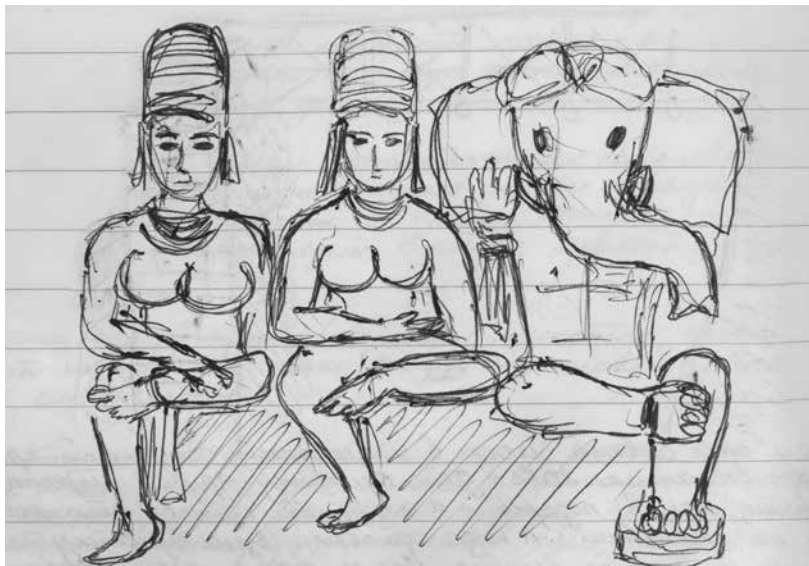
В кафе на остановке автобуса отбилась от торговцев фенечками, сделала заказ и отошла купить фруктов. Парень с кухни увидел, что я пытаюсь всунуть огромную папайю под кран для мытья рук, замахал на меня. Отобрал, помыл, порезал, вычистил косточки и подал на блюде; половину, которая не поместилась, завернул с собой в пакетике. Вот это сервис!

После прекрасного обеда попыталась поймать автобус, но меня как-то разморозило. Два ушли прямо из-под носа — я их путаю со школьными и не успеваю махать, а движение тут плотное, все происходит стремительно. Ребята на остановке вызвались мне помочь, попутно пытаюсь втюхать мне открытки, сувениры, бусы и карты, а также посадить на туристический bus. Впрочем, после разъяснительной беседы о прелестях безденежного существования прониклись и поймали для меня джип — горная разновидность маршрутки, по стоимости почти совпадает с автобусом.

← Это надо рисовать маслом. Поблескивающая антрацитовая вода, будто сама ночь спряталась здесь от жарящего солнца; белые могучие корни, держащие серый, крупнопористый камень...

Иногда их скульптуры выглядят издевательством. Сидит линия прекрасных нимф с пафосными лицами — небось, какие-нибудь аватары Парватти, жены бога. А в конце бац — чебурашка-Ганеш с простодушным видом в той же позе, мол, привет, ребята, а я тут типа почти случайно. →

Изображения потрясающе живые. Мне никогда не удастся передать и половины их игривости — основная прелесть состоит в недосказанности, игре теней на грубом камне, превращающем пористый и не особо изящный материал в теплый, словно тело, пластичный.

Пещеры Эллары — это огромное поле со скалами, заполненное неглубокими храмами, выдолбленными некогда прямо в породе. По ним бродят сотни обалделых туристов самых разнообразных стран. Два монаха втаскивали пожилую японку в инвалидном кресле по ступеням — камни покатые, огромные; колесо все время норовит соскочить. Показалось мне, или я впрямь слышала шепот сквозь стиснутые зубы «Fucking India!»?

По большому счету, хорошо, что у меня нет здесь гида. Для моих рисунков абсолютно неважно, в VII веке изваяли этого Будду или в XV. Самое интересное все равно никто не расскажет. Кто приносил автору еду? Был ли он счастлив в браке? О чем думал, вытачивая руку танцовщицы — о своей жене? О юной соседке? Грезил ли он этой работой, засыпая вечером на жесткой кровати, или приходил сюда, сцепив зубы, напоминая себе, что нужны деньги? Столько лет, столько сил... И никто толком не знает, сколько рук работало над этими ликами. А вы говорите об авторском праве на какие-то сиюминутные картинки в интернете.

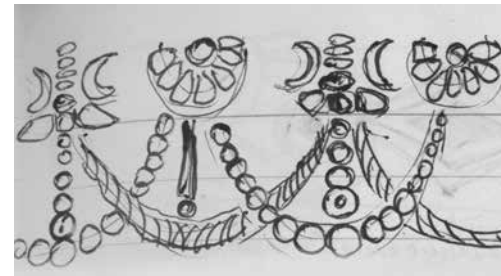
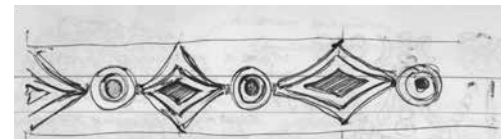
Утомившись бродить между камней, ушла за дальний край экспозиции. Она тут удачно делает поворот в конце, а уютный солнечный парапет, ограждающий газон и овраг, продолжается. Никого, только за высоким узорчатым забором, уже вне территории музея, шумит трасса. Рву прямо пальцами податливую мякоть папайи, грызу ее, обливаясь соком — ну нет у меня сегодня ножа с собой. Ничего, так вкуснее. Посреди моей зверской трапезы подошла делегация, полдесятка почтенных индусов с женами и детьми — они искали выход. Махнула им на общий вход, но они помотали головами и попытались штурмовать запертые ворота. Пришлось отвлечься и показать, что через камни и забор лезть удобнее. Они раскланялись, помогли друг другу подняться и скрылись в направлении стоянки. Безбилетники? Какие у них бабушки-дедушки боевые! В таком-то возрасте — через три метра с металлическими шипами... Облизала пальцы, раскидала корки по кустам. Что там еще осталось неосмотренным?

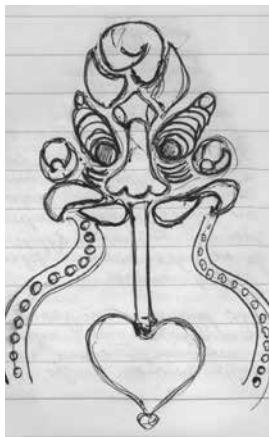
О-о-о! Поднимаюсь на скалу, в которой выбиты все эти прекрасности, и вдруг передо мной расселина, полсотни метров глубиной — я довольно высоко взобралась. А в ней — храм. Макушка вровень со мной. Неужели ВСЕ это, все невероятные пять узорных этажей — высечено из одного куска?! И тут сохранилась штукатурка, эмаль, цветная роспись...

В одном из храмов села на пол, ближе ко входу — все-таки светлее. Па-

← В некоторых залах видны только начала работ — разметка, по которой мастера должны продолжать вырезать колонну, но отчего-то не продолжили. А в некоторых местах наоборот, видна незаконченность, а разрушение, отпавшая цветная штукатурка.

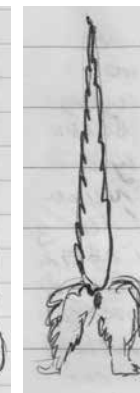

рень-служитель запнулся об меня, извинился, принес чая. Посоветовал пойти глубже, посмотреть very nice Shiva Lingam.

Прямая дорога на продолжение экспозиции обвалилась — водопад вымыл глубокий овраг и обсыпал ведущий через него мост. Попыталась пойти в обход, но увлеклась бегущей по камням тропой — едва заметные потертости на камнях подсказывают, что здесь может быть что-то интересное, раз туда сворачивают; поднялась почти вертикально наверх и не обманулась. Это было начало той самой речки, чей водопад размыл дорогу. Вода тут не бежит бурным потоком, а перетекает из одной каменной чаши в другую. Чаши естественные, сложной формы, изящные; их соединяет тонкий, специально выдолбленный канал. На закате эти мини-озера подсвечивают стены храма последними лучами солнца, порой бросая отблески и на статуи в глубине черных провалов. Все это каскадом спускается между охровых полей из красного песка, черных камней и иссушенной солнцем травы. Вода зеленая и словно густой ром; тянется, а не течет. Цвет такой красивый, что это совершенно не выглядит отталкивающе — наоборот, кажется, что именно такой и должна быть настоящая живая вода. Пошла по цепочке чаш вверх, к истоку реки. За очередным поворотом открылся вид на еще один, кажется, последний храм — маленький, уютный, какой-то по-местному обжитой. По-моему, это прекрасная точка сегодняшнего дня, этот спря-

танный храм-сюрприз посреди водяных пятен и сухой травы. Коснулась воды, потом лба — подхваченная от местных привычка приветствовать важные места; рассыпала немного бисера из своей дупатты, забрала за ухо белый цветок из воды, и какой-то козьей тропой выбралась к парковке.

Автобусный штурм, да! Сельди в бочке очень бдительны насчет освобождающихся мест. Кондуктор сидит сразу за первой дверью, у окна; стоило ему встать, как туда просунулась мужская нога, прямо через сидящую рядом

← То, что я обычно вижу, подходя для фото к бурундуку.

бабушку. Но я была быстрее, и прямо с лестницы сиганула туда, придерживавшись за верхний поручень. Показала мужику язык, посмеялись.

Надо перебираться в менее пыльные районы, а то выкашляю Индии оба легких на память.

Ехала на одноместном сидении рядом с ришкой, едва не выпадая из переполненного тук-тука сквозь ночной поселок, наполненный самым разным транспортом и пылью, которую прорезают лучи фар, и думала, что в сущности, очень люблю этот городок. Как и вообще Индию. Как и свою жизнь... Элегия прервалась тем, что вдруг пришлось с боем выбивать сдачу с 500₹ у водителя. Жадная сволочь испортила всю пастораль из-за пары копеек.

Умылась, собрала одежду с крыши. Кажется, какой-то фетишист спер одни из моих трусов. Ужин!

14 декабря. Aurangabad – Shirdi

Ехать я собиралась в Насик, который на карте был отмечен как одна из местных достопримечательностей. Знаменит он своими рынками и тем, что там кто-то из великих богов кому-то за что-то отрубил насик, (то есть нос). Не спеша поела, собралась, запаковалась в автобус (попутно выпросив справочную про дальнейший маршрут). А вот когда посреди дороги до меня добрался кондуктор и выдал мне билет, я задумалась. 200₹. Это ведь не меньше пяти часов. Вот это да. Да у меня с собой всего полтыщи рупий! А почему на карте было так близко?! День в дороге ради пары часов в городе?! Что же делать? Растеряно общалась с соседом по автобусу, он посоветовал, раз такая штука, заехать луч-

В автобус неспешно вошел дедушка с огромным желтым тюрбаном. Тыкать в него фотоаппаратом вблизи неприлично, отворачиваться и не пялиться — сигнал. Шикарно. →

ше в Ширди. Во-первых, ближе, во-вторых, дешевле, а в-третьих, это один из важнейших храмов во всей Индии. Ну-у-у, о-о-ок. Впарил кондуктору пробитый билет обратно (он ничего не понял, я обменяла свой билет с каким-то страдающим билета мужиком и молча забрала у него деньги). Концепция «остановите прямо здесь, я сойду» дошла до него только с помощью переводчика из местных. Так что я еду куда-то, оттуда в город Юлга, оттуда — в Ширди, смотреть храм Саи-Бабой.

После пары пересадок ощутила, что надо срочно еды, а то дальше я не доеду. Решила, что будет глупо умереть на пороге новых открытий из-за каких-то копеек, свистнула

парню, разносящему орешки, взяла плитку арахиса в карамели. Мелочи не было, даю 50₹, он мне улыбается. Я тоже улыбаюсь в ответ, ласково говорю: ченьдж давай. Дает десятку. Я перестала улыбаться, говорю: всю сдачу. Он протягивает еще две. Пожала плечами — ну, мало ли, я не покупала еще такое, может, и правда двадцать рупий стоит. Ан, нет, разглядываю на обороте ценник: 12₹. Свистнула его еще раз под общий ржач торговцев, скинула две копейки, он мне еще одну десятку вернул. Посмеялись все вместе, помахали друг другу. Бизнес есть бизнес, и уважают здесь только тех, кто не дает себя облапошить.

На въезде в город увидела статую детишек с воздушным змеем в одной руке и жутковатой конструкцией в другой. Только спустя полчаса, увидев ларек с такими же каркасами из тростника, осознала, что это просто катушка для нити.

У кондуктора все уши в золоте. Даже на крошечном отростке колокольчик. Как ей прокололи эту пипку?! →

До города я не доехала, остановила автобус прямо возле храма. Я не совсем поняла дядечку — этот храм не третий по величине, а третий по значимости. То есть он не для улащения туристических взоров, а для внутренних нужд паломников. Отличное место, чтобы посмотреть нравы современной Индии.

На входе (огромные очереди, солидные карабинеры, просвечивающие рамки), меня, как и прочих, разули, заставили сдать в камеру хранения мобильный и фотоаппарат, просветили и впустили на территорию. Ты попадаешь в город-рынок, состоящий из магазинов с цацками (как ре-

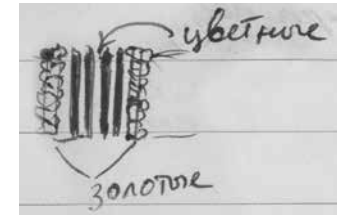
лигиозными, так и светскими), хостелов и кафе. Я прошла рядов десять, заблудилась, попала на откровенные задворки — пришлось спрашивать дорогу. Оказывается, Тот Самый Храм очень маленький, его было бы легко потерять, если бы не неиссякаемая очередь ко входу. К тому же, это просто утилитарное место для отправления религиозных нужд, а вовсе не величественное строение. Очень простая бетонная беседка, усиленная охрана на входе, никаких украшений. На даршан — встречу со святым — дается несколько секунд. Очень напряженный график. Ты проходишь в русле живой реки мимо заграждений, попадаешь внутрь полутемного помещения, быстро касаешься ладонями простой решетки, за которой горит огонь (предположительно, зажженный тем самым Саи Бабой), продвигаешься чуть дальше, касаешься золотого отпечатка его ступней, а потом ставишь себе точку на лоб пеплом от этого самого пламени (пепел лежит в специальной вазочке на подставке). Безотходное производство.

Как все-таки страшно становиться святым в такой многолюдной стране! Ты был философом, учил благородной нищете, тщету денег и свободе от вещизма, понимал мироустройство, обогнал свое время на несколько сотен лет... А после твоей смерти туземные соплеменники выстроят капище и будут мазаться дерьмом твоей чудом выжившей старой коровы, утверждая, что это защищает от сглаза и болезней. В худшей позе из возможных тебя изваяют в камне, потом со статуи наделают пластиковых цветных копий и фотографий, которые будут печататься на жетонах и весело продаваться. Да, а из твоей богатой на открытия биографии запомнят, конечно, самый странный эпизод. Да-да, «Я построил три моста в этой деревне — никто не говорит Джек-мостостроитель. Я вырастил пятерых сыновей — никто не говорит Джек-отец. Но стоило один раз выебать овцу...»

В общем, глупый вышел день. Но полезный. Чему учит нас Насик, мой свет? Читать карту, считать километры и не переоценивать своих возможностей.

15 декабря. Aurangabad – Nashik – Mumbai

Никогда не пишу с утра вторую точку следования — дописываю их вечерами, когда уже ясно, куда занесло. Вот купила с утра билет в Насик, а теперь все путаются в показаниях, где этот чертов поезд. У них в билете только направление, и никаких данных ни о времени, ни о номере поезда. Возможно, я

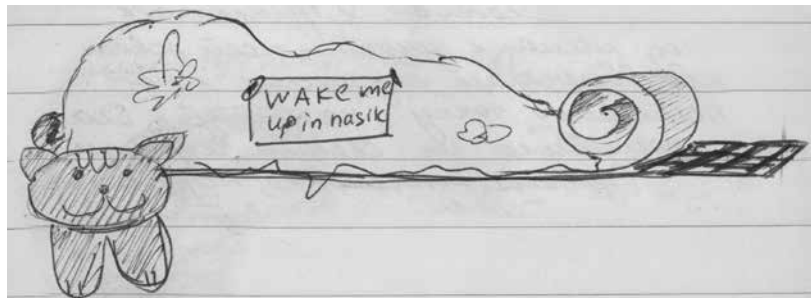
← В этой части Индии женщины носят золотые браслеты, как окантовку для цветных стеклянных, подобранных в тон сари. Невероятно красиво!

нашла самый дешевый способ перемещения по Индии — 75₹ за 185 км, и при этом билет можно было вообще не покупать, так как контроллеров нет. Кроме меня поезда ждет еще два десятка человек. Меня заметила мама с дочкой — угостили пирожками, поставили мне «благодаряющую» точку на лоб, а я благословила их Святым Георгием. Запасы монеток уже кончаются, надо бы как-то обновить.

Мимо в огромных мешках носят чипсы. И ни одного чаеносца!

Ну, можно считать, что искусство штурма поездов я вчерне освоила. Сначала нужно оттереть всех, пользуясь ослепляющей белизной своей кожи, и

Чтобы позвать кого-нибудь на улице, надо сказать «кис-кис» или «пш, пш!». Я пшикнула проходящему самосаносу, так что теперь вообще ничего не хочу, лишь бы Насик не проспать. Впрочем, есть выход. →

занять место у двери. Потом надо схватиться за поручень, пропуская выходящую волну — и не дать себя отнести от них ни на шаг. Это не просто, так как у рюкзака порядочная парусность, увы. Как только поток пойдет на спад, нужно врезаться тому, кто сунется вперед тебя без вещей. Как правило, это юный тощий парень, который отнесется к такому обращению с пониманием и пропустит вперед. После надо вбежать в вагон, по дороге отстегнув в два движения пенку и кота. Рюкзак сунуть любому пассажиру «милочка, кинь на багажную», а на первую же блеснувшую пустотой решетку закидывается собственное тело. Под него с подпрыгиванием раскатывается пенка, на которую втягивается котик, спальник, запас еды-воды; сверху все это прикрывает маскирующая линиялая тряпка, снижающая интерес соседей примерно вдвое. Приятно, что бурчунов «разлеглась тут, а люди стоят» я просто не понимаю, а стонать меня никто еще никогда не пробовал.

Мой дневник взяли посмотреть. Никто из разглядывающих все равно не говорит по-английски, так что они самодостаточны.

Напротив сидят пара девочек с детьми. В ярких сари с браслетами, красными точками на лбу. Такие красивые, что хочется рисовать их бесконечно. Конечно, в цвете.

Samosa — самый типичный местный пирожок. Треугольной формы, скорее, жареный в масле, чем печеный, внутри обычно картошка с острыми приправами, иногда с прожилками мяса.

Примерно в это время оказалось, что поезд на прямую в Насик не идет, пришлось сменить. В следующем не оказалось мест — все мои любимые полки застолблены одинокими мужиками, спящими в позе «не ебет». Один парень подсутился и подвинул ради меня недовольно забубнивших дедушек на нижнем сидении. Было немного неловко, парню, кажется, тоже, так что он принялся развлекать меня с помощью телефона — показывал фотографии своего сына, а под конец совсем интимно тронул за локоть и показал шокирующее видео, как он танцует голым в душе. В стиле голливудских кинодив. Возраст танцора в тот момент колебался от двух до трех лет.

Спустя полчаса пришел еще один дед и разрушил всю идиллию, весьма недвусмысленно двинув бровями речь на тему «белой девочке не место среди мужчин». Кивнул на переполненную полку с прекрасными юными мамами. Те покорно начали усыхать, чтобы дать мне примоститься рядом, но я вовремя поймала взгляд мужика с верхней. Тот неосторожно решил поинтересоваться, из-за кого такой шум, и свесил косматую голову — за что немедленно был наказан недвусмысленной просьбой двинуть мощи. На освободившиеся нары я втянулась мгновенно, вместе с котиком, и остаток пути провела вполне комфортно.

Чудом и заботами ближних не проспала нужную остановку. Теперь у меня два часа, чтобы осмотреть Насик. Нанимать рикшу за пару сотен я отказалась категорически, решив, что если опоздаю на поезд, то значит судьба, поезду завтра. И блицкриг удался!

← Развлечения в пути простые — еда. Что несут — то все и жуют. Пока я думала, хочу ли я зеленую гуаву, соседи ее купили, порезали, посыпали специями и всучили мне. Отрабатываю хлеб, рисуя входящих. Все довольны.

Я прямо на вокзале заскочила в кафе, выбрав покрупнее и поприличнее. Заказала еду, похвасталась дорогой, браслетами, дневником — и посетовала, как мало времени у меня на их чудесный город. А потом ошарашила размягчившегося от беседы хозяина просьбой оставить у него на пару часов багаж. Он не сумел придумать вежливую формулировку отказа, помялся и вежливо показал угол, где можно кинуть рюкзак. Отлично! После этого я оседлала офицера станции и не слезла, пока он не посадил меня в автобус до города. В автобусе нашла девочку, которая едет практически до той точки, что мне нужна. А дальше... дальше были два часа восхитительной карусели, прогулки трусцой по огромному кварталу крошечных торговых улочек, спускающихся к реке. Через реку построена целая вереница мостов, старых и новых, я пробежала по нескольким самым красивым, взбудоражив спящих там нищих. Один крепкий, полуобнаженный парень явно гопницкого вида попытался познакомиться со мной поближе, но не выдержал темпа. Помахала ему издали и удрала в гущу квартала. А потом был огромный овощной рынок, где торговцы выстроили крышу над своими площадками из сотен маленьких платков и лоскутов... Я купила себе еще одну фенечку — это стало уже традицией, в каждом городе брать по одной — и связку бананов в поезд, и пачку свеженалущенных зерен сырой молочной кукурузы... Рядом с мостом Виктории обнаружился крошечный, чертовски древний храм. Весь черный, в мелкий резной узор... Внутри высохший дед сделал властный жест «погоди», не спеша отошел в открытую заднюю комнату за алтарем, набрал там краски кумкум, благословил, и жирно нарисовал мне вертикальную черту на шее и лбу. Отсыпал щедрую горсть прасада (сахар и орешки в пудре). И даже не стал клянить денег.

От деда я прямоком вбежала в автобус, довезший меня до «базы», успела переброситься парой слов со славным владельцем кафе, служившего мне камерой хранения, выпить полстакана чая, увидеть в окно приближающийся поезд, подавиться питьем и ломануться на него. До Ахмадобада аж 600 км, несколько смен поездов...

Повторюсь снова: удивительно свежая страна! За всю поездку — ни одного черствого пирожка. Чай обжигаете горяч ночью, утром и днем. Фрукты будто бы только что сорваны. Зелень — мечта. Наверное, всему идет на пользу стремительнейшая скорость порчи. От «чуть-чуть подвяло» до «что за гниль вы мне суετε?!» — пара часов. Как же это чудесно! И вообще. Я не много жру. Я инвестирую в себя.

Грызу кукурузу, за стеной дедушки красиво и негромко поют что-то протяжное, по стене идет таракан, работает два из трех огромных кондиционеров (третий дул прямо в меня и задирал на мне лияющую тряпку, так что я его вырубил). За окном темно, все путем.

А вот недаром я не хотела ехать в Мумбаи! Стоило заскочить на минутку — нагрели на тысячу рупий. А все почему? Расслабилась я за разговорами с милыми деревенскими людьми. Отвыкла. А тем временем в кассе на очередной пересадке меня поймал обычный мошенник. Классический. Сначала развел меня спросить в кассе, откуда ехать дальше, а потом сказанное (которое наверняка звучало как «на соседней платформе») «перевел» для меня как «с другой станции» и утащил в такси, мол, быстрее, быстрее, поезд же уйдет! Впервые человек был больше меня уверен в том, что происходит, — и выиграл.

В такси мы никуда не поехали, замешкались; он попросил разменять ему тысячу рупий. Простая просьба. Дала две по пятьсот, он протянул их мне обратно — ой, я же просил тысячу... В его руках было две сотни. В кабине полутемно, да еще и свет синий, да и у меня оставалось от сдачи ровно две. Думаю, вот блин, ошиблась. Извинилась, даю еще две пятисотки. Он мне — опять две сотни. Тут я поняла, что не так что-то, других сотенных у меня не было, остальные точно были крупными. Забрала сотни обратно, отжала тысячу, обозвала его нехорошим словом, а в голове стучит: надо сматываться, надо сматываться. Пнула сидение, выскочила из машины, зубы стучат — некстати стали всплывать совсем другие рассказы, с более насильственными способами отжима денег у туристов. Тут меня накрыло еще и паникой потерять свою дорогу, и я зачем-то пересела в другое такси, попросив довезти меня до той станции, которую мошенник называл перед посадкой. Почему-то не щелкнуло, что ему едва ли нужно было быть честным хоть в чем-то, мозг просто заклинило. Я плохо соображаю в критических адреналиновых ситуациях, это то, что мне мешает играть в «Мафию» за мафию. Надо было заорать «полиция!» — он бы вернул всё, еще и доплатил возможно. Тьфу на меня трижды! Когда таксист на месте назвал сумму, у меня зашевелились волосы на голове, больше полутысячи! Я без усилий разрыдалась: что ж за день-то такой! В итоге выплакала скидку в половину (водитель разгневно стукнул дверь, когда я выходила — нет денег, нечего хватать машину!), быстренько собралась и рванула на вокзал. Конечно, мне было сюда нахрен не надо, а мой поезд уходил с того самого вокзала, откуда я уехала. Сил ругаться или куда-то ехать у меня не было, контроллеры посовещались и нашли для меня место в женском купе поезда, который тоже идет в нужном мне направлении.

Итак, на размене я потеряла 600₹ и еще триста на ненужном мне такси. Если встречу того мужика — с радостью откушу ему голову. Все мое тщательно выпестованное финансовое преимущество последних дней свел на

нет. Вот чем плохо ездить одной — когда начинаешь творить ерунду, останавливать некому.

Купе для леди оказался тот еще гадюшник. Склоки за места — едва ли не до драк, жесткая иерархия, занять верхние места и думать было нечего. Зато чисто. Кинула вещи, осела на пол, ноги понемногу переставали дрожать, отпуская адресованных. Расстелила пенку, завернулась, включила телефон. Я не часто пользовалась им в последнее время — только как будильником, разве что. Писать дорого, да и не хотелось, но после такого вечера мне было необходимо как-то успокоиться. Кинула наугад SMS: «Развели мошенники, настроение в жопе, скажи теплого». И получила ответ почти сразу: «Мне все больше кажется, что я люблю тебя».

В этот момент мир вокруг меня совершил пируэт и рухнул со звоном. Это было не теплое. Это сообщение было испепеляющее, температуры вулканической лавы. Все купе молча, забыв территориальные дразги, смотрело на то, как на полу белая девочка сжимает в двух руках телефон, ревет и неудержимо улыбается. Последняя капля перегрузила нервную систему, и она взорвалась сладкой, неудержимой, освобождающей истерикой.

Теперь вокруг меня может происходить хоть поножовщина. Такой спокойной я не была, кажется, никогда.

16 декабря. Ahmedabad

В общем, благословение старика из Насика, позволившее мне блестяще выполнить квест по завоеванию города, обладало сокрушительной отдачей. Я как смыла эту полосу в туалете за 15 минут до прибытия, так и посыпалось. Это была худшая ночь из многих, может, даже рекорд за поездку. Крестьянки жутче комаров и пьяных упырей за дверью. Они всю ночь бродили туда-сюда, визгливо ругались, пели, ставили на меня мозолистые грязные ноги. Под утро многие переползли на пол, подвинув меня на моей же пенке. Против прекрасной юной девицы в сари, которая грела меня всю ночь, я ничего не имела, а вот костлявая маслянистая голова, впивающаяся в бок, была явно лишней, как и детские ручки, норовящие крепко вцепиться мне в ногу.

Зато! Ахмадабад обещает быть едва ли не лучшим за всю поездку городом. Такие вот контрасты. Я обошла утром половину этого прекрасного района, но отыскала именно тот старинный отель, что мне рекомендовал LP — подошла к подножию крутой лестницы, задрала голову и спросила, можно ли мне заселиться. Мне помогли добраться до стойки регистрации, взяли обычные данные, плюс фотогографию (!) и отпечатки пальцев (!!!). Огромный балкон, старая ванная в конце коридора, небольшие уютные комнатки... Да!

Город я посмотрела бегло, точнее, насытилась бурлящей атмосферой большого котла. Ничего особо опасного (то есть прекрасного) тут не продают, но я купила пару бандан и пачку расписных наволочек.

Как-то особенно удачно спросила дорогу, заплутав на местном рынке. Попавшийся мне ювелир не только показал свое рабочее место (крошечный кабинет с кондиционером в стене, низкий стол, подушки для посетителей, большой алтарь и сейф), но и позвал провести день с ним и его семьей. Наблюдала у ювелира утренний процесс подготовки к работе. Он извинился, попросил подождать немного (я уселась на подушках и затаила дыхание). Открыл алтарь — просто настенный шкафчик, впрочем, резной и довольно красиво украшенный изнутри. Помолится, воскурит палочки, «омыл» дымом все рабочие поверхности, после чего сделал сложный обряд прикосновения пальцами к некоторым инструментам, лбу и груди, водрузил огарки палочек на место перед алтарем, погладил изображения святых (я не разглядела, каких). Так странно видеть взрослого мужчину, безупречно говорящего по-английски, за такими шаманскими манипуляциями...

Его офис на третьем этаже в самой гуще торгового района. Три двора вглубь, повернуть, еще двор наискосок, пройти через чью-то парадную, нырнуть в здание, по коридору мимо работающих людей, подняться по винтовой лестнице, еще этаж — и ты на некрытой мансарде, с небольшими ответвлениями. Всего тут в крошечных запирающихся нишах-кабинетах работает больше десятка ювелиров, артель. Каторжный труд.

В моем хостеле бегают мышонок. Задумалась, что он может съесть — вроде, кроме фруктов нечего. Когда полез в сари, лежащее на кровати, получил по голове упреждающей подушкой. Моя Линялая Тряпка — я теперь из уважения зову ее только по имени — радует меня все больше. Мало того, что это тряпка-невидимка, снижающая интерес ко мне, спящей в людном месте. Так это еще и прекрасная антимоскитная сетка! Чудесная вещь, удачная спонтанная покупка из Хайдерабада. Может, и хорошо, что я не стала за нее торговаться!

В общем-то, старые кварталы Ахмадабада — те еще трущобы. Особняки, стеной вокруг которых является стена следующего дома. Дворы в основном проходные. Потрясающее зрелище, можно бесконечно бродить! Особенно приятно, что ограждает эти кварталы несколько весьма специфических улиц — выпал на них и сразу понял, где находишься. Вся жизнь Индии протекает открыто, практически на улице. Еда, сон, стрижка, мытье... Офисы частенько — всего лишь одна комната на первом этаже, где вместо стены задвигающиеся вверх железные жалюзи. Весь торговый люд живет на витрине в вечном ожидании клиентов. Может, это отпечаток теплого климата? У нас

улица априори воспринимается как враждебная среда. Собственно, зимой она ей и является. А зима у нас полгода.

17 декабря. Ahmedabad. Gandhi Nagar.

Ну, всякое бывало, конечно. Но дневник на входе в святое место у меня отобрали впервые. Сдаешь мобильник-фотокамеру в одно место, сумку в другое, обувь в третье — и после этого пускают. В центре двора — новейший храм. Все положенные завитушки-узоры, но из-за поросячьего цвета камня и тонкой текстуры не покидает ощущение, что он пластиковый. Это выставка жизни одного святого, основателя какой-то местной религии. Очень красивый мальчик Swaminazayan, получивший титул Lord где-то в районе десятилетия. Мальчишкой он совершил семилетнее путешествие по всей Индии, стал, благодаря этому, свят и мудр и основал свою секту. На первом этаже посвященного ему музея есть описание десяти основных религий мира. Там христианству, мусульманству, иудаизму и шваминазартизму уделено по одной странице. Остальная часть здания занимает экспозиция — череда огромных ниш, в которых восковые куклы представляют (весьма изобретательно) разные эпизоды из жизни святого. Куклы — в рост человека, ужасно живые позы и мимика. То окно в джунгли, которые поливает непрерывный ливень; внизу, метрах в трех, по колено в воде стоит юный лорд, подняв к зрителю потрясающе красивое лицо. Или другое окно — ты будто бы выглядываешь с балкона второго этажа на улицу. Ночь, закрытые ворота, лорд не то просит еды, не то благословляет приоткрывшего дверь человека. На соседнем от нас балконе девочка, почти свесившись, пытается разглядеть происходящее, а испуганная мама в сари придерживает ребенка за плечо. Под конец всех согнали смотреть 40-минутный фильм Mystic India. Очень красивый, несмотря на не полностью понятное содержание. Ювелир сначала пытался переводить, но потом заворожился происходящим и забыл про меня.

Самое потрясающее в этих прогулках по музеям — узнавать знакомые сю-

жеты. Например, вот явная иллюстрация к легенде о том, как появилось первое сари. Кто-то из царей проиграл в карты свою жену, и ее велели привести на поругание; но Кришна спас ее от бесчестия, сделав одежду на ней бесконечной, сколько бы ни разматывали с нее ткань, появлялась все новая.

Воспользовались всеми туристическими сервисами, которые предлагались возле музея. Из вежливости (и интереса — когда еще?) я не стала отказываться. Покатались на аттракционах — смешные двухминутные крутилки для младшего школьного возраста; сфотографировались на фоне храма (я отказалась от своей копии распечатанного мини-альбома), купили по мороженому... Если честно, я стала немного уставать от роли чинно выгуливаемой дамы и подумывала смыться.

В общем, вырвавшись от ювелира, пошла гулять. Натолкнулась на местный вариант «скоростного» метро. В центре улицы отгорожены бетонными блоками две полосы, между ними с интервалом в километр-полтора — будочки-станции, где можно приобрести билет, и маленькие платформы. На каждой — кассир и контроллер. К поездам можно пройти через автоматические двери. Чертовски громоздкая конструкция, и кажется, не особо используется.

Постовые на улицах практически руками раздвигают поток, чтобы пере-кресток функционировал, а не стоял. Ужасы трафика ощущаются сильнее, когда ты на колесах — пешком-то я через забор могу и через машину тоже...

Ювелиру по телефону наврала, что уже уезжаю, и пошла покупать билеты. А он пришел на станцию меня провожать! Неловко вышло. Едва раскланялись, как меня нашел новый прекрасный принц. На этот раз пухловатый и немного аутичный. Всего на четыре года меня старше. Я отчаянно искала кого-то, кто может показать Vav, местную достопримечательность — но даже рикша, которого я поймала, признался, что не знает, и сейчас спросит. Собранный консилиум из нескольких встречных и полисмена долго что-то решал, а потом один из прохожих предложил подкинуть. Оказалось, он уже трижды в городе меня видел и решил, что это судьба. Твердил, что он мой друг, и я должна ему верить (в общем, оправдывая эти слова делом), но я была уставшая после ювелира и общалась довольно резко. Леди не изображала, на вежливые разговоры не велась, и если он усаживался и предлагал «поболтать», прямо спрашивала, повезет ли он меня дальше или пора брать автобус? Вез, конечно, хотя мрачнел. Непосредственный, хороший. Что, спрашивал, ты про меня напишешь в своей книжке?

Бесконечная вязь — по всем стенам. Не одинаковая — некоторые «окна», слепые ниши, украшены особо, а вдоль лестницы идет довольно простой цветочный узор.

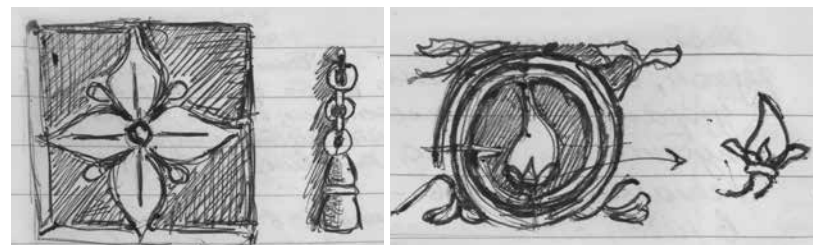
Ох (окс) — огромные белые волны, на холки которым кладут здоровенные оглобли-бревна. На них можно перевезти целый дом, если у вас хватит терпения объяснить им, что нужно идти. Медленноходячая белая флегма. →

Vav — система потрясающих крытых старинных колодцев. Просто широкая лестница вниз, скрывающаяся постепенно под землей. Через равные промежутки — площадки, с дырами в крыше для освещения, в самом низу — большая комната, пол которой залит водой. Сверху над ней (метров 20) — механизмы-подъемники. Уровень воды в первом был никакой, грязная лужица на полу. Зато второй, большой, и до решетки был заполнен по пояс, а сколько еще ниже?

Бродим, распугивая туристов. Мой компаньон явно скучает. Ну, что я могу поделывать — не для того же ехали почти два десятка километров, чтобы мгновенно обратно.

Расплатилась с неожиданным попутчиком пафосной беседой при одном из храмов, распрощалась и поехала ужинать. Одна. Нашла пафоснейший ресторан, заказала половину курицы. Две сотни за ужин, абсолютный рекорд! Но когда я откусила кусочек тандырного мяса, то поняла — он стоит всех своих денег. Хотя чай за три десятка рупий — это, конечно, грабеж.

Спалила мальчика-официанта за тем, что он стоит на цыпочках за моей спиной и пытается читать в моем дневнике, шевеля губами. Покраснел, поправил бабочку и стремительно убежал. Пожалуй, мне будет не хватать этого неусыпного внимания в холодной равнодушной Москве.

Зря они мне вазочку с анисом в сахаре оставили. Им расход, и мне явно будет плохо.

В полдвенадцатого ночи в мою дверь настойчиво постучали, и очень пьяный консьерж, дедушка с причудливыми усами, умильно улыбаясь, вежливо спросил на почти немом английском (там точно были слова, но половина заменялась на мычание), не я ли забыла тетрадку на столе. Она была не моя, что я и ответила; дедушка трагически-изумленно спросил: «А чья?!» и ушел опрашивать остальных постояльцев.

Вообще сервис в этом хостеле своеобразный. Например, ситуация, когда кого-то из постояльцев зовут к телефону, настолько внештатная, что взмыленный парень с глазами-блюдцами врывается к тебе без стука. Так и ждешь от него реплики «мадам, Темза вышла из берегов!»

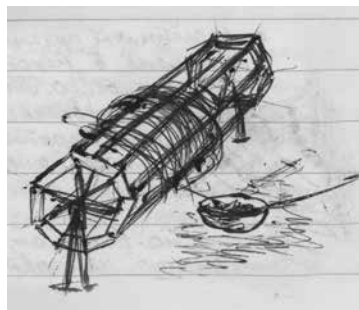
19 декабря. Ahmedabad – Udaipur

В Индии многое соответствует советским анекдотам. Например, про несправедливость: пьешь воду за 1,5 копейки с сиропом, а писаешь за три без сиропа.

«— Какие же они здесь немисливо красивые! Отчасти, конечно, это антураж — длинные волосы, золотые украшения, ниспадающая яркая одежда... Даже дурнушка в таком образе будет выглядеть наследницей престола. Но часто я встречаю такие черты лица, что хочется пасть ниц, как перед божеством. Девушки, парни, старики... Никогда не видела столько потрясающих людей в одном месте. Дедушки сухие, тонкие, как трости, с живыми суровыми глазами и белоснежной растительностью на лице, высеченном из черного камня. Как негативы...

Здесь соотношение цен не настолько удручающее, но пописать стоит полчая, а то и чай. Почему я не мужик! Так славно бы сэкономила!

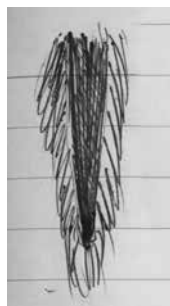
Второй после ювелира парень рассказывал, что в середине января проходит фестиваль «кайтов», воздушных змеев. Их тут много и безо всяких фестивалей, все провода увешаны этими мертвыми бабочками. Очень красиво производство кайтерной нити — целые деревни используют огромные катушки в рост человека, чтобы сплести тонкую и прочную нить. Краской (обычно розовой или оранжевой) залито все вокруг.

Вдоль дороги — поля. На столбах ограды очень по-человечьи, устало свесив ноги, сидят огромные чернолицые обезьяны. Иногда проносятся кусты перца с пронзительно-пурпурными цветами. Едешь, а справа и слева — взрывы пронзительной мадженты. Стали попадаться ездовые и грузовые верблюды. Как же они компактно складываются, когда сидят, и какие невероятно огромные, стоя! Стада овец, голов по 50. Их длинными хворостинами гонят по дороге мужики в сарунгах.

Въехали в штат Раджистан, катим мимо практически горных аулов — маленькие деревеньки из камня, пыльные дороги, степенные баффало вышагивают, задрав морды. Автобус полупустой; кондуктор с водителем просмотрели весь мой дневник, восхитились. Это меня в какой-то мере успокоило — теперь я могу отпрашиваться в туалет даже на коротких стоянках, где это, в общем-то, не было предусмотрено, а на больших спокойно обедать, не думая, уйдет ли без меня автобус.

Еду. Думаю о том, что после России везде здорово. Например, если ты из Швейцарии — тебе везде дешево, но грязно и беспредельно. Если ты из Эквадора — всюду чисто, но слишком много правил и невероятно гигантские цены. А мы так здорово сочетаем в себе все худшее, что я даже затрудняюсь ответить, почему я так люблю Москву, самый опасный, беспредельный и дорогой город мира.

Сари здесь носят более функционально, но пока не получается осознать, как они этого добиваются. С груди они сразу переводят весь остаток на голову — получается такой капюшон от солнца и песка, край иногда зажимают в зубах,

Вот я и начала рисовать верблюдов. Пока с того, что мне видно с места, из автобуса, обгоняющего очередную повозку. Под хвостом проходит одна из веревок, на которых держится седло или поклажа. Вверхом на верблюде я пока никого не видела — это грузовой транспорт. →

← [слева] С водой тут и впрямь, видимо, сложно. Купаются в искусственных бассейнах, для умывания и питья рядом с пищевыми точками ставят такие бочонки, ведра на два, прикрытые тряпочкой.

← [справа] В поле стоят кровати: устал — отдохни.

а иногда придерживают у губ рукой. Ткань для сари тут совсем прозрачная, потрясающих цветов, а наматывают его довольно небрежно. Много камня. Везде развалы щебня, песка; камнерезки на каждом шагу. На фурах возят невероятные глыбы, вдвое меня больше по стороне ребра — сколько же они весят?!

О-о-о, какой чудесный город! Старый центр Удайпура расположен довольно далеко от всех коммуникаций, и городских автобусов тут нет, только рикши. Добралась до OldTown, заселилась, кинула вещи — и побежала искать железнодорожную станцию, расположенную так далеко, что на моей карте не было отмечено даже направление. Получилось довольно весело — туда я шла по светлу, разглядывая все улочки-переулки, лавки с тряпками, браслетами, блокнотами, сумками, картами... а обратно — уже в темноте, почти наощупь, напевая во все горло Арефьеву и Болдыреву. Билет взяла на sleeping-класс, с местом (!). Немного дороже, но хоть посмотрю, что это такое.

По дороге подружилась с художником, который позвал на небескорыстный мастер-класс на утро, а еще поболтала о менталитете разных штатов с одним из торговцев. В его лавку я влетела с горящими глазами, потрясая сорванной с витрины тряпкой: «Сколько?!» Несмотря на то, что я заплатила в итоге на треть меньше, чем он хотел, мы неплохо подружились. Правда, для сделки меня отвели в сторону и цену называли шепотом: «Тихо-тихо, мисс, только для вас...»

Это так здорово, когда ты из туриста, каких пробегает мимо десятков в день, становишься гостем. Вечером сидели с хозяйкой хостела у камелька (ночами ощутимо холодно, так что все собираются в большом зале, где в низком чану едва тлеют угли). Она рассказывала, что постояльцев мало, да и вообще

в городе глобальный не сезон. Посоветовала ей сделать более ясную вывеску на внешней стороне дома и пошла ужинать в номер. Вход в него с большой крытой террасы, где ночует прикованная цепью овчарка. При виде меня она обычно пару раз лаяла, а потом смотрела недоверчиво, но молча. В этот раз с ней обнимался владелец. Увидев меня, сконфузился, отпустил лапы зверя: «Он мне как ребенок».

20 декабря. *Udaipur*

Утро выдалось хмурым. Тяжело вставала, чтобы выместись к положенным десяти; оставляю вещи, хозяйка спрашивает — во сколько поезд? Узнает, что вечером, подсчитывает что-то в уме: ну, тогда 50₹ за хранение. И это она мне вчера втирала, что я не гость, не постоялец, а член семьи! Так мелко... Улыбнулась, забрала рюкзак обратно, спасибо, говорю, я тогда в другом месте оставлю. Тетка заизвинялась, показала нишу, ладно, говорит, можно и даром. Но настроение подпортилось. А на улице меня ждал еще один удар — картинки один в один как у Неру из Хампи! Тот же монах тех же цветов в той же позе на открытке. Почему? Он же говорил, что рисует от сердца, зачем же он копирует такие сувениры, как и везде?

Сижу в SweetHome, смотрю, как жарят хворост, думаю. Может, это и есть глобальное различие культур, наша сила и наша слабость? Европа умеет креативить. Все хотят быть творцами, начинать новое, наплевать на старые ошибки и открытия... Все заново, все с чистого листа, никто не будет меня учить! Восток же не считает зазорным в тысячный раз копировать проверенный сюжет, или быть двадцатым монахом в пятом ряду. Если объединить эти подходы удачно, получится идеал. Но такого не бывает, и нас обоих тяготят наши концепции. Запад отвергает опыт прошлых поколений и терпеть не может долго усидчиво учиться; восток боится даже подумать о том, чтобы пойти своим путем, непохожим на уже протоптанную в веках дорожку.

Почему-то вдруг остро ощутила себя чужой тут. Внезапно. И это больно.

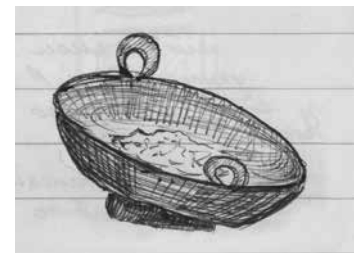
Я столько дней потратила на Индию, а сливаться с пейзажем так и не научилась. Она все равно отторгает меня...

Индия учит, что не выделяться, растворяться — это приятно. Я тут получила массу того восторженного внимания, которого всегда хотела — и теперь страстно скучаю по возможности быть «одной из».

Приятно, что владелец кафе, заметив мой интерес к процессу превращения муки в тесто и дальше, просто подал мне табуретку, чтобы леди не сидела на полу. Магазин живет своей жизнью; пожилой хозяин выбегает на улицу встречать посетителей, сопровождает их к стойке, расспрашивает, чем именно из набора сладостей их порадовать сегодня. А я в углу жестами объясняюсь с подмастерьем, который обжаривает, просеивает и смешивает основу для будущих сластей. Он серьезно, без улыбки, позирует мне, объясняет жестами, что будет дальше. Оказывается, в основе большинства местных сладостей — обычная гороховая мука. Ее смешивают с водой и делают комки размером с кулак. После их кидают в чан с кипящим маслом, а полученные крекеры разбивают, снова превращая в пыль. Уже жирную и готовую к употреблению. Из нее формируют разные виды сладостей — и именно на этом этапе добавляют разные вкусы, поливая сиропами или молоком, засыпая орешками или специями.

В поисках душевного тепла и фоточек уперлась в гущу улиц, забрела в закоулок и в какой-то момент увидела выглядывающую из-за угла чумазую, ужасно веселую девочку. Навела на нее фотоаппарат, но щелкнуть не успела — та завизжала радостно и спряталась, через секунду опять высунувшись, чтобы убедиться, что я осталась на месте. Мы поиграли немного в догонялки, а потом я взяла ее за руку, и мы пошли знакомиться с родителями. У ее матери, моей ровесницы, трое детей, а сама мама в семье — седьмой ребенок. Меня облепили дети и племянницы, утащили в дом — похожий больше на дачную комнатку с простой кроватью и проходом насквозь — и всучили чашку с кофе. По-английски из всех лишь чуть-чуть говорила мама, но мы отлично провели время. Меня, конечно, просили фотографировать всех, кого я смогу отловить (некоторые дети позировали охотно, но та, первая, так и не далась), а потом звали приходиться еще — хоть прямо завтра. Наобнималась с мелкими всласть.

Вообще в этом городе невозможно присесть на ступень, чтобы зарисовать или написать что-нибудь, не познакомившись при этом с владельцами сту-

← Чан, в котором все размешивают и просеивают — огромный, тяжеленный. Кажется, ему не меньше лет, чем самому древнему из рецептов. Чтобы не елозил по каменному полу, во время работы его ставят на кусок резиновой шины.

Свиту махараджи рисуют возле входов на стене яркими красками, чтобы встречала гостей. Пока рисовала, парень, работающий в швейной мастерской напротив, хлопнул по крыльцу: «Нравится? Мой дом. Садись, будет рисовать удобнее». А когда я закончила, придирчиво осматрел и одобрил результат. →

пенек. Сейчас вот смотрю фотографии юного сына журналиста. Для семнадцати лет — совсем неплохо. Отлично поболтали за камеры и объективы, он показал мне серию снимков, где его отец работает за Hasselblad'ом, похвастался, какие снимки уже публиковали в местной газете.

Очень смешно поторговалась за браслеты — вместо 400₹ за три тоненьких заплатила 200₹ за пять больших. Торговка под конец как-то окончательно запуталась, и когда я протянула ей деньги, по лицу было видно, что продолжала напряженно высчитывать в уме скидки и цены. Уже взяв деньги в руки, посмотрела на меня совершенно растерянно — кажется, поняла, что договорилась совсем не на ту сумму, которая ее бы устроила. Но в этот момент я уже стянула с прилавка упакованную покупку и махнула ей рукой. Зато теперь я с ума сойти какая леди!

Меня непреодолимо засосало в небольшой, прекрасно отделанный храм на улице; он оказался закрыт на реставрацию, но физически дверь не запиралась, так что я просочилась и сделала большой круг почтения, почти не приближаясь к огромному колоколу, висящему в центре. Завершая даршан, наткнулась внезапно на скульптора, доделывающего кусок статуи. Реставрация идет тем же способом, что и тысячу лет назад: при помощи крошечного зубила и молотка. Когда я шумно запнулась за порог, он как раз шкурил свежесрезанный узор, добываясь плавности переходов. А его младший братишка, мой ровесник, приходит сюда по выходным и расписывает всю эту красоту. Мы немного поболтали, после чего меня ультимативно позвали смотреть заднюю комнату, уже поч-

← Уши! Какие же у них шикарные, кожисто-мохнатые, нежнейшие, пушистые уши! Огромные, с локоть, даже, пожалуй, лучше крутых рогов.

ти законченную — мелкие цветные стекла втиснуты в расписные колонны и стены, а по стенам восстановлены старинные фрески.

Молоко здесь хранят в огромных чанах, литров по пять-десять. Как оно не киснет?! Не успевает? А достают смешной черпалочкой, стаканчиком на ручке. Благодаря предупреждению крестьянки, я знаю, что оно «горам», то есть очень горячее. Известный «горам-самоса!» — клич-спутник всех местных железнодорожных перемещений, ничто иное, как те самые «пирожки горячие!» в наших электричках.

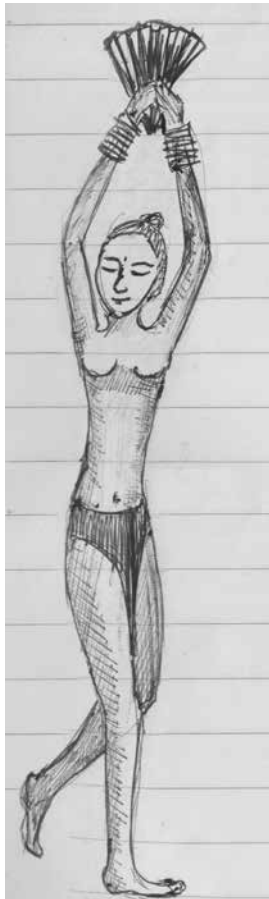
Коровы в Удайпуре избалованные; банановые шкурки не едят. Они величественно заглядывают в дома и мастерские через открытые двери, и им скормливают все ошметки от салатов, очистки овощей и прочую ботву. Такой бродячий мусоросборник с раздельной утилизацией мусора, удобно.

Какие же тут потрясающие улочки! Те самые, что восхитили меня в Хорватии. Их старый каменный центр в Дубровнике или Сплате — только живой, обросший тысячами деталей за это время. И дома тут — с узорами и рисунками, резными портиками, ставнями, крашенными или разрисованными орнаментом... И все моментально покрывается благородной патиной и пылью, так что свежеставрившиеся дома не сильно отличаются от древних древностей. А так как ежегодные перепады температур не очень высоки, то фасады консервируются, не разрушаясь и не выцветая очень подолгу.

В общем, я никуда не пошла — ни в музей, ни во дворец, ни на рынок. Целый день брожу по дворам, радую ребят игрой «все столпились вокруг пишущей тети, которая внезапно кого-то может схватить за пузико» (надо всем вместе заверещать и разбежаться, чтобы после немедленно сгрудиться обратно).

Узор на стене храма из танцующих красоток неясной половой принадлежности правда прекрасен. →

Смотрю, как мужики играют в карты прямо на улице, а мастеровые работают.

Блинский Раджастан! Солнце почти зашло и стало внезапно дико холодно. Где обещанное лето?! Говорят, к середине января потеплеет. Все ходят в шарфах и накидках. Надо тоже чем-то утеплиться.

Мое новое приобретение — местный плед — прекрасен. Наслаждаюсь. Такой теплый, мягкий! Научилась запахивать его на местный манер (надо сначала положить его на плечи, так, чтобы с одной стороны был совсем короткий конец, а с другой стороны свисало до земли, а потом свисающую часть закинуть на плечо спереди назад). С кашмирцами не поторгуешься, кстати — фикс-прайс на всем рынке. Впрочем, там и так недорого, 200₹ за всю красоту.

Моя хозяйка хостела пощупала и понюхала все мои покупки, одобрила; а когда узнала, почему я это все взяла, всплеснула руками — так дешево! Кажется, ее перестало расстраивать, что ей не удалось содрать с меня лишних денег, она просто убедилась, что я не тот клиент, который ей нужен. Я начинаю испытывать нечто вроде гордости за свои прорезавшиеся еврейские таланты.

На вокзал я пойду пешком. Надо же убить как-то три оставшихся часа, а гулять надоело. Как раз семь километров с вещами по петляющим улочкам. То, что надо. Но в ночное время у рикш что-то клинит в оценке платежеспособностей (а главное — платежежелания) клиентов, и они окончательно охуевают в заламывании цен.

Эту старушку в разных ракурсах я полчаса мусолила. Фотографировать она себя категорически запретила. Какая же она потрясающая! В ярких шелках, с таким идеально подобранным набором украшений из золота... и безумно красивая, насколько может быть красивой 70-летняя статная

старуха. Легко, за два движения показала мне, что сейчас «четыре с половиной часа дня». Одобрила мои браслеты, посетовала, что я ношу кольцо на ноге не на том пальце, где принято, закурила красиво и элегантно. Внукам бросила, чтобы перевели, что может попозировать за 100₹, если белая леди так приспичило. Белая леди удовольствовалась рисунками.

Блин, от грязи и холода поросла мелким прыщиком. Отстой. Белая леди в сари, браслетах и прыщах, спешите видеть! Хорошо быть бабушкой, которую не берут уже никакие прыщи... ну, ничего, это удовольствие от меня никуда не денется.

Иду, поплываю горошком. С ним получилось забавно — я ухватила пару стручков с лотка, проходя мимо (просто улыбнулась слегка растерянному продавцу, сказала спасибо, мол, вкусно, и пошла дальше). Через пару метров распробовала, подумала — а чего бы и нет? Вернулась, потребовала еще. Продавец растерялся еще больше, был готов отсыпать мне горсть даром, но я показала: нет, в пакет, за деньги. Он отмерил полкило и беспомощно оглянулся, увидел парня: «Скажи ей, что двадцать» (по пальцам я считать умею). Парень мне, на голубом глазу: «Тридцать!» Я поржала, объяснила ему, что неа, отсчитала двадцать, пожала руку честному продавцу и забрала товар.

Рисовала радужную хозяйку, одну из тех, что поили меня чаем и развлекали беседой. Поскольку за процессом пристально наблюдала вся семья, получился греmlin. А сын пришел в восторг и даже сфотографировал этот ужас. Надо бы правда научиться рисовать, а то стыдно.

Захожу в поезд, а вагон пустой. То есть СОВСЕМ. Темный и никого. На всякий случай вышла, уточнила еще раз, тот ли это поезд. Убедилась, что этот вагон не последний в составе и его не планируют где-нибудь отцеплять. Гм. А когда я покупала билет, мне сказали, что он едва ли не последний.

Даже не верится, что можно в Индии с таким комфортом ездить. Обычный sleeping, оказывается, почти не отличается от нашего плацкарта. Разве что цена в десять раз ниже, в пересчете на рублекилометры. И все же какая забавная у индусов привычка — даже в спящий класс, где заведомо у каждого личное место, запрыгивать на ходу, не дожидаясь остановки поезда. Как им, бедным, небось в России от проводниц достается! Наши железобетонные

тетеньки с веслом обожают руководить процессом. Так что если кто-то не по команде прыгает, тому веслом по хребту обеспечено.

А вагон реально самый обычный, прямо обидно. Полки с обивкой, синенькие. Из отличий — решетки на окнах (я теперь уверена, что знаю, для чего они — чтобы пассажиры на станциях не входили через окно). И еще жалюзи снаружи и стекло поднимающееся. Можно открыть все и наслаждаться ветром, можно застеклиться и смотреть вокруг изолированно, а можно и вовсе превратить купе в неприступную крепость. Поговаривают, что в Бангладеше так и делают, когда с холмов озлобленные нищие кидаются камнями и лошадиным калом. Полка верхняя расположена примерно на уровне нашей багажной, а диванная подушка нижней откидывается, превращаясь на ночь в среднюю полку для сна. Расстояние как между первой и второй, так и между второй и третьей не больше полуметра, можно только спать или валяться на локтях. Только самая верхняя немного свободнее за счет высоты потолков. Зато если пассажиров мало, и средняя полка откинута, то на нижней можно хоть прыгать. Да. Ну, и багажного отделения нет вообще, вещи только под нижнюю полку можно запихать.

21 декабря. *Udaipur – Jeipur*

В поезде главное — вовремя выбраться, пока не занесло обратно входящим потоком. Когда я вываливалась, на станцию спешили дембеля. Вот у кого были все основания ломиться первыми — им явно никто мест по билетам не обещал, тут законы джунглей. Я оделась, тут ночью едва ли +10. Пассажиры мерзлые, заспанные. Почти не приходя в сознание (в холоде, под уютным одеялком из Линялой Тряпки спится отлично!) отмахнулась от рикш, завалилась в нужный район, заселилась, постиралась и отрубилась.

Джейпур — большой и довольно грязный город. На крупных улицах еще туда-сюда, но все проулки просто завалены, а улицы пестрят открытыми туалетами для мужчин — высокие бетонные заборы в ряд, стоящие на канализационной канаве, без двери, зато с вертикальными перегородками. Многие не заморачиваются, и используют эти канавы везде, где видят.

Старая часть города оказалась выкрашена не в романтический розовый, как писал LP (мол, так приветствовали принца Уэльского), а в грязно-коричневый. Улицы широкие и потому забиты всякой дрянью; торговые районы полупустые... Но дьявольски приветливые люди! Не приставучие, а именно любезные. Выпила чай с парнями в переулке — чисто африканская шапка крученых кудряшек, модная майка, работа дизайнером; от задиристого начала

← Мужчины посolidнее и посовременнее предпочитают шарфы. Но носят их не только вокруг шеи, но и разнообразно заматывая голову, плечи и уши.

«привет, белая самка!» до душевного разговора про любимые места в Индии и жарких советов «что значит ты там не была?! Надо ехать!» прошло полстакана чая. Мне посоветовали быть осторожнее в старом городе и не вестись на зазывал («Я тут сам десять лет живу, а они по-прежнему в рукав вцепляются»). Вообще, пока бродила по городу, постоянно получала ненавязчивые и полезные советы: сверните, тут храм; пройдите по ступеням, там хороший вид; если вы в palace, то он закрыт после пяти, лучше завтра; и никаких вопросов.

Все храмы (коих тут великое множество, собственно, весь центр — храмы и рынки) ухожены, заняты и используются — заходишь, а во двореке сохнет белье, спасибо, хоть не на самом Шиве. Из-за этого не всегда понятно, открыт ли он для посетителей или уже закрылся, или это вообще просто здание старое, а на самом деле тут давно жилой дом? Я решила, что не буду особенно заморачиваться вопросами морали; если я вопрюсь куда-нибудь совсем не туда, мне, наверное, на это намекнут. Хотя в целом это индусам не свойственно, они рады гостям — и дома, и на работе.

Заглядываю через «окно» (то есть отсутствующую внешнюю стену), вижу статуи — законченные и только начавшие появляться из камня, все в белесой муке, тертом мраморе. Почти неотличим от своих работ, весь в такой же пудре, а полу парень склонился на очередной работой. Поднимает голову на щелчок затвора, я киваю — можно? Он улыбается: «Намасте! Хотите больше работ для фото?» Открывает мне комнату в дальнем углу мастерской, включает свет... и меня окружают улыбки богов и их жен. Белые, совсем новенькие, новорожденные; с раскрашенными лицами и яркими губами; и полностью законченные, в цветных ниспадающих одеждах. Это все ты, спрашиваю?! Виновато разводит руками: я...

По вечерам жители одеваются в пледы. Как я их понимаю! После захода солнца моя тонкая линялая тряпка уже нисколько не спасает, я уж молчу про прозрачную дупатту. →

Зашла на Кашмирский рынок (Кашмир — один из северных штатов Индии, известный своими платками и плотными тканями), и решила, что глупо подыхать от холода посреди текстильной Мекки. Теперь помимо Линялой Тряпки в моем гардеробе появилась чудесная Мохнатая Тряпка. Понаблюдала, как местные в них заворачиваются и теперь тоже так умею. →

Меня ни разу ниоткуда не прогоняли, наоборот, обычно очень трудно уйти.

Ткани тут дрянные, в основном дешевый псевдошелк на сари. Как раз те, что мы привыкли считать традиционно индийскими — полупрозрачные, аляповатые, с диким сочетанием цветов и блестками, окончательно превращающие любое платье в карнавальный костюм. Много браслетов, но все они обильно сдобрены теми же стразами и не особо манят. Зато украшения из золота с эмалью — а-а-а, вот это ужасно опасно! Ими же Джейпур и славен.

Мне сегодня продали причудливый фруктовый салат (его еще предлагали посолить и поперчить): папайя, арбуз, морковь, яблоко, шаржа, помидор и ананас в маленькой корзиночке за пять рублей. Этот причудливый на мой вкус коктейль стал дополнением к моему завтраку из кофты.

Кажется, храмы тут в большинстве — ашрамы, то есть маленькие монастыри. Тут здорово прятаться от суеты. Циновки на полу — заходишь, садишься писать, и никто не трогает.

В один храм, пока я писала, все вбегали паломники с вытянутой рукой. Алтарь там закрывался железной дверью в два роста, и служитель все никак не мог его зашторить, туда совались просители прасада и благословения. Тот вздыхал, поливал им из золотого чайничка (полагается выпить), отсыпал орешков. Молящиеся, не тратя времени, на входе растягивались на полу — многие прямо на пузо падали, а потом вскакивали и подбегали за благодатью.

Смотрю на людей вокруг — их немного, по паре человек заходят — и думаю о не-

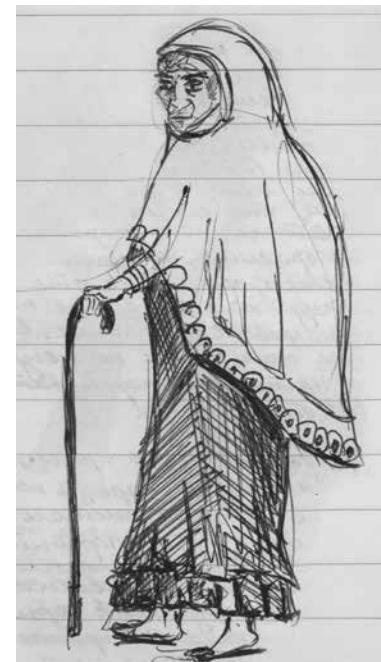
давнем разговоре с индусом, возившем меня во второй день на Vav в Ахмадабаде. Он спросил меня, хожу ли я в храм, а я толкнула речь о том, что Бог внутри, а не в камне. Он согласился, что людям просто нужно место, чтобы просить о милости: дай мне денег, хорошую жену, счастье, дай, дай, дай...

И вот я думаю сейчас, что молитва счастливого человека должна состоять из простого слова «спасибо». Спасибо, жизнь — отличное место. Мне вот нечего предложить моему богу. Мне кажется, у него и так все есть, поэтому ему не нужны ни попрошайки, ни жертвы. «Взглянув на нас украдкой он бормочет одно — я больше к вам уродам никогда, ни на чем не приеду». Но и мне его просить не о чем. В этом мы с моим богом похожи, у меня тоже все есть. А чего не хватает, то я знаю, как добыть. И не хочу лишаться удовольствия пройти этот путь самостоятельно. Вымолить себе упавшее с неба счастье — это как нанять себе даже не рикшу, а самолет с доставкой к форту. Скучно.

Я сижу в теплой тряпке посреди одного из полутысячи храмов Джейпура; за его стенами ночь, а тут под куполом разносится речитативом зачитываемая мантра. Монах, который сейчас читает ее, пару минут назад подходил спросить, о чем я пишу в своей книжице. Получилось, наверное, пафосно, но я писала как раз концепцию «спасибо вместо дай в молитве», о чем честно сказала. Он улыб-

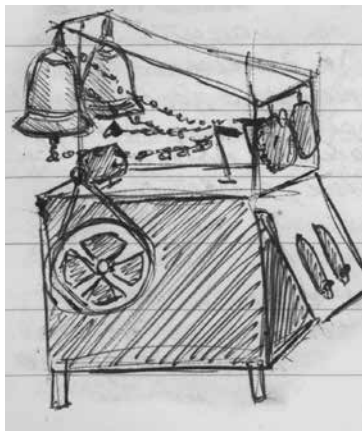

← Как во всех пыльных и холодных штатах, женщины Раджастана носят хвост от сари, натянув его на голову на манер капюшона. В случае необходимости небольшой остаток ткани легко превращается в респиратор. Придерживая его рукой у лица можно спастись от противных запахов, пыли и наглых взглядов.

← Когда совсем холодно, поверх капюшона из тонкого шелкового сари ловко наматывают мохнатые пледы в тон. Поразительно, но это выглядит очень стильно.

Поскольку в любом празднике индусу важен шум, а ежедневная молитва, конечно, несомненный праздник, они придумали шумо-машинку. Включаешь, и она издает звуки, похожие на концерт пятилетних мальчишек, дорвавшихся до колокольчиков и ударных. Все звуки вперемешку, но не очень агрессивно, в чем-то даже мелодично. Машинка небольшая, мне по пояс. →

гирлянды на проводах — пушистые, с головой под крылом... Связки ключей на бакалейных лотках напоминают ожерелья.

Нашла полностью заброшенный храм. Только голуби и одна девочка, отлично говорящая по-английски. Ее зовут Моопи, маленькая луна. Она серьезно смотрела, как я гуляю по дворику, слегка нахмурилась, и отсоветовала мне взбираться по лестнице «все равно сверху закрыто». Зато я посетила небольшую уединенную комнатку со священной овцой и перемоталась. А то с утра совершила опыт и намотала сари по-местному; капюшон получился неплох, но крепить его я пока не научилась. После перемотки на южный манер, с ниспадающим за спиной хвостом, ощутила, как привыкла уже к этой манере.

Иду по пестрой улице жестянщиков и уже обзавелась потрясающими медными колокольцами. Как же это классно, иметь массу времени и никуда не спешить! Это кстати легко достижимо путем банального отказа от целей. Когда мне предлагают куда-то поехать, посмотреть что-нибудь невыносимо прекрасное, я чувствую, что мне уже неважно — храмом больше, храмом меньше. А вот посидеть на месте и порисовать — один глаз Шивы с барельефа, ручку двери, колонну в зале — бесценно.

Я изобрела вид особой рисовальной медитации. Это не усталость, нет. Скорее насыщенность впечатлениями. Это, видимо, ощущается даже извне. Парень встретил меня в одном храме, рассказал мне про это место, и про Джейпур вообще, поговорили про разные штаты; потом он привычно оглянулся: «У меня тут магазин сувениров... но вы, мадам, так давно в Индии, что, наверное, уже насмотрелись». И не стал ничего предлагать. Дьявольски приятно.

нулся, склонил голову в почтительном приветствии и растворился.

Сколько же у меня уже шмотья... Из моих вещей уже можно цыганский табор сделать, практически в любом отдельно взятом чистом поле. Удивительно, что при всех своих плюшечных замашках я умеаюсь в 500 р/день и свой рюкзак.

22 декабря. *Jairir*

Голуби на карнизе стены вокруг города больше похожи на причудливый старинный орнамент, чем на живых птиц. А возвращаясь ночью, видела спящие

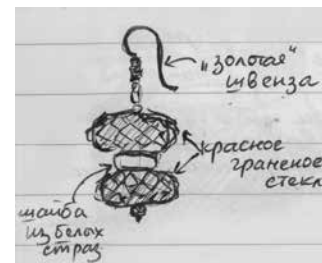
Когда ты начинаешь что-то делать, тебе кажется, что ты всегда будешь начинать с нуля. Создаешь первую статуэтку, долго, тщательно — и думаешь, что вторую (если не халтурить) будешь резать так же мучительно. Разговариваешь первого прохожего на улице — и считаешь, что тебе со всеми придется так же долго подбирать слова. А спустя месяц строгаешь будд, как картошку чистишь, не прерывая разговора; и люди сразу раскрываются тебе навстречу, словно ты уже вложил в них силы, будто вы уже встречались раньше. Ничего не бывает напрасным.

Многие местные спрашивают меня: ну, как вам наш город? Отвечаю честно: грязно. Но дело не совсем в этом. Коробит смешение современности и истории. Вот Хайдерабад, например, полностью новый (хотя и поглотил исторический центр, но умудрился его переварить), а Хампи и Удайпур — места, где старину кропотливо культивируют для привлечения туристов. Здесь же ощущение, что некогда славный город завоевала толпа варваров. И с ними не хочется иметь никаких дел, с порабителителями. Не они тут хозяева. А кто? Может, мастеровые подошли бы на эту роль? Глядя на их работы, веришь, что эти руки могли вырезать и храм, и стену вокруг города, украсить их и поднять из грязи. А рикши и шумные торгаши ничего не могут, кроме ловли туристов.

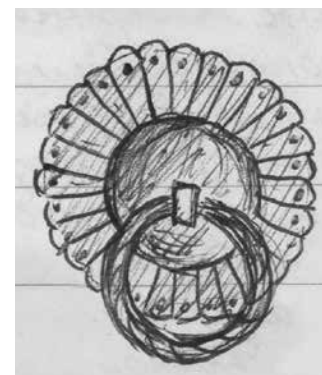
Очень хотела чая, заскочила в первую попавшуюся кафешку. Пока потягивала горячий напиток, увидела в холодильнике что-то нежное, желтое, в горшочках. Больше всего напоминает воздушное масло. Спросила — и точно, SweetLassi. Только мне его

← Украшения собирают прямо лавочке, ими торгующей. И стразы в браслеты «вживляют», просто нагревая их на крошечной горелке и прижимая щипцами к пластику. Все тут немного торговцы, немного ремесленники...

← Что-то скользкое внезапно скатилось на пузо, и я обнаружила, что в закрывающейся лавке успела выхватить со скидкой в треть не только бусы на шею, но и серьги. Они висели на цепочке из бусин так органично, что сразу не бросились в глаза. Отличные!

← Ручка на огромной запорной двери во дворце.

Кофта — пирожок типа самосы режут ножницами в специальную мисочку и заливают горячей подливой или бульоном. Остро, вкусно! Опасайтесь несвежих пирожков!

Офигенное солнышко именно с таким выражением лица ночью посылает горожанам лучи радости →

раз, сзади было слишком много лиц, и никто не спалился, не улыбнулся. А во второй парню не повезло — я его вычислила и сочно впечатала в лицо кулак со свежескупленным кольцом-печаткой. От души. Парень оторопел, рынок грохнул ржачем со всех сторон, а я пошла дальше. А фигли. Любишь кататься...

Спустя минут пять выбралась — и сразу познакомилась с новыми Рагу и Раджи. Дэни — внешности Мефистофеля, страшное трепло, мечтающий уехать в Испанию и открыть там бизнес, и его друг Аджас — тихий, чуть рыхлый парень, бескорыстно влюбленный в русский язык. Мы проболтали часа три в их автомастерской — об Индии, родителях, нравах, России, Гоа, полиции, проблемах, девушках... О том, кто за что любит и не любит свою страну.

Дэни горячился: смотри, вот Аджас. Интеллигентнейший парень, женат на русском языке. А вынужден ковыряться в железках, потому что это бизнес его отца. И даже в колледж поступить не может, потому что у него нет на это времени...

На рынке выбрала гранат, дядька его взвесил: 30₹. Даю 50₹, он возвращает 30₹: Just welcome in my city, mam. Ну почему это так приятно?! Гребаные деньги стали эквивалентом реального отношения к человеку. Проверкой улыбки на вшивость.

В общем, так получается, что не еду я завтра в Агру. Остаюсь тут, и если смогу с утра отыскать нужные ворота с автомастерской ребят, меня целый день будут водить по местным достопримечательностям.

23 декабря. Jaipur

Черт! Почему все время хочется спать?! Сегодня опять больше часа отколупывала себя от кровати. Тело говорит, что если я хочу гулять им весь день, то спать оно желает не меньше 12 часов подряд. Ужас. Эй, тушка, брось свои сибаритские замашки! Хотя, может, это и не проблема тела; может, это мозг не хочет ничего решать, а мечтает фыр-фыр-фыр. А для белой самки без бодигарда безопасное фыр-фыр-фыр возможно только в постельке за запертой накрепко дверью.

Аджас: «Я сказал им — это изумруд; и мой брат надавал мне оплеух. Он сказал: никогда не ври. Не знаешь точно, что это за камень, так и скажи. Маленькая ложь сейчас может обернуться большими бедами в будущем»

Это был бестолковый, но приятный день. Мы катались по городу из мастерской в чаевню, из чаевни к храму; ничего толком не посмотрели, но чуть не надорвали животики от смеха. Парни очень хотели поговорить со мной наедине, о запретной теме секса, просто о чем-то личном, но ни один не желал уступить меня другому хоть ненадолго. Пользовались случайными отлучками в туалет. Я все время чувствовала себя порочной тетей посреди детского сада. В ответ на просьбу Дэни поцеловать его, ответила, что у меня есть бойфренд, а ему надо лишь дожидаться своей мечты — в Испании и впрямь полно клевых девочек, а он отличный парень. Дэни поник и ужасно огорченно сказал: «А сейчас-то мне что делать, до конца учебы два года еще!» — и я не удержалась, посоветовала ему использовать руку (с соответствующим жестом). Дэни вскинулся на меня совершенно совиными, остекленевшими глазами и еще минуты три не мог вспомнить ни одного слова для поддержания разговора. Мысль о том, что девушка может знать о таких вещах и говорить о них в рамках шутки, проходя, за столом, привела его в крайнюю стадию ступора. Я мысленно сделала мощнейший фейспалм, переходящий в пощечину и посоветовала себе не забывать следить за языком.

Конечно, мы поехали смотреть на верблюдов на пяточке возле трассы, где их специально держат для нужд туристов — сфотографироваться, покатаваться, покормить. У них тут очень тяжелая жизнь; верблюды все как на подбор были тощие, с обтрепанными боками, ранами и ссадинами, истертой шкурой и рваными от уздечки ноздрями. Как большинство животных в Индии, они пугливы и послушны (другие, видимо, не выживают), хотя средний верблюд в холке выше меня почти втрое. Сидящий верблюд, слегка склонивший голову, становится одного роста со мной; встает он как складная стремянка, по частям, но довольно быстро (медленно встающих поторапливают палкой). Им сыплют под ноги сухую траву из мешков.

Обменялись фотографией с Аджасом. Иметь с собой два десятка паспортных фото очень полезно с точки зрения сувениров. →

Самая классная часть верблюда, конечно, губы. Огромные, мохнатые. И ноги — как сплюснутые пластилиновые нащепки. Вот бы посмотреть не замороженного, холеного! →

В Аджере, полторы сотни километров отсюда, всего месяц назад проходил ежегодный крупнейший рынок скота, верблюдов в том числе. Тысячи и тысячи голов пригоняют на смотрины. Отборных. А я все пропустила...

Погонщики верблюдов любовались картинками, комментировали, хвалили мастерство и скорость, расспрашивали про поездку... А потом традиционно спросили, дам ли я им денег. Впрочем, на ответ, что нет, не обиделись.

Я стала уставать от этого, реально. И от постоянных расставаний тоже. Только что распрощалась с Дэни, пообещав ему поговорить с друзьями о совместном бизнесе тряпками, и с Аджасом, пообещав писать — на русском в том числе. В общем-то, все как обычно. Я опять very careful, because alone. Я снова на любимом месте в автобусе, и даже смогу занять эту скамейку полностью для сна, наверное...

В Джейпуре строят монорельс — или хайвей развязку? Огромные глыбы бетона, опоры пока несуществующего моста, выглядят абсолютно сюрреалистично. Впрочем, чтобы сломать шаблон, много не нужно — я вот смотрю вперед, и не верю своим глазам, парень мчится наравне с автобусом НА СТУЛЕ! Присмотрелась — а это полностью разобранный фургон, без лобовухи, крыши, жопы — только платформа, руль и сидение. Фантастика.

24 декабря. Agra

Ужасно растянутый городок. Я остановилась в трех, а то и больше, километрах от станции, куда меня привезли, и все равно до Тадж-Махала семь километров. Почти по пустырям. Как таковых, улиц почти нет — лишь трассы, засыпанные колочим песком. Дыхание ледяной пустыни.

Изобрела интересный способ объяснять свою позицию рикшам: я исполняю даршан, согласно которому не могу использовать городской транспорт. Они уважительно качают головой, и из интереса искушают: а за 30₹? А за 20₹?! Если не поддаваться, окончательно вырастаешь в их глазах, они называют свое имя и просят его запомнить.

На остановке спросила дорогу. Парень немного растерялся, так что перезвонил своему другу, а потом, выслушав его, объяснил мне, как пройти. Пожала ему руку, он после этого благоговейным жестом поднес свою руку к губам (учитывая, что я впопыхах подала ему левую, «нечистую», это был очень красивый жест).

Боже, в каком классном отеле я остановилась! С внутренним двориком, где ночью включают гирлянды; с интернет-кафе и очень чутким персоналом. У меня угловая комната с видом в сад. Везде адский холод. День я пропустила. Мне налили горячей воды в ведро... После этого я непреодолимо упала в постель и проспала до ночи. Зато потом пошла наслаждаться ужином.

Север Индии менее смешной, гораздо более европейский. О корнях помнят, чтут их, но не более. Интернет не работает? «Very well...» — озабоченно бормочет портье, симпатичный приветливый юноша, и прописывает

← Кофе или чай приносят, заботливо спеленутые салфеткой, на манер хранящего тепло подстаканника. И питья МНОГО.

заново IP. В кафе пытаются подсунуть курицу, чья цена трехзначна, и первая цифра совсем не единица. Без гарнира. Шарахаюсь, официант понимающе улыбается и открывает другую страницу — «все включено» меньше чем за сотню.

Огромные плазменные экраны в ресторанах часто показывают местные клипы — как правило, просто нарезка какого-то фильма. У них чертовски яркие, красочные и однообразные сериалы. На экране в полуразрушенном городе мальчишка ворует уголь, сбрасывая его с мчащегося поезда под бодрящую музыку — завоевывает уважение в своем поселке.

26 декабря. Agra

Кроме Тадж-Махала Агра знаменита еще и своим фортом. В наказание за проплатый вчерашний день распинала себя безжалостно и к семи, до рассвета, была уже на месте. Понутру скучно, все закрыто — форт в том числе. Пришлось гонять чай с дедушкой.

Очаг ограничен полосой жести, чтобы не задувало; над ним колдует старый индус с удивительно белоснежной щетиной.

- Country?
- Russia
- Taj Mahal?
- Oooo! (возвожу глаза к небу)
- Jeipur?
- (мотаю головой) Delhi. Nepal.
- Wow. Thank you...

Стою во дворе, рисую колонну, вдруг слышу за спиной английскую речь: «Дайте сюда камеру. Я делаю это последние двадцать пять лет...» — обернувшись, увидела двух счастливых индусов, которых «расстреливал» из мыльницы старик-гид.

Побродила по внешнему периметру, оттягивая удовольствие самых дальних залов... и вдруг наткнулась на погранзаставу, с изумлением узнав, что дальше вход запрещен. Реконструкция, половина форта перекрыта. И это от той половины, что не используется армией! А деньги берут, как за целый!

Кстати, перед фортом встретила парня, истово молящегося и бьющего поклоны. Сначала я не поняла, чего это он — индусам не свойственно молиться прямо на улице. А потом увидела у него подмышкой пачку открыток — парень на работу пришел, испрашивал благословения этому дню впаривания туристам сувениров.

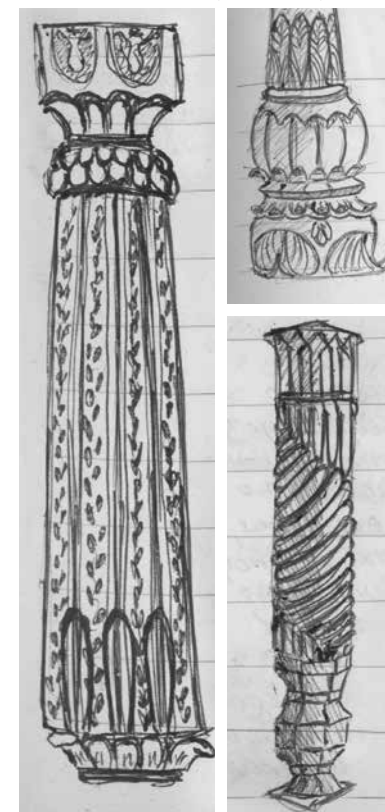
Разочаровавшись в платных развлечениях, пошла гулять по городу. Сижу на задворках запертой церкви (к сожалению, хорошо запертой). Все вокруг усижено боннетами, их тут сотни. Ближе не подходят, нежарятся на солнце. Смотрю, как люди просыпаются и творят свои утренние ритуалы. Например, какой-то мальчишка выпустил голубей и теперь гоняет их свистком над всем городом. Метлами и палками горожане стоняют обезьян с табличек и крыш.

Трудно просто сидеть и рисовать — обычно приходится как-то взаимодействовать. Например, в одном из действующих храмов служитель, дождавшись моего взгляда, терпеливо взял меня за руку, быстренько обвел вокруг алтаря, мазнул по лбу оранжевым, дал цветочек в руки и ткнул в карман: «money». Я положила в коробку цветочек, села на прежнее место и продолжила рисовать. Служитель вздохнул и отстал. Тут вообще любят аутистов и умалишенных.

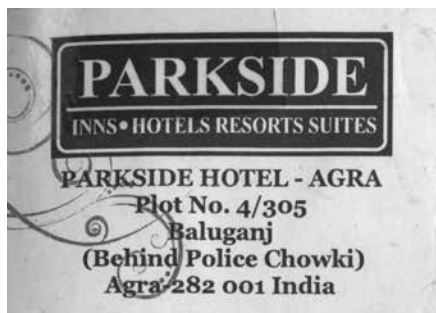
Кстати, прогулки по откровенным трущобам, которых в Агре достаточно, практически сошли мне с рук, только одна тетка вцепилась в Мохнатую Тряпку с явным намерением взять ее в подарок. Но от нее я увернулась, а остальные хотели лишь фото.

Пока я сидела сзади церкви, меня пошел искать дед — ему дети сказали, куда я ушла (куда-куда, куда они показали, когда я спросила, как попасть в церковь!) С палкой и камнями он хотел отбивать меня от боннетов: опасно, показывал он потом пантомимой, могут вцепиться в волосы, одежду начать тягать, лицо оцарапать... Только палка их отпугивает. Или, как выяснилось, белая женщина.

Долго буду считать вид бегущего баффало самым впечатляющим и масштабным зрелищем. Особенно в рамках города, по узкой улочке. Ка-

← И хоть убей не понимаю, чем просто улицы-площади-рынки с кучей скульптур и статуй хуже, чем какие-то супер-платные Махалы. В Тадж, кстати, так и не пошла — равно чудовищная очередь и цена убедили меня, что надо оставить что-нибудь на следующее возвращение.

никого нет, только пожилая сухощавая женщина в светло-персиковом сари наматывает круги вокруг алтаря, против часовой. Обычно обходят два-три раза, а она пошла уже на третий десяток, если я не сбилась со счета. Как большая бестолковая бабочка, почти бегом, очень целеустремленно... Видать, неплохо нагрешила. На тридцать каком-то из нее на пол выпали монетки. Она подобрала их, пошептала, закончила круг, встала перед лицом статуи, покрутилась вокруг своей оси, приговаривая молитву абсолютно кукольным голоском, и продолжила забег вокруг.

Весь второй этаж базара закрыт навеки, отдан птицам и обезьянам. А среди решеток на балконах попадаются реальные шедевры, со статуями, резными решетками, узорами... Остановилась сфотографировать один, сказав вежливо-настороженное «намасте» всей толпе мужиков, сидевшей на завалинке внизу. Один дедушка немедленно попросил сфотографировать его отдельно; встал, приосанился — и тут же к нему набежала куча жаждущих, так что спустя минуту я наблюдала прекраснейшую свалку-драку, в которой дед активно работал палкой. Разогнав юных наглецов, снова принял благопристойную позу для снимка. У них удивительно причудливо переплетаются возрасты — с одной стороны, дети работают, как взрослые, и рассуждают очень рассудительно; с другой — дедушки дерутся, лазают на заборы и запускают воздушных змеев с крыш...

Все более-менее использующиеся вторые этажи — клетки с очень частыми решетками и частоколом поверху. От обезьян. Я оставила обувь на входе в один храм, так служительница сбежала и принесла ее внутрь: оскалила на меня зубы, изображая манки, показала наверх — унесут, не найдешь. Мне пока с ними везло, не сталкивалась в интересах.

В этом ашраме одни женщины. Когда я зашла, ко мне приставили чью-то маму, попросить денег у белой леди. То есть реально — как заводную игрушку

кие они при этом издают звуки! Когда все стадо уже ушло, а из-за угла вдруг вылетает одна, испуганная до ужаса туша: господи боже, МЕНЯ ЗАБЫЛИ!...

Кинари — маленький базар; я проскакиваю его и вываливаюсь на обычные улочки, разворачиваюсь и ныряю обратно... Наконец, устала, решила спрятаться в еще одном храме — тут почти

с протянутой рукой поставили передо мной. Я ее нарисовала. Девушки восхитились, унесли бабушку, принесли чая. Чай оказался у них немного странным, маслянисто-соленым на вкус, так что я засомневалась, не опаивают ли меня, потеряв надежду на старушку как на способ отъема денег. Поэтому отпила немного, выждала минут десять, прислушиваясь. Вроде ничего. Потом залпом допила, поблагодарила и решила идти засыпать в другое место.

Тут включили солнце, и стало жарко, хотя в тени все еще легко вспомнить, что будет ночью. Рикши Агры и впрямь бьют все рекорды по прилипчивости; угоняют поехать с ними за 10₹, 5₹, Free — потому что надеются по дороге убедить тебя по дороге купить тур или хотя бы заехать в те места, где им дают комиссию. От одного я бегала по дороге, перебегая с одной стороны трассы на другую (он ловко маневрировал следом), а потом перед самым его носом вскочила на разделительный бордюр в центре, станцевала на нем замысловатую чететку, показала длинный нос и проорала во все стороны несколько раз: «NO! NO! NO!» — и эти магические пассы как рукой сняли всех, до самого вечера. Телепатическая связь у них, что ли?

Пристающим торговцам я привыкла, не глядя, показывать большой палец, оставляя их гадать — выразила ли я восхищение их товаром на европейский манер или послала их лесом, как житель севера Индии или Бангладеша, где этот жест заменяет «fuck you».

В храме одна из женщин продемонстрировала великолепные знания английского, поздравив меня «Happy Marriage, Christmas trees!»

Пока ела рыбу, рисовала мальчишку, сына хозяина кафе. Он внимательно следил, чтобы у меня не кончались лепешки, и приносил новые. А его сучий отец после этого, полюбовавшись картинкой, заломил за рыбешку такие деньги, словно рыба была привезена из соседнего государства самолетом. Но мне как-то психологически сложно торговаться, когда предмет спора уже во мне.

Купила себе гигантскую папайю на ужин, килограммов семь, если не больше. Даже рикшу взяла себе по такому поводу. Каждый раз, надрезая папайю, вспоминаю: «Я творил груши, а Роман требовал, чтобы я их ел. Я отказывался есть, и тогда он заставлял меня творить снова. В конце концов я сотворил настоящую грушу — большую, желтую, мягкую, как масло, и горькую, как хина.

Я ее съел, и Роман разрешил мне отдохнуть». Папайя и впрямь мягкая, как масло, и горькая, если оставить несрезанной хоть кусочек кожи.

Темнеет и холодает. Пять вечера. SMS мне пишет только альфа-банк.

26 декабря. Delhi

Автобус несет меня из Агры в Дели. Вокруг сплошные поля за довольно качественным забором из колючей проволоки. Явно не место для туалета белой леди. Эх. Негодные Ирка с Эдом, мои безумные друзья-биологи, заманившие меня в пустынную ледяную Агру, сами не нашли времени туда заехать и ждут меня в столице. Ну, погодите!

Мимо проносятся милые башенки, очень аккуратные. Если не знать, что это уложенное дерьмо буйволов, в лепешечках, то смотреть очень приятно. А еще были башенки с крышкой — это трава, собранная в снопы и аккуратно перевязанная. А еще попадались огромные башни-печи для обжига сырцового кирпича. Лепят его по соседству, раскладывая на больших площадках.

Высадили меня довольно далеко от города — как и все мегаполисы, Дели имеет пригородные автостанции за пределами местных МКАД. Туалета на станции не было. То есть я встретила местного уборщика, до блеска натирающего тряпочкой новенькую кабинку, и даже разглядела вожделенный унитаз, но внутрь меня не пустили — «не работает». Я порядком обзлилась, нашла военного и пролезла к ним в местную военную часть, где обрела и туалет, и душ. Военные тут всегда лапочки, единственная категория мужского населения, которая с одной стороны готова помочь, а с другой — не стремиться извлечь из тебя пользу. Одновременно два этих свойства практически не встречается и потому ценятся вдвойне. После этого я лихо склеила себе дячку, который помог поймать нужный автобус до метро (а то местные рикши уже начали было убеждать меня, что таковых вообще не бывает), и без проблем добралась до указанного Иркой с Эдом хостела.

Метро у них странное — при переходе с линии на линию нужно покупать новый билет, выходя наружу (!). Лестниц много, бегать по ним со всем моим стаффом мне не понравилось.

Ребята встали на Main Bazaar, это что-то вроде нашего Арбата до того, как оттуда разогнали лотошников. Огромная улица, засыпанная всевозможными

индийскими и не только мануфактурами, от тряпок и фенечек до кованной кухонной утвари. В целом, набор сувениров вполне адекватный, а цены всего в два-три раза выше обычных. Придется потолкаться на этих рынках до вечера — ребят в отеле нет, а без них меня в номер, конечно, никто не пустит.

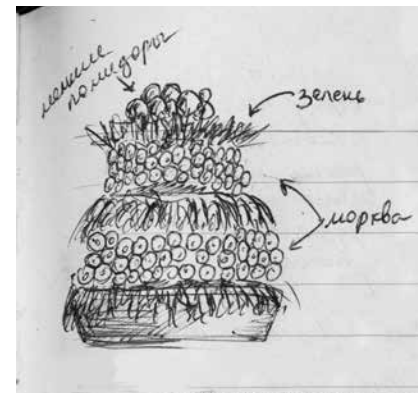
Плохо то, что я чувствую себя не особо здоровой. То ли холод меня дожрал, то ли месячные догнали, но доминирующее желание — спа-а-а-ать.

Если свернуть вбок от Bazaar'a, то сразу начинаются прекрасные кварталы с настоящей жизнью, практически Удайпур. Ну, или Насик. Город-рынок, причем истинно индийский, не для туристов.

Почему-то очень приятно в двух шагах от туристической мекки отыскать рестораны, где меню переведено на три популярных в Индии языка, а по-английски — ни слова.

27 декабря. Airport Delhi

Ночка была странной. Я таки попала в их пафосный отель, и мне даже дали отдельную кровать (то есть я подвинула Ирку с Эдиком на одну). Я долго параноидально чесалась под теплым и уютным одеялом, пока не проснулась окончательно и не поняла, что это не сон и не память о прошлых клоповниках, а меня реально обглаживают. Их было так много, что локальное решение (настелить пенку поверх) не помогло, они приползли снова. Плюнула, ушла на холодный пол — и за ночь продулась окончательно. Встала по будильнику, опухшая от недосыпа, соплей и укусов (в лицо меня кусали впервые, признаюсь). Залезла в душ, открыла воду погорячее и поставила себя греться. Проснулась от того, что пошел кипяток. В отеле наша группа из

← Гениальная ваза из овощей, служащая для привлечения внимания к лавке зеленщика. В половину моего роста. Свежая и невыносимо прекрасная.

пятерых русских разделилась, две пары и я ехали в одно и то же Катманду отдельно.

В аэропорту меня встретили чудесно; на ресепшене девушка похвалила мой индиан-лук, а узнав, что у меня есть и сари, окончательно растаяла. Конечно, такое милое начало мне вскоре аукнулось: девушка заглянула в мой паспорт и нахмурилась, уже без никакой милости и улыбки заявив, что с моей визой я должна была зарегистрироваться после прилета, а раз регистрации нет, выпустить меня из страны нельзя. Меняйте, мол, билет, разбирайтесь.

Я предложила разбираться ей, а про себя подумала, что если меня не выпустят сейчас, то я просто впаду в аэропорту в спячку до Нового Года или выздоровления, но бегать никуда не буду. Девушка и правда побежала к местному консулу, который обозвал ее дурой и призвал внимательнее читать пояснения к визе. На чистом английском там было сказано, что регистрация нужна, если я прилетаю БОЛЬШЕ, чем на 180 дней. Других проблем не было, так что, несмотря на огромные очереди к осмотру «для леди», еще час до вылета, а я уже сижу на финишной прямой. В зале вылеталюдно, чисто, — все международные аэропорты похожи друг на друга. Только тут везде бусы и слоны. И ковер на полу — ВЕЗДЕ. Молюсь, только бы не отрубиться и не проспаться самолет!

В салоне много пожилых сухощавых немок и остро пахнущих парфюмом непальцев. Ужасно хочется спать, но мое место у прохода, не самое располагающее. Играет какая-то средневековая не то лютия, не то флейта, аж книжка из рук вываливается, так клонит в сон... А Ирка говорила, что в Непале есть аэропорты, где взлетка начинается строго от стены и заканчивается пропастью, на дне которой видны многочисленные останки прежних самолетов. Жаль, но я это кажется пропущу...

28 декабря. Nepal. Kathmandu

Местные таксисты обижаются, если их игнорировать. «Можно же просто сказать нет!» Лица совсем другие, неожиданно много неформалов с дредами или в кожаных понтовых куртках. После абсолютно традиционной Индии выглядит очень современно.

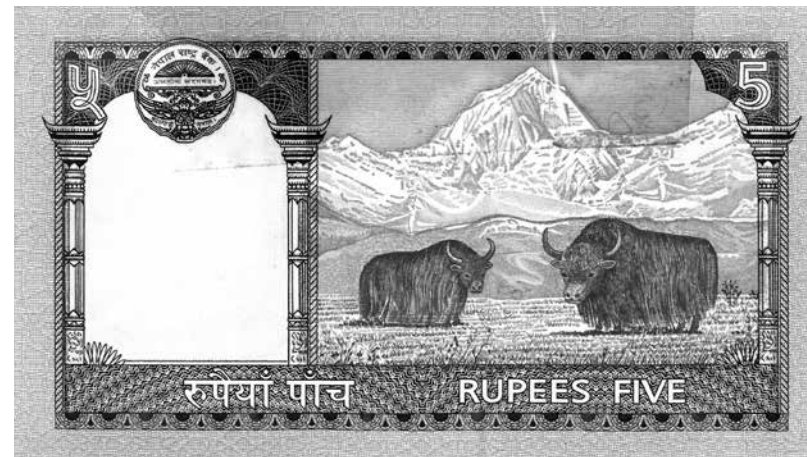
Залюбовалась мальчишкой-кондуктором из автобуса: очень китайская внешность, серьги в обоих ушах; он откровенно наслаждался своей работой. Висеть в дверях, не закрывая их; сочно сплевывать на мостовую; перебором почти музыкальных фраз выкликать следующую остановку; запихивать пас-

сажиров и собирать с них дань, постоянно перемещаясь внутри и снаружи салона... И, конечно, стучать по автобусу, отдавая команду водителю, или свистеть заливисто, требуя остановки.

Отвалявшись в постели, почувствовала себя лучше. Наутро мы наскоро позавтракали, мерзло ежась в хостельной кафешке, и погнали на байках гулять. Мне так толком и не сказали, куда это мы, но теперь это и неважно; наконец-то перерыв в необходимости все решать. Правда, некоторая сложность состоит в том, что мои тряпки все по отдельности. Если их замотать все вместе на меня, добавив иркин свитер и носки, получается тепло, но на байке такая капуста разворачивается все время, не пофотографируешь.

Гоним куда-то вдаль, Ирка сидит с Эдиком, я с каким-то местным (друг брата какого-то местного биолога, приставленный нам гидом). На первой же остановке под предлогом горячего чая мои товарищи-биологи ринулись на ближайшие waterfalls, вниз по склону через колючки, обсуждая по пути богатство флоры и фауны. Я в своей капустке замешкалась, и гид радостно начал мне помогать, убеждая не торопиться. В этот момент я осознала, что по физическому и психологическому состоянию не готова состязаться с этими горными козлами, сдалась и уговорила гида после осмотра водопада не ползти вслед за психами, а вернуться в приют на дороге и выпить там обещанного чая с мо-мо из буффало. Теперь всем хорошо — Ирке не мешают с воплями восторга бросаться на свежие кучки выдрячьего дерьма, я сижу в тепле на террасе и болтаю с непальцем.

Мо-мо — непальская разновидность пельменей. Весьма крупные кулечки вареного теста с разнообразной мясной или овощной начинкой.

← Первая непальская денежка.

Природа здесь, как в Тамилнаде — лесистые горы, очень извилистая дорога (выезжая из одного поворота сразу же надо быть готовым к следующему), рисовые террасы, пока пустые. Межсезонье. Зима. И довольно холодно... Когда выходит солнце, сразу кажется, что это последний погожий денек перед жуткой вьюгой.

Внезапная проблема — так холодно, что ручка отказывается писать. Для нее-то нет свитера. И рисунки получаются небрежными, потому что вырисовывать детали нет никаких сил.

На ночь выпили виски, чтобы согреться. У Ирки запас «Куропатки», еще с Duty Free, Эдик прекратил наши попытки общения веским «Спать!», и я села тихонечко изучать путеводитель по Катманду от Романа Карачаева. LP по этой стране у меня нет, и я чувствую себя немного неловко от этого.

Текст от Карачаева мне очень понравился, там масса очень метких комментариев. Почерпнула знания о том, что в горах варят тибетское пиво под названием чанг, а в кафе на поворотах — глинтвейн томпа. Катманду стоит на высоте 1340 м; мы сегодня поднялись еще на триста-четыре метра в наших прогулках, и я уже начала это ощущать, как нехватку кислорода при резких движениях.

В отличие от индусок, непалки носят тяжести все же на спине. Голова помогает, но лишь как центр, придерживающий ношу.→

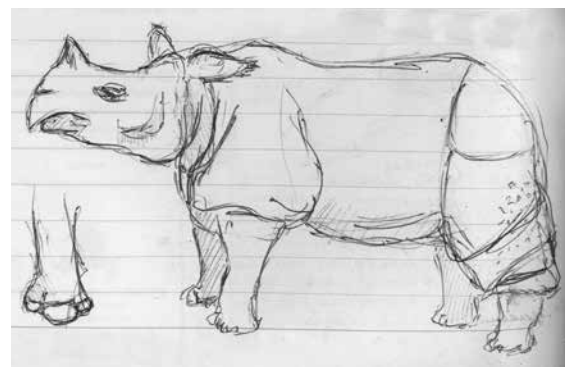
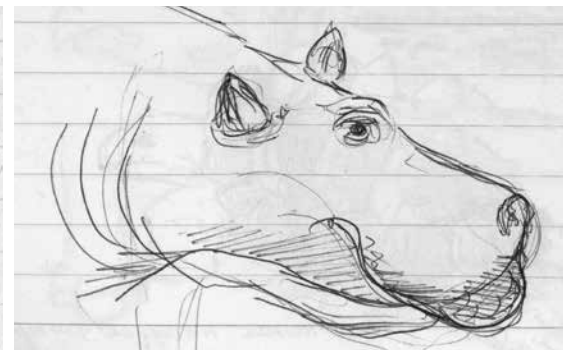

Б-р-р, как они моют в такой ледяной воде тарелки? А еще по дороге видели нескольких непалок в одном полотенце вокруг тела, непринужденно моющих роскошную гриву в придорожной колонке. Представить не могу, что кому-то в такой холод не хочется совать шею под ледяную струю. Кутаюсь в Мохнатую Тряпку, мечтаю о горячем душе.

29 декабря. Kathmandu

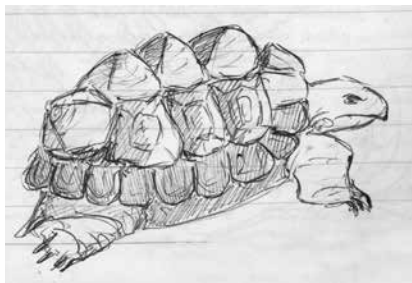
Энтропия совместного тупления нарастает, ибо толпа без лидера обречена погрязнуть в спорах. О направлении, последовательности событий, скорости... По мне так единственный продуктивный способ — отделиться, чем я и планирую заниматься весь остаток вечера.

А пока прямо с утра мы с Иркой надели наши сари и Мохнатые тряпки и, как сестры-близняшки, пошли знакомиться с местными министрами. Пе-

← Зоопарк один на весь Непал, и по словам моих биологов, звери тут достаточно запущенные. Вольеры чистые, но маленькие, а видов представлено очень мало. Из кошек — леопард и какая-то маленькая ночная киска; семья носорогов, один гиппо, пара-тройка огромных пеликанов в пруду, копытных пять-шесть видов... А на воле в крошечном Непале представлено около 3% мирового разнообразия млекопитающих, между прочим.

← [слева] Наконец-то носорог в рисовальной близи! Правда, я все равно немного ошиблась — у него асфальтовые шорты, а я нарисовала слишком длинные штаны.

реговоры вел Эдик, мы были вынуждены делать вид, что вообще тут ни при чем и разыгрывали роль сопровождающих дев (Ирка, как равноправный биолог, яростно негодовала про себя; я осталась равнодушной). Нам витиевато обещали разнообразную помощь, но в преддверии Нового года, кажется, особенно проблемой двух при-

шлых ученых никто не озаботился. Если честно, мы все вздохнули с облегчением, так как ожидали встретить неусыпный контроль.

Мне почему-то ничего не хочется, только залечь в спячку, желательно, безвременную. Медитативно бродить и рисовать всех попало мне это не мешает, но вот про более активную деятельность я думаю без энтузиазма. Может, просто холод выключает?

После зоопарка пошли смотреть центр города. Я уже обрела здесь самые обычные, непалофосные и нетуристичные носки-гольфы, на чем утепление считаю законченным.

30 декабря. Kathmandu

Попутру все стремительно разъехались — я позавидовала парочкам, у которых самец способен быть драйвером, и наконец-то пошла гулять одна. Проблемы с желудком мне не почудились, кстати; кажется, мо-мо вместе с чаем не прошли для меня даром. Симптоматично, что отравилась я ровно в тот момент, когда перестала жрать что попало за три копейки у дороги и начала питаться вместе с друзьями в ресторанах. Организм видимо прифигел от такой роскоши.

Брожу по принципу «куда несут ноги». Непальцы совсем не так восторженно-приветливы, как индусы, но на улыбку обычно отвечают. В туристических местах обычные люди, не связанные с выбиванием денег из приезжих, скорее взирают настороженно-неодобрительно: «Чего приехали? Снимать нашу дикую жизнь? Что, зоопарк нашли?». Знакомиться никто не рвется, наоборот, слегка шарахаются. Ну, это в целом объяснимо — в отличие от Индии с ее колониальным мышлением и привычкой видеть в белом человеке господина, Непал никогда и никому не удавалось завоевать. Слишком горно, и армия у них — едва ли не лучшая в мире (кажется, до сих пор один

из непальских лучших полков призывается по контракту в Европу). Так что заискивать перед белыми им абсолютно не с чего.

На прогулке внезапно забрели в очень опасный райончик с хорошими тканями; не удержалась, спонтанно купила себе еще одно сари, красное, хлопковое, с вышивкой. Как сказал Эдик: «Если не подойдет, всегда можно пустить на занавески».

Непальские дома в историческом центре города — очень старый крашеный кирпич и отделка из, внезапно, дерева; окна обрамляют панели с узорами, потемневшими от времени, все в трещинах и голубиных отметинах. Чем-то напоминают наши избы или, скорее, более современные дачные домики под старину. Еще по штукатурке бывают нарисованы иконообразные картины, но их почти совсем не видно — слишком потемнели от времени. Хочется вспомнить рецепт реставрации святых ликов (чем их там протирали? луком? молоком?) и высветлить.

Последние дни, в стае себе подобных, я бродила как образцовый турист — быстро, с целью, игнорируя местных. Оставшись одна, замедлилась. Спустила пару часов прогулки начала осознавать, что это не непальцы неприветливые, а ко мне приросла брезгливая маска туриста. Стоило ее отколоть, и жизнь наладилась. Через несколько знакомств и разговоров вернула себе привычное любопытно-улыбчивое выражение лица — и мир вновь стал радужен. За одно сегодняшнее утро я познакомилась с большим числом непальцев, чем за все предыдущие три дня.

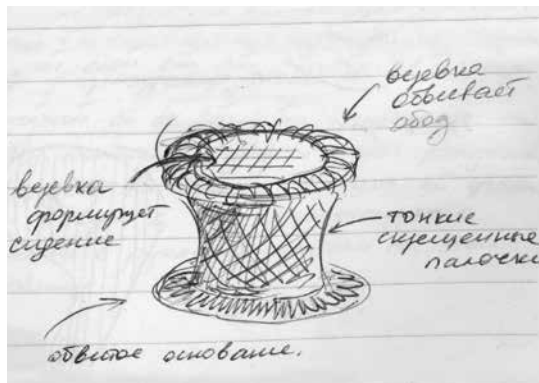
Подошва окончательно развалилась. Причем не у ботинок, увы, а у моих ног. Растрескалась вся кожа, сочится, зараза, какой-то дрянью, болит при ходьбе. Доконала ноженьки ледяная пыль, смешанная с мочой; никакой левомеколь не спасает. Что-то я вся разваливаюсь. Кажется, меня надо срочно в тепло.

Замужние женщины в Непале носят красное, такого бордового оттенка, как стандартная индийская точка-бинди. Именно того цвета, который я волей судьбы коллекционирую с самого начала путешествия. Так что теперь мне говорят, что у меня Nepalidress.

В автобусе тетушка бегло расспросила про поездку и озадачила вопросом, правда ли непальцы самый дружелюбный и готовый помочь народ. Учитывая, что она обещала показать мне нужную остановку, было как-то нелепо отрицать этот тезис, однако после липких объятий Индии прием в Непале кажется слегка прохладным. Во всех отношениях. Я что-то нечленораздельно пробубнила в итоге вместо ответа, а у нее хватило такта не переспрашивать.

Миниатюрная статуэтка молящегося паломника, сидящая на краю десятисантиметровой чаши для масла в уличном храме. [слева] →

Высота конструкции — где-то по колено. Назначение — табуретка. Используется всеми торговцами, носится на плече. [справа] →

Освоила основной местный транспорт. Это что-то вроде мини-грузовика с двумя скамейками внутри, обращенными друг к другу и открытой (а точнее отсутствующей) задней дверью. Люди набиваются плотно, часто повисают снаружи на подножках. Теперь хочу попасть на крышу автобуса в междугороднем рейсе. Был бы только день солнечный и теплый...

Кстати, в крошечном Непале больше десятка официальных аэропортов, и еще несколько частных. Полет от города до города не больше получаса, и это безопаснее, чем по серпантину на автобусе. Интересно, а если эту местность разглядить утюгом, поплющив все горы, сколько километров будет занимать новая граница? Какова реальная площадь у этой страны, где находится восемь из четырнадцати восьмимиллионников мира?

Тут абсолютно невозможно верить в дату, которую я записываю в дневник. Ни елок, ни снега, ни радостно-возбужденных полупьяных толп с подарками. Погода наводит на мысли о поздней осени с удачными, солнечными деньками. Говорят, кстати, что в Москве тоже нет снега.

С электричеством в городе и правда сложности. Почти все нетуристические лавочки сидят днем без света, из-за чего производят впечатление пещер. Единственные ярко освещенные ларьки — с бусами из бисера и стекла. Они светятся как те самые елки, которых тут не бывает — без слепящего света, играющего на гранях, их фиг продашь. Фен в номере периодически самопроизвольно включается — значит, дали свет. В комнатах около десяти градусов, спасибо что в плюс.

Исторический центр, если выйти из туристического района Thamel, напоминает китайский квартал, как его изображают в фильмах — сотни людей на узких улочках, покрытых лавками с тряпками и медными чанами; внезап-

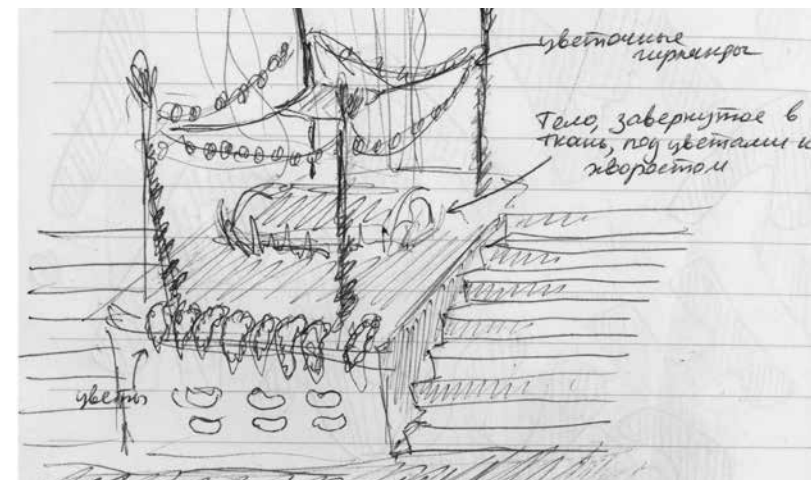
но вынырывающие храмы, погребенные под слоем продающихся покрывал... Здорово побродить, в общем.

На закате решила скататься в Пашупатинах — храмовый комплекс, известный благодаря популярному у туристов обряду кремации. Настолько популярному, что с белых обезьян берут аж по 1000₹ (местные рупии, кстати, немного дешевле индийских; 1 рубль равен 2 индийским и 3 непальским рупиям, то есть мне предложили билет за 300 рублей). Очень намеревалась пройти задом даром, но меня отловил билтер, и подвела вежливость — он столько бродил со мной, ведя философские беседы, что просто раствориться среди темноты мавзолеев было как-то неловко.

Обряд кремации отвратный. На специальном лобном месте над рекой (так называемые «гхаты», то есть бетонные постаменты на берегу) строят «опочивальню» для последнего сна. Балдахин из цветов и тканей натягивают на каркас. Специальные люди обкладывают тело снопами тонкого хвороста. Дым поднимается жирный, огня почти нет, пахнет шашлыком... Мне и так было не очень-то с самого утра, а от этого запаха стало совсем. Видимо, такие проблемы были не только у меня, потому что ступени для зрителей непрерывно окуривали чадящими благовониями. Много местных, в том числе песнопев-

← Змея — символ Шивы. Как и лингам, трезубец, барабанчик дамару, полумесяц, шкура тигра, сосуд для воды, раковина, белый бык и фонтанчик, символизирующий исток священной реки Ганга... Порой складывается ощущение, что все предметы на планете суть его символ.

← Под гхатом тридцать зеленой, зловонной канализации Барматти. Где-то там, далеко, она впадает в еще более грязный Ганг, что делает и ее саму тоже священной, желанной и любимой.

ческая группа; они поют во время всей процедуры. Когда огонь доедает тело, остатки сбрасывают в воду. То есть предполагается, что в воду. На самом деле сейчас сухой сезон, воды едва ли по колено. Одновременно горит по три-четыре костра, и река ощутимо мельче под гхатом...

Такой красивый ведь был изначально обычай! Но из-за поточности процесса получается, что полуобгоревшую тушку топят в неглубокой канализации, откуда ее вскоре выколупают бродячие вброд псы (и, как поговаривают, сборщики золотых зубов).

А над всем этим возвышается хоспис, где будущие шашлычки ждут своей очереди, поглядывая на уже свободных от сансары предшественников. Пожалуй, я сделаю поправку к своему завещанию, что согласна не на любое сожжение.

Впрочем, иноверцев в Катманду жарить строго запрещено.

31 декабря. *Kathmandu*

Решила, что последний день года надо провести так, как хочется. Поэтому выпалась, сходила пообедать в отличную тандури забегаловку и уселась на солнышке нашей хостельной веранды писать письма. На этаж пониже — балкон небогатого дома и широкие открытые окна к ним. На балконе, завернувшись в пледы, сидит вся большая семья непальцев. Мама причесывает дочку, сын что-то учит по разбросанным листкам, бабушка нянчит мелкого. Переглядываемся иногда, улыбаемся. Я играю в черепаху, переползая вслед за солнечными пятнами. В этом фан многомесячного путешествия — некуда спешить.

Сам новый год мы провели потрясающе. К вечеру решили пойти в бар, долго петляли по улицам; искали «тот самый», от которого ребята остались в восторге после какой-то вечерней прогулки. Там отличная непальская группа вживую играла всякую рок-классику. Мы обошли несколько улиц, запруженных праздничными непальцами; уперлись в какие-то живые кварталы с запертыми воротами и доносящейся из окон музыкой; потеряли дорогу к нашему району вообще... И вдруг вышли напрямик к Reggae Bar. За вход пришлось заплатить, зато какая там была атмосфера! Как выразился Эдик «словно мы на концерте Металлики в 1983-м, еще в гараже».

Парни играли. Это была местная группа Cobweb, и, боже мой! Как это было прекрасно! Мы с Ирккой протиснулись к самой сцене, отодвинув стол с чьим-то пивом и ногами — и, не отвлекаясь, несколько часов проторчали, внимая. Накурено, сбоку орет колонка; солист не просто идеально копирует интонации, знакомые с детства, а еще и добавляет в них свою силу.

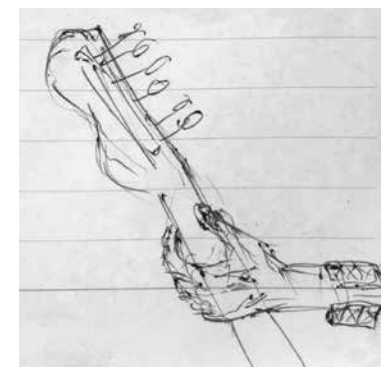
Вместе, всем прокуренным и охрипшим залом, отсчитали «Seven, six, five...» — и сдвинули бокалы. Всем залом мотали хаером в такт «No woman, no scum», синхронно завывали «Нooooooooooooooooo!» при сообщении, что песня последняя, и пошли пить вино на нашу веранду. Сегодня я совершила подвиг во имя Нового года, и снова набрела на развал горшечников посреди рынка-муравейника. Купила там десяток одноразовых чашечек-подсвечников по рублю штука, а еще свечей. Так что остаток новогодней ночи мы сидели за теплым огоньком с дорожными фисташками («Мы их из Калифорнии завозим, своих нет, поэтому так дорого»), а потом еще и чай заварили, в котелке на горелке. Хорошо путешествовать с бывальными походниками!

1 января. *Kathmandu*.

Выспалась.

2 января. *Kathmandu – Chitwan*

Не знаю, что это было, но на просьбу отдать мой ключ пухлый портье протянул два разных, на выбор; причем руку с моим отдернул, ухмыльнувшись: «Сегодня ночуешь в моем номере, окей?» Стукнула по столу, посоветовала не шутить со мной так тупо, забрала свой ключ, заставив его испуганно пискнуть вслед «Ваш автобус в 6:30...» Нигде нельзя расслабиться!

← Бас-гитарист божественно прекрасен. Индеец с длинной шерстью и серебряным браслетом на жилистом запястье, и к тому же еще победитель международных гитарных конкурсов. Даже Эдика проняло: «да, был бы я девчонкой, дал бы сразу».

Утречко, нос мерзнет, почти семь. Обещают шесть часов безудержного веселья. Правда, едем не на горный север, так что серпантинов не должно быть, но Ирка с Эдом анонсировали окончание дороги вместе с городской чертой. Они вчера днем выехали на байке — с прицелом заночевать где-то по дороге в кустах. У них-то спальники на ноль рассчитаны, в отличие от моего.

Нумалауа, выпускающая среди прочего гигиеническую помаду, творит чудеса. Отчаявшись решить проблему другим способом, купила ее и намазала разваливающиеся ноги. У-и-и! И они собрались! Теперь бы их еще в тепло сунуть, и с желудком разобраться...

Я вчера, не просыпаясь, подъела все объедки новогоднего пиршества, а сегодня боялась упустить автобус и ничего не купила. Да и что тут можно раздобыть в семь? Все закрыто, с лотков торгуют только имбирем и зеленью. Интересно, осаждают ли в деревнях туристбасы какие-нибудь пирожконосцы? Сомневаюсь.

Ладно, чего уж там, погнали.

Внезапно проезжаем оживленное место — стадион. Футбол и бадминтон (!) помогает согреться мужикам. В углу большая группа занята йогой с учителем, вещающим в микрофон.

Интересно, что сами непальцы вещи своей чудесной вязки (которыми запружен весь туристический Тамель) не носят. Шапки у них китайские, шарфы

тоже, в пончо никого не видела. Боливианские женщины, вот, сплошь и рядом в том самом теплом, что хочется купить — поношенные и истертые, эти яркие тряпки все же прекрасно узнаваемы. Полосатые штаны пижамного типа, например, которые мне заменяют домашние треники, там носят вполне солидные тети в горах. А тут получается, что это не их национальное? А чье? Тибетское?

Бадминтон и впрямь оказывается популярным развлечением у взрослых. А у детей популярен... сокс. Причем играют неплохо, и со специальным вязаным мешочком с песком, и с пучком петрушки.

Холодно. Попрыгала по разным сторонам автобуса, пытаюсь угадать ту, которая больше будет нависать над пропастью, но они почему-то постоянно менялись. Плюнула, и с тех пор ни одной замены — пляжусь на вертикальную стену из камня, эвкалипта и редких селений. Много придорожных кабаков; справа бежит довольно широкая река, мутная и быстрая. Видимо, источник тех самых шикарных семикилограммовых рыб, что встретились мне как-то на рынке (до этого я с ужасом думала, что эти людоеды водятся в Багматти и кушают обучающихся паломников).

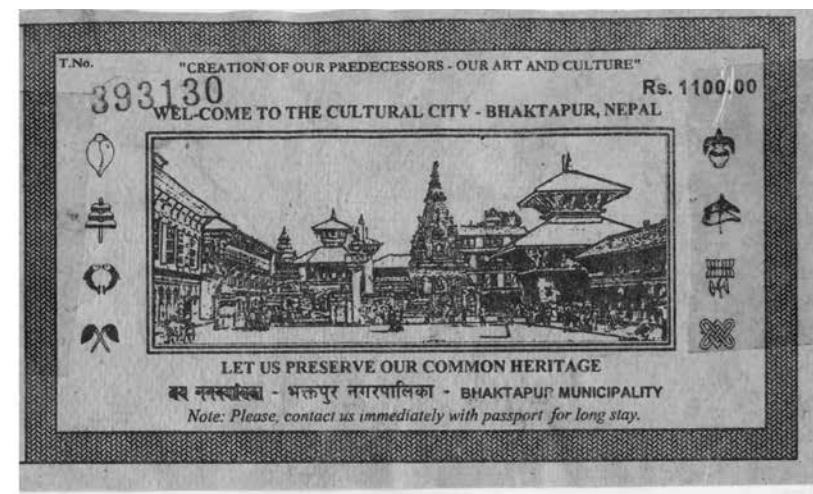
Туалет-брейки тут часты, не успеваешь даже захотеть толком. На обед встали в чудесном ресторане, где я взяла прекрасных блинов. Блины-то были супер, а вот обещанный шоколад оказался гнусным соусом. Пришлось потратить подарочный Иркин джем из самолета. А потом я решила вовсе обнаглеть и сделала мальчику знак рукой «неси соусы». Вообще-то их подают к thali, собственно, они и есть thali — кроме них в этом блюде только пустой рис. Но мальчик придираться не стал, и бессмысленный рапсак превратился в шикарный bancy.

Глядя вокруг, начинаю думать, что жизнь уныла не только без детей и работающего мужа, но и без коровы. Я бы ей рога, по индийскому обычаю, выкрасила, попонку сшила... Связала. Тут на коз надевают старые вещи, как в северной Индии. Толстовку продавают через передние ноги. Чтобы теплее и от соседских отличалась.

Включили солнце, стало припекать. На трассе встречаются особняки с колоннами. Странно думать, что их обитатели выбирают отсюда по тому же бездорожью. Все растения вдоль трассы монохромно-песчаны — интересно, как они фотосинтезируют, с таким-то слоем пыли? Их же тут годами цементируют.

Сверху десятки метров скал с травой, которые где-то на немыслимой высоте кончаются лесом с верхушками, обглоданными туманом.

Город какой-то обычный, так выглядит и Катманду вокруг исторического центра — пыльные базары с непривлекательным китайским трикотажем, лотки с орехами (арахис жарят прямо при тебе, используя подручный мусор вместо топлива — видела торчащие из печки картонки от ящиков, пакеты из-

Проход в исторический центр любого города в Непале платный для туристов. Впрочем, Lonely Planet советует позаимствовать визитку любого хостела и проходить со словами «я иду домой» или обойти задом. Однако мои честные друзья обеспечили мне прекрасный сувенир. Из города-полюбуй Катманду Бактапура. →

под сока и ножки стульев). Самые яркие ларьки — с мандаринами. Они тут пронзительно-оранжевые. А в Индии — зеленые... Проезжаем погранпост. Пыльно, тихо... вокруг лес.

А вот в долине намного уютнее. Солнечно, веселенькие рапсовые поля, чистенькие утки и невозмутимые баффало прямо возле заваленок, мелкая травка вызывает неудержимое желание в ней поваляться. Наверное, я и впрямь солнцезависима — жизнь резко стала прекраснее. Тем более, что меня высадили в центре всего этого великолепия, на крытой остановке между полями, где местные возят копна сена на велосипедах. Конечно, ко мне тут же подскочили зазывалы, организующие тур; но я разлеглась на остановке и беспечно объявила, что жду группу и у меня уже все организовано.

Моя «группа» тем временем едет где-то с выключенным телефоном... Имитирую незнание английского, кутаюсь в линялую тряпку и сливаюсь с местностью. Правда, у одного из гидов скилл разговора оказался выше, чем у меня скилл игнорирования; но тут вовремя подъехали ребята, и разговор сам собой пресекся. Маленький ебкий скутер поднял нас троих, два больших рюкзака (в ногах у драйвера) и еще два маленьких (на плечах у нас). После Вьетнама не веришь, что бывают вещи, которые невозможно увезти на байке.

Катаемся вокруг входа в парк, ищем рэнжеров, которые помогут нам реализовать данное министром обещание бесплатного транспортного слона по джунглям. Или хотя бы вход. Эд ругается сквозь зубы, что не видел таких нацпарков, чтобы охрану приходилось днем с огнем разыскивать.

Слоновью стоянку уже нашли, например. Жаль, без погонщиков.

Вообще легкого штурма ничто не предвещает. Телефон министра, по чьему звонку нас должны были на руках пронести через весь парк, вообще выключен — видимо, у него все еще Новый год. Но я сижу с вещами на солнечной уютной полянке; я прочихала такую дырку в соплях, что чувствую запахи сухого, нагретого лучами дерева, и пыль на листьях, и всю эту безмятежность тихой осени — и планирую наконец долечить кашель, засевший еще в Хайдерабаде. Мне хорошо и без слона.

Запомнить на будущее: салат из дайкона с морковкой прекрасен! Даже если просто купить два похожих овоща и бродить, откусывая от них поочередно.

Не добившись ничего от егерей, стали организовывать быт, как обычные туристы. Нашли комнату — 300₹ (100 рублей) за всех. Дешевизна домика с «closet included» компенсировалась тем, что мы выложили по 4000₹ с человека за путевку в нацпарк. Включено «транспортное средство» и пара егрей-проводников.

Никаких поблажек биологам не сделали. Ночные прогулки по лесу запрещены абсолютно всем без исключений; «армия стреляет по любому подозрительному движению». Водная граница — река; пробраться незамеченными через нее, крокодилю вотчину, не так просто. Без гидов перемещения по территории невозможны — тигры, носороги и дикие слоны...

3 января. Chitwan

Мнда, игнорировать симптомы проблем с желудком уже непросто. Слабость, понос — хорошо хоть, контролируемый. Все время хочется сесть и по возможности не двигаться; жаль, но сегодня такой возможности не предвидится.

Первая часть прогулки внезапно оказалась тяжелее пешего путешествия, намеченного на вторую половину дня. Мы поднялись затемно и по холоду пошли искать слона. Я как-то уже каталась на широкой спине; но тогда я была здорова, да и маршрут был рассчитан всего минут на десять. А тут... Поднимаешься на площадку, делаешь шаг на эту послушную серую гору, прямо в привязанную постромками корзину... А он весь шевелится! Каждая мышца ходит под тобой, каждый шаг раскачивает сидение. Асфальтовая шкура двигается так, что даже не нащупать ногой опору. Мне, конечно, не стало лучше от постоянных рывков, так что вокруг я смотрела с несколько тускнеющим интересом.

Зато животные слонов действительно не боятся. Идет себе громадина, пахнет лесом, а не бензином... Всякие копытные лениво отшагивали практически из-под ног нашего транспорта. Никого особенно интересного мы не встретили, но сама атмосфера умиротворенного сафари очень впечатляет. Зато как здорово было потом слезть! Дала громадине поощрительный огрызок морковки в хобот, похлопала по волосатой попе. Отдыхай.

Поесть между мероприятиями нам не удалось — ресторан закрыт на пересменку, завтрак уже кончился, на обед еще не насобирали овощей. Ирка умудрилась раздобыть на кухне холодных пур и целую соусницу, взяли по чаю, перекусили и пошли с рейнжерами в парк.

Многокилометровая прогулка оказалась действительно захватывающей. Мы играли в индейцев, соревнуясь, кто больше найдет следов, артефактов, увидит птиц или насекомых. Прямо на центральной дороге — носорожки утюжки в пыли, тигриные лапищи, медвежьи кучки. Нашли следы черепашки и тигрячьего подростка рядом с мамой. Эд жарко спорил про каждую встреченную пичугу — у гида был с собой бинокль и книжка-определитель; Эдик вооружен эрудицией и объективом-200.

Гиды не особо мешали. Старший в паре командовал: стоим, идем, тихо. Младший галантно придерживал ветки и молча дарил нам с Ирккой найденные цветы и перья. Они даже отыскивали для нас пару зеленых гуав, виновато пояснив, что на манги сезон в июне.

Для ребят безлесая, саванная пустошь не представляла научного интереса; оба мечтали попасть в заросли, но гиды наотрез отказались продлевать к ним маршрут — засветло не успеть. Встретили массу слоновьих лепешек, да и самих слонов — они работают тут на постройке разных полезных сооружений, помогают ворочать срубленные деревья и возить тюки сена. Как-то вылезая в очередной раз из кустов, куда периодически отпрашивалась, а все стоят и гладят слоненка. Ребенок был чуть выше меня ростом; он испугался такого внимания и чего-то страшного, проломившегося через кусты прямо перед его хоботом, так что панически взревел и боднул меня. Я чуть не улетела в куст обратно, мальчика отогнали пастухи, мы ретировались. Гид отдышался — он, как ответственный за все происходящее с нами, чуть не словил инфаркт на ровном месте, — а потом посоветовал мне не трогать животных, особенно маленьких. Особенно в присутствии их родителей. На что я, потирая живот, обиженно ответила, что я его и не трогала, это он меня... потрогал. Посмеялись.

Самое потрясающее, что нам удалось подсмотреть в парке — это битва носорогов. Вообще идея увидеть «рино» витала с самого начала, с первых следов. Нас даже подвели к возвышенной площадке посреди саванны, где можно в бинокль обзирать все поля вокруг, и мы на грани видимости смогли полюбоваться чем-то, что роется и сопит в зарослях. Сказали, это был носорог. Крокодиль, бревно которого валялось буквально в паре десятков метров от нас, на ближайшей лужице, был виден намного лучше, даже без бинокля. Зато потом! На обратном пути! Ребята традиционно завязли в очередном трухлявом пне; гиды несколько нервничали, так как мы ушли довольно далеко, а время посещения заканчивалось, им полагалось вывести нас за блокпост. Сначала старший уговаривал Ирку бросить пень и начать двигаться, а потом вдруг насто-рожился: слушайте! Там же носороги! Ребята посмеялись: ладно, ладно, уже идем, не надо нас пугать. Но через минуту стали отчетливо слышны взрывы и звуки драки. А потом гид вдруг изменился в лице и побежал вперед очень живо, уже не пытаясь нас подбадривать. После того, как он на наших глазах рыбой нырнул в кусты, росшие на берегу, а второй белочкой взлетел на дерево, мы тоже придали телам ускорение. Опомнились, уже лежа в кустах — и не зря спешили! Прямо вокруг того пня, где мы недавно застряли, пронеслись два гиганта. Гиды выждали молча еще минут пять, после чего расслабились, зашевелились. Тот, что был сверху, несколько напряженным голосом сказал:

«Судя по тому, что я не слышу предсмертных криков, в той стороне все же не было людей». Шутка была так себе, но всех как-то попустило после нее.

По дороге домой мы сдружились. Гид рассказывал, что главная опасность в такой ситуации — если тот из драчунов, что проигрывает, заметит человека. Поэтому что он может попытаться спрятаться за потенциально «крутого хищника», которого из себя представляет хомо сапиенс, и эпицентр драки автоматически переместится следом. Ирка научила младшего рецепту полынного абсента, и я уже было начала пламенную речь шепотом о неразвращении местных зайчиков; но в этот момент он галантно преподнес ей букетик тонких magic mashrooms, выросших на чьем-то помете, и я махнула рукой. Оба хороши.

В общем, удался день.

4 января. *Chitwan – Sanowli*

Короче, мое посещение Непала было несколько омрачено дороговизной, холодом и поносом. Забавно, что последний пункт прекратился в тот момент, когда я купила билеты на выезд — что это было? Индивидуальная непереносимость Непала или расслабленность от совместных прогулок, когда можно ничего не решать?

Парень на остановке подходит под все окна туристического автобуса и играет на ненастроенной недоскрипочке, сувенирном варианте местной лютни. Я громко спросила у него, продает ли он это чудо, или ему просто дать денег, чтобы он перестал. Все прочие торговцы умерли со смеху.

Границу Индии с Непалом перейти просто. Самое трудное — среди торговых палаток, едален и exchange отыскать миграционный пункт, где тебе должны поставить штамп. В первый, на выезд, меня направили попутчики; вторые пограничники догнали меня сами. Оформление документов проходило в одинаково дружественной и шутилой обстановке. Упадок Рыжей прекращен, я еду в Gorakhpur!

На территорию Индии ехала с чувством возвращения домой. Уже знакомы правила, рецепты, маршруты и ценовая политика... Не повод расслабляться, конечно, но тут все как-то проще — к непальским ценам я так и не привыкла, не научилась уверенно торговаться. А жаль.

Надо обязательно вернуться туда — с хорошим оснащением, верным напарником, правами на байк и проложенными маршрутами по горам.

Что брать в Непал:

- вещей — мало, чтобы влезли в байк.
- горелку, так как дров не хватает даже местным.

- теплые легкие вещи из набора скалолазов. Можно купить на месте — тут целая улица специализируется на доступных подделках дорогих брендов. Качество, правда, соответственное.
- напарника с правами и навыками вождения байка по серпантину
- два состегивающихся спальника
- котелок, чашки, ложки. Еды на горных трассах мало.
- монетки/сувенирку детям.
- фильтр для воды. Почему-то все путеводители крайне не рекомендуют ее пить сырой даже из родников. Мы, впрочем, пили.
- веревки, для крепления багажа на байк
- лекарства. В отличие от Индии, медицина тут так себе
- палатку. Без нее тут адски холодно и сыро.

В городе стремительно успела на поезд — но как-то не сразу осозналась по этому поводу. Пришел он не совсем вовремя, я поздно поняла, что это мой поезд, так что вскочила в первый попавшийся вагон; пронеслась по нему, расталкивая всех рюкзаком. Места заняты, везде sleeping, мне никто нигде не рад. Тыфу на вас, думаю. Вскочила из уже отъезжающих дверей, пропустила пару вагонов, вскочила в вагон-ресторан... Увидев мою панику, один из парней приказал потесниться отцу семейства, который ехал, заняв своими родными целый тамбур. Тот категорически не восхитился; я пообещала, что только рюкзак оставляю под скамейкой, а своему телу найду место где-нибудь поблизости. И без труда отвоевала себе полку под потолком вагона-ресторана, так как местные забитые повара даже не посмели спросить меня, по какому праву я сюда влезаю. Им некогда. Они жарят.

Но уже спустя пять минут я поняла, что пять часов тут мне не высидеть. Чад из кухни был такой, что дышать было реально нечем. Зато благодаря своему высокому во всех отношениях положению я нашла чудесный закуток в другом тамбуре, за бочкой с водой и льдом. В бочке лежали разные напитки. Я сбегала к подобрешшему отцу семейства, забрала вещи; отгородилась бочкой и рюкзаком, подстелила пенку и наконец-то расслабилась. Место найдено!

На бочке продавцы-разносчики готовятся войти в вагон, так что с ними еще удобно трепаться и покупать вкусненькое первой. Правда, ноги вытянуть можно только вверх, но в остальном прекрасное место.

Начала повязывать дупатту на пакистанский манер — как косынку на голову, потом перекрещиваешь на затылке хвосты, скручиваешь их жгутом и еще раз опоясываешь лоб. Красиво, бандана перестала съезжать, несмотря на активное верчение головой, и весь вид стал внушать уважение. А то тут водитель джипа, везший меня от границы, не терпящим возражений тоном потре-

бовал с меня «типс», чаевых сверх оговоренных ста рупий. На что я не менее железным тоном ответствовала, что лжецам не подаю — он обещал, что мы доедем за два часа, быстрее автобуса, а мы три ехали и еще час стояли, ожидая пассажиров. Он досадливо спросил, откуда я такая умная, из Пакистана, что ли? Пришлось рассказывать про все свои приключения. Расстались друзьями.

Раздала монеток поварятам, пустившим меня к себе, наслаждаюсь видами. И одиночеством. В тамбуре не застрянешь надолго даже ради болтовни с белой самочкой, дует, и места нет. Прекрасно!

Над рельсами висит месяц рогами вверх. Как узкий обрезок божественного ногтя. Красиво. Это главное, что сводит с ума, при взгляде на небо в Азии — все вокруг почти обычное, только месяц безумный.

Прошли не улыбочивые мужчины с автоматами. Я в это время просила у наливальщика чай, протягивая ему пустую кружку, и на их изумленный взгляд «что это белая делает на полу в рабочем тамбуре?!» не нашла ничего лучше, как побренчать кружкой и прогнусавить «тен рупис, мсье, плиз, но мама...». Они отчего-то не поддерживали шутку, безмолвно офигели и потребовали билет. Я начала рыться в сумке, умоляя мироздание вернуть мне этот скомканный клочок бумаги, который я час назад непочтительно кинула в один из карманов. Нашелся, конечно. Мужики расслабились, дежурно улыбнулись: «Доброй дороги, мадам» и рассосались. Пью чай, выдыхаю. Надо отвыкать шутить с таможней, она во всех странах шутки понимает однобоко.

Один парень из obsługi, поболтав со мной, вдруг открыл бочку и протянул мне одну из бутылок — «платить не надо, это просто подарок».

То, что тут все знают меня и тот факт, что мне надо в Lucknow, дает мне шанс не уехать вместе с поездом в Delhi. Можно немного поспа-а-ать...

Дальше был уже привычный ночной трип по пустой привокальной улице, в сопровождении рикш и собак, равно жаждущих порвать меня на части. От рикш отбилась легко, но кроме них никто не может помочь мне с ориентировкой на местности. Поэтому отель Maug, «единственный приличный из привокальных» по версии LP, я не нашла, а заселилась в первый, оказавшийся открытым, клоповник Moon Staž. Если честно, от череды «рассветов», «раев», «звезд», «планет» и прочих пафосов на этой грязной стремной улочке меня немного взяла оторопь.

Торговаться я начала еще со ступеней; от мальчиков-портье я добила присутствия хозяина, с которым быстро столковалась на тысячу рупий за три ночи. Кроме тихих зайчиков и владельца хостела за стойкой обретался мятый пухлый фрукт — с явными следами не то побоев, не то бурной ночи на лице. Он все время пытался вставить хоть пару слов в нашу беседу и при этом ста-

рался встать при этом поближе. То ли он действительно был настолько пьян и не мог следить за дистанцией, то ли настолько прямолинеен — но я от него бегала кругами, вместе с заполняемым формуляром. Он этого даже не заметил, а портье тихонечко, вежливо поржали. Видимо, все же начальство.

Цены на обслуживание в номере, кстати, вполне лояльные, если судить по меню. Может, заказать себе чего-нибудь? За полсотни рублей — завтрак в постель, м-м-м... Посплю и решу.

Кстати, взяла себе на заметку еще один способ борьбы с надоедливым вниманием. Нужно менять правила игры. Они всегда играют по правилам и очень пугаются, если вдруг что-то становится неясно. Если идет белая, то подойти к ней и спросить, нужно ли ей такси, это нормально. Это по правилам. И продолжить спрашивать по дороге, а потом услужливо распахнуть дверь: мое такси вон там! — тоже по правилам. А если я вдруг не игнорирую, а останавливаюсь и спрашиваю: зачем ты идешь за мной? — с искренней эмоцией изумления, индуса берет сомнение: а вдруг он правда что-то не то делает? Не по правилам?! — и ужас от перспективы выпадения из шаблона стопорит его ненадолго.

Наконец-то в комнате настолько уверенный плюс, что после ледяного душа можно сидеть на кровати, обсыхая, и лишь спустя полчаса захочется завернуться. И то не во все тряпки, что есть в рюкзаке, а лишь в одну. По такому поводу занялась наконец-то замученными ногами — соскребла ножом неправимо грязную, испорченную пылью и холодом кожу с подошв, сквозь рыхлый черный слой докопавшись до нормальной плотной шкуры; зачистила все трещины, сняла все мозоли и растрескавшиеся бляшки, вымыла тщательно и намазала гималайей. Выглядят после «бритья» они как два розовеньких поросенка, и глобальные дыры затянулись! Славно.

Прогулялась, поужинала мандаринами и провалилась. Надеюсь, этот клоповник без клопов...

5 сентября. Lucknow

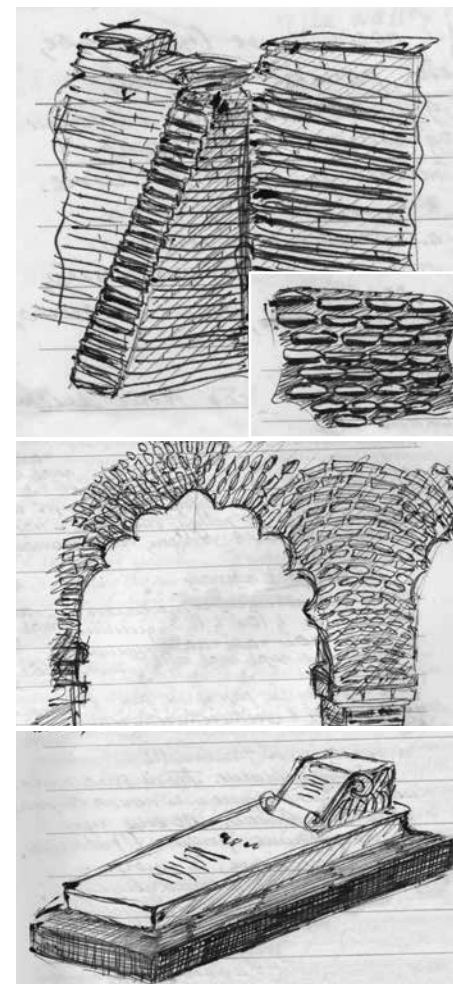
Без. Прекрасно! Потратила все утро на новое сари, купленное в Непале. Оно более жесткое, не такое податливое, как шелк. Зато теплее. В конце мучений мне внезапно открылась истина, почему под сари всегда надевают юбку, и никогда — штаны, хотя в других нарядах шаровары индийские женщины очень даже любят. Тут все оказалось банально: пояс используется как скрепляющий элемент, и, если тебе зачем-нибудь захочется снять нижнюю часть туалета, придется перематывать целиком наряд. Юбку снимать для всяких мелких проблем вовсе необязательно, а вот штаны увь.

Брожу удивительно bestолково, несмотря на хорошо срисованную карту. Почему-то местные не могут объяснить, где находится MG RD — удивительно, обычно с ней не бывает проблем. Так что пришлось вычеркнуть несколько пунктов достопримечательностей, расположенных неподалеку.

Попала в Резиденцию — тут 200 лет назад была осада, а после этого здание законсервировали, превратив в памятник мужеству оборонявшихся.

В этот раз меня заставили обменять билет, хотя до сих пор я уже почти привыкла мило улыбаясь, нагло протягивать мелкие купюры. Музеи для местных стоят на порядок меньше. Обидно. Почему я должна платить так много? Я не ссу в углы, не пишу на стенах и не бегую по территории с воплями, в отличие от местных молокососов...

В руинах везде жизнь. В каждой закутке тискаются пары. Нигде столько не видела, обычно они очень скрытные. А тут весьма откровенно целуются и держатся за задницы. Передовой край нации, не иначе. Я же играю в лабиринтах старого здания в раскmap со «свободными радикалами». Мы заходим одновременно в разные входы, видя друг друга, а потом разбредаемся по старинным анфиладам, имея противоположные цели. Моя задача — вывернуться, их — столкнуться. Я все время проигрываю, так как одиноких мужчин действитель-

← Безумно красиво смотрятся старые стены из тонкого, в палец толщиной кирпича. По сути, все здания на территории сложены из бордюрной плитки. Причем видно, как время съело кирпич, обточив его до крошечного обмылка. А раствор между камнями позеленел от времени... И следы пуля, конечно.

но много. Раздражает, что они набираются смелости спросить какую-нибудь глупость ровно в тот момент, когда пугливый бурундук уже почти решился подобраться к кусочку моего кокоса на расстояние фотовыстрела.

Несмотря на гопников, это красивое и лиричное место. Может, одно из лучших, где я была, за всю поездку. На старых могилах написаны английские стихи. Бурундуки и птицы перескакивают с пушечных ядер прямо на огромные корни местных деревьев...

Внезапно заблудилась, прямо на пороге дома. Зато! Попала на волшебную плутающую улочку! Длинная, несколько километров, шириной всего в распахнутые руки, она тянется вдоль широкой трассы и железнодорожного вокзала и нигде не пересекается за это время с дорогами. Справа и слева — домики; двери, открытые прямо в чьи-то прихожие; старухи греют ноги у едва тлеющего в миске огня; дети, ползающие по циновкам за козлятами; мужики, сосредоточенно починаящие обувь, сидя на низком табурете. Ночь, везде огни, свечи вперемешку с керосинками и энергосберегающими лампами без абажуров... Чудеса эклектики. Такие детали быта, что даже не фотографировать хочется, а рисовать, или описывать словами — вместе с запахами и ощущениями. Там было чисто, пахло стиркой, бензином, огнем, дымом дров и благовоний... И еще через каждые два-три дома слева открывались крытые лесенки, уводящие почти вертикально вниз, к реке, а иногда можно было пройти на «смотровую» над чьей-то крышей и увидеть уводящие вниз по холму домики, и на той стороне реки — как игрушечные, часто без стен или крыш, светящиеся строения. Казалось, это всего лишь макет, слишком открытые, слишком наивные были все эти дома.

Целый день не ела. Пришла домой, заказала ГОРУ. Тарелку забирать запретила, оставила половину ужина себе на завтрак.

6 января. Lucknow

Утро многообещающе началось с того, что я проснулась в девять по будильнику, дотянулась до остатков тандурной курицы, потрясаясь позавтракала, решила поваляться еще немного... и проснулась в следующий раз уже в три пополудни. Закат, напоминаю, в шесть. Так что я успела лишь дойти до недалекого вокзала, купить билет не на ту дату (что слово «tomorrow» прошло мимо кассира, я поняла уже на улице, и не рискнула возвращаться в дикую очередь) и прогуляться по центру, чтобы увидеть в закатном свете их величайшие святыни. Вегетарианцы правы — мясо очень развращает и расслабляет. Чувствую себя рептилией, хочется только лежать и ползать.

Лакхнау по традиции индийских поселений больше напоминает сросшиеся деревни, чем логически развивающийся поселок. Он весь такой старый и пыльный, почти Хайдебад в миниатюре. Возвращаясь ночью по переулкам, думала — как здорово, что не все вещи таковы, какими кажутся с первого взгляда. Вот, например, Индия — смотришь на этот бурлящий котел снаружи, и, кажется, сунься — рожки да ножки останутся. Темные, без проблеска, узкие замусоренные улочки; люди, кучкующиеся возле крошечных жаровен; угрюмые мужики; занятые тяжелой работой женщины; голодающие чумазные дети... Париж начала позапрошлого века. Однако дети тут не подрабатывают карманными, и даже почти не попрошайничают. Женщины не делают случайных гадостей «белой фифе» и не испытывают неприязни; мужчины не стремятся догнать в темноте. Удивительно низкий уровень агрессии — несмотря на нищету и разницу положения одних, спящих в ящике на улице, и других, в современных автомобилях с кондиционером.

Пожалуй, ночные собаки — одна из самых реальных местных опасностей. Днем эти половички спят или выясняют территориальные отношения между собой, а от людей шарахаются, поджимая уши, хвосты и даже лапы (попытка сделать это одновременно выглядит довольно комично). А ночью они сбиваются в шакальи стаи, загоняющие слабых и пугливых, бросаются, не сильно-то пугаясь даже камней и палок. Интересно, как с ними справляются неприкасаемые, спящие на улицах? Или своих шакалы не трогают?

Еще вопрос: эквивалентна ли «харе кришна», которое бросают многие мне вслед, нашему «господи ты боже мой!»?

После Chitwan'a сняла с себя двух клещей. Одного нащупала при мытье по характерному на ощупь тельцу под мышкой, выдрала с куском кожи. Наутро след дико болел, неприятно отдавая в лимфоузел. Внезапно точно такая же боль отозвалась на шее; осмотрела себя — и точно, еще один. Теперь на мне два припухлых, жутко болящих бугорка. LP говорит, что если будет красный ободок, сыпь и температура, то я сойду. Было бы неприятно.

В моем хостеле смешная система ночевки: услуги в прозрачной «комнате» между лестницами — кажется, там предполагалось сделать лифт. А еще они часто сидят в незанятых номерах и смотрят TV.

7 января. Lucknow – Allahabad

Рождество я встретила тушами. Выспалась, собралась и сходила в интернет. Заказала с собой еще одно бирьяни и, наконец, нашла свой поезд. Штурм был трудным — много мужиков без багажа, очень подвижных, в отличие от меня.

Отвоевала себе половину верхней полки, ехать-то недалеко, всего часов пять. Раздала затрещины лапающим меня мужикам (никто не удивился), уплотнилась какой-то тетей, рассовала вещи. Красота.

Печально, что я так и не научилась самостоятельно определять поезда. А что делать, если на билетах никакой информации? Приходится основательно побегать и подергать всех на платформе. В этот раз, кстати, еще и платформу сменили в самый последний момент перед прибытием — хорошо, что я сориентировалась, заметив массовые миграции.

В этой поездке меня окружали какие-то потрясающе интеллигентные люди. У индусов есть один типаж — нестареющая улыбчивая мать. Обычно у нее двое-трое детей, а сама она, улыбаясь, больше напоминает их сестру. Улыбка уверенной в себе, спокойной и счастливой женщины. Мою соседку муж так вежливо и даже немного услужливо усадил рядом со мной, что я позавидовала.

Кстати, из-за прозрачности железнодорожных решеток-коек, всегда существует неприятная опасность накрошиться очередной самосой на лысинку почтенному отцу семейства внизу или даже уронить на кого-нибудь пыльные тапки. По традиции их ставят на решетку верхнего, воткнутого в потолок вентилятора, а эта платформа для таких нужд не предназначалась, она весьма тонка...

В дороге меня вообще не донимали, только кормили орешками и чаем, почти молча. А когда под конец поездки все же разговорились, на вопрос «где ночуешь?» я ответила «в каком-нибудь хостеле», на что мне убежденно сказали: «Нет! У нас дома!»

Я оценила широту жеста, взвесила за и против, поблагодарила — и отказалась. Все дома, которые я видела до сих пор, не показались мне уютными — а главное, там совсем невозможно игнорировать хозяев, занимаясь своими делами, и всем одинаково неловко.

Решив, что замена такого великодушного предложения должна быть адекватной, я арендовала себе дворец. Не в смысле качества, а, скорее, как Дворец пионеров. В моей комнате больше тридцати квадратных метров, потолки — семь, теряются в темноте, их пересекают тяжелые балки, на которых гнездятся голуби. Две дубовые кровати с отчетливыми следами от свечей над изголовьем, стол — классический, письменный, жаль, нет чернилницы. Плетеные кресла, на подлокотнике ожог круговой формы — наверняка от фумитокса. Ванная длинная, эдакий пенал, как в советских питерских коммуналках — от края до края не доорешься; но тут вход не в узкой части, как обычно, а в широкой, посередине. Причем этот же проход сразу выводит и на балкон. Слева

туалет, справа душ, посередине выход в сад. Красота! И никаких лишних дверей между. Балкон, кстати, огромный, опоясывающий, и вход на него только из туалетной комнаты, хотя дверей туда аж четыре. Вообще же дверей в мою комнату семь, но все, кроме ворот в общий коридор, закрыты наглухо.

А снаружи шикарная скрипучая лестница, холл нереальных размеров! Правда, есть и минусы — температурный и комариный режим, как на улице. Причем, учитывая объемы помещения и число выходов, закрывающихся только от очень крупных животных, но никак не от насекомых, выморить мне их не удастся.

А вместо простынь мне выдали две Линялые тряпки, в точности как мои! Сплю как в обнимку с родными.

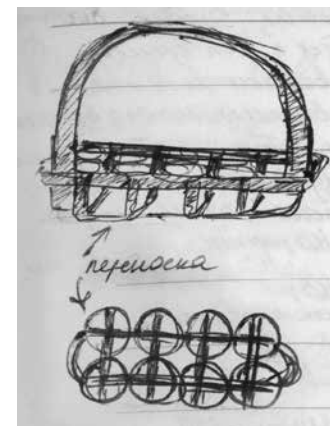
8 января. *Allahabad*

На удивление тихая и спокойная выдалась ночь. То ли фумигатор меня хранил, то ли комары были сытые, то ли кровь отравленная... Из печальных событий — понос вернулся. Пойду, сдамся сегодня на милость местных фармацевтов, пока совсем вся не изощла, простите. Говорят, аюрведа даже в своем нынешнем печальном состоянии неплоха в плане того, что корнями уходит в территорию ареала обитания индусов.

В моем отеле отключения света с 10am до часа дня. Мило узнать об этом, проснувшись в полной темноте — окна-то забиты. Одеваться наощупь мне в целом не привыкать, но сари вслепую я заматывала впервые. На последнем этапе сдалась и открыла настежь балкон. Огромная, дубовая дверь отошла со скрипом и впустила солнечный свет... Сделала по этому поводу пару фоток.

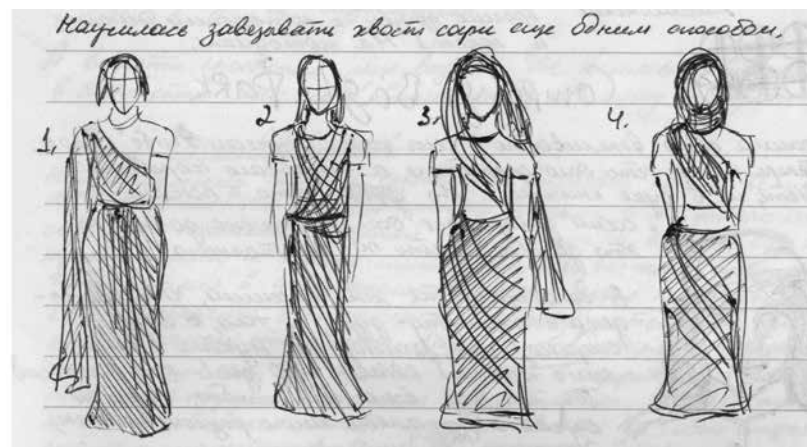
Впервые видела, как кот, будто собака, обходил сидящих-едящих и заглядывал каждому в глаза. И как его подзывали, будто собаку, чмоканьем и жалкими попытками изобразить мяуканье. Знали бы местные драные коты, как живет их племя у меня на родине!

Сходила в местный музей — случайно в тот самый, который рекламировала LP, особняк семьи Неру. Джавахарлал Неру был первым премьером, отцом Ин-

← Обычная переноска для стаканов с чаем. Вид сбоку и вид сверху. Поутру специальные мальчишки бегают с такими корзинками, чтобы обеспечить горячим всех клиентов своего кафе. Да и домой удобнее нести.

диры Ганди и вообще всячески прославился. В этом доме они с Махатмой Ганди готовили революцию. Удивительно, но пара комнат с личными вещами (письменная машинка, утюг, тостер) и фотографиями действительно обладают странной притягательной силой. По словам LP, эта семья «явила миру пять поколений ярких политических деятелей». Дом реставрируют, воссоздавая по снимкам комнаты, где они жили и работали. Мне очень нравится традиция панорамного обзора — делаешь шаг с порога в комнату и утыкаешься в стекло. Парадоксально, но это создает более сильное ощущение достоверности; будто бы стекло охраняет самый воздух, оставшийся с тех времен. На меня почему-то всегда сильно действовали личные вещи великих людей и места, где они проводили много времени. Интригуют эти штуки доказательством, что политическое светило еще и спало, ело, шутило с семьей, налиvalo в эти стопки и выпивало (иногда чрезмерно и тогда храпело), кричало «Марфонька, ну где же десерт?» или сердилось, стуча кулаком по этому столу. Всего лишь люди. Но какие!

Научилась завязывать сари еще одним способом.

1. Южанки носят сари, оставляя длинный хвост ниспадать за спину двумя-тремя идеальными складками.
2. Во время работы в Керале и Тамилнаде женщины забирают этот свободный хвост за пояс через другое плечо — если сделать это аккуратно, получается красивая складка на боку, показывающая вышивку по краю сари еще раз.

3. В прохладных северных краях и местах, где много пыли, девушки накидывают хвост на голову — край часто подносят к лицу рукой, защищаясь от пыли на дороге, вони или нескромных взглядов. На шею нередко повязывают платок или шарф (чаще накидывают на плечи так, чтобы один край был длиннее, и запахивают его на плечо).

4. Вот сейчас я стала делать, как женщины в Лакхнау и Аллахабаде. Они из хвоста делают полноценный капюшон, оборачивая вокруг головы дважды и закрепляя туго под подбородком. Удобно, не падает.

Мороженого в ларьке не оказалось, так что я купила нечто, что мне предложила продавщица. Выглядело неказисто, но внезапно обогатило меня новым потрясающим продуктом — parag milk.

Фармаколог в аптеке замахал на меня руками: что ты, это же такая ответственность, к доктору идите! Дал адрес по соседству. Я решила, что не стоит отказываться от потенциально бесценного опыта и пошла сидеть в очереди. Подручные собирают деньги за прием, а дальше — ждешь. Скинулась с очередью по 500₹. Я в списке 47-я, подручный сказал: около часа (ничего себе тут скорость приема!), пошла прогуляться. Как давно известно, если индус говорит о расстоянии, как правило, он преувеличивает. Если о времени — сто процентов преуменьшает.

Их бабушки потрясающе собираются в компактные комочки под пледиком, когда долго сидят и ждут. Часто спят в тех же позах, опустив лоб на колени. Мне вот за пять часов поезда не показалось простым не иметь возможности вытянуть ноги.

Подручные выходили покурить, в это время доктор неспешно выплыл из кабинета и ушел вглубь здания. По возвращению ребята поискали его в ка-

Parag Milk, Chena Kheer — что-то вроде мелкой стружки твердого сыра (творога?), плавающего в не-приторной стружке. Что это, объяснить девушке не смогла; по ее версии, «просто молоко». Она только записала мне в дневнике точное название.

← По дороге осмотрела публичную библиотеку, открытую в ШИ-КАРНОМ здании XIX века. С башней, часами и охранительным орнаментом из изящнейших драконов. Все в них было настолько логично, соразмерно и прекрасно, что веришь в их существование с первого взгляда.

бинете, заглянули за ширму, кажется, даже под стол заглянули, и теперь бегают, не теряя солидности, в поисках по округе. Интересно, а обычно его тут в цепях держат?

В ресторане меня безукоризненно вежливо и предупредительно обслужил дедушка-официант. Начинаю думать, что на некоторые профессии в сфере obsługi нужно ввести возрастную ценз — с нижней планкой от 55 лет, например. Мне моментально принесли заказанный Mix Rice, приготовленный специально по моей просьбе почти без специй; дедушка изысканно похвалил сари и согласился, что индианки прекрасны, но «вы, мадам, не менее». Цены вполне лояльные, только чай смутил — 80₹, в десять раз больше. Видимо, чтобы нищebroды не заходили «на чашечку чая» посидеть в красивой обстановке.

Хотя, конечно, в нашем пафосном ресторане невозможно, чтобы электрик-ремонтник в измазанной робе стоял днем посреди зала на заляпанной стремянке и менял лампочки.

Кажется, я нашла еще одну причину замусоренности улиц. Здесь право не убирать за собой — привилегия высшего сословия. Тебя просто не понимают, если ты несешь мусор в руке. Ты же белая! Зачем тебе этим заниматься?! А для многих обнищавших это единственный способ самоутвердиться — я же из высшей касты, имею право не делать работу шудр!

Нашла интернет-кафе. Выяснилось, что его для прибыли открыл один из владельцев магазина бижутерии. Пока бизнес с интернетом, мол, не идет. Это нормально для страны, где нередки вывески: «сотовые, прохладительные напитки, памперсы» в одной строке.

Ну все, теперь я готова ко встрече с врачом, и даже к схватке с охраной, если она вдруг не захочет возвращать мне мои деньги. Хотя, конечно, лучше бы добром, интересно же получить рецепт и поглотить аюрведические таблетки.

Между тем самым сложным в этом квесте про доктора оказалось отыскать второй раз эту богом забытую клинику. Но полтысячи рупий меня необычайно мотивировали, так что я оперативно сориентировалась в сгустившемся вечере и вышла на свет библиотеки. Через ночной потрясающий парк, залитый мертвящим сиянием фонарей — туман только-только начал клубиться, силуэты деревьев дерзки и четки, будто вырезаны из листового железа и покрашены в безапелляционный антрацит, а трава, подсвеченная с нескольких сторон, выглядит нереально, как рисунок Петрова в несколько полупрозрачных слоев на стекле. И она оттенков синего, а не зеленого!

В фойе я обнаружила все тех же персонажей. Интересно, а заночевать у них можно? Сэкономила бы на ночлеге, если бы знала... На моем лице явно что-то было написано, так как только я подошла к стойке регистрации, сразу

оказалась моя очередь. Врач был очень радужен (еще бы, 500₹ за три минуты работы), никуда не спешил. Выслушал мои претензии к миру и организму, выписал мне пачечку средств, посоветовал на условия жизни в Индии. Пока аттракцион мне нравится — поговорила за жизнь с интеллигентным человеком.

Выписанная им кипа лекарств на ближайшую декаду обошлась мне в 800₹; принимать их надо три раза в день по несколько штук в определенных комбинациях. Идеальное плацебо — четкий график, цветные таблеточки, по которым невозможно понять, что это. Обязательно поможет!

Очень жаль, что у меня нет жаровни и щепочек. Атмосфера моего фамильного замка очень располагает камину. Поставила на пол горящий фумигатор, пусть хотя бы дымит, раз уж не греет.

Лайфхак №2:

- В любом, даже небольшом ресторане, завернут с собой. Очень удобно для дороги; только не надо рассчитывать, что вам положат пластиковые ложки.
- Самые опасные животные в Индии — бродячие по ночам псы. Лучше не гулять после 10pm, или запастись камнями и агрессией.
- На рикш действует рывкание; политика общения с ними и с собаками похожа.
- Полотенце дают и в дешевых отелях, но надо настойчиво попросить.
- В любом отеле всегда есть крыша или балкон, где можно вывесить выстиранное белье. Делать это в комнате бесполезно — порастет мхом с большей вероятностью, чем высохнет.
- Переходить улицу нужно решительно, не шахаясь (это опаснее, так как водитель неспособен предсказать вектор). Если просто небыстро идти, продавливаясь сквозь даже плотный поток, улица тебя обтечет. Можно поднять руку для собственного успокоения и в знак того, что ты не планируешь останавливаться.
- Масло для волос помогает, если в отеле +10 и вода в кране только холодная, а хочется замаскировать немытость головы. Они не такие уж жирные, как может показаться, и волосы после них приятны на ощупь и запах.
- Большинство местных одеял можно пользоваться, проложившись спальником или своими тряпками. При первых признаках клопов — выкидывать нахрен!
- Прежде чем открывать любой кран — особенно с холодной водой — убедитесь, что вы понимаете, куда уходит сток. Зачастую он выведен просто на пол, под ноги, и ваше мыло вернется к вам же, нередко пря-

мо с высоты раковины. По счастью, унитаза такой системы мне не попались ни разу.

- Фонарик — это хорошо.

Мусорки мне не дали, так что я сразу по местному обычаю организовала небольшую кучу прямо в углу возле входа. Банановые и прочие пищевые очистки летели туда же, за что я была наказана ночным приходом крыс. В первую ночь я очень боялась, кидалась в них подушками — на столе стоял запакованный ужин, он же завтрак, с мясом и рисом. Ко второй ночи я все доела и спала спокойно под их шебуршание в пакетах. Мне было интересно, сожрут ли они зеленую горькую папайю со стола? Я покупала ее в темноте и не смогла сориентироваться. Такую классно смешивать с фаршем и жарить, чтобы сделать кебаб; но абсолютно нереально жрать как фрукт. Не съели. Пришлось выкинуть.

9 января. *Allahabad*

После завтрака решила себя побаловать и купила кусок торта. Я не лопнула только потому, что склеилась.

После еды съела положенные колеса, вспомнила, сколько вчера выложила за лечение, и приняла решение экономить. Поэтому пошла напрямик на почту в филателистический отдел и оставила там 600₹ за марки. Теперь я обогащена на два десятка писем вперед. Надо тратить, дней в Индии осталось немного, а ни из какой другой страны их не пошлешь. А потом пошел дождь. В рамках экономии я зашла на уже разведанный тибетский рынок, где мне точно ничего не нужно. Но подлые индусы открыли там ларек с украшениями. Минус 150₹, а у меня появились золотые браслеты.

Прогулялась к церкви. Церковь оказалась построена лет двести назад, и тогда же примерно заброшена. Охрана почтительно вскочила при виде меня, устроила обзорную экскурсию. Понимание было несколько затруднено, так как охранник не стал выплевывать бетель (жевательный табак) — так и шел, запрокинув голову, чтобы не растерять во время разговора драгоценные красные слюны.

В моем замке есть интернет. Табличка с надписью висит за дубовой дверью столетней давности — раньше, небось, вела в какую-нибудь кладовую с метлами. Фойе напоминает упрощенную копию замков в Oblivion. Так и ждешь, что сейчас графиня спустится. Впрочем, сейчас графиня — это я. А мальчишки-портые всегда на одном и том же месте во дворе тусят, как NPC. Я сегодня с утра почему-то заговорила с одним из них по-русски. Спросоня. Он отнесся с пониманием, дождался, пока я вспомню, на каком языке нужно говорить.

Торговка на рынке отсчитывала деньги, смачивая пальцы в половинке разрезанной тыквы.

Купила свечей домой. Сразу смогла объяснить, что мне нужен огонь, перебрали зажигалки, спички, фонарик — и зашли в тупик. Сдалась и нарисовала.

По одному из местных парков ходит масса бомжей. Звучит так себе, но на самом деле это такие тонкие юноши, с благородными чертами лица, завернутые в яркие одеяла. Ходят, заглядывают в лица, иногда просят денег. Чистые, милые, пахнут благовониями. Помыться на улице тут несложно, так что нет смысла зарастать. Интересно, а из такого положения можно сделать карьеру бродячего святого?

Какое все-таки чудо — живой огонь! Маленькая свеча на подлокотнике столетнего кресла греет и радует. Одно плохо — как только в руках появляется бумажный мусор (а он все время появляется, я же с письмами-бумажками вожусь), неудержимо хочется его сжечь. Хорошо хоть пол каменный.

Ночью подумала: да нафига мне фумигатор, их же тут почти нет. И конечно, сразу началось нашествие. Я сама себя найти под пятью тряпками и спальником не могу; эти, конечно, тоже. Но летают, как вертолеты, рыщут... И как же тут холодно! Замерзла в спальнике, простыне, мохнатой тряпке вокруг шеи и двух (!) одеялах в ногах. Шею продуло. Просыпаюсь — а мир только справа. Что слева неизвестно — невозможно повернуться.

10 января. *Allahabad – Varanasi*

Насколько же автобус удобнее! Пришел на станцию, увидел отъезжающий: «Варанаси? — Варанаси, Варанаси!» — занял классное место, сейчас кондуктор подойдет. Будешь уверен, что едешь куда надо. И верстовые столбы. И окно!

Мимо катятся поля. Придорожные жители тщательно и экономно собирают дрова — вокруг каждого спиленного дерева копошатся дети, выбирая щепочки, а пни окапывают, чтобы ничего не потерять, и мотыжат, разбивая на куски.

Интересно. Европейцы так любят носить обтягивающее — при этом ни фигуры, которую стоило бы обтянуть, ни одежды, сшитой по-настоящему на заказ, почти не встречается. Здесь же все носят ниспадающую ткань, идеально сидящую; да еще и фигуры абсолютно модельные. Красиво, сил нет!

В Варанаси тоже дождь; дорогу возле автостанции размесили до состояния коричневой сметаны, так что я решила не побрезговать услугами рикши. Отойдя от совсем уж мерзких зазывал, отыскала одного тихого. Он хотел 50₹, я предложила 30₹; он горячится: «Да это же индийская цена!» Говорю: «Ин-

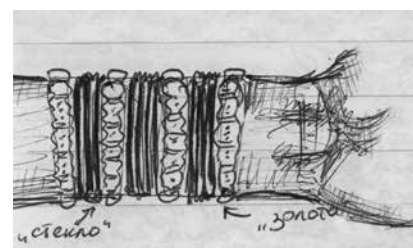
Chola — моя новая любимая еда.

Это как пури, только проще — тесто заранее обжарено комочками, и когда ты заказываешь, тебе насыпают горку такого хвороста в тарелку и заливают сверху горячим картофельно-чечевичным соусом. Очень вкусно, почти не остро, стоит 10₹ за порцию на уличных ларьках.

дийская — это 20₹, если хочешь, вези по ней, я не против, но я тебе предлагаю 30₹». Тут умерли все стоящие рядом рикши, а он мрачно сказал «окей».

Едем по пробкам. Впервые за всю поездку встряла в настоящую толчею, где байки, велорикши, машины, кони, волю и пешеходы одновременно пытаются обойти друг друга. Мой рикша был вежливым неудачником. Все время хотелось показать ему на дыру, куда можно было бы продвинуться, но я не придумала, как по-английски будет «всунься!»

За всем этим с негодованием наблюдал могучий боннет с яйцами по кулаку размером. В конце концов, не вынеся людской глупости, он взлетел на столб и начал яростно его трясти, всем телом напрыгивая на него и пытаясь вырвать с корнем. Хорошо, что приступ ненависти к тупому человечеству быстро прошел, у него были все шансы, с таким-то весом.

Ну, где обещанные несметные толпы зазывал?! Пришлось долго гулять вдоль реки, выискивая жилье. Наконец меня заманили в уютный крошечный отельчик, с длинной петляющей улицей ко входу.

Отличный город! Все, что я люблю в Индии — компактная «трущобная» часть с узкими улочками;

удобная навигация вдоль реки (настолько, что уйдя черте-куда и пожелав выйти обратно к Гангу, я попала точнехонько в мой отель). Улицы, заполненные магазинами с сари, женскими штучками, сувенирами, медью, едой... И все близко.

Последний штрих к Варанаси — по узким улочкам, конечно, ездят байки, ходят псы, козы... и коровы. А поскольку сегодня пасмурно, ничего не высыхает. Так что уровень дерьма в этих красивейших местах необычайно высок. На подходе к дому наблюдала, как велосипедист на горке не справился с управлением и юзом, почти лежа, красиво вошел в небольшой костерок, разведенный двумя бабушками. Я их, сидящих босиком прямо на пороге небольшого магазинчика, как раз фоткала. А спустя полсекунды все трое оказались смешаны друг с другом, велосипедом и с солидной партией жидкого дерьма, густо замешенного на горящих головнях. Выучила много новых слов от бабушек, хочу перевод.

А еще на улочках за ноги хватает коварная леска, она валяется пачками. Едва ли от рыбаков — скорее детишки, запускающие змеев. Идешь, а она тебя ловит...

11 января. Varanasi

Встретила вчера в кабаке украинскую девушку, которая точно в этот день выпилась из моего же отеля. Успели поговорить напоследок. Она мне обещала, что тут будет шумно, на что я ответила, что у меня номер без окна, единственный шикарный вид на Ганг в нем нарисован и прибит к стене гвоздями. Она вежливо улыбнулась (чудовищное зрелище, когда по-азиатски, в 33 зуба и немного подхалимски, тебе улыбается русскоговорящий, да еще и на каждую реплику — ну, не принято у нас так!). Только ближе к ночи я осознала, что улыбка была скорее скептическая. В моей комнате слышно, как сосед сверху принимает душ, так, словно он делает это в моем душе. Песню «Аллилуйя», которую под гитару заучивает девушка, живущая по соседству, я знаю уже лучше нее. Впрочем, спать мне это не особо мешает, мне вообще сложно помешать; но забавляет, да.

Ларьки на улицах постоянно переезжают. Кто-то все продал или просто решил, что на сегодня хватит; кто-то только вернулся с затяжного обеда, навчавшегося еще вчера и наконец-то открылся...

После ужина я как-то неосторожно свернула на волшебную, расцвеченную огоньками, жутко заманчивую улочку, и понеслась! Я купила сахара в комочках (давно хочу) и аниса в серебре (не спрашивайте, как это), пересчитала половину попавшихся по дороге браслетов (черт, золотые браслеты реально стоят по 50₹ за набор, придется все же купить подругам)... Какого черта они не закрываются с темнотой?! Наоборот, все тоже проснулись после дождя, умытые, счастливые; дымят печками, готовят сладости, светятся лавками, толпами и семьями бродят, выбирая — украшения дочке, машинку сыну, звонкую медь на кухню, сладостей отцу, дайкон на ужин, инструмент в мастерскую... Причем это уже без дневного ажиотажа, неспешно...

Мне наконец-то подали чай в одноразовой керамической чашечке (LP рекламировал эту традицию, но до сих пор она мне не попадалась) — даже если заказываешь два, тебе нальют в две чашки, которые нужно после выкинуть, желательно разбив. При том что чай стоит два рубля... И насколько я могу понять, их действительно не подбирают. Станный обычай, если учесть, что тут даже одноразовые палочки для нанизывания еды явно используют не по одному разу. Гордость бедняков?

Решила хоть какую-то пользу извлечь из вечера, и найти аутентичной бумаги для писем. Потолкалась по рядам, поприглядывалась — и шокировала продавцов сари тем, что подобрала упаковочную с пола. Молодой парень ошарашено, но величественным жестом показал «если вам ЭТО нужно, вы,

Bundi — оранжевая сладкая фигня с сиропом, подается теплой в мисочке из тисненых банановых листьев. Похоже, что из тех же комочков делают мои любимые оранжевые шарики, только тут консистенция совсем уж полужидкая.

конечно, можете ЭТО взять». Я поблагодарила и попросила еще. Таких лиц (а их там работало человек 15) я не видела давно.

Дарить браслеты сложно. Их нужно выбирать самой. Спорить, торговаться, требовать зеркало и «такие же, но чтобы с красненьким», или «вот как эти, но полоски вдоль». Искать наборы. Соблазняться, отчаиваться, выбрать одни... и тут же передумать... Это же неотделимо от самих браслетов, в этом вся ценность их.

12 января. Varanasi

Вот я понастроила планов — не спеша, по Варанаси... А боженька решил, что я слишком много сплю, и как даст по жопе. Мою комнату два дня спустя уже сдали, эта ночь — последняя. Слишком долго не могла определиться, остаться я или нет.

День офигенный, отличная прогулка. Он лишь слегка омрачился неприятными раздумьями. В одном храме мне налили водицы из чайника в ладони. Обычно это означает святой прасад, который пьют. У меня сработал рефлекс, и я хлебнула. По лицу поняла, что надо было умыться. И теперь терзаюсь: Ганг ли это был? Или все же простая вода из-под крана? Никогда в жизни не хотела с такой силой выпить спирта. Впервые плюнула в храме, так как моментально всплыли строчки из LP про содержание фекальных бактерий, в 3000 раз превышающие допустимые гигиенические нормы... И это в 2011 году. Маловероятно, что с тех пор он стал чище.

Я увидела Варанаси непарадным. Сонным и вялым после дождя, даже лодочники не очень активны. Только дети отрабатывают копейки, подходят к туристам, выпрашивают монетки «для коллекции». Показывали мне наши 50 копеек, предлагали обменять на рупии. Периодически в Ганге тонут змеи под вопли ребятишек «тяни, тяни!». В мелких улочках отчетливый колорит средневекового города. То же, только без электричества и мопедов, творилось в веке в XVII по всей Европе — смыкающиеся крыши, мусор, кони, дети и коровы вперемешку.

С трепетом изучаю свое состояние. Горит лицо — температура?! Отсидела ноги — слабость?! Резко встала, аж в глазах потемнело — обморок?! Чувство, будто я перецеловала в засос самых грязных собак города. Чертова ганговая водица.

Ближе к семи жизнь на Ганге только начинается. Танцуют, жгут костры, устраивают ежевечерние омовения. Днем там просто моются. С мылом. Настолько неафасная обстановка, что в обед из всех попрошайек у дороги к гха-

там остаются только безногие, те, кому уйти тяжело. А все тетеньки с детьми и демонические старухи сползаются на вечерние отдавания почестей богам. На них подают лучше.

Коровы неплохо умеют отжимать еду. Они, конечно, тугодумы и неповоротливы, да и не агрессивны, но когда тебя подвигает туша в полтонны весом и, не обращая на тебя никакого внимания, лезет пятидесятикилограммовым носом в твой пакет... Я, конечно, умею отстаивать свое, но не успеваю. Обязательно кто-нибудь кинется спасать белую глупую туристку.

Два раза за сегодня слышала абсолютно чарующую фразу от продавцов: «если вы счастливы, я тоже». В первый раз покупала спайт (раз спирта нет, надо же чем-то убивать бактерии); мелочи не хватило, попросила дисконт и получила банку, сдачу, величественный жест и эту фразу. Во второй — обменяла ненужную мне золотую цепь на ненужные мне две серебряные.

← Этот мелкий чубастый строитель коммунизма потом вырастет вот в такого бычару, весьма увесистого характера.

В общем, хорошо, что Варанаси не хватило времени, чтобы меня обстоятельно засосать. В нем слишком приятно бездельничать, то и дело выходя на улицу во внезапных местах...

Во дворах ближе к ночи удивительно много полицейских. Целые расчеты с оружием стоят на всех важных развязках. Днем, кстати, тоже, но среди шумной толпы группа мужчин в оливковой форме, с автоматами, не бросается в глаза так же, как на пустой улице с закрытыми ставнями. Беседы они заводят без сантиментов, в стиле «я старый солдат и не знаю слов любви»: «эй, ты, мадам! МАДАМ, ХЕЛЛОУ! (с вежливым нажимом), какая страна?» Попробуй не ответить.

В одном из дворов нашла священный баньян, огромное дерево с ветвящимися воздушными корнями и лианами, скрывающими дыру-пещеру. Под ним стоял священный колодец и символ Шивы. И все это залито желтым светом из лампы, как разбитым яйцом. А я без фотоаппарата. Ы-ы-ы-ы...

13 января. Varanasi

Ура, посылка дошла! Сегодня Нойз получит те подарочки, которые я отсылала еще из Хайдерабада.

У них потрясающе вкусно пахнет чистящее средство для полов — что-то наподобие Мистера Пропера, только запах яркий, стойкий, напоминает смолу. Хочется выкупаться в нем целиком и пахнуть, хотя это наверняка плохая мысль. Я тут обнаружила, что одна из причин разваливающихся ног — щелочное едкое мыло. Если такое бывает от средства, предназначенного для рук, лица и прочих нежных мест, что же будет от технического?

А доктор сказал: пока лечишься, не пить масала-чай. Увидев мое лицо, смягчился: ну, не больше двух кружек в день.

Все местные забегаловки берут с туристов обязательный сбор в 10₹. При сумме еды в 50₹ это обидно.

В рамках погони за аутентичной бумагой заглянула в магазин кайтов, спросить больных-увечных. Мне, конечно, тут же принесли дюжину мертвых воздушных змеев — и пока мы сидели с ними, деревянный скелет, успели поболтать.

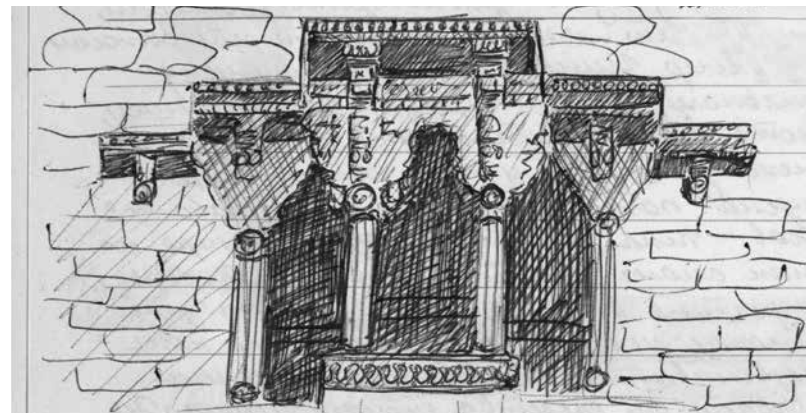
Разговор начался с брошенного мной сквозь зубы «какое хорошее качество!», когда я безуспешно пыталась оторвать хлипкую на вид щепку — а она не отрывается, не ломается и бумага не рвется. На это мне с гордостью было заявлено, что «в Варанаси все отличного качества!», и мы перешли на обсуждение города.

В одном месте на улице мне таинственно шикнули из подворотни и предложили очень высоко». Не рискнула на такие эксперименты, вдруг не успею приземлиться до поезда.

Мужик в кафе полистал дневник, пощелкал языком, спросил разрешения сфотографировать. Показывает снимок: он целился в Ганешу на обложке. Вот ему мало тут Ганеш?

Слонотос, слон-лотос, нарисованный на стене возле гхата. Набережная усыяна разнообразными граффити, в основном хиппового направления. →

← Внезапный балкон на высоте этажа эдак третьего. Все пространство ниже него — глухая стена набережной. Ужасно красиво. В древние времена с них можно было наблюдать омовения, а теперь делают рестораны. Хотя в некоторых по-прежнему сушат белье.

Хорошая идея купить тут гитару. Рублей за 500 можно приобрести недурные дрова, расписать их еще за сотню под местную хохлому и отбить эту стоимость, поработав для туристов на площади. Мысли пришли мне в голову, так как я решила убить время с пользой в музыкальном магазинчике. Предприимчивый хозяин не закрывает двери, проводя уроки джембе, так что на ритмичный стук сползаются все новые и новые ученики. Вот и я решила, что 50 рублей в час — небольшая цена за возможность посидеть в тепле и пощупать барабан, осталась.

Пожалуй, после возвращения надо найти время и поучиться божественным ритмам тамтама. Момент, когда у тебя наконец-то получается выключить голову, а руки при этом делают что-то сами, и ты не по счету, а каким-то нутряным чутьем ощущаешь, что все правильно, даже если вокруг все запинаятся — ты хранишь ритм, как огонь в очаге, бережно, ровно, ожидая, пока остальные подтянутся...

Проезжая к центру, на поезд, задумалась — а так ли я права была, сидючи безвылазно в туристическо-исторической части? Я ехала, нет — плыла по морю огней. Они развесили гирлянды

← Мужчины на улицах частенько кажутся надменными. Или как на подбор с выбитыми зубами (это ощущение усиливается благодаря их привычке подвязывать шарф под подбородком, защищая уши от холода). На самом деле они стремятся подольше сохранить бетель, смешанный со слюной. Говорят они при этом с очень смешной мимикой и артикуляцией, напоминая мальчишек-даунов.

Бабушки, сидящие на пороге своих домов, чайнички греют ноги в импровизированных очагах — в миску кладут горсть еле тлеющих углей. →

над целой улицей — мириады мелких лампочек волнами мигают, когда ты проезжаешь под ними, и — учитывая, что я ехала в пафосной высокой велорикшевой повозке — было полное ощущение, что я космонавт, а меня встречает (проводит?) благодарное человечество. Чувство было таким сильным, что я бы не удержалась сделать ручкой, привстав в «стременах», — если бы не тот факт, что вследствие этого весь мой багаж рассыпался бы по говенной мостовой под колеса соседям и был бы в момент замешан с глиной. Так что я осталась сидеть, собрав сумки в кучу, и лишь мысленно слала городу воздушные поцелуи. Отличный город, на самом деле.

На станции наблюдала абсолютно мультяшную борьбу ларечника с коровой. Ее очень легко передать в стиле мультя «вай-вай», где избушка стояла на горе-границе. Тут корова невозмутимо пришла и сунула щи в мусорный бак, перевернув его. Лотошник выскочил с криком «Эй! Эй!» — и замахал на нее обеими руками, будто кланяясь. Корова вежливо отступила на шаг, продолжая наматывать на язык длинный кусок полиэтилена. Лотошник ушел и вернулся с палкой; на что корова показала, что умеет очень быстро разворачиваться и переходить в изящный галоп. Галопирующую корову я забуду нескоро.

Напротив трогается товарняк. Огромный, с тяжелыми угольными танкерами. По нему сначала прошла дрожь, потом стук — стремительной волной от головы к хвосту, раз, другой, третий, и наконец он пришел в движение. Надо выбрать напарника посмелее, страну потеплее — и махнуть наугад на товарняке, куда занесет. Вон, под рабочей частью вагона сколько места, можно отлично устроиться вместе со всем скарбом, хоть костер разводил.

Смотрю, как ловкие крысы обтекают камни. Их не очень много, но одна-две в поле зрения попадают. Они так низко присаживаются, что кажутся многоножками, текущим серым слизняком — только очень быстрым. По сравнению с остальными облезлыми попрошающими всеядами эти кажутся чистыми, аккуратными и приятными. Хотя, конечно, обниматься с ними все равно не тянет.

Пока я бродила вокруг своих вещей, сложенных грудой, одна из серых многоножек перегрызла пакет с едой. Но с неудачной для себя стороны — где салат. Ха-ха. Ужин со мной!

К приходу поезда на платформе появились продавцы тапок и фруктов. Шайба на голову сплетается из любого платка или шарфа, после чего становится удобным приспособлением для переноски тяжестей — подноса с товаром и табуретки.

Разломала себе напоследок куски кокоса (с удовольствием напугав близкостоящих индусов резким открытием ножа); с иронией восприняла промелькнувшую мысль: «надо срочно ехать на юг, а то дожили — кокос аж по 15₹!»

Анис решила доставать пореже, а то любопытных не удовлетворяет словесный ответ, все норовят попробовать. Это тот самый сладко-мятный набор, которым потчуют в ресторанах после еды, что-то вроде жвачки. Осчастливила толпу мужчин на платформе, хотя было немного жалко расставаться с целой горстью. Они-то его в любой момент купить могут!

Посреди ночи поезд попытался остановиться, дергаясь при этом, будто у него вдруг стали квадратными колеса, и он перепрыгивает на них каждые два метра на новый, параллельный путь. Не знаю, что это было, но достаточно неприятно. Меня жрут блохи, возможно, подцепленные еще на вокзале; внизу четыре индиан леди, которые не планируют спать, поэтому будут трепаться. Из-за загородки (слава богу, глухой) забористо тянет носками; доносится негромкий, но основательный храп. Ну, попробуем поспать.

14 января. Kolkata

Местные спят, завернувшись в тряпку с головой. Оценила это неоднократно, действительно удобно. Неудивительно, что Линялая Тряпка размером с саван. Выглядит тело, закрытое от ног до макушки, несколько стремно, особенно когда лежит где-нибудь на скамейке в парке.

Наконец-то была свободна дверь в тамбуре! А то обычно там кто-то торчит и мешает торчать мне. Так что я радостно уселась, свесив ноги наружу, и наслаждалась. Я еду на юг, поэтому наконец-то становится по-настоящему тепло. Поля, залитые водой; светло-зеленые, пронзительные заплатки взможденного

← Управляющий в кафе бегло глянул на мои картинки в дневнике, фыркнул и двумя движениями нарисовал павлина на первой попавшейся салфетке.

риса; желтые рапсовые куски и серые высушенные земли «под отдых»; велосипеды в траве, цапли и крестьяне, вышагивающие по колено в воде... И вкусно пахнущая летом земля так близко! Когда поезд набирал скорость, поневоле приходилось крепко держаться (особенно я вцепилась после того, как от тряски внезапно закрылась тяжелая железная дверь — мне по затылку). Все такое солнечное, теплое, доброе!

Просыпаясь в поезде, первым делом проверяю, не украли ли рюкзак. Нет, к сожалению, никто не позарился — я все еще ишак. Калькутта офигенная! Чистая, яркая... В разрекламированном LP пафосном отеле Sunflower нужно подниматься на настоящем древнем лифте, с лифтером! А потом проходишь сквозь настоящий сад на крыше и попадаешь на ресепшен. Два солидных туч-

ных мужчины предложили посмотреть комнату за 999₹. Я начала вежливо прощаться (в общем-то, с самого начала зашла скорее на экскурсию), а тут мне внезапно предложили жилье за 400₹. Мол, вот только туалет будет снаружи. Я решила не упускать шанс пожить где-нибудь кроме курятника и согласилась. При этом мужчины отчего-то внезапно и бурно поссорились. Конечно, на хинди. Мне показалось, что это было в стиле «ты меня разоришь, пускать за гроши всяких нищелюдов!» — хотя возможно, это мой эгоцентризм подсказал, а на самом деле причина была намного более важная. Во всяком случае, один из мужчин выбежал, ни на кого не глядя, а второй после этого начал меня игнорировать. Дальше беседу вел предельно вежливый и вышколенный портье. При его прекрасном английском все «неформальные» вопросы он просто не слышал, так что прояснить что-либо про драку начальства, произошедшую на моих глазах, не удалось.

Зато в моем номере окно, два вентилятора, туалетная бумага, почти белые простыни, полотенце и чистые (!) новые (!) два (!!) одеяла. Ну, в целом неудивительно — не заводить же им грязные и старые ради одного дисконтного

номера, где сломался туалет. Цены на остальные номера (я всегда проглядываю бегло страницу записей гостей, получая книгу в руки) начинались от двух тысяч рупий. За такие деньги в стоимость номера явно включено не только место для сна, но и полотенце с вежливостью.

Такими темпами я вскоре узнаю, чем грозит передозировка анисом. Это мой личный бетель теперь, жуя не переставая...

Краткая, до темноты, пробежка по району показала, что я действительно в центре. То есть я и так это знала, но даже если бы меня забросили сюда из космоса, минуя любые дороги, это было бы очевидно. Абсолютно бесполезная улица, как Тверская — бутики (с дорожными сари), KFC, макдак, Subway, книжный, как две капли воды похожий на Дом Книги (не центральный, а какой-нибудь авиамоторный — узкие проходы, новинки в холле, бесполезные сувениры, кафе наверху). Вообще везде какая-то неприличная цивилизация, ни разу никто не окликнул — хотя несколько девушек, стеснясь, делали мне комплименты в изысканнейших выражениях. Я со своим рудиментарным английским становилась цвета своего пунцового сари, буркала вежливое «сенью» и семенила дальше.

В отеле мальчики-лапочки ввинтили по моей просьбе лампу над письменным столом, так что я теперь смогу им пользоваться по назначению.

15 января. Kolkata

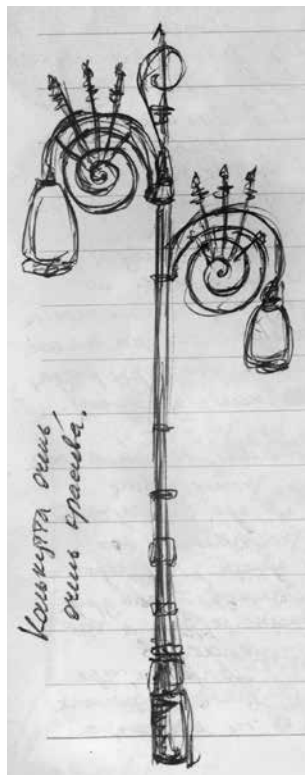
Бесконечно долго запоминала, как пишется название этого города. Для нас она по-прежнему Калькутта (Calcutta); но местные ассоциируют это старое название с юдолью скорби и страданий, так как колонизация здесь проходила весьма травматично, порождая как фешенебельные районы с особняками фаворитов, так и бедняцкие трущобы с чудовищной нищетой. Поэтому теперь ее переименовали в Колкату (Kolkata). Именно из-за сходства запомнить расположение похожих букв оказалось нелегко.

За окном туманно, холодно и строители. Я недостаточно далеко на юг уехала; стало лишь ненамного теплее, а в арсенале рабочих кроме тихих кирки и мотыги есть еще отбойные молотки. Во сне мне это не мешало, а вот после побудки по будильнику стало раздражать.

Как хорошо, что вчера не хватило порошка на Мохнатую Тряпку!

Мемориал Виктории, главная достопримечательность города, стоит 150₹ и безумно популярен (так как для местных стоит 10₹). Тут меня внезапно накрыло волной раздражения. Большинство проходящих — тупые крестьянки, которые едва умеют читать подписи на родном языке. Они идут гуськом, больше

Калькутта
потрясающе
красива. →

глядя на людей вокруг, чем на витрины с интересным содержимым, норовят сесть, а то и лечь на ступени или скамейки и, конечно, напихать мусора в любую щель. При виде меня крестьянки и крестьяне столбенеют с тупым лицом. Иногда дергают за сари, видимо, проверяя, не причудилась ли я. А еще мне запретили рисовать с картин. Омг! Я могу понять запрет на съемку и прочее точное копирование. Но ручкой в тетрадке!

Полюбовалась акварелями, созданными колониальными художниками — и внезапно очень хорошо поняла, что они чувствовали. Они-то приехали в страну, где почти не было просвещенных людей, одни обезьяны, так что многие зверства вполне объяснимы — человечество с животными никогда особо не церемонилось. Ходишь, кругом какие-то черные лица — с хвостами и без, плятятся, интересуются, щупают платье...

Единственная ветка метро через весь город довольно длинная, два десятка станций. Очень напоминает по внешнему виду нашу оранжевую ветку, чувствую себя как дома. Очереди за билетами огромные, зато быстрые. Жетоны служащий швыряет, словно он крупье, а вокруг зеленое сукно. Объявления в вагонах на трех языках — двух местных и английском. Смешно, что все три варианта почти не различаются: слова «станция», «платформа» и название звучит одинаково, меняется только интонация. В метро есть туалеты и автоматы (кажется, банальные игровые), а на входе все сумки просвечиваются на ленте ленивой, почти не глядящей на экран полицией. Из всех видов транспорта метро я люблю больше всего. Быстро, чисто, дешево... почти телепортация. Нырнул в одной части города, вылез в другой. Интересно будет, когда метро придет в какие-нибудь сильно холмистые города, типа Далата во Вьетнаме или Ялты — можно будет под землей «сшивать» разные участки пространства.

В метро наоборот, все вежливые, интеллигентные и никто никого не разглядывает. Лишь одна тетенька сказала, что если я сяду, мне будет удобнее писать, так как станция, на которой я собираюсь выйти — последняя, и она не скоро. На ней, кстати, поезд выныривает на поверхность и сливается с разветвленной системой светлых пригородных электричек. Поборола в себе желание усесться в первую попавшуюся и укатить черте куда.

Прогулка по центральной улице домой оказалась внезапно опасной. Куча лотков и уютных магазинчиков, абсолютно нетуристических и дико увлекательных рынков... В наказание за растраты осталась без ужина — просто кончились взятые с собой деньги. На последние копейки купила яблок, мстительно подумав, что на хороший ужин можно купить несколько крутых тряпок, а на два — отправить это великолепие домой. Когда из Москвы меня спрашивают, что мне привезти, я неизменно отвечаю, что НИЧЕГО, ЛУЧШЕ ЧТО-НИ-

БУДЬ УВЕЗИТЕ! В Индии есть все, что нужно для жизни, и даже немного больше.

Во время прогулки заглянула на территорию какого-то госпиталя и выпила там стакан горячего сладкого молока за пять рублей. Его прямо так и подают, с печенькой, если захочешь. Я и забыла, каким, оказывается, молоко может быть вкусным. Уютным и добрым, и сонным. Продавец, чувствуется, часто встречается детей и ослабевших больных — добродушный, как дед Мороз. Я растаяла и ушла оттуда абсолютно счастливая.

Центральная улица очень похожа на наш Арбат. Только здания чудовищно старые и пыльные, идешь — а кругом олдскул! Много бездомных, но они не попрошайничают, а просто живут своей жизнью. Стелят лежаки, едят, что-то стирают, вешают. Многие хранят вещи в уличных электрораспределительных шкафах, как в своих тумбочках. Бомжуют тут целыми семьями, в целом, довольно радостно.

Стирают и вешают, кстати, везде. Те же крестьяне считают нормальным принести с собой в парк вокруг национального достояния не только еду для импровизированного пикника на подстриженной травке, но и мешок стирального белья. Его раскладывают на солнышке вокруг, чтобы с пользой провести время.

В отеле меня каждый день приветливо встречает лифтер. Замечательный интеллигентный дядечка. Сегодня я выходила дважды, решила еще порошка купить на вечер и постирать — извините, говорю, это точно последний. Он улыбнулся: «никаких проблем, мадам, сколько угодно. Я до десяти вечера тут» А как же выходные, спрашиваю? «Нет выходных, мадам. Каждый день с восьми до десяти. No Monday, no Sunday».

Запомнилась картинка, увиденная через окно поезда: мужчина поджигал сигарету десятилетнему парнишке-шудре. Когда поезд останавливается, его прочесывают такие уборщики, выкатывают мусор из-под скамеек и с верхних полок, собирают в мешок... Парень прикурил, потянулся к зажигалке, но мужчина ловко убрал руку и отвесил ему легкий подзатыльник: не наглей. Другие нравы. Интересно, какой была бы эта страна совсем без влияния Европы? Во что бы развились традиции? Жаль, этого уже не узнать

16 января. Kolkata

Полночи думала, и все же решила, что необходимо купить книгу репродукций акварелей в мемориале Виктории. Те картины завораживают... Как минимум тем, что сначала кажется, что они современные, настолько узнаваемы

строения — гхат на берегу в Варанаси, крепость Голконда, берег с храмовым комплексом; пилигримы, идущие горной тропой мимо вереницы инвалидов с протянутыми изможденными руками... И только потом смотришь на дату — два века назад. Ничего не изменилось. В общем, решила, что зря отказалась, и пошла добывать себе сувенир.

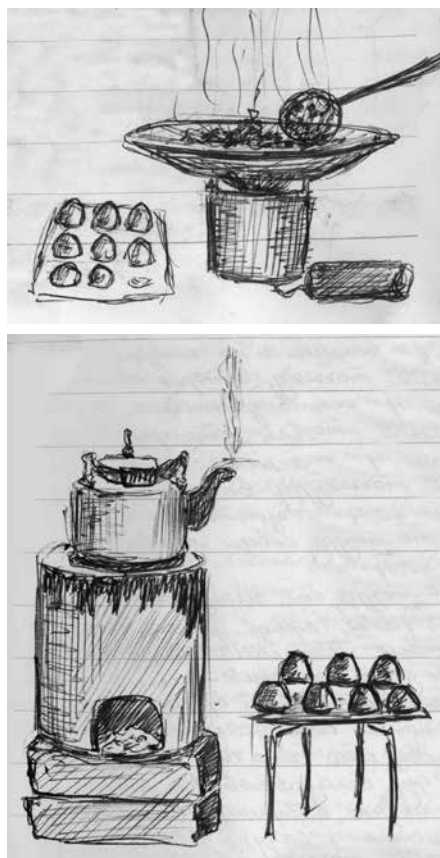
Самым сложным оказалось не купить второй раз билет за вход в зал, где продавались эти книги. Индусы потрясающе изобретательны в зоне «все, что не запрещено — разрешено»; но то, что запрещено явно — запрещено совсем, и

нужно искать Большую Шишку, которая величественно отменит для тебя запрет. Но я справилась!

Я объелась фруктов до состояния «идти не могу», после чего сползла по скамейке в парке рядом со стойбищем ездовых лошадей. Кобыл тут используют в основном для фотографий «Я на коне». У «коня» при этом глумливо-снисходительное выражение удивительно сытой морды.

Очень часто встречается такая картинка. Уютный очаг на улице — всего-навсего бочка, обмазанная глиной. В чайнике кипит уже готовый молочный чай. В любой момент ты можешь получить чашку свежего горячего напитка. На табурете рядом стоят ряды микро-кружки, одно-разовые керамические стопочки.

У реки внезапно напала на огромные мастерские кварталы, где все вокруг стучит и строится. А потом вышла на рынок, где ряды фруктов вдруг становятся шмоточным базаром, а тот плавно перетекает в ювелирный квартал, где половина товаров в

Говорили, что Лакхнау — центр уличной еды; а там она мне почти совсем не попала. Не сезон. Зато тут! На каждом углу жарят очень простое блюдо — на огромной... эм сковородке? Кастрюле? — обжаривают уже готовый, вареный рис или вермишель, добавляют соевый соус, настойку на перце, яйца, салат из паприки и моркови, иногда кусочки рыбы или курицы и жарят это все почти до гомогенизации. А ты стоишь все семь минут готовки и захлебываешься слюнями. Невероятно вкусно пахнет! Обычно торговцы — веселые и добрые дядьки с широкой душой матушки-кормилицы и бесшабашностью мальчишек. →

пафосных лавочках или даже настоящих магазинах, а другая — на тряпках прямо в грязи, на улице. Причем внешне украшения не отличаются совсем ничем.

В Калькутте есть трамвай! Мне повезло вскочить в один, офигенно старый, весь деревянный изнутри, потрясающий. Маршрут у него странный, немного вдоль и немного поперек — я на него натыкалась несколько раз в своих блужданиях по городу. Водитель в нем стоит и двигает машину рычагом — вправо поехали, влево стоп. Он почти не останавливается полностью, но и не разгоняется нигде, подбирая пассажиров на медленном, «холостом» ходу.

А рикш, возящих тележку с клиентом прямо на себе, действительно используют. Причем даже не туристы. Когда идешь с двумя пакетами, зубами придерживаешь третий, а ногой двигаешь четвертый, прижимая к боку сумку (а подобное состояние, возвращаться с шестью пакетами и ковром в довесок — норма для базаров в Индии), в целом уже становится очень понятно, отчего можно хотеть тачку. Не машину, в смысле, а именно что-то с колесом, чтобы это катить, а не тащить. А тут — тачка с оператором, да еще и сам можешь усестись. Интересно, почему они предпочитают бегать ногами, вместо чтобы накопить на велосипед. Сила привычки? Или так проще бить на жалость?

Наблюдаю борьбу Himalaya-помады с местным мылом. Безучастным экспериментатором быть не удается, так как арена — мои собственные ноги. В общем, им стало сильно лучше за отсутствием пыли, но то, что помада залечивает за ночь, иногда за целый день хотьбы опять распушается на чешую, а то и вовсе лопаются до мяса. В связи с этим я решила полностью перейти на шампунь. Не так гигиенично, конечно — после некоторых уловок хочется ноги и тапки домостосом залить и хлоркой поверху присыпать, зато, возможно, я сохраню целостность кожного покрова, что тоже немаловажно для гигиены.

Несмотря на то, что душа в моем номере нет, как опция он, конечно, возможен. Я делю права обладания вожделенной кабинкой с мальчишками-портые, которые, кажется, живут прямо на своем посту, за столом возле выхода из моей комнаты. Периодически нахожу в ванной сохнувшие мужские трусы или разложенные бритвенные принадлежности. Иногда там занято, и тогда свободный зайчик колотит в стену: «вылазь, мадам в туалет хочет!» — не знаю уж, каким образом, но после этих слов кабинка и впрямь освобождается почти мгновенно. Они все ужасно вышколенные — вежливо

хихикают над моими шутками, лишний раз глаза на меня не поднимают, помогают во всех моих странных просьбах.

Душ-то есть, но я как-то привыкла к мытью «индиан-стайл»: набираешь в ведро, поливаешь точечно. В отсутствие горячей воды (или наличии нестабильного потока, который может внезапно стать кипятком) лучше не подставлять под струю ничего ценного. А вода в ведре всегда равномерно теплая.

На самом деле мы с индусами вовсе не так уж сильно различаемся, как им кажется. Например, в моей детской комнате никакой вентилятор бы не поместился; она была два на три метра, выгороженная от «кухни», за холодильником. Кухня — один квадратный метр. Многие родители моих друзей подрабатывали тем, что «лазили в яму», то есть в янтародобывающий карьер, а награбленное обрабатывали примитивно и сдавали как сырье для бус. В процесс вовлекались, конечно, и дети — всей семьей «кусали» податливый янтарь до шарикового состояния. Поселок назывался раньше Palmniken и был немецким, как и вся калининградская область; так что немцы часто приезжали посмотреть, что эти ужасные русские сотворили с некогда приятным городом. У них можно было выпрашивать монетки, заграничные конфеты или продавать им куски канифоли под видом янтара. Ну и чем же мое детство так принципиально отличается?

В некоторых интернет-кафе не принимают даже копию паспорта (!), только оригинал. При регистрации тебе дают ID для специальной программы, учитывающей время в интернете — вообще мне кажется, он задумывался как один для каждого туриста, чтобы можно было отслеживать его перемещения. Но его заставляют каждый раз заполнять заново, что лишает систему какого-либо смысла. Иногда у меня вообще ничего не спрашивали, даже имени; чаще всего верили на слово, — мол, запишись там в книге по пунктам, паспорт, номер визы, адрес-телефон, и садись. А иногда — нет, мадам, без документов никак невозможно.

Со временем, наверное, национальность можно будет выбирать себе, как религию. Не по крови, а по склонностям. Я встречала очень европейских индусов и очень русских. И очень индусских. И даже еврейских.

В Индии все издают свои особенные звуки, чтобы ориентироваться было проще. Нищие всегда побряцывают монетками в миске или платке и бубнят при этом что-то неразборчиво-плаксивое. Разносчики чая звенят посудой. Жарящие орехи лотосники колотят лопаткой по чану для чистого красивого звона. Разносчики сладкой ваты и мороженого ходят со специальными гудочками, чтобы дети слышали издали и начинали выпрашивать монетку у родных. Каждый торговец или разносчик кричит определенным образом, со

своей, присущей клану интонацией. От звуковой ориентации в городе немного устаешь к вечеру, но в целом это довольно удобно. В дополнение к этому пункты питания, интернет, чаевни и прочие общественные места выглядят весьма типично, двери открыты, товар почти всегда начинает атаку на тебя еще снаружи — так что никаких проблем с навигацией. И даже если ты не знаешь, чего хочешь, Индия с радостью тебе подскажет.

Мальчики-зайчики в отеле спят прямо на своем посту, рядом с моей дверью на полу, на расстеленных матрацах. Интересно, у них бывают выходные?

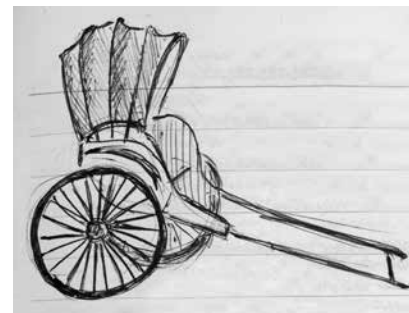
И да — в Калькутту я тоже влюбилась. Если буду кому-нибудь показывать эту страну, город окажется в списке обязательных для посещения. Второй после Майсура, где хочется жить — крупный, очень индийский, при этом ненавязчивый и современный, но с торчащей изо всех углов богатой историей. И потрясающе красивый.

«Лоток» со сладкой ватой выглядит как жердь с гроздью пакетиков с розовой воздушной начинкой. Разносчики таскают эту палку на себе и периодически гудят в рожок. Пакетики бывают крупные, по 20₹, или крошечные, с кулак, за пять. Покупаешь — тебе просто отрывают один, как фрукт с дерева.

17 января. Kolkata

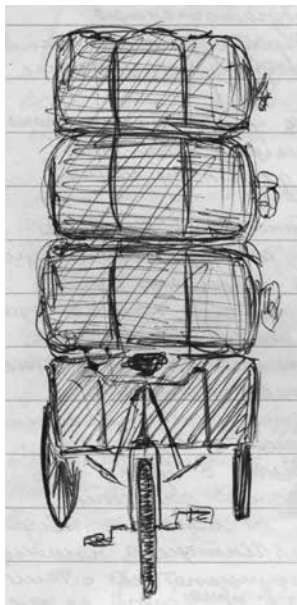
Попрошайки в городе чаще пристают не к прохожим, а к владельцам лавок. Это продуктивно — от пары монет бизнес не обеднеет, а «поддержать карму», подав неимущему, на работе хотят практически все.

Видела нарядную орду местных геев, выпрашивающих монетки, пародируя интонации маленьких девочек-нищих. Сами ребята ведут себя как КВНщики, задавшие целью изобразить классического трансвестита. Они настолько рафинированно говорят и двигаются, нежно-нахально пристают к водителям, застрявшим в пробке, что невозможно поверить, что это не маска, а повседневная манера речи. Интересно, насколько СМИ влияет на такие группы? Рокеры ассоциируют себя с вычурными кумирами, появляющимися на экране... В целом, не так важно, откуда ребята черпают вдохновение, но подают трансам в сари со

← Коляска для езды на рикше — довольно крупная, колесо по пояс, а то и по грудь взрослому.

Для перевозки грузов велосипед незаменим. Особенно трицикл. →

жизнь? Мы на близких друзей столько не тратим. А тут какое-то иное восприятие «своего» и «чужого» в плане элементов жизни — «твое» это все, что ты увидел. Специально куда-то ездить ради этого не все могут себе позволить, но

смехом, слегка смущенно, но в общем довольно охотно.

Шла по местной пробке, больше похожей на огромную несанкционированную стоянку. Улица маленькая, кто-то перегородил ее в самом начале, так что мне пришлось пробираться пешком метров сто, огибая тесно натканные машины, стоящие абсолютно молча. А потом она вдруг пришла в движение, будто кто-то приказал «отомри» — и понеслись гудки, началось мелкое ерзание по метру-полтора...

Присела на пять минут порисовать — тетрадка мгновенно покрылась слоем пыли. Понимаю теперь, почему лучший друг торговцев — мелкая метелка. С утра они убивают время, раскладывая товар; потом весь день хлопают метлой по прилавку, а к вечеру складывают все, что выставляли на «витрину» (то есть на дорогу перед лавкой) — вот и день прошел.

Книгу с картинками из музея редактировал профессор Панда. Если бы я прочитала это раньше, то купила бы ее сразу и без раздумий.

Когда местные моются на улице, под колонкой, они удобно чистят пятки об асфальт — никакой пемзы не надо. А у одно «святого» дерева я увидела асфальтовый лингам. Слепили его, что ли? Или отлили? Подношение от дорожной службы?

Пока рисовала балкон, столпились мелкие дети. Ничего не просили, просто любопытствовали, а когда я показала, что рисую, всей гурьбой начали вертеть головами, сравнивая, похоже или нет. Пришли к выводу, что похоже, одобрили. Милые люди. Только им скучно. У кого в Москве будет столько времени на чужую

если само пришло — хватай глазами! Потом расскажешь! И все же их привычка всей толпой стоять над душой иногда напрягает.

Пури в Калькутте совсем не вкусные — бледные, тяжелые, они не держат форму шара и под весом теста опускаются; тесто противное, как несладкая манная каша в детстве. В Варанаси я как-то раз видела, как кому-то укладывают свежешаренные пури с собой на вынос — повар хлопал их ладошкой, лепешка выпускала облачко ароматного пара и становилась тонким поджаренным блинчиком. А здесь они похожи скорее на рыхлое сырое тесто.

Самое сложное в общении с англонеговорящими — убедить их, что они тебя понимают, так как ты спрашиваешь их не про поэзию Шопенгауэра, а всего лишь про расположение станции, название которой звучит одинаково на всех языках. Многие категорически не могут прислушаться, сразу машут руками: но, мадам, но! Я их понимаю. Когда ко мне в Москве обращались туристы, я тоже забывала все три известных мне на их языке слова и мечтала переложить ответственность за общение с гостями на кого-нибудь другого.

Под вечер, дожидаясь автобуса, блуждала по трамвайным рельсам. Через черное поле увидела огромный танцующий фонтан — ломанулась напрямик и не прогадала! Это было... потрясающе! Как управляемый костер с цветными языками пламени. Вблизи, конечно, часть магии пропала, так как стало очевидно, что это вода. Но даже если ты понимаешь всю механику, зрелище сводит с ума. Змеи из золота вились вокруг огромного постамента, с которого в небо взлетали цветные ракеты, вздымались и опадали величественные башни, огромные многометровые столбы вдруг рассыпались в пыль, оседая розовым туманом на плавно перетекающие волны... И все это под музыку. А вокруг чистое, пахнущее травой и ночью поле. И темнота... Все остальные зрители оказались по ту сторону; они пришли не через поля, а от близкого мемориала Виктории; а вся эта сторона была моей.

Автобус грузится гигантскими тюками. Кажется, почты в нем больше, чем пассажиров. По всему салону тоже распахивают тюки и обшитые коробки. Их двигают внутри автобуса по полу, непочтительно загарпунив специальным крюком на длинной ручке. Судя по тому, как напрягается дюжий парень, сдвигая их по горизонтали, в Пури очень не хватает цемента. Коробки утапывают, чтобы пассажиры могли ходить по ним. Другие тюки кладут на крышу. Мужики залезают туда по приставной лестнице, даже не придерживая груз на голове. Какое зрелище! Интересно, в объявлениях «ищу грузчика» тут упоминается пункт «должен уметь работать головой»?

Я рисую много стариков, потому что их много. Стариками тут становятся лет в 35, я думаю. Колоритными — в 45.

Зажгла в автобусе фумигатор. Интересно, как к этому отнесутся? Курить в автобусе запрещено (в поезде можно), ароматические палочки жечь нельзя нигде (это для них религиозный акт, как у нас с иконой ходить; когда в Непале Коля гулял по улице с зажженной палкой, его спрашивали, зачем это, он уклончиво отмалчивался — как вежливый человек, он не мог ответить честно «потому что в вашем городе воняет»).

Тюрбан для удобства переноса тяжести мотают в два приема. Сначала тряпку или шарф кладут серединой на затылок и мотают крепление — как обычную бандану. Весь оставшийся с этой стороны хвост укладывают «колбаской» на темечко. Потом вторую часть шарфа пускают по тому же пути с обратной стороны — сначала оборот вокруг лба, заодно закрепляя им первый ряд колбасы, а потом укладывают в центр головы.

Ну, все. Разносят последний чай, мужики табуном ломанулись в туалет, все тюки побросали на свои места. Ну же, поехали!

Когда бродила по ночным рельсам, мимо по широкой дороге время от времени бодрой трусцой пробегали роскошно украшенные лошади. С плюмажем и сбруей. С повозками, достойными махараджи — огромная колесница человек на десять, или высоченный трон, отделанный серебром, с уважительным солнцезащитным «зонтом» над изголовьем. Меня, конечно, приглашали покататься. Я, конечно, отказывалась. Каково же было мое изумление, когда я на выезде из города обнаружила базу этих королевских повозок! Оказывается, весь парк султанского транспорта вместе с конями, повозками и коноводами живет табором прямо под автострадной развязкой! Полиэтиленово-картонные хибары, костры и три десятка разномастных шикарных тронов на колесах.

Спросила туалет, кондуктор попросил подождать до ресторана. Я думаю: ну, фигли ждать, что я, принцесса? На первой же остановке спросила у местных, мне махнули рукой на задворки. Ой. А там все съезжает в реку. Писсуа-

ры тоже. Кабинка чуть ниже меня ростом, без крыши, под углом в 45 градусов. Упираешься ногой в стену, расстегиваешь штаны... а иначе никак, скатишься — мокро и скользко. До сих пор признательна той кабинке, что не уехала в реку вместе со мной. Кондуктор очень огорчился, когда пошел меня искать и обнаружил, что меня отправили в этот ужас. Вторично он огорчился в ресторане — лично пошел узнать, что авиалябле на ужин, а я в это время заказала себе каких-то плебейских макарон. Останусь в его памяти как туристка, не умеющая ждать.

Легкие аплодисменты, раздающиеся периодически, скорее всего означают, что кто-то разминает в ладони бетель, жевательный табак со всякими специями. Его мнут в ладони, растирают пальцами, выкидывают слишком твердые и крупные фракции, прежде чем сунуть в рот.

Забавно, как мысли путаются, когда начинаешь засыпать — словно кто-то нарезал их и перемешал. А еще во сне часто приходят страхи — будто что-то не сделал, забыл, перепутал, не туда едешь... Грань сна и яви с повышенной тревожностью.

Ночь, туман, очень тепло. Периодически проезжаем области, где мир еще не нарисован, только общие контуры кто-то небрежно набросал тонким карандашом на молочно-белой акварельной бумаге. Часто встречаются озера нежного пуха, стоящие в низинах — хочется остановить автобус и искупаться. Сдвоенное крошечное сидение автобуса оказалось весьма вместительным. Мой огромный рюкзак сам собой вполз в ноги от тряски (я бы никогда не сумела его туда запихать насильно), а я складываюсь идеально по форме этой люльки.

Впрочем, не только я — весь автобус оуклился. Каждый индус носит с собой специальную тряпку для этого. У мужчин они обычно пыльные и серые, оглянулся — а только что бодрствовавшие активные ребята перекинулись в огромных безликих мотыльков, которые усидели все свободное место. Один заблокировал проход. А у некоторых цветные и красивые платки в мелкий цветочек. Очень странно видеть, когда из-под розово-желтого веселенького покрывала вдруг торчит нос картошкой и борода.

Я еду в странный штат Одиша. Южнее, еще южнее!

18 января. Bhubaneshwar

Высадили меня на повороте, до города оставалось еще довольно далеко. Но рикша сразу запросил вполне реальные полсотни рупий (что при виде заблудившегося за городом европейца им вообще не свойственно), довез до местного центра мира — жд-вокзала. Конечно, это не Калькутта, скорее маленький

поселок, но довольно приветливый. С трудом для меня нашли одного англоговорящего рикшу, на которого я и пересела с идеей найти и вселиться. Но не тут-то было! Везде цены начинались с шести сотен. Покатавшись по городу вместе со все больше отчаивающимся драйвером, попросила позвонить по номеру одного из мелких отелей, указанному в LP. И да!

Клянусь, у него не было ни второй лапы, ни хвоста! И он себя вылизывает. →

Как меня тут встретили! Разве что не с поклонами. Очень простая, но приятная комната в пристройке — всего 350₹. Затасканное и исправленное ручкой меню. Небольшой палисадник со скамейкой... Ура.

Устала, так что заказ сделала в номер; по меню без картинок это было непросто. Седой в этот раз я, как Пятачок, «не то, чтобы совсем не попал, но...». Натканное наугад оказалось картошкой с овощами и действительно рисом (ура), однако из всех овощей они умудрились выбрать нелюбимые мной баклажаны, а картошку так обильно посыпали перцем, что ой. Ну, после чудесной Калькутты с едой тут везде будет сложно, как понимаю.

Обошла пачку местных храмов, которыми собственно и славен город. В большинстве случаев они выглядят, как высокие, очень

ухаженные каминны. Вход чуть ниже моего роста, узоры, маленькая комнатка внутри. Такое чувство, что узор на камнях обваливался, а потом его кое-как собрали обратно.

Kusakeswara temple снаружи величественен, как ступа, высокий и крупный в основании, а внутри лишь одна крошечная, одуряющее пахнущая летучими мышами и благовониями комната. Если над храмом развевается флаг — значит, он функционирует и является не только памятником, но и реальным местом поклонения.

На фасаде можно, если присмотреться, найти обнимающиеся обнаженные пары, соединенные огромным членом. Фигуры разные, а под ними — вылизывающийся лев, стоящий на слоне размером с кошку.

Вокруг храмов мини-парк и ступени к зеленой воде, в которой, как обычно, стираются бездомные. В парке чисто и солнечно, царит умиротворение. Солнце тут жарит. Я уже и забыла, как это бывает.

Среди гладких камней очень внезапно возникают обработанные. Надо смотреть очень-очень внимательно, и будешь вознагражден. Рисунки очень выразительные, хотя многие изрядно обглоданы временем. Начинаешь разбирать фигурку на части — и нередко понимаешь, что не можешь найти точного местоположения рук или головы. При этом восприятие фигуры в целом нисколько не страдает, она кажется абсолютно живой и естественной, при беглом взгляде легко отмечаешь — она обнимает пальму, а за поясом кусок материи, а это слоны идут друг за другом, придерживая хоботом цепь от ноги... А вот при попытке разбить это на детали и нарисовать возникают трудности.

19 января. Bhubaneswar

Просыпаешься — а за окном лето... Правда, решетка мелкая, и москитная сетка, зато за ними — сад, и птицы поют... Под утро я зажгла несколько ан-

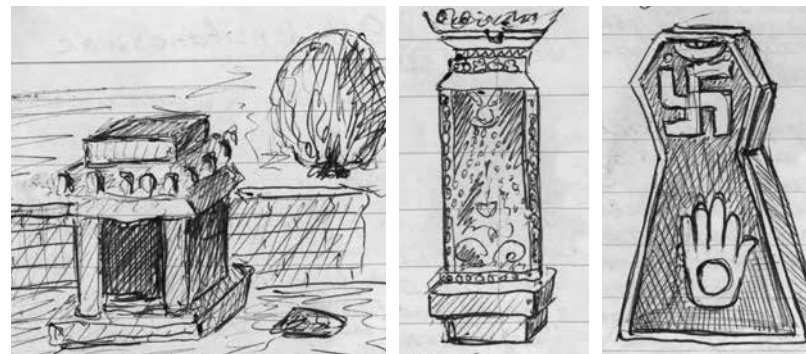
тикомариных палочек разом и наконец-то переморила всех животных. Келья маленькая, это не так сложно; но закрывать окно жутковато, как бы самой не отравиться. Просыпаешься от того, что воздух стал чистым, зажигаешь новую...

Я просмотрела карту города и решила не экономить на драйвере — расстояния большие, между достопримечательностями мало интересного, лучше уж все разом проехать. Договорилась с англоговорящим драйвером об экскурсии; посмеялись про индиантайм, он согласился, что его соотечественники не отличаются пунктуальностью и пообещал быть вовремя. И не обманул, внезапно, так что я осталась без завтрака.

Оказывается, до самого популярного скопища храмов вчера я не добралась всего какой-то километр. А там было уууу, ыыы и офигеть. Как в Хампи, только кругом жилые дома. Храмы на вид практически все одинаковые, как тот, что я уже нарисовала — разве что размерами отличаются.

Начали обзор мы с нетипичного места — действующего нового храма. Теперь я точно знаю рецепт успеха индийского центра поклонений. Нужно взять достаточно высокую точку, на холме — чтобы и вид был получше для фотографий «я здесь был», и дорога достаточно сложной — пилигримы это любят. Построить большую яркую штуку. Нарисовать вокруг известные символы — например, Шиву с его реинкарнациями. В этот раз был Вишну, но не суть. Возле изображений должно быть удобно фотографироваться всей семьей. Потом нужно щедро насыпать вокруг нахлебников: торговцев съестным и феньками; монахов, аскающих денег; нищих и калек, и, конечно, сервис «распечатаем ваше фото с пальмой за пару сотен и два часа». Успех гарантирован.

Кстати, благословляющий сервис у них отлично развит. Тебя ловят на входе в храм, дают цветок, учат, как правильно сложить руки, спрашивают имена родных и близких, молятся за них — и плати, конечно. Монах помолился по моей просьбе Джаганнатхе, смешному черному аватару Шивы с огромными глазами, и в этот момент с его изваяния мне на колени упал один из цветков. Из гирлянды. Монах опешил, подал его мне, а потом вдруг страшно разволновался и сказал, что я чрезвычайно счастливая женщина — раз сам Джаганнатха одарил меня таким сувениром. Напоследок попросил его благословить. Хотела попросить у него за это donation, но потом решила — фиг с ним, благословлю бесплатно. Когда он понял, что я не дам ему денег, глаза его стали еще крупнее, почти сравнявшись в размерах с божественными. Он не понимал, как можно ответить богу такой черной неблагодарностью. Объяснила, что для бога разница между двумя рупиями и двумя миллионами незаметна, а я хочу кушать.

Пещеры оказались самыми обычными — после Эллары даже не впечатляют. Такие же выемки в вертикальных скалах, с некоторыми украшениями рядом со входами. Интересно, конечно, для чего выдалбливать такие конуры в теплом климате, где снаружи намного приятнее ночевать. Уже привычно говорю: «Тен рупес!», если кто-то целится в меня объективом и просит позировать — многих это останавливает, кто-то просто смеется. Денег так никто и не дал.

В штате Одиша контингент полярный — есть совсем крестьяне, которые просто живут своей жизнью и на туриста реагируют только как на внезапное развлечение. Использовать туристов они пока вообще не научились. С другой стороны, много интеллигентных умных людей, совсем европейского склада ума, без колониального поклонения.

Побаловала себя сладостями. Вата — цветная, красивая, 10₹ за пачку; правда на солнце она подтаивает, как весенний снег, поэтому на ощупь языком в первый момент больше напоминает стекловату.

Бесят высокопоставленные индусы. Развалился такой в кресле руководителя, смотрит на снующих рабочих — храм реставрирует. Величественно, не поднимая головы: «Мадам, ком хир. Откуда?» — хочется сказать: парень, есть желание поговорить — оторви жопу от стула и подойди. Часто я не сдерживаю подобные порывы.

Полдня катались, от храма к пещерам, от пещер к святым местам... Питалась всякой ерундой: ватой, бананами, печеньками, сладостями, чипсами... Решила наконец-то пообедать, и нашла «серьезную еду»: корочки моченого теста наливают чечевичный соус и картошку со специями, сыпят полпригоршни макарон доширака, наливают «йогурта» (соленая сметана комкастой консистенции). При сборе моей тарелки я запретила использовать половину

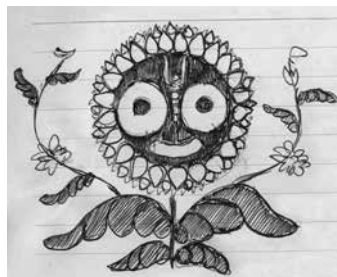
ингредиентов, так что получилось вкусно. Парни рядом наоборот, постоянно требовали добавки всего; потом попросили водички из-под теста, а напоследок еще горсть доширака с собой, погрызть по дороге. По-максимуму отжали еды на свои двадцать рупий.

После солнечных жарких пещер и сытной еды меня разморило; я надеялась, что это последний пункт программы, если честно. Но нет.

Нанимать байкера, везде сопровождающего тебя, также противоестественно, как покупать на день партнера для игры в теннис. Напарник должен быть заражен той же жаждой познания, тем же восторгом — а не скучать, в тысячный раз обзирая надоевшие руины. Половину удовольствия убивает мысль, что тебя ждет, позевывая, такой невольный зритель.

Анджей, мой водитель, сначала меня поставил в тупик — корректный, вежливый, явно отработывающий свои деньги, не лезущий с расспросами — идеальный. Я прямо задумалась, не дать ли ему сверх оговоренной суммы; но тут он заявил, что в связи с «разными тратами» он хочет не 700₹, как договаривались, а тысячу. Меня отпустило. Я радостно послала его нахер, отобрала чеки с парковок, посчитала их (полсотни рупий в сумме, даже близко не триста), дала ему 750₹ и распрощалась.

Срисованный с забора чудесный черный Джаганнатх в виде подсолнуха. →

Стало по-настоящему жарко. Хорошо, что я вымыла голову в туалете при одном из храмов, а то начинала уже плавиться. С мокрой головой я десантировалась прямо в центральном скоплении храмов и пошла гулять уже свободно.

Оказалась в очень богатом районе — удивительно, рядом со святынями-то. Частные дома расписные, на многих ниже традиционного приветственного рисунка написаны имена владельцев — судя по кривизне, для такого не принято нанимать художников. Но очень искренне и радостно нарисовано. Много хороших нарисованных Ганеш, часто встречается мой старый знакомый Джаганнатх, который сегодня уронил на меня цветок. Его рисуют очень по-разному, но эти гла-

зищи-блюдца ни с чем не спутаешь. Глядя на продающиеся смешные изображения черного лупоглазого нечто, задумываешься, почему бы не признать религию верящих в макаронного монстра и прочих чудиков.

Какая все-таки замечательная традиция — расписывать дома! Вот расписные храмы мне нравятся намного меньше, ведь ничего благороднее камня уже не выдумать. Индусы это понимают (как и то, что краска стоит денег), поэтому заливают цветом лишь самые важные места. В основном в храме выделяют главную статую (красным или оранжевым), одевают ее в специальные тряпки (часто можно возле храма встретить развалы кукольных «одеяний» — многие богатые дома или хорошие офисы имеют свои «домики для богов», а боги нуждаются в одежде). Обычно тряпки расшиты по краям блестящими нитками. Именно такие банданы носят аскающие денег монахи. Очень удобно — купил тряпку, и уже святой. Интересно, что никто не требует от них доказательств: ни чудес, ни исцелений от них не ждут; никто даже не проверяет, живут ли эти «подвижники» в святой бедности, или купаются в роскоши за счет обывателя.

Одиша — край, где сохранились многие племена. Правда, живут они не в городах, а на западе штата. Их лица весьма специфичны — женщины носят много украшений и звенят при ходьбе. Самые узнаваемые, пожалуй — колечко в носу и серьга с колокольчиком в ухе.

Ближе к вечеру, уже окончательно устав и ослотившись от впечатлений, облюбовала себе скамейку в чьем-то дворе; записала все, что не успела днем, дорисовала детали к наброскам... В это время ко мне торжественно вышла делегация — мама с детьми и мужем. Они подарили мне календарик; порадовались, что я правильно назвала Саи Бабу, изображенного на нем, рассказали про свою школу — открыли частный колледж для местных детишек. Договорились сфотографироваться; мама оглядела мой наряд и тактично спросила, не хочу ли я немного поправить сари перед съемкой. Отвела меня в один из классов и аккуратно перемотала. А на прощание подарила еще и ручку — красивую, шариковую, в новой упаковке! Первый раз, пожалуй, когда от меня ничего не хотят, да еще и одаривают.

Да, сегодня же знаменательный день — первый день без колес! Курс

← В Калькутте меня как-то занесло в район, где продается всякая ерунда для байков. Чехлы, запчасти... и наклейки. Так я стала обладательницей пачки Шив.

допит, и я, как ни удивительно, и впрямь чувствую себя здоровой. А тем временем в Непале Ирочка с Эдом словили болезнь Лайма — ту самую, от которой кружочек вокруг укуса. Вернулись домой выжатые и помчались пить антибиотики. Клещики вы мои чистые, как же я чертовски рада! Так что мысленно я, конечно, с друзьями; как здорово, что физически все-таки отдельно!

Приятно разглядывать, попивая чай, как дым от ароматических палочек поднимается строго вверх (потом обтекает полку и рассеивается), а пепел падает строго вниз, медленно засыпая стол ровным слоем.

За стеной скребут ложкой по тарелке, я жую пресные крекеры и обещаю себе завтра поесть нормально. К вечеру «дня непослушания» и еды в виде вкусеньких чипсов внутренний ребенок сдуся и запросил риса с помидорками. Может, со всеми детьми так? Подержал его денек на конфетах, глядишь, а он тайком суп наварачивает...

20 января. *Bhubaneshwar – Pipli – Konark – Bhubaneshwar*

Маршрут сегодняшнего дня должен был состоять из пути в Храм Солнца. По дороге решила заскочить в анонсированный LP «городок мастеров» Pipli. Он оказался крошечной деревней с одной улицей, усеянной магазинчиками. Покрывала с зеркалами, аляповатые разлапистые абажуры, картины-аппликации — все довольно дорого и абсолютно бесполезно. И — прямой автобус до Конарка ходит крайне редко. Хм.

Решила ехать с пересадками. Местная девушка объяснила мне, как это можно осуществить, а потом вышла; на ее место набились школьницы, и я понаблюдала милую сцену детской любовной истории. Уже в отъезжающее окно сунулся мальчишка, что-то быстро сказал одной из них и кинул на коленки «Кит-Кат». Она секунду оторопело смотрела на шоколадку, а после схватила ее и швырнула в заднее окно. Девочки-спутницы прижимали руки ко рту и округляли глаза: «Какая драма, какая драма!»

После пересадки меня хотели посадить на престижное место рядом с водителем в местном джипе «Махиндра». Проблема в том, что там, на престижном месте, уже сидели трое. Так что я показала на салон — скамейка вдоль задней двери, узкая, но на всю ширину кабины, а занята только одной девочкой с ребенком. Кондуктор пожал плечами, а на следующей станции уплотнил нас каким-то дядей — тот начал сопротивляться, когда осознал, что ему придется задвинуть меня в угол, чтобы поместиться, но кондуктор был непреклонен. Я придумала несколько вариантов, куда деть ноги, но в сари все они выглядели порнографично. Ну, всего 30 км осталось, полтора часа... Спустя час

наконец-то все вышли, и я с облегчением вытянулась, развалив этим ловким движением всю скамейку нафиг — оказывается, это была просто лежащая на скобах доска.

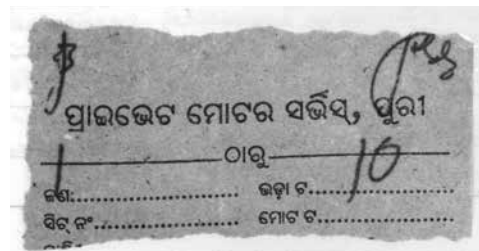
Отлично доехала, чо.

Зато теперь я в Конарке, и мне скоро принесут thali! Конечно, ехала я сюда ради храма и прочих духовных блюд, однако последняя горячая еда была во мне еще вчера, так что я жду с нетерпением. Индийское thali прекрасно тем, что ты покупаешь не порцию еды, а сытость, переходящую в состояние «больше не могу». Тебе докладывают всего, чего попросишь: хрустящих кукурузных лепешек, риса, и, конечно, подлив. Мальчик с полными ведрами снует между столами. Я выдержала две добавки, после чего отвалилась, сыто, по-индуски, отрыгивая.

До храма оказалось совсем близко; меня высадили у самого указателя. Легкая прогулка между рядов фенечек и ракушек — ничего интересного, штампованные фенечки из храма (спасибо, хоть мода на магнитики сюда еще не добралась). На территории один огромный храм — гигантский по меркам местных достопримечательностей. Он стоит посреди прекрасного, ухоженного сквера. Они тут отлично ухаживают за растениями, и, что приятно, мусор в таких местах просто вылизывают — ни соринки.

Говорят, надо брать тут гида, который расскажет много любопытного про фигуры. LP увещевал, что сам ничего не найдешь, а там где-то спрятался мужчина, лечащий себя от венерического заболевания, и прочие странности. Эротических скульптур было не так уж много, хотя именно они принесли этому храму такую известность. Рисовать их не буду — мой дневник часто просматривают дети и впечатлительные подростки, не будем нагнетать.

Солнце село удивительно быстро — я едва успела обойти центральное здание кругом по обоим ярусам. Внутри реставрация, да и внешняя часть наполовину закрыта строительными лесами. Оказывается, очень легко строить такие штуки: просто ставят камень на камень, как из кирпичей, даже не пытаюсь сделать монолитной эту стену, а оставляя выступы, неровно, безо всякой математической логики. А потом выбивают на них узоры и фигуры, и получается такое чудо. Рисунки, в общем-то, несложные. Но их сотни, впечатляющее зрелище.

← Автобусный билет Бубанишвар — Пипли.

Suntemple, конечно, не супер-эротический Каджурахо, но элементы тут тоже присутствуют. Много мелких статуй, изображающих занятых чем-то девушек — они играют на музыкальных инструментах, танцуют, занимаются йогой, осматривают свою молочную железу на предмет рака, любят на себя в зеркало — на самом деле трудно с точностью сказать, что они там делают, так как размер фигурки не длиннее локтя, а камень довольно грубый и испещрен сколами. →

Эту милую тетю я нарисовала в одиночестве, а на самом деле их было трое: юноша, чью грудь она нежно гладит, в это время целуется с другой девушкой, а его немаленьких размеров член красиво делит композицию по золотому сечению наподобие шлагбаума. →

Каждая скульптура или композиция сидит в отдельном «окошке», окаймленном цветочным орнаментом.

Кроме храма ничего осмотреть не удалось, так как стемнело. Единственная оставшаяся на мою долю достопримечательность — длинная очередь из женщин, уводящая в кусты. Первый на моей памяти «полевой» туалет для леди. Они не особо таились, просто сходили с дороги на символическое расстояние и задирали сари. Я не стала проверять, работает ли по указателю «туалет для туристов» и присоединилась. Так мы хоть немного отомстили привилегированной касте самцов, осчастливленных возможностью задрать лапу у любого приглянувшегося столба.

Обратно добиралась на крупном автобусе, очень приятном после крошечных джипов и махиндр, из которых во все стороны торчат пассажирские руки-ноги. Правда, жалкие 50 км мы ехали больше двух часов. В тот момент, когда я была уверена, что мы уже дважды проехали всю дорогу, сделали петлю и возвращаемся в Конарк, я увидела знакомые золотые полотнища — мы доползли до Ripli, а значит, до дома всего 15 км.

Затейники были эти тантрические мастера! Интересно, что испытывает среднестатистический индийский скульптор, выбивая подобные мотивы? Восхищение? Благоговение? Возбуждение?

Интересно, как это вообще — рисовать бога? Или это как с непальскими картинками-мандалами — пока не нарисовал ему глаза, это просто линии и цветные пятна, а нарисовал — не смей трогать, это божественная материя... Как людям, создающим идола, вообще удастся вдохнуть в них жизнь, самим поверить в их божественность?

Похоже, проблема веры — основная у западного человека. У восточных наций такие вопросы не возникают априори.

Вечером в отеле торжественно открыла найденные тут уникальные Lay's magic masala. Никогда таких не видела. Что еще

скрывает чипсовый магнат? Какие-нибудь новозеландские, с мясом альпийских ягнят? Пробовала понемногу, зная, что индусы любят поострее. Оказалось, весьма magic — чили, черный перец, кардамон и какие-то овощи, безумно острые в сумме. Несмотря на привычку, казалось бы, к местным специям, закашлялась так, что заботливый дядечка-сосед начал стучать в дверь с вопросом «Мадам, вы в порядке?» Я со слезами на глазах и с распухшим носом поведала, что все прекрасно.

21 января. *Bhubaneshwar – Puri*

Пури тут, в Одише, самые обычные. Тонкие, вкусные. Что это в Калькутте на них нашло? Так все плохо с мукой?

Людей в полуденном автобусе было не очень много, однако к моему приходу все козырные места у окон оказались уже заняты. Так что я уселась между двух мужиков на длинном заднем сидении и решила ехать с комфортом. Мужики устроились по-царски, в любимой мужской позе с широко раздвинутыми коленями; я по-турецки собрала ноги, и мы втроем заняли скамейку, рассчитанную на шестерых. Мужчинам было явно дискомфортно ехать рядом с белой леди; я предоставила им испуганно подбирать колени, если от качки мы начинали касаться друг друга, и любовалась пейзажами. Никто ни о чем со мной не заговаривал, интеллигентный штат, как-никак. Только периодически играли в гляделки — в лучших традициях рекламы Nokia со слоганом «общайтесь» — внезапно поймав мой взгляд, спутники испуганно ойкали про себя и стремительно упирались глазами в окно.

Дорога до Пури была хорошей и прошла быстрее, чем до ближайшего по расстоянию Конарка. В Пури решила не экономить на спичках и не тащиться с рюкзаком по жаре; взяла велорикшу до запланированного Z-отеля. Ехала по живописной улочке и уже предвкушала, как пойду обратно пешком, пытаюсь отыскать место подешевле. Мой отель был стар, прекрасен и, конечно, дорог. Однако, как выяснилось, вместо одиночного номера за 1000₹ можно взять кровать в женской спальне за 150₹, и пользоваться теми же благами, что и прочие постояльцы!

Спальня оказалась огромной, белоснежной, чистой. В торцах ее были повешены два гигантских, в потолок, зеркала. Из десятка кроватей занята лишь одна; новехонькая ванная напротив... Здание же в целом напоминает дворец — собственный сад, витые лестницы, многометровые потолки. В этот раз ничего похожего на руины — все отреставрировано либо заменено на новое.

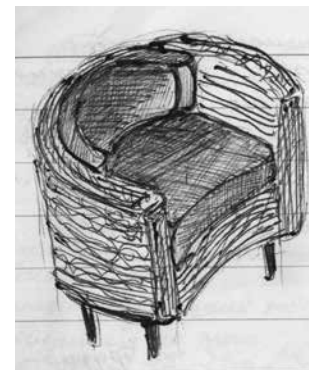
На мой вопрос о ключе от двери портье удивленно приподнял брови: зачем? Тут камеры, да и не бывает никого чужого на территории. Как же это приятно! В Бубанешваре отель был хорош, но параноидальные хозяева настаивали, что закрытой должна быть не только дверь в комнату, но и решетка, запирающая блок в два номера и ванную. Что там можно было украсть? Веник с ведром? И это притом, что мы жили в отдельном здании, находящемся в глубине отельного сада, то есть случайных людей там точно не могло быть.

В этом отеле принято разуваться перед входом, еще до первой лестницы. Это так приятно — босиком пробежаться по мраморному полу и теплomu, отполированному от времени дереву!

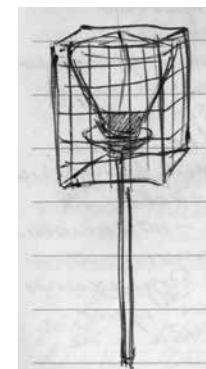
Любителям кофе в Индии живется трудно — даже растворимый тут редкость. Зато есть несколько кофеен европейского уровня, например, *café coffee day* — латте, глассе, айриш, кондиционер и кожаные кресла; цены вдвое ниже московских, что немислимо дорого для местных. Европа-то оказывается преуспела в создании островков доступной роскоши — не дворец и тысяча слуг, а просто мягко, прохладно и без мух. Тут многие века подобное было возможно лишь для махараджи.

Еще тут есть огромный плазменный экран с индийской глянцевой рекламой. Офигенно снято, между прочим! Я села с капучино как раз вовремя, чтобы полюбоваться, как герой с бесконечными патронами отстреливается от десятка противников. Герой успел сделать пару сотен безуспешных выстрелов (злодеи стояли неподвижно, как мишени, злодейски смеялись и также бессмысленно отстреливались), после чего ему позвонила девушка. Отвлекаться от разговора он не посмел, так что попросил ее подождать и быстро всех перестрелял. Последний противник успел перебить пулей длинную изящную цепочку, которой герой был прикован к барже. Надо после возвращения накачать современных индийских боевиков, они такие трогательные.

Самый популярный тут храм — Джаганнатха-темпл. Он виден с начала длинной улицы; я подошла поближе и обомлела — огромная площадь, наподобие Красной,

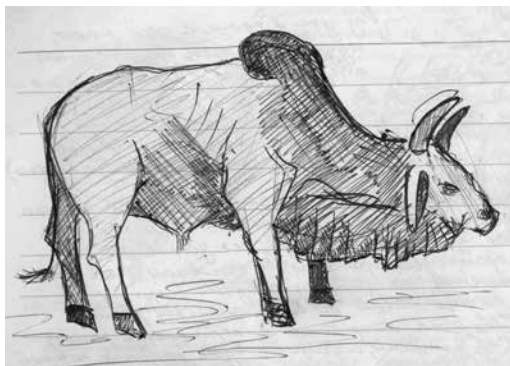

← Мебель тут и правда волшебная — плетеная, но тебя касается только мягкой обивкой. Завести бы такую дома! Гм. Неплохо бы сначала завести дом.

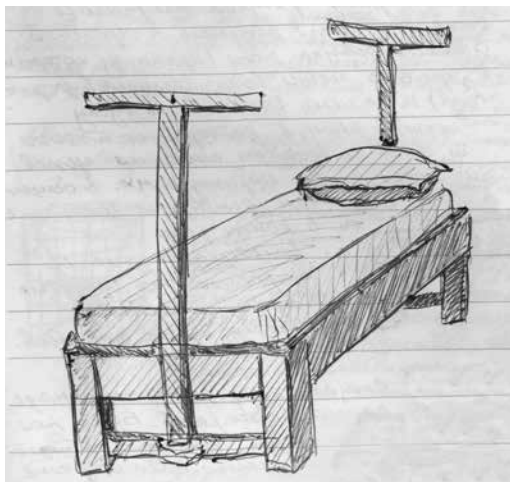

← Местные фонари над воротами домов обычно заперты в клетки. Видимо, дети здесь любят не только змеев, но и футбол.

Ну ладно, шея получилась длинновата, но все остальное именно так! И голова крошечная. Странные животные. Неизящные. Не то что буффало! Зато они складывают шею в такие милые занавесочки, когда тянутся к еде! →

Спальня гигантская, и из-за близости напоминает лазарет из фильмов про мать Терезу. Кровать деревянная, массивная, с огромным пухлым матрасом и возвышающимися крестами — для подвешивания полого. →

22 января. Puri

О, с какой я живу соседкой! Девушка Nana пришла в дикий, чисто японский восторг от моего дневника. Весь вечер обменивались с ней впечатлениями от Индии и Непала — она двигается с севера на юг и только начинает трехмесячный трип, так что заодно построили ей план. Она организована примерно как я. То есть никак.

вся устланная палатками с едой, сувенирами (в основном бусы, но много и разных украшений для дома из ракушек) и нищими.

Прогулка в сам роскошный храм получилась очень краткой. Я разулась, в русле огромной толпы дотянулась до крапов в форме слонов, ополоснула руки. Прошла босиком прямо по волнам мраморной реки — низенький длинный бассейн с прозрачной водой является единственным путем достижения входа, таким образом грехи (и грязь) с паломников смываются принудительно. В общем-то, на этом мой осмотр и закончился — на выходе из реки были ступени ко входу, где меня выловила охрана и попросила не ломиться в храм, созданный только для индусов.

К ночи она брызнула сильным японским антикомарином внутрь полога, и после этого вокруг кровати стал образовываться тонкий слой подергивающихся трупиков. Я просто зажгла сандал и залезла внутрь. Только бы не привалиться ночью к сетке! Обглодают.

Проснулась необычайно рано, еще до будильника. Наверное, сыграл свою роль голод. Но идти гулять сразу же я себе запретила — мне была необходима стирка! Провела пару часов в забеге между ванной и крышей, где в итоге расстелила на индийский манер все свои цветные тряпки. Сари тут сушат в основном двумя способами. Счастливы, живущие на втором и выше этажах, просто скидывают его из окна, оставляя развеваться на ветру. А остальные раскладывают всю одежду на горизонтальных поверхностях — асфальте, траве или крыше. Солнце тут хорошее, так что прожаривает любой слой насквозь меньше чем за час. Улетать моим вещам было некуда, и когда я заканчивала раскладывать последние, первые уже можно было считать условно высохшими.

За завтраком хозяин забегаловки листал мой дневник, щелкал языком. Потом спохватился: чай же! И немедленно послал мальчишку к соседям. Я думала, за готовым чаем — у них принято разделение труда — но нет, всего лишь за пакетом молока. Чай вышел очень забористый, пью уже вторую чашку и подумываю о третьей.

В интернет-кафе стояла невыносимая духота — в узкий пенал набилось два десятка человек, и они выдыхали весь кислород. Я попросила включить фен, спустя минут десять температура нормализовалась, а по залу пронесся вздох облегчения. Забавные они, как дети — те тоже живут в мире неизменных данностей, к которым надо уметь привыкнуть, в мире больших дядей и тетей, которые решат за тебя...

Рикши так подкрадываются к тебе, словно надеются застать врасплох и за счет этого заставить согласиться. А еще много раз переспрашивают, словно мое покачивание головой не означает отказ на их сначала невысказанное, а потом многократно повторенное предложение. Кто их знает, белых самок.

Может, у них просто традиция такая — ходить и качать головой.

Ни разу не видела довольного рикшу. Договорились как-то раз на 40₹, вез хорошо, даю 50₹ — в ответ слышу: «Мадам, пожалуйста, 60₹!» За это я их и не люблю.

Девушки тут много и тяжело работают на стройках. Получая, как я понимаю, намного меньше мужчин. При этом они используют свою обычную одежду — то же сари, даже браслетов не снимают. Ужасно красиво выглядит «распущенное» сари, у которого хвост крепится как капюшон на голове лишь самым кончиком, а остальное свободно ниспадает огромной складкой до самого бедра. Жаль, что такие женщины категорически не любят фотографироваться!

По-моему, рабоче-крестьянский способ ношения сари самый красивый. Даже несмотря на то, что обычно в таком случае сари — просто тряпка неопределенной раскраски. Самым годным способом для леди и высокородных считается туго замотаться, оставив лишь тонкую складку, аккуратно прикрепленную к плечу. А всякие капюшоны и прочие удобные варианты — это для рабочих и шудр. Ну, в общем, это в любой культуре так. Накладные ногти, нелепые юбки, каблучки — эти вычурные атрибуты призваны показать окружающим привилегированный статус владелицы. Белая кость, может позволить себе неудобное и странное, ведь работать ей в этом не придется.

Тех, кто ездит, не снимая пальца с гудка, хочется убить. Потому что хороший поток звука, когда байк разворачивается прямо на тебя, проходит голову насквозь, причиняя ушам боль, а душе — злость. Дурацкая привычка. Все равно на звуки никто не реагирует, все давно оглохло. Я бы прямо на заводе вывинчивала сигналы, пусть молча ездят.

Если не считать коров везде, обычный приморский городок. Статуи точно такие же, как в какой-нибудь Ялте. И контингент отдыхающих похож. Разве что эти уже загорели.

Раздражают некоторые интеллигентные семейные индусы, которые подходят так, будто уже оплатили в кассе услугу «сфотографироваться с белой самкой». Очень строго говорят: пожалуйста, две минуты. Смотрите сюда. Улыбайтесь. Спасибо — все это деловито-напряженным тоном, словно времени у них мало, очередь большая, а я задерживаю всех, не желая делать свою часть работы. Я вот наоборот стараюсь фотографировать тайком, чтобы не собирать

высунутые языки, «виктори» и паспортные улыбки.

Иду по набережной. От моря ее отделяет низенький заборчик и, судя по запаху, полоса общественного туалета. На пляже полно людей, бойко идет торговля бананами, водой и огурцами.

Забрела на тряпичный рынок. Застоявшиеся продавцы при виде меня бросились облагораживать местность: бить метелками по товару, открывая яркие краски из-под слоя пыли, поливать площадку перед входом в лавку (чтобы я не подняла своим сари клубы мелкого песка обратно) и жечь благовония — отбивать стойкий запах фекалий с пляжа. Сразу порадовалась, что деньги у меня остались в отеле. Тут внезапно потрясающие узорчатые ткани, весьма узнаваемые, причем таких я не встречала до этого нигде больше.

Обожаю Индию именно за это. Идешь задворками, и вдруг на заборе — прекрасный рисунок Шивы со всеми атрибутами, змеей и лингамом. Срисовала под чутким руководством пары местных: они пояснили, что в прическе должна быть вмятинка, так как из нее вытекает Ганг, а полосы должны идти горизонтально, потому что это знак просветления. Вообще местным тяжело смотреть, как я рисую — так как я часто пропускаю какие-то детали, а что-то добавляю от себя. К такому вольнодумству они относятся неодобрительно.

Много мух. Они сидят густым шевелящимся ковром в местах, обещающих еду — на столах возле лавок сладостей, мусорных кучах и земле, куда выливают какую-нибудь питательную жижу. Жутковато, хотя и ясно, что они тебя не съедят. Жаль, что я не могу передергивать шкуркой, как коровы.

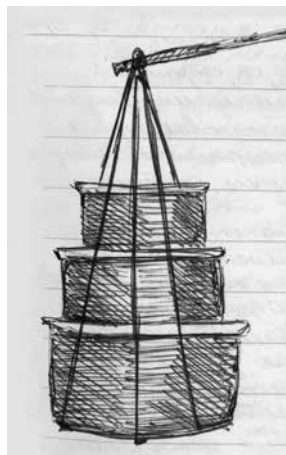
← Классный тип одежды, встречающийся только в Одише — туника из легкого хлопка, коричневая, темно-красная или темно-зеленая, с белоснежной отделкой по подолу, вороту и рукавам. Правда, учитывая особенности местных красителей, после первой же машинной стирки она станет равномерного цвета, я полагаю.

Местная услуга во всех людных местах: крупный огурец чистят, режут на четыре дольки и засыпают солью с перцем. Сочно и вкусно! С доставкой до окна автобуса стоит 10₹ обычно; тут, с подходом к рабочему месту продавца, можно за 5₹ купить. →

Фотограф на пляже — престижная профессия. Все абсолютно одинаковые — заботливо сохраняемая мыльница в пакетике, белая панاما, синяя блузка, черные подмоченные волнами штаны — интересно, сетевая услуга, или привычка все делать стадно? Стоят с частотой метров в десять. Востребованная услуга — фотографируют купающихся в полосе прибоя, а после предлагают распечатать удачные снимки.

Забавно, но столь же шаблонно клеятся местные хлыщи. Трижды однообразно подкатывали холеные, современно одетые «мачо», чувствующие себя достаточно круто, чтобы познакомиться с белой самкой. Их так легко вычленишь среди толп, желающих просто поболтать и сфотографироваться, что я их начинаю игнорировать с первой же секунды разговора, бросая только «по», «stay me alone» и «go away, pig, I'm marriage!» Механизм такой: сначала хлыщ «случайно» идет рядом (о, как заметно, когда кто-то пытается переместиться в одном с тобой рваном ритме!), потом спрашивает, помню ли я его (хотя мы точно не знакомились), пытается угадать мою страну и говорит, что у него оттуда много друзей. Предлагает экскурсию на своем байке. На этом месте, в общем-то, уже хочется врезать по самодовольной сальной роже, но, увы, пока нет повода. Поэтому я продолжаю молчать. Один, например, сорвался, решив, что руку на талии я смогу игнорировать так же, как и его треп. Радостно зазвездила ему дневником в ухо и наорала. Многие говорили, что в Пури пристают нахально. Возможно, я немного помогу следующим поколениям туристок снизить уровень хамства? Ловля хама на живца! Сезон открыт!

А все остальное время общаюсь с обычными смеющимися отдыхающими. Помогаю закапывать мужиков в песок, обливаюсь водой с детьми и перекидываюсь мячом с взвизгивающими от волн девчонками.

Мимо величественно прошел верблюд, неся на спине целую семью. На попоне — спайдермен. Вот это эклектика!

Помимо поводырей верблюдов, фотографов и разнообразных липких мачо на пляже тяжело вкалывают разносчики еды. С целыми пирамидами через плечо, по шесть кастрюль, они ходят между отдыхающих. Ничем не бренчат и вообще довольно незаметные — но их огромные поварские принадлежности привлекают массу туристов — море, есть хочется всем.

А еще неподалеку от берега и отдыхающих промышляют рыбаки. Между прочим, выйти в море отсюда весьма непростая задача, требующая силы, ловкости и навыка. Волны очень высокие, мощный прибой легко откидывает на берег обратно. Наблюдала отплытие одной лодки со снастями — ребята минут десять выводили каное из полосы прибоя, даже сильный «мотор» в виде толкающего позади парня, стоящего по грудь в воде, помог не с первой попытки.

Пляж — неиссякаемый источник ярких персонажей. Тут и чумазые разносчики ваты лет десяти, и купающиеся, орущие от восторга мальчишки, и чинно взвизгивающие от волн девочки в ярких сальварах-туниках, и внезапно очень красивая пара стариков, по-королевски восседающая рука об руку на специально принесенных стульчиках (сложить пальцы: «Намаскар!», коснуться фотоаппарата: «Можно?», улыбнуться в ответ на теплую улыбку и благосклонно принятую фотогеничную позу с рукой, подпирающей испещренный морщинками подбородок). И много ярких, совсем туземных семей. Племена Одиши тоже любят море. А вот фотографировать себя девушки с избытком украшений и в странных сари не позволяют, стремительно закрывают лицо полой и отворачиваются.

Поскольку специально выстроенных платформ на песке нет, на верблюдов взбираются при помощи приставной лестницы. Я бы на его месте отошла...

И кстати — ни одного стирающего. Даже странно — столько относительно чистой воды... Все же далеко, видимо. До ближайших домов метров триста.

Проходя мимо колледжа, неосторожно махнула рукой мальчишкам, кричащим через забор «Hello!». Такой бури восторга я не ожидала. Мне весь колледж дружно махнул вслед...

Темнеет, холодает. Сажу в шезлонг на крыше, завернувшись в свежевостранную Теплую тряпку, потягиваю остывающий чай (если берешь away, тебе наливают его в квадратный пакетик из-под молока, немного сильнее порвав ему уголок). Любуюсь закатом. Море хорошо видно отсюда, его только несколько близлежащих помоек портят. Солнце, правда, падает не классически в волны, а чуть поодаль, за храм и пальмы. На крышу мало кто ходит — основная масса местных туристов это пожилые степенные европейцы, они предпочитают общую зону с кожаными креслами внизу (одну из пяти на выбор). А тут как раз два шезлонга — я периодически сталкиваюсь с Наной, соседкой-японкой. Ей, оказывается, почти сорок — но и она ужасно удивилась, узнав, что я всего на десять лет ее моложе. Еще после вчерашнего диалога: «У тебя есть подставка под благовония? — Нет, но у меня же есть банан» она прозвала меня funny-girl. Она замужем, с мужем видится редко — много где хотела бы побывать и потому детей не планирует. Ее родители в разводе, и она говорит,

что это нормально для Японии. Поразвенчивали обоюдные мифы про семейные традиции в наших странах. Впрочем, мы, кажется, обе так себе типичные представительницы...

Немного жутковато после заката на всех соседних крышах начинают кучковаться вороны. Меняют места, дерутся, летают, бросают ошметки еды на пол... Больше сотни штук в поле зрения, и все деревья вокруг в них. Чихают и со стуком когтей прыгают по бетону, смотрят недобро: чего уселась? Наше место!

23 января. Puri – Chilika

Вчера я очень успешно, перед самым закрытием, успела зайти в турагентство — и вот я уже в полседьмого утра на посту. Нам обещано прекрасное путешествие вокруг озера с дикими птицами. Оказывается, я уже могу, не просыпаясь, рассказывать по-английски, какая темная и мрачная страна Россия, как в ней нелегко подняться поутру в школу — Нана по моей просьбе пыталась разбудить меня и не особо преуспела. Сама она каждое утро поднимается в шесть и уходит на занятия йогой. Меня на такой график хватило лишь в течение недели после «выпуска» из ашрама.

Ночью кто-то жутко цокал когтями по мрамору и шумел в листьях за окнами. Жутко — в смысле громко. Так-то ясно, что это либо галки, либо обезьяны. Услышь я такие звуки в России, подпрыгнула бы к потолку и спать бы не смогла, а тут даже уютно.

Туман. Комары еще не осознали рассвет и ведут себя нахально. Ждем удивительно мало для Индии — автобус приходит почти вовремя. Экскурсия ведется на хинди, я единственная европейская туристка. Периодически спрашиваю что-нибудь у гида, но в целом довольна — еще не хватало всю поездку бубнилку слушать...

Деревни, мимо которых лежит наш путь, только просыпаются. Мужчины забьют кутаются в полотенца, чистят зубы, бродя вокруг заводов. В тех же прудах женщины стирают белье и моют посуду. Голые дети сидят в полях — какают. Неподалеку вышагивают белоснежные цапли. Первые рабочие раскладывают для сушки кирпичи или черпают воду из одного поля в другое, вдвоем качая, как таран, длинное ве-

дро. Дымят кухни — я знаю, что там готовятся пури, иддли, доса и чай.

Для меня гид переводит то, о чем рассказывал своим в течение получаса, буквально в двух фразах. Мне всегда казалось, что они избыточно треплются, отработывая взносы.

Первая остановка в священной деревне, для осмотра храма и завтрака. Деревня зовется Brahmagiri, или «священная гора».

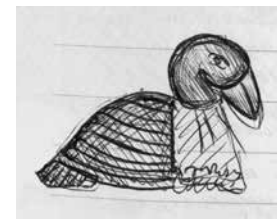
Как же вкусно выглядит кухня в таких крошечных забегаловках! Закопченные котлы классической ведьмовской формы, дымятся печь, запах — как в бане, посыпанной специями...

У мужика на улице крошечная махиндрочка для грузов зовется Lenka&Lenka. У нее глаза спереди и ржавый остов вместо кузова. Местная сумасшедшая, всклокоченная и мятая после сна, бродит посередине улицы, напевает и «летает» миской для еды, как ребенок самолетиком. А мы уже едем дальше.

Мужик по колено в воде разбрасывает саженцы по полю — рис, наверное, хотя издалека не разглядеть. Хватает «за волосы» и кидает на место, иногда двигает плавучий кустик палочкой. Вдоль дороги все время квадраты с неглубокой водой, иногда — уже подросшая зелень пронзительно-салатового цвета. Странно видеть посреди озера (пусть и очевидно рукотворного происхождения) внезапно пугало.

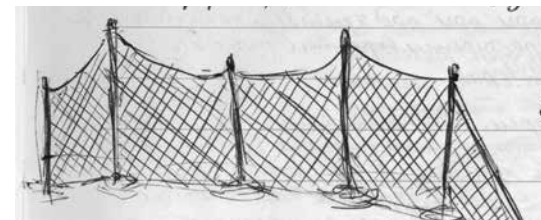
Воды все больше, суши все меньше. Вот уже только острова и косы с небольшими кучками деревьев или кустов. Играем с автобусом в прятки: его задача подставить дерево так, чтобы оно выпрыгнуло прямо посреди красивого вида, который я пытаюсь сфотографировать. Он ведет 10:0, я после завтрака ленива и медлительна.

В воде стоят красивые голубые сети и ходят неспешные, миролюбивые баффало, мохнатыми мордами возятся в верхнем слое жижи, пылесосят траву. Из сетей же сделаны заборы вокруг домов, пологи на верандах — словно огромный паук с молочной, нежно-бирюзовой паутиной оплел всю деревню. Ужасно красиво.

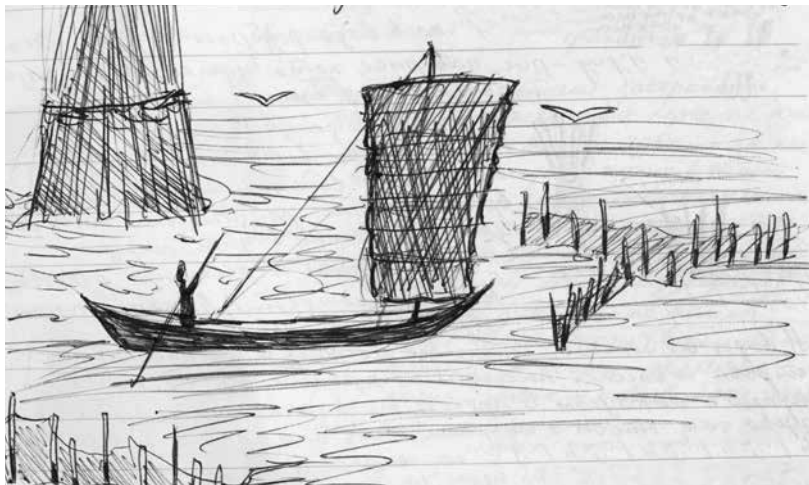

← На входе в храм не обычная овца, а милая уточка в парадном золотом переднике.

Птиц на полях очень-очень много. Разных. Я узнаю разве что цапель, да еще диких ярких курочек, серых аистов. Еще всякие трясогузки и кингфишеры, спасибо Ирке с Эдом за расширение моего птичьего кругозора. →

Мы добрались до края мира, где пристань упирается прямо в небо — дальше вода, насколько хватает глаз, мутно-желтое шевелящееся поле. С торчащими остовами сетей и скользящими лодками. →

Впечатление усиливается тем, что заборы — это просто нагромождение палок и веток, довольно одноцветно выбеленных солнцем и покрытых пылью, а сеть — новенькая (она шевелится от ветра и отряхивается от грязи).

Кормчий что-то понял про меня. Несмотря на капитанский призыв «Lady First» (чтобы девушки и старики заняли хорошие скамьи под тентом), он позвал меня к себе, сидеть прямо на корме, по-турецки скрестив ноги на крашеных мореных досках. УРА!

Пейзаж нарисован молоком — легкая дымка скрадывает и без того неяркие краски. А на солнце волны блестят нестерпимо, как осколки зеркала в покрывалах из Ripli — ясно, откуда они черпали вдохновение.

Отплыв немного, вдруг начали петлять. Тут водятся настоящие дикие дельфины. Лагуна мелкая, деваться им некуда, так что они махали нам хвостами периодически. Красиво, хотя на море, со скал, мне понравилось больше. Здесь

трудно отделаться от мысли, что им житья нет от постоянно жужжащих над головой моторок — это как сосед с дрелью, только противнее.

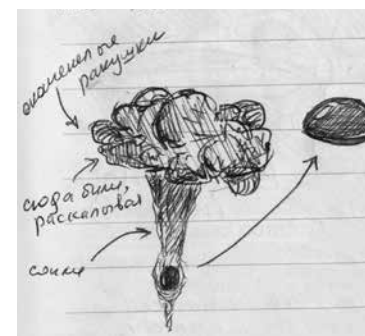
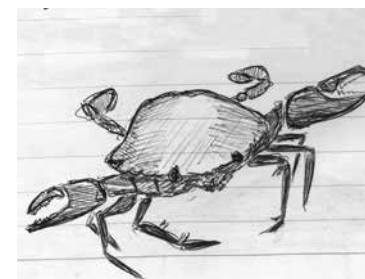
Эх! Упустила я гигантскую бутыл синего стекла! В первый раз она вынырнула неподалеку от борта, но была внезапна — я не успела среагировать. А потом видела ее, как

ориентир, метрах в пятидесяти, но разворачивать в погоне за мусором весь корабль, любующийся дельфинами, было неловко.

Остров прекрасен! Очень похож на пейзаж рядом с моим калининградским домом — желтовато-грязный песок, жесткая мелкая травка, холмики, следы птиц... и не только птиц... Присмотревшись, заметила характерные полоски от черепах. А чуть погода увидела целое кладбище. Больше десяти штук на пяти метрах берега! Огромные полуразложившиеся панцири... Вообще это кажется только, что дохлую черепашку так мило с собой забрать. Пока десять килограмм гнилого мяса вытекут, от самого панциря мало что остается. Он ведь тоже покрыт шкурой-кожей поверх кости, а кость пористая, ломкая... Нашла несколько отдельных запчастей, кажется, костей с брюха — для Ирки-зоонекропедофилки и ее коллекции мертвых маленьких животных.

В общем, пока все тусили напротив входа на пляж и фоткались, я рысила кругами по колючей равнине. Но больше не нашла ничего любопытного. Зато, когда я пришла к лодке (и рыбацкому поселку, выросшему неподалеку от пристани специально для ублажения туристов), мне предложили купить массу всего почти живого. Например, огромных, мягко перебирающих лапками королевских креветок. Красавцы! Или могучих крабов, даже при смерти в душном тазу принимающих угрожающе-воинственные позы.

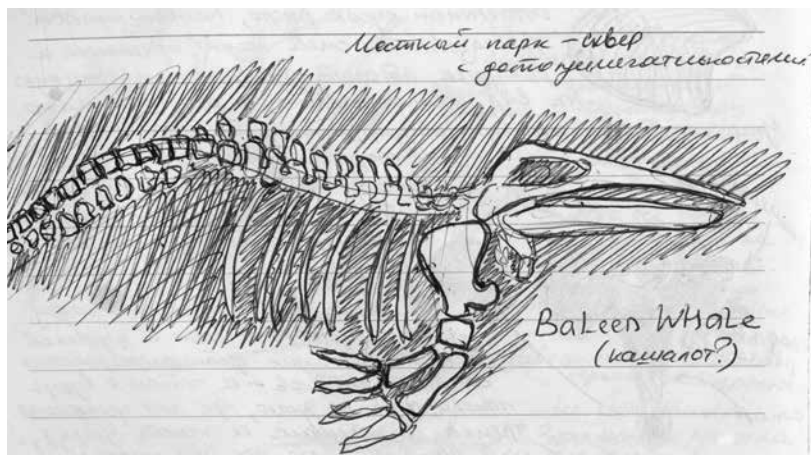

← Разулась еще на лодке, все-таки пляж. Песок не очень приятный — крупный, серый, с кучей ползучих растений, корней и острых камушков. Зарисовала на память текстуру. Рак на этом пустыре случаен — на самом деле он вместе с крабами и кораллами в тазу.

← Разнообразные запчасти коралла. Его неказистый домик и собственно божественная бусина.

Когда местные увидели рисунки, перестали предлагать купить и стали предлагать смотреть. Например, как вскрывают ракушки в поисках жемчуга. И как достают коралл! Я всегда думала, что это просто обточенный кусок цветного кораллового рифа — наивный простофиля! Оказывается, смесь камня, известняка и ракушек, абсолютно мертвую и мерзко-слизкую на вид, можно разбить, а внутри, если повезет — словно уже поработал мастер-ювелир, — камень идеального цвета и формы. При мне ребята добыли пару оранжевых и зеленых. На просьбу подарить на память вежливо посмеялись — один стоит не меньше трех сотен рупий.

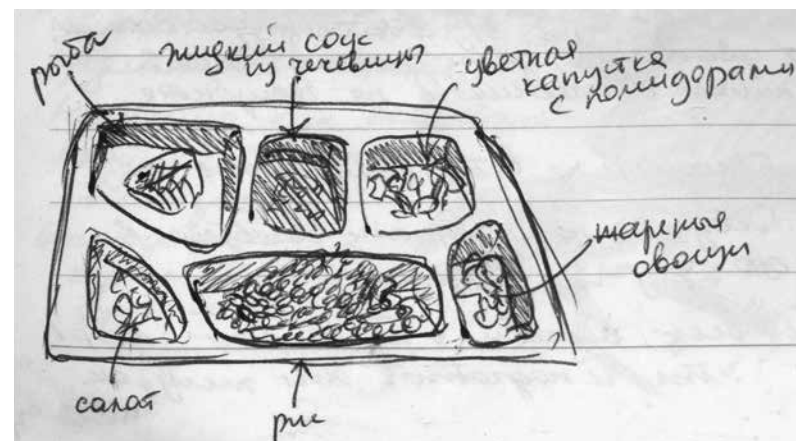
Местный парк-сквер со специфическими достопримечательностями. Гугл подсказывает, что baleen whale — усатый кит. →

Потом все погрузились обратно на корабль, отбились от желающих фотографироваться рыбаков — а я вдруг поняла, что не знаю, где моя прекрасная тряпка. В лучших традициях ежика в тумане обыскала всю лодку, очень извинилась и побежала ее искать. Минут через десять вернулась с трофеем — выпала, зараза, на самой дальней точке, у черепах на берегу. Пожилой индус сдержанно поздравил меня от лица всей угрюмо молчащей лодки.

Мы доплыли до самой крайней точки Чилики, где истончившаяся коса открывает к ней доступ к морю. Возвращаемся. Оказывается, цветные соломенные шляпки для поездки девушки не покупали, а ВЗЯЛИ В АРЕНДУ в том ларьке, что стоял у выхода на пристань. И теперь сдавали их обратно. Вот это услуга!

А еще в пафосный ресторан до выезда нас заводили не просто так — оказывается, все выбрали и заплатили за обед, а теперь по талонам получали уже

готовую еду. По счастью, thali наготовлено много и заказать еще одну порцию не составило труда.

Из моей сумки неумолимо несется чарующий запах старой черепахи — концентрат соленой воблы. Напевая «а была-то я живую триста лет тому назад», направляюсь на свое место. А денек-то удался...

Салон автобуса выглядит, как ветреное поле — все сидения полегли. На опущенных в лежачи креслах спят полные еды и впечатлений туристы; переваривают в спокойной обстановке рис, дельфинов и море.

Я думаю: чего это пахнуть перестало, неужели я привыкла? А нет, просто сумка вперед на пару метров укатилась. Отлично! Теперь я могу находить ее по запаху!

Ужасно здорово выглядят водоемы, к которым подведены дорожки и сделаны спуска-лестницы. Особенно издали, когда еще не видно качества содержимого. Что заставляет людей швырять мусор в свой собственный пруд?

На последний придорожный храм сил хватило лишь нескольким упорным бабушкам. На обратном пути нам выдали очень обстоятельную туристическую

← Думала, меня опять будут ждать — все же получила тарелку позже других. Но после прогулки я ка-а-ак набросилась на еду, как забросила ее в себя! Какое счастье, что в пафосных ресторанах не принято класть добавки, именно поэтому я не лопнула.

← Вот такой обходительный забор. Из огромных красно-пористых кирпичей.

анкету — не только данные обо мне, но и бюджет поездки по штату, основные траты, направления интересов и целая страница под комментарии. Посоветовала им обучить английскому рикш в Бубанешваре, раз уж это столица, и открыть побольше магазинов с их крутых орнаментом.

Впереди пробка, стоим. Хорошая была бы оказия поспать, но вместе с двигателем водитель выключил нам кислород. Окна у туристического автобуса, конечно, не открываются...

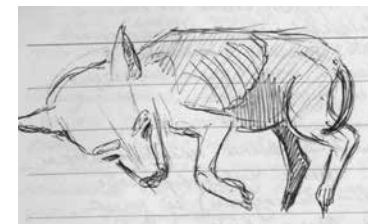
Интересно, кстати — а куда мы деваем такую прорву рук? В Индии все сидят дома, растят детей, кропотливо строят храмы, делается тысяча дел, ненужных в нашем мире. А у нас все чем-то заняты. Чем же, если мы ничего не производим?

Ой. А мы оказывается еще и сломались. Ну и ладно, семь километров до города, лучше прогуляюсь... Заодно купила два кайта — себе и Нане. Она как-то говорила, что хочет попробовать, но нигде не может найти, чтобы купить. Не отнимать же у детей! Я приняла этот вызов — и оказалось, квест действительно не так-то просто выполнить. Все понимали, что я хочу, но показывали в разные стороны. А я не представляла, как должен выглядеть магазин с ними, если он не специализированный — в Варанаси-то было легко, там целые улицы с какими хочешь змеями, а тут нужно что-то вроде «супермаркета»... В итоге я спросила у парней, запускающих одного — парень лет 20 попросил подождать, убежал за угол. Я пошла за ним и через минуту дедушка среди висящего дайкона, ручек и сигарет уже выкладывал передо мной на стол разные варианты. Не

удалось бедному мальчику заработать на глупой туристке... Но и без наценки доброго самаритянина получилось не дешево — сам кайт 10₹, а вот катушка ниток к нему в десять раз дороже.

После этого решила взять рикшу. Ехала смешно — он разогнался под горку, а у меня сумка с черепахой, дневник в руках (чтобы не пропах, вынула), пакет с ниточными бабинами рвется и улетающие кайты... И посреди этого всего я пытаюсь найти в сумке деньги, чтобы без сдачи выдать.

← Аутентичный индийский уличный песик Шредингера: никогда не знаешь наверняка, спит он или уже умер. «Песиков любите?»

23 января. Puri

Очень странно спала эту ночь. Снился Непал, улицы Катманду и общая неприкаянность пути, только она усиливалась тревогой от несданного экзамена по химии. Химичка, Галина Владимировна (наяву это имя я бы никогда не вспомнила, а вот во сне всплыло) принимала только в среду, а я не готовлюсь, а среда все ближе... После внезапно все оборвалось и начало сниться, что я проснулась в Пури, посреди поездки в Индию; решила, что раз все предыдущее сон, можно экзамен не сдавать, после чего успокоенная опять упала в Непал. Вернулась из него только к 11am, рядом уже никого не было. А еще в комнате стало на одну кровать меньше. Так что я сначала удивилась, что Нана меня не разбудила, но ведь грузчикам, со сдержанными индийскими матами выносящим дубовый каркас, это тоже не удалось, так что глупо, наверное, ее винить.

← Мне дико повезло в одной из харчевен получить на сдачу старую купюру в сто рупий. Современные деньги совсем не такие клевые, как эта.

Лавка резчиков по камню оказалась прекрасным убежищем от дневной жары. Пришлось порисовать там, чтобы оправдать свое присутствие. →

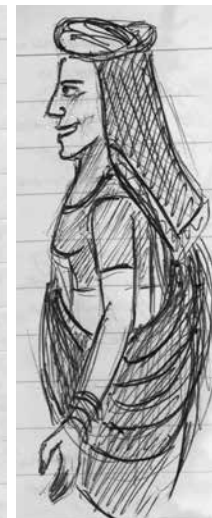
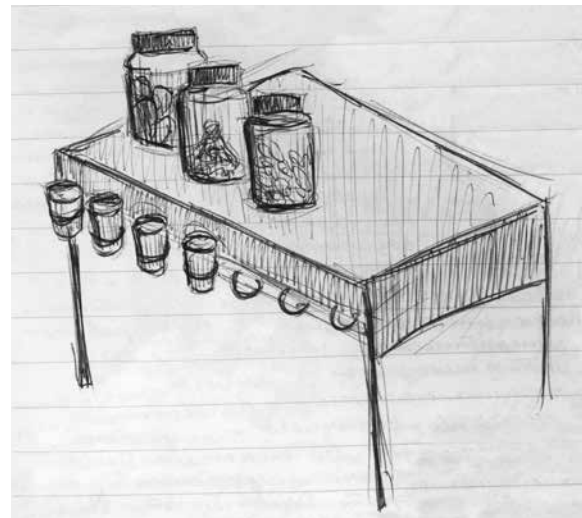

Типичные представители выросших хайрастых биологов. Сын по-прежнему патлат, тощ и обкусывает заусенцы на пальцах, обсуждая материю Вселенной и энергетические токи — у меня было стойкое ощущение, что я на пару часов вернулась на родную кухню для беседы по душам. Правда, отношение на эмоциональном уровне не изменилось — тот забавный случай, когда ты признаешь интересность собеседника, важность декларируемых им концепций, но личность его более приятной от этого не становится.

Разговор вышел любопытным. Дмитрий уже десять лет методично обрабатывает монастыри, вывозя литературу, связанную с аюрведой. В частности, информацию о таинственном препарате, дарующем бессмертие. Впервые услышала логическое обоснование идеи: мол, суть бессмертия заключается в отключении интоксикации на всех уровнях — физическом, энергетическом, психологическом и социальном. Для приема препарата, который в Индии именуют «жидкий огонь», нужно очиститься во всех смыслах, иначе лекарство станет смертельно опасным ядом. Как говорит Дмитрий, «эту вещь делают светлые для светлых». Почему же нельзя обойтись только медитацией? По-

Мы столкнулись в коридоре полчаса спустя — она уже вернулась из Рагураджура, деревни мастеров-художников, куда мы вчера собирались ехать вместе, используя радужную чету канадцев с машиной. Что это было и какого черта меня не взяли, я спрашивать не стала, просто, видимо, надо привыкнуть, что нет у меня никаких попутчиков, даже если порой возникает обратная иллюзия.

С этим соотечественником мы встретились уже в интернет-кафе (он звонил по местному междугороду родителям и говорил им, что тут плохо с интернетом; я не удержалась от реплики по-русски, что врать нехорошо, разговорились). Теперь мы пересеклись вторично на рынке статуй где-то посреди пыльного Пури, где я с удовольствием заблудилась, а он с сыном шел в местный университет (!), забирать смолотый для них препарат. Так я познакомилась с алхимиками.

← [слева] На уличном столике, где разливают чай, кольца-подставки вделаны прямо в край стола. Выпил стакан — ставь и иди, его потом уберут.

← [справа] Это не отдельный платок, это хвост от сари.

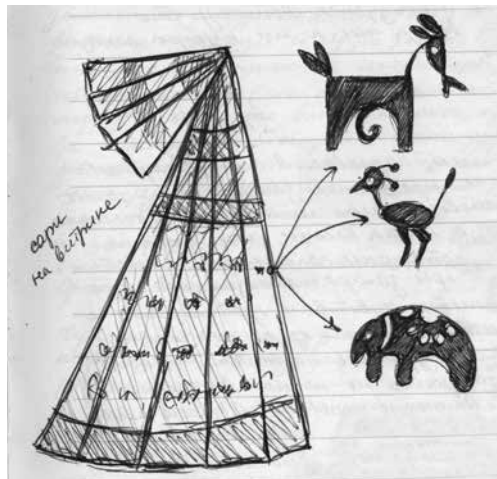
тому что на проблему надо воздействовать на соответствующем ей уровне, а старение все-таки физическая неприятность. Алхимики...

Каждая каста, говорит Дмитрий, имеет свой способ продлевать жизнь. Вышеописанное «Жидкое пламя» — это брахманское бессмертие. Шудры просто меняют тела — в случае, если человек теряет контроль над собой, например, от алкоголя или наркотиков, они могут просто вышвырнуть сознание человека и занять его тело. Вайшьи, торговцы, заключают сделку — как демоны, давая человеку то, чего он неосторожно пожелал, в обмен на его энергию, и в конечном счете — годы его жизни. Люди касты воинов окружают себя учениками, создавая школу с беспрекословным подчинением и обожествлением учителя. Пока он находится в центре пучка направленного света, он действительно бессмертен — но выбраться за его пределы не может. На главную проблему — скуки от обретения всего разом и нежелании двигаться от слова «совсем» — Дмитрий отвечает просто: есть «дхарма», то есть долг. Обретая «брахманское» долголетие, ты становишься бессмертным источником света, у которого одна задача — светить. Полностью раскрыть свой потенциал, заложенные в тебя возможности — и двигаться, чтобы помочь в этом остальным.

В общем, занимательно поговорили и долго. На это ушел целый день — мы сидели в тени и неспешно беседовали. Самая печальная тема для разговора — упадок Индии. Они стремительно теряют свою самобытность в попыт-

ке дотянуться до западного уровня. Развращенная Гоа, спивающаяся Керала, полностью ставший европейским Бомбей... А науки и ремесла приходят в упадок, так как основной деятельностью любого участника становится повторение уже имеющегося шаблона. Это заметно в аюрведе — рецепты передаются с ошибками, никто не пытается их понять, все просто заучивают, как мантру. При таком подходе неизбежна утеря информации, извращение самой идеи. Вот, говорит, Дмитрий — сказано в рецепте взять и измельчить такой-то орех. Так они его вместе со скорлупой и жучками мелют, а то и с плесенью. Какой может получиться эффект? Да какой угодно, кроме задуманного!

Сари на витрине.
Рисунок очень
мелкий и изящ-
ный.→

И конечно ничего не делается иначе, как из-под палки. Голову никто не вкладывает. Обратная сторона усидчивости — если сказано копать отсюда и до обеда, то, наткнувшись на трубу, они ее разломают и пройдут дальше. Не наша работа. Смотри, говорит. Вот двое сидят и весь день измельчают ножницами цветы. А у них при этом есть машина, способная измельчить весь этот объем за час. Но им же нужно показать, что они работают?

Грусть, в общем.

Разговор плавно переместился из шоу-рума мастерской по камню в «университет», собственно, аюрведическую «лабораторию», где «лаборанты» как раз и занимались ручным неоптимизированным трудом.

Я беру столько слов в кавычки, потому что они в моей голове не складываются с визуальной картинкой. На картинке — деревенский дом с глиняным полом, на который постелена газета и два индуса огромными секаторами крошат сухую солому, доставаемую из мешка. Мы заходили за порцией чего-то измельчено-перемешанного (слюда, обожженная с такой-то матерью на молоке усопших девственниц — не помню всех ингредиентов). Доставали жирный поблескивающий порошок из ступки с электроприводом при помощи ржавого ножа и пакетика из-под хлеба. Если его европейские клиенты узнают, в каких

условиях рождаются их драгоценные препараты (во всех смыслах драгоценные — в них рубины крошат и сапфиры. Ну, и цена, конечно, космическая), они бы многое пересмотрели в своей жизни.

Я сижу в крошечной, никак не украшенной закуской — голые стены, пластиковая мебель, лысые лампочки... Почему-то меня привлекают такие места больше, чем уютные зеленые чиллауты с картинами по стенам и цветными фонариками среди загадочного зеленого сада. Просто не люблю выстроенные «потемкинские деревни». А еще сюда заходят более интересные люди, чем пресыщенные туристы. Например, обстоятельная индийская семья или внезапно смешанная пара — он офигенно красивый, статный индусский мальчик с эффектной небрежностью в одежде и причёске, высокими скулами и очумительной улыбкой (с пирсингом в губе); она — не менее яркая испанка, в тату и местной одежде. Двое детей, несколько языков, летали как-то к друзьям в Нижний Новгород...

А вокруг, между прочим, карнавал. По улице мимо нас течет река людей. Огромная святая дискотека. Десятки велорикш с повозками сцеплены вместе, рикши тащат их вручную (так они делают с туристами, если дорога в гору — слезают, берут велосипед за руль и вкатывают). Тут они везут гигантские бензиновые генераторы, которые питают сотни ламп (их несут в руках девочки и мальчики рядом), и огромные блоки колонок, едущие на телегах. За колонками беснуется толпа парней — обычная дискотека, точно такие же отрешенно-наслаждающиеся лица, резкие движения... Кстати, несколько из них действительно здорово танцевали, ритмично и зажигательно. Но в целом впечатление скорее отталкивающее — типичная «дрожка» из «Хищных вещей века» Стругацких.

Чуть позже вечером я узнала, что это была свадьба. Поднялась на крышу — забрать сохнувшие куски черепашки (я их вымыла и высушила, и рыбный запах немного унялся). А там портье любовался открывающимся видом на соседний двор и жующую толпу. Он-то и рассказал мне, что во-первых, это полтыщи гостей на свадьбе, а во-вторых, не надо ходить по пляжу налево — местная рыбацкая деревня использует песок как туалет. Удивительно одинаковые вещи говорят иногда LP и местные жители. Может, стоит в таком случае к ним прислушаться?

Пока я гуляла, в нашей спальне образовалась канадка. Потрясающе красивая, чернобровая; когда я заглядывала в первый раз, она разучивала индийский танец перед нашим огромным зеркалом. С точкой на лбу и в сальваре — я бы, встретить ее на улице, ни в жизнь не подумала, что она не местная. Какая у нас получается любопытная женская спальня, прямо рай.

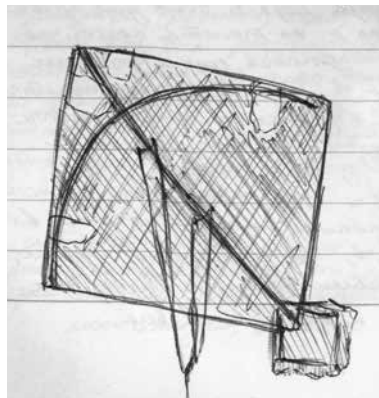
В интернет-кафе сегодня забавный лохматый итальянец играл «пан американо» на крошечной гавайской гитарке. Собрал аншлаг, долго раскланивался. Мне нравится космополитичность моей жизни, ей-богу.

Отбой по палате теперь очень ранний; я вернулась в 10pm, и все уже спали. Канадка сонно попросила меня запереть дверь, когда я закончу шастать. Бродить-то я перестала сразу, а спать не могу — одолевают планы. После похода в интернет чего-то накрыло адреналином будущих свершений. И книжку, и открытки, и учиться, и все это уже совсем скоро... Руки чешутся. Еще и в непрерывном смысле тоже — ночами во всем здании сонмище комаров, что несколько уменьшает привлекательность общих зон, несмотря на их диванность и уютность. Зато под моим пологом ни одного гада! Храни меня, прекрасный саван. А за окном помимо уже привычных когтей еще и громогласный файтинг песиков, а после — примирительный общий лай на луну (видимо, над трупом поверженного противника). Хор десятка песьих глоток сравним по звучности с близко бродячими шакальими стаями. Ужасно рада, что я внутри сейчас.

А еще в Одише плохие сладости. Во-первых, на них всегда темно от мух, что уменьшает их волшебность примерно вполовину; а во-вторых, по неизвестной мне причине, они тут не пользуются популярностью и потому часто бывают не первой свежести.

24 января. Puri

Вчерашний вывод портье о гулянии свадьбы минимум до часа был очень оптимистичен — последние редкие голоса слышались до трех. По счастью, в отдалении. Я пару раз вставала побродить и боролась с огромной дверью, чтобы не хлопнуть ей и не заскрипеть. На обратном пути было сильное искушение комментировать в темноту: «Це ж ми, коты, назад ползем».

Зато сходили на крышу позапускать кайт! Сначала я привязала веревку по-простому, за планку; конечно, так ничего не вышло. Зато к нам пришли местные — садовник и мальчик с кухни, посмотрели, пощелкали языком и показали класс. Оказывается, чудесный кайт нужно проткнуть, сделать «уздечку» длиной в три половинки расстояния от точки до точки, а к ней вязать бобину. Мой кайт изначально был побитый жизнью и заклеенный — не обратила внимания сразу. После пары неудачных взлетов при-

шлось его еще лечить. Зато я научилась его поднимать даже без ветра! Пока дергала, вспоминала песню из детства:

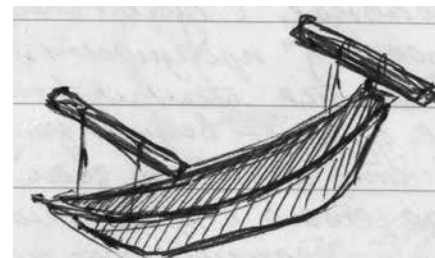
*Я в облака запускаю бумажного змея
Думает змей, что сам он умеет летать
Что высоко в облака взлететь он сумеет
Если удастся ему эту нить оборвать.
Лети-лети, за облака, меня с собой зови-зови
Но не забудь, что нить тонка, не оборви, не оборви.*

Мой наоборот — все понимал и никуда не хотел, при малейшей возможности жался ко мне. А между тем, если удастся его закинуть чуть подальше и вытравить веревку — он сразу взмывает на эту высоту. Здо-о-рово!

В итоге измочила кайт в хлам, порезала палец на быстром подъеме; довольная, как слон. У Наны змей остался почти целым, но зато он и не взлетал. Сразу видна разница подходов.

Ушла гулять так далеко, что проскочила не только Швандагар, но и Джаганнатха-темпл. Выбираюсь пыльными окраинами. Жара, домов почти нет, пустоши, редкие пыльные домики вдоль дороги. На меня никто не обращает внимания. Лишь изредка приветствуют «харе кришна!» — я в своем желтом сари очень напоминаю кришнаитов. Я не возражаю. Дети таскают кусок пластиковых часов, играют в мяч и запускают отличного самодельного змея из полиэтиленового пакета с огромным хвостом.

Очень многое в Индии держится на честном слове. Напри-

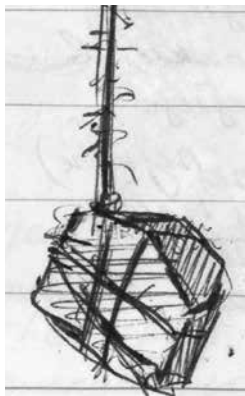

← Чтобы вынести огромную лодку на пляж, нужны четверо. Они впрягаются каждый со своей стороны и на плечах вытаскивают ее.

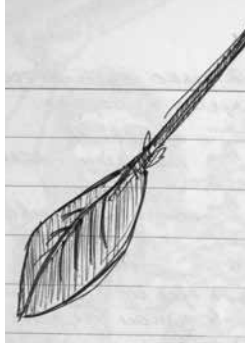

← Пристально за мной следят только животные. Стоит остановиться, как я собираю лающую орду. Иногда еще коровы, застрявшие на дороге, пытаются бодаться. Хорошо еще, что верблюд привык к зрителям, не брыкается, не плюется. Стоит, ждет.

А еще на камнях часто растягивают плакаты. Если на фасаде дома или заборе висит объявление или красивое название — можешь быть уверен, что создали оно держится на обвязанных обломках кирпича. →

Листочек, примотанный к палочке, превращается в отличную хлопалку для точечной защиты от мух. →

мер, черепицу обычно просто подпирают мешками с песком — положил лист шифера, кинул сверху мешок, и все ок, не падает вроде. Все равно, если будет сильный ветер, дом развалится весь, не только крыши.

Индусы забавные. С одной стороны, даже «Good morning» произносят так, что в нем слышится «Give me money». С другой — встаю уходить, а дядька, который активно звал в храм, толкает в плечо. Оборачиваюсь спросить, что за нахрен, и вижу забытый фотоаппарат. Сняла его с плеча и не вспомнила. Ы.

Тут многие используют мешочки, чтобы носить четки. В основном европейцы. Поэтому (из-за обилия фенек на руках) меня тоже принимают за богомолку. Я уже перестала возражать. У их мальчиков забавные хвостики на выбритых затылках, а мешочки бывают причудливо украшены джаганнатховыми глазами, например.

Белые цапли не только где-то там в полях, но и прямо в городе. Они сопровождают коров, подчищая сажающихся на них насекомых. Интересно, что непочтительные тычки клювом корова выдерживает с большей охотой, чем в общем-то безобидных мух. Часто птицы ездят прямо на обед. Правда, в одной деревне мне встретила коза, стоящая на корове; корова при этом лежала и продолжала меланхолично жевать, так что наездниками меньшего размера удивить меня теперь сложно.

И все-таки я научилась ловить кайф от стремительно мчащегося с тобой велорикши. С ветерком, экологично... Эх! Начинаю понимать, почему у пользующихся этой услугой индусов (особенно, у мелких мальчиков) такой гордый вид — действительно едешь, как махараджа. По цене маршрутки. Как говорил по телефону один из русских отсюда: здесь хорошо, XIX век, повозки.

Ну, правда же хорошо.

Кстати о сладеньком! Одиша, оказывается, славится совсем не тем набором, что я привыкла — общеизвестные шарики тут действительно так себе, потому что вместо них повсеместно едят слоеные куски теста, сантиметров 15-20 в длину, политые сверху вкусным сиропом, таким густым, что мухи к нему прилипают намертво. Башни, сложенные из этих плюшек — в рост человека. Продавцы выглядывают из-за них, зазывают, манят клиентов сладким сиропом. И обмахивают груди вкусным листочком, привязанном на палочке.

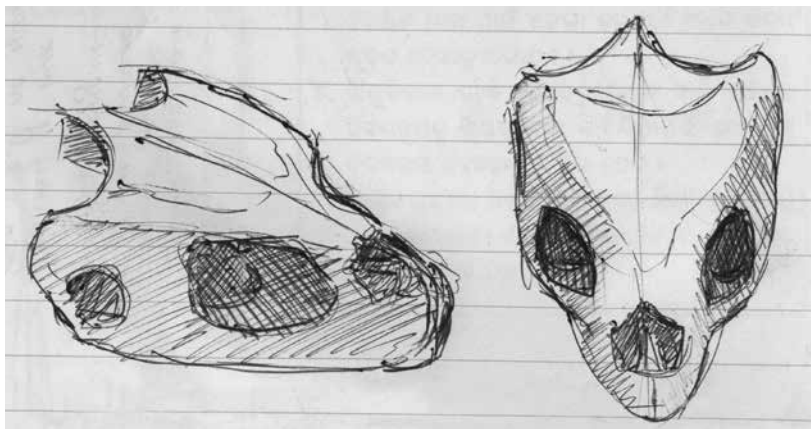
Четвертой в нашу женскую спальню внезапно заявила уже виденная мной раньше слегка блеклая русская — она собирается замуж за местного дядечку; тот почти поехал крышей от такого счастья, но не настолько, чтобы не попытаться сэкономить на своей милой. Пока они еще не расписаны, ей необходимо жить отдельно; так что он снял для нее кровать в общей спальне. Теперь у меня есть с кем поговорить по вечерам про индийский менталитет и разницу в воспитании.

Нана, слушая наши стремительные тирады, восхищалась красотой русского языка. В итоге в рамках обратного реверанса заставила ее спеть и поговорить японски. Вот уж воистину красивейший язык!

Сегодня на пляже подобрала внезапно череп морской черепахи. Потрясающая вещь! На рисунке не очень удалось передать, однако она идеальной формы. настолько красивая, что меня подмывает сказать Ирке, что он потерялся,

← Наконец-то я выбралась с пустырей в какие-то условно-рабочие районы! Тут живенько, магазины, храмы. Вот эта прекрасная девушка Кали, например, кушает чьи-то кишки. И зачем ей усы при таких-то сиськах?

и забрать его себе. Показываю Нане, та спрашивает, сколько же он стоил. Ха. Это стоит внимательно осматривать все, что выкатывают волны тебе под ноги.

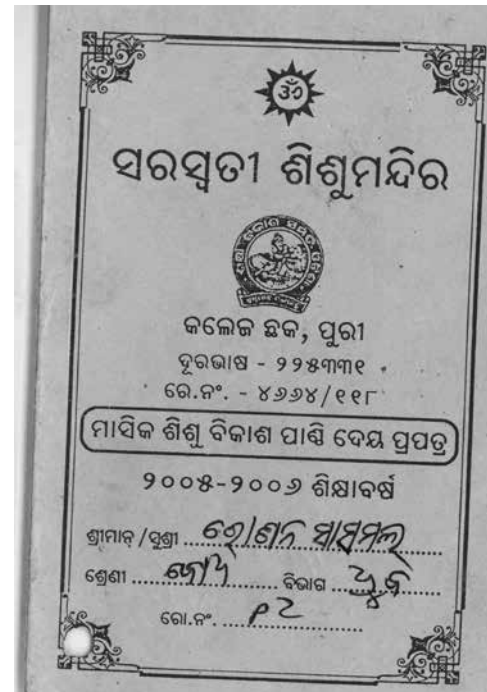
Ужасно трогательно прощались с Наной, она обещала доехать как-нибудь до Москвы («But in summer only!»), прочитала вслух написанный для меня абзац с традиционной японской интонацией убеждения. Она тоже уезжает в Chennai, хотя немного другим маршрутом. Будем близко, но больше не увидимся.

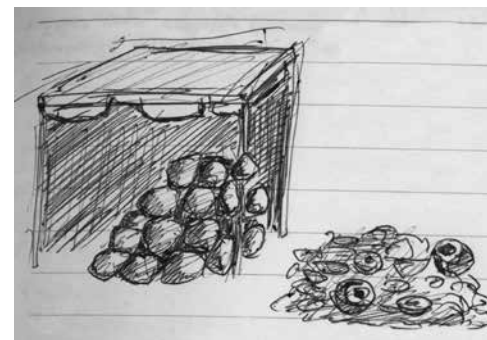
Тепло, солнечно; у меня в руках рюкзак, сумка, пакет, спальник и котик. Никогда еще не путешествовала таким сложным составом. Пока мы чудовищно медленно выполняем из Пури, застревая на всех перекрестках. Праздник, много машин, да и поболтать водитель любит.

Водитель никак не наиграется с гудком — здесь это металлическая планка на поручне окна, которую он периодически замыкает на металл оконной рамы.

Мимо проносятся мелкие деревушки, маршрут уже знаком — тут всего две дороги, и по обеим я проехала. Много маленьких мазанок, часто попадаются глиняные кухни, крытые листьями на каркасе. Вокруг них божественно пахнет и клубится сочный дым, прямо жаль, что я не могу выскочить из автобуса и попробовать, что там готовят... С утра Нана принесла мне завтрак в постель — чизкейк и что-то типа кекса. Убедилась, что европейские сладости делаются индусами странно.

← Пока пила чай, спросила, что же я такое нашла. Оказалось, зачетная книжка студента колледжа, на обложке которого от руки вписано имя, класс и направление обучения. Внутри — предметы и оценки в процентах.

← Кокосы! Кокосы — важная часть местной торговли. Существуют огромные кокосохранилища и гигантские площадки для утилизации кокосовых отходов. В Россию их поставляют в виде брикетов — экологического топлива, например.

Просмотрела еще раз все орнаменты. Много, очень много таких вещей, что не встречались больше нигде. Вот, например, аппликации. На большом полотне, во всю стену. Красиво, но несколько по-детски, нет сдержанности в цветах. →

Они гонятся за внешним видом и упускают содержимое. Это как красиво расписанная курица из картона.

Чудовищно грязная пересадочная станция. Бабушка, конечно, что-то подметает, но это все равно что во время дождя с феном бегать, цветы сушить. Огромные многолетние кучи мусора, вросшие в землю, составляют уже саму суть этого места; между ними аккуратно втискиваются автобусы. А еда между тем вкусная и свежая. Жаль, что во мне закончилось место. Пыль в воздухе пахнет мочой и горелым мусором, автобусы крутятся едва ли не на одном колесе, пытаюсь вырулить.

Туалет оказался на удивление чистый. Может, потому что совмещен с душем?

Больше напоминает зеленую пещеру, чем что-то человеческое. Везде микроводопады; щербатый, покрытый мхом бетон, вместо крыши — небо...

Меня разместили на переднем любимом сидении, прямо вместе с вещами — а потом этот милый местный дед, пахнущий каким-то алкоголем, с явными следами неудачной попытки пописать на белых штанах, попытался присесть рядом со мной прямо поверх моего рюкзака. Возможно, это было бы забавно, но ехать целых четыре часа... Я решила сыграть белую госпожу и возмутилась. Меня подержал весь автобус, дядя растворился. Кондуктор, впрочем, предложил или заплатить за сидение или снять багаж, и вместо ссаного деда теперь сидит улыбающаяся тетенька в оранжевом сари. Она говорит со мной на хинди, но нас обеих это не смущает. Она первая общается со мной так, будто я ничем не отличаюсь.

Солнце будто нарисовано, глубокий туман, притушил солнце и превратил холмы в декорации, рисованные одной краской (разведенной в разной пропорции). На него хотелось смотреть неотрывно. →

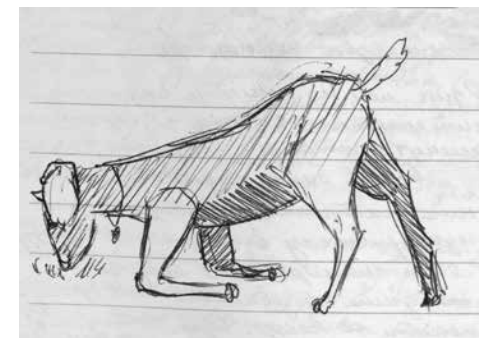
Первая! Я кинулась посмотреть на пролетающий низко самолет, она встревожено тронула меня за плечо: мол, чего ты? Показываю рисунок, раскидываю руки. Кивает. А ты, спрашивает, летала?.. Соскучилась я по обычности, в общем. Мы перещупали все мои феньки, с историей о каждой — откуда появилась и сколько стоила. Подарила ей одну дублирующую, но попытки отжать еще и кольца пресекла. У нее двое детей, один уехал в колледж, муж с ними не живет — «и слава богу». Она держала меня за руку, перебирала пальцы, касалась плеча — и это было безумно приятно. И очень расслабляет. Потому что языком соврать легко, а телом сложнее, и если чувствуешь спокойное внимание не от слов, а от прикосновений, расслабляешься всерьез.

На одной из станций зашли несколько пожилых теток — сари на голое тело, по крыльям носа медные пластинки, в центре бубенчик. Пацаки.

В итоге я утомилась кивать и использовала свой любимый прием — притворилась спящей. А потом и вправду уснула, чтобы очнуться как раз к шикарному закату.

После этого интересное в окне закончилось. Тетенька освободила меня от полотины взятых с собой сладостей (выпрашивала для ребенка, но судя по тому, как она жадно запихивал их в рот, фиг что до него дойдет). Она ловко пересказывала мою «историю» соплеменницам, командуя мной, как ручным орлом: разверни крылья, покажи клюв... видали, какой? А меня не клонет! Феньку вам она не даст! А мне дала! Дай дневник полистать?

Вскоре она вышла, мило распрощавшись и пожелав мне удачи. Ее место занял спящий пенсионер. До Барампура мы доехали затемно, пять часов на 170 км. Автобус я сменила на битком набитую маршрутку с веселым, не говорящим по-английски парнем. Он взял десять рупий за проезд, а потом вдруг стал требовать еще столько же за багаж. Людей было битком, я занимала два места со всем своим скрабром, так что не стала спорить. Спустя минут пять он стал говорить, что за багаж надо 20₹, тут я обозлилась и забрала у него десятку обратно. В этот момент в конфликт вмешался англоговорящий парень (летал, между прочим, учиться в Стокгольме), диалог с жалких копеек перешел на климат, цены и валюты, а все вокруг притихли и заслушались.

← Гопальпур — маленькая деревня. Основной вид домашнего животного — коза.

В общем, так или иначе, я в Гопальпуре, из лени заселилась в клоповник за 200₹. Наверное, в этой деревушке можно было и что-нибудь фешенебельное занедорого снять, но я оторвала бедного мальчика на ресепшене от ужина, да и не все ли равно? Пляж на все отели одинаковый.

У меня комната два на три метра, туалет с европейским унитазом, а вторая дверь рядом с ванной ведет на крошечный балкон, с которого налево видна подсвеченная гирляндами прибрежная полоса с отелями, а направо дорога напрямик идет к маяку, который метрах в ста. Его могучие лучи даже сквозь туман пробивают на километры вокруг.

А еще рядом со мной башня муэдзина, и ради разнообразия он поет весьма мелодично.

В длинном, как гробик, номере, в самом конце, уютно расположился напротив кровати телевизор. Такой, крошечный, с чудовищным качеством. Внезапно поддалась импульсу, включила. Ого. Я могу наслаждаться парой спортивных каналов, ток-шоу, фильмом «Хранители» на хинди, 3D мультиком про толстого принца, которого строгая жена пытается заставить похудеть (популярный персонаж, оказывается!), парой современных фильмов, парой мыльных болливудских лент и несколькими музыкальными каналами, на одном из которых только что крутили клип 1968 года, где герой ходит среди полей и поет, обнимаясь попеременно с волами и доярками.

И, конечно, реклама. И магазин на диване. Кла-а-ассика!

Ой. Чб клип с паровозом, судя по слегка заедающей картинке, Варанаси в 1950-х. В нем поет целое купе детей и их духовный учитель. А на соседнем канале отличная современная попса, снятая в лучших традициях гламура, с хорошим размытием фона и бокэ. Бар, встречи, красиво развевающийся шарф, обнаженные плечи с татуировкой...

Щелчок! Аниме, свежее. Как покемоны, только нарисованные в 3D, протенько; дерутся за владельцев на этот раз волчки.

Еще пара фильмов, крикет, суфий со стеклянным глазом выступает перед огромной аудиторией мужчин в белых одеждах. Глаз мигает только один, выглядит жутковато. Вещает о Шиве и Саи-Бабе, зал рукоплещет. На тюрбане узнаются цвета национальной партии.

Юноша на сцене сидит по-турецки и адски пилит скрипку, две девы в сари одобритительно качают головой и готовятся петь. На фоне черноволосая дева обнимает молчащий ситар. Звук странный.

National Geographic показывает испытания танков в пустыне; английские субтитры под текст на хинди читать тяжело. Название передачи — Inside Indian Army.

Сколько же тут передач! Невозможно остановиться на чем-то одном. Аватар! На хинди! Середина фильма, он еще даже летать не начал! Фильм про Хампи? Или другой город-храм? Тоже еще «советского» периода. Про девушку, работающую при храме в лавке для хранения обуви. Дядя оставил ей шлепки, а после обидел на ее глазах блаженного. Мальчик заплакал, дядя пошел дальше, девушка затаила злобу — и аккуратно порвала его тапочки, а потом сказала, что так и было.

Гениальная вариация сникерсового «ты не ты, когда голоден»: в машине бесчинствует накрашенная девица, распекая ребят-крикетчиков. Те протягивают ей сникерс, и она превращается обратно в своего парня с битой.

27 января. Gopalpur

Наконец-то научилась выговаривать это название. Почему-то все время норовит подсунуть что-нибудь другое вместо простых букв.

У моего отеля на визитках название города — и название отеля. Но правда, заблудиться тут действительно негде. На море — рыбацкие лодки и несколько ларьков с сувенирами. В городе стоит отчетливый не сезон. Безлюдно, тихо, отели пустуют. И замечательно!

Жители очень приветливые, многие разрешают их фотографировать — даже недоверчивое старшее поколение не против. У меня сложилось впечатление, что я единственная белая в этом городе. Коров почти нет, много коз. И впервые за поездку не очень пугливые коты. Прямо под лестницей в дом протекает внешняя канализация, в которую сваливают и все очистки; водопровод, кажется, есть не везде, так как многие дома пользуются колонками во дворе. Английский знают все и неплохо; когда со мной вдруг начинает бегло разговаривать матанджи (местное уважительное «женщина, мать») в сари на голое тело и с ведром на голове, а мой словарный запас не позволяет ее даже понять, это взрыв мозга. Домики уютные, приятные, яркие.

Жарко, много пустырей с выжженной солнцем травой. Середина лета, когда ничего не хочется делать, улицы полупустые, голубое выгоревшее небо, горячий сухой ветер; люди растворяются во всем этом, не оставляя даже тени. Хочется лечь и дать солнцу проходить сквозь тебя.

Делать в городе абсолютно нечего. Спящая модель приморского городка, в котором ни у кого нет неотложных дел и время остановилось.

Заброшенных домов довольно много, но, тем не менее, полазить негде. В совсем руинах стоят кони, как в стойле. А сохранившиеся дома используют как заборы — рядом строят хибару и живут во дворе запечатанного дворца. Говорят, многие из этих зданий сдаются в сезон.

Chowmin — лапша, обжаренная вместе с мелко рубленными овощами, яйцом и острыми перцами. Примерно то же самое, что готовили на уличных лотках в Калькутте — только там текучка клиентов выше, и потому все ингредиенты свежее раза в два.

До моря всего
двести метров,
но я потрати-
ла на этот путь
почти час. Вдоль
дороги к пляжу
какие-то худож-
ники расписали
забор. Уини! →

Многие пристраивают прямо к крыльцу удобные очаги, защищенные приступочкой. И готовить на улице в окружении соседок приятнее, и дым в дом не идет, и вечером у теплого камелька посидеть здорово.

У LP все-таки классные формулировки. «Если бы отель стоял чуть ближе к морю, он оказался бы в воде». Он отлично может безопасно советовать: мол, будьте осторожны, в таких-то районах в такое-то время собираются торговцы бхангом, наркотиком на основе марихуаны, обойдите их стороной. Или вот: повсеместно можно заказать «особое ласси», которое никогда не заявлено в меню. Будьте осторожны, получите удар по психике и возможно останетесь без денег!

В единственном найденном интернет-кафе два компьютера. Скорость в нем оценить не могу, двадцать минут пытаюсь закрыть все всплывающие окна апдейтов, сканов компа и сообщений антивируса. Местный антивирус имеет традицию вывешивать сразу три окна сканирования и убивать всю прочую жизнедеятельность нахрен. Отменить ее нельзя. На крыльце хозяин кафе доит козу. Ближе к ночи в маленькой лавке выстроились очереди, так как помимо ксерокса и интернета здесь продают еще йогурт, молоко и мелкие предметы обихода. А еще показывают TV, в который местные залипают.

На набережную за ужином я пришла как раз к включению фонарей. За моим столиком еще один, а за ним двадцать метров пляжа и огромные волны, теряющиеся в темноте. Меня прикрывает от ветра и знакомых индусов основание огромного фонаря.

Хотя фридрайс оказался по вкусу неотличим от утреннего чавмина (я бы не рискнула с закрытыми глазами утверждать, где лапша, а где невегетарианский рис), ужин вроде бы удался. Тем более я осознала, что привкус затхлости таил-ся все-таки не в тарелке, а в соуснице, которую заменяла бутылка из-под пепси.

Мне принесли кофе. Настоящая индийская бурда, моя любимая, очень сладкая и немного пережженная, с обилием молока. Совсем стемнело. Берег освещен двумя лампами на лотках с какими-то закусками, а море черное, переходит в такое же небо, только раз в пять минут по нему прокатываются белоснежные валики. Они отражаются в воде рядом, создавая иллюзию, будто что-то видно. В общем-то все, можно купить фруктов и возвращаться к телевизору. Отличный вечер пенсионера в санатории.

От воды доносится протяжный звук, заключающий в себе всю печаль этого мира. Кто-то тестирует рог из огромной раковины рапана, их продают тут как сувениры. Удивительно, но они пользуются спросом, как и самодельные дудки. Интересно, кто-нибудь из купивших пытался хоть раз после покупки извлекать из него звуки?

Ночь. За овощами прошла на другой конец поселка. Как же здорово присаживаться на корточки и перебирать разложенные по корзинам овощи, выискивая самые вкусные, а потом ждать, пока степенная тетьа отсчитает тебе сдачу!

Домой шла по улице закрывающихся лавочек, здороваясь уже со всеми, помахивая дайконом, огурцом и паприкой. Заблудиться и впрямь негде, недаром я вызвала такое недоумение у портье утром, спросив адрес.

Парень выдал мне миску для салата и спросил, как я борюсь с комарами. Оказывается, он утром стучал, пытаюсь предложить мне входящую в комплект поджигалку, но я спала и сквозь дверь послала его нахрен. Я показала купленный электрофумигатор, ответив, что спираль у меня уже есть, и комары на нее чихают.

Портье очень заботливый, вежливый и совсем не корыстный. В целом это, конечно, приятно, но вот, например, идея заработать на мне, купив мне билеты, его совершенно не возбудила.

Разочарование вечера — розетка в комнате и правда только одна. То есть или морилка от комаров, или TV. Выбор очевиден. Пойду намою попкорна, ой, то есть салата.

Первое, что я делаю, когда прихожу домой — открываю дверь в море. И днем, и ночью балкон прекрасен. Во вторую очередь мою ноги. В третью — зажигаю благовония. Вот я и дома.

В одном из фильмов такой злодей пытался запугать главного героя. Но тот его гранатами закидал и нравочениями замучал. →

Сегодня повторяют многое из того, что я уже видела. National Geographic нудно размывает на часовую программу пятиминутное видео о том, как героический парень спасает упавшую в горное озеро косулю. Еще один канал показывает нарезку хроники о том, как домашние львы кусают своих владельцев. По 84-му каналу показывают мультик о Халке. А на 80-м я залипла на «Принцессу и лягушку» на английском с субтитрами. Я ее не успела посмотреть до отъезда, а тут такая okazия — и почти с самого начала.

У индийских сериалов забавная традиция монологов. Герой говорит пламенно, а напарник внимает молча, и на лице постоянно держится выражение крайне-

го изумление, периодически усиленное напряженной музыкой и зумом. Потом роли меняются. Изумительная визуализация издевательского «вот это поворот!».

Дискавери показывает, как лохматая бактерия пожирает беззащитные стада гемоглобинчиков.

Удручает, насколько же редко в индийских фильмах встречаются по-настоящему красивые типажи — такие, каких я видела на улицах. Девушки еще туда-сюда, у них хотя бы фигуры и макияж. А мальчики — или раскормленные мордovorоты сильно за сорок, или тонкие, но все равно холеные-лощенные, с сальными повадками.

Процент попадания банановыми шкурками в ведро — один из пяти. А вот более предсказуемая в полете бутылочка вошла отличным двойным рикошетом с первой попытки.

Ой. «Сумерки»! Кажется, мне не хватит салата на эту ночь.

Мечтательно слежу за хаотичным полетом комара — может, ты все-таки сдохнешь? Но судя по тому, как они подлетают периодически пощупать, не сплю ли я еще, фиг. Как их вентилятор не сбивает?!

28 января. Goralpur

Сейчас за окнами уже темный вечер. Запишу события дня, хотя руки еще немного трясутся и вообще хочется только лечь и сдохнуть. Удивительно мобилизует ощущение, что никто тебе не поможет.

Ночью меня накрыло. Ужасно обрадовалась, поняв, что это всего лишь проявления сильного отравления, а не чего-нибудь страшного. Потатила в туалет.

Абзац для любознательных и небрезгливых.

Никогда не соблазняйтесь идеей блевать на пол в ванной, даже если там есть отверстие для душа, а унитаз занят вашим собственным неприятно пахнущим поносом. Куски еды твердые и моментально забивают сток, а чистить его в таком состоянии не очень легко. Если вас хорошо припечатало и льет одновременно, лучше делать наоборот (хоть это и выглядит парадоксально): блевать в унитаз, а дристать на пол. Понос смывается парой ковшиков и нигде не застревает.

За ночь меня выносило дважды. Зеленая жижа, в которую разложился showtin, была особенно тяжела на подъеме. Я ползком спустилась, попросила принести мне минералки в номер. ВСЕГДА! Запомните это! ВСЕГДА в Индии в вашем номере должна быть питьевая вода!

Мальчик забыл обо мне на несколько часов. Пить водопроводную я себе запретила. Мне было все равно, я без памяти лежала поверх спальника. Зато потом притащил мне два литра чудесной, вкусной, свежей воды.

Просыпаюсь с интервалом в пару часов, пью, наблюдаю, как силы возвращаются в тело. Наконец достаточно окрепла, чтобы сбегать проведать черепаху, выложенную на крышу. Она оказалась в порядке, а еще на крыше нашелся милый портье — он забрался на самую высокую часть пристройки и любовался закатом. Я сделала вид, что поверила его уверениям, что он от природы улыбчивый, а не ржет над белой, на четвереньках вползающей по лестнице.

И что это у меня губы синие и холодные? Тело, ты это брось. Нам одна ночь осталась попридуриваться, а потом штурмовать маршрутку до Барампура.

Пытаюсь придумать еду, при мысли о которой меня не будет тошнить. Пока безрезультатно.

Восемь вечера. Без особого интереса съела банан, чисто проверить реакцию. Качает, встать тяжело, но это скорее результат отказа от еды. Хочется чего-то, невозможного в местных реалиях — дорогой копченой рыбы, чечила, супа и обязательно с черным хлебом... Надо попробовать завтра чая с сахаром попросить.

Комары не едят мое отравленное тело. Расселись под потолком, ждут, когда тухлый ужин сменят на новый.

К вечеру доползла до мальчика, попросила колы и соли. Про столь странные запросы в ночи узнал хозяин отеля; пришлось рассказывать. Он, конечно, разволновался и задал несколько весьма профессиональных вопросов про мое здоровье. Пообещала не двинуть кони в его заведении, заодно пожаловалась, что зайчик не смог раздобыть билеты. Мужик восторжен и гордо заявил, что это не проблема.

Поговорили про его жену и моего мужа. Интересное у него обо мне впечатление, конечно — детей нет, колец не ношу, в аптечке презервативы (рылась при нем). Бедная индусская психика, как мы ее подрываем своим существованием.

Кола меня немного взбудрила. Желудок начал сознавать, что работать все равно придется. Дядя позвонил своей маме, посоветовался, что мне дать.

Все, на сегодня официально заявляю все приключения законченными. За окнами ночь, цикады издают такой звук, как будто кто-то мерно дышит во сне. За балконом еще недавно расцветали фейерверки. Внизу раздавались звуки вроде бы драки, но я уже знаю, что с таким набором звуков заселяются индусы.

Индия. Книга Странствий
Часть третья,
пропитанная сибаритством Шри-Ланки.

Краткое содержание предыдущей книги. Я приехала в Хайдерабад с дредастым поваром Дэвидом из Барселоны; однако вскоре осознала, что неспособна путешествовать вдвоем и люблю одиночество. Мы осмотрели крепость Голконда, после чего наши пути разошлись — и я уехала досматривать пещеры одна. Давлатобад и Эллора оказались восхитительны, несмотря на входные билеты.

Возле Мумбаи меня наконец-то впервые за поездку немного кинули на деньги, после чего я понеслась по чудеснейшим городам — Ахмедабад, Удайпур и Джейпур, узкие улочки, настоящая Индия. Почти в каждом городе сами собой завязывались знакомства, которые обеспечивали мне прогулки и экскурсии по не совсем туристическим местам. Потом меня нехотят занести в Агру (потому что кое-кто обещал туда доехать), где я гордо проигнорировала переполненный Тадж-Махал, зато зашла в парочку достопримечательностей рангом пониже.

Нью-Дели просвистел мимо, и меня встретил холодный Непал с теплыми дружескими посиделками. Мы оторвались на Новый год в одном из баров, а наутро укатили в тихий национальный парк Читван, где сделали несколько любопытных вылазок в дикие прерии.

Возвращение в Индию было похоже на возвращение домой — все знакомо. Калькутта, старая столица, пожалуй самый прекрасный город во всей стране. Штат Одиша невероятно странен и интересен, хоть я и не забиралась вглубь материка, чтобы полюбоваться на сохранившиеся там племена.

Итак, я закончила лечить отравление и уже готова двигаться дальше!

← Божество, свисающее со стены храма. Интересно, боялся ли его дети? Я бы боялась. Ну, не днем, конечно, а вечером, когда все по домам, а тебе мама сказала воды из колонки принести. Прямая дорога через него, в обход с бутылкой идти тяжело, а напрямик — страшно...

29 января. Goralpur.

Ура! Проснулась здоровой! Правда, с ощущением, будто просвечиваюсь насквозь. Боюсь открывать дверь на балкон. А вдруг там ветер?!

Заходила божественно красивая уборщица из местных. В золоте и зеленом сари. Пойду тоже в сари завернусь. Так. Сари, АТМ, почта, билет, и-нет. Черт, и почему так отваливается поясница?!

Местные водители явно считают, что гудком можно сдуть с дороги. В некотором смысле это, конечно, работает, но побочных эффектов, по-моему, больше.

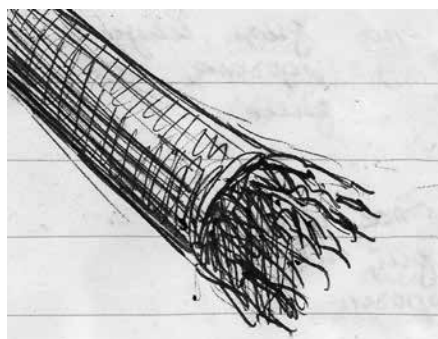
Нырять на свое место с добытыми на короткой стоянке апельсинами, сочно впечаталась лобово-височной частью в полку. Аж клык зазвенел. Дорого обошлись апельсинки.

Рядом сидела очень приятная, очень европейская индианка. Настолько европейская, что ни разу со мной не заговорила, хотя по всему виду ясно: очень хотела. Зато мы внезапно обнялись на прощание.

Иногда свет вдруг меркнет. Это груженная вдвое фура фигачит по встречке. И в этот момент она не гудит, а просто властно мигает фарами: слейся с дороги.

А пальма — это трава. Вырванная с корнем выглядит жутковато, как разлом какого-нибудь киношного «чужого»: а внутри чересвыи! Ну или как брошенный великаном огромный помазок. →

Интересно, что будет, если подойти к водителю, улыбнуться и обломать ему штырек-дуделку?

Кучи кирпичей тут складывают в огромные дымящиеся дома — дымят они, так как внутри горящая солома. Их таким образом эффективно сушат. Или даже обжигают?

Смена автобуса прошла в безмятежно-дружественной остановке. Меня сопровождал контроллер (я даже простила ему зажатые 8₹ сдачи), помог прочесть название Vizga из дневника в окошечко кассы и показал, где стоит автобус. Новый кондуктор строго уточнил, что не надо ломиться куда попало, у меня есть место... А на «ресепшене» чистого и уютного, освещенного солнцем и омытого водой туалета сидела юная смешливая дева, давшая мне сдачу (!) с 4₹ (обычно туалет, как нищий — берет, что даешь, если хочешь сдачу, надо ее с боем выколачивать). А когда я

вбежала обратно в автобус с озабоченным лицом, контроллер мило успокоил меня: «Не беспокойтесь, мадам, мы вас ждем». Моя озабоченность была вызвана в общем-то потерей билета, выданного в кассе, а не паникой перед отъездом, но вскоре я нашла вожеленную бумажку и успокоилась окончательно.

В общем, из Shrikakulam я припеваючи, в шикарном автобусе, добралась до Visakapatham, прямо с киношечкой про скучных индийских всемогущих героев. А дальше как-то немного застопорилась. Автобусные билеты есть на завтра и стоят тысячу рупий. Я задумалась. То есть я уже присмотрела себе балкон для ночевки, их тут много. Но. Дорого же так ехать!

Решила все же уточнить про альтернативу жадным автобусам. Ох, как здорово на жд-вокзале! Никто никуда не мечется, все уже опоздали и сидят, ждут

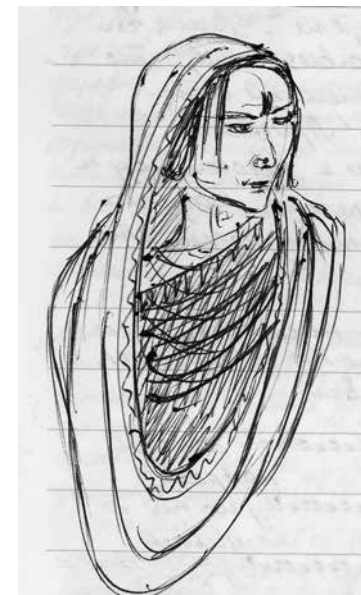
в непринужденных позах. Про билеты мне СКАЖУТ только через два часа, а уехать, если повезет, смогу утром. Но! Мне тут показали зал ожидания первого класса. Бесплатный. С душем (5₹) и туалетом, на котором написано, что обслуга не имеет права им пользоваться. Зал полупустой. С вентиляторами. Все те плебеи, спящие вповалку внизу, не знают о его существовании? Или не осмеливаются? Или их выгоняют ссаным веником? Хорошо быть белой госпожой. Мне априори можно возлечь в центре люксового зала, даже если я куплю себе в итоге супердешевый билет «полубоком на крыше».

Затолкала себя в душ, насладились прохладой — забег с рюкзаком, пусть и пустым, но жарким, дает о себе знать. Вытянулась на пенке. Ни комаров, ни духоты, магазины и кафе под боком; шум белый, сплошной, не раздражает. Интересно, это счастье закрывается? Если нет, я нашла золотую жилу!

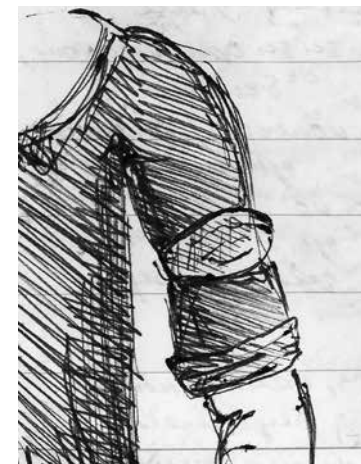
Внезапная смешная радость — сама собой решила обновиться кожа на ногах. То ли я выбралась из неблагоприятного района, то ли начала правильно питаться — но серая-растрескавшаяся прямо сухим пластом отходит, а под ней чистая, розовая, крепкая. Растирасти! Нам через всю Шри-Ланку на тебе топтать.

Господа, а не вздремнуть ли нам?

К ночи людей внезапно стало меньше, а не больше. Многие поспозали с кресел прямо в проходы. Как же здорово, что в Индии никто не воняет телом! Углы, где

Потрескающая неспеша

← Как же здорово пожилые индианки смотрятся в ярком сари на голое тело! Черное, маслянистое тело! Это невозможно описать... Так сари носят девушки, занятые физическим трудом (или ребенком, что в общем-то одно и то же) — после «капошона» остаток хвоста спускают очень низко, до бедра. Господи, как же красива ниспадающая одежда! Наша цивилизация идиотски экономит на ткани.

← В Барампуре у всех официальных рикш именная медная бляха, привязанная на бицепс. Борются с нелегалами? Или просто любят знаки отличия и хотят иметь причину для гордости?

спят люди, не пахнут абсолютно ничем. Воздух немного отдает едой, чуть-чуть пудрой и маслом для волос... Но я больше выдумываю. Ничем он не пахнет. Ни хлоркой, ни сушащим кондиционером, как в аэропортах. Обычный нормальный воздух. Касса сказала подойти в три часа, справиться о наличии билетов. Ура. Спа-а-а-а!

Ой. Я потеряла мобильник. Он же будильник. Специально накрыла его дневником на полу, но кто-то не поленился, а я спала слишком крепко. Удачи ему, а если посмотрит фотки, то его скончавшемуся (простите мне невольный

каламбур) праху. В итоге я проснулась от жажды за три минуты до прибытия поезда, успела дважды обежать весь вокзал в поисках нормальной, не резервационной кассы (с развевающейся пенкой, спальником в зубах и горящими глазами я выглядела весьма экзотично). Нашла ее спрятанной в самом дальнем закоулке, влезла прямо в окно, проигнорировав очередь, с криком «Мне в Ченнаи NOW!» — и меньше чем за минуту стала обладателем билета за 200₹. В пять раз дешевле автобуса.

Сначала все было хорошо — легла на полу в вагоне с техническими надписями и десятком человек. Но потом пришел кто-то главный и всех нахрен разогнал. Вообще всех, мол, если не влезаете в общий вагон, ждите следующий трейн, ваше дело, а место для рабочих я никому занимать не

дам. Я посмотрела на СТЕНУ людей в общем и пошла в тамбур спящего вагона. Ищу поручень, чтобы вцепиться, если и отсюда начнут гнать. Ну уж нет. Завтра в пять вечера я хочу быть в Ченнаи!

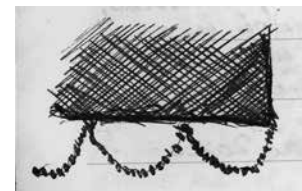
Зато я смогу торчать в двери хоть всю ночь!

Правда, холодно. Хотя ночи-то остался всего час, скоро я смогу понаблюдать восход. Главное, не заснуть в проеме и не покинуть этот мчащийся рассветный дилижанс.

За время передышки проверила остальные вещи. Вроде бы, ничего больше не пропало: деньги, документы, фотик, котик, спальник. Контрольная сумма. Дневник я вообще из рук не выпускаю.

Интересно, а если подпрыгивать в мчащемся поезде, почему не сносит? Тело инерцию движения не успевает потерять?

Сижу, люблюсь на рассвет, а на перке под моей босой пяткой ощущается песок. Так, думаю. Шарф же кончился. Что это тогда? (у дупатты снизу и сверху при начале нашего общения был бисер; красиво, но бесполезно, и когда он начал осыпаться, я не расстроилась, а стала ему помогать. По горсти бусинок есть

теперь в храмах Варанаси и Аллахабада, в Калькутте, Агре, Дели... везде, в общем). Оказалось, фенька из Непала рвется. Эх. Внезапно разочаровал меня Непал качеством продукции. Одна вылиняла начисто, другая вот. Индийское, к примеру, держится.

Светло. Полсдьмого, небось. Первые свиньи вышли, туман, роса, дяденьки, подвязав подбородки шарфами, катят куда-то на ранних велосипедах... Пастораль.

На одном разлапистом дереве, стоящем прямо в воде, одновременно

много вразнобой сидели белоснежные изящные цапли и черные нахохлившиеся вороны. Абсолютно чудесная картина!

Ну, и раз уж стало можно отличать черное от белого, это верный признак, что настало время вписать новую дату.

А срубленная не у корней пальма смотрит жалко — просто пожухлый стебель. Невозможно представить себе эту траву высотой с небоскреба. →

31 января. Chennai

Как же потрясающе красиво за окном! Конечно, это враки, будто я когда-нибудь буду вставать рано ради любования видами, но вполне вероятно, начну сильно позже ложиться. Как говорил кто-то про политику: «Вы так сильно влево забираете, что вскоре справа окажетесь — повернетесь».

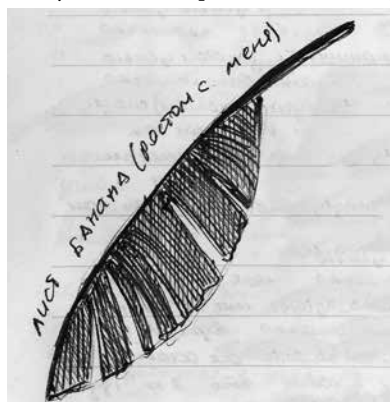
Сию с дисконтным кофе (пока искала мелочь, мальчик махнул рукой и растворился), а вокруг — салатная зелень рисовых полей с кусочками неба, отраженного в воде между стеблями; низкие кусты, стога и пальмы... И птицы. Кингфишер и правда такой, как на рекламе одноименного пива. И солнц — два. Одно невысоко над пальмами, другое бежит за нами по открытым полям. Сияющая апельсинка посреди риса.

Ночью по вагону ходил только чай, и я думала, что его речитатив «чаи-чаи-чаи!» отлично бы дополнил привязчивую песенку про funny-funny-sunny-sunny. Теперь пошел кофе, жевательный табак, чипсы и газировки. Ожидаю самосу. Школа пения у этих ребят явно одна и та же с печальной птицей Айскрым.

С наступлением утра верхние полки потеряли свою привлекательность, так как с них ничего не видно. Все скучковались на нижних и начали паломничество в туалет и к мойке — чистить зубы. Станция коварно подобралась к поезду с моей стороны, так что меня попросили освободить проход и заодно поставить багаж наверх. Этим предложением я не замедлила воспользоваться, не преминув не только кинуть туда все вещи, но и самой, естественно, втянуться. После рассовывания по углам котиков и моих сумок вперемеш-

Лист банана.
Ростом с меня
[слева] →

Кактусы.
Ростом с меня.
[справа] →

ку с чужими, места осталось достаточно, чтобы наикомфортнее лежать. Это все было очень удачно, так как людей много, проводники не ходят, и все, кажется, забыли, что у меня никаких прав на это место. Днем в двери не посидишь, там дикие очереди на поплевать в проем.

На остановке в вагон быстро заскочил парень в спецовке, облил остро пахнущим сосновой средством все туалеты и полтамбура, мгновенно согнал все это скребком в дверь и спрыгнул обратно. Сколько же у них человек обслуживает поезд?

Весь поезд состоит преимущественно из sleeping-мест, только по паре вагонов в конце и начале поезда — для тех, кто хочет драться. То, что в «общем» можно кататься бесплатно, я поняла давно, а вот что можно поднять класс из «сидячего» до «лежащего» — это интересная новость... Впрочем, меня вскоре спалили. Сдала недовольная девица с отцом. Они озирались в панике, явно не понимая, куда делось их купленное место; я решила выждать и дождалась — не рискуя сказать белой «тетя», они пошли за проводником. Интересно, что в Индии делают с зайцами? Сейчас узнаем.

Статный юноша в офигенной розовой манишке, с золотой цепью, на хорошем английском сказал, что, увы, это не мое место, выразил сочувствие, что ситтинг так забит и внезапно пообещал легализовать меня за 150₹ в спящем вагоне. Пришлось взять вещи и идти за ним, спорить как-то не возникло желания. Но чем дальше я протискивалась с рюкзаком, тем больше меня брала злость. Заплатить денег за место, которое мне не нужно? Да еще бежать за ним через весь поезд?! В итоге я просто отстала и уселась у очередной двери. А когда он вернулся, сказала уставшей и попросила бросить меня тут. Он внезапно согласился, но с условием, что я не буду сидеть в двери — опасно. Попросил дедушку свалить от окна: мол, вот тут смотрите сколько хочется.

И денег никаких не взял.

В полях стали попадаться могилки. Может, крестьян тут закапывают по месту работы, как коней? Где кончился, там и окопался. Были хлопковые и банановые плантации, а теперь все больше кукуруза. Снова буйвол — самое популярное домашнее животное. Интересно, а молоко, которое тут везде продают, оно чье? Коровячье или баффолычье? Вот бы выпить два разных стакана и сравнить...

← Я вспомнила,
что это за стран-
ная лопата!
Это же МОТЫГА!

А еще встречаются абсолютно плоские волосы. Обычно они длинные, но и широкие при этом, конституция тела почти слоновья — а эти будто из картона, бока едва-едва из-за головы видны, если с торца смотреть.

Только что видела храм, расписанный в тонах торговой марки Benetton. Офигеть, конечно. Индусы без комплексов в вопросах веры, нашим бы пафосным православным их уверенность в себе. Как они, например, делают «святой мобильный сервис» (с картинками известных пастырей над жалкой лавчонкой) или отели имени своих божеств. У нас бы фармакология «во имя Святого Духа» не выжила бы.

Мальчик два с половиной часа смотрел неотрывно из соседнего «купе», потом пересел и еще полтора часа кипятил мне затылок взглядом с расстояния метр. Милый, ненавязчивый. Но я дичайше устала от пустых разговоров. Все эти откуда-кто-работа меня бесили еще до поездки, а за три месяца достали окончательно. Поэтому я предоставляю ему любоваться на всякие тыльные части меня и упорно не замечаю. У меня отличный ответ есть, почему я одна путешествую; жаль, не спрашивает никто. Я езжу одна, потому что мне это нравится. Быть одной.

А ведь когда-то, думала я, глядя на уносящиеся вдаль поля, Балтийск в полусотне километров от дома казался мне далеким, а путь до него — долгим. Теперь он объективно далеко, в тысяче километров от моего сегодняшнего дома — а это называется просто «слетать к маме, пока есть время». А полсотни я наматываю, чтобы добраться в гости к подруге на вечер...

Пригород Chennai — обычные дачные участки. Коты у индивидуальных колонок за забором из шифера. Сушащее белье, тетушки, выносящие мусор. Странное чувство, будто подглядываешь за дикими животными — те тоже не боятся, если мимо них проскакиваешь на большой скорости. А еще тут стоят гигантские тепловые электростанции — их огромность можно осознать, лишь сравнив с крошечной, ниже забора, водонапорной башенкой неподалеку. Издали по-настоящему гигантские размеры абсолютно невозможно воспринимать.

Все обрызгались одеколоном (вкусно, хотя и многовато) и сидят на собранных чемоданах. А поезд та-а-ащится.

И еще они рельсы красят. В черный. Жаль. В розовый было бы веселее. А туалеты в поезде, кстати, двойные — есть indian и western style. Не поверила надписям, сходила проверить. И впрямь, один с парашей (что в раскочивляющемся поезде удобнее, на мой взгляд), второй с унитазом.

Великого Учителя возле депо ваять по-настоящему поленились, потому лысая фигура в костюме и очках указывает вырезанным из картона перстом,

придерживая нарисованную шляпу. Все это подперто сзади дощечкой. Зато цвета яркие.

Как же здорово путешествовать с картой! Перед тем, как отсылать кирпич домой, я отсканировала нужные страницы. Вышла с поезда, немного поплутала, нашла нужный автобус, погуляла по району — и вот я в чудесном отеле! По уровню комфорта, конечно, это довольно жестко — простая кровать в комнате с единственным окном во внутренний дворик, удобства этажом ниже. Но! Это место — единственное за всю поездку по-настоящему достойно этого высокого звания ОТЕЛЬ. Все переборки тут — из старого дерева, крашеного в голубой и белый. Десятки внезапных лестниц, оранжерея на верхнем этаже, плетеная мебель (в дорогих номерах — комоды и тяжелые шкафы). И можно выбраться на самую высокую крышу, откуда видны дворики, все нижние этажи и полгорода, включая близкую гигантскую мечеть. Я сторговала 100% скидки, на них и поужинаю.

Вечером бродила по переходам моего нынешнего дома и не могла остановиться. Галерея, поворот — уютный закуток и кошка с крошечными пятнистыми котятками, едва встающими на подламывающиеся лапы; двое сосут маму, та от неги потягивается, скребет деревянные половицы. Лестница, двадцать винтовых ступеней вверх — площадка, пальмы в кадках, свисающие сверху лианы, маленький столик, сигарета, девушка читает в полуразвалившемся плетеном кресле. Длинный переход, угол, еще переход по узкой «тропе» между двух перил — внизу огни внутреннего двора, теряющегося за листьями; коридор — терраса, слева деревянная дверь с облупившейся краской, открытая в чей-то богато обставленный номер, на старой мебели стоят свечи, на столе — фарфоровый чайник с паром из носика. Лестница вниз, через темный коридор с закрытыми ставнями (по паутине судя — не первый год), лестница вверх, еще ступени мелькают через окно пристройки, обхожу, подни-

← Крыша — нежно-теплый бетон, нагретый солнцем. Я сижу рядом с чудесным цветком в кадке; кажется, на одной из почтовых марок было именно это, розовое и прекрасное, соцветие. Такое красивое, трудно поверить, что настоящее. Опять, поди, какой-нибудь глянцевый фикус.

маюсь (перила опасно гнутся под ладонями и почти не поддерживают) — и вид с высоты на весь Ченнай...

Потрясающий дом. Нет линейной, прямой логики, и в то же время все органично. Строил гений, а не сумасшедший, хотя поначалу и кружится голова от бесконечных перепадов высот. И оранжерея с белыми рамами с квадратными стеклами... «Обыкновенное чудо». Пока бродила, постоянно ловила себя на напевании «Нелепо, смешно, безрассудно, безумно... волшебное». А на ресепшене — библиотека. Пыльная, невообразимо старая, фолианты с рассыпающимися страницами и дамские романчики начала прошлого века. Рядом кресла — садись, листай.

Теперь я знаю, как должно выглядеть идеальное здание для отеля. А, может, и для жизни — вот только как убирать такие хоромы?

Функционал душевой кабины аутентичен древнему окружению — ни намека на возможность горячей воды. Зато я мылась под аккомпанемент разухабистой гитары от компании испанцев за стеной. По дороге с крыши, где вешала сушиться вещи, немного заблудилась, вышла к кошке. Оказывается, во второй двор (к душам и гитаре) можно пройти только через третий этаж или по двору, а с моего второго выхода туда нет.

А в моем номере — лепнина. И балочный потолок. И даже колонна одна есть, мы ее с общим балконом делим. Ему половина, и мне половина.

1 февраля. Chennai

Снова юг! Я уже почти забыла, как это здорово — жара, при которой постоянно хочется обливаться с ног до головы, а намоченные волосы высыхают, пока доходишь от колонки до ближайшего поворота. Из еды опять только острейший thali, чай не жирный, а английский понимают единицы.

Удивительной силы лето. Мне из дома пишут в стиле анекдота «Штирлиц получил шифровку, что у него родился сын. Он смахнул скупую слезу — двенадцать лет он не был на родине»; выясняется, что меня там в общем-то не особо ждут, и вообще дальнейшая личная жизнь накрылась аутентичным латунным тазиком. Но небо по-прежнему синее. И наливая чай, мальчишка-индус восторженно коснулся моих браслетов — послушать, как звенят. Всю безысходность этой жизни мы несем в себе и растим в себе, нет ее нигде в этом волшебном мире, кроме как внутри нас.

В чайных, крошечных темных лавках, «носки» для заваривания чая висят по стенкам. →

И стоит это понять, как ее власть кончается.

*Вокруг все твердят, как спелись,
что если ты стал героем,
То должен ты, строе и строен
На каждую лажу мира
Клинок вынимать из ножен.
Но в этом-то вся и прелесть,
Что если ты стал героем
(а ты уже стал героем)
то никому на свете
Ты ничего не должен.*

Моя жизнь — мое лето. И оно не закончится, теперь я знаю слишком много, чтобы снова тупить, как раньше. Поэтому — гуляем, ребята! Впереди еще месяц тепла.

В Ченнаи довольно большие проблемы с канализацией. Город крупный, а с ним обращаются так, будто он мелкий. Так что он периодически бунтует и выплевывает наружу свои претензии. Не самое приятное зрелище.

Интернет тут дешев, 15₹/час — самая низкая за поездку цена. Люди и впрямь приветливые, очень приятно бродить по улицам, когда все, абсолютно все встречные тебе улыбаются. Даже рикши кивают со счастливо-восторженным лицом, просто так, не чтобы заманить в поездку.

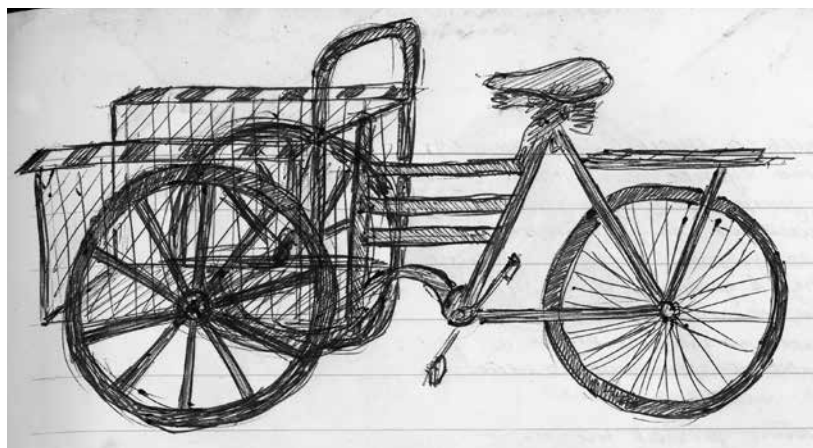
Вот только с едой по моим меркам не очень. Ищу что-то неострое, но пока из улова только фрукты с чаем.

Бреду вдоль берега моря. По самой набережной скучно, так что забралась немного вглубь жилых кварталов. Их река — это полный привет. Те самые фекалии, густо замешанные на мусоре. Кто там говорил, что Ганг грязен? Да он просто горный поток небесной чистоты на фоне этого.

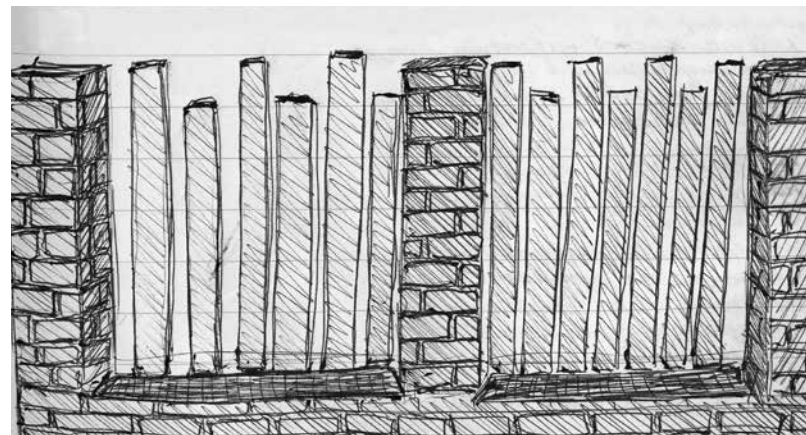

Пляж обычный, только очень жаркий — солнце тут нещадное. От него не сгорает кожа, не успевает — раньше изжариваешься от тепла.

Уже не впервые встречаю удивительную конструкцию — велосипед-тачку, три колеса и короб для вещей. Звучит тривиально, но два колеса СПЕРЕДИ, а сзади — одно! Видела их несколько раз проездом, все никак не удавалось найти остановившееся. И вот — счастливый миг! Вокруг меня образовалась небольшая толпа; я нашла этот драндулет под мостом, где играла кучка чумазых детей, а их родители коротали вечер за беседой. Вечер внезапно разнообразился сумасшедшей туристкой, умеющей рисовать и тратящей свой дар на черте что, вместо того, чтобы увековечить, например, милого ребенка. Я вежливо улыбалась, делая знаки, что ребенок прекрасен, унесите, и уйдите, блин, от этой хрени! А то многие вставали рядом с ней, уверенные, что я работаю как фотоаппарат, и теперь мне придется их тоже срисовывать.

Город красив. Не такой старый, как Калькутта, но все равно впечатляет. И чистый — за исключением тех мест, где реки впадают в улицы. Последние светлые сорок минут провела в поисках кирхи св.Томаса — это оказалось не так легко, хотя и недалеко, всего в паре километров от моего дома. Я не спешила, заходила везде, куда потянет. Брала с собой 500₹, с расчетом оставшуюся тысячу взять завтра на рынок и там с наслаждением спустить; но покупать тут оказалось почти ничего, так что размениваю сотни на копейки и трачу на бинди, мороженое и фрукты. Нарезка «ананас, папайя, арбуз и огурец» пока лидирует в списке «самое невероятное сочетание вкусов».

← Оу, какой забор. Между кирпичными столбами — поставленные вертикально мраморные плиты. Просто стоят.

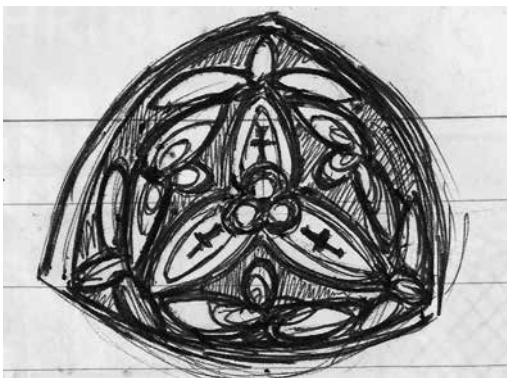
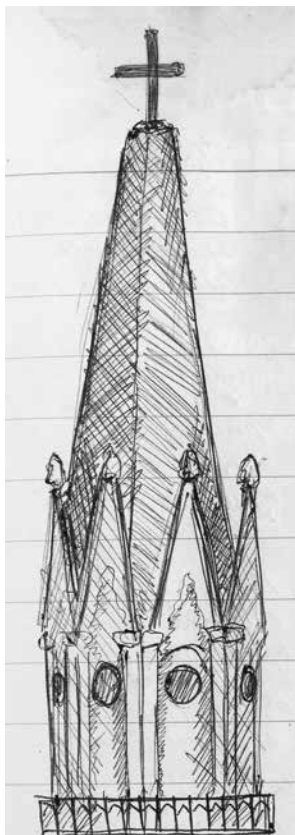
В одном из магазинчиков купила метр прекрасного орнамента за какие-то 10 рублей. Изначальная идея была в том, чтобы сделать оторочку по низу штанов и одну полоску сверху на бедре (чтобы закрывала штопку). Однако сантиметра у девы не оказалось, а глазок у меня, как выяснилось, слабоват; так что пришлось выбирать, оторочка или полоска, и жажда симметрии победила. Теперь у меня шаровары с чудесным узором по низу штанин, а я знаю, как превратить в шедевр любую однотонную тряпку. О-о-о, дайте мне срочно магазин с майками, у меня идеи!

Вот я и добралась до храма. Звучит забавно, но, несмотря на свой разухабистый образ жизни и весьма немонотеистическое мировоззрение, я считаю себя христианкой. Во всяком случае, в протестантских и католических церквях мне очень хорошо, и даже православные зачастую часто умиротворяют. Леди Ашура привила мне странную религию в Того, Которого Нет. Он не ревнив и обладает неплохим чувством юмора, а потому каких-то определенных обрядов не требует, никаких ограничений не накладывает; но за жизнью своих подопечных присматривает. С ним можно разговаривать (важно быть предельно честной в этих беседах, что не всегда дается легко) и заключать договоры. Он не мухлюет и от тебя ожидает взаимности... Мы бы и в этот раз неплохо поговорили, но в храме шла визгливая местная служба. Так что я решила подождать, пока Он освободится, и пошла гулять по местному музею. Там сборище каких-то камней (некоторые — с момента основания храма, XVI век, и их можно трогать — судя по замызанности, они пользуются популярностью).

Белая свеча церкви, сияющая в ночи — обожемой, как же это прекрасно!
[слева] →

Встретились по-настоящему красивые монашки. Жаль, позировать они не стали, а по памяти у меня все одинаково чудовищно получаются.
[справа вверху] →

Потрясающе теплые витражи. Не крашенные стекляшки, как во многих местах, а честная ручная работа, очень сочных, густых цветов.
[справа внизу] →

Пока я рисовала, мимо бродила европейская группа тинейджеров. Они честно пытались заинтересоваться выложенными камнями, но у них не получилось. Зато как здорово они визжали, когда внезапно вырубился свет! Ночью с фонариком сидеть на полу музея и дорисовывать детали стула трехсотлетней старости — как же я люблю такие моменты.

Наконец вопящая кодла ушла на крестный ход, стонать внаружи. Я люблю церковное пение, но это было немелодичное не оно. Я скользнула в полутемную церковь. Все, что я люблю — огромный, как небо, потолок; деревянные скамьи рядами. Помню, как в Аргентине мы пробрались ночью по крышам и заглянули в одну такую сверху — ночная церковь, освещенная высокими

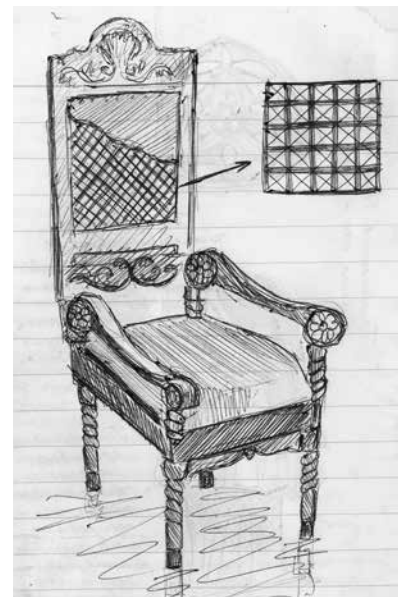
витражными окнами огнем казино напротив... Этот образ я всегда вспоминаю, попадая ночью в храм.

Разговор с Ним получился скромным, все равно шумно. Негодяи снаружи использовали усилители. Но в целом оказалось очень полезно. Я успела сказать спасибо за очередную порцию приключений — еще вчера я почти скучно ждала возвращения, а теперь снова замужем за ветром и не знаю, что будет завтра. Мне нравится слово «судьба». В моем случае оно означает «не соскучишься».

После храма я пошла к морю. Оно было совсем близко, сразу за линией крошечных домов и трассой вдоль пляжа. Там было все, чего мне не хватало в храме — огромность черного неба, беспредельность громады воды. Оглушающая тишина и черный мягкий песок, стелящийся под ноги... Только редкие парочки вдалеке. И ветер. И брызги от невообразимо тяжелых волн, падающих и падающих на вылизанный жесткий песок. Я выросла и научилась радоваться ему бескорыстно. Купаться — это здорово, но ощущение сопричастности этому величию дает намного больше, чем мелкая радость физического тела.

Побродила вдоль волн, коснулась пальцами воды, ими же лба — привет, море. В общем-то, мне дальше налево, и по берегу километра три... но я почему-то снова пошла не в ту сторону, куда надо, а прямо в противоположную, решив заложить «небольшую» петлю и вернуться улицами. В итоге в поисках дороги поинтереснее, набрела на трассу вдоль пляжа — и вдруг вошла в рыбацкую деревушку! Хижины вдоль дороги, играющие дети, степенно перебирающие сети взрослые. У колонок очереди из огромных цветных кувшинов — один качает, а вся деревня подставляет подписанные «ведра». Может, это тоже оплачиваемый труд? Во всяком случае, я бы не стала заниматься этим бесплатно столько времени подряд.

И когда я уже засомневалась, не повернуть ли мне обратно, чтобы найти там дыру в этой цивилизации и выбраться-таки в город, сорвала джек-пот! Он материализовался передо мной в виде ларька со свежееобжаренной рыб-

← Некоторые предметы обихода прежних отцов отнюдь не говорят об их стремлении к скромности и аскезе.

кой и рисом. Приветливые женщины безо всякого английского объяснили мне цены, предложили на выбор соус (нашла наименее острое на базе картошки) и усадили ужинать, согнав девчонку с единственного стула. Я за день так набегалась без еды, что проглотила все предложенное, почти не разжевывая — хотя панировка рыбы все равно отдавала огнем, а на цвет была красная.

Уже сытая и довольная отыскала дорогу, перпендикулярную берегу, — и там наткнулась на *café Coffee day*. Это был триумф! Оттянулась с капучино, на кожаном сидении, с кондиционером и телевизором.

В общем, получился потрясающий релаксивный день — именно так я и мечтала провести последние дни в Индии. А еще я купила будильник, классический китайский «пи-пи-пи». Жаль, с петухом не было — я под такой на пробежку в детстве вставала, понасталгировала бы.

На обратном пути соблазнилась арбузом и дальше тащилась, распекая на все арбузные корки бессердечную суку-гравитацию. А потом спросила дорогу (вектор ясен, но хотелось бы подробностей), и мне внезапно подсказали номер автобуса — мне подходил как раз подъезжающий транспорт! Я успела перебежать дорогу наперерез всем рикшам и замахать руками на пытающегося отъехать водителя. Он довез меня на знакомую точку набережной, где напротив индуистских ворот лежит дохлая собака, а уже оттуда я без труда отыскала дорогу к невкусной забегаловке и моему ларьку с шампунями и свечами. Да, да, я уже смеялась про себя по дороге, что кто-то ориентируется по звездам, кто-то по картам, а я — по дохлым псам и лавкам с трубухой...

Взмывленная, влетела домой, кинула вещи, потребовала тарелку и побежала на крышу, заскочив по дороге в душ. Мокрая, прохладная, счастливая, плюхнулась на любимое место под фонарем, среди цветов. Теперь тут горит свеча и благовония, воткнутые в почти доеденную половину арбуза; меня грызут комары, зато я лирично поторчала на ночь под звездным небом со сладким «ужином». Мне безумно нравится это место.

А еще, выходя из *Café Coffee Day*, я нашла 100₹ на земле.

2 февраля. Chennai

Ура, последний день в Индии. Обещан форт, торговый район, а еще я по дороге присмотрела такое недурное старинное кладбище с огромными гробницами...

Встала рано. Пора готовиться к завтрашнему подъему на самолет, да и арбуз не дал разлеживаться. Половина лавок закрыто, из открытых тянет специями, огромные мешки чего-то сыпучего деловито насыпают на себе сердитые утренние грузчики. Все узкие торговые улочки густо засыпаны порванными чеками, но ничего интересного на земле пока не встретилось.

Начали попадаться ларьки с браслетами, правда, абсолютно все с металлом или стразами. Лишь раз попались идеальные, стеклянные-прозрачные — но коробками по сто штук, не меньше. Из браслетов я выбралась направо и еще направо, а потом еще немного направо, так что как обычно провернулась — а узнала об этом по знакомому, все еще намыливаемому подбородку.

Наблюдала картинку «тяжелая жизнь неудачника». Дети 3-4-х лет сидят в кружочек, что-то обсуждают, играют. Вдруг один ошибся — и ему прилетело сначала по шее от одного, потом по лбу от другого, а добрая девочка в розовом платье походя добавила с ноги. Стадность — жуткое дело.

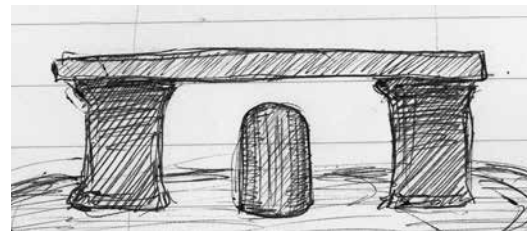
Как же здорово идти по жаре и, обливаясь, вытягивать струйку молока из ледяного квадратного пакета! Для европейцев этот кумшот смотрелся бы однозначно эротично, но местные глядят с одобрением и пониманием. Они и сами часто так делают: скусывают один из краев пакета, сжимают его в уголке, и ловят струю пересохшими губами.

Дорога к форту, расположенному совсем недалеко от станции, если верить карте, на деле оказалась длинной, пустой и очень жаркой. Для входа пришлось обойти длинный комплекс военных сооружений, и рядом все время текла говноречка, так что я успела пожалеть об отшитом рикше. Зато за очередным поворотом начались пустыри с высушенной, белесо-желтой травой, на которой мальчишки гоняют мячик или играют в крикет, и стало здорово гулять. А слева началась бетонная стена форта с садом и огромными деревьями, с которых свисают воздушные корни. Никогда не привыкну к тому, как величественно и волшебно они выглядят.

На территории форта пропускной режим, меня потискала милая леди (на всех пропускных пунктах ВСЕГДА есть отдельные ворота для юношей и девушек), напоследок оглядела меня критически и деликатно спросила, не может ли она помочь мне с моим нарядом. Я как всегда набегалась и перекосила себе сари. Получив разрешение, показала мне еще один (о, боже!) способ завязывать сари.

Я наконец-то увидела, как готовят *досу* и поняла, откуда на ней полоски. Сначала мне казалось, что они берут и размазывают по плите сыр, но нет — просто наливают жидкое тесто небольшой плоской безручки, а после ее же переворачивают и доньшом, быстрыми круговыми движениями, размазывают каплю в блин.

На входе попросила у офицера воды. Думала, он нальет из общей бутылки, а он внезапно достал личную из рюкзака. Пришлось пытаться пить, как индусы — не касаясь губами. Конечно, поперхнулась с непривычки.

В самом форте сейчас располагается правительство и какие-то военные шишки, но музей при нем неплох. Основная часть коллекции посвящена не 400-летнему форту, а посуде и оружию позапрошлого века. Надолго залипла перед огромной каллиграфической книгой записей гражданских смертей, браков и рождений. Ростом больше метра, выцветшие чернила оставляют ощущение, что использовалась кровь заявителя. Тысяча восемьсот первый год. Чума-а-а!

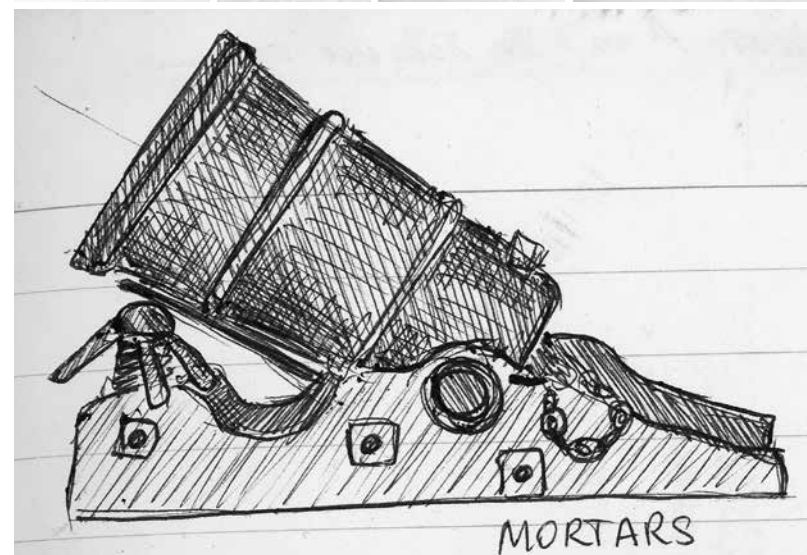
На втором этаже обнаружилась скучная нумизматическая коллекция Монеты под стеклом выглядят как мертвые бабочки. То ли дело перебирать их, сидя где-нибудь в уютном уголке! Еще один зал посвящен ростовым портретам королей и королев. Фотографировать тут запрещено, а вертикально стоящие кулеры просто сбивают с ног.

Еще на один этаж выше уже привычная экспозиция, которая так или иначе представлена в любом музее — современные герои. Список из восьми сотен борцов за свободу Индии открывает, конечно, Махатма Ганди. Некоторые имена я уже узнаю — семья Неру, Аурангбиндо и его Мать, какие-то примелькавшиеся по названиям улиц дворяне.

На выходе, конечно, подбежали рикши, уточнить, куда надо мадам. Мадам решила не кочевряжиться, уж больно жарко, попросила до центральной станции. С метрометром. Рикша радостно согласился, по дороге к мотору рассказывая, как он знает город — магазины, храмы, view point — в общем, предлагая экскурсию. На мое резкое "нет, вези, куда сказано" перестал улыбаться и мельтешить, посмотрел мне в лицо, развел грустно руками: "Ну, тогда нет рикши".

Обозвала его по-английски несколькими нехорошими словами, подробно, на всю улицу, пояснив, за что именно — работать надо, а не туристов глупых обрабатывать. Пока записывала эти строчки, подкатил парень, спросил куда, довез, коснулся деньгами лба и уехал. Я бы людей, зараженных жадой халявы, отстреливала, как разносчиков опасной инфекции.

В самом форте сейчас располагается правительство и какие-то военные шишки, но музей при нем неплох. Основная часть коллекции посвящена не 400-летнему форту, а посуде и оружию позапрошлого

В музее прочитала еще раз карту — я, оказывается, пропустила лучший музей города. Теперь добираться до него на перекладных автобусах.

Меня высадили на нужной улице, пойманная индианка довела прямо до ворот музея... и тут я поняла, что не могу их открыть, потому что с утра ничего не ела. А напротив ресторан. А у меня почти непочатая тысяча. Паркуа бы не па?! Сделала провожатой, изумленной сменой моих планов, знак «умираю, есть хочу, потом музей» и побежала выбирать. В меню не нашла thali, зато на

Рядом со входом стоит многозначительная скамейка с тихонько спрятанным под нее лингамом. Очень фрейдистски выглядит. По-моему, индусы воспринимают это иначе. →

Эту канитель с красивой, но в общем-то ненужной мне базиликой я затеяла только ради дерева. Вот оно прекрасно безо всяких скидок. →

столах его было предостаточно. Ткнула пальцем в ближайшую привлекательную тарелку (в меню она значилась как "еда с овощами"), заказала к этому свежевыжатый сок, сижу, пускаю слюни в ожидании.

И вот я в национальном музее. Огромнейшая территория, десяток зданий, платишь на входе и бродишь везде. Пока я в странной арт-части, где бессистемно собраны следы палиолита, современные украшения, побрякушки из даров моря и отличная, очень простая ткань, расписанная птицами и цветами — желтый фон, черный узор... Кажется, я поняла принцип экспозиции — типы ручной работы. Вот шелк и хлопок, поделки из металла, куски разных натуральных красителей, обувь, пластик и металл...

Выше — картинная галерея. Описать ее содержимое можно словами "что нашли" — откровенная мазня с абстракциями, национальными рисунками, вполне законченными картинами, набросками и акварелями. When winter comes — скульптура, изображающая удрученно съежившегося под покрывалом мужчину, на переднем плане голые ступни (одна накрывает другую) и

Нашла несколько любопытных полотен:

← [слева] Дева, держащая ситар, написана легкими летящими линиями на шелке. Возвращалась к ней снова и снова, все никак не могла уйти в другой зал.

← [справа] Этот добрый волшебник Эхх скоро еще выйдет из моей головы.

руки. Да что вы знаете о зиме, южане! Вы даже представить себе не можете тот холод, в который нельзя безнаказанно высунуть голую кожу, против которой это ваше покрывало — как зонтик от всемирного потопа...

В детском зале множество забавных экспозиций, в том числе и в стиле how to do. Про инструменты и весы из разных стран, транспорт, одежду, нравы.

← Нашла старинную открытку в музее. Ого, спрашиваю, сколько же она стоит? Служитель музея замешкался: «Про них тысячу лет никто не спрашивал. Не знаю даже». Потом глянул на оборот: о, тут же написано: 75 пайсов. Оказалось, что это вышедшие из употребления «копейки», так что открытка стоила мне меньше рупии. Какая прелесть! На ней храм неподалеку от Тричи, куда я не добралась.

Надолго залипла у стенда, где от древнего человека до наших дней прослеживали изменения в дресс-коде. Русские тоже мелькнули, купцы в кунных шапках, на рубеже XVII-XVIII веков. Порадовали разные типы печатных машинок — как только ни строили каретки! И граммофоны!

Но лучше бы я это проскочила побыстрее! Если бы я только знала! Музей-то в пять закрывается, а не в семь. И в основную экспозицию я не попала вообще. И в зоологический мир только нырнула... зато как!

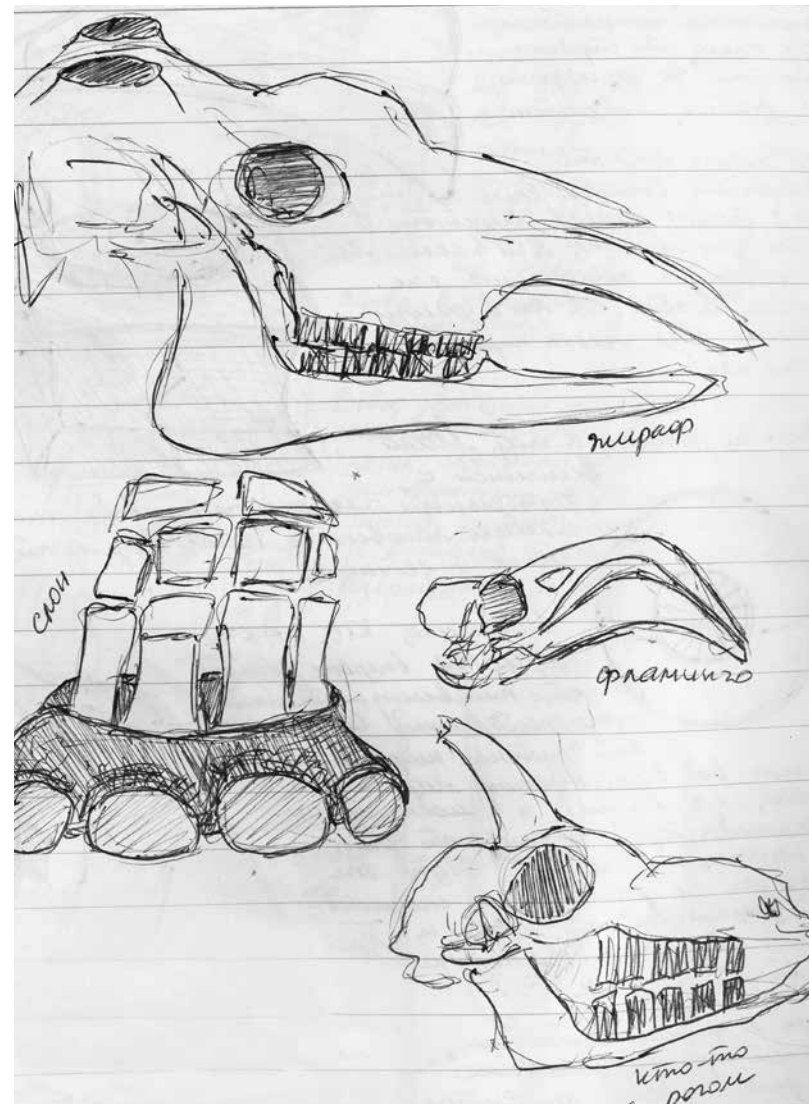
В общем, я забежала в отдел с костями и замерла. У меня одна жалкая (но совершенная) черепаха, а тут! Абсолютно все, что можно себе вообразить: скелеты, сочления, кости, сложенные в идеальном порядке, подписанные и объясненные, с рисунками, как они выглядели в живом виде. Рисовать — не перерисовать, это же все ключи к правильным рисункам животного мира!

И тут мне говорят: смотрите тут все быстро и бегом в бронзу, может, еще успеете! Зараза, думаю, вот не везет. Завели в пещеру Алладина и дали 10 минут на пощупать... Пришлось побегать и стремительно все понабрасывать. Чучела меня не особо привлекали, они тут не очень сохранились, а вот кости... У жирафа дырки под рожки на лбу! А у фламинго нос крупнее мозга. Куча открытий, в общем! В итоге в соседнем зале последним неушедшим детям включили динозавра, рыкающего и рывками двигающегося, и я получила еще немного времени.

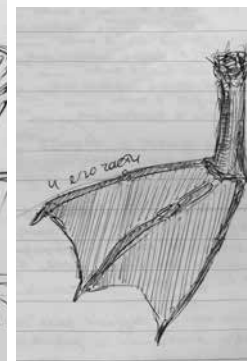
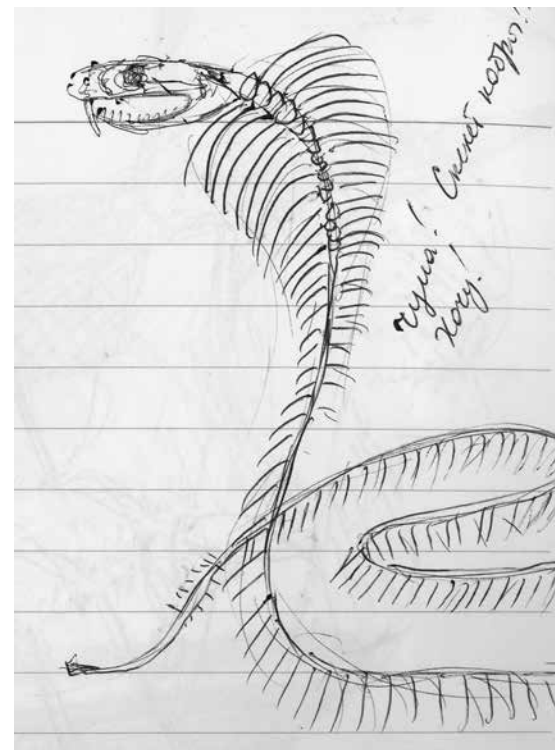
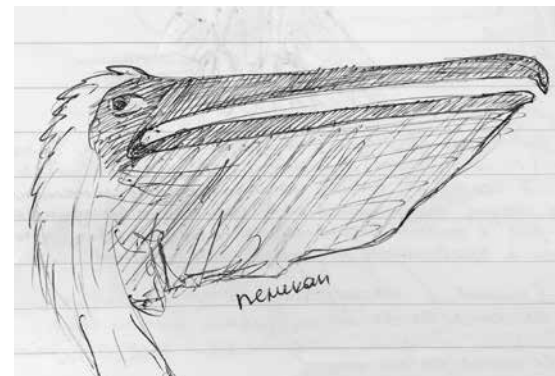
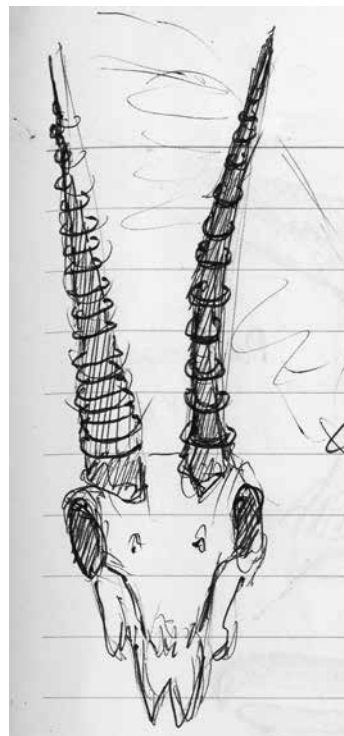
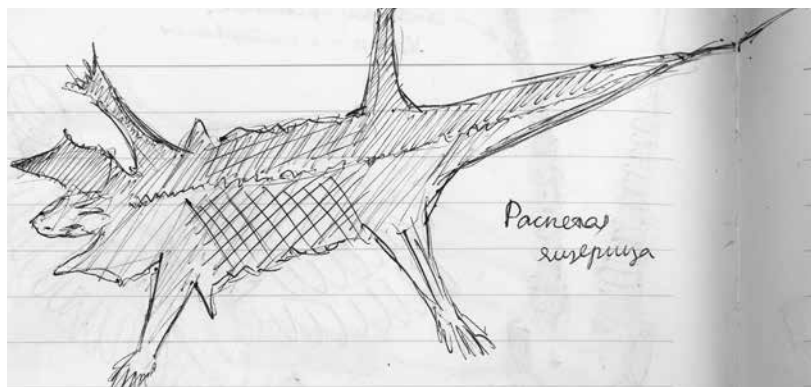
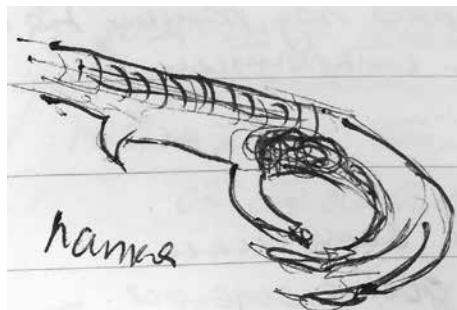
Вышла я из этого храма науки с острым чувством расстройства от того, что не успела посмотреть все. И рыбы были закрыты уже! И растения! И таинственное первое (небось, главное) здание. В общем, буду еще тут, вернусь дощупывать экспозиции. С этой мыслью, собственно, и отрубилась, на удивление рано. В отеле только один серьезный недостаток — это жара и комары. Он слитный, так как по отдель-

Интересно, КТО, КАК и ПОЧЕМУ впервые решил, что пингвины — отличные мусоросборники?! Отчего эти грустные жирные птицы во всех странах — и в Сербии, и в Англии, и в моем родном Калининграде — послушно разевают рты с надписью «Use me»? Тут был хотя бы не рот — специальный «кармашек» на груди, и такой же, чуть побольше, на заднице. Когда прогуливалась мимо, в задний проход пингвина то и дело ныряли деловитые бундуки. Видно, скормили пингвину что-то вкусенькое недавно. →

Эмбриончик крокодила, почти готов вылупиться. Хитрюга такой, они правда все в яйцах улыбаются! →

Когда со мной вежливо пытались сфотографироваться, я невежливо отмахивалась: отстаньте, тут столько всего интересного!

ности это не проблема; жарко — раскройся, комары — запрячься. А тут фиг. Так и крутишься всю ночь. А если фен включить, он сдувает горящее средство, и комары совсем наглеют...

3 февраля. *Chennai*

День вылета. Ух, не люблю я самолеты! Все нормальные люди чего боятся? Потеряться в аэропорту, опоздать или что самолет упадет. А я — что найдут черепаху в рюкзаке, спрятанные на сувениры деньги (официальный вывоз запрещен), что спалят билет, оплаченный чужой картой (Шри-Ланка вот говорит, что владелец должен быть в составе группы)...

Хороший и честный рикша посоветовал добираться до аэропорта не автобусом, а поездом. "Вообще, если вы пару лет подождете — у нас метро достроят, будет доставка прямо к залу вылета". Добросил меня до жд станции, там я легко кинула вещи в диспетчерской ("бомбы нет?" хихикнул мальчик-смотритель) и метнулась в кассы на соседней платформе. Меня усадили в вагон для девушек — на электричке это намного приятнее, чем в дальнем поезде; в основном едут офисного типа хорошо одетые юные девы, отлично знающие язык, но не стремящиеся разговаривать. За три рубля и полчаса я доехала до нужной мне станции. Как же я обожаю их электрички! Как метропоезд с навечно открытыми в обе стороны дверями. Такие в фильмах Миядзаки ходят под синим-синим небом по высоким мостам...

В общем, я в аэропорту. Даже в нужном. И уже торчу в очереди на регистрацию и трепещу за кости и документы. Ужасно хочется есть, у меня осталось как раз три сотни — на чашечку кофе и чьи-нибудь ноги из KFC. Лишь бы успеть, а то уже полдень, вылет в два, а очередь еле движется. Вообще удивительно вовремя все происходит, когда едешь одна — я ведь ни разу толком никуда не опаздывала за поездку. Интересно, порадует ли таможенников на просвечивании банальный будильник в вещах?

Так, к черепахе не придрались, к билетам тоже, в чем же будет подвох? Ой, да умрите все уже с вашими контролями, дайте мне что-нибудь поесть!

Вот. "И никого не встретил". Только на иммиграционном пункте уточнили, знаю ли я, что мне сейчас погасят мою двукратную визу и вернуться я не смогу. Сделала им величественный "жест Козырева" из "Дня радио" — мол, валяйте, гасите. Теперь проблемы могут быть только со стороны Шри-Ланки, и, учитывая всю сумму данных, они будут уже серьезными, а не какая-то мелочевка. Возвращаться мне некуда.

За этими переживаниями я забыла, что в аэропортах на последний рубеж ломиться не стоит, так как за ним пусто, чисто и тишина. И ларьки с пыльными

ми дорогими сувенирами. Но! Мне очень повезло. Так что я на все три сотни купила один бублик доннат, кофе и чипсы с солью. Гуляем, официант, коржик! Но мне хватило. Сажу сытая, теплая, сонная, а кругом — стерильные огромные коридоры, холодный свет и идеально фильтрованный ледяной воздух. Аэропорты во всех странах мира одинаковы по ощущениям — последняя площадка перед межзвездной телепортацией. После того, как весь твой багаж и одежду перетряхнули, просветили, прощупали, чувствуешь себя словно перемолотым системой и собранным заново — таким же прозрачным и стерильным, как все вокруг.

О-о-о! Тут настоящее табло, с перелистывающимися черными табличками! Сначала мелькают все, а потом по одному выстраиваются, с таким щелкающе-шелестящим звуком! Все-таки электронные гаджеты никогда, никогда не смогут заменить некоторые вещи по уровню эстетического удовольствия. Жаль, что на это всем плевать — аляповатый мерцающий экран в разы проще в обслуживании, и нет ни одной объективной причины сохранять эти прекрасные реликты. Да-да-да, мне нечем себя развлечь, и я праздно философствую. Мы с котиком на финишной прямой, дальше только небо. Наш рейс уже объявлен как ближайший, но табло еще не отщелкало нужные цифры.

Ура! "Ваш билет...", коридор, очередь на вход, вежливое "namaste" прекрасной стюардессы, мягкое кресло, разуться (ковер тепло стелется под ноги), "кислородная маска выбросится автоматически", короткие приготовления, ремень, рулежка, разбег... И тебя вжимает в кресло, а под ногами уже километры воздуха, небо синее, не сразу

понятно, что полоса горизонта цвета лежало́го синяка — это море, просто видишь его с высоты и под углом, и горизонт дальше, чем обычно. Какой же Ченнаи огромный... а на высоте нет ничего. Равномерное голубовато-синее ничто с моей стороны. Но все равно у окна приятнее.

3 февраля. Colombo, Sri Lanka

Обед в самолете был отличный. Как всегда, пришлось сыграть в "угадай, что вкуснее"; выбор был между veg и non-veg, и я не лопухнулась. Курица была нежнейшая и почти не острая, единственная неувязка — соус к ней был чертовски знакомый, но абсолютно не опознаваемый. Из чего он?! Буду мучиться теперь.

А мы уже над Шри-Ланкой. Остров покрыт темным лесом, оранжевые тропинки бегут к морю. Побережье видно так хорошо, что хочется попросить пилота сделать круг, чтобы выбрать место для будущего купания. Много озер и лагун, гор нет. Интересно, как у них с чистотой воды? Но людей явно меньше, чем в Индии, значит, канализационного коллапса быть не должно. Города совсем крошечные, ой, а мы уже снижаемся. Ох уж мне эти ближние полеты... Мимо прошла миловидная стюардесса в сари, как флаг победы держа над головой освежитель воздуха, заклиненный на "вкл". Выходящий из жерла спрей почти без запаха быстро рассасывался под потолком. Официально выглядящий индус в костюме-тройке интеллигентно повязал на лицо цветастую бандану и снова углубился в газету.

Мимо неправдоподобно быстро проносятся куски кудрявых облаков. Все, что с земли кажется стремительным, тут зашкаливает все возможные критерии скорости. Нас изрядно трясет и бросает — слава богу, истерик у пассажиров это не вызывает. Город внизу весь кирпично-черепичный, изрытый каналами. Море чистое, но со странными мелкими волнами впрыток — словно вода одновременно пытается сойтись и разойтись. Заложили круг — что, будем садиться прямо в воду? Да нет же, вот и аэропорт стелется под шасси. Ну что, Шри-Ланка. Принимай!

Но до страны еще два кордона и куча документов. Официальный индус положил рядом включенный Samsung, и на него с интервалом в секунду и характерным присвистыванием приходят смс. У кого-то звонит Nokia, а кто-то ее только что включил. Мир становится все меньше и все гомогенизированнее, куда ни улетай... В недрах самолета рабочие непочтительно кидаются нашим багажом.

Процесс получения визы на Шри-Ланку оказался проще покупки стакана сока. Заплатил, показал паспорт, улыбнулся таможеннику — за 25\$ ты въез-

← Это шриланкийские рупии, и они прекрасны.

жаешь на месяц, абсолютно легально. Парень, проверяющий документы, внезапно подмигнул: а ты есть на фейсбуке?

Мой багаж не просвечивали вообще. Его на выходе проверяют выборочно, и меня не выбрали. В туристическом центре бесплатно выдали карту страны с основными городами и целую книжицу с рекомендациями (наверняка, проплаченную от начала и до конца). Обменяла немного денег. Одна шриланкийская рупия — это половина рупии индийской, или четверть рубля. Удобный курс!

Без LP неуютно. Непонятно, как расставить акценты, чтобы не пропустить важного. Английский вокруг аэропорта знает примерно треть. И ведь вряд ли по мере удаления процент говорящих увеличится! Отлично, меньше расспросов!

Лица вокруг совсем-совсем темные и напоминают афроамериканцев из тех фильмов, где они интеллигентные, умные и носят полицейский значок. А вот девушки встречаются странные — распространен тип матроны, не толстой, а какой-то кирпично-квадратной. Больше всего такие девы похожи на побритых, переодетых и накрашенных мужиков средних лет.

Храмы в основном буддистские. Огромный золотой Будда встречает всех прямо в аэропорту, и дальше внезапно выскакивает из разных углов. Надписи дублируются, местный язык вязевый (тамильский?), на автобусах тоже используется английский. Пробки. Дороги весьма ровные.

"Modern light for poeple today" — гласит гигантский билборд так нагло, что я не сразу понимаю, что с ним не так.

Мы стоим, почти целую задницу какой-то немойтой фуры.

Во-от, я вселилась. Уже почти 10pm, и это отдельная песня в камне, чем я занималась до. Шри-Ланка — совсем не Индия!

Начнем с того, что цены тут и впрямь пипец. Десяти тысяч на двадцать дней мне явно не хватит. Печаль. Зато вселилась я, как и люблю, в клоповник в заднице и с мальчиками-зайчиками на ресепшене. То ли тут с воспитанием лучше, то ли с сексуальной напряженностью проще, но на меня перестали бросаться. Отлично!

На ШЛ нет такого деревенского мышления, благодаря которому индусам удается устроить в центре города помойку с коровами. Город — это действительно Город. Стекло, бетон, чистые улицы. Да, местами есть мусор, но это не многолетние залежи. Магазины шикарны, дома новые или отреставрированы. В районе пляжа — огромные вычурные особняки. Богатая и современная страна.

Купить ужин себе я не догадалась, а выбирать из хитросплетения особняков на главную дорогу уже нет сил. Обошлась чипсами, одной мандаринкой и спрайтом, купленным на ресепшене. Планы на завтра: быстро глянуть свой район (море), добраться до города, купить билеты, ай, нет, сначала LP, а до него — найти ATM...

В общем, уровень «Индия» complete, босс в лице аэропорта и погранзащиты пройден, да здравствует новая пачка квестов в новой стране!

4 февраля. Colombo

Вышла ночью пописать, а из низа двери торчат усы. Сантиметров десять. Ух ты, думаю! Подергала дверь, из нее выпал банальный мадагаскарский таракан, каких часто заводят дома. Недовольно потряс усами, убежал вдаль.

*В ночи ко мне приполз огромный
Мадагаскарский таракан
Два дня его гоняли тапком
А он был редкий и ручной.*

Да, ШЛ — это вам не Индия. Тут схватить солнечный удар можно на раз-два. С утра купленный литр воды уже кончился, но в туалет не хочется — жидкость моментально выходит с потом.

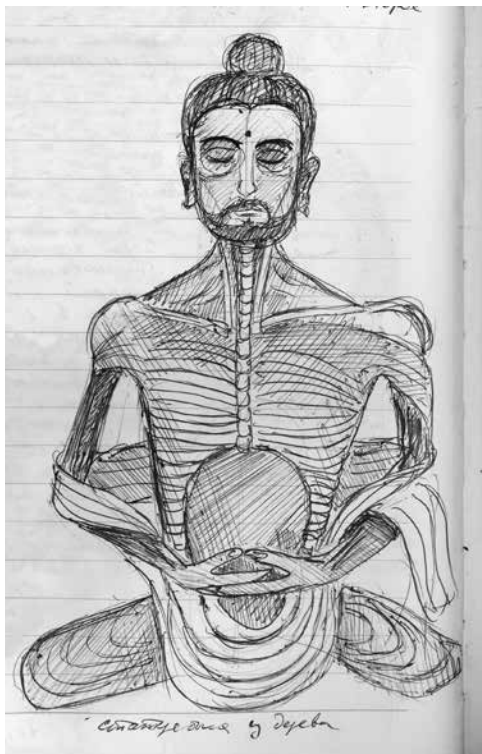
Прямо за моим окном и маленьким заборчиком — рельсы. А за ними — море. Тут много километров так, жд идет почти по самым волнам. Но попасть к морю напрямик нельзя — по обе стороны от заборов идут особняки и guest-houses, с весьма высокими заборами. От моего дома можно пройти через три поворота и узкий коридор на длинную улицу вдоль побережья, а оттуда надо искать щель обратно к берегу. Я бы на месте домовладельцев ставила лесенку через забор.

Сориентироваться в Коломбо вроде бы не сложно — везде же море! Но меня все время куда-то сносит. Эти вонючие зеленые каналы ужасно портят вид процветающего города, в остальном чистого и уютного.

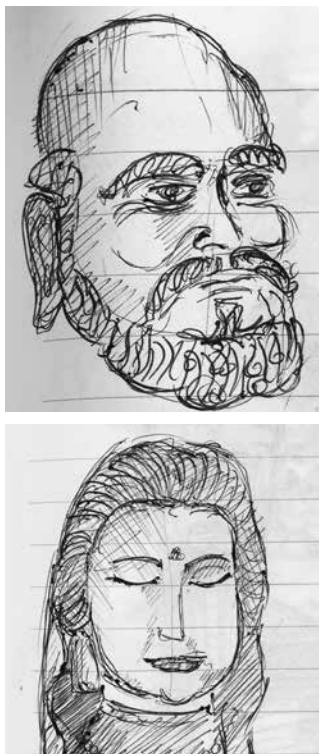
Потрясающая старая бумага висит тут на ларьках с лотереями — на ней печатают результаты розыгрышей и потом она болтается на солнце неделями, превращаясь в прекрасный артефакт. Завела привычку при виде ларька выпрашивать пару ненужных листков. Пачками ее, конечно не дают, но понемногу насобирать на письма вполне можно.

Заглянула наудачу в книжные развалы, спросила LP. И ура! Из какой-то секретной дыры мне достали новый, 2012 года. Отдала я за него почти все, что у меня с собой было, сторговав почти тысячу рупий. Хотя тут преимущественно фикспрайс, но договорится иногда можно. С книжкой под мышкой я пришла в ближайший кабак, сказав, что мне ничего не нужно, только немного прохлады. Ко мне отнеслись с пониманием.

Статуя из дерева.
[слева] →

Интересно, что
проще — норма-
лизовать темпе-
ратуру в орга-
низме, заливая
внутрь прохла-
дительное, или
дать телу сми-
риться с тем,
что нормальное
для него отны-
не +40°? Второе
явно
дешевле.

Как я сразу воспряла духом! Я знаю, где я и зачем я! У меня в руках ответ на все вопросы! Например, тот район, где я вчера начинала искать жилье — известнейший рынок Pettah, а отель, который мне посоветовали (и до которого я не дошла, так как меня перехватил в автобусе доброжелатель) — YMCA, действительно идеален и по ценам, и по расположению. И да, увы — 1500₹ за ночь это действительно дешево по местным меркам.

Пошла бродить и наткнулась на интереснейший музей. По карте сориентироваться пока не получается, а спрашивать уже как-то неловко, после получаса брожения внутри. Экспозиция очень странная — никаких подписей, никакой структуры, все статуи свалены кучей, многие на улице.

В галерее можно найти Будд всех цветов и размеров, витрины со всякой всячиной — наручные часы, россыпи украшений, монеты, какие-то грамо-

ты... Зданий несколько, во втором расположена столовая (это не только музей, но и ашрам, много монахов бродит вокруг в своих оранжевых одеяниях — по сути то же сари, только проще, без вышивки и хлопковое). На второй этаж здания ездит причудливый веревочный лифт. Кабинка из дерева и огромные колеса, приводящие ее в движение.

Солнце настолько яркое, что меня начали спрашивать при знакомстве, не из Японии ли я — ходить с открытыми глазами невероятно трудно. Справляться с солнцем несложно — нужно лишь следить, чтобы волосы всегда были мокрыми, и питьевая вода не заканчивалась. И дорогу выбирать по тени.

Хорошо быть взрослой. Пошел в парк и купил себе на обед сладкую вату и элитное мороженое в рожке. Посмотрим, как это усвоится на жаре.

Сюда хорошо ехать, если ты бизнесмен. Богатый, еще не старый. Метнуться на пару недель в место с хорошей инфраструктурой, вместе с подругой, любовницей или друзьями. Повисеть в кабаках, погонять на кайте, поплавать с аквалангом, загореть, как черт, вызывая зависть у знакомых и партнеров после возвращения. Быть бэкпекером без денег на Шри-Ланке дьявольски жарко, а в кондиционированных местах недорогие соблазны. Пью вот милкшейк за сто рублей, вполне себе московская цена. Ну, ничего, обвыкнусь, уеду в деревню, опять буду жрать, что дают у дороги.

В кафе дяденька из Сингапура и ярко крашенная девочка рассказывают о своих планах. В какой-то момент девочка призналась, что она из Армении («Это такая маленькая страна неподалеку от России»). Я не выдержала, встряла с вопросом, не знает ли она русский. Выяснилось, с акцентом — но вполне бегло. Маленький мир такой.

Одежду тут носят всякую. Я видела много маек со смешными принтами (вчера встретила «Я нелегально скачал эту футболку с торрента», например), самые обычные европейские шмотки. Тети в сари тоже встречаются, но они носят их настолько безукоризненно отглаженными и сложенными, что никогда не догадаешься, что это всего лишь кусок ткани — больше похоже на дорогую офисную блузку. Насмотревшись на красоту, я сделала свое сари по всем правилам, с двумя булавками и всеми складками, горжусь собой.

← Рисовать, стоя на солнце, невозможно от слова вовсе, мозг закипает и требует бежать отсюда немедленно, мешая сосредоточиться на форме и светотени. В теньке покусают комары, но это выдержать проще.

Шриланкийцы, как и непальцы, придерживают руку пальцем у локтя, если вынуждены передавать что-то (особенно деньги). Очень вежливо выглядит.

На Шри-Ланке снова можно заказывать «майло» (Milo, производителя Nestle, азиатская разновидность nesquick) — его тут приносят, как кофе, теплым или со льдом. Так странно вспомнить дни во Вьетнаме, когда я не могла сказать по-английски, холодное мне или горячее, и так радовалась, когда подсказывали «Ice»...

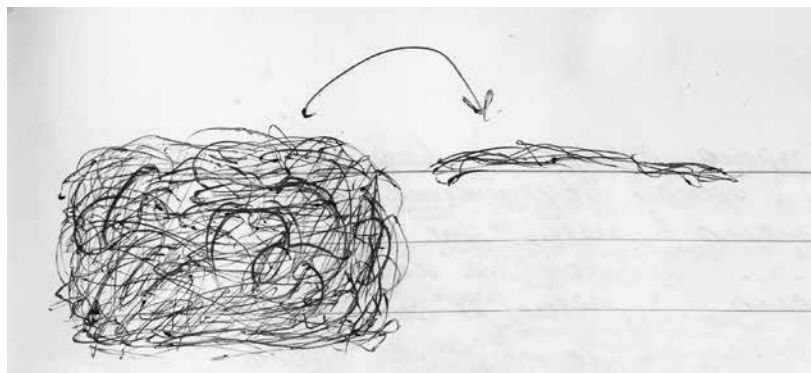
Ужинала я сегодня тончайшей рисовой лапшой, собранной в такие гнезда-кучи, объемные и аккуратные. Оказывается, их кладут слоями — очень удобно, слой как раз на ложку. К лапше подавали рыбку в молочном соусе. Уииии! →

Жара реально лишает воли. Но все-таки все сегодняшние квесты я выполнила. Железная дорога невероятно красива; прямо о нее бьются волны; завтра я покачу по ней, если не просплю. Сейчас еще немного посижу в храме. Церкви тут в основном баптистские, мне не очень близкие, хотя явно больше похожи на мою религию, чем буддистские ступы. Разговариваю с Тем, Которого Нет, обещаю ему не делать слишком уж глобальных глупостей, учиться прощать хотя бы самых близких и прекратить думать о фигне. Он не верит, как Станиславский, и где-то наверху качает головой. Попробуй-ка убеди Бога, ага. Отношение к храмам в целом у меня, как у главной героини фильма «Шоколад»: «Мы не ходим в церковь, но мы рады, что она рядом. Нам нравится петь с колоколами».

Так. Где там этот отель, который я хотела забронировать на вылет?.. Впрочем, фиг с ним. Позвоню туда... +35 меня убило. Хочу в душ и на ручки к ледяному великану.

Водят местные автобусные драйверы очумительно. Сначала они рвут с места так, словно впереди пожар в публичном доме, и они опаздывают посмотреть, как обнаженные красотки выбрасываются из верхних окон. А потом тормозят тапкой в пол перед каждой помехой, будто она внезапно вырастает из земли, материализуется из тумана или падает с неба. Ты то вписываешься в соседа спереди, то падаешь на сидящего сзади, так как предсказать, что произойдет через минуту, невозможно. Очень, надо признать, веселенькие поездки.

Меня сегодня поразило странное галдящее дерево. Сначала я думала, что оно фруктовое, а галдят на нем дерущиеся за еду птички. При ближайшем рассмотрении оказалось, что свисающие фрукты — это и есть «птички», то есть летучие собаки.

Я сегодня какой-то постоянный источник проблем для окружающих. Сначала мальчиков-зайчиков с ресепшена отвлекала от мультика, где зеленое чудовище поливало всех из бластера, потому что мне был нужен спаситель — я дверь классически захлопнула с ключом внутри. Зайчик за полчаса перебрал все варианты в огромной связке ключей и нашел-таки нужный. Потом я создала очередь на волшебной жд-станции (это был такой двухэтажный домик с галерей, а пути от него идут в метре от воды, волны дохлестывают до рельс, прямо как на картинках в путеводителе) — я заткнула собой окошко и долго выясняла, как мне добраться до места. Завтра будет два поезда, шесть автобусов... А под вечер я эпично встряла в интернет-кафе. Никого в сети, вроде бы масса времени, дай-ка, думаю, снимки заодно скопирую, вычищу вирусы и кину их назад. Так они внезапно закрываются в 8pm. И в момент, когда надо было уходить, я вдруг поняла, что фотки вырезала, а не копировала! То есть они — в компе. А утром трейн... В общем, мы еще пару часов трепались с прекрасным мальчиком; тыкали в экран, будто он сенсорный, «тащили» строку состояния, придумывали разнообразные извращения вроде кидания через сетку... наконец смирились и сели обсуждать фотографию и Россию, поглядывая на часы и статус-бар.

В общем, длинный и бестолковый был день. Завтра подъем и дорога, много-много нового. Завтра я увижу настоящую Шри-Ланку!

Утром я рассказывала зайчикам в рамках шутки про ночную встречу с огромным жуком. Они поржали, а вечером выдали мне спрей для борьбы с тараканами. Но это же кощунство, такого красавца дихлофосом! Иду руки мыть, смотрю — снова усы торчат. Здорово, домашнее животное.

По дороге домой вечером я наблюдала прекрасную подземную котовую склоку. Ее надо было обязательно снимать со стереозвуком — было бы отличное кино в стиле гонконгских боевиков: из сточной канавы со страшным мявом взмывает вверх гибкое тело; за ним взлетает килограмм сухих листьев веером; они еще не успевают опуститься, как кот в три прыжка преодолевает пространство до следующей дыры и ныряет вновь; мяв пронесится под землей, листья летят снова... Красота!

5 февраля. Colombo – Kalpitija

Наблюдаю, как рикши-стервятники загоняют отбившегося от группы мальчика-хипстера. Большая русская компания тоже поутру куда-то едет; я сижу в «почечной» — такие всегда есть на вокзале, в какой бы стране ты ни находился, — ем очень вкусную булочку с сахаром и охраняю остатки чая от

ретивой тетки, которая уже дважды пыталась унести мой наполовину допитый стакан. Чай с молоком тут очень сладкий, а стакан — уютный, граненый... Правда, поллитровый внезапно.

Тетя отчаялась отнять у меня чашку, так что просто выписала мне счет еще на 20₹ — как она объяснила мне жестом, «за стол». Я посмотрела на нее ВНИМАТЕЛЬНО, собралась и ушла. Всего час до поезда, потрясающий старинный вокзал — деревянные покатые крыши, маленькие перрончики со скамейками в ряд и встающее над всем этим оранжевое, нежаркое солнышко. Мы с котиком сидим с ногами на скамейке, нам хорошо.

Есть такие вопросы, на которые не знаешь, что отвечать (например, «за мужем ли вы», хотя я о другом). Вот что ответить на «вы художник?» — в общем-то нет, не училась, картины не пишу и не продаю. Но спрашивают-то меня как раз в момент рисования обычно... Люди странные.

Какой потрясающий вагон! Старинный, с открытыми настежь боковыми дверями... Поезда здесь так же рвут, как и автобусы — резко, с места. И тут тепло, тепло, тепло! Утро, еще нет 8am, но солнце уже о-го-го, уже ясно, что через несколько часов захочется, как буйволу, лечь в зеленую жижу и прикрыть глаза. Здесь ровно те запахи, которые оглушают экзотичностью сразу после прилета — травы, солнечного камня, песка, моря, прогретой пресной воды из канала, летней железной дороги — смола и мазут на рельсах пахнут очень специфично... Я впитываю все эти запахи и понимаю, что они стали совсем привычными, моими, сливающимися с фоном, незаметными... Как же это здорово, когда привычное — такое!

Из этой церкви доносится поистине божественное пение, абсолютно не похожее на тот вопёж, который мешал моей беседе с Тем, Которого Нет в Ченнаи. Надо тут как-нибудь попасть на мессу. →

Пока еще только выбираемся из города, но уже подпрыгивается. Поезд будто игрушечный — сидения кожаные, высокие, через плечо соседу не заглянешь. Но при этом очень маленькие, скамейки-полуторки, а не на двоих. Я нагло заняла целое «купе», а дедушка, который иногда со мной перебрасывается парой слов, поставил свои вещи на соседнюю со мной скамью: «а то сядет какой-нибудь лоботряс». Ему за 70, на вид не дашь и 50; его дочь

вдвое меня старше. Я не боюсь старости, я слишком много видела прекрасных стариков.

Наш поезд почти пуст, а электрички навстречу наоборот, полные — парни радостно висят в дверях гроздьями, и никто на них не ругается, не говорит, что опасно. По-моему, подобный риск — это личное дело каждого, а наши опасливые европейские правила скучны. Впрочем, у нас другие скорости...

Мусора вдоль дороги почти нет. Причем валяется старый, по чуть-чуть — то есть это не свежееубранное, а просто не бросают вообще. Во всем чувствуется, что страна маленькая. Не сложно сохранять ее аккуратной — людей не много, все свои.

Люди в ожидании поезда часто спрыгивают с платформы и становятся с другой ее стороны — штурмовать вторую часть открытых дверей. А платформы поросли ковром травы и местами — цветущими кустиками, выпирающими прямо из растрескавшегося асфальта.

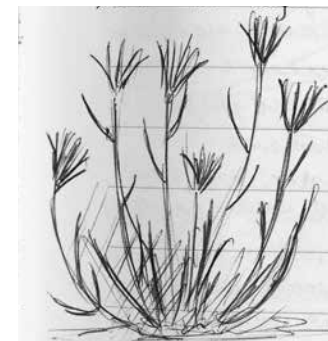
На табличках с названием станций обычно пишут еще и уровень над морем. Например, сейчас мы проезжаем HORADE, всего 12 м. Станции расположены часто, едва ли ни через каждый километр. Как же прекрасно, что в нашу сторону едет не так много людей, как в обратную! Подавляющее большинство мужчин и мальчиков одеты по-офисному — рубашка, черные брюки. На десять офисных зайчиков проносится один раздолбай в шлепанцах и джинсах. Многие на длинных остановках сбегают из нашего тормозящего поезда в более юркие попутные электрички. Замечательно. Я никуда не спешу. Мне хорошо.

Полупустой поезд с открытыми настежь окнами и дверями, пронизанный солнцем и ветром — что может быть лучше? Полустанки пустые, от паровоза пахнет нагретым воском, переезды звенят нам навстречу, с двух сторон домики, поля и сады.

На одной из станций отлично решили вопрос перил, приделав на столбики горизонтальную рельсу. Крашеную в белый. Красота.

← Билет на поезд. Эти невзрачные картонки еще и отбирают на выходе.

← Такими метелками порастают платформы.

Стали ходить торговцы, обогатилась гуавой. Юноша попытался завязать со мной разговор, вывесившись из двери в мое окно. Отвернулась. Хорошо, что они тут отлично понимают намеки. Выглядывать, правда, не перестал. Ничем не могу ему помочь — он сам уничтожил все шансы, что я захочу тратить на него блаженные солнечные минуты, выкинув пакет с недоеденными чипсами под откос.

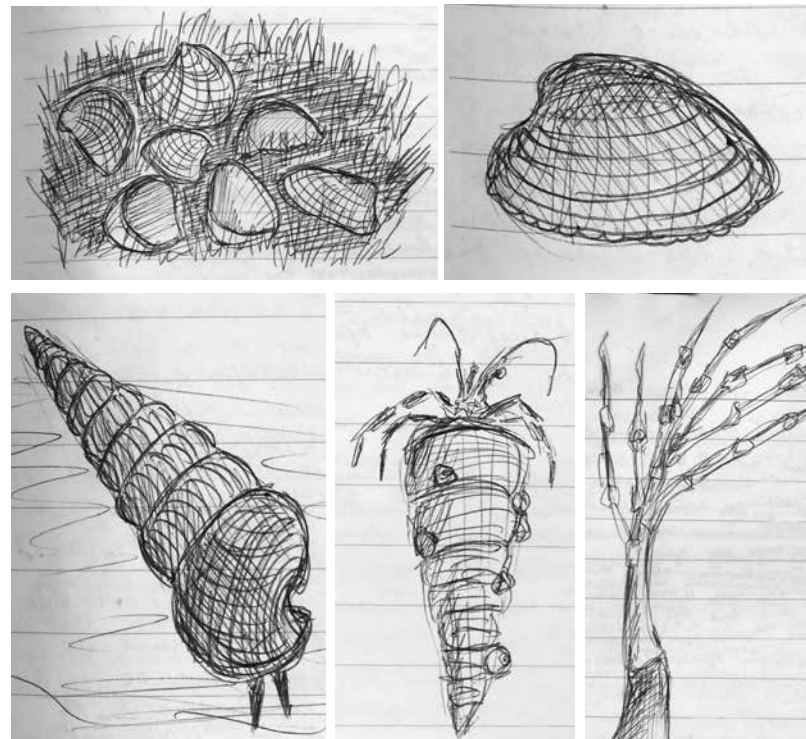
Отъехали подальше, вместо особняков стали попадаться мазанки. На платформах уже не убирают так чисто — мусора по-прежнему нет, но много мелких сухих листьев. Едем мимо, а они взлетают маленькими смерчами. Позднее лето, по ощущениям; конец августа, месяц до осени... до зимы, в моем случае.

Самое забавное, что игра эта максимально приближена к реальности. Одна из этих пыльных полузаброшенных станций — моя, но над ней не будет светиться неоновая вывеска, и если я ее проеду, никто меня не остановит... Однако, стоило задать пару вопросов, и игра вновь стала игрой — все прислушивались к моему диалогу с соседом, а кто не услышал, переспросил после, так что неоновая вывеска была, потому что за две станции до нужной весь вагон поднялся в едином порыве: «Тебе выходить на следующей!»

Автобус оказался совсем рядом — в конце прожаренной, иссушенной солнцем платформы. Успела купить мороженое и по головам погрузиться, даже села.

Кальпития — деревня. Милый и уютный поселок с особняками и домиками, стоит на тонком перешейке между заливом и морем. Я побродила, выбрала едальную. Проигнорировала суетящегося зазывалу («Мадам! Друг! Заходи!»), сделала выбор в пользу молчаливого дяди, который без всякого английского объяснил, что риса нет, но можно веганских пирожков, йогурта и чая. Йогурт внезапно оказался и впрямь йогуртом, а не сметаной, как в Индии. Очень густой, можно перевернуть и оставить куличиком на столе; вкусный! Я соскучилась по кисломолочке, а йогурт восхитительно-сливочно оттеняет остроту пирожков.

Пробежала с рюкзаком еще пару километров (странно, что никто из рикш не стал говорить «далеко, мадам, давайте сотню» — просто лениво махали рукой, мол, туда). По дороге познакомилась с шикарным шриланкийцем — по ощущениям это, как если бы со мной на улице Киркоров заговорил. Сделал водителю знак развернуть машину, на идеальном английском поинтересовался, зачем я иду туда, если нормальный пляж с другой стороны. На ломаном стронг-рашен (с жестами для убедительности) показала, что не страшно, переплыву. На этом тонированное окно закрылось, вежливо буркнув «удачи», и облачко парфюма с завитых волос смешалось со взметнувшейся пылью.

← На остров видимо все же приплывают рыбаки — в траве попадаются старые развалы сотен и сотен ракушек. Еще тут ползает масса ракушечников и есть крабы. Теоретиче ски... но нет. Дров мало и без специй будет гадость. Пусть живут. ...а в некоторых старых домиках — новые владельцы! Быстро бегает, если отпустить.

← [внизу справа] Некоторое количество «плавника» и вот такие узловые метелки — вот чем мы богаты. Впрочем, горят они неплохо.

Кажется, я внезапно начинаю получать удовольствие от природы без людей — то, чего никогда толком не умела.

Так что на ночь я заняла остров. Дорогу на него мне показала собака, перебравшая лагуну вброд. Следы говорят, что тут часто бывают коровы, а люди нечасто. Хотя мимо пара лодок проплыла (рыбаки чуть не перевернулись, сгрудившись на меня поглядеть), но я рассчитываю, что им будет лень плыть сюда на ночь глядя за пиздюлями, и я спокойно выплыву. Встречу рассвет — и на автобус дальше. Солнце встает, увы, из-за деревьев, но закат обещает быть классическим: в воду через пальмы. На ночь у меня есть бутылка воды, полпачки печенья и пара йогуртов. Жизнь удалась!

Кстати, а мужик в кафе не взял с меня за чай. Так и показал на пальцах: вот за четыре йогурта, вот за два пирожка, а чай — фиг с ним, это мой подарок. Удивительно много тепла можно выразить парой жестов.

Поплавала в своей «ночнушке», чтобы не шокировать рыбаков. Солнце высоко, она еще успеет высохнуть, если муравьи не снимут с дерева. Плавать плохо — мелко и водоросли, а далеко страшно — сети.

Индийские спички выглядят, как обычные, но их тут ничем не пропитывают. Поэтому они вспыхивают ярко и гаснут мгновенно. А еще тут адов ветер, так что из порченных спичек уже можно самостоятельный костер сложить, а благовоения все не разгораются. Ладно, убедили. Пойду посмотрю, одарил ли Господь этот остров хоть какими-нибудь дровами...

Как же я, оказывается, соскучилась по живому огню... Свечки, конечно, хорошо, но все-таки «живой» — это именно так, когда его надо кормить.

Там, где я грызла печенье — муравьиная тропа. На природе наказание за еду в постели приходит мгновенно. Впрочем, всегда можно перенести постель...

6 февраля. Kalpitiya – Puttalam

Отличная ночь вышла! Правда, я даже на природе умудрилась проспать рассвет — проснулась в еще темноте от того, что в волосах запутался и сошел с ума от паники краб, подбиравшийся, видимо, к соблазнительно пахнущему дохлятиной рюкзаку, а потом сразу в семь, от жары — солнце выглянуло из-за пальм.

Ночью были смешные проблемы. Например, то, что я сослепу сначала приняла за светлячков, оказалась внезапно подступившей под самый спальник водой. Но, как я и предвидела, все-таки на заливе приливы не слишком сильные.

Собака, которая показала мне это место, вряд ли сюда когда-нибудь вернется. Сначала она увидела зеленое, сидящее верхом на человеке и правящее прямо на нее (а там узкая полоса берега, свернуть некуда), облаяла чудовище храбро с безопасного расстояния и отступила несколько поспешно. А наутро пришла на любимый остров, а там зеленое ест человека, и тот даже не сопротивляется. От ужаса она преодолела водную преграду одним прыжком и долго с шумом и завываниями ломилась сквозь кусты... Вообще славно было бы завести какие-нибудь ужасные легенды про остров. Привидения там, энергетика плохая, место недоброе... Но это в дальней перспективе, если часто его использовать.

Распаковала свою кружку из веревок, которыми она была обмотана, подогрела воды для чая. Как же все-таки здорово! Ночью в полуметре надо мной шныряли летучие мыши, а в миллионах световых лет — гигантские огненные шары. Отель тысячи звезд, фигли.

Я — единственный пассажир разбитого автобуса, явно снабженного системой массажа копчика.

Собаки тут такие удрученные, что даже на меня не реагируют. Хорошо!

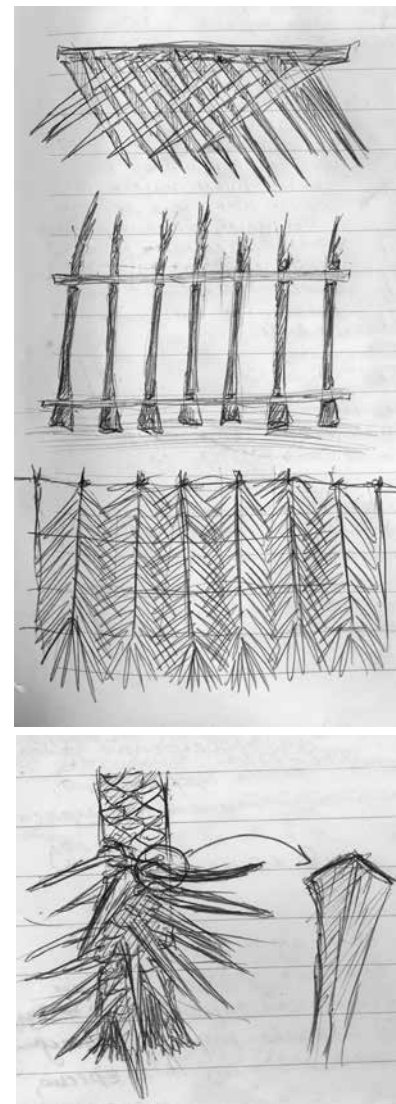
По городу катается машинка с записанной 16-битной мелодией. Это утренний хлеб ездит, его можно позвать — прямо к дому или к магазину.

Даже странно, что здесь так много зелени. Вода-то соленая. Я думала, там одни мангры умеют жить, а нет! Куча всего спокойненько себе торчит, покрывшись белой корочкой. Земли тут нет, трава торчит прямо из воды. Из соленой. Мощная.

Сарунги у мужчин тут очень разные. Много красивых расцветок — в клетку или с орнаментом по краю. Ткань рубашечная и цвета такие же, яркие.

Тут в любом кафе много всякой выпечки. Когда просишь подать что-то конкретное к столу, тебе просто накидывают в тарелку сэмплов всего понемногу. Отказываться бесполезно, они не понимают, почему бы еще не полежать рядом с тобой и не пособлазнять. Платишь только за то, что съел или надкусил, остальное потом раскладывают обратно на витрину.

Я выбрала огромный пирожок с начинкой из омлета. Свежий, сочный и почти неострый. Все время забываю, что заказывая чай на Шри-Ланке, надо уточнить «не сладкий, пожалуйста» — тогда его можно пить, а иначе приносят сироп на молоке.

← Заборы тут преимущественно из пальмовых листьев. То есть основа из проволоки, а сверху такие «шторки». Весьма эффективно, кстати — не просматривается, и я бы не полезла, под ней колючка. Интересно только, коровы эту изгородь не едят? Это же трава. Если сделано аккуратно (а тут все всё делают очень тщательно), выглядит невероятно красиво.

← Да, если кому-то интересно: пальмы не рождаются лысыми. Сначала у них болтаются на стволе огрызки листьев, крепящихся в шахматном порядке. А потом эти сухие штуки отпадают, обнажая ровный ствол с перекрещивающимися шрамами. Отпадению способствуют сеяне, пускающие жухлые пальмы на заборы и расщепку.

В общем, я решила не кипешить и насладиться, и черт с ними, со всеми автобусами, пусть уходят. Так что после еды я купила «полный» билет в туалет за 10₹ и ушла мыться с огромнейшим наслаждением.

Еще пять минут назад сидела, прислонившись к столбу, прямо на жарких бетонных плитках тротуара, и дописывала комментарии к рисункам заборов. Стоящие вокруг явно спорили, студент я или псих, зарисовывать такую фигу. А теперь я снова в автобусе. Да, и на тамильском ананас — тоже «ананас». Только англичане выпендрились со своим pineapple.

Отличная скорость, по салону трепещет женский шелк и волосы, у меня парашютируют штаны, играет местная эстрада — здорово едем!

В зарослях с кувшинками масса птиц. Преобладают все те же белые цапли, но много и журавлей, и огромных, будто бетонных (из-за цвета и массивности) пеликанов. Да, и я уже дважды видела какое-то серое дикое кунье — хорек? Я бы могла сфотографировать это темное гибкое тело утром, он очень близко сидел и оторопел при виде меня, впав в пятисекундный ступор. К несчастью,

у нас с ним случился синхрон, поэтому запечатлен этот кадр — насторожившийся зверек на зеленой лужайке между двух мелких лужиц с чистой соленой водой, залитых рассветным светом — только у меня в памяти.

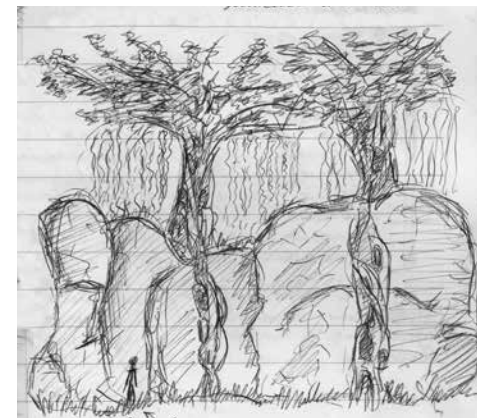
Итак, я заселилась, кинула вещи и поскакала к достопримечательностям, например, водохранилищу. Автобуса в нужную сторону мне нет, это я зря раскатала губы. Зато меня внезапно подбросил драйвер на тук-туке, пояснив, что он не работает, просто катает сына. Вокруг водной глади огромный вал, вдоль идет дорога, а по обочинам насажены невероятно гигантские деревья (акация?), десятки метров в обхвате. Заканчиваются они на невообразимой высоте скрюченными и сомкнутыми мелкими ветками, образующими четкий рисунок. Если лечь навзничь и смотреть в исчерченное небо, можно увидеть там массу разных картин. Tissa Wewa, название этого места.

Vessagiriya оказалась огромным валуном со следами обработки. На ней вырезаны лестницы, местами надписи. Вокруг долина, небо и летают стрекозы, и никого, только редкие коровы и со-

путствующие им белые птицы. И зеленые-зеленые, глазам больно, поля. С рисом. Я улеглась в тени одного из огромных камней, на ложе из другого огромного камня, в котором было устроена специальная выемка, точно в мой рост. А слева от меня выбит желобок, по которому должен был бежать веселый ручеек от местного родника. Вот бы тут пожить!

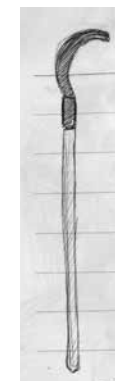
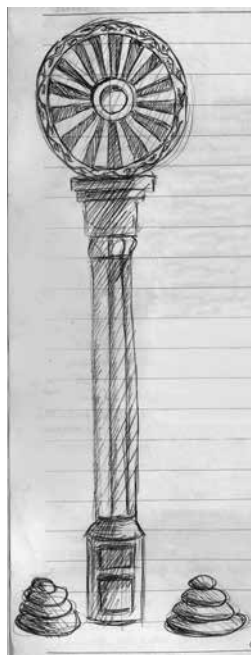
Храм Isurumuni такой маленький. И... лаконичный. Огромные камни, на них ведет каменная лесенка, наверху в специальной нише спит Будда. И пара ступ небольших. А под камнями прямо напротив входа — уютный бассейн с водой, изящно окаймленный обработанными валунами. Вода мутная, зеленая; в ней скорее угадываются, чем реально видятся жирные белые рыбы бока. При их виде невольно слглатываешь слюну — во Вьетнаме так выглядело меню, выбираешь жертву, ее тут же вылавливают, потрошат и жарят на мангале...

После этого места в планах было еще столько всего; но я внезапно устала, вспомнила, что встала сегодня аж в бат и все время ехала, так что пошла в интернет-кафе, где так расхваливала Шри-Ланку, что мироздание решило меня наказать. Я два часа (!) искала свой дом. Стоя у чертовой часовой башни на перепутье

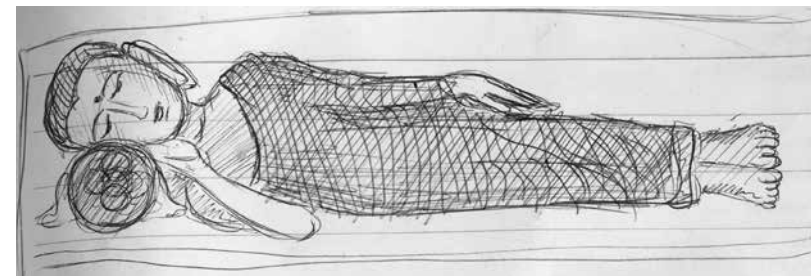

← У многих деревьев-великанов несколько стволов, так что извистие о многолетних медитациях тут кажутся более чем уместными. Действительно, что еще в такой красоте делать? Эти места создавались боженькой с табличкой «думать о смысле жизни тут».

Где бы поесть? А то одни достопримечательности.... →

← Серпами на длинных ручках тут сбивают траву, на пересеченной местности при сорняках с руку толщиной — отличный выход.

Эта странная штука — типичная буддийская «ступа». Ей-богу, одно из самых странных проявлений религии. В этой, например, 60 метров высоты. Wiki говорит, что это реликварий, но в большинстве таких строений нет никакого входа — теперь они выполняют функцию только памятников. →

между Индией и Шри-Ланкой, коррупцию, проблемы безопасности и власти... Мне даже удалось сформулировать философский трактат «о причинах упадка индийского всего».

В этом отеле впервые вертикальный вентилятор. От него холодно, даже если отвернуть его «лицом» в другой конец комнаты. Или это меня знобит? Есть надо, вот что. А то сегодня снова все финансы ушли в интернет. «Миланский банк опять влетел на бирже, и вместо денег шлет вам поцелуи».

На ночь посоветовали закрыть окно и убрать ценные вещи поглубже в рюкзак. В рамках беседы о преступности. После того, как я выключила фен, у меня заболели уши от навалившейся тишины.

7 февраля. Anuradhapuri

Как дура, вырядилась в сари поутру, а потом выяснила, что можно арендовать велосипед. Прямо в отеле. Сейчас дозавтракаю и пойду переодеться. Правда, открыт вопрос, не хватит ли меня солнечный удар, но так на то вода есть. Слушаю, как пожилая немецкая пара внушает что-то портье по-английски. Они говорят так плохо, что я без труда их понимаю. Посове-

общалась то с одним, то с другим драйвером. У перекрестка, как известно, четыре хвоста. Я дошла до конца улицы по трем (!) из них, так как никто не мог мне сказать, где тут fucking shit railway, Под конец вопросов я была злая, как красный перец — даже полисмен, позвонивший со своего телефона на ресепшен моего отеля, оказался бессилен привязать полученную информацию к местности.

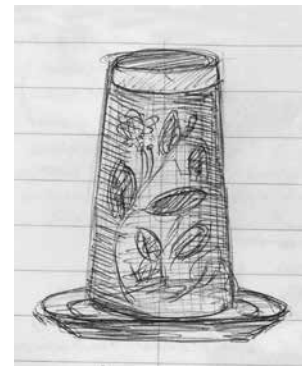
Попав наконец домой, высказала владельцу хостела все, что я думаю о дизайнерах их визиточной карты, где указано три поname bank, два поname temple, и НИ ОДНОГО указания улиц. Приняла душ, остыла, вышла, извинилась за злую истерику («это просто не мой день»), попросила молока. В итоге проговорили два часа, посмотрели репортаж про Украину, обсудили толерантность и слабость индусов, разницу

товала им ехать в Коломбо поездом, так как он невероятно прекрасен.

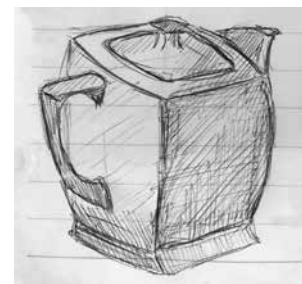
Ого, ну и цены у них в музее! Три с половиной тысячи рупий это почти тысяча рублей! Не знаю, что за сокровища скрываются внутри, и не узнаю — я в безопасности от таких цен, у меня с собой всего одна тысяча. Хранитель музея посоветовал зайти после пяти, тогда он сможет провести меня бесплатно. Но поскольку он присовокупил к этому щедрому приглашению еще и экскурсию по городу на его байке и приватный ужин, пришлось отказаться. Ох уж мне эти пакетные предложения! Первая часть мне вполне понравилась.

С другой стороны — зачем мне внутри? Каждый метр тут буквально напичкан разными штуками. Идея взять велик была прекрасной. Кататься по хорошим дорогам, пахнущим пылью и нагретыми листьями, немного дымом и раскаленным камнем — сворачивать с дороги на тропинки, вьющиеся между деревьями, огромными, разлапистыми, полными птиц и обезьян. Освежать голову под колонками, возникающими внезапно за поворотами; находить описания в LP и совсем другие, нигде не учтенные статуи...

Ждала, пока уедет автобус со школьниками, чтобы глянуть рыночек с фруктами и феньками. Автобус погудел и уехал, я отвлеклась на собаку, вяло огрызающуюся на обезьян. Они воровали у собаки из-под носа объедки и дразнились. Я обернулась ровно в тот миг, когда весь рынок тоже разъехался, разлетелся в разные стороны, как стая бабочек. Оказывается, это были лотки на мотобайках и велосипедах. Остался абсолютно чистый и безлюдный берег водохранилища.

← На столах чудная идея: стакан, перевернутый на блюдце, внутри которого вода и цветы. Смотрится потрясающе!

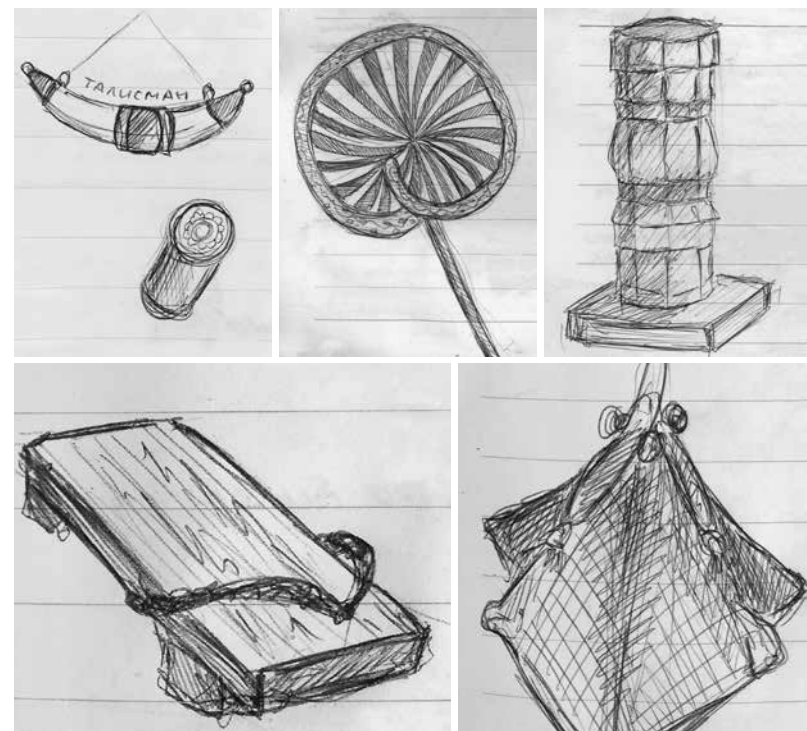
← Принесли омлет (без специй, по моей просьбе), лапшу пластинами, три разных соуса, тарелку фруктов и полтора литра питья в огромном белом чайнике. Пока не выпью, никуда не пойду, клянусь вам всем святым. Завтрак обошелся в сто рублей.

← Экспозиция в саду музея любопытно оформлена. Все бессмысленные древние обломки камня, похожие на бетонные отливки со стершимися изображениями, расставлены на индивидуальные кирпичные постаменты. Если буду открывать музей со странным, позитивным идею непременно.

Трава невыносимо зеленая. Вокруг — холмы и холмики, покрытые этим ковром и немного присыпанные листьями. Я сижу прямо на траве на обочине — немыслимое для Индии непотребство, но тут вдоль дороги не ссаная полоса мусора, а просто пыль и подстриженная травка. Во всяких крепостях мне казалось, что Индия похожа на Oblivion, но нет. Шри-Ланка — больше. Никакого мусора, леса без подлеска, и постоянно отовсюду торчат руины. Так и ждешь, что ступишь случайно в какой-то круг, коснешься камня и — «под вашей рукой камень задрожал, вы хотите получить магическое оружие?»

На моем велосипеде замок очень простой системы, закрывающий колесо. Замкнул, забрал. Ни дерева не нужно, ни забора. Так что я бросаю его и иду бродить по очередной лужайке. Катаюсь я босиком. Над передним колесом есть корзина-багажник (и колесо частенько перекашивает, потому что там сумка, дневник, LP, фотик и литр воды, а теперь еще и обувь). В большинстве мест босиком ходить приятно, особенно на лужайках и старинных кирпичных кладках. Я останавливаюсь, чтобы посидеть в тенике, часто — в компании темнолицых лангуров. Они совершенно не обращают на меня внимания, ходят в двух шагах, кусают друг друга за загривки, перепрыгивают по тонким веткам. Только что на соседнем дереве мама, вальяжно развалившись на ветке, ласково трепала волосы сыну, лежащему веткой ниже. Ногой. Умиротворяющая картина.

Folkmuseum внешне оказался вполне ничего.

← [сверху слева] Похожая на патрон штука — древний тоннель в ухо.

← [сверху в центре] Веер, например, был неотъемлемой частью костюма древнего буддистского монаха (а все его снаряжение состояло из 5 предметов).

← [внизу справа] Сумка для медикаментов из тонкой кожи.

Лангуры прекрасны. Подумалось, что шри-ланкийцы похожи на своих спокойных, самодостаточных обезьян так же, как индусы — на распространенных в Индии развязных попрошайек-боннетов.

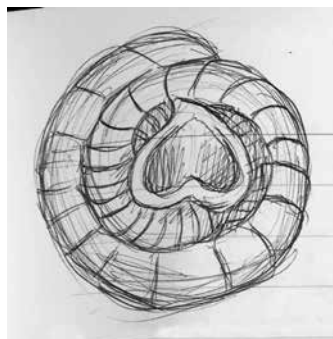
Тишина Шри-Ланки тоже оглушает. И вместо галок, орущих и дерущихся в кустах, тут везде бродят белоснежные цапли. Изредка люди подходят ко мне похвалить рисунки и спросить мою страну. Многие предлагают бесплатно показать что-нибудь, побыть гидом. Вежливо отказываюсь — уж слишком здорово быть тут в одиночестве.

Поэтому мальчику-дизайнеру, пытающемуся со мной познакомиться, я просто улыбнулась, а когда он догнал меня на следующей остановке и стал поджидать у велосипеда, прошла мимо него к священному дереву, не замедляя шаг. С кем-то интересно разговаривать, как с Раджаном в хостеле; с кем-то нет. Ну что я могу сделать.

Очень клонит в сон — везде такая умиротворяющая атмосфера. В туалете мальчик попытался взять с меня 100₹ за вход (и даже показал табличку с такой надписью), но легко согласился, что он охуел, и послушно взял 10₹.

С Раджаном вчера обсуждали мягкость южан; он поражался тому, как русские любят драться. С виду, говорит, могут быть сколько угодно интеллигентные; вон, недавно профессор приезжал, а чуть что — полез оппонента по лицу бить. Пришлось рассказывать концепцию нашего детства, «чо, не пацан, что ли?» и вообще о реалиях dangerous city Москва.

После фолкмузея и еще десятка милых мест я добралась до знаменитого дерева Shri Maha Bodhi. Как обычно бывает с разрекламированными деревьями друидов (см. одноименный мульт про Масяню), оно оказалось ни о чем. Оно вроде как самое старое — но при этом я проехала десятки явно более древних растений. А у этого — монахи, туристы, орды молящихся и гидов. Но зашла все равно не зря — во-первых, попозировала французу с его 5D, а во-вторых, познакомилась с индийским гидом, который по-русски говорит в совершенстве. На мой дневник сказал «нифига себе», дал адрес своего сайта и пожелал удачи. Он сопровождал русскую англоговорящую пару, так что времени на поболтать у нас почти не было. Интересный феномен, что говорить с ним по-русски мне оказалось психологически сложнее, чем на корявом английском — все равно не верится, что кто-то понимает наш странный язык. Хиба объяснил мне, что шриланкийцы спокойнее индусов, потому что они уже с Буддой и им уже хорошо. Больше о себе рассказывать ничего не стал, «на все есть свои причины, сестра» и предложил заходить к нему на сайт.

На ступенях храма вырезаны странные животные, наверное, все-таки слоны, так как у них на темечке (!) собранный в гулю (!!!) хобот. В остальном это нечто среднее между барашком и свиньей, у которого из рта вытекают длинные перила. Почти все крыльца (крыльцы?) вокруг дерева оснащены такими же оградками на две-три имеющиеся ступени.

После целого дня хождения босиком мои ноги оказались чище, чем после хождения в обуви по Индии. Парадокс легко

объясняется обилием тут прекрасной стриженной травки, не дающей пыли поглотить все. Вся Шри-Ланка выглядит, как ухоженные национальные памятники в Индии. Трущоб я так и не нашла — мазанки тут также вылизаны,

как и богатейшие особняки. Мусор порой валяется, но его так и тянет подобрать — ясно, что он тут абсолютно случайно.

Строго говоря себе, что спать на закате вредно, и что накопилась стирка, и вообще дел полно, постелила на пенке и отрубилась ментально. Очнувшись в девять вечера, пошла узнавать насчет йогурта — Раджан извинился, что нет, предложил сыроподобный curd из баффаинового молока. А когда я проканючила, что хочу сладкого, полил мисочку медом и посыпал сахаром.

Да, а снилось мне сегодня, что я предводитель стаи сопротивления оборотней, и у меня есть противник, пытающийся захватить власть. Помню свою пламенную речь о том, что ему бы только дорваться и оторваться, а я радею за интересы семьи. Что это меня в политику ударило? И тема оборотней не отпускает...

8 февраля. Anuradhapura

Интересно, что сам хостелмейстер Раджан — вполне европеец по ощущениям в беседе, а вот его подчиненные зайчики — вышколенные и почти подбострастные — очень местные. Принесли мне чай на завтрак, достали мои объедки от ужина из холодильника, подали это все с набором вилки-салфетки. Касаюсь губами чашки — и понимаю, что это чифирь в чистом виде. Подзываю Раджана, рассказываю историю про тюремные виды наркотиков. Он ржет, подзывает зайчика, строго ему выговаривает. Остатки завтрака я запиваю прекрасным разбавленным чаем.

На почте малолюдно; стандартные конверты — бесподобно-синего цвета с окантовкой. Марки оформлены в виде знаков зодиака. Увидев мой интерес, скучающий служитель показал мне всю папку (несмотря на скопившуюся небольшую очередь), а потом протянул однорупиевую марку — на память.

Заглянула в «парк на реке». Одна извилистая дорожка, тянущаяся по неухоженному, заросшему лесу вдоль бурного грязного ручья. Сюда ходят исключительно парочки; я насчитала больше десятка, пока проезжала мимо. Спугнутые влюбленные недовольно перемещались поглубже — они заплатили за вход специально, чтобы их никто не тревожил.

← Антимоскитный полог в собранном виде.

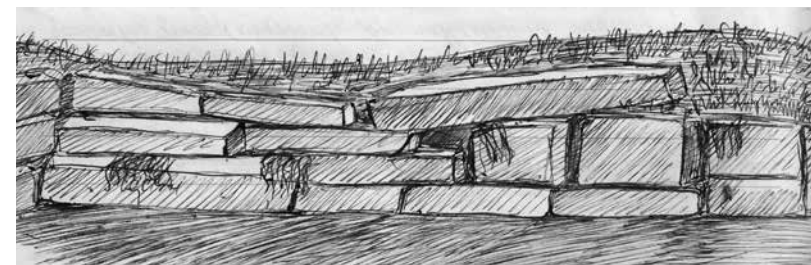
Через реку кинуты бетонные мосты с окошками. Красиво, но на велосипеде со скорости въезжать в узкий проход жутковато, а у меня работает только передний тормоз. Жать его резко — верная дорога к акробатическому этюду «кувырок через руль с последующим приземлением велосипеда на хребет». Если жать его медленно, эффекта нет вовсе.

В парке гигантские, невообразимо раскормленные павлины. И — вот уж вовсе внезапно! — эта дура умеет летать! Точнее, взлетать и тяжело плюхаться на ближайшее дерево, ловко взбегая по нему повыше. Гоняла одного почти полчаса, надеясь получить или хороший кадр, или перо. Конечно, высшая радость была бы пощипать ему синюю грудку, в дополнение к белым перьям недавно найденных обьедков цапли... Но курица была привычна к погоням, перья не теряла, только клекотала недовольно. А пока я развлекалась, боннеты уронили мой велосипед и распотрошили сумку. По счастью, их не заинтересовал ни пакет с флешкой, ни деньги, и даже сувениров они брать не стали.

Побродила по парку, загнала очередного павлина на крышу небольшого егерского домика и устроила ему небольшой инфаркт, внезапно обойдя постройку с другой стороны. Он был уверен, что потрясаясь спрятался от глупой белой самки и выглядывал победно в ту сторону, откуда я, по его мнению, должна была скоро выйти с удивленным от его исчезновения лицом. А потом оглянулся случайно, а там я стою. С фотоаппаратом. В двух шагах. Он поперхнулся, картинно, как в мультиках, упал назад, в полете успел открыть крылья, взмыл в небо, преодолел забор парка и упал на дорогу, практически на лобовое стекло проезжающему тук-туку. Не успела я порадоваться, что теперь смогу полностью ощипать свежую теплую тушку, как он заорал дурным голосом, тяжело взмахнул крыльями, мазнул оторопевшего драйвера по крыше когтями и полетел назад, в родной лес. Засел на дерево повыше и оттуда начал громко жаловаться на преследования.

Оказывается, я осмотрела почти все, что было в городе бесплатно. Вся та часть, что поближе к Цитадели — платная, и является территорией того самого музея, куда я пожадничала идти. Рассказала офицеру, что шриланкийцы слишком любят деньги, он потупился и принялся оправдываться. Впрочем, внутрь все-таки не пустил.

Сиюю возле небольшого резервуара, окаймленного кое-как брошенными каменными плитами. Плиты начали съезжать в воду, поросли травой; вода — зеленая, густая, непрозрачная. В ней живут огромные лупоглазые жабы и быстрые черепашки. А по берегам стоят белые цапли, уже ставшие привычным элементом пейзажа.

В общем, тупить-то тут можно бесконечно, приятнейшее место. Но не пора ли в санки кобылку бурую, и далее по тексту? Попрошусь о чек-ауте прямо сейчас, ну, простит Раджан меня, наверное...

Заскочила в отель, легчайше выписалась — мне просуммировали два ужина, чаи-завтраки и велосипед, сегодняшние полдня велоаренды простили и

еще подарили вчерашний медовый curd со словами, что это был sample. Попросила дисконт за комнату, так как не использовала туалетную бумагу; посмеялись. Я подарила Раджану парочку бумажек с Ганешами и русские монетки, он внезапно посерьезнел и повязал мне на руку яркую фенечку. Сбегала еще раз на жд-станцию, уточнила время поезда — до близкого дома после этого брела добрых полчаса, пешехождение после велосипеда кажется зверски неэффективным.

Наблюдала картину, как четверо щенков яростно облаивали большую драчную кошку. Кошка сидела задом, зад выражал абсолютное презрение.

Интересно, почему я так не люблю таксистов? За склонность ко лжи? За навязчивость? Везде, где я могу без них обойтись, я стараюсь обойтись, даже когда это откровенно неудобно. А уж просто трепаться с ними... Им скучно, и они пытаются мной развлечься, тратя на пустопорожние беседы мое время. Хотя, как навигаторы они бывают незаменимы.

Единственное, что раздражает на острове — насекомые. Комары маленькие и очень кусучие, летают молча, игнорируют все виды фумигаторов, а жалят довольно ядрено.

Добывание билета на полупустой крошечной станции происходило как-то странно. Сначала юноша из открытой кассы отказался мне вообще что-то продавать, постучав по табличке «работает только с шести вечера» (я оценила шутку, поезд ровно в шесть). После некоторого ожидания я заглянула в другое окошко, где зайчик молча пожал плечами: мол, не говорю по-английски. Я начала слегка закипать, и видимо, это как-то отразилось на моем лице, потому что передо мной материализовался какой-то представительный юноша-начальник. Он выписал мне билет, зажал его со сдачей в руке и устроил мне строгий допрос: сколько времени я на Шри-Ланке? Где я была? Нравится ли мне остров? Люблю ли я музыку Шри-Ланки и ее храмы? У меня сложилось четкое ощущение, что при неправильных ответах билет мне не достанется, поэтому я покорилась и отвечала «как положено». Благо, тут было несложно догадаться, что желает услышать партия.

Темнеет, полчаса до поезда. Строгий юноша из окошка внезапно нашел меня на пустом перроне и попросил расписаться. У него на ладони.

Ого! Несмотря на кажущуюся безлюдность станции, попутчиков у меня будет немало — в мою Вавунию идет не целый поезд, а только три первых вагона. Остальные отцепили и увезли, оставив всех людей перебираться и утрамбовываться. Жадно ощупала взглядом привлекательно-пустую подножку локомотива, но ведь сгонят же... Пришлось проломиться и занять место у окна. Напротив, потеснив дедушку, влез милый зайчик, (благодаря его вниманию и

попыткам вежливой светской беседы на станции я чуть не пропустила поезд). По лицу видно — уже предвкушает, как будет коротать поездку за приятной беседой. Ой, что-то я злая сегодня...

Наверное, потому что меня съели. Поезд пришел с опозданием в час, и я успела посидеть, постоять и побегать. Проходящий мимо зайчик поинтересовался, о чем я так напряженно думаю, что не могу усидеть на месте. Пришлось признаться, что я не могу ни о чем вообще думать, потому что москиты. Подсмотрела у тети способ обмахивания при помощи банданы, остро пожалела, что у меня нет удобной маленькой тряпки. Пришлось гулять, небрежно обмахиваясь котиком.

Ну, как бы там ни было — вкусим же прелести ночной электрички!

А с юношей напротив пришлось-таки знакомиться. Он, держа руку по локоть в окне, все-таки не бросил туда бумажку от съеденной конфеты, а вынул ее из окна и спрятал в сумке. Пришлось выразить респект и, конечно, огрести полный набор всего — совместное фотографирование на телефон (почти в темноте, со вспышкой), просмотр его фото на смартфоне, просмотр моего дневника, стандартные распросы, обмен контактами... Разве что пара пунктов заслуживают внимания. Во-первых, он сделал мне подарок — маленький деревянный слоник аккуратно поселился в ряду фенечек. Во-вторых, зайчик не абы кто, а инженер ракетных войск. Показывал мне снимки «я и мой радар»; в поисках бумаги достал папку листов, исписанных мелким почерком и изрисованных формулами, слегка смущенно усмехнулся: «Работа».

В Vavunia я бегло попрощалась и побежала в присмотренный заранее отель. Больше всего он похож на бестолковый бар конца 90-х, с броской мигающей подсветкой, китчевыми арками и крашеными масляной краской стенами. Внутри все то же, но еще более странно; архитектор, кажется, был пьян, придумывая комнаты, расположенные за огромным банкетным залом (зал оказался забит стульями, плакатами и какими-то коробками с украшениями). Всем было не до меня, судя по всему, на утро была намечена свадьба; мне бегло показали комнату за полторы тысячи рупий (чем в общем-то уже удолетворили), отвели на ресепшен записываться... Там я отыскала среди бумаг на столе прайс на разные виды услуг, пробежала его глазами — и объяснила,

тыча пальцем в пункты, что тело у меня одно, и потому две кровати мне не пригодятся, в отличие от лишних 400₹. Девчонки вяло махнули на меня рукой, выдали ключ, полотенце и инструкции, куда это сдавать завтра. Чек-аут в 11am, плачу за ночь я 800₹, нет ни одного повода не выпить!

9 февраля. Vavuniya – Mannar

Отличная была ночь! И никто не ел меня. Поразительно. Проснулась по будильнику в 7am, подумала: «ну не-е-ет, конечно!» — и проспала еще час, после чего обнаружила, что мои часы встали и дальше идти отказываются. Китайский будильник за 35 рублей имеет свои недостатки. В девять я, тем не менее, отклеилась от котика, завернутого в новую наволочку, и пошла искать завтрак, выбрав дальнюю дорогу в город. То есть это я потом поняла, что дальнюю; но городок тут крошечный, так что все равно за 10 минут я добралась до центра.

В забегаловке прекрасный англоговорящий хозяин сразу пообещал мне, что fish carry – самое неострое, что есть в его меню, и дал несколько соусов. Ребята, говорю авторитетно — правильное карри это лучший способ распорядиться рыбой! Нежнейшая, распадающаяся на ломтики, да еще и с лапшичкой...

Интернет тут ищется не так легко, но во всяких печатных сервисах можно попроситься за единственный рабочий компьютер. На клавишах поверх английских букв наклеены местные; скорость немного выше, чем в предыдущем месте (там два поста означали два часа). На фразу «у вас все очень медленно» мальчик открыл мне фотошоп и посоветовал отресайзить фотки.

Юноши-дяденьки разные. Есть зайчики, есть наглые. Один минут пять шел рядом: «Как fuckoff? Почему fuckoff?! Я же люблю тебя!».

До автобуса два часа. Намочила волосы, села на асфальт. Но жара все равно давит, делает движения плавными, словно двигаешься в воде. Лень нападает и клонит в сон. Видимо, это такая специфическая реакция моего организма на мир — спать хочется, если жарко, холодно, скучно, грустно, сыто, голодно и вообще всегда. Спасибо, папа, за гены.

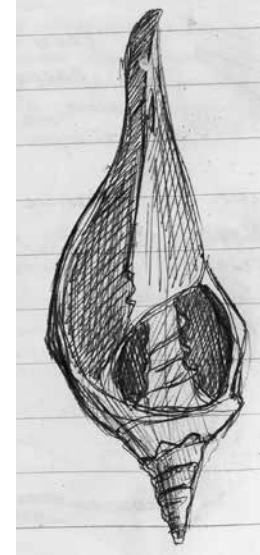
О, как тут охотно подают нищим! Бомжик с детским восторгом в глазах ходит по ряду и глядит, как его рука наполняется монетками. Это, конечно, совсем мелкие денежки, зато их много.

Ой. А потолок в автобусе расписан мелкими пятнами гари. Как под школьной лестницей, где все зажигалками и спичками имена пишут. А тут прямо аккуратно так, пятнистенько.

В городе много-много осликов. У них длинные стоячие уши и грустные морды. Судя по их опасливой реакции на меня, жизнь осла в деревне не сладка. Причем вокруг поселка — огромные поля сочной травы, а они бродят по обочинам и щиплют корни, оставшиеся от подстриженного газона. Некоторые едят картон. А еще есть осла-та! Огромные глаза, челка, как у нестриженного школьника, и милая привычка чесать копытом за ухом. От моего внимания один застеснялся и спрятался в маму носом. Мама посмотрела грустно. Принесу им завтра шкурки от бананов.

Строение у городка поперечно-сетчатое, есть главная дорога и куча ее пересекающих. Система простая, но без карты ни малейшего шанса определить нужное направление. Потыкалась со своим адресом, плюнула и согласилась на заверения драйвера, что он знает «отличное место». В общем, не слукавил. Огромная пустая вилла, холл на два этажа. Я по традиции сняла в ней чулан за 1000₹ в ночь.

После закидывания вещей пошла гулять. Для начала, конечно, форт. Он не очень старый, конструкция из кирпича и бетона, но руинизировался симпатично, до скелета. Форт вызывающе торчал на въезде, так что я сразу положила на него глаз. Внезапно отыскался сопровождающий зайчик на мотоцикле — он долго не мог взять в толк, что белая в одиночку хочет от старых руин. Я ему не мешала ходить за мной и даже отвечала на некоторые вопросы, но скорости не снижала. Когда мы выглядывали в воду прямо под нами из окошка крошечной разрушенной башенки он прошептал «какое опасное место...», и я, каюсь, разрушила всю романтику, рассмеявшись. Вскоре мы распрощались — я собиралась бродить по местным лагунам и заниматься непотребствами, так что нам явно было не по пути. По красивому новому мосту, мимо остатков старого, я догуляла до места, где вода отступила, обнажив

← Ракушки и впрямь занятные. Не лакированные, как обычно, а будто выточенные из старой кости или отлитые из пористого бетона. На сколах видна их изумительная форма.

Если ты интроверт — то поезжай путешествовать в компании. Звучит парадоксально, но одному-двум попутчикам значительно проще объяснить правила общения (не-общения) с тобой, чем всем встречным, да и замкнутая группа не собирает толпы желающих непременно тебя пообщать, в отличие от одинокого путника.

илистое дно. И опять полезла за ограду. Дорога тут многие километры шла между двух неглубоких озер огромного размера, и мне было интересно, что в них можно отыскать.

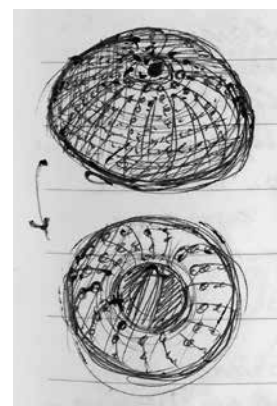
Если честно, находки меня скорее разочаровали. Я рассчитывала на птичьи перья и головы, чьи-нибудь скелеты и какие-нибудь интересные предметы; а достались мне лишь причудливые речные ракушки. Очень старые. Тысячами. И вид хищных мангров, опасно встающих из воды.

Время от времени на дороге кто-нибудь останавливался и предлагал мне помощь. Так и подмывало предложить помочь мне с поисками полуразложившегося черепа фламинго, но я удержалась.

Когда решила, что с меня уже достаточно, просто поймала автобус в обратном направлении. Темнело, я планировала идти домой — но соблазнилась торчащими вдалеке крестами какого-то белостенного храма. Он оказался новоделом со сверкающим Иисусом внутри, и хотя я там не задержалась, к дому подошла в кромешной тьме. И отворот с главной дороги помнила очень нетвердо. Потыкалась наугад, потом какой-то не совсем трезвый и не совсем молодой юноша потащил меня в подворотню, чтобы помочь. Зайдя в самый темный угол, он все пытался посмотреть карту из моих рук, встав при этом как можно ближе; но поскольку пьян был он, а не я, он все время промахивался мимо. Попытке на пятой он понял, что это неслучайно (или просто отчаялся?), так что не стал разворачиваться для очередного штурма и просто ушел. А я вдруг поняла, что подворотня родная. Вот и мой вечно жующий бетель и слова хостелмейстер — я его все равно понимаю, хотя не всегда уверена, что он говорит по-английски.

В огромную ванную я зашла, как свечу держа зажженный фумигатор. Со стен поднялись тучи насекомых — такое чувство, что я пытаюсь совершить вечернее омовение в болоте. Завели бы домашних жаб, что ли, пауки явно не справляются... Интересно, а пауку вкуснее есть комара, насосавшегося крови? Или он содержимое желудка не съедает?

В огромной ванной, поливая себе ~~золотым~~ ковшиком из гигантского таза, поймала мысль «вот это королевское мытье!». Хотя какая-то часть мозга пытается вяло возражать, что «королевское» — это в ванне, с пеной и теплой водой. Сменились приоритеты, ничего не скажешь.

Самые красивые сувениры с морей — это, конечно, коралочки морских ежей. Жаль, они редко сохраняют свои цветные иголки, да и сам скелет весьма хрупкий. Зато у них жваляца во рту, прямо в центральной дырке. Прекрасный подарок. →

10 февраля. Маннар

Раскукожьте мне антикомариную сетку! Почему она у меня baby-size?! Как ни повернешься, наматываешь ее на себя, а радостные комары бегут толпами к тепленькому боку. Жуткие твари! В туалет выбираюсь, как на вражескую территорию. Идешь, а они жужжат, и, кажется, сам воздух звенит. Вроде бы никто не нападает, сидишь — ни одного на тебе нет, как ни смотри. А встал — и задница стала вдвое толще. Так себе выпалась, в общем.

Маннар стоит на краю мира. В прямом смысле — во все стороны от узкой косы с деревьями расположен океан. Я проехала полчаса до деревушки Thahalai. Конечно, основной промысел местных — рыбачье; вдоль берега — полоса хижин. Весь песок усеян просыпанной рыбой, которую не едят даже собаки. Если отойти чуть-чуть в сторону, начинается баунти-пляж — мелкий желтый песочек, небольшие волны и абсолютно НИКОГО. Только крошечные крабики в песке и мелкие рыбешки в лагунах — резвитесь, пока вы никому из рыболовов неинтересны. И гигантские дохлые медузы на берегу. Видела полуметровую в диаметре, и что-то мне подсказывает, что это не предел.

По дороге внезапно наткнулась на девушку Джасмалу («друзья говорят мне Жасмин»). Она гуляла с сыном, помогла мне с ориентацией в поселке — а после внезапно пригласила в гости, «когда нагуляешься по берегу». Проверила, что у меня с собой есть запас питьевой воды, объяснила, как найти ее дом и отпустила. Я отошла довольно далеко — рыбачья деревня превратилась в легкую дымку на горизонте. Песок густой, плотный, не проковыряешь с одной попытки. Жара.

Как было бы скучно жить, будь у меня обычные друзья! Просили бы они магнитиков привезти или еще чего. Так нет же. Ирка хочет черепов, Ася — ткани; отец Андрей — заспиртовать редкий цветок с определенного дерева (верхние листочки и цветы), Иероглиф — два литра кока-колы в стеклянной бутылке для коллекции... Веселье!

После возвращения в «цивилизацию» зашла остудиться в местный магазин (его Жасмин указывала, как ориентир). Торговка поставила мою воду в свой холодильник, дала йогуртов, и мы начали обычный разговор. Люди тут легкие, так что расспросы скорее похожи на пинг-понг. А где была? А мы тоже. А семья есть? А так и не скажешь, да. Какие планы? Над прилавком развалы пакетиков с Milo, десятки и сотни сложены в причудливые композиции. Тетя из Берута, «А моя мама — из Индии. Я наполовину индийская подданная». Пухлощекая клиентка зашла, отдуваясь, села на стул, потребовала чая. Тетя кивнула мальчишке, тот быстро обслужил, забрал купюру. Торговка очень

по-русски всплеснула руками: «Тысяча! Да куда же я ее!» Такое все домашнее.

На пляже рыбаки тоже совсем не приставучие. Солнечные, приветливые. Попала на возвращение лодок с рейса — на берег пересыпают рыбу из корзин на носу лодки в огромные баки, которые потом уносят по двое, на больших деревянных палках. Женщины сидят под навесом и чрезвычайно быстро чистят рыбу: перед каждой торчит вертикально воткнутый в песок нож, об него делают два-три резких движения рыбьей тушкой, счищая чешую, потом отбрасывают ее прямо на песок, в груды таких же, готовых, и берут следующую. Все машут мне: как дела? Сфотографируй меня! Посмотри, какая рыба! По-есть хочешь? Гляди, гляди, несут еще!

И вот меня ведут в дом Жасмин. Наконец-то я узнаю, что за изгородью из банановых листьев! Ее дом еще не достроен, они лишь недавно вернулись из Кальпитии. Она помнит, как двадцать лет назад им пришлось все бросить — началась война... Вокруг дома все засыпано мелким чистым песком. Комната очень простая — бетонный пол, старая мебель, холодильник, телевизор. Стены грубо побелены, местами явно нуждаются в шпаклевке. Но в доме только один мужчина — отец; довольно пожилой дядечка. Братья-рыбаки Жасмин давно женились и уехали строить собственные дома; они с мужем разошлись, некому помогать в ремонте.

По телевизору показывают фильм, в котором счастливо женатый мужчина вдруг пристрастился к бегам и проиграл женины украшения. Ребенок

катается по комнате на трехколесном велосипеде. Хорошо им строить, в вечном лете — стропила уходят вникуда, между крышей и стеной дыра, а по периметру дома специальные кирпичи с отверстиями — красиво и вентиляция.

От сладкого кофе меня быстро срубило прямо перед телевизором; Жасмин попросила меня встать, ловко передвинула диван вглубь комнаты, подальше от окон с палящим солнцем, и сделала тише сериал, чтобы я выпалась. Я не стала сопротивляться и проспала чудесных несколько часов, безо всяких комаров, на уютном мягком диване. А потом мы пошли гулять. Ребенок отказался идти ногами, и оседлал все тот же велосипед — и всю до-

Мама. →

рогу нам пришлось по очереди везти его за руль, потому что без дополнительного управления юный шумакер моментально вырубивал в ближайшую канаву. Болтали о профессиях и деньгах, ценах на недвижимость и глупых людских законах. Жасмин показала мне новую часть деревни, где дома стоят еще без крыши, а дворы даже не засыпаны песком. Это муниципальная типовая застройка; купить такой дом вместе с землей стоит вполне подъемно на местные деньги (жаль, не спросила, сколько именно). Под конец прогулки совсем стемнело, мы догнали автобус на остановке и выяснили, что отправление через полчаса. Еще раз зашли домой, чтобы выпить чая — и тут с сынишкой Жасмин случилась истерика. Он заявил, что тоже непременно хочет в автобус и в Маннар. Мама, посмеиваясь, смотрела, как чадо сучит ножками на полу, а потом сказала: ну ладно, поехали вместе. Старенькая мама стала спокойно одевать паранжу: ехать, так ехать, решено.

И мы поехали! Сорок километров! Ночью! Один из братьев Жасмин подрабатывает водителем, мы погрузились в его тук-тук и погнали. Не упускать же случая навестить родственников в дальней деревне. Сынишка на руках у Жасмин быстро уснул и благополучно проспал все приключение. Мы заскочили выпить чая в семью брата-драйвера в соседней деревушке, и я поняла, что такое по-настоящему большой дом. То есть стены-то обычные, но я быстро потеряла счет сестрам, женам, мужьям, золовкам и братьям. Человек шесть одновозрастных взрослых под одной крышей. Мне в руки дали месячную дочку и чашку чая. Я не могла признаться, что впервые держу столь свежего ребенка, пришлось сделать скучающее лицо: мол, ну, еще один младенец! В этот момент я поймала себя на странной мысли, что действительно хочу вот такое, сладко сопящее и хватающее за палец... Беседа в общем-то обходила меня стороной — семья брата не очень хорошо знала английский, да и с Жасмин им поговорить было явно интереснее. А я прихлебывала чай и разглядывала всех по очереди...

А потом была ночь, и безумный ветер; я почти сразу отдала свою накидку ребенку, так что теперь пыталась опустить штору. Тяжелый брезент отхлестал меня по лицу, а после и вовсе вырвался из рук и оторвался со страшным треском. Этот инцидент несколько омрачил радость прощания. Домой попала только в 10pm, где уже заламывал руки мой пухлый хостелмейстер, побулькивая бетелем. Оказывается, он переживал за меня — столь поздний час, а леди так юна и наивна... Рассказала ему историю про семейный вечер, успокоив относительно моего морального облика и здоровья.

Да, совсем забыла — Жасмин сделала мне очумительный подарок, местную куклу! Обычный пупс, наряженный, как настоящая леди, насаженный

на пенопластовый рыбацкий буюк для пышности. Как же приятно встретить сестру на другом конце света...

Да, про еду. Помимо рыбы-карри, которая встречается только в более-менее дорогих кафе, здесь едят пирожки. Активно и повсеместно. Рулет без панировки — говядина с картошкой. Средней остроты, но довольно жесткая и сухая. Треугольный конверт с панировкой — картошка с яйцом, ужасно вкусное и неострое. Треугольник без панировки — как правило, овощи чудовищной остроты. Важно не перепутать.

А сладости у них несладкие (что неудивительно — при таком-то чае!) Шарик вроде бы похож на индийский — правда, тут он с вкраплениями ЗЕЛЕНОГО, а сверху еще посыпан зеленым сахаром с солью (!), но на вкус он практически никакой. Та же, как я понимаю, гороховая мука, только без сиропа на финишном этапе. Сироп — это чай, заливать прямо во рту. Я осилила половину и решила, что достаточно сыта, чтобы не продолжать.

Причем забавно — днем-то комаров действительно нет. Ни одного. Зато черный шевелящийся от мух стол в кафе — обыденность. Начинаю относиться к ним значительно лучше, чем к неприметным москитам — потому что на их тихий звон тело, истыканное жалами, уже реагирует неадекватно на чисто рефлекторном уровне. Хочу ручного хамелеона. Или лучше белую цаплю? Отличный план, будет бегать за мной и скусывать негодяев...

11 февраля. Маннар – Jaffna

Обидно — на десять минут разминувшись с автобусом, хотя пришла довольно рано. Мне посоветовали private bus, я недовольно буркнула что-то про туристические сервисы и пошла ждать целых три часа local bus. И внезапно нашла стоянку тех самых автобусов — оказывается, местные на них тоже катаются, они не только для туристов; гм, ну фиг с ним, зато уеду. Правда, тут играет радио гангамстайл, но я его или сломаю по дороге или выключу. Из еды только вода — может, еще принесут что-нибудь? А то частная автостанция девственно пуста, никаких ларьков, вылизанный пустырь.

Вот как так получается, что одна и та же раздражающая композиция (на фоне умцы-умцы повторяется одна и та же фраза про money) играет несколько раз подряд на РАДИО, где вообще-то ничего кроме рекламы обычно вторяться не должно?!

Носят кукурузу (так и не научилась есть ее вареной) и арахис (купила немного, а то совсем оголодаю). Рядом села интеллигентнейшая девушка в сияющем белизной платье. Если она будет меня о чем-то спрашивать, открою

наглоответник в конце книги. Я там записала монолог: «Я знаю, чего бы вы хотели спросить. Да, я из России. Нет, не замужем. Да, путешествую одна. Меня зовут Ginger, и я фотограф. Еще что-нибудь?». Чистенькие девушки спрашивают обычно о моей жизни так, словно исполняют обязательную, но не очень приятную работу, заданную нелюбимым учителем. Зачем вот? Не можете придумать, как использовать меня с удовольствием — не мучайтесь, никак не используйте.

Интересно, почему психологически проще дать денег тому, у кого они уже есть («на проезд не хватает 20р»), чем тому, у кого заведомо нет? По принципу неподдержания бессмысленных членов общества?

Поездка длинная, останавливаемся поесть. Яичную лапшу даровали этому острову боги; а дьявол науськал наивных людей поливать их соусами, готовясь к геене огненной. Пообедала на 30₹, еще на сто купила мейла. Счастье есть!

Вдоль дороги — тысяча мелких водоемов с птицами. Белые цапли преобладают, но вспархивают и кингфишеры, и зеленые попугаи (стаями!), и дикие курочки; куропатку видела, и парочку чинно прогуливающих павлинов, и огромного серого аиста, и красноклювых вьюрков. Пахнет какой-то летней травой, не то сиренью, не то полынью; если закрыть глаза, тело сразу определяет время, как начало июля — все экзамены позади, последняя линейка тоже, осталось книжки сдать, и целое лето впереди!

В автобус ненадолго вплыла пухлая тетя в ярком сари; за ее подол цеплялись два маленьких пугливых детеныша, а она сама просто излучала спокойствие и счастье. На обнаженной черной руке — серия параллельных шрамов. На левой. Была небось анемичной хрупкой девочкой с тонкой психикой; курила, глядя в окно, чувствовала одиночество, резала руки... А потом вышла замуж, раздобрела и научилась лучить, всем на зависть.

То, что я называла серым аистом, судя по клюву, скорее фламинго. Серое и огромное.

Здесь как-то жутко метят скот — шрамы через всю спину. Выжигают? Вырезают? И зачем такие огромные буквы — неужели кто-то ворует коров на запчасти? Или они их потом с самолетов отслеживают?

Мой новый отель стоит как-то за пределами — аж 2000₹, да еще за обслуживание 10%. Убедить их не включать хотя бы эти ненужные функции не удалось, но комната так прекрасна, что я не нашла в себе сил отказываться. Второй этаж, два окна, огромная двуспальная кровать (ура, спать поперек! — интересно, а москитная сетка у них тоже двуспальная?), в ванной два (!) душа, оба холодные; все идеально белое и чистое. И прекрасное песочного цвета полотенце.

Я выспалась, перекинулась в индуску и пошла покорять город. Начала с ресепшена (дама на нем сделала потрясающее восхищенное лицо), продолжила работниками ресторана. Они суетились вокруг меня, пододвигая стулья и раскладывая меню, а я соображала, на что мне хватит денег — взнос за отель прикончил мой наличный золотозапас.

Конечно, мне не хватило. Пришлось величественно бросить «я вернусь» тоном, не допускающим возражений. АТМ поблизости не нашлось, так что я заскочила домой, наскребла по карманам (и заодно положила упакованную еду). Кажется, мое триумфальное появление с горстями мелочи навсегда изменило отношение этих зайчиков к белым.

Квест про местный форт оказался не так прост. То есть форт-то вот он, но до него ров, пустырь, помойка и писающие водители автобусов, а где вход — неясно. Штурмовать здание, специально создававшееся против таких действий, как-то нелепо (особенно в сари), да и ров слишком зеленый. Пришлось долго обходить. По дороге сообразила, что если он только не стоит 10₹, как туалет, то мне на него просто не хватит; но решила все-таки дойти. Он оказался внезапно бесплатным. После того, как преодолешь могучие ворота, становится ясно, почему — кроме собственно ворот и стены ничего нет. Его медленно реставрируют, благодаря чему абсолютно невозможно поверить, что ему четыреста лет. Если они продолжают реконструкцию металлочерепицей и бетоном, едва ли это ощущение вернется.

На территории форта пасутся коровы, гуляют редкие парочки, местные заблудыги и туристические группы. Особенно живописно выглядит место во дворе, куда вповалку скинули фрагменты стен (некоторые с весьма внезапной внутренней отделкой; лежащий на боку камин или орнамент с потолка поверх явно подвальных кирпичей).

Выходя из форта, решила наконец-то обрести платежеспособность и отыскала АТМ. Впервые видела банкомат-телевизор: пока я искала карточку по карманам, он успел оглушить меня серией рекламных роликов. Потом, впрочем, послушно выдал деньги.

Изрядно попетляв по улицам (в общем-то, даже по одной, если вас не смутит выражение «петлять по улице») вдруг наткнулась на интернет, где не была три дня. Деньги в моем кармане не идут мне на пользу. Сначала высидела 100₹ вконтакте (зато узнала, что моя посылка уже в России!), а потом от полноты чувств купила себе в магазине рулет. Учítывая, что дома еще лежит курица, жест был странный. Первый по-настоящему сытый вечер на Шри-Ланке. Зато в качестве компенсации, видимо, в последние дни перед отлетом в Коломбо буду грызть свечи, оставшиеся с Индии.

Тут роскошные рыбные базары. Я сейчас не о тех, где рыба сырая, склизкая, а торговки сидят все в крови и кишках, отгоняя полчища мух, на грудах чешуи. Такой по-своему тоже хорош, но их я навидалась в Индии. Тут рыночки, где рыбка уже сушеная, под пиво или картошечку, на развес в чистенькие кулечки. Или вот такая — огромная рыбища, ее разделяют в сямскую близняшку и вешают за глазик. Интересно, неужели ее кто-то ест, зная условия сушки? Ведь в деревнях их просто раскладывают на земле...

Внезапно обнаружила, как готовят ту пересоленную смесь, что я ела недавно. Это происходит с весьма специфическим адским звуком. Овощи, лук и кусочки теста бросают на противень (теперь я точно знаю этимологию этого слова) и с невероятно противным громогласным скрежетом рубят и мешают содержимое, поддерживая под ним огонь. В кафе такие звуки просто оглушают, поэтому делают они это не в глубине кухни, а снаружи, в специальной стеклянной будочке — для привлечения клиентов. Ад. Я не могу есть, когда так громко. У меня еда через уши выдавливается обратно. Хотя дело привычки, конечно. Я во Вьетнаме тоже долго кривилась от их «рыбного соуса» (который делается из тухлой рыбы, ее в специальных чанах для этого замачивают), а потом поймала себя на мысли «о, тухлятинкой пахнет — что-то есть хочется» и поняла, что условные рефлекс отлично работают, даже мимо мозга.

Сижу в отеле, наслаждаюсь чистотой и безмоскитьем. Черт его знает, как им это удалось — ни одного комара! В кафе меня сожрали живьем. Лечу себя от паранойи: прежде чем хлопать и чесать, смотрю — а не щекотит ли меня какой-нибудь шевелящийся под вентилятором пакетик? А то тело совсем в панику ударилось, уже везде чешется одновременно.

В комнате сначала ввинтили крючок для антимоскитной сетки (по центру кровати) а потом повесили фен (по центру комнаты). И только после сообразили, что что-то не так, увидев свисающую между лопастей веревку. Перебивать ничего не стали, просто оттянули сетку еще одной веревкой к окну. Перфекционист, лежа на кровати и созерцая эту композицию, должен или впасть в дзен,

или пребывать в состоянии непрерывной ярости. Человек с воображением, лежа на кровати, постоянно будет ловить себя на построении картинки, как порывом от окна веревку смещает на пару недостающих до эпикфейла сантиметров и трах-тибидох, кровь-кишки. Я, как перфекционист с воображением, лежу на животе и созерцаю дневник.

Заземлялка в розетке легко отжимается ручкой. А то, знаете ли, на анти-москитной хрени никто не предусматривал возможность заземления, а без третьего штырька розетка блокируется.

А отель и впрямь крутой. Три этажа, крыша с винтовой лестницей на личную водонапорную башню (то, что я увидела внутри, не перевернуло моего мира, хотя заставило немного иначе взглянуть на параноидальный на первый взгляд совет LP чистить зубы бутилированной водой — видимо, авторы тоже имеют привычку заглядывать в водонапорки). В ванной сделан отдельный сток под раковину (то есть если моешь руки или чистишь зубы, грязная вода стекает по трубе прямо в канализацию, минуя твой взор, а не выливается тебе под ноги в поисках кратчайшего пути к душевому отверстию для стока воды, как обычно). А еще тут впервые за всю Шри-Ланку встретилась металлическая фурнитура в ванной. Везде краны (сами краны, откуда вода течет) пластиковые. А тут нет.

Фиг с ними, с пятьюдесятью дополнительными рублями за обслуживание.

12 февраля. Jaffna

Москитная сетка над громадной кроватью оказалась маленькой и драной — то ли предыдущие жильцы пытались-таки покрыть ею все пространство огромной тахты, то ли факап с вентилятором-таки происходил на ее памяти.

Спала я тем не менее отлично. Успокоенная формальным наличием защиты, вытянулась и насладилась. Снилось странное — действие в декорациях последней серии «Шерлока», Рейхенбахский водопад. Шерлок еще жив, но у него уже проблемы, а я — Ватсон и занимаюсь параллельным с ним расследованием, стараясь не сливать результаты полиции, так как они недвусмысленно указывают на моего друга. Проснулась с цитатой из какого-то древнего (китайского?) манускрипта: «и тогда обезумевшая колонна, развернувшись, приняла собственный отставший хвост за врагов, зашедших с тыла...» Очень как-то эта фраза отражала состояние ватсоновского душевного раздвоя на тот момент, когда честность и собственная логика вступают в аутоиммунный конфликт с любовью и уважением к великому человеку. И выхода нет. Уже открывая дверь на стук, я доформулировала себе: есть, всегда есть выход,

только в жутких, пробирающих до донышка души снах все варианты равновесны. А на самом деле или логика сбоят, или тебе подсовывают лажу вместо исходной информации, или друг твой — не друг вовсе. Нет никакого противоречия.

Открыла с этой мыслью, а там утренний зайчик с горячим чаем. Ой. Поблагодарила (мельком подумав, что даже если они захотят за это денег, я не против), села пить под песнопения из ближайшего индуистского храма. Взглянула на часы — шесть, за час до будильника. Неплохой сервис! Пойду еще посплю.

Сидишь вот так в кафе, а мимо тебя по рядам тачку возят. Нормальную тачку, как на стройке. Пустую — к выходу, полную зелени и овощей — на кухню. В пирожке, где должно было бы по всей их геометрической логике быть мясо, обнаружилась картошка. А в том, где яйцо — тоже картошка. Сегодня не мой день. Главное не забыть, что в стакане с кипятком тебе приносили ложки (чтобы подтвердить их чистоту перед мнительной туристкой), а пьешь ты из бутылки.

А в Джаффне есть женское такси — прямо с женщинами-драйверами! Первое такое место во всей Азии вижу. То есть мне говорили, что это в крупных городах возможно, но я совершенно не могла себе представить их быт. Сидят они, развалившись и цыкая зубом, сплевывая на мостовую в ожидании клиентов? Те, что попались мне, были деловитыми, затынутыми в аккуратную форму.

В Джаффне в основном жилые кварталы, но некоторые эпичные постройки сохранены в откровенно неприкосновенном виде. Например, может вынырнуть внезапно очень старое, пустующее — но охраняемое здание. В одно такое я зашла за спиной полисмена (я практикую принцип «все, что не запрещено лично тебе — разрешено»), побродила, полистала его дневник обходов. Полисмен меня заметил уже выходящей, когда ругаться было поздно. Он немного побелел, поспешно заскочил в дом, проверил целостность своих вещей и совсем расслабился, улыбнулся.

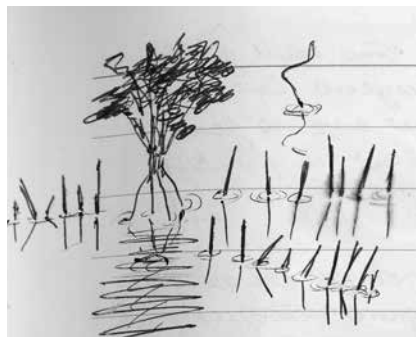

← Большинство руин превращено в стройки. В память о военных действиях осталось очень немного. Может, и к лучшему.

Коров и коз в городе довольно много, но улицы чистые. То ли за ними убирают, то ли за отсутствием куч еды на дороге они бредут питаться (и какать) на газон, где это не так бросается в глаза, но выглядит это весьма приятно.

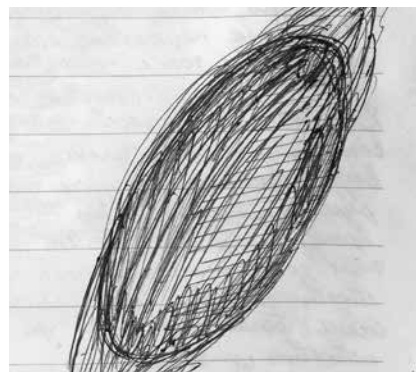
Поймала чудесную картину — несколько дядечек сидят на тротуаре прямо возле магазина и на расчерченной доске пивными крышками очень серьезно играют в какое-то подобие шашек. И конечно, пара зрителей за каждым плечом, «лошадью ходи!»

Единственное, что из товаров на Шри-Ланке лучше, больше, и при этом точно такое же по цене — это внезапно псевдозолотые браслеты наборами. Выбор огромный, и их часто носят отдельно, не прокладывая цветными «прослойками», и только на одной руке. Индусские женщины более формально подходят к ношению таких украшений, пользуясь определенными правилами чередования.

Это мангр. Он сам растет «на ножках», поэтому не боится приливов. А еще от одного куста в стороны жутковато тянутся линии корней — и каждый может стать новым мангром... В общем, джунгли показывают в реальности всякие жуткие фильмы про душащие живые лианы и протыкающие острые ветки. Душат и протыкают, это правда. Но мееееедеенно.

Спустилась попросить немного интернета — волнуясь за судьбу посылки. Пожилой глава зайчиков пустил меня за свой рабочий компьютер, на ресепшене, еще раз выразив свой восторг по поводу моего выбора одежды, и заверил, что вечеринка, которая идет на моем этаже, закончится не позже 10pm. Ребята на «вечеринке» тихонько беседуют под пиво и какие-то снеки, я о них вообще узнала только потому, что столы на веранде подвинули. Так и ответила зайчику.

Косточка от манго, мохнатая. →

А еще! Сегодня! Я наконец-то нашла лоток с восхитительными, желтыми, нежными, мягкими манго! Это было уже вечером, в тьмутараканей дали от дома; я выложила все, что у меня было, и купила два. По десять рублей штука. Если бы у меня с собой была тысяча, я бы сейчас лежала в обнимку с сотней рыженьких и гладила бы их вожделенно. Но мне повезло, я все спустила к тому времени. Спелое манго неописуемо, оно — МАНГО! Чищу второе и подумываю остаться тут еще на один день, найти то место, закупиться, закрыться в отеле — и устроить манговую оргию!

В ресторан сегодня пошла в другой, не тот, где произошел факап с деньгами. Но, видимо, история о прекрасной белой в сари, которая бомжует, облетела город. Прежде чем насыпать мне еды, зайчик трижды уточнил: 200₹, no problem? Я была с тысячей и холодно ответила, что никаких, колы вот еще давайте. На ужин досталась печень и мясо коровы, неострое и довольно съедобное. У меня есть завтрак! Положила пакет в холодильник на ресепшене, зайчики пообещали занести его утром прямо в номер. Спать!

13 февраля. Jaffna – Vavunia – Trincomalee

Никто мне, конечно, ничего не принес — зайчики сменились и забыли. Я встала по будильнику, сама забрала еду. Эта поездка начисто отучила меня доверять свои дела незаинтересованным во мне лицам. Да и заинтересованным тоже.

Девочки здесь носят шарф от сальвар-шамиза, как выпускную ленту — через плечо, завязанным на бедре. Имитируют вид сари, наверное — косой кусок ткани здесь однозначно символизирует женщину.

На вчерашней прогулке встретила улицу гробов. Несколько ритуальных лавок выставили свои «витрины» — пафосные, огромные, красного дерева, пышные, украшенные, резные... Сфотографировала с усмешкой и тут же наткнулась на осуждающий взгляд служителя. Мол, что ты, девочка, знаешь о смерти? А я между прочим почаще о ней думаю, чем многие пенсионеры. Просто не вижу причин относиться к ней с таким пиететом. Жить надо так, чтобы умирать было нестрашно и весело — здесь все попробовал, а как там?

На грузовиках частенько висят гирлянды для удачи — маленькие мандарины (обычно уже ссохшиеся и покрытые пылью), перемежающиеся с красными перчиками. Такое чувство, что этот набор призван вызвать изжогу у огромного чудища, которое может попытаться слопать камаз.

Если кому-то интересно: литр 92-го бензина стоит 162.60₹, литр 95-го — 170.60₹ (делим на четыре для получения рублевого эквивалента). При этом

автобусная поездка стоит примерно 2₹ за километр (как и в Индии, полрубля). Это я на заправке в Вавунии. Мой автобус был первым, что я увидела, придя на станцию.

Здесь такая же система с веревочкой для звонка водителю, но люди сами дергают ее для остановки (в Индии же на это имеет право только кондуктор, замечая просительные взгляды встающих пассажиров). А еще здесь водитель охотнее останавливается, чтобы подобрать машущих на остановке. В Индии расстояния большие, разогнавшейся машине жаль терять набранную скорость (и место на загруженной трассе). Ну и да, шриланкийцы любят резко тормозить, а тут такая возможность.

Интересно, зачем делать 10% наценку на все услуги в отеле? Ведь ясно, что так я буду меньше ими пользоваться. Не проще ли включить эту сумму втихую?

Купила на полустанке сетку маленьких апельсинчиков. Их можно есть прямо с кожурой, она очень тонкая (и пыльная), только слегка щиплются эфирные масла. А еще я наконец-то поняла, что они мешают с таким жутким звуком — оказывается, чай тут в основном делают с добавлением сухого молока, и эти стук и скрежеты доносятся с кухни, когда хозяйка втирает порошок в кипящую кружку. По пищевым приоритетам мне определенно больше подходит Индия!

Помимо кондукторов в автобусах бывают и контроллеры! Вот это было внезапно. Оказывается, кто-то проверяет эти обрывки плохо отпечатанных бумажек с от руки написанными неразборчивыми каракулями (а напиши тут что-то разборчиво, если твой водитель — Шумахер, явно путающий газ с тормозом!)

В основном девушки Шри-Ланки не очень красивы. У них часто куций носик, вздернутый и утопленный в щеках, выпяченные губы и лицо плоское, но не изящно, как у японок, а скорее чуть с туповатым выражением. По-крестьянски. Много полных и массивных, хотя по-настоящему толстых не встречала. Процентное соотношение невероятно красивых воздушных фей с тонкими длинными пальцами и томным испуганным взглядом из-под невероятно длинных ресниц раза в три ниже, чем в Индии. С парнями тоже беда. Но периодически попадают потрясающе красивые дети. Или бабушка вдруг такая, что хочется в мраморе ее изваять с подписью «благородство». Светлокожих среди них тоже меньше, чем среди индусов.

Сию в автобусе. Ни ветерка, кроме легчайшего бриза, включенного специально для того, чтобы пассажиры не забывали о наличии открытой канализации неподалеку. По спине сбегает струйки, мимо уже в который раз проно-

сят орехи. Внезапно прошла пара попрошаек с их специальным звуком «ба, ба!» — невнятным, но требовательным; шлю лесом всем своим видом. Мимо пронесли украшения-штамповки (как в Майсуре, только пожире — похоже на копию, снятую с копии), банданы, обожемой, опять орехи... Как же я, оказывается, соскучилась по дождю. А то dry seasons, ни капли. Кондуктор гуртует девушек в пенджабах, сгоняя бабушек с их насиженных сидений — вам скоро выходить, вот и идите назад. У меня билет до конечной и рюкзак, если кто-то будет спорить; фиг я куда-то с переднего пойду.

Недавно видела не знаю уж кому посвященную lingam&co компанию. Кажется, они продавали фурнитуру для дверей и всякие предметы обихода. Как же прекрасна страна, где возможен бренд «божественный хуй и компания»!

Веревка в этом автобусе дергает электровозок, у которого звук, будто об асфальт разбили какой-то тонкостенный пузырек. Мы снова стоим; все трехчасовые рейсы тут обязательно имеют перерыв на обед возле какого-нибудь счастливого ресторанчика. Я что-то ничего не хочу, даже в туалет не тянет — все выходит с потом. По сути, хочется лишь добраться до места и упасть в душ.

Наблюдаю, как дюжие мужики тягают огромные мешки с сырой кукурузой — свежей, хрусткой, в тугих початках. Ее приносят прямо к ларьку, где женщина томит початки в печи. Оттуда горько тянет дымком. О-о-о, неужели поехали?!

Мимо несутся деревенские примеры изобретательности. Цельнобетонная детская горка, например, или подвешенный на веревочках пластиковый стул — качели.

Благодаря LP можно ориентироваться в городе еще до того, как ты в него въехал. Так мне удалось убедить кондуктора высадить меня на окраине, не довозя до автостанции. Я вывалилась, чувствуя себя вареной кукурузой, прямо к крыльцу потенциального хостела. Sun Flower здесь несколько не напоминает одноименный в Калькутте — всего лишь крошечные комнаты, некогда обставленные со вкусом, а теперь изрядно обветшавшие. С того места, где я сижу, видна надломленная деревянная стойка под одежду, пушащийся лакировкой ДСП-шный стол (заглянула внутрь: в ящике дают представление «плесень разрастается», уже не первый год), обломки карниза над покрытым паутиной изящным резным окном и дыры в стене (под полку?), заделанные свернутой газеткой. Тем не менее, номер все же приятный. Вода из холодного крана идет теплая, дверь закрывается, и стены немного разрисованы предыдущими жильцами.

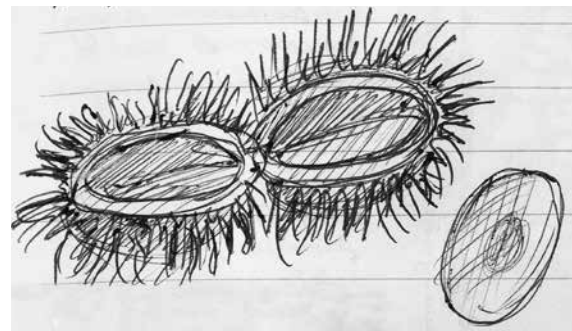
Меж тем налицо дилемма — у меня кончились «домашние» дела, я даже балкон уже подмела, испугав зайчиков просьбой о венике (теперь у меня пол-

ная урна, зато на индивидуальный балкон можно выйти). И еда кончилась. И два часа до заката. То есть все за то, чтобы пойти в город. Но у меня было десять часов автобусов почти без перерыва, и так хочется фыр-фыр-фыр... Подождала, пока голод и логика победят лень, договорилась с ней, что зато никакого сари, и выползла на вечерний променад.

Городок оказался крошечным и безумно приятным. Он вытянут между бухтой, морем и заливом; кругом вода, куда ни пойдешь. Хотела лишь глянуть пару улиц и купить еды, а в итоге выбралась на одну набережную (а что делать? Моя улица в нее переходит), по ней прошла к другой... нашла и форт, и пляж, и храм — ничего смотреть не стала, купила лохматых рамбутанов по 10₹ за штуку и позволила двум группам зайчиков подрасть за то, в чьем ресторане я ужинаю. Победитель тендера был вознагражден картиной «белая наскребает деньги на самый дешевый вариант ужина». После белая внезапно обнаружила запавшие в угол кармана 100₹, расслабилась, и заказала себе еще одну рыбину away.

Рамбутан в разрезе, точнее, в разломе. Пушистый, как новорожденный каштан, бедный фрукт не способен отпугнуть своими нежными иголками любителей сочного. Несмотря на то, что у иголок угрожающий розо-

во-зеленый цвет, на ощупь он мягкий и добрый. Ломается прямо пальцами, а внутри красивая глянцевая косточка в нежнейшей полупрозрачной мякоти. Ярко выраженного вкуса не имеет, но утоляет жажду и вполне приятен.

Консервированные рамбутаны настолько безвкусны, что их фаршируют кусочками ананасов. И зря — теряется вся тактильная прелесть поедания. →

План на сегодня: прийти в себя и написать пару писем. Для них я насобираала сегодня в заброшенном ангаре прекрасной желтой бумаги, фигурно выгрызенной мышами. Да и живу я на PostOfficeRd, как-то негоже не воспользоваться.

Да, абзац для девочек. Прокладки в Азии очень гигиенические, хотя и выглядят, как обычные. Их нельзя, как европейские аналоги, носить пять часов кряду, даже если у вас небольшой объем проблемы. Просто на втором часу средство гигиены расплывается на отдельные кусочки и действительно требует замены.

В моей ванной комнате есть биде. Это уже для мальчиков — потому что использовали его, судя по всему, именно они. Конечно, не для мытья.

Ой, что-то мне совсем ничего не хочется. Унесите мне веки. Пойду допью воду, распакую спальник и посплю. Или хотя бы просто посплю...

14 февраля. *Trinkomalee*

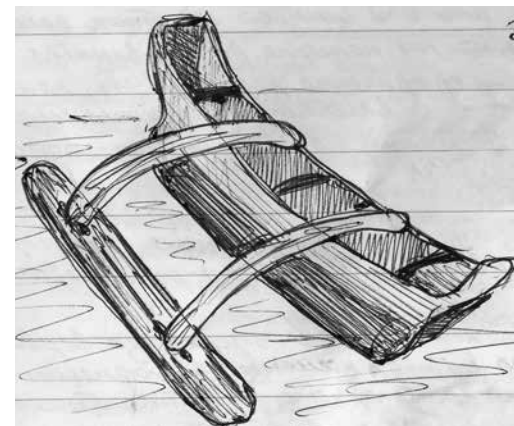
Как же здорово завтракать в полдень молоком, йогуртом и нежнейшим манго! Прямо рядом с домом нашелся прекрасный фруктовый лоток, так что манговая оргия неотвратима. Вымылась, постирала, купила себе еды и снова валяюсь — на все прочее нет никаких сил. Ох уж мне эти женские циклы.

Выставила полную мусорку за дверь, чтобы объедки рыбы перестали озонировать комнату. Спустя минуту началась какая-то неистовая возня. Выглядываю — а там стая ворон распотрошила все, чтобы добраться до вожделенного источника запаха.

Поездов снова никуда нет. Ни сегодня, ни завтра. Специально что ли мне отключают именно полюбившийся вид транспорта? Придется снова пользоваться автобусом... Автостанция радостно заверила, что в нужном мне направлении автобусы начинают снова аж с 4:30am, с интервалом в час.

Посидела на набережной, посмотрела, как мальчишки быстро, опасливо сгибают через забор кладбища, чтобы найти мячик среди пышных бетонных гробниц и кинуть его обратно, перелетев следом. Сразу представляется, как под каждой из этих плит лежат в чинной позе кости, а вокруг — развалившийся в труху пафосный гроб красного дерева. Конечно, полуобгорелые останки в канализацию бросать тоже не тот вариант, но ведь должны же быть еще какие-то способы.

С местными интересно играть в «дерну за веревочку, и ты улыбнешься». По правилам игры надо идти с каменным, надменным лицом, а за секунду до

← Специфические местные лодки — узкие, высокие и с кагамаранной подержкой.

того, как это станет совсем неприлично, вдруг улыбнуться. В ответ расцветают даже самые сумрачные лица. Забавно это делать со стариками, у которых довольно тяжелая мимика, и с детьми — вот уж кто светится, так светится! И еще из автобуса хорошо «стрелять». Иногда даже не видишь, смотрит человек на тебя или нет; улыбаешься, взмахиваешь рукой — и вдруг в ответ такая улыбка и махание, будто Гагарин из космоса вернулся.

Мимо проезжали девчонки на велосипеде. Прекрасный диалог:

— (одна из девочек, глядя на меня, сдержанно) Wow.

— (я, сделав редуцированный книксен) Thank you.

— (девочка, еще более степенно) You are welcome.

Поскольку я высидела в интернете все дневные деньги, ужинать не пошла. Все равно там ничего вкусного. Купила себе, идеально уложившись, воды, пару манго, молока и шоколадку. И белого, слегка подсохшего хлеба. Обычный такой батон. Если бы мое путешествие продолжалось, и меня спросили, что мне привезти, я бы попросила черного хлеба. Галицкого. Свежего...

А еще я устала без работы. Что-нибудь делать руками, чтобы получалось, много часов подряд... Устроиться бы подмастерьем к какой-нибудь горшечнице. Нелюдимая жизнь теперь не кажется такой уж невозможной, на несколько месяцев можно было бы... Но дольше не стоит. Не потому, что я не выдержу — просто это зарывать свою «дхарму», предназначение. Я умею общаться с людьми, умею их находить, умею заинтересовывать и сталкивать с нужными компаниями. Уйти в пустыню надолго для меня — это как врачу плюнуть на больных и пойти цветочки выращивать. Можно. Но зачем?

По моим вещам бесшумно и осторожно бегают полупрозрачный крохотный геккончик. Оказывается, они умеют нетерпеливо подрагивать хвостом, как любопытная кошка. Его цвет — телесно-резиновый, как у силиконовой игрушки. Сквозь спинку и бока чернеет начинка. Как-то раз он поймал бабочку и бегал, как дракон, с торчащими изо рта крыльями. А сейчас его нечем покормить, тут даже комаров нет.

Не думала, что вопрос о мангах когда-нибудь встанет в формате «на-а-а-до сегодня доесть еще одну». Обьедаются любимыми вещами — это правильная стратегия.

15 февраля. Trincomalee – Batticola

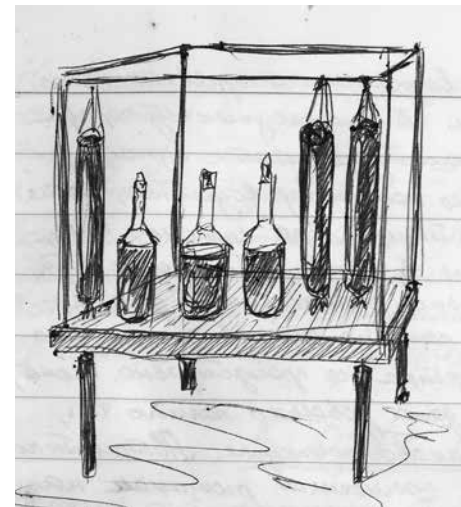
Встала по будильнику. Теперь не переставишь его на 10 минут позже «ну еще капельку» — это безжалостное китайское чудовище не знает таких крошечных отрезков времени и продолжает трезвонить. Пока доедала манго и чистила пе-

рышки, в дверь начал ломиться портье, которому я вчера пообещала чекаут в 8am. Он как-то тупо ломился, не реагируя на мои реплики, что щас покурим и пойдем. Пришлось одеться под аккомпанемент его настойчивого «экскузми!», открыть дверь и высказать то же самое в лицо. Это его как-то сразу успокоило. Не знаю уж, почему не работало через дверь — ночью я прекрасно слышу, как в коридоре мотыльки бьются в стекло лампы, и как ими чавкают гекконы, а уж громко сказанные реплики дверь вообще неспособна задержать. Возможно, портье просто знаком с людьми, способными не просыпаясь вполне внятно на чужом языке сформулировать необходимые фразы, чтобы от них отстали?

После завтрака я успела лишь спуститься вниз, возбудить видом большого рюкзака кучку рикш (они радостно всполошились, вызвав у меня неприятные ассоциации со стаей чего-то мелко-хищного) — и тут же подкатил автобус.

В городе, как и везде, много вооруженных постов с военными, а при поездках из города в город часто проверяют документы — обычно только у водителя, хотя пару раз меня тоже тягали на погранпосты. Никакой агрессии в этих действиях нет, все военные подтянутые, в идеально отглаженной форме, вежливые. Несмотря на обилие пухленьких девочек и довольно-таки полных тетей, все мужчины тут одинаково поджарые. Встречаются и девушки в форме — при виде них вообще умереть можно на месте, такой кавай. Впрочем, зайчик-автоматчик с микрорюкзаком (поллитра воды в бутылке и тысяча карманов), в беспальцовках-перчатках и зеленом залихватском берете тоже неплохо смотрится.

Водитель взял у кондуктора десятку и пошел в храм, попросить богов о хорошей дороге (видимо, это его первый рейс на сегодня). Храмы тут милые, встроенные прямо в ряд домов, с пальмовыми зелеными листьями у входа и связками агрессивно-неспелых бананов. Внутри все время жизнь, прямо неловко заходить и беспокоить — там живут монахи, меняют одежды божествам, моют и убирают, готовят простую еду, чем-

← Иногда попадают ларьки, торгующие газировкой. Помимо традиционно едко-красных и желтых бутылок там еще висят прозрачные малиновые колбасы, потрясающе красивые. Думаю, это те же соки, просто в полиэтиленовом мешке.

то помогают приходящим к ним верующим. В некоторых храмах поют по книжечкам (скорее всего, браджаны — перечисление тысячи имен бога).

Днем и правда чертовски жарко. В туалете на остановке вода из холодного крана шла кипятком — шланг раскалился на солнце. Моя молочно-хлебно-манговая диета продолжается и радует меня.

Хорошая страна Шри-Ланка, все отели свободные! Наконец-то протестировала сеть YMCA, которая есть почти в каждом городе. Это Yung Men Christian Association; впрочем, девочек они тоже пускают. Уже после записи портье вдруг строго поинтересовался, христианка ли я — не замедлила его заверить, что конечно. А фенечки, мол, просто дань уважения традициям Индии.

В этот раз с некоторым трудом смогла объяснить, что мне нужна швабра и тряпка для пола (несмотря на кажущуюся простоту пантомимы, сложно впихнуть неочевидное в чужую голову, а тут мало кому может прийти мысль, что белая захочет сама что-то мыть). По шриланкийской традиции, вокруг одноэтажного отеля весь двор был засыпан мелким песком, что не замедлило сказаться на полу моей комнаты — босиком ходить и чувствовать, как к тебе прилипают песчинки-пылинки, немного неприятно. Теперь у меня отдельная чистенькая многоспальная комната, которая обходится мне в 800₹ в ночь. Я в ней одна. Возле кровати на тумбочке лежит Библия, в закутке рядом со шкафом приютился громадный письменный стол грубого дерева. Красиво.

Сижу на понтоне, поглаживая ладонью россыпи пустых ракушек. Под моими ногами в зеленоватой воде плавают мальки, брызгают в разные стороны от малейшего движения. На берегу только что разыгралась прекрасная сцена взаимодействия двух псов. Пегий играл — припадал на лапы, лаял призывно, носился, как щен, вокруг дерева. Пестрый пил воду, оглядывался на собрата, как на сумасшедшего; брезгливо отшатывался от брызг, которые поднимал буйный сосед. Весь его вид показывал «отзынь». Спустя какое-то время пегий вернулся, уже один, и от скуки начал лаять на меня — прямо издалека, не заходя на пирс. Я не удержалась и поддразнила его всяким уханием и фырканием. Лай стал озадаченным; но намного более странно на меня смотрел, оказывается, через забор местный привратник. Пес в его глазах явно не расценивался как собеседник, так что по его мнению белая так развлекалась одинолично.

Выбралась через хитросплетения местного дачного поселка прямо к морю. Самое красивое, что бросает на этот берег волна — обломки кораллов. Они абсолютно не отсюда. Глядя на эти белые, выточенные штуки, вспоминаются кадры из глубоководных съемок Кусто — тьма, лишь немного рассеивающаяся под самым мощным фонарем; давление, ощущаемое визуально, внезапные яркие краски, плавные движения, бесконечность трехмерного пространства...

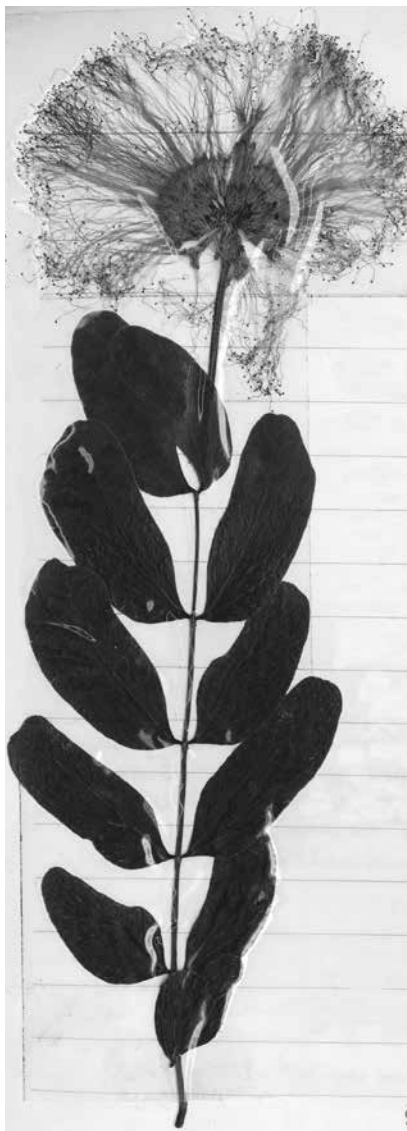
Какие они на ощупь, когда живые? По форме кажется, будто бы мягкие, плюшевые, как рожки олененка. Но сейчас если прикоснуться их друг к другу, они звенят, доказывая свою твердость. Отчетливо ясно, что это лишь маленькие кусочки чего-то целого, при этом сколов нет, везде равномерная «лунная» поверхность. 180

Выбралась из дачного поселка, ориентируясь по солнцу. Черт бы побрал эти стихийные застройки! Невозможно предугадать, сколько раз и куда повернет дорога. Все на Шри-Ланке замечательно, если бы не еда! Ладно бы просто острая была, в Индии вон тоже встречаются переперченные блюда. Но тут курицу, рыбу и мясо обжаривают до такой степени, что если есть это с закрытыми глазами, одно от другого не отличишь. Более того: кости, если попадают, ни на ощупь, ни на вкус тоже не выделяются. Причем, если вы подумали, что это кость такая же нежная, как мясо, то фиг. Взяла сегодня рис (специально обговорив, что это должен быть Plane, а не fried, то есть необжаренный и без всего), с мелкорубленной курицей. Выгрызала кусочки еды из этого костлявого месива, под мысленный аккомпанемент песенки из старого детского мультлика «Тайны старого Лондона»:

*Аристократ себе позволить
может есть цыплят
А ты носись, чтобы
хоть коркой запастись
Удача ждет, ничем не брезгуй,
чтобы набить живот...*

Кажется, сегодня у меня одновременно сломались две опции: наматывания сари и чтения карт. То, что я сотворила с утра с тканью вокруг своего стана, было чудовищно. Оно пада-

ло, разлеталось, комкалось и съезжало. Не уверена, что когда-либо делала хуже. По карте же мне ни разу за сегодня не удалось попасть куда надо, приходилось все время снова ориентироваться на местности; а оба отмеченных в путеводителе интернет-кафе отсутствовали (одно — вместе с отмеченной на карте улицей).

Зато ночью, когда я вывалилась из интернетов под лунное сияние, было здорово. Я, конечно, все равно заблудилась, ушла на несколько улиц дальше; спросила дорогу у интеллигентного зайчика средних лет, он взглянул тревожно: там, куда вы идете, можно пройти, но это опасная и мрачная дорога, там же нет света! Заверила его, что сама свечусь неплохо, уточнила количество грядущих поворотов — и внезапно через пару домов выбралась на шикарный, залитый лунным светом пустырь! При ближайшем рассмотрении он оказался мелким, но довольно обширным озером с камышом. Можно по мне искать воду, как по пруту — меня всегда затягивает в болото.

В итоге потрясая прогулялась под луной по узенькой тропе, вдоль сверкающих водных пятен. А потом выбралась на противную проезжую часть с асфальтом, где машины с байками летят, слепя и сигнали, и по ней добралась прямиком домой. Правда, имела небольшую стычку с

местной пёсёй стаей, и даже всерьез задумалась о том, чтобы устроить ловлю на живца и побить камнями самых скалящих зубы (только надо сначала выложить все вещи, а то я как всегда обвешанная разными сумками ходила).

У шриланкийцев что-то все же странное со вкусом в одежде. Нет, не то, чтобы его совсем не было. Ткани, которые я вижу в продаже, бывают очень красивые — какие-нибудь красные цветы на фиолетовом фоне, оранжево-черные парусники или белые птицы по синему «небу». Но я категорически не могу представить это, скроенное в платье или тунику. А местные — могут...

А еще тут есть мечта гопников — спортивные ларьки. В них продаются наишикарнейшие треники, желтые, зеленые, красные — и все такого блеска, какими бывают жирные телевые ручки «с блестячками». И вот ткань такая же густая, перетекающая — в каких-нибудь Люберцах обладатель таких штанов стал бы королем района, любая цветовая дифференциация обязана признать их лучшими.

Ночью видела храм, забранный в жалюзи по всему периметру. Над запертым входом светилась (!) бегущая (!) красная (!) строка AVE MARIA. Я очень рада, что не доживу до окончательного торжества пластика над разумом...

16 февраля. Batticaloa

Мне кажется, пластинки от комаров тут надо делать не с ядом (для комаров), а с релаксантами (для клиента). Чтобы снять паранойю и спать сладенько.

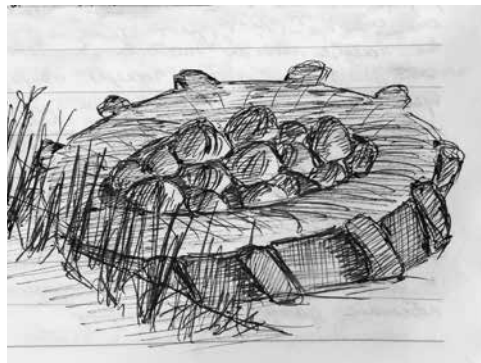
О, можно снять шикарную рекламу антикомарина: дискотека, все танцуют, лишь один стоит в сторонке. К нему подходят: мол, что не веселишься? А он гордо: да мне не надо. Еще раз крупный план дискотеки, и становится видно, что все они дергались не столько в такт музыке, сколько похлопывая себя по всем местам и расчесывая то одну, то другую часть тела.

Научилась ориентироваться во времени с точностью до получаса, просыпаясь в наглухо задраенном помещении. По температуре.

Письма сейчас почти потеряли смысл — осталось всего две недели, а они идут месяц. Получается такая смешная машина времени с посланиями в будущее, где я уже вернулась и все рассказала.

В последнем найденном мною ресторане еды не оказалось, зато прилавки ломятся от тортиков и пирожков. Взяла крошечный с рыбой (запах был, рыбы нет, но все равно вкусно). SweetLassi тут жиденькое и слишком кислое, а его цена составила примерно треть завтрака. Этот напиток почти потушил пожар, оставшийся от пирожка с курицей (в нем тоже картошка заменяла почти всю начинку).

Поезда отсюда есть только ночные, жаль. Напротив вокзала суровая девушка с хвостом натянула на рыбу струны. А здание вокзала старше меня на пять лет — я нашла в нем камень, заложенный министром транспорта, с датой и подробным описанием процедуры.

Опять заблудилась, сижу теперь на берегу, в месте упокоения десятка покрышек — залив, палые листья (фикусу жарко), мост слева, и огромные колеса, замшелые, зеленые, ушедшие в песок и в воду наполовину. Солнце жарит, неа; от тела пахнет загаром и речной водой, в небе облака, нисколько не спасающие от жары, форт неподалеку.

Побродила, попыталась вломиться в форт с заднего входа (красивое место между двух озер, с аркой, запертой изнутри на всякий замок). Тут в ходу забавные невысокие заборчики из бетона, в форме полумесяца рогами вверх. Из таких сегментов состоят длинные изгороди, а внутри частенько, как в люльке, спят местные. Решила тоже попробовать — о, я начинаю их понимать! Единственное, что мне в полной мере помешало насладиться — любопытные огромные муравьи. Они не кусались и вели себя в общем-то вполне прилично, но отвлекали. Через полчаса меня совсем размазало на солнышке, как шоколад, который еще сохраняет форму плитки, но если коснуться пальцем, остается на коже мягким кремом. Зашла в форт, с трудом отыскала кого-то, кто мне может показать, куда идти. Оказывается, «музей» при нем — это открытая галерея вокруг всего здания, по крепостной стене. Она поросла травой (в траве прыгают кузнечики и шепуршат ящерицы) и деревьями. В траве по пояс вытоптана тропа, местами из нее торчат забытые пушки и кронверки. Медитативно.

Как же было бы здорово на всей планете, если бы людей на ней стало на несколько порядков меньше! Я брожу по пустым улочкам, где только изредка проезжают ребятки на велосипедах; возле форта не было никого, кроме служителя, и на станции тоже, и на почте. Ни-ко-го. Не то что очереди нет — вообще. Ни рикш, ни зазывал в кафе, ни бездомных, ни скучающих прохожих... Весь город — тебе.

Нашла единственный супермаркет в городе. Примерно как в «Пятерочке» — тесно, шумно, очереди и коробки. Мне помогли найти молоко (ни за что не догадалась бы искать его в том углу, откуда мне его достали), а потом мой взор упал на консервированную рыбу. Самую банальную сельдь и макрель. Ы-ы-ы, подумала я.

Зайчик за рукав оттащил меня к кассе в обход очереди. Кассир выписывает от руки стоимость товаров на длинную бумажку и считает сумму на калькуляторе. Теперь главный вопрос, найду ли я, где купить вкусного хлеба к моей рыбе? Зашла в знакомый ресторан, и он там оказался! Свежий, мягкий, нарезанный, стоимостью ровно в оставшиеся у меня 100₹ (это уже традиция какая-то, к вечеру выкладывать последние копейки на какое-нибудь завершающее день удовольствие, как вишенку на торт класть). На кассе пока хлопала себя по карманам, наскребая, ребята спросили: а зачем мне хлеб? Торжественно достала местного тунца, а зайчики огорчились: хлеб-то сладкий, с изюмом. Не стала рассказывать, как мы сдобными булочками все студенчество закусывали колбасу и не обламывались, просто забрала у них хлеб, буркнув, что он отличный. Домой бежала вприпрыжку, с диалогом мамы и ребенка в голове: «А ну не рви пакет на ходу, придем домой, откroю!»

И-и-и это было идеально! Только после прохладных вечерних улиц дом, стоявший весь день закупоренным, показался слишком душным. Поэтому проходящие по коридору христианские зайчики видели картину, заставляющую их столбенеть: белая сидит на полу своей комнаты, на входе, в темноте, и жрет что-то с газетки, периодически постанывая от наслаждения.

Если бы меня спросили, я бы объяснила, так как у каждого пункта по отдельности была своя логика. Дверь открыта, потому что жарко, и я хочу включенным вентилятором выдуть духоту во двор. Свет погашен, чтобы не все комары со двора во время ужина слетелись ко мне. Но ждать, пока проветривание окончится, я не могу, так как очень хочу есть, потому и сижу близко ко входу — там, где хоть немного внешний фонарь освещивает. На полу же, потому что не люблю есть стоя, а к пафосному столу не прилагался стул. А крошить на кровать и заливать ее рыбой вообще моветон...

Как жаль, что я торопилась и взгрызла банку сама! Очень хотелось сходить к зайчикам и попросить их «открыть мой презерватив». Давно мечтаю. Ох уж мне эти тонкости перевода.

В общем, наконец-то я счастлива в пищевом плане чуть более, чем вся. Бегаю по супермаркету вдруг осознала, как же я чертовски соскучилась по готовке. Поэтому, чтобы делать что-то вкусное и любимое так, как мне самой нравится, сервировать это все по красивым цветным тарелкам... Ну ничего, оторвусь через две недели.

Меня сегодня вечером преследовал зайчик-маньяк. Он меня дважды подстерегал в темных подворотнях, где я пыталась отыскать обещанный LP интернет, но не успевал сформулировать приставание, как я проносила мимо. Так и не состоялось общение.

Здесь, кстати, как и в Индии, необъяснимо широко распространены крошечные упаковки. Вот даже сегодня мне молоко сначала пытались всучить в пакете 100мл. Интересно, отчего так? Ведь в Индии семьи огромные, нужно бидонами покупать, цистернами. Но почти все продается порционно — шампуни

и порошки, питьевые соки-воды, крема и средства гигиены. Единственное, что встретилось помногу — масло для жарки, в огромных жестяных банках. Может, это связано с тем, что индусы моются снаружи? Чтобы можно было всегда с собой таскать одноразовый пакетик с моющим средством, мало ли где колонка подвернется?

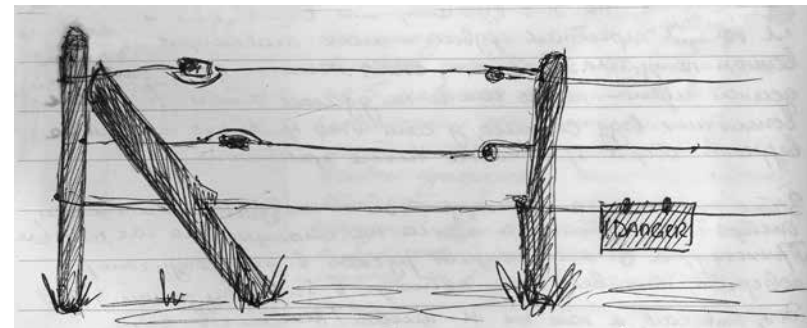
Ох, какой чудесный сытый вечер! И из всех специй — только соль в рыбе и изюм в хлебе.

17 февраля. Batticaloa – Polonnaruwa

Ночью выключили свет. Звучит нестрашно — ну и зачем он ночью-то? Но это означает, что выключили и фен. И комаров перестало сдувать с моего плавающего в собственном соку тела. А утром выключили воду. Спасибо, у меня было привычно набрано ведро. В общем, христиане такие христиане.

Позавтракала манго, рыбкой и хлебушком с молоком, быстро отчекаутилась и отправилась на станцию на час раньше. Прихожу, а ковыряющийся в ухе кондуктор говорит, что всё. Один автобус в 5ам. Следующий — утром. Новым. Э-э, отвечаю, а как же 11ам, мне его вчера все рекомендовали? А, говорит, тогда быстро-быстро, вот твой автобус, гоу на полистейшн. Запихал меня в городской, я ничего не понимаю, но кондуктору на всякий случай эту фразу повторила. Он покивал, выпихнул меня неподалеку от моего дома. Местные на этой остановке расходились во мнениях — кто-то говорил, что автобус тут такой проходит, кто-то изумлялся, что я здесь делаю... А-а-а, думаю. Ну вас нафиг, с вашей странной транспортной системой. Поеду опять в Вавунию.

По дороге еще раз налюбовалась на карту, так что все-таки до этого несчастного городка доезжать не стала, десантировалась в Полоннаруви. Не слишком удачно — сидящий рядом зайчик как-то слишком агрессивно всадил мне локоть под ребра, пришлось отклониться от него котиком, а он решил взломать защиту и полез с комментариями моей карты, которую я разглядывала. Плюнула и вышла раньше километров на пять, решив, что пять километров пешком без советов намного лучше, чем наоборот. В общем-то не прогадала.

← Вдоль дороги часто встречаются изгороди под напряжением. Выглядит не очень дружелюбно. А может, они просто телеграфные столбы слишком глубоко вкопали?

Сегодняшний день как начался слегка сумбурно, так никак в норму не придет. Сразу после выезда на арендованном бицикле потеряла ключ от замка. Дистанция всего метров в двести, проехала раза три там, обнюхала каждый кустик — нету! Какой-нибудь зайчик поди взял на память о пронесшейся белой. Обидно. Решила не проверять, есть ли у сварливой тети на ресепшене запасной — заглянула в мастерскую, где юный зайчик спилил мне старый замок болгаркой за спасибо и улыбку, а после прокатилась аж в новый город, купила там замок. Тетя, прежде чем принять велосипед, дважды проверила, что ключ подходит, но найти место приложения претензии не смогла.

Эти внезапные квесты прилились на самом деле весьма кстати, так как смотреть в городе оказалось почти нечего. За огромным забором с колючкой ВСЕ достопримечательности, вход — тысяча рублей.

Так что я прокатилась по шикарной солнечной дороге вдоль Wewa (водохранилища). В нем на расстоянии полукилометра, а то и меньше, соблазнительно торчал лысый каменный остров; но помимо прекрасного клочка суши из воды торчало много всего —

← Хлеб сплюсцивают в такие склеенные составочки, разделяя, по сколько надо.

рыбачьи сети, верхушки деревьев, кувшинки, лодки и даже головы, так что я решила не лезть в воду, не зная броду. Быть чьей-то пойманной русалкой, конечно, лестно, но не в одной компании с крабами и речными ракушечниками.

По дороге встретила компанию купающихся тинейджеров. Внезапно голых. Чтобы не ломать нежную детскую психику, пришлось разыграть невинность и на их Hello-look-at-me!!! — вежливо сделать ручкой, не оборачиваясь. А жаль, редкое зрелище, я бы пофотографировала.

Водохранилище в местных городках — это очень, очень красиво. Синеющие вдали склоны, острова, осока; солнечная асфальтовая дорога вдоль всего берега, огромные деревья, создающие на ней тень (но не мешающие любоваться видами)... Рыбаки, лениво проверяющие сети, случайные встречные... Огромные серые птицы, в два взмаха оказывающиеся на дальнем от тебя камне... мокрые жопки бакланов, торчащие из воды — сам баклан в это время роет еду в иле и не отвлекается на проезжающих мимо белых.

Все равно на всей этой умиротворяющей красоте для меня лежит печать торопливости. Будто, нажав на педаль сильнее, я быстрее вернусь домой. Словно, намотав пятнадцать, а не десять километров, я сокращу расстоя-

ние до России. Забавный эффект. Приятно, что накрыло лишь за неделю до возвращения.

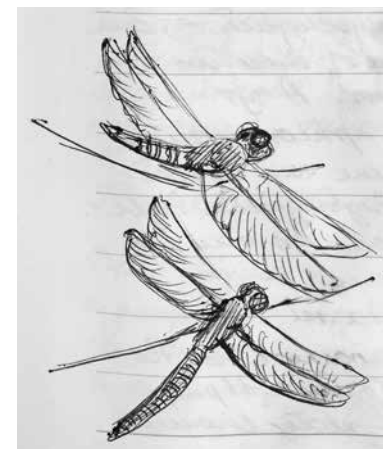
Свернув на небольшую извилистую дорожку, внезапно увидела, как начинались деревни. Прекрасная чистая река, шагов десять в поперечнике; по обе стороны — дома, откуда к воде спускаются уютные тропинки. Дети купаются, взрослые стирают и моются — но людей мало, сточные воды выведены куда-то отдельно, и река действительно манит в нее залезть, пахнет чистой пресной водой. У спусков стоят «отбивальные камни» — на них белье бьют, когда стирают. Моются все, конечно, в одежде (как и в Индии). Рядом с купающимися грелся огромный варан. Конечно, всего лишь ящерица, но размерами — точно аллигатор. Встреть я такого рядом с собой в воде, никто бы не заставил меня повторно в нее залезть.

Вместо ужина по уже устоявшейся привычке купила себе немного интернета; хлеб на третий день так же чудесен, как и на первый; дней осталось всего восемь, паника-паника, надеюсь, культурная столица Kandy окажется тоже насквозь платной и не отнимет у меня много времени.

В этом смысле очевидна разница с Индией. Там интересна обычная жизнь — повседневная еда, работа, транспорт... А тут смотреть можно только на национальное археологическое достояние или на пляжи. А жизнь какая-то безвкусная. В смысле, никакая. Обычная. Неэкзотическая насколько. Разве что вот поезда, поезда — мечта просто! Ну так их нету...

В отеле все краны немного текут. Чуть-чуть, но все три, включая душевой. Выключила там свет, объяснила внутреннему перфекционисту, что это водопасы и нет, мы не будем ночью перекручивать чужую сантехнику.

В прошлом отеле из кровати чудесно виделся угол ванной через открытую дверь, а в нем — два отблескивающих от ночного фонаря крана. Причем если смотреть в упор, ничего не видно, а если чуть-чуть отвести взгляд — разгораются недобро и внимательно, как два глаза. Периферийное сумеречное зрение, будь оно неладно. Раньше я бы все же встала и закрыла дверь — когда засыпашь, контроллер отключается, и порой выползают всякие страхи, незачем их

Видела сегодня кафе «Ambal» и e-mail сервис «Duplo». Без комментариев.

← Стрекозы совсем прозрачные, их издали и увидеть-то трудно. Цветные стеклышки тонкой выделки.

подкармливать. Но в тот раз вставать было как-то совсем лень, поэтому я сказала недобрым глазам: «правильно, бди, охраняй» — и задрхла. Последнее, что я увидела, проваливаясь в сон, была смена выражения опасной морды — со вкрадчиво-агрессивного на озадаченно-послушную. Делюсь с желающими секретом, как в одиночку расправиться с ночными страхами. Делайте их союзниками. Принудительно.

С людьми, вызывающими подозрение, но еще не начавшими активно действовать, эта стратегия тоже прокатывает.

18 февраля. Polonnaruwa – Kandy

Будильник за ночь спятил на целых три часа. Проснувшись в восемь по нему, оценила темноту снаружи и первых прихожан, бубнящих за окном браджаны. Вскользнула в одной простыне в коридор, нащупала стрелки висящих там часов... Пойду еще посплю.

У рикш вид белой, влезающей в общественный транспорт, вызывает такое негодование, будто я из их карманов деньги вынимаю. Призналась им, что еду в Канди, влезла на их глазах в одноименный автобус, вызвала переполох — «Мадам, вам же не в ту сторону!». Не стала уже рассказывать, что просто хочу именно СЕСТЬ в автобус, поэтому не против прокатиться до автостанции и там уже взять нужный мне. Выставила котика в окошко, пусть он сегодня собирает взоры, у меня выходной.

Снилась буйная драка с какими-то мелкими одичавшими леопардами в антураже заброшенной станции метро. Кстати, собаки на Шри-Ланке выглядят так себе, а вот коты, хоть их и мало, мордастые, хищные и чистые. Псы же некоторые шелудивы настолько, что больше похожи на лысых сфинксов; смотришь сзади, а там одни кожаные складки и ни клочка шерсти.

Ужасно раздражают попрошайки с «информационным» сообщением. Мало того, что хотят денег, так еще и голову пытаются забивать своими проблемами (выдуманными, раздутыми или реальными, уже неважно).

Итак, я въехала в Hill Country, и снова серпантины, ура! Гор правда, как таковых пока нет, но зато есть огромные скалы, черные, покатые, ужасно соблазнительные на полазить. У подножия той горы, на которой стоит Канди, есть довольно крупный город Matale — мы проезжаем по Main road, и это просто Мекка какая-то. Целая улица разнокалиберных ларьков — ткани, тряпки, игрушки, парфюмы, фрукты, миски, утварь; изделия из камня, стекла, дерева, золота... Украшения и безделушки, конечно, в огромном ассортименте... надо как-нибудь сюда заскочить — это практически единственный нормальный базар за всю поездку по Шри-Ланке.

Благодаря LP уже второй раз умудряюсь остановить автобус в метре от дома. Всегда бы так. Встала шикарно, возле озера, в потрясающем старинном отеле. Заселилась, как обычно, в шкаф без окон, зато к моему пеналу тысяча рупий / ночь прилагаются все те же места, что и апартаментам за пять тысяч. Кухни с уютными шкафами, «столовая», похожая на кают-компанию, пара балконов с изящно изогнутыми столиками и несколько потрясающих галерей между этим всем.

Соседний номер снимает японка с неприлично красивым юношей европейского вида. С балкона внизу виднеется целая река белых обезьян — еще бы, я в самой туристической части самого туристического города страны.

Я бы с радостью устроила себе сиесту, очень уж хочется

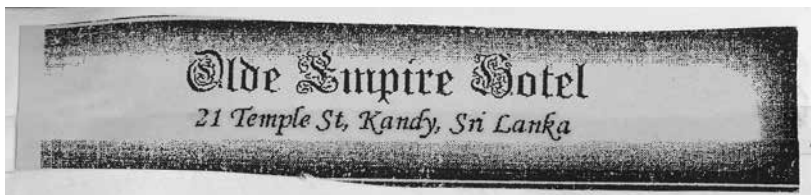

← Не так шикарно по архитектуре, возможно, зато нет налета разложения — все стулья целые, столы не падают, двери закрываются, краны тоже, а на подоконниках и столах стоят вазы и чайники (!) с этими неприлично эрегированными цветами, у которых листья и цветы различаются только цветом.

Особенно внимание привлекают фонари, разбросанные там и сям по холлу отеля. Они все разные и в каждом углу возникает своя атмосфера. →

Этот отель борется за звание самого лучшего за поездку. →

кушать. В моем ресторане, конечно, наценка; да и перерыв у них, до ужина далеко, обед давно прошел... Если бы можно было хотя бы не морочиться с сари — но я не оставила себе выхода, постирав всю альтернативу. Со вздохом лезу в рюкзак за проклятым куском шелка, и вдруг натыкаюсь на позабытый уже хлебушек! Обрадовалась, наелась, запила водой; решила немного полежать, а кровать внезапно оказалась мягкой и пружинистой — практически впервые за всю поездку, обычно это что-то похожее на доску с простыней... Вспомнила картину, которую увидела, заглянув за занавеску в помещение «для стаффа» — там зловещего вида дядя с огромным фаером из баллона (практически огнеметом) жарил клопов по периметру кровати. С этой мыслью и отрубилась.

И никто меня не ел, не тревожил и не будил. Но часам к пяти вечера даже мой шкаф прогрелся. Я проснулась от жары, с трудом отскребла себя от мягонькой кровати и пошла гулять в уже высохшем необременительном белье. Черт, а пошла бы в сари, попросила бы кого-нибудь намотать на шриланкийский лад — девушки тут делают не длинную юбку с большими складками, а крошечные оборки на поясе. Интересно, как?!

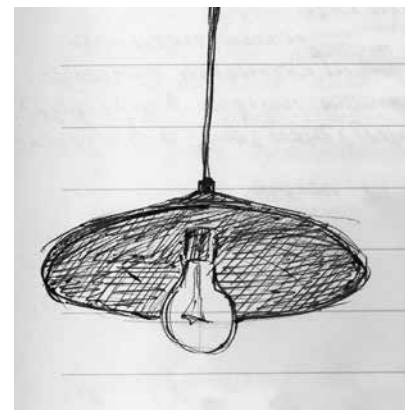
Город очень оживленный. Словно сюда сбежали все те, кого нет в маленьких городках, благодаря чему они выглядят так пустынно. Канди больше похож на Индию — узкие улочки, приветливые торговцы, целые кварталы рынков с тряпками. Наконец-то попалась приличная еда, какое-то подобие Thali — не так вкусно, но можно есть.

А еще в отеле крутые пыльные зеркала на лестничных площадках. Настолько мутные от времени, что сперва принимаешь их за потемневшую картину в старинной раме. Да, а еще с меня пока ничего не взяли. Ни денег (что в целом встречается, многие отели предпочитают оплату по чекауту, чтобы не пересчитывать заново за прочие услуги), ни, что абсолютно уникально и удивительно, паспортных данных. Когда я заглянула на кухню со словами, а не нужны ли вам мои деньги или документы, близорукий пожилой хостел-мастер замахал на меня перепачканными в рисе руками: бог с тобой, деточка, иди гуляй лучше, пока светло.

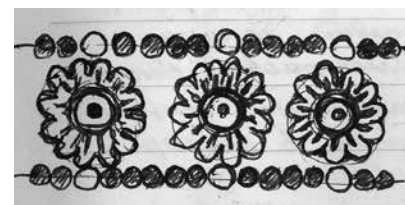
Ужасно отваливается шея и спина. Кажется, они недовольны происходящим ежедневным марафоном. Но чем я могу им помочь? Разве что мягкой постелькой на сегодня.

Кстати, набор бусинок и ниток на руке — довольно частый повод для знакомства. Большинство местных восхищаются и спрашивают, откуда у меня столько. У них тоже принято носить феньку (обычно одну-две), я так понимаю, что их повязывают либо духовные учителя, либо близкие и дорогие люди — как оберег. Интересно, как они трактуют мои завалы? В принципе, оба варианта близки к истине — я действительно посетила в последние месяцы немало духовно-значимых мест и познакомилась с целой кипой ценных людей.

Пока рисовала фонарь перед входом, ребята закрывали ставни на ночь. Хостел-мастер попросил меня завтра выглянуть и нарисовать фасад его детища.

← Лампочка в моей комнате, конечно, совсем не хрустальная люстра. Спасибо, что хоть не Ильича.

← Фенечку я сторговала за треть цены, а то торговцы в конце оборзели. Правда, она стоит своих двадцати рублей.

Композиция из наполненной водой бутылки из-под вина (с тщательно оторванной этикеткой) с чистым стаканчиком наверху, дополняющая неуют моего пения, почему-то вызывает непроизвольное умиление. Возможно, потому что стоит на старинной тумбочке темного дерева? →

А пока — манго! Кажется, у меня новый наркотик. Кокосами я объелась и больше не хочу, теперь задача проделать то же самое за неделю с волосатыми сладостями.

Интересно, а тут не опасаются всяких древоточцев? Это было бы опаснее пожара, если учесть, сколько здесь вкусного дерева...

Наконец-то ничего не наматывается на вентилятор! Тут проблему взаиморасположения свисающих компонентов решили лаконично и изящно — свисает только фен. Впрочем, комары, кажется, в этот шкаф просто не залетают.

19 февраля. Kandy

Любимая тахта, конечно, оказалась с нелюбимыми насекомыми. Адски жгучие тут клопы! Места укусов болят даже наутро. Опять пропустила тонкий момент перехода от «кажется, меня укусили... или нет?» до «боже, боже, я вся чешусь!». Уже на полу выловила на котике одинокого поганца и раздавила с наслаждением; теперь ду-

маю, может, он вообще один был, просто очень агрессивный? Они же такие огромные, где они прячутся днем?

Кстати, активность всех насекомых, комаров тоже, можно придушить, если оставить включенным свет.

И все же в любом отеле его классность определяет персонал. Ну вот в чем была сложность — начать с грохотом чинить стол не в 8:30am, а на пару часов позже? Довести начатую уборку до конца, не оставив кучу мусора и пыли посреди коридора? Собрать нужную зачем-то пластиковую тару не в общей зоне, а в подсобке? Неформальность азиатов иногда странно сказывается на сервисе. Они почему-то уверены, что клиенты тоже люди, и соответственно, поймут. Мне, конечно, такая позиция сильно ближе железобетонных правил, но если я уж ушла из-под открытого неба в довольно недешевый отель, хотелось бы получить за это немного уважения.

Заглянула на рынок, раз попался по пути, купила одно гигантское манго (они стоят не штучно, а на вес); поезда есть, ура, завтра будет хороший день на колесах. Пока же бреду по серпантину, какой-то извилистой тенистой дороге

над озером. Очень жарко даже для меня, за час выпила литр воды. Витиеватая тропа приводит то к храму с белоснежным Шивой, то к стойбищу рикш на фотоэлементах (когда проходишь мимо, включается проигрывание звукоряда «Hello madam, Tuk-tuk?»). Некоторые проезжают мимо, когда я присаживаюсь что-то зарисовывать, и тогда происходят милые диалоги:

— Мадам! Такси?

— Нет.

— А что вы делаете?

— Сажу.

— Простите?!

— Сажу. На солнце.

Жаль, что у них нет коллективный разум, и эти разговоры приходится повторять.

Шриланкийцы ходят по улицам удивительно бестолково. Видимо, пустые города расслабляют — у них нет привычки лавировать, поэтому они постоянно толкаются. Положение усугубляют девушки, поголовно бродящие с зонтиками. И бабушки, тормозящие всех и вся. В общем, толкучка в Индии лучше — там все как-то умудряется находить свою дорогу, несмотря на то, что по пешеходным маршрутам часто проносятся огромные грузы.

Жаркий солнечно-пятнистый подъем внезапно привел меня в то самое место, что в LP было сплошь утыкано значками отелей — просто карта не отражает высот, и то, что мне казалось удаленным от озера в плоскости, на деле вышло поднятым метров на двести. Тут много и лавочек с сувенирами — между прочим, неплохими; то есть сильно лучше ширпотреб, что внизу. Я даже нашла кое-что для себя, а то стала уже бояться, что вывезу из этой страны лишь пару фенечек.

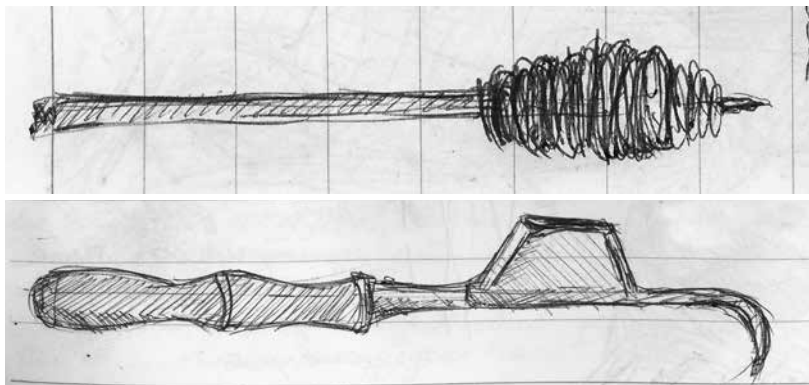
Я набрела на мастерскую, которую держит христианский священник для своей жены. Семейный бизнес — картины в стиле батик, на ткани. Недорого, рублей по 200-500 за штуку. И очень красиво. Поболтали, обещала вернуться с деньгами.

Возле моего отеля рассадник рикш и торговцев. Точнее, это отель расположен прямо напротив входа в главный местный парк, где же им еще дежурить. Каждый раз, когда я возвращаюсь, кто-нибудь от прилавков бросается

← Что-то я, кажется, наелась слонов. В том смысле, что когда мне говорят: «О, поезжайте в этот национальный парк, там же слоны!» — мне даже отвечать не хочется. Я каталась на них, кормила их, благодарила ими, убежала на пыпочках от диких, а детеныш меня как-то раз заборол. Время пресыщаться другими удовольствиями.

Ранди показал, как делается рисунки по шелку. Инструменты для нанесения горячего воска: сверху более простой, старый вариант, палка с проволокой и острым кончиком, снизу — продвинутый, медно-спаянный, с изящным носиком и специальным резервуаром. →

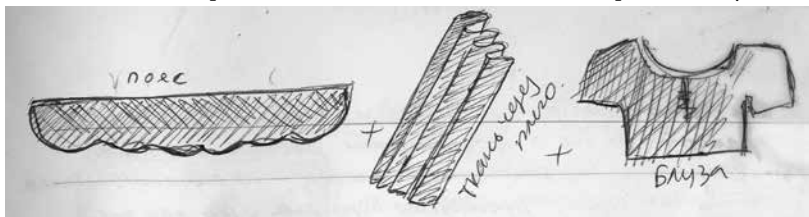

меня встречать, еще шагов за десять начиная кричать: «Мадам! Мадам! Вот! Это — из слоновьих щетинок!» — будто я давала ему задание раздобыть что-то из слона и теперь он, гордый, может рапортовать о проделанной работе. Я хвалю, мол, прекрасный слон, отличная фенечка — не останавливаясь. Парень остается один, растеряно бормоча: «Ну это же слон...» Ужасно, когда так давят на мою ранимую психику. Хочется обнять и пожалеть. Купить все равно не хочется.

В кофейне попросила поменьше сахара; галантный юноша в белой рубашке с бабочкой поклонился и ответил, что принесет сахарницу, чтобы госпожа могла сама выбрать нужное количество. Черт. Есть идея, что в странах с хорошим сервисом мне тоже понравится...

Вокруг роятся русские. Меня за свою никто не признает. Меня это почему-то радует.

Separate в итоге принесли все, так что чай представлял собой набор «собирай сам»: молочник, чашка, чайник с заваркой и сахар. Собираю, молока постоянно не хватает. Кекс оказался на вкус потрясающим, нежным и свежим. Слово «свежий» поражает меня особенно. Они же эти нарезанные куски на

Он же открыл мне секрет шриланкийских сари, и сразу стало скучно. Их одежда — всего лишь подобие настоящего сари! Пояс, череплечные складки и юбка — все шьется отдельно. →

витрине хранят, как им это удастся? Меняют каждый день? Или то что мертво, умереть не может? Загадка капитализма.

Интересно, в какой момент появляется способность к обобщениям, вот эта свободна, когда ты уже выучил гаммы и можешь не только вызубрить понравившуюся мелодию, как «Отче наш», а подбирать новые композиции и сочинять свое? Рисовать не то, что видишь, а в шарже передать ощущения от образа, минуя стадию маниакальной зарисовки всех подряд деталей? Эх... Шикарное было образование пару веков назад, фехтование, верховая езда, рисование, танцы, языки, стихосложение... Потому что логарифмы тебе пригодятся, только если выберешь соответствующую стезю, а легкость движений и память формы тебе помогут, будь ты хоть сантехник, хоть программист. Не говоря уже о способности точно выразить свою мысль на паре языков. Учиться!

Выпила из жадности весь чайник с двойной добавкой молока. Иду теперь, как молочник, боюсь носик наклонить. Несмотря на переполненность наслаждением, нашла в себе силы вернуться на гору. Священник встретил меня уже как родную, снял для меня флаг из-под самого потолка («О, а вы знаете, эта штука вообще только одна, копий нет!»), все упаковал и сделал с и без того не очень большой цены скидку. Так что у меня внезапно остались деньги; с этой мыслью я вышла на дорогу и попросила тетеньку, сидящую у входа в магазин, помочь мне с сари (а то утром его перевязывала для меня официантка в ресторане, и заколола почти на позвоночнике; на улице пришлось бы слишком акробатично изворачиваться, чтобы снять булавку).

Тетя все отлично поправила, а я тем временем увидела в глубине магазина отличный сувенир — слонкружку. Правда, цена на нее была какая-то ошеломительная, что-то около тысячи рублей. На что мне было предложено не обращаться

← Лесопарк вокруг волшебный. К пальмам и макакам, дерущимся в жестких зарослях, можно привыкнуть, как и к тому, что большинство листьев вокруг тебя крупнее тебя. Но я никак не могу считать обычными эти затмевающие небо зеленые общегития — ствол в десять обхватов абсолютно не виден за слоями мха и листьев, а верхние ветви теряются среди облаков...

внимания на ценник и дать, сколько не жалко. В итоге я отдала за нее в четыре раза меньше, получила в подарок еще одну фенечку в коллекцию и поучительную историю о том, что комиссионные рикши составляют до 60%. То есть если какой-то хмырь с улицы вдруг приоткрывает вам дверь в магазин, будьте уверены — скидок в этом месте вы не дождетесь.

Вот уж правда — где бы ни встретились русские, будет кухня, чай и разговоры за страну и правительство. Всего-то попросила проходящего мимо юношу кран для меня открыть, а то после манго руки по локоть в соку. В итоге засиделись за полночь, и я осознала, как же соскучилась по своим друзьям.

Да, а еще я съела большое манго, и вот что я вам скажу — до сих пор я вообще не ела манго. Потому что это... Божественно! Хотя именно вкуса в большом оказалось не так много, маленькие более ярко выраженные. Но наслаждение от огромного куса сладости невероятно!

20 февраля. Kandy – Naputale

Итак, с добрым утром, добрым душем и прочими добротами. На полу меня поддушивала жара и покусывали комары. Проснулась одним прыжком: сегодня же поезд!

Не знаю, кто крышует Old Empire от полиции, но данных моих они так и не захотели. Хорошо хоть деньги взяли, а то совсем было бы неловко.

Автобус, в который я влетела практически на ходу, шел на жд станцию, но немного окружным маршрутом, да еще умудрился в пробку встрять по дороге. Так что получилось приятно понервничать, словно и впрямь есть куда спешить, будто я не занимаюсь убийством времени в каждом новом городе.

На станции встретила очередь грустно томящихся зайчиков перед пустующим окном. Подошла на правах белой, постучала гневно тапком о стол. На мое напористое «экскузми!» примчался кассир, вежливо перенаправил меня в другое окно (я-то хотела second class), и начал обслуживать обрадованных зайчиков.

В этом поезде, видимо дико популярном у туристов, чудовищное скопление белых обезьян — и группы, и толпы, и пары... Местные теряются. Чую, прямо с поезда нужно будет очень быстро бежать — тут все с Lonely Planet, а отелей не так много.

То ли ночные укусы себя внезапно (и по очереди!) проявляют, то ли меня кто-то вкрадчиво покусывает прямо на платформе. Начинаю от этого уставать.

Какие же тут потрясающие старые поезда! Увы, судя по разделению на классы, нас ждет что-то другое, посовременнее. Могли бы и учесть вкусы приезжих, раз их тут две трети, пустить старый! Вон, все уже выстроились фотографировать вагончики.

Надеюсь, бог убережет воришек от ковыряния в моем рюкзаке. Полезла доставать картинку из пакетика с письмами, чтобы вклеить в дневник, нашла иголку, торчащую из аптечки, раскрытый нож, приаттаченный к поясной сумке (это я спросоня его, не закрыв, сунула?!), острые части черепахи, опять проткнувшие свой пакет, и какое-то полусгнившее мягкое нечто (черт, мусорный пакет забыла выкинуть...).

Поезд опаздывает уже на 20 минут, напряжение на платформе достигло апогея... А вот и он! Конечно, новый. И весьма короткий. К оружию!

В общем, не знаю я, какой это класс. Я отжала себе кусок двери и место в тамбуре под рюкзак, буду отбиваться, если попробуют сдвинуть. Вагончики были забиты еще до прибытия на станцию Канди и, верьте мне, не стали более пустыми, разместив в себе целую платформу белых туристов. Сижу, надеюсь на лучшее, прицельно не замечаю местных, стремящихся постоять и поплевать над моей головой.

И я выбрала правильный вагон! Тут едут какие-то реггей-ребята, они поют под ритм джембе и бубна. Причем что-то известное, видимо — половина вагона им подпевает. Под ногами (уже босыми) опора в виде лестницы; зайчики, торчащие также из других вагонов, машут, выражают уважение. Проезжая станции, собираем аншлаг рук и улыбок. Рядом болтается сумка (к ней приторочены тапки, на всякий случай), за спиной маячат неудачливые зайчики и совсем уж бедные туристы без места, и у-у-у, мосты под ногами, на скорости бываете жутковато. У меня четыре яблока и полбутылки воды, ритм джембе в голове и ветер по босым ногам — черт побери, мир давно уже не был НАСТОЛЬКО прекрасен!

Из низин пахнет влажным лесом, туманом, росой, землей и утром. Уже девять, но солнце за тучами; трава стекает меня по ногам, она влажная от капель. Оказывается, самая устойчивая точка — чуть высунувшись, зацепившись плечом за косяк и положив голову на ладонь, удерживающую поручень. Только пыль немного припорошивает глаза, и ветер норовит выдрать волосы (или хотя бы заплести в дреды). Играю с местными в «а ну-ка, улыбнись» — это немного нечестно, потому что босоногая белая, сидящая в двери поезда в окружении грозди черных зайчиков, не имеет шанса проиграть.

О! Капли-то не только на росе! Уже настоящий дождь! Ух ты, сто лет не видела! Желаящих поторчать снаружи резко поуменилось, ура! На скорости даже небольшие капли бьют довольно хлестко. Здорово! Пахнет дымом, я мокрая, босая, счастливая; внизу обрыв, я смотрю вниз на пальмы и машу обалделому владельцу участка. А над далекими горами плавают косматые мокрые облака — очень низко, цепляя деревья.

Есть хорошая игра — «Дай пять, банан!» У банановых кустов листья огромные, мягкие, влажные, ужасно клевые на ощупь. На скорости хлопать по ним одно удовольствие. Но мне уже давала пять пару раз какая-то колючка, пришлось потом вынимать ее куски из ладони.

Все это мелочи, главное — не поймать столб.

Купила пакетик манго, дернув проходящего мимо торговца. Они, конечно, оказались абсолютно зелеными и деревянными, но внезапно их здорово грызть. Следом за мной какая-то недоверчивая пара европейцев решила тоже попробовать; кажется, они меня проклянут. Мои куски сбрызнуты лаймом и дождем.

Освоила местный навык выпрыгивания на станциях, чтобы выпустить пассажиров и размяться. Обратно заскакивать и впрямь удобно после свистка, уже догоняя движущийся поезд. На одной из станций две гламурные девы ниасилили войти с рюкзаками и удрученно сели обратно на скамейки, скандально доказывая кондукторам, что некуда. Те разводили руками и клялись, что будет еще поезд. А мы едем дальше, манго почти закончились, штаны вымокли, дождь продолжает поливать, мне хорошо!

Не думала, что когда-то это скажу, но я соскучилась по холоду. Сижу, завернувшись в свою теплую тряпку, ноги медленно просыхают, тряпка тоже, холодно — и так уютно! Сейчас доеду и чая горячего!

О, даже доезжать не пришлось — кофе носят. Уруру, теперь главное — не уснуть!

А вот и моя станция. Тут дорога и впрямь упирается в небо! Даже в Маннаре такого не было, там город расположен в низине, и все красоты вокруг в автомобильной доступности; здесь же можно никуда не ходить и не ездить, а просто сидеть на краю дороги и свешивать ноги вникуда. Недаром недалекий отсюда поселок зовется World's End.

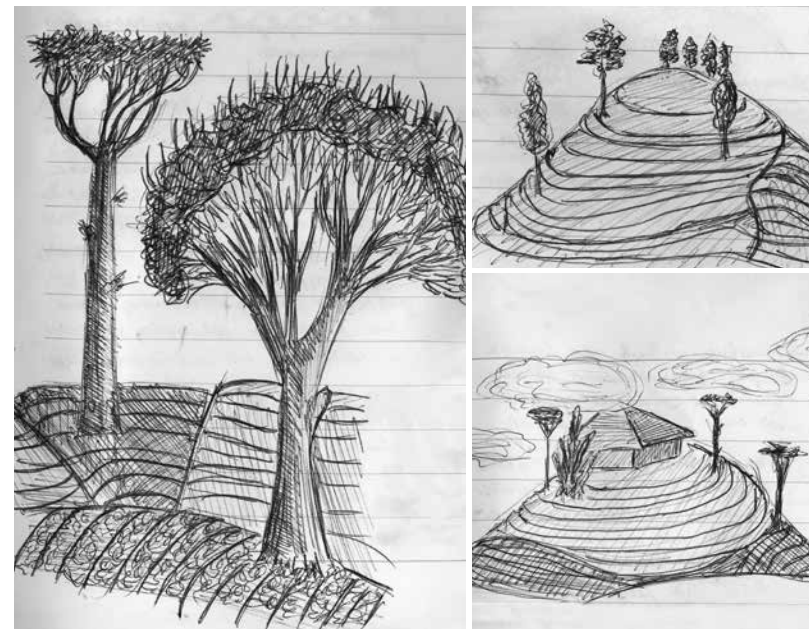
В отель я ломанулась и впрямь быстро и была первой из бронирующих. Следом спустя минуту прибежал запыхавшийся японец с LP в зубах, и портье почесал в затылке: комната одна. Мы разом спросили: а сколько кроватей? Три — слегка растерялся тот. Мне уже показалось, что вечер будет веселее, чем изначально планировалось, но черт японца дернул спросить, сколько стоит номер. Оказалось, 2000₪. О, говорит японец, нет. Ты что, отвечаю, это же всего по тысяче с лица! Дешево. «Не-не-не. Не для меня» — и убежал, чудак. Портье повел меня смотреть комнату, ворча: «Если кому-то хочется ночевать дешевле, чем 1000₪ за ночь, он вполне может делать это на улице». Сторговала полтыщи, заселилась. Вид из окна, как обычно, на помойку — зато окно есть! За ним поют птицы. И даже тонкая струйка горячей воды из крана! Жизнь прекрасна.

Перед мытьем заглядываю в зеркало — а там! Такой загар! Такой прекрасный дымчатый мейкап! Чуть позже я поняла, что слово «дымчатый» в данном случае было более точным, чем мне бы хотелось — всю красоту образовал дым паровоза и пыль, осевшая на лицо.

Решила — и не поехала ни на какой водопад сегодня. По плану весь вечер фыр-фыр-фыр, а достопримечательности постараюсь упихать в завтра. Наконец-то я нашла город с лапшой! И чаем!

Ох, какие места! Как в индийском городе Ути, только тут все аккуратнейшее обработано, каждый клочок. Полей немного, зато куча частных угодий рядом с домиками. Холмы нарезаны мелкими ломтиками; зеленые, как авокадо. Тут кстати любят играть на оттенках зелени, например, грядку темно-зеленого жесткого укропа обсаживают нежно-салатовым салатом. Красота!

Слева от меня — обрыв и домики внизу, поля, уходящие к горизонту, вертикальные деревья, воткнутые в пейзаж резко, как спички в песок. И далеко-далеко подъем, холмы и туманы. Справа от меня туман намного ближе — подъем начинается в метре от дороги, а видимость заканчивается в двадцати, там

сквозь клубящуюся мглу неясным обещанием проступают огромные черные силуэты. Дома? Деревья? «Кто-то ночью утащил лес...»

Когда выглядывает солнце, зелень холмов становится нестерпимо-яркой, но края картины все равно благородно-пастельны. Ой. Кусок тумана уплыл внезапно, и там, где была стена, «проявилось» несколько деревьев.

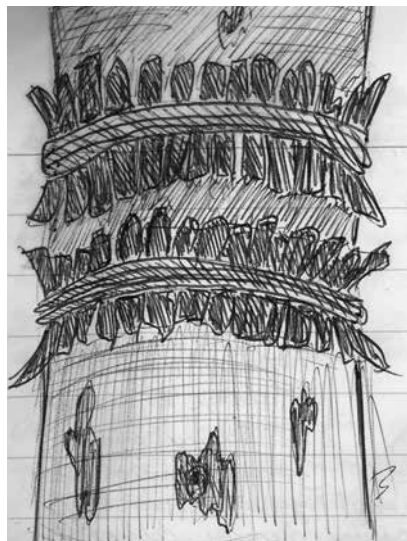
Деревья тут специфичны. Они по-разному растут, весьма узнаваемо даже с большого расстояния, но неизменно тянутся вверх, особенно тонкими веточками.

Я бреду вдоль серпантина, а мне библикают и машут. Кажется, с автостопом тут не было бы проблем. От эвкалиптов воздух вокруг не-передаваемо вкусен. Эвкалипты любят терять кору (что делает их неистребимыми во время пожара и дает мощное конкурентное преимущество в борьбе за ресурсы с менее приспособленными товарищами), и в тех местах, где его чем-то обвязывали, кора смешно накапливается.

Автобусов много, в обе стороны. Погуляю до темноты, а там вернусь. Дорога здесь одна, все проезжают город. Собачки весьма любознательные — пока они подходят познакомиться, повилить хвостом и поиграть, но еще не вечер...

Спустя пару часов решила все-таки поворачивать — и тут-то конечно автобусы и отрезало. Успокоила себя тем, что нанять рикшу я всегда успею (если найду) и пошла дальше. Меня несколько раз порывались подвезти, но я объясняла, что жду автобуса в обратном направлении, и мне желали удачи. Никого не удивило, что я иду не туда; все понимающе кивали.

С наступлением сумерек дорога стала выглядеть совсем волшебным. Синий молочный туман, в котором изредка мелькают желтые точки. Когда включают дальний свет, от них еще распространяются небольшие круги света вокруг. Эти круги бродят вокруг меня, как огромные ночные звери — но не опасные, скорее, незаинтересованные.

Автобус остановился по требованию мгновенно; оказался радушен и переполнен. Я успела уйти от города на шесть километров, если верить указателям. В автобусах частенько вешают мягкие игрушки; на этот раз, видимо, не нашлось ничего другого, поэтому перед лобовым нахально покачивался в авоське большой волейбольный мяч. В этом же автобусе я познакомилась с девушкой из Бельгии, которая искала отель (конечно, с LP в руках). Так я обрела соседку, согласную платить half-half, и прекрасную собеседницу на английском.

В номере на полу отловили странную живность — щиткового таракана, длинного, как товарный поезд, с флюоресцентно-зелеными фонариками в заднице. Это чудо немедленно было сфотографировано во всех возможных ракурсах и упаковано для отправки в ледяную Россию. Вдруг пригодится?

Полужинали в местном кабаке; стеклянную бутылку с лимонадом разрешили взять с собой только после обещания вернуть ее утром. Обещала, истребовав разрешение оставить себе этикетку. Кажется, мы с официантом оба были шокированы требованиями друг друга.

21 февраля. *Naputale*

Просыпаться было трудно. Потому что в горном чистейшем прохладном воздухе, без москитов, клопов и долбящих столы нагнецов я спала так сладко, как давно не. К тому же, мы трепались больше чем до полуночи, поставив свечу с благовониями в центр комнаты. Наутро обе встали в шесть по будильникам, выглянули в глубокую заоконную ночь и синхронно упали обратно, досыпать. Мне снилось, что Izubr написала новый потрясающий текст о том, как она в детстве запускала воздушных змеев, балансируя на подоконнике; с наслаждением прочитала текст до конца, как раз уложившись до восьми; в восемь, не приходя в сознание, пробормотала длинный сонный монолог: «Mom, please, just 5 minute, I have no first lesson today...», ужасно развеселив Аннелис.

Потом мы разбежались, пожелав друг другу удачного дня; я с трудом отыскала кабак, где можно позавтракать чем-то кроме ядерных пирожков (с утра специи совсем неприятны). Заедая чай огромной сладкой булкой с ядовито-красным джемом, спланировала день. И теперь я еду на чайную фабрику, чтобы восполнить то, что упустила в Индии. Прямо на городском автобусе. Тут, оказывается, недалеко.

Дорога в последнем километре рассчитана на одну машину от слова «нет других возможностей». Даже съехать на обочину, чтобы уступить, здесь негде. Неужели они сдают назад?!

Безумный запах гор, эвкалиптов и близкого неба. Теперь я точно знаю — небо пахнет зеленым, не сорванным еще чаем, и влажными камнями. В дырки среди облаков проглядывают заросшие горы; они под тобой, и ты сверху смотришь на солнечные пятна и теневые долины, крошечные домики и фабрики-игрушки. Тонкие дорожки среди зеленого-зеленого-зеленого чая кажутся нарисованными; если я вернусь когда-нибудь сюда с мольбертом и постараюсь как можно более точно зарисовать местные пейзажи, все будут хвалить мою фантазию и чувство прекрасного; невозможно поверить, что такие картины существуют в реальности. Ручкой нарисовать этот цвет невозможно; как и передать бескрайность холмов, уходящих до горизонта и дальше. Туман и облака — лохматые, бесформенные, полупрозрачные... Как нарисовать этот воздух? Розовые огромные цветы на аккуратно подстриженных деревьях? То, как с них падают тяжелые капли ночного тумана?

На самой фабрике божественно пахнет листьями — как на сеновале, только более свежими. В «приемной» с видом на долину длинный ряд стульев для ожидающих экскурсий. Все они пусты; я попала в промежуток между группами. Начальники кивают друг на друга, кажется, споря, кому тащить меня через цеха. Эта фабрика основана тем самым мистером Липтоном, и часть экспорта отсюда действительно идет в Россию. Чудеса. Меня сопровождает очень вежливый и корректный инженер. Он постоянно предупреждает меня о крутых ступеньках и низких притоках; на фабрике их множество.

В день сборщик зеленого чая должен сдать 12 килограммов листьев. Весь цикл обработки занимает меньше трех дней. Сначала листья выгружают из мешков, с которыми ходят сборщики, и раскладывают на противне — это самый верхний этаж, похожий на огромный пустой чердак. Противень решетчатый, под ним проходит труба с теплым воздухом (если раскопать дырку в толстом слое влажных листьев, воздух струей вырывается оттуда, вместе с мелкой трухой и подсохшими листочками — кажется, такие фокусы специально проделявают для визжащих от восторга туристов).

После этого этапа чай лопатами сбрасывают вниз через специальные дыры в полу; так он попадает в большой чан, у которого внизу мелкие дырки. Чан постоянно качается круговыми движениями и втирает полувысушенные листья в эти дыры, сминая их. Дальше частично высушенная масса движется по транспортной ленте через несколько измельчителей, досушивается в теплом шкафу и наконец «настаивается», будучи собранная в небольшие пло-

ские «грядки» (10 сантиметров на 5 метров). В этот момент решается, какой насыщенности будет напиток: если ферментировать один час, то это будет легкий чай, который можно будет заваривать не один раз; если несколько, будет суровый черный, отдающий весь вкус за одну заварку. На этом этапе чай еще влажный, на ощупь напоминает скорее пасту, чем порошок. Дальше его снова сушат, потряхивая на конвейере, а на последнем этапе сепарируют по размеру листа и фасуют в огромные «оптовые» мешки. На складе с мешками мой провожатый понизил голос и доверительно посоветовал сделать пару снимков — это единственное место, где нет камер, поэтому он может позволить такую уступку правилам. Фотографировать в зале строго запрещено (на входе в зал сушилки я встретила толстого дядю, тычащего мыльницей в чайный развал, и спросила про него своего инженера: «О-о-о, ну это же big boss!», испуганно прошептал тот).

Несмотря на обилие шевелящихся частей процесса, в залах не очень шумно (в отличие от шелковой фабрики, после которой в тишине кажется, что ты оглох навсегда). Но там фантастически пахнет свежими листьями! Словно ты жевал целое поле щавеля, аж за ушами пощипывает. И немного кружится голова от трясущихся перед глазами лент.

После окончания экскурсии мне махнули на дорогу, убегающую между полей вверх: go to Lipton's seat! Купила воды в ближайшем магазинчике и последовала совету. Глупо отказываться. Тут выглянуло солнышко и разом стало ужасно жарко, так что я разулась (через ступни у нас, как у кошек, уходит значительная часть тепла, именно поэтому в холода рекомендуют утеплять ноги, запястья и шею — основные места теплопотерь). Мне предстоит шесть босых километров с видом на долину, где ручьи убегают через зеленющие холмы. Наперегонки с парой других групп путешественников.

Я накинула на голову шарфик, наподобие косынки, и несколько местных уже поздоровались со мной, вежливо коснувшись лба ладонью: салам алейкум! Отвечаю им наклоном головы, который можно трактовать как благосклонный вне зависимости от моей религиозной принадлежности.

Нашла короткую дорогу по прямой, без серпантина — горячая, красивая лестница, сложенная из грубо обработанных камней. Я добралась до самого верха, пешком, босиком — последние пара километров были совсем непростыми; с накатанных колеи, где камушки впечатаны в мягкий асфальт, часто приходилось практически рыбкой нырять в колючие кусты, освобождая путь для тук-туков и тракторов.

На вершине, конечно, ко мне тут же подскочил бойкий дедушка — хотя бы полсотни рупий, но собрать с туристки. «Я тут вашим воздухом дышу, это ни-

чего?» — возмущенно спросила я в пространство. Он не так хорошо знал английский, чтобы посмеяться шутке; зато его понимала японка, (которая еще у подножия спрашивала у меня дорогу и дала японскую конфетку в качестве сувенира). Она с подругами арендовала машину и оказалась на вершине раньше. Мы поболтали, выпили чая, полистали мой дневник. Тем временем я отловила драйвера на вершине с вопросом, что он хочет за спуск меня в долину. Его very shear меня не успокоило, а цену назвать он отказался, так что мы не договорились. Тем временем японка осознала происходящее и сказала, что в машине как раз свободно одно место (две утомленные европейки завистливо вздохнули за столиками). Так абсолютно бесплатно, еще и получив горсть мелких мандаринов и волшебный карандаш из Японии в качестве сувенира, я спустилась с Края Мира. Правда, не в сторону моего города; так что я осмотрела еще и дальнюю часть горы, уже из окна тонированной машины с кондиционерами. При прогулке фотографировать проще, но не будем привередничать.

А в новом городе заодно нашли спелые манги, почему-то страшно дефицитные в Хапутеле, да и автобус до дома занял всего полчаса. Дома я обнаружила, что моя вчерашняя соседка все же съехала (оставив мне милейшую записку), а мой отель внезапно начал готовить еду, действительно напоминающую еду. Впервые за всю Шри-Ланку наелась, облизав пальчики — все та же лапша, но соусы свежие, вкусные и не очень острые. Теперь вся остановка волнуется, как бы я не пропустила свой автобус, так как все знают, что белой нужно к водопадам; только я не волнуюсь, мне на самом деле ничего не нужно, я чувствую себя сытым питоном на солнышке, тем самым, который проглотил пару разнополых кроликов и в еде больше не нуждается.

Сочетание белой кожи (христианство), фенечек (буддизм) и мусульманской накидки периодически вводит встречающих в ступор. Знали бы они, что я в душе язычник...

Внезапно местный зайчик попросил у меня воды. Так как осталась всего половина бутылки, посмотрела на него внимательно, и он смешался. Тут hostелов полно, в них воды — хоть утопись; а свою я планирую переработать в пот лично.

Тут здорово понимают жесты. Не вставая, глянула на разносчика еды: что там у тебя? Показал. Кивнул: тебе куда? На водопад, говорю. «А. Этот, что подъезжает (жест) не твой. Тебе нужен номер четыре (растопыренные пальцы), он скоро (жест)»

Сегодня, кстати, нашла еще одну дырку в домах, позволяющую семиминутную прогулку от моего дома до станции превратить в четырехминутную. Все-таки серпантин великая вещь, если уметь им пользоваться.

Ну вот, прошло полчаса и еда, еще недавно так неумолимо придавливавшая меня к сидению, отпустила. Так-так-так, где там ваши водопады? У меня снова появился интерес к жизни... До водопадов двадцать километров, надо мной навис дядя с косматыми ушами. Шерсть черная, длиной сантиметра в два — это примерно в три раза длиннее, чем бритый затылок. Выглядит удивительно. Выбегалло просто щенок на фоне. Лысый жалкий щенок сфинкса.

На проезжающем грузовике встретила надпись сверху, где располагается название компании-перевозчика: RooMahal. Если учесть, что «махал» — дворец, а «пу» — дерьмецо, сочетание любопытное.

Подъехала к водопаду я на закате и гадала, успею ли я хоть что-нибудь увидеть — если там идти нужно, то вряд ли, фонарик у меня крошечный, а подсвечивать водопады едва ли станут даже в интеллигентной и туристически ориентированной Шри-Ланке...

Но идти не пришлось — вода низвергалась чуть ли не на саму дорогу, узким сильным потоком. Таких мест, где река течет поперек пути, довольно много; вода-то падает себе спокойно, тогда как автобусы предпочитают безопасные зигзаги. Неоднократно думала, что надо будет заброситься в какую-нибудь каменистую падь и пробраться по ней наверх, насколько хватит способностей — но уже явно не в этой поездке.

Чувство близости было обманчивым и возникало, видимо, из-за огромности объекта. От дороги к стене надо проскакать по камушкам, примерно пару сотен метров. На камнях посередине прохода сидели три мужика, в небрежно наброшенных полотенцах. Вечереет, пастораль, я на секунду задумалась — но решила, что даже тридцать три абсолютно обнаженных гиббо-на не помешают мне пощупать Diyalum'у вблизи, так что подтянула штаны и поскакала. Мужики, кстати, оказались весьма приветливыми, посоветовали быть осторожнее на скользких местах и купаться быстрее, а то после заката станет совсем холодно.

Купание вообще не входило в мои планы, а вот пописать вместе со столь величественными струями оказалось внезапно приятно. Это был, пожалуй, второй самый красивый пис в моей жизни (первый состоялся несколько лет назад во Вьетнаме; мы с напарницей пропустили свой автобус из горного города Далата, и назло всем взяли такси до нужного поселения, а потом ехали и специально выбирали место посимпатичнее для этих целей). В воду я обмакнула только руки и тут же поскакала обратно, а то уже темнело.

На этом месте удача, отпущенная мне на вечер, исчерпалась, так как началась фигня. Передо мной остановилась газель с едва говорящим по-английски юношей; я решила, что фиг с ним, с автобусом, и прогадала. Зайчик за час со-

Hey Ginger!
 I hope you had a nice day!
 Maybe I'll still see you at the
 waterfalls, since I am going there
 on my way.
 But I am leaving today, since I
 have to organise some things for
 Nepal, looks like I have no time
 to loose..
 So sorry for this, I enjoyed our
 short time together, I had a
 good laugh! It was great to
 meet you. Take care with all
 your animals!! :)
 I have paid for the night and
 also a drink I had.
 Maybe I'll see u around.
 Take Care.
 Love
 Annelies xx

вместного пути утомил меня бесконечно, но просто так выйти, хлопнув дверью, было все-таки не за что. Я строила разговор максимально просто и говорила с минимальной скоростью, чтобы меня легче было понимать. Как только я брала паузу, чтобы перевести дух и придумать новое направление беседы, зайчик задавал один из трех животрепещущих вопросов: одна ли я тут, нравятся ли мне шриланкийские мальчики и можно ли сделать фото. Ответив в восьмой раз да, да, нет, нахуй, я устала и согласилась на снимок. Надо было раньше! Конечно, во время остановки на фотосет он поправил на мне шарфик (трижды), после чего я пообещала ему, что убью его, — и проблема сразу рассосалась. Он начал спрашивать еще и про цены на бананы в моей стране и вообще интересоваться другими, менее унылыми вещами. Высадил он меня в итоге в первом же крупном городе, хотя сам ехал до Хапутале. Но мы оба испытали облегчение. Я отошла за стоб пописать и на финишном этапе увидела автобус. Завязать штаны я не успела, а автобус был одним из последних — так что бежать пришлось, придерживая эти парашюты руками, и сидеть очень аккуратно, так как ковыряться в исподних завязках, не возбуждая при этом прочие органы пассажиров было нереально.

А финал вечера был вообще шикарным, хотя оставил несколько незакрытых вопросов. На последнем участке до моего отеля, довольно темном, так как хожу я задворками, за мной раздались шлепающие шаги. Быстро-быстро шлепающие. В общем, местные довольно часто бегают — иногда, чтобы не упустить вид белой, иногда по своим делам. Но я все же оглянулась — парень явно бежал за мной и было невежливо игнорировать его дальше. Здраваться или общаться он не стал, лишь приостановился; я пожала плечами, отвернулась обратно, чтобы продолжить путь — и получила неслабый толчок в спину. Там был уклон, так что я пробежала пару шагов, а за спиной в это время снова часто зашлепало, удаляясь. Я была довольно взвинчена и без того, а тут разъярилась окончательно, так что не поленилась взять камень для аргументации на случай, если он не понимает матерный английский, и рванула следом.

Зайчик успел добежать только до недалекой лестницы, подъема из задворок на нормальные улицы; подбегая, я заметила другую фигуру, постарше, и мельком задумалась, не повелась ли я на разводку и не придется ли теперь общаться с двумя. Поэтому для оценки действий за пару шагов я начала орать «хочешь ли ты проблем, щенок?!», увидела попятившегося непонимающего мужика и белое перепуганное лицо зайчика. Они не были вместе, а мелкому хулигану едва ли исполнилось двадцать; но остановить меня было уже невозможно, так что я продолжила свой невнятный рассказ о том, как именно я недовольна, добавляя к этому подзатыльники

(зайчик съежился) и пинки по жопе. Напоследок кинула камень ему под ноги и ушла ругать себя в отель. Пока я елеиным голосом просила на ресепшене ключ и осведомлялась, во сколько завтра возможен чекаут, внутри шла борьба агрессии и совести. В итоге агрессия победила, заметив, что если бы он хотел познакомиться — то не стал бы убегать, и вообще, надо такие вольности пресекать, а то ему же хуже будет. Повезло, что у меня с собой не было ножа, например. Правда, наорала я, наверное, все же зря — это было не по адресу, это водитель меня выбесил. Ну, в общем, с совестью мы договорились.

Вообще грустно сознавать, что с наступлением ночи интеллигентность ланкийцев пропадает, как у бродячих собак. С другой стороны, я пока не встречала страну, где ночь не взбалтывает у людей весь осадок со дна души. Ночной автостоп в России примерно такой же. Скучно... пойду посплю.

Манги оказались незрелыми и гнилыми одновременно. Два рубля штука, конечно, что же я хочу, но жаль. Вечер явно не задался. Зато я выплусь, а то день был такой пешеходнонасыщенный, что я валяюсь с ног. И завтра меня ждет море — последнее в этом сезоне!

22 февраля. Naputale – Matala – Mirissa

Чертовски здорово просыпаться, когда за окном — синюшее небо, птицы и солнце-солнце-солнце! И настроение под стать, прыгучее. Даже не тянет поваляться полчаса после будильника.

Зашвырнулась в автобус, пробежала по ближайшему рынку (восстановив утраченные на одной из стоянок щетку с пастой). Рядом со мной села потрясающая пара хиппи из Италии — абсолютно мой способ мышления! Пересказали друг другу все возникшие по дороге шутки и истории; Элиза из Тоскани, поржали про д'Артаньяна; кондуктор подошел спросить про причины веселья, мы не смогли ему объяснить. Ну, просто же фан. Встретили родственную душу, наслаждаемся. Я правда надеюсь, что они найдут время и выберутся в Москву как-нибудь.

Какой тут торговец книгами! Впаривал их своим, что-то гундоса с широкими жестами, а после обратился ко мне: откуда вы? Как вам Шри-Ланка? — и после пары моих ответов развернулся обратно к автобусу: эта девушка из России. Как я это узнал? Я поговорил с ней на Всеобщем Языке. Покупайте книгу «How to speak in English!» Посмеялись с сидящим рядом пожилым французом, которого он до этого тоже обработал. Но ведь он прав! Английский и впрямь всеобщ.

Свешивать ноги из двери, вызывая изумленные взгляды прохожих. Воздух жаркий, будто из духовки, но ветер не дает застояться и изжариться. На некоторых поворотах приходится всем весом повисать на поручне. Меня периодически спрашивают: неужели нет мест? И даже пару раз порывались уступить. Ну уж нет! Так, со свежей булкой в руках и бутылкой воды я добралась до Матале; распрощалась с итальянцами, пересела на нужный автобус, пообедав наконец-то. И вот я уже сижу во дворе хостела в Мириссе. Жарко, ночь, все хостелы забиты — у этой крошечной кайтерской деревушки нет карты, так что LP мне не помощник. Белых лиц тут больше, чем местных, а вся деревня состоит из отелей. Я мечтаю о душе. Отпускать меня из переполненного отеля девочка не пожелала, пообещав, что за мной заедет драйвер и отвезет «в отличный семейный хостел, как раз за мои деньги». Оказалась — комната в частном доме, где хозяин живет с женой и дочкой. Мне на одну ночь было глубочайше плевать на условия, так что я швырнула вещи, отдала последнюю наличную тысячу за постой и нырнула в ванную.

Что такое жара? Когда стоишь голый, мокрый после душа перед вентилятором и тебе ничуть не холодно. Когда лежишь поперек кровати и охлаждаешь ноги об «антигрелку» — бутылку со льдом из холодильника. И это ночь! Да к тому же и дождь, хоть и маленький. Настоящая гроза с молниями — вот только капли высыхают, едва долетая до земли.

23 февраля. Mirissa – Galle

Деревушка заточена под серферов и отдыхающих на пляже — даже крошечные кафешки заламывают какие-то несусветные сотни за обед, а туктукеры сытые, наглые и вальяжные одновременно. Собрала вещи, чекаутилась и метнулась на пляж. Лагуна с белоснежным песком и черными камнями, идеальная! Как жаль, что пляжный отдых не входит в мои планы от слова вовсе.

Понаблюдала за дивной парой серферов — отец и сын, 40 лет и 12; одинаковые отросшие пряди (у сына с мелированием), широкие плечи, спокойные движения. Синхронно пристегнули доски к ногам браслетами и вошли в воду. Правда, спустя минут семь стала видна разница: папа оседлал первую же волну и умчался, а сын еще долго болтался в полосе прибоя — если не уловить нужный момент, волна неумолимо выскальзывает из-под тебя, не догонишь. Еще одна памятка: вернуться с напарником и научиться серфить.

Странное щитковое животное, подобранное на полу в отеле, оказалось всего лишь девочкой светлячка (я себе этих волшебных животных несколько иначе представляла; если бы на меня спланировала такая в лесу, я бы заорала и

отпрыгнула, а не умилилась). Рыж убивает беззащитных светлячков, завтра во всей прессе...

Я сижу напротив китайки (в кафе всего два стола, и один был загроможден грязной посудой, так что увидев ее, растеряно оглядывающуюся, я позвала ее к себе). Только что ушли два русских мужика, доверительно сказав нам «гуд фрид райз!» — я на максимально мягком английском ответила, что рис не люблю и уже заказала лапшу. Странное ощущение чужих своими и наоборот. Пришла еще одна русская пара, посимпатичнее, но я продолжаю играть в китайку. Их дети капризничают и бесятся; я наворачиваю лапшу и размышляю о том, что индийские дети намного более самостоятельны в таком же возрасте — почему? Ведь они напротив, все время проводят рядом с родителями. Может, потому что те не вмешиваются в их игры? Indian child будто взрослеют в три-четыре. Нет, конечно, они тоже орут и бегают; но внимания к себе требуют не круглосуточно, а только если действительно что-то случилось. А еще наши дети игнорируют друг друга. Брат с сестрой могут разве что подраться; а индийские постоянно заботятся друг о друге, общаются, обнимаются... Надо приезжать сюда для обмена родительским опытом.

Быстрый душ, помахать на прощание хозяйке, поддержать за руку ее дочку — вечно счастливое, неунывающее существо, которое нимало не стесняется использовать постояльцев как коней или партнеров для игр; тормознуть автобус и влететь в него вместе со всей кучей вещей, отбить площадку у задней двери... Поехали!

Мимо несутся поля и скалы, боже, какие чудесные бухты — в любой из них хочется разбить лагерь хотя бы на пару месяцев. Острова, превращенные в частные владения — с мостами на «большую землю»; уютнейшие домики с крылечками, выходящими прямо на пляж; белоснежный песок и черные рифы, торчащие из него; длинное мелководье, где рыбаки ставят сети или втыкают свои места для сидения, типичные местные — палка с поперечными перекладинами.

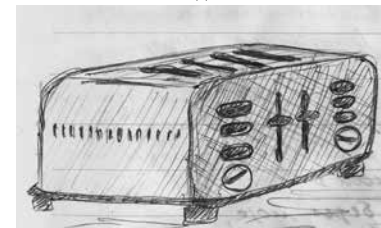
Палки порой совсем тонкие, так что рыбаки, балансирующие на них, выглядят странно — словно огромные птицы, уснувшие на одной ноге. В отеле мне как-то раз говорили, что подобный способ рыбалки устарел полсотни лет назад и больше не используется; хотя рыбаки охотно забираются на «насесть», в надежде на внимание со стороны туристов, которое можно будет монетизировать.

Вдоль дороги почему-то много кладбищ — не особо крупных, на пару могил. На остановках часто висят вмонтированные в бетон портреты юных военных с датами смерти в начале 90-х. Один из памятников особенно запомнился —

руки, торчащие из бетонной волны. То ли подарок спасателю, то ли собирательный образ утопающих. Волны тут такие, что небось только успевай вытаскивать...

Город Галла целиком — форт. То, что за пределами его стен, живет обычной жизнью шриланкийского города. А внутри крепости — восхитительная резервация, сохраненные и бережно отреставрированные датские кварталы. Меня перехватили на первой же улочке и предложили немедленно посмотреть их шикарное жилье за жалкие тысячу рупий. Я даже прошла с провожатым, но увидев опять шкаф, да еще и под началом весьма неприятного дядьки, улизнула, помахав рукой на прощание. А вскоре на главной улице меня остановил и властно вовлек внутрь здания прекрасный молочно-ванильный запах.

Длинный, очень приветливый юноша достал целый противень восхитительных кексов в небольших бумажных «юбочках» — их запах сводил меня с ума настолько, что я не сразу начала обращать внимание на то, что вокруг. А стоило бы. Дом, куда я вошла, оказался миленьким светлым отельчиком в бело-синих морских тонах. Когда я смогла отклеить себя от кухни, мне были показаны несколько комнат — общая на четыре кровати под белоснежными балдахинами и две индивидуальных, с личными балконами и небольшими столиками перед распахнутыми окнами... Они открылись всего месяц назад, все вокруг потрясюще новенькое; свежее дерево и краска, приветливость и уют. Даже довольно высокая цена — полторы тысячи за кровать — меня не отпугнула. Тем более, что вместо скидки меня угостили чудесными кексами, на чей запах я сюда и заманилась.

← [слева] А в общей зоне стоит общественный тостер, которым можно делать свои личные завтраки.

← [справа] Обертку от первого кекса, подаренного мне добрым парнем, я сохранила.

И в остальном сервис отеля меня очень порадовал. В небольшом уютном холле с открытыми настежь дверями — бесплатный чай в любое время дня и ночи, и потрясающие кожаные диваны перед огромным плазменным экраном!

Я кинула вещи, бегло пообщалась с кулинарно одаренным портье и пошла гулять. Дождик накрапывал еще когда я искала отель; после того, как я высунулась на берег, он полил по-настоящему. Я застегнула сумку с деньгами и документами, накрыла ее большим древесным листом, а другим — фотоаппарат; обувь я оставила в номере, предвидя такой расклад, и целый час бродила по теплым мостовым, сводя с ума туктукеров. Зачем они могут быть нужны ВНУТРИ стен, если диаметр старого города от силы полтора километра? Мокрая босоногая белая вызывала у них нестерпимое желание помочь «всего за 300₹». Хе-хе. Фигушки.

Отличная прогулка! Сняла еще денег, заглянула в пару местных «музеев» (как правило — весьма хаотичное собрание местной старины с подписью «не продается» и большой зал с платными украшениями, куда собственно, туристов и заманивают). Прайс заставляет волосы шевелиться — фенечка из ниток ценой в суточное проживание в моем отеле.

Потеря ключа в моем отеле карается пенни в целую тысячу — единственная для всех дверь запирается на электронный замок, и у каждого постояльца свой.

Изрядно вымокнув и замерзнув, я решила вернуться. О-о-о, горячий душ! Не жалкой струйкой, как обычно — настоящим потоком! Сижу, мытая, добрая, с чаем и булочкой; наверху под вентилятором (у каждой кровати своя лампочка и фен) сохнут вещи... Как прекрасен холод снаружи при возможности сидеть с теплой чашкой и смо-

треть фильмы! Мягкий диван с высокими подушками, перед ним скамейка для ног — и отличная картинка в двух метрах, на огромной плазме. Из домашнего я переоделась в сари, вызвав тихий, сдержанный восторг у моего длинного знакомого. Парень угостил меня хлебом с джемом, научил пользоваться тостером (тем самым, что на предыдущем развороте) и посоветовал не стесняться, если мне что-то понадобится в холодильнике. Я в ответ помыла за собой посуду (ужасно его удивив и растрогав) и сделала нам обоим чай. Показывали вести с Украины, я расстроилась, попросила переключить канал. Зайчик кликнул на какую-то постельную сцену, моментально переключился, покраснев и жутко смутившись. Сели любоваться на голливудский фильм, посмеявшись, что у него недурная работа — весь день болтать за чашкой чая с симпатичными девчонками из Европы, да клацать по клавишам.

Но как же здорово валяться и смотреть один за другим мультики про умную овцу, время от времени подливая себе свежего чая! И первых «Пиратов», ура! Мне достался пульт — юношу сманила другая постоялка, попросив показать ей ближайшие национальные парки на карте, это надолго...

24 февраля. Galle

Ночью меня внезапно накрыло паранойей, и я полезла проверять билеты. Исследование дало неожиданные результаты. Оказывается, я привыкла к am/pm системе и забыла, что в моей стране исчисление времени 24-часовое. То есть, 4 часа — это всегда ночь. Нет у меня дня в Коломбо. С этой мыслью я и отрубилась.

Разбудил меня невыносимый будильник из соседней комнаты; пробормотав «Shut up, crazy chicken!» я попыталась доспать — но тут в комнаты начали водить новых постояльцев, и я смирилась, решив приятно потупить внизу.

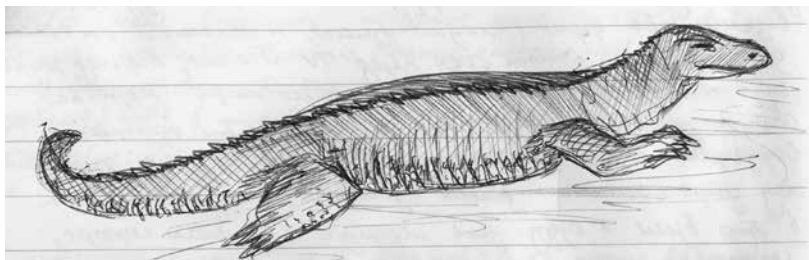
В итоге тупка вышла настолько успешной, что гулять я пошла в самую жару — понадеявшись на вчерашний дождь, зато босиком. Я прогадала дважды. Во-первых, от дождя не осталось и следа; даже в канавах листья выглядели так, будто ни о какой воде никогда не слышали. Земля же высохла абсолютно. Во-вторых, босиком по раскаленному асфальту — это ой! Даже ой-ой-ой! Зато внезапно нашла подтверждение с детства известному факту о том, что черный цвет поглощает лучи, а белый их отталкивает. Никогда в это толком не верила, но выяснилось, что по полосам разметки на солнечных участках я еще могу идти, попискивая, а на черных асфальтовых кусках начинаю сразу поджариваться.

На обед купила себе полкило мороженого и даже успела половину съесть до полного таяния, и еще четверть запихала в себя насильно. Остатками планирую осчастливить первого встречного кота. У меня осталось немного свободных денег — раз я не стою в Коломбо, расчетная сумма на сегодня удваивается; можно усесться перед экраном и заказать ланч из соседнего отеля, раз уж наш длинный зайчик готовит только булочки и кексы... Ощущение, что завтра (!) день закончится самолетом домой (!!), а послезавтра в это время я уже буду мерзнуть в родном городе, периодически накрывает до колотящего сердца. Никогда раньше не думала, что простая мысль о чем-то может так сбивать с ног. Я так выросла сюда, эти несчетные дни в общем-то пролетели ужасно быстро; эта жизнь стала привычной для меня, а дома... поменялось довольно многое. Свежесть ощущений, как в детстве — когда наутро уже день рождения, и ты пытаешься с одной стороны немного надкусить эту радость, представив ее себе, а с другой стороны — не думать, чтобы это время прошло быстрее. Ага, не думаешь, но случайно глядя на часы, мысленно подпрыгиваешь: еще полторы минуты прошло!

Взрослые как-то не радуются. К чему радоваться неотвратимости времени? Конечно, то, что ты ждешь, настанет. И пройдет. И забудется под слоем новых впечатлений.... Опыт — страшная штука. Но полгода вдали от всех недурно обнуляют. Посмотрим, на сколько хватит свежести впечатлений.

Болтаю ногами в воде с берега — остужаю. Вода классическая тропическая — нежная, зеленоватая, прозрачная и очень теплая. Думаю про минус три и серое небо уже через пару дней, и... не жалко. Оно же останется тут, это теплое море. Ждать меня.

Этот около метра. Ничего себе они тут вымахивают! Видела из автобуса картинку, как такого загнали на дерево — куча туристов с фотоаппаратами, а гид чем-то приманивает беднягу, и тот лезет, лезет — почти на метр в высоту уже поднялся. Плохо быть безобидным, над крокодилом никому бы не пришлось в голову так издеваться. ↓

Все равно денег осталось многовато, так что я купила еще талька для тела, сандал и розу. Думаю: потом решу, кому. На выходе из магазина еще раз понюхала ароматную баночку, и в тот же миг поняла: себе. Никому не отдам. Тальк втирается бесследно, лишь чуть-чуть осветляя кожу, делает ее бархатистой и оставляет легкий флер запаха. Индийские женщины знают, как быть женственными!

Network Cartoons в высшей степени странные. Ладно, оставим в покое вопрос, можно ли такое смотреть детям — у них психика устойчивая к мельканию картинок. Но что там принимают авторы для стимуляции своей фантазии? Без пылесоса такое буйство красок из пальца не высосешь...

По телеку показывают еще один способ ношения сари. Очень простой: нужно вполовину меньше ткани и пышная юбка. Поверх юбки делается полоборота, распахнутые спереди, остаток сразу узким хвостом накидывается на плечо. И традиции соблюдены, и вид совершенно европейский.

Порой среди вещания попадают ланкийские клипы. На фоне индийских выглядят, как детский утренник по сравнению с постановкой в Большом Театре. Внезапно осознала (по контрасту), что люблю индийскую музыку. То, что мне нравилось в местных кафе, на поверку неизменно оказывалось индийским.

У меня появился сосед — француз, фотограф, дизайнер, мой ровесник. Как же легко говорить о чем угодно с теми, кто на одной волне с тобой! Я порой абсолютно забываю, на каком языке мы говорим — если и возникают какие-то сложности в подборе слов, они разрешаются двумя-тремя аналогиями или пантомимой. И как же дьявольски приятно общаться без напряжения! Касаться тем, связанных с сексом, так же легко и походя, как и тысяч других. Не чувствовать зависимость собеседника от тела, от твоих движений, от своих мыслей... Два свободных человека, мы не пытаемся выманить друг у друга что-то большее, чем позиционируем на словах, и общаемся лишь потому, что это доставляет нам обоим удовольствие. Я мало ценила такой уровень общения дома, меня избаловали мои замечательные друзья.

Но висящую на его кровати майку, пропитанную потом, я понюхала с удовольствием. Черт, как же давно я ночую с ножом в кровати вместо мужчины...

А тем временем стемнело, и день кончился.

25 февраля. Galle – Colombo

Вчера выбрались погулять вместе с французом Тибо; домой я шла, напевая, по высоким парапетам. Он пытался меня подбросить вместе со своим другом, но

я замахала на них руками — тут смешные расстояния, дайте погулять. Утром я понаслаждалась видом юноши топлес, в сарунге снизу, и решила нести эту добрую весть дальше. Так что вышла за пределы городка, на настоящий рынок, и начала перебирать тряпки. В одном ларьке они были чудовищно унылых расцветок, зато милый дядя назвал за них реальную цену: 350₹, меньше ста рублей. В другом цвета были веселее, но цену за них заломили сразу 500₹. Впрочем, легко согласившись, что они офонарели. А вот дополнительную скидку еще в 50₹ пришлось вырывать зубами — но ведь так соблазнительно выглядела цена в 1000₹ за три сарунга!

В этот раз на поезд я купила билет даже не во втором, а в третьем классе. Какая разница, я все равно в дверях сижу. Удобная площадка, струйки пота по спине, до железа невозможно дотронуться; пахнет свежевystиранной одеждой (моей!), раскаленным железом, железнодорожным мазутом, жвачкой со вкусом... с неопределенным вкусом, но нарисована клубника. И-и-и — погнали!

Ветер с моря раскачивает вагон, продувает его насквозь, сдирает липкую жару с тела, приносит запахи — сладких цветов, рыбы, канализации. Подошедший полисмен не спросил у меня билет. Лишь проверил, хорошо ли стоит мой багаж, и потребовал быть very careful.

На местных открытых станциях часто стоят аквариумы с огромными грустными рыбами. Света у них (кроме дневного) обычно нет, так что они смутно белеют в глубине мутного ящика с окошком.

Пересадка из поезда в автобус вышла стремительной — я даже поесть не успела. Жарко, я с рюкзаком, это центр, полно людей, все хотят знакомиться или денег; я огрызаюсь и расстраиваюсь из-за этого... решила, что не помру без еды или если что потрачу чуть больше в аэропорту, и поехала напрямик к самолету. Ворочаюсь на идеального размера стульях (три в ряд дают возможность поспать, даже почти вытянувшись, и никаких тебе подлых подлокотников), периодически вспылками паникую, то ли сегодня число, тот ли аэропорт, нужный ли год и моя ли планета.

По-настоящему срубать начало, конечно, только к самому моменту вылета. Отстояла несколько очередей, сдала багаж (ура! все кости едут с нами!), поставила штамп на выезд. Очереди из хмурых ругающихся семейных россиян вызывают тоску и отчаяние — там, куда я еду, их будет все больше. В обычной жизни я мало контактирую со среднестатистическими соотечественниками — большинство моих друзей имеет статус «гражданина мира» и в России выделяется в толпе значительно сильнее, чем в Европе. Но это все фигня по сравнению с тем, что я сижу у последних ворот с холодным Nescafe в пакетике. Три часа до вылета.

SriLankaAirlines выбрала своим логотипом взлетающую птицу, а сари стюардесс делает их похожими на изящных павлинов: голубое, аккуратно собранное и с «глазами» на ниспадающем хвосте. Ужасно красиво. Хочется утащить одну из них в туалет и размотать на сувенир. Или прямо даже целиком выкрасть.

Обязательно выражу брату благодарность за подаренную обложку к паспорту. Мой Intergalactic Multipass неизменно вызывает восторг у всех таможенников (кроме родных, конечно, — у наших аллергия на любые обложки).

Самое простое (и удивительное) что я осознала за эту поездку — нет ничего более интересного, чем просто ехать. На каждой достигнутой точке, городе, высоте я сразу начинала смотреть в карту с вопросом, куда бы дальше. Нет ничего круче, чем катить в неизведанное место, свесив ноги в солнечный ветер и жуя что-то вкусенькое.

Два часа. Нас запустили в какую-то VIP-зону, где среди мягких кресел я внезапно обнаружила стойку с компьютером и интернетом; вынырнула я, когда хвост очереди на посадку скрылся в коридоре-кишке. С размещением вышла какая-то путаница, мое место оказалось занято. Стюардесса предложила мне не сгонять наглую захватчицу, а занять ее место — оценив, что я должна была сидеть в проходе, а оказываюсь у окна, небрежно согласилась. Пристегнулись, выключили айпадики (а мой бумажный дневник можно не выключать, уруру, бумага опять победила!), рулим... Темнота почти ночная, хотя уже пять. Я встречу рассвет в воздухе.

Как же быстро и неотвратно совершается то, чего ждешь с таким трепетом и замиранием сердца... Как же важно уметь наслаждаться процессом, а не целью — из дороги и состоит жизнь, а моменты достижений (или падений) — всего лишь мгновения, яркие точки. Если пытаться составить судьбу только из них, она бы вышла удручающе короткой.

До рассвета все еще далеко, даже на высоте никаких признаков. Звезды обступают со всех сторон; снизу они кучные и мигают — там просыпается Колombo. Сверху холодные и неподвижные, пока они все еще не складываются в привычный рисунок северного полушария.

Жадная AirArabia бесконечно долго раздавала еду, дразнила запахом курицы. Конечно, выяснилось, что ничего бесплатного в минимальный пакет не включено. Жлобы, это при девятичасовом-то полете! Нежно люблю LuftGanz'u, у которой при случае можно и добавки попросить. Улыбчиво обругала стюарда, тот привычно извинился за скупость своей авиакомпании.

Шикарный рассвет показывают, конечно, не с моей стороны самолета. Зато у меня горы, подсвеченные первыми лучами! Кресла в этом самолете идеально

спроектированы — спать в них больше часа нереально ни в какой позе, даже йог бы не проспал красоту восхода.

Пересадка в Шарже. Конечно, никакого бесплатного интернета у арабов нет — спасибо хоть, что автобус возит от здания до трапа, не требуя денег. Таможня в очередной раз поржала над обилием у меня амулетов — я же на сканировании как елка свечусь, и звеню, как железнодорожный переезд. Пересадка короткая, пара часов — документы на выход, документы на вход, утряска багажа и проверка билетов... Вот и все.

Так странно видеть на куцей карте, по которой мы летим, Колпино, отмеченное как важный пункт, наравне с Хельсинки. В журнале обо всем мире в России отмечено четыре города must see: Москва, Казань, Ростов-на-Дону и Рязань.

Ну что ж. Посетим.

До прилета остался час. Всего лишь час. ЧАС!

Я перечитала этот текст несметное число раз — когда перепечатывала, при правках и вычитках, при сверке и исправлении мелких ошибок верстки, уже в конечном варианте, собранном в книгу... И меня каждый раз изумляло его настроение. Нет, книга написана максимально честно, и все было именно так... но общее ощущение мне бы хотелось подправить. Все-таки это дневник, и без некоторого количества соплей он был бы неполон.

Это путешествие вовсе не было легкой веселой прогулкой, и я вовсе не ощущала уверенность в себе всю дорогу, от начала до конца. Уверенности, если быть точной, не было вовсе. Я уезжала в Индию раздавленной; чувствовала себя слабой, потерянной, ненужной, глупой, неумелой. Каждый день, каждую минуту я ощущала свою чуждость и нелепость. Я не могла сказать себе утром, где я окажусь к ночи; не знала, смогу ли связаться вечером с друзьями или пробуду еще несколько дней в изоляции. Часто я не могла заснуть, потому что мне было одиноко, страшно, тоскливо; иногда меня накрывало днем, и я оглядывалась с потерянным видом: «Зачем я здесь?» Я ведь уехала, чтобы найти себя, а эта дорога редко бывает уютной.

Мне ужасно везло все путешествие — люди и события будто сами собой нанизывались на общую нить; эта книга — как ожерелье из сотен деталей, подобранных в пути. Но мне не было спокойно; все эти пять месяцев я мечтала о возвращении. Я просто знала, что если пройду дорогу полностью, сношу свои железные сапоги — всё получится. И едва ли я могла себе с уверенностью сформулировать, что это «всё».

И ведь получилось. Я очень выросла за этот год, очень изменилась — Индия, и сама дорога, помогли мне, именно так, как и обещают в книжках. В любой непонятной ситуации отправляйтесь путешествовать — это правда работает. Просто мне бы хотелось подчеркнуть отдельно. Если вам кажется, что вы в путешествии болтаетесь, как мандарин в пустом багажнике, а «кое-кому, вот мы же читали, было легко и приятно» — туфта всё. У всех одно и то же. Зато если не сдаваться и пройти дальше — там победа.

И еще кое-что. У этого пути есть имя. Посвящением принято начинать книгу, но мне хочется, чтобы эти строки прозвучали в эпиграфе. Эта книга от титульного листа до последнего форзаца посвящается тому, из-за кого я отправилась в эту дорогу. Тому, кто много, много раз за поездку (и еще много, много раз после) выбивал из меня слезы — то от мучительной радости, то от нестерпимой боли. Костик. Парус. Лучший человек, которого я знаю; худший из негодяев, с которыми я знакома.

Эта книга — тебе.

